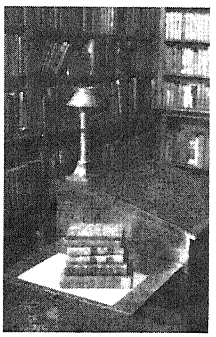
11 98-1
280-4 т.3

ОЧЕРКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XIX ВЕКА

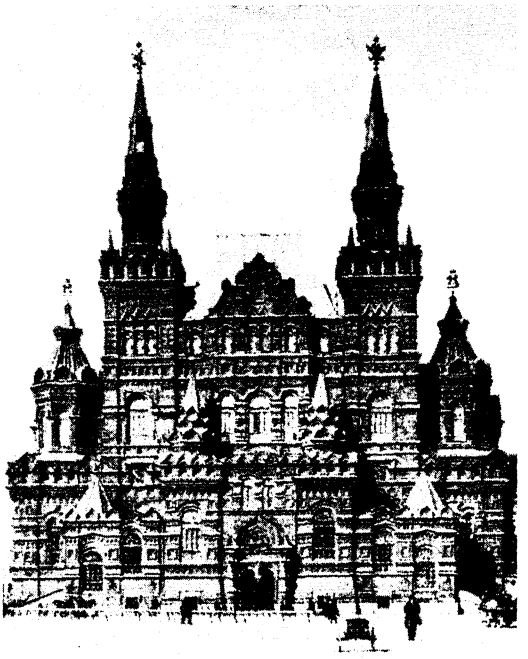


МГУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА



ОЧЕРКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ



ОЧЕРКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XIX ВЕКА



Культурный потенциал общества

Издательство
Московского университета • 2001

УДК 008(091)
ББК 63.3(2)
О-95

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
2001

Редакционная коллегия:

Л.Д. Дергачева, Л.В. Кошман (руководитель проекта),
Д.В. Сарабьянов, Е.К. Сысоева, В.А. Федоров,
И.А. Федосов, Н.И. Цимбаев

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 00-01-16044



О-95 **Очерки** русской культуры XIX века. Т. 3. Культурный потенциал общества. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. — 640 с.
ISBN 5—211—04220—4 (Т. 3)
ISBN 5—211—03939—4

Данная книга продолжает шеститомную серию «Очерков русской культуры XIX века» и посвящена изучению культурного потенциала общества. В ней рассматриваются система общего и специального образования, развитие книжного дела, периодики, музеев, системы функционирования книги.

Для историков, филологов, студентов гуманитарных вузов и лицеев, а также для всех интересующихся историей отечественной культуры.

УДК 008(091)
ББК 63.3(2)

© Коллектив авторов, 2001 г.

ISBN 5—211—04220—4 (Т. 3)
ISBN 5—211—03939—4

Богатые руды скрыты
в почве народной, и школа
даст им выйти на Божий свет

Д.И. Менделеев

ВВЕДЕНИЕ

Культурный потенциал общества представляет собой обобщенное понятие в системе функционирования культуры, является одним из важных показателей ее способности к распространению в различных социальных слоях и к дальнейшему развитию при наличии определенных социально-экономических и политических условий. Он включает как структуры, формирующие образованный общественный слой (различного типа и вида школы), так и социокультурные институты и средства, с помощью которых могли использоваться получаемые знания (книгоиздательство, периодика, книжная торговля, библиотеки, музеи).

Понятие «культурный потенциал» достаточно новое для историко-культурных исследований последних десятилетий. В частности, как одна из составляющих культурно-исторического процесса он рассматривался на всероссийских конференциях по провинциальной культуре, проходивших в первой половине 90-х гг. в Москве и других городах. Данный термин включен в современные справочные издания[1].

Сложившаяся в России в XIX в. система образования и культурно-просветительских учреждений созда-

вала предпосылки и возможности функционирования в обществе культуры, ее распространения в различных социальных слоях. С одной стороны, она была результатом демократизации культуры, характерной для историко-культурного процесса XIX в., особенно пореформенного времени, а с другой — выполняла роль своеобразного посредника в системе «творчество — передача — потребление». Данная социокультурная связь является определяющей в системно-функциональном изучении отечественной культуры XIX в.

Очерки данного тома, являясь внутренне самостоятельными, концептуально связаны с материалами предшествующих томов[2]. В них более детально исследуется интеллектуально-духовная жизнь общества на протяжении столетия; дальнейшее освещение получила проблема взаимоотношения власти и культуры; рассматривается направленность политики правительства в сфере народного образования, как общего, так и специального; взаимоотношение государственных институтов и церкви в этой области; финансирование системы просвещения, контроль за производством и распространением книг, газет, журналов.

Том открывает серия очерков о системе образования, так как именно образование создает необходимый фундамент для функционирования культуры в целом, востребованности книг, журналов, газет, распространения библиотек, музеев, в конечном счете для духовно-интеллектуального прогресса общества. Образование является посредником между индивидуумом — создателем культурных ценностей и обществом — их потребителем в передаче и сохранении накопленного знания, а в более широком смысле — культурного наследия. (Издательство Л.Н. Толстого так и называлось — «Посредник».)

Школа — главный институт в системе образования, способствующий распространению через книгу письменной культуры. Она усиливает интеграционные процессы в обществе, укрепляет связи между традиционной и инновационной культурой, между деревней и городом. Грамотность, которая дает человеку возможность общения с книгой, развивает его любознательность, стремление к самообразованию, приобщает к профессиональным знаниям, является не только фундаментом образованности вообще, но и необходимым условием интенсификации общественно-культурной и политической жизни.

Степень образованности человека определяет многомерность видения им мира, происходящих в нем социальных перемен, помогает выработать более осознанную гражданскую позицию, свое отношение к происходящим событиям.

Потребность народного образования в основном в форме элементарной начальной школы в XIX в. осознавалась и правительством и общественностью. Практически необходимость повышения уровня грамотности особенно стала ощущаться после отмены крепостного права в условиях развития новых общественных отношений. Государство и общество в период начавшейся модернизации и роста промышленности испытывали огромный дефицит в грамотных кадрах как на общеобразовательном, так и на профессиональном уровнях. Именно поэтому народная школа фактически могла возникнуть и возникла в России только в пореформенное время.

Развитие учебных заведений всех типов и уровней, особенно начальной школы, зависело не только от политики правительства. Отношение общества к просвещению народа, самого народа к своему образованию во многом определяло практику работы школы. Важным показателем и одновременно условием ее успешной деятельности была степень социальной значимости образования.

Отдельные очерки рассматривают состояние народной школы, гимназий, развитие университетской системы, преобладающей формы высшего образования в России на протяжении всего XIX в. Являясь учебными центрами, университеты концентрировали крупнейшие научные силы, во многом были показателем уровня научного потенциала страны в области фундаментальных наук.

В развитии культуры наука занимает важное место, определяя интеллектуальный уровень общества. Она вооружает человека силой, которая сама по себе не создает новых видов материальных ценностей, но способствует их появлению. Наука требует особой квалификации, нуждается в подготовке специалистов, что обусловливает появление особых институтов для обеспечения этой деятельности. Русская наука XIX в. знает много имен замечательных ученых, а созданные ими труды, научные школы составляют лучшую часть нашего культурного наследия.

В очерке о профессионально-техническом образовании в России представлена картина его развития на протяжении столетия, показано отношение к этой сфере просвещения правительства, общественности, самих предпринимателей. По мере роста и углубления модернизации общества, развития цивилизационных процессов это отношение менялось в сторону большего внимания к нему. Степень развития профессионально-технического образования отражает уровень культуры материального производства, позволяет уяснить реальное состояние общего и специального образования работников в области промышленности, транспорта, го-

родского хозяйства, в первую очередь мещанства, составлявшего основную массу горожан.

Женское образование (начальное, среднее и высшее) рассматривается в очерке значительно шире, чем просто обучение. Большое внимание уделено автором проблемам воспитания. В очерке показана эволюция в обществе взгляда на женщину — первую воспитательницу нового поколения, переоценка самой женщиной своей роли в семье и обществе.

Обзор учебных заведений духовного ведомства — школ, дававших элементарную грамотность, семинарий, духовных академий, готовивших служителей клира, — представлен в очерке «Духовная православная школа», который завершает тему просвещения в России в XIX в. В очерке поставлена проблема места духовного образования в системе просвещения XIX в., культурно-просветительской роли духовенства.

Ряд материалов настоящего тома связан с изучением сфер культурной жизни, степень востребованности которых определяет уровень культуры общества: книга, периодика и их читатели; библиотеки, музеи, выставки и их посетители.

Показатели грамотности народа, степень его образованности, взятые изолированно, дают неполное представление о культурном уровне общества. Объективная картина состояния культуры может сложиться лишь при понимании того, сколь эффективно функционирует система просвещения. Отрыв творчества личности писателя, художника, композитора от потребления его результатов обществом лишает культуру среды бытования. Более того, приобщение к профессиональной культуре новых слоев населения, обусловленное ее демократизацией, обеспечивает развитие культуры. Расширяется круг не только потребителей, но и создателей культурных ценностей, что способствует возникновению предпосылок для интенсификации культурного процесса в целом.

Потребление культуры обусловливается возможностями реализации полученного образования в практической жизни. Возникают вопросы: насколько велика у народа потребность в чтении? кто читал и что читали? какими путями книга доходила до народа? каков ареал распространения периодической печати, круг наиболее востребованных читателями изданий? Ответы на них помогают понять социальные возможности реализации полученной в школе грамотности, удовлетворения появлявшейся потребности самообразования, складывания условий для превращения «темного» и «серого» индифферентного обывателя в гражданина, сознательного, активного члена общества.

В этих очерках кроме перечисленных ставятся и такие проблемы, как функционирование книгоиздательского дела и книжной торговли, развитие прессы как отражение интенсивности и сложности общественной жизни, появление новых профессий, связанных с обслуживанием этих сфер; развитие музеев, вокруг которых концентрировались общественные слои, постепенно осознававшие необходимость бережного отношения к истории и культурным традициям.

Изучение культурного потенциала русского общества способствует созданию объемной реальной картины культурной жизни России в XIX столетии. При всей важности вершинных достижений культуры приоритетным в ней становится состояние культурно-образовательного уровня демократических слоев народа как в городе, так и в деревне, которые были основными участниками общественно-политической жизни в России на рубеже столетий и в XX в.

* *
*

Настоящее издание является третьим томом в шеститомной серии «Очерков русской культуры», осуществляемой лабораторией русской культуры исторического факультета Московского университета совместно с учеными Москвы и других городов России. Сотрудниками лаборатории проведены общее научное редактирование и подготовка рукописи к печати.

Иллюстративный материал подобран *Л.А. Александровой, В.А. Ковригиной, И.В. Щеблыгиной, В.В. Пономаревой.*

Именной указатель составлен *Л.А. Александровой, Н.Г. Князьковой, В.А. Ковригиной, Е.К. Сысоевой.*

---

[1] Культурология: Энциклопедический словарь. Ростов-на-Дону, 1997.

[2] Очерки русской культуры XIX в. Т. 1. Общественно-культурная среда. М., 1998; Т. 2. Власть и культура. М., 2000.



Е.К. Сысоева

НАРОДНАЯ ШКОЛА

Исторически сложилось так, что в развитии системы просвещения в России начиная с XVII в. главное внимание обращалось на высшее образование, и уже в XVIII в. был создан университет и при нем гимназии. Проблема первоначального обучения в государственной школе встала перед правительством и обществом ближе к концу XVIII в., с одной стороны, в связи с распространением в образованных кругах гуманистических идей — составной части мировоззренческой системы Просвещения, с другой — в связи с осознанием правящими кругами необходимости «воспитания юношества с младых ногтей». В 80-е гг. была проведена реформа, направленная на создание системы общеобразовательной школы, рассчитанной прежде всего на городские слои. Идеи бессословности, светскости образования, преемственности обучения, заложенные в проект учебной реформы Ф.И. Янковичем де Мириево, были выдвинуты эпохой Просвещения. Однако, несмотря на распространение в определенных слоях общества идей просветительства, политика правительства в области просвещения была строго сословной. Важное место в ней, а также в общественной полемике

заняли вопросы, связанные с задачами начальных ступеней общеобразовательной школы, широтой и направленностью курса первоначального обучения.

Система просвещения является важным средством распространения культуры. Фундамент ее составляет сеть начальных общеобразовательных школ. Грамотность формирует мышление, дает человеку возможность общения с книгой, значение которого трудно переоценить: книга развивает любознательность, приобщает человека к мировым ценностям науки и культуры, первичные познания общего характера способны развить стремление к продолжению образования, позволяют более сознательно воспринимать и оценивать общественные явления.

В XIX столетии доступность начального образования различным социальным слоям, отношение к нему государства и общества, объем, глубина и прочность полученных учащимися знаний, возможности их реализации в жизни, наконец, степень преемственности обучения в начальной и средней школе представляют важные составляющие процесса формирования социокультурного потенциала общества.

Одним из проявлений либерализма александровской эпохи стало преобразование системы начальной школы, основы которой были заложены в конце XVIII в. К началу XIX в. в России насчитывалось 315 училищ, в которых обучалось около 20 тыс. учащихся[1]. В 2-классных малых училищах обучали чтению, письму, счету, изучали сокращенный катехизис, Священную историю, начала грамматики. Четырехгодичный курс главных училищ отличался известной энциклопедичностью: он включал грамматику, всемирную и российскую историю, географию, основы геометрии, механики, физики, гражданской архитектуры. Однако созданные школы не нашли в обществе того отклика, на который рассчитывали просвещенные реформаторы. Проверка состояния училищ в 90-е гг. показала, что старшие классы главных училищ почти пусты. Дворяне не хотели обучать там детей, так как при всей широте курса эти школы не открывали перспектив для государственной службы. Средние слои населения также не находили для себя в их курсе «никакой корысти». Малые школы не удовлетворяли городское общество своим общеобразовательным характером, поэтому купечество и мещанство тяготилось обязанностью их содержать[2].

Однако время предъявляло свои требования к уровню образования населения. Усложнение аппарата государственного управления поставило проблему необходимости повышения образова-



Михаил Никитич Муравьев

тельного ценза для чиновничества (с 1809 г. вводится даже экзамен на чин); распространение новых агротехнических приемов упиралось в слабую просвещенность провинциального дворянства и неграмотность крестьянства.

Важной вехой в развитии образования в начале XIX в. стало создание в 1802 г. Министерства народного просвещения — первого в истории России центрального органа, регулировавшего развитие образования. Его главой стал П.В. Завадовский. В состав министерства вошли передовые люди своего времени: члены Негласного комитета — Н.Н. Новосильцев, П.А. Строганов, А.А. Чарторыйский; попечитель Московского университета М.Н. Муравьев; С.О. Потоцкий, Ф.И. Клингер; академики и профессора — Н.И. Фус, Н.Я. Озерецковский.

Империя делилась на 6 учебных округов во главе с попечителями. Система управления всеми учебными заведениями основывалась на строгой подчиненности по вертикали. Первыми попечителями округов были в основном люди прогрессивных убеждений: Н.Н. Новосильцев, М.Н. Муравьев, А.А. Чарторыйский, Ф.И. Клингер, С.О. Потоцкий, С.Я. Румовский. Это были поборники просвещения. Так, М.Н. Муравьев считал, что «свобода обра-

зования составляет фундамент, на котором созидается благосостояние народа»; Ф.И. Клингер, директор Кадетского корпуса, в конце XVIII в. составил проект учреждения народных школ во всех селениях России; акад. Н.И. Фус являлся одним из авторов училищного Устава 1804 г. Взгляды этих людей выражали идеи наиболее образованного слоя дворянства.

В журналах того времени печатались статьи — подлинные гимны просвещению. «Умножение познания» признавалось единственным средством сделать людей «мягкосердными, верными подданными и усердными исполнителями возложенных на них должностей». Только просвещение и познание считались способными содействовать успешному труду земледельца, заводчика и ремесленника; от просвещения «проистекали в обществе мир, тишина, спокойствие и изобилие», в то время как невнимание к нему «порождало страшные неустройства»[3].

В разработке нового устава учебных заведений приняли участие представители научной интеллигенции, профессора Московского университета Н.Я. Озерецковский, С.Я. Румовский, Н.И. Фус и др. Устав учебных заведений 5 ноября 1804 г.[4] отразил многие передовые идеи педагогики. Главными из них были декларировавшиеся бессословность и светский характер образования, преемственность учебных планов, гуманистические принципы воспитания, наконец, бесплатность обучения.

Реформаторы увидели путь развития школьной системы в том, чтобы преобразовать главные училища, связав их с университетом, и заинтересовать в них дворянство; элементарная школа, достаточная для податного населения, должна была иметь существенно сокращенную по сравнению с малыми училищами программу, что привлекло бы в нее низшие слои общества. Связующим звеном между 1-й и 2-й ступенью образования должны были стать преобразованные из малых уездные училища.

Главной задачей школы признавалось ее нравственное влияние на учеников. Учебные заведения низших разрядов — училища приходские, уездные — обладали преемственностью обучения и должны были готовить учащихся к переходу в школу высшей ступени[5]. В то же время начальная школа была призвана давать законченное образование тем, кто не пожелает его продолжать. Необходимо отметить, что в период распространения либеральных воззрений сохранялась сословность в системе просвещения: средним слоям населения давалось законченное элементарное образование; объем программ также учитывал сословное происхождение учащихся: в уездных училищах «дети различного состояния получали необходимые познания, сообразные состоянию их и про-

мышленности»; в приходских училищах «дети земледельческого и других состояний получали сведения, им приличные».

Впервые в истории России в каждом или в двух приходах учреждались приходские училища, финансировавшиеся городскими и сельскими обществами, а в помещичьих селениях — помещиками. Их курс составлял один год (6—8 осенне-зимних месяцев по 18 часов в неделю), в течение которого дети обучались чтению, письму, первым действиям арифметики. Чтение и объяснение «Краткого наставления о сельском домоводстве, произведениях природы, сложении человеческого тела и средствах к предохранению здоровья» давало понятия о явлениях природы и должно было бороться с суевериями и предрассудками. Приходское училище имело один класс и одного учителя. В случае большого количества учеников класс делился на 2 отделения, с которыми учитель занимался попеременно.

В училища, учреждавшиеся в уездных городах, принимались дети, освоившие курс приходского. Программа уездного училища, рассчитанная на два года (10—11 месяцев при 28 часах в неделю), поражает своей многопредметностью: Священная история, грамматика российская и местного наречия с чистописанием и правилами изложения; математика от арифметики до начал геометрии; основы физики, естественной истории, всеобщей и российской географии; рисование. Введение некоторых правил технологии применительно к местной промышленности приближало теоретический курс к занятиям населения. Для нравственного совершенствования читалась и объяснялась книга «О должностях человека и гражданина», рассматривавшая обязанности человека по отношению к его душе, телу и обществу. Дети, готовящиеся к поступлению в гимназию, знакомились с грамматикой немецкого и латинского языков. Училища имели двух учителей. Финансирование их осуществлялось городскими обществами с дополнением из государственной казны.

Административно-правовые нормы были выдержаны в духе довольно мягкого отношения к личности ученика и рекомендовали одинаково относиться к детям из бедных и богатых семей, быть ласковыми и требовательными, но не суровыми, заботиться о «развитии рассудка, нежели о изощрении памяти»; телесные наказания запрещались. В этих положениях устава нашли отражение наиболее прогрессивные, проникнутые гуманизмом идеи воспитания, характерные для эпохи Просвещения.

В уставе должное внимание уделялось обязанностям учителя, правилам его нравственного поведения. Предъявляя довольно высокие требования к учителю, устав, однако, мало заботился о его

материальном положении и социальном статусе. Работа в приходских училищах не считалась государственной службой и не давала права на пенсию. Оплата труда зависела от местных средств и была невысокой[6].

Кроме казенных школ существовали и частные, достаточно популярные в то время. В 1808 г. в 6 учебных округах действовал 91 частный пансион, где программа обучения включала начальное образование. В них насчитывалось чуть более 2,5 тыс. человек[7]. Разрешение на открытие пансиона давали университеты при наличии свидетельства об образовательном цензе. Выбор предметов свободный, по усмотрению учредителя, с обязательным преподаванием Закона Божия и русского языка. Не регламентировалось и домашнее обучение. Например, в Сибири домашними наставниками часто были политические ссыльные как наиболее просвещенные люди, так как, по свидетельству местных властей, «казенные училища редки и находятся в дурном состоянии»[8].

Все учебные заведения, как министерские, так и частные, были в ведении университетов, обладавших полным правом распоряжения учебными делами: учреждением новых училищ, представлением в Главное правление училищ кандидатур их директоров и утверждением кандидатов на учительские места, снабжением учебниками, осуществлением методического руководства. Попечителю округа подчинялись директора губернских гимназий, контролировавшие уездные училища и частные школы, а им — смотрители уездных училищ, ведавшие деятельностью приходских школ. Роль контролеров, ревизовавших учебные заведения в губерниях (не менее трех раз в год), исполняли визитаторы из числа профессоров университетов[9].

Устав 1804 г. был высоко оценен современниками. Н.М. Карамзин, например, отмечал, что заведение приходских школ есть истинное основание государственного просвещения[10]. Однако наметившийся сословный подход в распространении просвещения свидетельствовал о непоследовательности, осторожности во взглядах правящих кругов по этому вопросу.

Проведение реформы растянулось на многие годы. Предполагалось 1-й класс малого училища сделать приходской школой, программу 2-го класса расширить до объема курса уездного училища. Такое преобразование было делом непростым — открытие приходских школ затягивалось. Через 5 лет, в 1808 г., из 343 начальных учебных заведений 131 продолжало сохранять статус малого училища[11].

Приходские училища могли рассчитывать только на щедрость общества. Обращение к нему правительства не осталось без ответа.

Однако нельзя сказать, что пожертвования на начальные училища пролились благодатным дождем. Провинциальное дворянство начала века зачастую само не имело привычки к образованию — иные дворяне могли едва поставить свою подпись[12]. Кроме того, обычным было давать дворянским детям первоначальное образование дома, а дальнейшая их учеба связывалась преимущественно с военной или государственной службой. По данным различных источников, существенные пожертвования от дворян целых губерний поступали прежде всего на организацию дворянских военных училищ, гимназий и заведений Мариинского ведомства. На устройство начальных училищ денежные пожертвования были от отдельных лиц и более скромных размеров, но нередко выделялись дома под училища, книги и вещи[13].

Отчеты визитаторов свидетельствуют, что городские власти, в ведении которых находились приходские училища, не всегда охотно соглашались их финансировать. Порой они не желали даже обсуждать эту проблему, и лишь большие посулы иногда могли сдвинуть дело с мертвой точки[14]. Чтобы обеспечить уездные училища контингентом учащихся, по инициативе визитаторов при них открывали низшие отделения с программой приходской школы.

Обучение крепостных было делом воли их владельцев. Просвещенных помещиков, которые строили школы, выделяли средства на их содержание, готовили для них учителей, обучая за свой счет крепостных, было мало, и их деятельность не находила поддержки среди основной массы дворян. Иногда энтузиасты открытия училищ для крестьян становились объектом насмешек со стороны горожан и окрестных жителей. Так, в г. Лоцмено Смоленской губ. «полезнейшее намерение местного священника (по открытию училища. — *Е.С.*) стало предметом насмешек местных жителей»[15]. Невелико было и число помещиков, использовавших в хозяйстве грамотных дворовых. Как показал опрос помещиков Тульской губернии, большинство из них считали это дело для себя ненужным. Одни полагали грамотность «несущественной потребностью народа», другие видели в ней «отвлечение крестьян от занятий», а третьи — просто вред[16]. Поэтому школы для крепостных были редкостью.

Открытие уездных училищ также задерживалось. Их финансирование от казны носило чисто символический характер. Отчисления из бюджета на нужды всего народного образования были мизерными и имели тенденцию к сокращению: 1804 г. — 2,3, 1809 г. — 1,3, 1812 г. — 0,8, 1815 г. — 0,9%[17]. Главную ставку правительство делало на средства городских обществ и благотворительность общественности. В 1811 г. учреждается должность по-

четных смотрителей уездных училищ из местных помещиков, «наиболее расположенных к наукам и могущих по своей щедрости и достатку споспешествовать выгодам училищ». Они считались находящимися на государственной службе. Указом 1816 г. устанавливаются категории морального поощрения благотворителей — от занесения фамилии в книгу училища до вывешивания портрета. Визитаторы отмечали положительные сдвиги в деле образования в городах, где почетными смотрителями являлись «просвещенные дворяне»[18]. Однако это, по-видимому, было не часто, так как в 1808 г. на 486 городов приходилось 129 уездных училищ, а к 1825 г. из 686 городов 259 не имели ни одного училища, 250 — одно и лишь 12 городов имели более 10 учебных заведений[19], причем многие из училищ существовали только в отчетах.

Результаты преобразований на местах часто зависели от «расположения к просвещению» местных властей, от знаний и энергии людей, возглавлявших там учебное ведомство. Например, в Харьковском учебном округе менее чем за 10 лет работы училищного комитета открылось свыше 100 начальных училищ[20]. «Приверженность к просвещению» городских властей, усилия смотрителей способствовали притоку пожертвований, увеличению числа учащихся в школах. Напротив, «нерадение» смотрителей, надзирателей по хозяйственной части порой сводило на нет усилия городских обществ по благоустройству училищ, что сказывалось на отношении к учению горожан, которые не хотели отдавать детей в необустроенные школы. Равнодушные к делу образования градоначальники и губернаторы часто занимали училищные здания под присутственные места, госпитали, ярмарочные склады[21]. При обследовании училищ Новгородской, Тверской губерний визитаторы выявили неблагоприятное влияние «зависимости начальных школ от городских властей на их надлежащее устроение»[22]. В некоторых учебных округах визитаторы добились, чтобы смотрители училищ из купеческого звания, мало сведущие в этих делах, были заменены опытными педагогами, чтобы почетных смотрителей (без содержания) заменили действительными из учителей (с окладом)[23].

Министерство со своей стороны пыталось активизировать деятельность смотрителей уездных училищ по их контролю за приходскими школами. Однако это не встретило отклика, так как при обширности территорий уездов штатным смотрителям приходилось преодолевать большие расстояния, посещая приходские школы, а денег на прогон не давали. Из Владимирской, Костромской, Московской, Рязанской, Тверской, Тульской, Ярославской и других губерний пришли категорические отказы возлагать

на штатных смотрителей надзор за всеми приходскими школами уезда. Училищный комитет принял решение — обратиться к почетным смотрителям «из особого усердия к просвещению иметь смотрение за приходскими училищами»[24].

Успех всякой реформы, как известно, во многом зависит от наличия подготовленных кадров. К 1800 г. в России было лишь 790 учителей[25]. В докладе министра просвещения от 20 мая 1803 г. отмечалось, что в существующих семинариях не находится ни одного воспитанника, приготовленного к занятию учительских мест[26]. Специальных учебных заведений для подготовки учителей начальных школ не было. Уставом 1804 г. предусматривалась подготовка учителей приходских школ в особых классах уездных училищ, а преподавателей последних — в гимназиях. Понимая недостаточность этой меры, правящие круги изначально ориентировались на духовенство, призывая его содействовать «благоуспешному течению народного образования». В составленном Святейшим Синодом Положении обязанности преподавания в элементарной школе возлагались на церковнослужителей, окончивших семинарии, а власти должны были выделять школьные здания и обеспечивать учебными пособиями. В первые годы духовенство ревностно взялось исполнять возложенные на него просветительские задачи. Некоторые безвозмездно работали учителями, жертвовали школам дома и средства[27]. Во многих губерниях открылось по нескольку десятков училищ. Однако, как отмечал историк — исследователь учебных заведений А.С. Воронов, это был «временный порыв... Прекрасное начало не имело успешного последствия». Через несколько лет от этих училищ не осталось ни одного[28]. В дальнейшем церковнослужители редко шли на учительские места, несмотря на посулы и поощрения епархиальных властей. Возможно, по этой причине разрабатывавшийся правительством проект передачи сельской школы в руки духовенства в 1818 г. был отклонен самими церковниками: ректор Санкт-Петербургской духовной академии архиепископ Филарет (будущий митрополит Московский) заявил, что семинаристов не хватает для занятия священнических мест, а не только для учительской работы[29].

При недостатке специалистов министерством позволялось занимать учительские места в приходских школах всякому обладающему знаниями по курсу и имеющему свидетельство о нравственной благонадежности. В помещичьих селениях учителями могли работать и крепостные. С 1812 г. учительствовать допускались вольноотпущенные из купеческих и мещанских обществ[30]. В 1814 г. Синод разрешил всем церковнослужителям обучать детей прихожан чтению, письму и Закону Божию. В Училищный комитет

при Московском университете стали поступать сведения о частной педагогической практике церковников, не учившихся в духовных учебных заведениях. По свидетельству визитаторов, в приходских школах учили «как кому надобно, а не таким образом, чтобы ученики могли затем поступать в уездное училище». По-видимому, население в ряде мест было удовлетворено этим минимумом знаний и царившей в этих школах более свободной атмосферой, нежели в казенном училище. Таким образом, деятельность церковнослужителей невольно «подрывала учебные заведения, основанные по Уставу». Однако запретить ее училищное начальство не могло. Более того, распоряжением министерства от 13 мая 1814 г. священники, занимающиеся обучением грамоте на дому, освобождались от налога, распространявшегося на частные школы[31]. В других местах, напротив, горожане с большей охотой отдавали детей в школы со светскими учителями именно потому, что частные школы не готовили к продолжению образования[32].

В поисках решения проблемы учительских кадров правительство попыталось возложить преподавание на само общество, в связи с чем обратило его внимание на распространенный в Европе ланкастерский метод обучения. Этот метод давал возможность одному учителю с помощью подготовленных учеников контролировать одновременно обучение до 250 учащихся. В 1819 г. министр просвещения докладывал, что «эта мера будет общим для всего государства учреждением, по которому откроется средство... обучения для всего нижнего и бедного состояния людей»[33].

В том же году в Петербурге открывается Общество учреждения училищ по методу взаимного обучения (по системе Ланкастера), которое основало в столице первую школу. Некоторые его члены одновременно состояли в одной из декабристских организаций — «Союзе благоденствия» — и оказывали определенное влияние на просветительскую деятельность этого общества, что вызвало подозрение министерства. В 1823 г. общество распалось. Основанное им училище просуществовало до 1827 г., когда из-за недостатка средств было закрыто. Практика работы ланкастерских школ оказалась сложнее, чем предполагалось вначале; появились случаи отступления от программы: кроме элементарной грамоты преподавали историю, географию. Министерство пыталось подчинить эти училища контролю смотрителей, что тоже оказалось невыполнимым[34]. Кроме того, массовое обучение требовало больших средств, да и такого количества желающих учиться не было[35].

Проблема учительства заключалась не только в количестве преподавателей, но и в способности их работать по системе, гуманистические идеи которой декларировались уставом. Рекоменда-

цию развивать мыслительные способности учеников, а не «тренировать» память заучиванием не просто было выполнить при существовавших в то время учебниках, основу которых составляли сухие абстрактные определения, недоступные детскому восприятию и рассчитанные на механическое запоминание[36]. Большой вклад в борьбу с традиционными методами обучения внесли визитаторы. В частности, они советовали учителям применять объяснение материала[37]. Профессор Московского университета И.Ф. Тимковский выступил за соединение опроса с изложением нового материала. Встала проблема замены по некоторым предметам учебников другими, более конкретными. Однако поставленные вопросы пока не получали положительного решения. На практике, особенно в приходских училищах, где не хватало квалифицированных учителей, преобладала старая система. По воспоминаниям одного из учеников приходской школы, «любознательность детей сознательно убивалась: батюшка запрещал вникать в смысл Священного Писания, приказывал долбить и долбить». Большой редкостью были уроки, особенно по Закону Божию, проходившие, по словам автора, не по книге, а в живом рассказе: чем старше ученик, тем серьезнее рассказ[38]. Не всегда реальной на практике была преемственность обучения: сложно было поступить из приходского училища в уездное, так как уровень подготовки в элементарной школе был значительно ниже, чем в 1-м классе уездного училища. Часто в него отбирали детей в зависимости от их «благонравия»[39].

Гуманистические методы воспитания были редкостью в школе. Визитаторы Московского, Харьковского, Санкт-Петербургского университетов, правда, отмечали, что телесные наказания перестали применять, более того, распространилась другая крайность — вседозволенность[40]. И все же телесные наказания не являлись редкостью, об этом говорит тот факт, что министерство и руководство учебных округов издавали указы, обращавшие внимание на это недопустимое нарушение устава[41]. Таким образом, попытки изменить устоявшиеся обычаи были единичны и недолговечны.

Устранившись по возможности от материальных затрат, правительство тем не менее пристально следило за процессом обучения, поскольку было убеждено, что «нижние народные училища служат существенным основанием народного образования... Без надлежащей постановки истинного просвещения и воспитания простого народа вся система просвещения — здание на песке»[42].

«Истинное просвещение» и «воспитание народа» в разное время понимались по-разному. Эпоха Александра I в этом отношении неоднозначна. Первоначально просвещение, согласно идеям XVIII в.,

рассматривалось как средство воспитания благонамеренных подданных. После 1812 г. начался постепенный отход от этих идей. Сменились люди в составе министерства: умер М.Н. Муравьев, П.А. Строганов ушел на военную службу, Ф.И. Клингер, изменив прежним убеждениям, отказался от своих сочинений, признав их вредными[43]. С 1811 г. министерство возглавил А.К. Разумовский, на которого определенное влияние имел его друг граф Жозеф де Местр. Французский публицист, иезуит, один из адептов мистицизма, он проповедовал идеи ограничения просвещения простого народа, сокращения образования путем отмены предметов, которые могут толковаться субъективно, — истории, географии, метафизики, этики[44]. Распространение в России идей, исходящих от других религий, объясняется атмосферой веротерпимости, порожденной общим направлением религиозной политики Александра I. Возможно, под влиянием этих взглядов постепенно стала меняться обстановка в начальной школе, где усиливались идеи охранительности.

В 1817 г. Министерство народного просвещения было объединено с Комитетом по делам всех вероисповеданий и стало именоваться Министерством духовных дел и народного просвещения. Его возглавил обер-прокурор Синода А.Н. Голицын. В Манифесте



Дьячок объясняет крестьянам картину Страшного Суда

от 24 октября 1817 г. целью деятельности министерства объявлялось достижение «постоянного и спасительного согласия между... христианским благочестием, просвещенностью умов и существованием гражданским»[45]. В состав министерства вошли люди, настроенные враждебно к идеям реформаторов начала века. Новое поколение было представлено такими людьми консервативных взглядов, как попечители учебных округов Л.М. Магницкий, Д.П. Рунич и А.С. Стурдза. По свидетельству официального историка Министерства просвещения профессора Петербургского университета С.В. Рождественского, люди, вставшие у его кормила, в пристрастии к просветительским идеям увидели «источник разного рода политических потрясений и религиозных смут». Теперь народное просвещение должно было стать «почвой для борьбы против либерализма, а школа — орудием политики»[46].

Усилился правительственный надзор и за частными пансионами. С 1811 г. запретили учреждать пансионы иностранцам, не имеющим свидетельства на право преподавания, а за получение последнего взимали плату в размере 50 руб. Аналогичный контроль установили за гувернерами и гувернантками; в 1812 г. запретили выдавать ссыльным удостоверения на право работы домашними наставниками; в 1814 г. ввели 5%-й налог с платы за учебу в пансионе, который, впрочем, отменили в 1817 г.[47] Но, несмотря на некоторые ограничения, частные формы обучения все же продолжали бытовать.

Происходит пересмотр учебных планов казенных училищ и учебной литературы в сторону усиления религиозной направленности обучения. Книга «О должностях человека и гражданина», несмотря на одобрение ее в свое время (а по некоторым источникам — и причастность к авторству) Екатериной II, была признана вредной как «изложенная по философским началам, всегда слабым» (по выражению Филарета). Специальным указом во всех разрядах училищ независимо от уроков Закона Божия введено чтение из Священного Писания, так как его содержание есть «начертание правил и поступков человеческих в продолжение всей жизни во всех званиях и состояниях»[48]. Из курса уездных училищ исключены «по излишеству» начала естественной истории и технологии, сокращены курсы географии и истории; даже из прописей были изъяты философские сентенции и заменены выдержками из религиозных книг; в награду отличившимся ученикам стали выдавать книги только религиозного содержания[49]. Введение в 1817 г. в виде опыта, а с 1819 г. повсеместно в нарушение устава платы за обучение (5 руб. в приходском училище и 10 руб. в год в уездном)[50] создало дополнительные препятствия для выходцев из

податных сословий. Министерство А.Н. Голицына (1817–1824) современники назвали «министерством народного затмения».

Сложность в налаживании работы училищ была связана не только с позицией правительства, отказавшего начальному образованию в постоянном и достаточном финансировании, но и в бытовавшем недоверии населения к казенной школе. Среднее число учащихся в них, особенно в приходских, было невелико — в пределах 50 человек. В числе причин малочисленности училищ визитаторы указывали на «нерасположенность дворян отдавать туда детей», «неуважение к училищу самих родителей», «непонимание ими пользы просвещения»[51]. Дворяне с предубеждением смотрели на школы, где наравне с их детьми могли учиться крестьянские дети и даже крепостные, а потому предпочитали им пансионы и военные училища. Отношение горожан к школе часто также отличалось индифферентностью. По сообщению, например, из Калужской губернии местное богатое купечество «отвращает» детей от училищ и обходится услугами семинаристов, мещане отдают детей на выучку к дьячкам; в Пермской губернии местные чиновники стремились побыстрей пристроить своих сынов в должности для ранней выслуги чинов, что считалось более надежным в жизни, нежели образованность. Крестьяне также не спешили отдавать детей в новые школы. Например, в Суздальском округе они заявили, что не отдадут их в школу добровольно. Крестьяне считали, что «изучение грамоты малолетними — только повод для отвлечения от занятий хлебопашеством без всякой выгоды». Не чувствуя особенной потребности в учении, они тяготились содержанием училищ[52].

У городского населения нередко большим успехом пользовалась частная школа. Например, в Чистополе 2-классное училище имело 19 учеников, а 5 частных школ — 50; по сведениям из Московской губернии, в уездных училищах подмосковных городов число учеников достигало 70–80, а в частных училищах — 130–160; в уездных городах Воронежской и Новгородской губерний учителя казенных училищ в частных школах видели конкурентов, считая их причиной малочисленности своих классов. В иных местах учеников приводили в школы с помощью полиции[53].

Оценивая все эти факты, необходимо учитывать, что казенная школа в России того времени — явление новое, непривычное для населения, приверженного к традиции домашнего обучения. Казенные училища с их регламентацией, дисциплиной, элементами принуждения вызывали недоверие, если не страх. Кроме того, регулярное образование считалось пока излишней роскошью. Средние слои города и деревни относились к нему прагматично.

Для рассматриваемого периода нет обобщенных данных о числе окончивших полный курс 2-классного училища. Однако косвенные свидетельства и сообщения с мест позволяют заключить, что родители часто ограничивались обучением детей только чтению, письму, занимая их затем каким-либо ремеслом или мелочной торговлей, — учение считалось законченным, изучение других предметов расценивалось как насилие. Поэтому часто либо совсем забирали детей из 2-го класса уездных училищ, либо предпочитали им элементарные школы у дьячков, так как «там учили читать по-церковному»[54]. По-видимому, главным достоинством грамоты считалась возможность общения с религиозной книгой.

Изменение курса политики в народном образовании продолжилось и в 1824 г., когда главой Министерства народного просвещения стал А.С. Шишков. Не будучи сторонником мистицизма, он не был и приверженцем реформ начала века. Задачу министерства Шишков видел в охране «юношества от заразы лжемудрыми умствованиями», полагая, что науки «не составят благоденствия» без веры и нравственности; более того, они полезны, «когда, как соль в пищу, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание (сословие. — *Е.С.*) в них имеет»[55]. В соответствии с этим взглядом новый министр задумал реформу учебной системы на принципах, чуждых как либерализму, так и мистицизму. В основе новой системы лежал принцип подчинения всех типов школ одному образцу (по учебникам, методике преподавания и пр.), разделение трех ступеней учебных заведений, отход от преемственности учебных планов начальной и средней школы.

События 14 декабря 1825 г. стали вехой в эволюции взглядов правящих кругов на народное образование. В Манифесте от 13 июля 1826 г., объявлявшем приговор декабристам, указывалось, что «своевольство мысли» происходит от «недостатка твердых познаний», «порыв в мечтательные крайности имеет свое начало в порче нравов». Отныне на школу стали смотреть не как на средство просвещения, а как на орудие политического воспитания общества. Недостаток существовавшей учебной системы усматривался, в частности, в неприспособленности ее к потребностям разных сословий; полностью не соответствовали новым задачам частные учебные заведения и домашнее воспитание.

Новый устав, разрабатывавшийся Шишковым в 1826—1828 гг., предполагал запретить частные школы. При сохранении «постепенности» образования в начальных училищах «главным стала не подготовка учеников к переходу в высшую ступень, а потребности тех сословий, которые должны получать в них законченное

образование»[56]. В 1826 г. создан Комитет устройства учебных заведений, в состав которого вошли генерал-лейтенант, кн. К.А. Ливен, М.М. Сперанский, гр. К.А.Ламберт, генерал-майор, гр. Е.К. Сиверс, гр. С.Г. Строганов, попечитель Харьковского учебного округа Петровский. Целью Комитета стал пересмотр всех уставов, учебных планов и пособий, чтобы исключить «возможность произвольного преподавания учений по произвольным книгам»[57]. При обсуждении проекта нового устава высказывалось мнение о нежелательности совместного обучения детей из разных сословий, которое, однако, поддержали не все члены Комитета. В 1827 г. издан рескрипт о сословности образования, согласно которому предметы учения и способы преподавания «были соображаемы с будущим предназначением обучающихся, чтобы каждый... не стремился чрез меру возвыситься над тем состоянием, в котором ему суждено родиться»[58].

По Уставу 8 декабря 1828 г., приходские училища должны были открываться везде, где на них выделялись средства от городских и сельских обществ или от частных лиц. Курс их остался неизменным. Ученики приобретали элементарную грамотность, первоначальные знания богослужения и, если не хотели поступать в уездные училища, вступали в жизнь с этим «научным» багажом.

Уездные училища предназначались для детей купцов, ремесленников, мещан. Их курс расширялся до трех лет. Набор предметов изменялся за счет изъятия естественной истории, физики, основ технологии; сокращался объем истории и географии. Для неграмотных детей в случае отсутствия приходской школы при училищах разрешалось открывать приготовительные классы[59]. В зависимости от потребностей местной торговли и промышленности могли открывать дополнительные курсы для изучения основ отечественного узаконения, коммерческих наук, торгового судопроизводства, бухгалтерии, сельского хозяйства и пр. Число учителей увеличивалось от 2 до 5 человек. В противоположность Уставу 1804 г., запрещавшему применение телесных наказаний, новый устав считал, что «нельзя обходиться без строгих, даже телесных наказаний, учитель может в случае нужды употреблять сии меры исправления...»

Финансирование начальной школы по-прежнему возлагалось главным образом на общество с небольшой дотацией от казны уездным училищам. Важным положительным моментом Устава 1828 г. было изменение общественного статуса приходских учителей: теперь они считались находящимися на государственной службе и пользовались правами чиновника 14-го класса. Несколько увеличились оклады учителей уездных училищ. За учителями, препо-

дававшими «науки», сохранялся 12-й класс, а за учителями рисования и чистописания — 14-й. Сохранилась и усовершенствовалась система надзора, подчинение приходских училищ уездным, а последних — директорам гимназий. Директора гимназий превращались в полных хозяев как в гимназиях, так и во всех учебных заведениях — казенных (за исключением духовных) и частных.

Характерной чертой николаевской эпохи стала бюрократизация жизни, строгий контроль со стороны правительства за всеми ее областями. В народной школе это проявилось в последующем изменении управления ею. В 1835 г. опубликовано Положение об учебных округах, согласно которому во главе учебного округа ставились попечители, подчиненные непосредственно министру. По университетскому Уставу 1835 г. университеты освобождались от обязанности управления учебными заведениями округа. Помимо должности попечителей учреждалась должность их помощников — инспекторов казенных училищ. Вся полнота власти переходила к попечителям: они назначали с согласия министра директоров гимназий, штатных смотрителей уездных училищ и учителей (по представлению директора). Учебные и научные вопросы (преподавание, учебные пособия) согласовывались с университетским советом[60]. Новая система управления характеризовалась большей централизацией. Прекратились визитации профессоров университетов.

Созданная система начального образования отличалась от предыдущей отсутствием тесной связи между ее ступенями. Система Шишкова заняла срединное положение. Она пока не стала замкнутой сословной школой, так как за училищами сохранялось назначение подготовки учащихся для высших разрядов школы. Но предпочтение отдавалось другой цели — в первую очередь дать законченное образование тем, кто не пожелает его продолжать. Шишков исходил из убеждения, что из 100 учеников уездных училищ образование продолжит только один. Более того, он считал, что обучение грамоте всего народа «принесло бы более вреда, нежели пользы»[61].

Реорганизация училищ по новому уставу началась с 1832 г. и повлекла за собой некоторые его изменения. В фонде Московского университета сохранилось свидетельство о предписании министра от 25 февраля 1833 г. ликвидировать приготовительные классы в уездных училищах, «создавать отдельные приходские училища с тем, чтобы они никак не контактировали с уездными ни общим помещением, ни источником финансирования»[62]. Эта мера преследовала две цели: изолировать детей низших состояний от



Александр Семенович Шишков

купеческих и, возможно, дворянских детей, обучавшихся в уездных училищах, и освободить бюджет поддерживавшихся казной уездных училищ от финансирования приготовительных классов. Распоряжение принадлежало перу министра К.А. Ливена, который вскоре вышел в отставку.

Управляющим министерством стал С.С. Уваров, известный уже тогда своей приверженностью к принципам сословности. Однако предписание бывшего министра вызвало у него негативную оценку. Сохранилась его записка от 7 июня 1833 г. попечителю Московского учебного округа, в которой он изложил свое мнение по этому вопросу: «...исполнение в точности распоряжения г. бывшего министра приведет к остановке в начальном учении, необходимом для соблюдения постепенности в народном образовании». Уваров считал, что повсеместное упразднение приготовительных классов не повлечет немедленного создания отдельных приходских училищ, так как к тому нет реальных условий. Поэтому он просил принять меры к постепенности преобразования приготовительных классов в приходские училища, по мере выявления финансовых возможностей[63]. Позиция Уварова свидетель-

ствует, что он (вопреки сложившемуся в литературе мнению), став министром, не изменил своему взгляду на начальные училища. В 1817 г. Уваров писал: «...нижние народные училища служат существенным основанием народного образования и тем необходимее, что предмет обучения должен простираться на самые обширнейшие состояния народа... хорошие народные училища способствуют приготовлению способных учеников в достаточном числе... Нижние народные училища, яко первоначальные рассадники просвещения, должны быть предохранены от конечного расстройства»[64]. Спустя 15 лет Уваров предстает как человек, по-прежнему глубоко озабоченный правильным функционированием учебной системы, готовящей контингент учащихся для ее высших разрядов, и в то же время трезво оценивающий состояние общества, не способного пока еще создать все условия для содержания элементарной школы.

Училищный комитет Московского университета принял к сведению мнение управляющего министерством, но в инструкции своим визитаторам указал на необходимость при осмотре училищ обратить внимание местного начальства на возможно скорое отделение «от уездных училищ приходских, существующих под именем приготовительных классов»[65].

Отчеты визитаторов говорят о том, что реализация предписания бывшего министра, действительно, встретила огромные трудности. Из Владимирской, Рязанской, Тульской, Московской, Петербургской и других губерний пришли сведения о неготовности многих городов содержать отдельные приходские школы: не хватало помещений, местные священники из-за низкой платы отказывались работать в них законоучителями[66]. Министерство же, по словам Уварова, «не принимало на себя обязанность учреждать *на свой счет* учебные заведения там, где не пробудилось стремление к образованию»[67] (курсив наш. — *Е.С.*), поэтому оно высказывалось за возможное поощрение общества к открытию школ низшего разряда.

Увеличению числа таких школ и материальных средств на них в столицах способствовал Указ от 1 ноября 1839 г. о городских училищах в Москве, предназначенных для мещан, ремесленников и купцов. Программа их соответствовала программам приходских училищ, но обучение было выборочно платным. Освобождались от платы дети бедных родителей и купцов, так как за последних вносила взнос Московская городская дума; дети дворян, обер-офицеров, разночинцев, а также крепостных платили по 1 руб. 45 коп. серебром в год за обучение мальчиков и по 2 руб. 30 коп. серебром — девочек. Учреждались также должности почетных смотрителей и блюстителей, избиравшихся из купцов, которые должны были не только наблюдать за состоянием училищ,

но и материально их поддерживать, за что получали моральное поощрение и продвижение по службе[68].

В 1840 г. в Петербурге по примеру Москвы было учреждено 6 должностей почетных блюстителей начальных училищ с правами и обязанностями, оговоренными в Положении 1839 г.[69] Таким образом, правительство переложило финансирование всех видов элементарной школы на общество, не сообразуясь при этом с его возможностями. Но в 1840 г. оно было вынуждено вернуть старую практику открытия приготовительных классов при уездных училищах в тех провинциальных городах, которые по своей бедности не могли содержать отдельного приходского училища[70].

Практика вносила коррективы в деятельность учебной системы. Уездные училища не были закрытыми сословными школами. Наряду с купеческими детьми в них обучались дети дворян и чиновников. По ходатайствам местных обществ в некоторых из них произошло расширение программы за счет введения латинского и какого-либо из новых европейских языков для подготовки детей к переводу в гимназию. Однако на предложение ввести эти предметы во всех училищах министерство ответило решительным отказом, так как это противоречило бы целям такого типа учебных заведений[71].

В 30–50-е гг. были подготовлены новые учебные пособия[72]. Одни из них получили положительную оценку русского педагога, теоретика и организатора учебного дела В.Ф. Одоевского[73], другие, несмотря на стремление приблизить обучение к практике, были признаны негодными, так как по-прежнему носили отвлеченный, схоластический характер[74].

Усиление государственного контроля над процессом образования народа столкнулось с проблемой функционирования частных учебных заведений. Отношение к ним резко изменилось сразу же после событий 1825 г. Взгляды нового императора на этот вопрос были определенны и неизменны: он хотел взять под правительственный контроль вообще все воспитание русского юношества[75]. Позиция Николая I не могла не отразиться на деятельности Министерства народного просвещения. Уваров высказал мнение, согласно которому государственная школа по возможности должна подавлять частные учебные заведения и домашнее образование[76].

Уставом 1828 г. частные учебные заведения дозволялись, но с разрешения училищного начальства, которое обязывалось осуществлять за ними контроль. Программа их максимально приближалась к программам казенных училищ как по набору предметов, так и по используемым учебным пособиям. В 30-е гг. меры в отношении частных учебных заведений ужесточились. В 1831 г.

для открытия частных школ в столицах требовалось разрешение министра; учреждался «розыск сведений» о поведении и образе мыслей их учредителей[77]. В 1833 г. было принято решение приостановить открытие новых частных пансионов в Москве и Петербурге, а в других городах разрешать их основание только при отсутствии в них других учебных заведений[78]. Однако, несмотря на это, частные школы продолжали составлять довольно значительную долю в учебной системе страны[79]:

Годы	Уездные училища	Приходские училища	Частные школы
1830	416	718	402
1831	392	469	345
1837	427	840	436
1838	430	873	485
1839	435	94	475
1840	439	983	486

В 1834 г. в министерстве обсуждался вопрос о домашнем воспитании. Уваров писал, что «нельзя упустить из виду великого вреда, который может производить учение, предоставленное произволу людей, которые... не хотят действовать в духе правительства для целей, им указанных»[80]. Было принято решение, одобренное министром и царем, — разрешить первоначальное обучение детей в частных домах без особых испытаний священникам и дьячкам, окончившим семинарии. Синод одобрил решение, так как увидел в этом возможность расширения для духовенства его наставнической роли[81].

После 1855 г. наметилось более благоприятное отношение правительства к частным школам. Это было одним из проявлений приближающейся «оттепели», повеяло «ветром перемен». Попечитель Петербургского учебного округа кн. Г.А. Щербатов обратил внимание министерства на переполненность казенных училищ и высказался за поощрение частных форм образования и домашней подготовки[82]. 17 января 1857 г. выходит указ об открытии в столицах частных пансионов «со строгой разборчивостью нравственных качеств и благонамеренности учредителей»[83].

Кроме училищ, подчиненных Министерству народного просвещения, в России функционировали школы других ведомств. Наиболее самостоятельную роль в деле образования играли Министерство уделов, Министерство государственных имуществ, Свя-

тейший Синод. Школы, находившиеся в ведении этих министерств, носили профессиональный характер, но были и общеобразовательные школы начального типа, что обусловливалось ростом потребности в грамотных людях.

Число школ других ведомств и учащихся в них по годам было:

Министерство уделов[84]
1837 г. — 40 школ, 805 учащихся
1865 г. — 376 школ, 11 394 учащихся

Министерство государственных имуществ[85]
1838 г. — 60 школ, 1880 учащихся
1866 г. — 2754 школы, 121 003 мальчика и 16 579 девочек

Св. Синод[86]
1839 г. — 2000 школ, 19 000 учащихся
1864 г. — 22 305 школ, 427 165 учащихся

На Министерство уделов с момента его основания в 1797 г. в качестве Департамента уделов была возложена организация приходских школ. По существу, это были первые школы для сельского населения. Они создавались при церквах под надзором священников. К 1807 г. приходские школы были открыты в Архангельской, Орловской, Казанской, Смоленской экспедициях. Однако они оказались недолговечными в силу непригодности выделенных для них помещений, но главным образом из-за нежелания крестьян отдавать детей в обучение. Появились даже меры принуждения: с 1804 г. от каждого приказа забирали по 3 мальчика и отправляли в училище уездного города с обязательным содержанием их на мирской счет. Обученных «рекрутов» использовали затем на канцелярской работе в удельном управлении. К 1827 г. в удельных селениях насчитывалось лишь 5 училищ[87]. Указом от 25 октября 1828 г. были основаны 2 главных сельских училища с 2-летним сроком обучения на 50 учеников. Их выпускники могли преподавать в сельских школах. С 1828 по 1836 г. выпустили несколько десятков учителей, и училища были закрыты, так как выяснилось, что даже это число подготовленных учителей было больше числа вакантных мест в сельских школах[88]. Кроме этих училищ в удельных селениях работали школы по методу взаимного обучения с минимальной программой, не оговоренной сроком. Они готовили писарей для удельных контор. В народе эти школы не пользовались доверием, поэтому многие крестьяне побогаче откупались от обязанности отдавать детей в обучение[89].

В государственной деревне казенные школы возникли в 30-е гг. По Указу Сената от 29 декабря 1824 г. в волостные конторы раз-

решалось брать писарями и счетоводами только крестьян[90]. Из-за отсутствия грамотных людей делопроизводство постепенно пришло в расстройство. По Указу от 24 декабря 1830 г. были организованы волостные школы, подчинявшиеся Министерству финансов. В них мальчики, обучаясь чтению, чистописанию, счету и Закону Божию, готовились стать писарями, счетными работниками в волостных конторах[91]. Однако школы, по-видимому, пустовали, так как в 1832 г. было принято решение отбирать по одному мальчику из села, преимущественно из сирот, и доставлять их в училища. Содержание учеников вверялось сельским обществам. Получив образование, они должны были 10 лет проработать в волостной конторе[92].

По реформе управления государственной деревней 1837 г. волостные школы перешли в ведение Министерства государственных имуществ. Каждое селение должно было содержать свое училище. Программа обучения, полный курс которой был рассчитан на 3 года, давала элементарную грамотность с упором на религиозно-нравственное воспитание. В 1844 г. было разрешено посещать училища девочкам, которые кроме грамоты обучались еще рукоделию. Впрочем, в 1856 г. эта мера была признана вредной, так как не везде соблюдалось раздельное с мальчиками обучение[93].

Преподавание и надзор за учебной частью возлагались на местное духовенство. Но при Министерстве государственных имуществ был создан Ученый комитет, в ведении которого находились волостные училища. Его активным членом в 30—40-е гг. был В.Ф. Одоевский — автор многих новых учебников для начальной школы[94]. Наряду с религиозными книгами для чтения иногда использовались учебники и наглядные пособия В.Ф. Одоевского, А.П. Заблотского-Десятовского, Максимовича, которые включали рассказы о России с приложением карт, природе, давали представление о Вселенной, человеке, основных жизненных процессах. Эти пособия расширяли кругозор, однако их было мало. Одоевский пропагандировал также новую методику обучения, новые приемы воспитания. Из-под его пера вышло не одно руководство для начальной школы[95]. Однако в училищах преобладали учителя-священники, которые, по отзывам ревизоров, не были подготовлены к преподаванию и школе уделяли мало внимания. Их питомцы учили все наизусть, не понимая смысла, не могли сознательно связать двух слов. Попытки замены священников светскими учителями, случаи выхода за рамки утвержденной программы пресекались министерством[96].

Увеличение числа школ (по отчетам) не свидетельствовало тем не менее об их процветании. К 1859 г. из 22 губерний с казенными селениями в 11 положение со школами было неудовлет-



Владимир Федорович Одоевский

ворительное, в 4 — хорошее, в 7 — с недостатками. Однако эти данные явно приукрашены: проверка губерний, объявленных хорошими, показала, что число учащихся в отчетах преувеличено в 1,5 раза, а состояние школ плохое[97]. На обязанность отдавать детей в ученье крестьяне смотрели как на «рекрутчину» и после отмены в 1861 г. обязательного сбора с сельских обществ стали отказываться содержать школы[98]. Задуманная широко реформа образования в государственной деревне столкнулась с обычными для того времени препятствиями: недостатком, ничтожностью финансирования, неготовностью общества откликнуться на преобразования. И все же сельские приходские училища способствовали распространению грамотности и специальных знаний. Их выпускники работали писарями, землемерами, гражданскими топографами, помощниками фельдшеров и ветеринаров.

Во второй четверти XIX в. более самостоятельной в образовании стала роль Синода. В 1836 г. были опубликованы «Правила для первоначального обучения детей поселян, в том числе раскольничьих», распространенные первоначально на губернии, где было

много раскольников[99]. Главным предметом в церковно-приходской школе стал Закон Божий. Знакомство с правилами православного богослужения, основными молитвами, священной историей должно было прежде всего предотвращать «отпадение в раскол», воспитывать из учеников послушных прихожан. Учительские обязанности в этих школах возлагались на приходское духовенство, которое, не владея методикой преподавания, тем не менее обучало и другим предметам по минимальной программе: чтению церковной и гражданской печати, счету. Надзор за обучением осуществляло епархиальное начальство. По отчету обер-прокурора Синода, уже в 1837 г. в 6 епархиях действовало около 150 школ. Однако реальное их состояние было весьма жалким. Они недостаточно финансировались, многие из них были недолговечны, иные существовали лишь в отчетах; специальные помещения отсутствовали, обучали часто в сторожке при церкви, в лучшем случае на дому у священника, поэтому школы были в основном малочисленны (иногда до 10 человек). Священники, обремененные своими прямыми обязанностями и за небольшое вознаграждение, не окупавшее затрат на содержание школ и преподавание, не были заинтересованы в этом труде[100]. Тем не менее с конца 50-х гг. и особенно после 1861 г., когда среди крестьян возросла потребность в грамотности, а светских училищ было мало, популярность церковно-приходских школ росла. Своего пика численность их достигла к 1864 г. Несмотря на минимальность программы обучения, церковно-приходские школы внесли определенный вклад в распространение грамотности среди крестьян.

Важное место в системе начальных учебных заведений занимали школы кантонистов, созданные для детей военных поселян. В каждом поселенском полку насчитывалось несколько школ, ротных или эскадронных, которые должны были посещаться детьми с 7-летнего возраста. Занятия в них велись по ланкастерской системе. Программа была несколько шире, чем в обычных приходских училищах: кроме элементарной грамоты она включала начала геометрии, черчение, рисование, церковное пение по нотам и строевую подготовку; обучались здесь также ремеслам и азам сельского хозяйства. Продолжительность курса менялась: первоначально из кантонистов готовили резервы для действующих подразделений, поэтому срок учебы был очень большим — 11 лет, с 1821 г. — 8 лет. С 1829 г. основная масса учащихся стала готовиться не для армии, а для хозяйственных занятий, а срок обучения сократился до 4 лет. Образование было обязательным и бесплатным. Преподаватели для этих школ готовились в Военно-учительском институте, открытом в 1821 г.[101] Школы кантонистов способствовали повышению числа грамотных в армии и среди хозяев-поселян.

В селениях, где отсутствовали казенные училища, продолжала существовать практика организации нестационарных школ грамоты. Учителями в них были в основном церковнослужители, которые обучали по нескольку человек у себя на дому или по очереди в крестьянских избах. Программа самая минимальная: чтение псалтири, письмо, счет. Количество таких школ учету не поддается. Училищное начальство пыталось бороться с этими школами, в частности обращалось в Епархиальное ведомство с просьбами воспретить церковнослужителям заниматься обучением детей частным образом, если имеется казенное училище. Однако Синод руководствовался Указом 1814 г., разрешавшим эту практику[102]. Таким образом, борьба с неформальными школами на данном этапе была малорезультативной, и главным образом из-за недоверия общества к казенной школе, непонимания необходимости регулярного образования.

В источниках и литературе, относящихся ко второй четверти XIX в., часто встречаются упоминания о школах в помещичьих имениях. Большая часть владельцев крепостных по-прежнему считала, что обучение крестьян грамоте не принесет пользы: некоторые помещики отмечали, что за летние полевые работы, когда занятия в школах прекращались, дети забывали все, чему учились зимой, так как не было условий для применения грамотности[103]. По мнению других, крестьянская грамотность принесет только вред, сделает их высокомерными, отучит от земледельческого труда. «Мужик счастлив, пока ведет животную жизнь, а развейте ум, дайте ему нравственную потребность, он будет несчастен, потому что не имеет ни времени, ни средств удовлетворять свои новые потребности...»[104] Это в целом циничное высказывание не лишено вместе с тем некоторого основания. Осмысление его позволило определенным слоям русского общества в более позднее, пореформенное время прийти к мысли о неразрывной связи социально-бытовых условий жизни крестьян с успехом в деле их просвещения. Однако появились и другие мнения: в селениях, где школы существовали давно, грамотность переставала быть редкостью, достоянием избранных, исчезала надменность грамотных в отношениях с односельчанами, но и тяга к земледельческому труду не пропадала[105]. Примером такой школы-долгожительницы является школа в имении помещика Н.С. Стремоухова[106].

В числе причин открытия помещиками школ чаще всего упоминается экономический интерес: обучение конторщика, специалиста по межевому делу и пр. Например, в имении гр. Бобринского в 19 селениях было 2 училища с учителями, содержавшимися сельским обществом. На 12 тыс. душ этого помещика приходилось

570 грамотных. В Калужской губернии помещик Трощинский обучал крепостных (школа на 22 человека) и определял их в должности по своему усмотрению. В Петербургской губернии некая помещица за 2 года открыла 13 школ для подготовки помощников псаломщиков в церквах и писарей[107]. Один из бывших учеников подобной школы вспоминал, что помещик, которому они принадлежали, был человек просвещенный, но школа для него являлась еще и выгодным предприятием, так как при отсутствии собственных грамотных работников их надо было набирать по вольному найму, что значительно дороже, чем содержать школу. Грамотный человек легче находил работу на стороне, значит, мог больше принести оброку[108].

Развитие крупного промышленного производства выдвинуло задачу повышения грамотности рабочих. В предреформенное время в наиболее развитых в промышленном отношении губерниях некоторое распространение получили фабричные школы. Их программа предусматривала обучение грамоте и затем подготовку специалистов определенной квалификации[109].

Распространение школ для крепостных в помещичьих имениях, частных фабричных школ вызвало озабоченность правительства. В 1837 г. при Министерстве народного просвещения был создан особый Комитет о степени обучения крепостных людей, работой которого руководил М.М. Сперанский. Деятельность Комитета базировалась на Указе от 19 августа 1827 г., согласно которому объем наук в школах, где обучались дети крепостных, не должен был превышать курс начальных училищ. Были собраны сведения о количестве частных, реальных (технических) школ, о числе и социальном происхождении их воспитанников, о программе курсов. В выработанном Указе от 9 мая 1837 г. обращалось внимание на то, что если в реальных школах объем программы превышал курс уездных училищ, то следовало либо сократить его, либо запретить прием туда детей крепостных. Отмечались имеющиеся нарушения программы в частных школах. На Уварова как министра возлагалась личная ответственность за обеспечение выполнения предписаний в этом важном вопросе[110].

Во второй четверти XIX в. начальная школа была реорганизована на принципах сословности и единообразия обучения, бюрократизации управления, строгого всеобъемлющего контроля за всеми типами начальных учебных заведений, включая частные школы и домашнее воспитание. Финансирование казной учебных заведений всегда осуществлялось по остаточному принципу. Николай I признал необходимым сократить расходы по всем министерствам, кроме Министерства императорского двора. В резуль-

тате доля Министерства народного просвещения в бюджетных ассигнованиях сократилась с 1,4% в 1844 г. до 1% в 1852 г.[111]

Непрестижность труда учителя, которого, по свидетельству К. Арсеньева, относили к самой низшей степени граждан, была следствием бытовавшего пока в значительной части общества пренебрежительного отношения к образованию[112]. Современники называли учителей «мучениками, призванными к делу, ни в ком не вызывающему сочувствия»[113]. Общественные предрассудки, «укорененные против учительского труда», лишенного высоких чинов, недостаточное и даже бедное состояние учителей, зависимых от каждого, отчуждали их от общества, не принимавшего учителей в свои ряды[114]. Их бесправность проявлялась в постоянном унижении смотрителем, городничим, в отсутствии чувства свободы деятельности, возможного только в развитом гражданском обществе. Материальные невзгоды ставили учителей перед крестьянами в положение просителя (чтобы прокормиться, они брали у крестьян продукты питания), доводили их порой до полного падения. Вот в каком виде предстал учитель перед директором смоленских училищ: «...он явился в платье изодранном, в онучах. Его можно было принять за праздного, развратного человека»[115]. Между тем от нравственного облика людей, работавших в школе, от их авторитета нередко зависело дело образования. Например, безнравственное поведение директоров оренбургской и новгородской гимназий привело к упадку престижа как гимназии, так и училищ, им подведомственных. Напротив, просвещенность смотрителей рязанских, муромских, касимовских училищ, авторитет их учителей способствовали росту численности учеников, успеху работы[116].

В реальной жизни достаточно высокой была степень взаимозависимости составляющих системы «учитель — общество». Разрешение проблемы учительства было связано не только с улучшением материального и социального его положения, но и с повышением в глазах людей ценности учительского труда, что оказывалось возможным только при увеличении в разных социальных слоях спроса на грамотных, образованных людей, осознании народом потребности в учении. Но в народе еще недостаточно было развито это чувство. Подлинным препятствием к распространению просвещения являлось крепостное право. К середине 50-х гг. в России в начальной школе в среднем обучалось 0,7% всего населения, в столицах и в некоторых губернских городах — 3—5%[117].

Однако повседневная жизнь с развивающейся торговлей, техникой требовала грамотных людей. В общественное сознание все более проникала идея о необходимости распространения образования в широких слоях народа. В 1845 г. при Московском обще-

стве сельского хозяйства организуется Комитет грамотности. В том же году была разработана программа его деятельности, однако прошло почти 20 лет, пока ее утвердили в высших сферах (1863), а первое заседание Комитета состоялось лишь через 14 лет — в 1859 г. Его основная деятельность развернулась в пореформенное время[118].

Свидетельством пробуждения в обществе тяги к образованию являются появившиеся в конце 50-х гг. воскресные школы для рабочих. Первые из них открылись весной 1859 г. в Киеве, затем в Петербурге и Екатеринославе[119]. Учителями была в основном молодежь — гимназисты, студенты. Программа включала элементарную грамоту и Закон Божий, в ряде случаев также географию, историю, рисование[120].

Первоначально власти отнеслись к новому движению весьма благосклонно. В марте 1860 г. Министерство внутренних дел разослало губернаторам циркуляр с одобрением и рекомендацией содействовать распространению воскресных школ. Надзор за ними поручался местному училищному начальству, которое проявило сочувствие, выделяя для них помещения, не очень стесняя своей опекой. Большую поддержку новому делу оказал Н.И. Пирогов, в то время попечитель Киевского учебного округа. Для воскресных школ был характерен принцип уважения личности, горячее отношение к делу со стороны как учеников, так и учителей. В них применяли новые методики преподавания — звуковой метод обучения грамоте, объяснительное чтение; заучивание наизусть запрещалось.

Однако Министерство просвещения, взяв школы под свой контроль, вскоре издало руководство для них, по которому программа обучения приравнивалась к приходским училищам, введение дополнительных предметов категорически воспрещалось, главное внимание должно было уделяться воспитанию религиозного чувства, надзор за учебной частью возлагался на местных священников, усиливался контроль за благонадежностью учредителей и преподавателей. 10 июня 1862 г. был опубликован указ о закрытии всех воскресных школ впредь до утверждения нового положения о них[121].

В 50-е гг. общественно-педагогическая мысль активизировалась. В значительной степени произошло это под влиянием опубликованной в «Морском сборнике» статьи Н.И. Пирогова «Вопросы жизни», поставившей кардинальный вопрос: какой должна быть школа — общеобразовательной или профессиональной? В педагогической периодике («Журнал для воспитания», «Русский педагогический вестник», «Учитель» и др.) обсуждались проблемы и начального образования: облегченной методики обучения



Лев Николаевич Толстой

грамоте, нравственного климата в школе, способов поддержания дисциплины. В это время Лев Толстой пишет первые литературные произведения в области педагогики, в 1859 г. основывает школу в Ясной Поляне, пытаясь на практике реализовать свои педагогические изыскания. Начинается изучение опыта западноевропейской школы — Л.Н. Толстой, К.Д. Ушинский, Н.И. Пирогов и другие едут с этой целью за границу. В результате большой творческой работы складываются представления о новой методике преподавания, в основе которой лежал и отход от механических приемов обучения, приближение школы к нуждам народа. В частности, Л. Толстой, изучив работу школ Германии, Англии, Франции, Италии, подверг критике сложившуюся в них систему воспитания, основанную на схоластике и муштре. Вернувшись в Россию, он написал большую статью «Народное образование», вызвавшую интерес в педагогических кругах. Л. Толстой выступал за обучение, основанное на наблюдении и наглядности, придавал большое значение семейному воспитанию. Он опубликовал новые учебники: «Азбуку», «Книгу для чтения» с рассказами для детей. К. Ушинский также издал книги для классного чтения — «Дет-

ский мир» и «Родное слово», написал теоретический труд «Руководство для преподавания "Родного слова"», ставший основным пособием для работы сельского учителя. Им была создана стройная система обучения, основывавшаяся на особенностях русской жизни и национального характера. Искания 50-х гг. подготовили почву для практической деятельности общественности следующих десятилетий.

* *
*

Новый этап в развитии народного образования связан с реформами 60—70-х гг.: отменой крепостного права, созданием земств, городской реформой. Освобождение крестьян поставило государство перед проблемой обучения многомиллионной народной массы. Поэтому одновременно с подготовкой крестьянской реформы начали разрабатываться предложения о создании сельских училищ, в чем приняли участие не только представители различных министерств, но и видные педагоги. Либеральные веяния были не чужды и правительственным деятелям. В частности, в 1856 г. глава Департамента просвещения А.С. Норов, чиновник николаевской эпохи, воспринявший тем не менее новые взгляды, ходатайствовал перед императором об отмене в западных губерниях запрета принимать в гимназии детей из податных сословий.

Преобразования в системе просвещения в немалой степени связаны с деятельностью одного из сторонников реформ — министра А.В. Головнина, занявшего этот пост в 1861 г. В 50-е гг., находясь на службе в Морском ведомстве, возглавлявшемся известным своими либеральными взглядами вел. кн. Константином Николаевичем, Головнин был одним из руководителей журнала «Морской сборник», на страницах которого обсуждались и проблемы образования. Под его началом в Министерстве народного просвещения «преобразовательная работа продвинулась вперед очень быстро». Характерной чертой деятельности министерства этого периода стала гласность[122].

К этому времени относится создание нескольких проектов общеобразовательной школы, воспринявших идеи прогрессивной педагогической мысли 50—60-х гг. Проект 1862 г. впервые в практике российского законотворчества был переведен на иностранные языки и разослан для отзывов за границу видным педагогам, а также обсуждался на страницах прессы. В объяснительной записке к нему говорилось, что главная задача преподавания — «не в бессмысленном заучивании, а пробуждении умственной деятель-

ности и влиянии на нравственную сторону». Определяя объем обязательной программы, проект предусматривал возможность ее расширения. Большое внимание уделялось материальному и правовому положению учительства. Предлагалось бесплатное начальное образование[123].

По следующему проекту, 1863 г., все училища разделялись на нормальные, с расширенным курсом начального образования, учреждаемые министерством, и начальные, учреждаемые обществом; разрешалось преподавание на местных языках[124].

Окончательный вариант Положения был утвержден после обсуждения в Государственном совете в 1864 г. На его редакции, существенно отличавшейся от более ранних вариантов, отразились, во-первых, влияние тех течений, которые противостояли либеральному и просветительскому направлениям общественной мысли; во-вторых, изменившиеся настроения правительства, справившегося к тому времени с волной общественного возбуждения.

Правящие круги рассматривали школу только как своеобразную «внутреннюю охрану царства». Значительная часть их и сам император были далеки от мысли уничтожения сословности образования. Уже упоминавшееся ходатайство А.С. Норова не получило Высочайшей поддержки. Более того, Александр II считал полезным учредить в великороссийских губерниях «для лиц податного сословия реальные гимназии, дабы дать полезное для них специальное образование»[125]. Таким образом, речь шла не об отмене сословности в образовании, а о временном отходе от нее, так как открытая реализация этого принципа в условиях общественного подъема 60-х гг. была невозможна.

По Положению 1864 г., распространявшемуся на 50 европейских великороссийских губерний, начальная школа должна была «утверждать в народе религиозно-нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания»[126]. Создаваемые начальные училища представляли массовый тип школы. Они включали приходские училища (в городе и селе), подчиненные различным ведомствам: Министерству народного просвещения, Министерству государственных имуществ, Синоду — и воскресные школы. Программа обучения, единая для всех училищ и утверждавшаяся Министерством народного просвещения, включала Закон Божий, чтение по книгам гражданской и церковной печати, письмо, первые 4 действия арифметики; там, где возможно, преподавалось церковное пение. Срок обучения не оговаривался, но в большинстве училищ на практике закрепился 3-годичный курс. Основным условием приема на учительские должности были не только (а может быть, и не столько) профессиональные каче-

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

ства, но и «добрая нравственность и благонадежность». Только от лиц духовного звания не требовали «вида на благонадежность». Все, что в проекте 1863 г. касалось так называемых «нормальных училищ», прежде всего расширение программы, Государственный совет исключил из Положения 1864 г. Чиновники, очевидно, руководствовались мыслью, высказанной еще в 40-е гг. министром финансов Е.Ф. Канкриным: «...простой человек для своего спокойствия и собственного счастья не должен быть слишком учен»[127]. Любопытно, как эта мысль перекликается с небесспорным выводом, сделанным более чем через 100 лет американским исследователем истории России Р. Пайпсом: «...возрастающая грамотность... только усиливала беспокойство низших классов»[128].

Наблюдение за религиозно-нравственным направлением во всех училищах, а также преподавание Закона Божия возлагались на приходских священников. В Положении обойден вопрос о материальном и правовом обеспечении учителей. Вводилась плата за обучение. Преподавание должно было вестись только на русском языке, так как, по заключению Государственного совета, «правительство должно озаботиться развитием общей русской грамотности, а не местных наречий»[129]. Для населения, не исповедовавшего православия и проживавшего в великороссийских губерниях, создавались училища с преподаванием основ соответствующих религий.

Финансирование школы опять предусматривалось главным образом за счет обществ — городских, сельских, земств, духовенства. Казна выделяла в случае нужды единовременные пособия. Таким образом, даже сознавая всю важность школьной системы как рассадника нравственности, государство считало, что содержание школ должно быть предоставлено доброй воле общества, а правительство вправе лишь поощрять общественные силы[130].

Устанавливалась новая система управления школой: создавались Училищные советы, в состав которых входили не только представители различных министерств, имевших в своем ведении школы, но и выборные от земств и городских дум. Училищный совет обязан был наблюдать за учебной частью всех школ, в том числе и духовного ведомства. Председатель уездного совета избирался из его состава, а губернский совет возглавлял архиерей. В организации учебного процесса министерство не задавалось целью оказывать давление и сковывать инициативу[131]. Советы имели право открывать и закрывать училища, выдавать разрешение на преподавание и отстранять от должности учителей, признанных «вредными». Создание Училищных советов — безусловно прогрессивное преобразование — явилось следствием рекомендаций, выс-

казанных при обсуждении в печати одного из первых проектов 1860 г.[132] Вместе с тем их состав обеспечивал неуклонное проведение в жизнь линии официальной политики.

Положение 1864 г. касалось только низших заведений первой ступени. Второй ступенью были уездные училища, действовавшие на основании Устава 1828 г. и являвшиеся связующим звеном между начальной и средней школой. К 1869 г. во всей России их насчитывалось всего 458[133]. Правительство поставило целью создать массовую народную школу, дающую элементарную грамотность и не имеющую прямой связи со средними учебными заведениями, реализуя тем самым скрытый принцип сословности образования. Развивая его, министерство в дальнейшем предполагало заменить уездные училища на два типа учебных заведений: прогимназии — для детей дворян и чиновничества и высшие приходские 2-классные училища — для детей крестьян и мещан[134]. В целом реформа 1864 г. впервые создавала в России массовую школу для народа, открывала доступ к начальному образованию женщинам, давала возможность частной и общественной инициативе, способствовала распространению грамотности среди сельского населения.

Характерной приметой 60—70-х гг. стало постепенное изменение отношения народа к образованию. Заслугой школ этого периода было то, что, по наблюдению исследователя народной школы Н.В. Чехова, они при всей своей неустойчивости «развили в населении потребность в начальном образовании, приучая его к школе как к своему учреждению»[135]. Но пробуждение в народе тяги к знанию — процесс очень постепенный. И в 70-е и в 80-е гг. в иных регионах отмечалась индифферентность народа к образованию, но все же получение личной свободы, превращение крестьянина в юридическое лицо, имеющее право подать прошение, написать жалобу, заключить соглашение, стало громадным стимулом в осознании им необходимости грамоты.

В 60-е гг. в деревне более широкое, чем раньше, распространение получили школы грамоты. В тех местностях, где не было поблизости «правильно организованной» школы, крестьяне, движимые желанием дать своим детям элементарное образование, нанимали вскладчину учителя — отставного солдата, дьячка или просто грамотного односельчанина. За ничтожную плату деньгами или натурой он обучал грамоте деревенских ребят. Требования к учителю были хотя и минимальными, но бVольшими по сравнению с дореформенным временем: научить *сознательному* чтению молитвы, умению *письменно изложить просьбу* и *элементарному счету*. Отношение педагогической общественности к этим школам

было различным. Лев Толстой, например, считал их истинно народными, способными дать крестьянам знания в том объеме, какой им нужен. Он полагал, что вмешательство правительственных и земских чиновников в процесс обучения превращает школу в казенное предприятие, чуждое народу по своему духу и отягощающее его лишними поборами. Другие, в частности Н.В. Шелгунов, напротив, считали, что школы грамоты отупляют детей, приучают к механическому заучиванию, что полуграмотные учителя, незнакомые с методами первоначального обучения, не способны дать подлинное знание. По мнению историка земства Б.Б. Веселовского, Л.Н. Толстой своим авторитетом «сыграл глубоко реакционную роль», считая естественным, что в начальной школе преподают отставные солдаты и богомольные дьячки[136].

Так или иначе, но школы грамоты — свидетельство поворота крестьян к грамоте. Характеризуя сельскую школу, один из общественных деятелей, педагог С.А. Рачинский, говорил, что «сила и слабость нашей школы в том, что она возникает при слабом участии духовенства, при равнодушии правительства, из потребности безграмотного населения дать своим детям образование»[137]. Изменения взглядов крестьян на образование зафиксировали материалы обследования 10 губерний Европейской России, проведенного земствами в 1881–1886 гг.: «грамота — рукомесло недурное»; «письменный повсюду гож... всякое дело ему виднее»; «грамотный не то, что неученый: все ему виднее, а то смотришь и не видишь, неученый народ — темный»; «другой и остроум, а как неграмотный, то не до всего может дойти и цена ему другая»[138].

Все более нужными для народа становились школы, вносившие, по словам К.Д. Ушинского, «не одну грамоту, а умственное развитие, которое бы научило употреблять с пользой для себя и для других свою свободу»[139]. У крестьян появился практичный взгляд на грамотность. Однако, по мнению Н.Ф. Бунакова — педагога, долго работавшего на селе, этот взгляд был далек от узкого практицизма, навязываемого народной школе сверху. По мнению крестьян, хорошая школа не только детям дает знание Закона Божия, но через детей приводит и их родителей к пониманию церковного богослужения; такая школа должна учить ребенка разбирать как церковную книжку, так и светскую, умению растолковывать законы; от хорошего учителя дети должны научиться жить совестливее, правдивее. Крестьяне не одобряли школы, «где учат читать, как пономарь, где готовили только к экзаменам: полученные там знания быстро улетучивались»[140].

Главной проблемой школы по-прежнему оставалась хроническая нехватка квалифицированных кадров. Вопрос о путях под-

готовки учителей для начальной школы обсуждался в обществе и в правительственных сферах. С 1865 г. в одном из уездных училищ каждого учебного округа стали открывать педагогические курсы. Их выпускников не хватало, поэтому обратились к другому источнику — выпускникам уездных и духовных училищ и семинарий. Разрешение на преподавание выдавали не только окончившим курс в специальном учебном заведении, но и просто по результату разового экзамена (при наличии «вида на благонадежность»). Правительство в подборе преподавательских кадров исходило прежде всего из нравственных качеств, а не из уровня профессионализма.

Со второй половины 60-х гг. в подготовке учителей стали участвовать земства. Доверяя органам местного самоуправления образование народа, правительство преследовало прежде всего практические интересы — обеспечить за их счет финансирование школ. Но общественность не сразу приняла на себя все расходы по организации школ, тем более что в бюджете земств эти расходы значились как необязательные. До начала 90-х гг. губернские земства вообще устранялись от участия в народном (начальном) образовании, возложив его на уезды. Но и там в первое время подчас побеждали консервативные силы. Деятели первого призыва в большинстве своем были помещиками со старыми взглядами на образование народа, считавшими содержание школ делом самих крестьян. В 1868 г. из 324 уездных земств одна треть ничего не ассигновала на эту статью расхода. В нижегородском земстве, например, эти отчисления росли довольно медленно: в 1869 г. — 4,4%, в 1874 г. — 7, 1879 г. — 8,7%[141]. Такая же картина наблюдалась и в подавляющем большинстве других уездов. Не всегда достаточно активной была деятельность и по открытию новых школ даже при наличии средств. Так, по отчету Государственного казначейства за 1869 г., из ассигнованных на начальное образование 584 тыс. остались неизрасходованными около 160 тыс. Средства, выделявшиеся земскими управами, также порой не расходовались. «Петербургские ведомости» писали в 1868 г., что из выделенных одной из земских управ на нужды народной школы 1500 руб. израсходовано было лишь 12 руб. 50 коп.[142] В первый период своей деятельности земства ограничивались поддержкой существовавших церковно-приходских школ и школ грамоты: снабжали их учебными пособиями, организовывали библиотеки.

Более активно в 60—70-е гг. земства участвовали в подготовке кадров учителей для народных школ. В 1869 г. в Нижнем Новгороде открылись первые учительские курсы. Их слушатели — учителя приходских школ, выпускники семинарий, крестьяне —

на практике знакомились с новыми методиками преподавания К.Д. Ушинского, Л.Н. Толстого, Н.А. Корфа: учились употреблять звуковой метод обучения грамоте, осваивали приемы объяснительного чтения. Впоследствии к этой форме подготовки учителей прибавились другие — учительские семинарии, ознакомительные поездки[143]. Земские деятели, в частности Н.А. Корф, поднимали более общие вопросы: о типе народной школы, методике преподавания в ней, создании новых учебников.

Н.А. Корф, будучи членом Александровского Училищного совета (Екатеринославская губерния), много сделал в выработке нового типа начальной школы. В 60–80-е гг. он издал книги с изложением собственной педагогической теории, руководства к начальному обучению, учебные пособия[144]. В созданной Корфом школе реализовалась разработанная им методика преподавания, основанная на принципах постепенности, наглядности обучения, применении объяснительных бесед, передачи учащимся реальных знаний о природе, хозяйстве, быте. Главную задачу элементарной школы Корф видел в воспитании любознательного человека, способного посредством чтения самостоятельно приобретать полезные знания. К аналогичным выводам пришел и Н.Ф. Бунаков, долго работавший учителем в министерских училищах. В 1867 г. он организовал в Воронеже школу «на новых началах». В ней также нашел широкое применение принцип наглядности обучения, а из воспитательного процесса были устранены угрозы, насилие, принуждение[145].

Деятельность земств способствовала не только увеличению в народном образовании числа квалифицированных педагогов, но и, что более важно, изменению в обществе взгляда на труд учителя и на его личность как представителя интеллигенции. Ряды учительства стали пополняться образованными бескорыстными добровольцами, сыгравшими значительную роль в истории народной школы. Начали меняться взаимоотношения учителей с населением. Как правило, теперь они держались независимо, не брали от крестьян подношений натурой. Но, приходя к ним на помощь по первому зову, являясь толкователями указов, выполняя роль иногда медсестры, иногда фельдшера или ветеринара, учителя сближались с крестьянами, становились самыми нужными на селе людьми. По оценкам современников, «это были светочи среди сумерек, которые распространяли вокруг себя если не особенно яркий, то во всяком случае благотворный свет»[146].

Прошло менее двух лет с момента принятия Положения 1864 г., а реализация реформы пошла по другому пути. В 1866 г., через 10 дней после выстрела Д. Каракозова, главой Департамента просвещения стал гр. Д.А. Толстой. Его политика была направлена на восстановле-

ние сословности образования, установление жесткого единообразия обучения. Это не было только ответом на покушение Каракозова. Выстрел явился лишь сигналом для новой атаки на школьное дело.

Признавая Положение 1864 г. «полезнейшим документом», Д.А. Толстой тем не менее внес поправки, устранявшие все, что ослабляло охранительные начала и религиозно-нравственное направление в просвещении: пресекалась всякая местная инициатива, учебная часть ставилась под контроль министерства, «которое одно только может вести народное образование правильным путем по общему плану»[147].

Пристальное внимание правительства привлекла земская школа. К 1869 г. в России насчитывалось уже около 10 тыс. школ под покровительством земств, в которых училось свыше 250 тыс. человек[148]. Постепенно закрепился тип земской школы, созданной бароном Н.А. Корфом. Ее программа, рассчитанная на 3 года, формально не выходила за рамки курса приходского училища. Однако применение новых книг для классного чтения (Л. Толстого, К. Ушинского, Н. Бунакова со статьями по истории, географии) расширяло знания о природе, отечественной истории. Метод объяснительного чтения, не оставлявший непонятным для учеников ни одного слова, способствовал сознательному восприятию ими материала, расширял умственный кругозор. В этих школах изменилась и нравственная атмосфера. В основе старой педагогики лежал страх, дисциплина в казенной школе поддерживалась жестокими наказаниями, системой ябедничества и доносов среди учеников. В новой школе авторитет учителя стал приоритетным. По воспоминаниям одной из учительниц, «самым строгим наказанием была высылка из класса, порицание — строгий взгляд, покачивание головой; поощрение — чтение после урока, награда — разрешение ночевать в школе. Практика наушничества, доносов среди детей прекратилась сама собой, так как клички «ябеда», «шпион» стали самыми оскорбительными»[149]. Успех учебы основывался не на механическом запоминании, а на возбуждении любознательности, активизации внимания, наблюдениях за живой природой, во время прогулок вместе с учителем в лесу, в поле, во время работы на пришкольном участке, выделявшемся, как правило, школе в размере до 1 га. Все это способствовало изживанию суеверий, делало осмысленным использование навыков, полученных в практике крестьянской жизни.

Вот как описал свои впечатления от новой школы один из ее бывших учеников: «Прошел слух о земской школе, там не секут, не ругают... новая учительница добивалась, чтобы все нам было ясно и все лучшие и худшие (ученики. — *Е.С.*) понимали смысл

статей, прочитанных в «Родном слове»... На уроке арифметики решали задачи из практической жизни, на уроке Закона Божия батюшка не называл оскорбительными именами, урок был наглядным, с применением живого рассказа и картинок... Я хотел удивить учительницу своим быстрым чтением, но потом не смог повторить прочитанного, и меня заставили читать внятно, с расстановкой. Объяснения непонятного записывали в тетрадь. Школа возбудила в нас дух любознательности, мы перестали бояться домовых, узнали многое из истории, стали играть в Колумба и капитана Кука»[150].

Большую роль в жизни земской школы сыграли съезды учителей — первый (Московский) в 1872 г., затем 9 провинциальных в 1873—1883 гг. (Кострома, Херсон, Псков, Тверь, Ирбит, Шадринск и др.). Земские учителя видели в них средство своего усовершенствования: на теоретических семинарах знакомились с правильными методиками обучения, обсуждали проблемы воспитания, вопросы организации школьной жизни; проводились практические занятия. Эта форма работы объединяла учительство, разбросанное по глухим селам, давала преподавателям возможность культурного общения, поднимала значимость их работы в собственных глазах.

Уже после первого съезда повысились интерес общественности и внимание к земской школе. В ней увидели средство, способное внести в народную жизнь начала культуры, просвещения[151]. Предметом внимания земств стало ее благоустройство; с 70-х гг. выросли отчисления на содержание учителей, увеличилось их годовое жалованье, участились разовые материальные поощрения, стала выплачиваться пенсия по выслуге лет. В дальнейшем затраты земств возрастали. Если в 70-е гг. на сельские общества приходилось 45% расходов по содержанию учителей, то к 1900-м гг. они сократились до 5%[152].

Возрастал авторитет земских деятелей. Свою программу действий они отстаивали, используя Училищные советы, что выразилось главным образом в подборе преподавательских кадров и надзоре за учебной частью училищ. Популярность новых школ росла, они быстро заполнялись учениками, иногда переходившими туда из церковно-приходских школ и школ грамоты. Например, в земской школе Устюжского уезда среднее число учащихся равнялось 70—90 человекам, а в церковно-приходской — 20—60[153]. По свидетельству земского деятеля М. Слобожанина, в уездные управы все чаще поступали ходатайства и «приговоры» сельских обществ об открытии у них земских, а не церковно-приходских школ; крестьяне готовы были взять на себя расходы по найму,

отоплению и охране школьных помещений[154]. Питомцы земских школ, окончив учение, продолжали пользоваться школьной библиотекой, что способствовало закреплению и расширению полученных знаний. Земская школа стала подлинно народной, так как была приближена к нуждам крестьян. «Из нее ученик выносил сознательное усвоение православной веры, массу практически полезных навыков — умение пользоваться торговыми счетами, связно изложить устно и на бумаге свои мысли, а главное, уважение к знанию, способность к самообразованию»[155]. Именно эта сторона деятельности земских школ вызывала тревогу властей.

Работа земских школ находилась под бдительным контролем чиновников. Для наблюдения за школами в 1869 г. учреждается должность инспектора народных училищ в 33 губерниях, где были земства. Одновременно там создаются так называемые «образцовые училища», в основном одноклассные с курсом обучения в 3 года, и частично 2-классные с курсом в 5 лет. Хозяйственные заботы о них возлагались на сельские общества, а содержание учителей, обеспечение учебного процесса брала на себя казна[156]. Предполагалось, что они будут давать детям сельского населения «элементарное образование в более полном и законченном виде сравнительно с другими сельскими начальными училищами». Круг обычных предметов дополнялся в старшем отделении историей, географией, естествознанием и черчением[157]. Создавая этот тип министерской школы, Д.А. Толстой руководствовался тем, что «лучше иметь меньше училищ, но обеспеченных, чем разводить множество плохих, приносящих вред тем, что подрывают доверие вообще к образованию»[158]. Под «множеством плохих училищ» имелась в виду прежде всего пускавшая корни земская школа. В 1874 г. образцовые училища появились и в неземских губерниях. Так была создана государственная народная школа как опорный пункт влияния на общественную школу, призванная четко проводить линию правительства.

В 1874 г. издается Положение о народных училищах, в корне изменившее управление народной школой[159]. Главой Училищного совета становился не избираемый из его состава представитель (как правило, с педагогическим опытом), а предводитель дворянства. Только дворяне, по мнению министра, способны были «оградить школы от посторонних пагубных влияний». Вся деятельность школы ставилась под контроль администрации. Влияние на учебный процесс земских представителей сокращалось за счет усиления в нем роли чиновников. От директора и инспектора училищ зависело и назначение кандидатов на учительские должности, а также отстранение их от работы. Училищные советы потеряли право

открывать новые школы, хотя право закрывать «вредные» за ними сохранилось. Количество инспекторов с содержанием от казны увеличивалось в два раза.

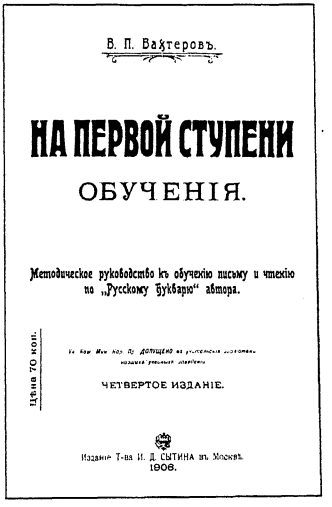
Подготовка учителей в земских учебных заведениях подпадала под контроль правительства. После 1874 г. резко изменилась сама атмосфера в учительских семинариях, на курсах — творческий обмен мнениями и опытом работы сменился диктатом наблюдателей от администрации[160]. В 1883 г. были запрещены учительские съезды. Инспектора училищ унижали учителя: «кричали на него при учениках, заставляли бежать впереди коляски, показывая дорогу к другой школе»[161].

Земцы выступали против усилившейся в 80-е гг. формализации обучения. Инспектора, проводя экзамены, ревизуя школы, обращали внимание именно на формальную сторону, а не на умственное развитие учеников. Вот какую оценку учебы в уездных училищах еще в 60-е гг. дали современники: «При машинальном способе преподавания ученики знали, сколько в русском языке склонений и спряжений, на что оканчивается родительный падеж первого склонения, но в то же время не умели написать толково и связно простого письма; они могли пересказать имена не только всех удельных князей с датами их княжений, но и имена египетских фараонов и вавилонских царей, а между тем не в состоянии были объяснить смысл ни одного исторического факта; им знакомы были названия многих африканских рек, но они не в состоянии были растолковать, что такое река и откуда она берется и какие реки находятся в ближайшей местности; они могли производить арифметические действия с большими числами, но не могли решить простейшей задачи: сосчитать, сколько нужно заплатить за 1 месяц и 10 дней работы, если известен размер годового жалованья. Словом, наука в уездных училищах находилась в полном разрыве с жизнью»[162]. Для выполнения этих требований обучения иные учителя старого закала жертвовали физическим и нравственным здоровьем детей: оставляли их без обеда, били, ставили на колени. Пытавшиеся работать по другой методике приобретали славу «опасных» и больше других страдали от чиновного ока[163]. Инспектора типа И.Н. Ульянова были большой редкостью, скорее, исключением из правила. Как отмечали современники, если даже на эту должность попадал способный педагог, сама система превращала его прежде всего в исполнительного чиновника, несмотря на профессиональные и личные качества[164]. Постепенно у учителей и населения, по замечанию Н.В. Чехова, установился взгляд на инспектора как на силу, враждебную делу образования[165].

Во всех этих мероприятиях проявлялось стремление правительства оградить школу от влияния прогрессивной общественности. Однако практика не всегда оправдывала эти надежды. Условия работы инспекторов были довольно сложными. Число земских школ росло быстрее, чем должностные ставки инспекции. И хотя затраты на содержание инспекторов увеличивались (с 1866 по 1897 г. они возросли в 5 раз), один инспектор курировал училища 3–4 уездов. В условиях российских расстояний роль «подпасков полиции», как их назвал Л.Н. Толстой, зачастую становилась формальной. Образцовые училища, составлявшие ничтожное число, по методам преподавания отставали от земских школ, более жизненных и более отвечавших требованиям времени. По признанию министра просвещения И.П. Толстого (1905), «правительственная школа позаимствовала много хорошего у земской школы...»[166] По мнению же чиновников и консервативной прессы, «земская школа сильно подорвала авторитет родителей и власти... в числе горлопанов, бесчинствующих на сельских сходах, немало воспитанников этих школ»[167]. Но это свидетельствовало только о том, что земские школы делали крестьян более сознательными членами общества, пытавшимися разобраться в событиях, а не воспринимать все на веру.

В 70-е гг. создается система двух изолированных друг от друга ступеней учебных заведений. В 1872 г. было издано Положение о городских училищах[168], заменивших уездные. Преобразование затянулось более чем на 20 лет. Городские училища могли быть





Титульные листы учебных книг

1–4-классными с одинаковым 6-летним курсом обучения. В одноклассном училище в каждом из трех отделений учились по 2 года, в 2-классном курс первого отделения составлял 4 года, курс старшего отделения — 2 года и т. д. Училище содержало законоучителя и столько преподавателей, сколько классов в нем было. Учебная программа отличалась несовместимостью и отсутствием преемственности с курсом низшей школы: курс 1-го отделения (4 года) был несколько шире, чем в приходских училищах, это обстоятельство отмечалось в отчете министра за 1896 г.: «...необходимо пересмотреть программу, так как учащиеся, пришедшие из начальных училищ, не могут ее освоить...»[169] В реальности, окончив начальную школу, поступить в городское училище было трудно еще и из-за отсутствия свободных мест в старшем отделении, кроме того, и плата за учебу здесь составляла 4–10 руб. в год[170]. По официальной версии, дети, оканчивавшие курс четырех лет, могли поступать в гимназию, но, по мысли Д.А. Толстого, высказанной кулуарно, этот тип школы должен был «освободить гимназии от лишних учащихся»[171].

Функционировавшие еще долгое время уездные училища перестали быть связующим звеном со средней школой. Городское училище соединило в себе учебные заведения 1-й и 2-й ступеней. Курс их, включавший девять предметов, являлся законченным. В старших отделениях изучали геометрию, отечественную историю и географию, физику, преподавали также пение, черчение, гимнастику. Этого, однако, было недостаточно для поступления в высшее учебное заведение. «Русские ведомости» охарактеризовали эти школы как не связанные с низшими и не имевшие выхода в высшие учебные заведения. А на съезде учителей в 1909 г. городские училища назвали «отводным каналом, куда должны были в обход гимназий и университетов направляться молодые люди «черной кости», ищущие более полного и законченного образования»[172]. По общему мнению исследователей народного образования, это были тупиковые школы[173].

80-е гг. ознаменовались отходом от реформ 60–70-х гг. во всех областях жизни. В просвещении он проявился в усилении влияния Синода и в насаждении церковно-приходских школ (ЦПШ). При подготовке Положения 1864 г. Александр II стоял перед выбором: духовной или светской должна быть школа. Святейший Синод тогда высказал свои претензии к руководству образованием. Являясь обер-прокурором Святейшего Синода, Д.А. Толстой считал, что «служители церкви всегда будут иметь преимущества перед всякими другими учителями народа, которые иногда могут увлекаться собственными воззрениями, не всегда полезными для пра-

вительства и государства»[174]. Однако в условиях общественного подъема правительство не решалось открыто поддержать церковь.

Во второй половине 60-х — начале 80-х гг. церковно-приходские школы пришли в совершенный упадок. В 1864 г. их было примерно 22,5 тыс., а в 1884 г. — 4 тыс. почти ничем не обеспеченных школ[175]. В 1878 г. в Комитете министров был поднят вопрос о расширении участия духовенства в начальном образовании. Обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев заявил, что «если уже невозможно совсем устранить школы, то открывать их нужно под эгидой духовенства, только церковно-приходские, которые представляют собой гораздо больше гарантий для правильного и благонадежного образования»[176]. Он полагал, что эти школы как наиболее дешевые и дающие народу элементарную грамоту будут поддержаны духовенством и народом. После убийства Александра II в правительстве одержали верх сторонники мысли, что «развращение народа» начинается прежде всего в земской школе, так как там отдают приоритет общеобразовательным знаниям в ущерб развития религиозного мировоззрения. Началось наступление на общеобразовательное начало школ: усиливается религиозная направленность преподавания, даже в азбуке появляется церковнославянский отдел; сокращаются программы общеобразовательных дисциплин, закрепляется утилитарность обучения — в сельских школах вводятся курсы огородничества, садоводства, в городских — обучение ремеслам; из употребления изымаются лучшие учебники, которые заменяются «благонадежными», утвержденными Синодом. В результате снизилась качественная сторона обучения и всей педагогической литературы.

С 80-х гг. значительно увеличились субсидии казны на школы, принадлежащие Св. Синоду, и к концу века они существенно обгоняли финансирование министерских училищ: в 1888 г. кредит на потребности ЦПШ составил 1,5 млн руб., а на школы министерские — 250 тыс. руб. в год. Через своих инспекторов министерство требовало увеличения ассигнований земств на ЦПШ[177]. Епархиальное ведомство со своей стороны запретило устраивать светские школы там, где есть церковные, в то время как при наличии светских рекомендовалось открывать ЦПШ.

Преподавание в церковно-приходских школах целиком возлагалось на местное духовенство. Однако в отличие от отцов церкви приходские священники не были столь ревностными поборниками просвещения, поскольку большой материальной выгоды от этого они не имели. Для реализации задуманных планов пришлось применить некоторые принудительные меры: в 1885 г. преподавание вменялось в обязанность дьяконам; с 1892 г. произво-

дится вычет одной трети доходов у священников, не преподававших в школах; при распределении выпускники духовных семинарий обязаны были 2–3 года отработать в ЦПШ[178]. В результате церковная школа стала расширяться и превратилась в государственную. В 1888 г. их количество достигло более 17 тыс., а к 1893 г. — более 27 тыс.[179]

По Правилам, разработанным в 1884 г., церковно-приходские школы были одноклассными с курсом в 2 года и 2-классными с курсом в 4 года[180]. В 1894 г. из 14 тыс. ЦПШ 2-классными являлось всего 205 школ[181]. Но дело было не только в длительности курса, но и в его направленности. Из программы исключались почти все сведения общеобразовательного характера. Основное внимание уделялось Закону Божию, церковно-славянскому языку, церковному пению; давались элементарные знания, основанные на простом заучивании: чтение, письмо, счет. При 4-летнем курсе новых предметов не добавлялось. Всякое расширительное толкование предмета воспрещалось. В инструкции оговаривалось, чтобы учителя не стремились делиться с детьми своими знаниями.

В эти же годы правительство обратило внимание на крестьянские школы грамоты, находившиеся как бы вне закона. В 1882 г. они были узаконены, что выразилось в разрешении не требовать свидетельства на учительское звание от лиц, занимающихся домашним обучением крестьян[182]. Минимальность программы их одногодичного курса вполне устраивала правительство. В 70–80-е гг. школы грамоты часто попадали под покровительство земств, поэтому, продолжая линию на ограничение их влияния, в 1891 г. министерство передает эти школы в ведомство Синода, усиливая в их работе религиозное направление[183]. Главной целью этих школ было «внушать любовь к церкви и богослужению, дабы посещение церкви сделалось навыком и потребностью»[184]. Однако знание молитв наизусть еще не свидетельствовало о росте религиозности и приобщении к сознательной вере. Это была выработка лишь внешних навыков и привычки к молитве.

Общественность отнеслась к распространению церковной школы неоднозначно. Известный педагог П.Ф. Каптерев, характеризуя ЦПШ, писал: «...вся учебно-воспитательная деятельность их направлена не на то, чтобы учить ребенка, а на то, чтобы образовать из него церковную тварь»[185]. Исследователь народного образования В.И. Чарнолусский отмечал, что «сожительство школы и церкви — явление совершенно ненормальное», «школа должна быть признана совершенно независимым от церкви общеобразовательным учреждением»[186]. В то же время в земствах распространился взгляд на духовенство как знатока просвещения, близко

стоящего к народу. Повсеместно наблюдалась поддержка земствами ЦПШ. Иногда даже ликвидировались собственные школы. Такое положение сохранялось до середины 90-х гг., когда настойчивые ходатайства с мест, в первую очередь от крестьян, дали новый толчок развитию земской школы[187]. В отчетах земских управ за 90-е гг. отмечалось увеличение религиозного налета в школах ряда губерний (Вологодской, Пермской, Смоленской, Костромской и др.). Однако уроки Закона Божия в земской школе были иными, нежели в большинстве ЦПШ. Сознательное изучение детьми Священного Писания, по свидетельству современников, делало более осознанным исполнение религиозных обрядов и их родителями[188].

Отношение народа к церковно-приходским школам, ставшим альтернативой светским, также было различным и зависело от рода его занятий. В сельскохозяйственных регионах, в местах, отдаленных от центра, они пользовались популярностью. В промышленных губерниях и уездах отмечалась большая тяга к светской школе, особенно усилившаяся в 90-е гг. Любопытно, что в это время крестьяне промышленных районов высказывали пожелания, чтобы начальная школа давала не только элементарную грамоту, но и более широкое образование. В 1897 г. была разработана примерная программа факультатива по истории в начальной школе. Как самостоятельный предмет история вводится только в 1910 г.[189]

Несмотря на все усилия правительства и Синода, церковные школы по количеству учащихся не могли обогнать светские. По данным 1896 г., в министерских училищах и земских школах обучалось 4 млн детей, а в школах духового ведомства — 1 млн[190]. Перелом в отношении министерства к школам духовного ведомства произошел в 1900 г., когда министр просвещения Н.П. Боголепов заявил, что дальнейшее расширение прав Синода в народном образовании «едва ли может быть оправдано с точки зрения потребностей государства»[191].

В результате преобразований второй половины XIX в. в России функционировали следующие типы начальных учебных заведений: 94% всех школ этого уровня были одноклассные училища с курсом обучения в 1—3 года (приходские училища министерства, земств и Синода); 4% — 2-классные с курсом 4—5 лет (уездные, министерские образцовые училища, ЦПШ); 2% — многоклассные с курсом в 6 лет (городские)[192].

Какова была практика российской школы? Учебный процесс того времени не укладывается в рамки современных представле-

ний. Класс состоял из 2–3 отделений в зависимости от уровня подготовки детей. В одноклассном училище занятия вел один учитель: «приходское училище имеет одну классную (комнату), где одновременно занимаются 3 отделения: в младшем — 102 ученика, в среднем — 66, в старшем 59»[193]. В начале учебного года больше внимания уделялось младшим, только что пришедшим в школу, обучающимся грамоте; во второй половине года — старшим, готовящимся к экзамену. Оставленные без постоянного внимания наставника дети занимались самостоятельной работой: переписыванием текстов, решением задач, чтением учебника. В этих условиях даже применение прогрессивных методов преподавания, разрабатываемых земскими учителями, давало малый эффект.

С первых же лет реализации реформы школа столкнулась с трудностями, которые ей так и не удалось преодолеть, и прежде всего со скудостью материального обеспечения. Казна выделяла на нужды Министерства просвещения лишь 2% государственных доходов. В городском бюджете расходы на образование в среднем составляли 8%. Среди множества российских уездных городов 33 тратили на сферу образования менее 100 руб. в год, а 68 не расходовали ни рубля. Недостаток городских средств пополнялся отчасти земскими ассигнованиями, которые на нужды просвещения составляли 14% бюджета[194]. Скудость финансирования отражалась на всей деятельности школы. Училища были крайне переполнены. Даже в конце века, при уже достаточно широкой сети сельских школ, одно училище обслуживало в среднем 11 селений[195]. Школьное строительство было ничтожно малым (училища зачастую не имели собственных зданий), а содержание наемных помещений — дорого и их состояние отличалось низким санитарным уровнем: теснота, духота, сырость, темнота. К этому добавлялась нехватка оборудования, учебных пособий, учителей — таковы реалии жизни сельской школы в 60–90-е гг. XIX в.

Городские училища находились в лучшем положении, но и в них условия работы и учебы были тяжелыми. Вот что вспоминал бывший ученик Арзамасского училища: «В большом классе одновременно занимаются около 100 учеников и 2–3 преподавателя. Постоянно стоит жужжание голосов. Вентиляции нет, воздух пыльный, бывают головокружения, обмороки. Удобства самые примитивные, на улице. И это новое, специально построенное здание!»[196] В отчетах министерства и уездных Училищных советов из года в год повторяются сообщения о закрытии училищ из-за нехватки средств на их содержание и ремонт.

Заметные качественные сдвиги в школьной практике появились во второй половине 90-х гг., когда все более серьезные тре-

бования к образованию народа, предъявляемые развивающейся модернизацией общества, «раскачали» губернские земства. Их отчисления на начальное образование сдвинули с мертвой точки школьное строительство, стали выделяться безвозмездные ссуды на ремонт зданий, улучшилась материальная база школы. Это дало возможность кое-где организовать ночные помещения для детей из отдаленных селений, появилась практика школьных завтраков, впервые введенная в годы голодовок. Издавалась новая учебно-методическая литература, возобновились учительские съезды, сложились квалифицированные кадры преподавателей нового типа, интересы которых защищали земства перед училищным начальством. Земства отстояли свое право влиять на учебный процесс, утверждать кандидатуры учителей. В 1900 г. правительство пыталось отобрать эту привилегию в обмен на увеличение субсидий школам. Но ни одно земство на это не согласилось[197]. Более того, они взяли на себя и хозяйственные заботы, ранее лежавшие на сельских обществах. Несколько сократившееся в 80-е гг. число земских школ в последнее десятилетие века возросло и превысило 40 тыс.[198]

Активизации земской деятельности способствовала оживившаяся в это время работа комитетов грамотности — Московского и Петербургского, основанных в 1861 г. До 80-х гг. они занимались в основном теоретической стороной дела — заслушивали доклады по различным вопросам народного образования. Ученые, общественные деятели, пришедшие в них в 80-е гг., повернули работу в более практическое русло. Здесь сотрудничали земский деятель Д.И. Шаховской, ученый В.И. Вернадский, исследователи народного образования и педагоги С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбурги, Г.А. Фальборк, В.И. Чарнолусский и др. Комитеты грамотности способствовали увеличению земских училищ, развитию форм внешкольного образования — появлению воскресных школ и повторительных классов, созданию сельских библиотек, изданию справочной, методической и художественной литературы. В 1891—1895 гг. были обеспечены книгами 592 земские школы, выпущено более 1 млн экз. книг[199]. Деятели комитетов грамотности способствовали возбуждению земствами ходатайств о всеобщем начальном обучении. Этот вопрос поднимался еще в 70-е и 80-е гг., однако тогда он не был поддержан большинством земств из-за недостатка материальной базы. Теперь, в новых условиях экономического и общественного подъема, он нашел положительные отклики в различных общественных слоях.

Такая активность комитетов грамотности вызвала реакцию правительства, которое увидело в этом «устремление интеллигенции захватить в свои руки народную школу и направить ее сооб-

разно своим планам»[200]. В 1896 г. комитеты были переданы в ведение Министерства народного просвещения и таким образом лишены самостоятельности. Однако их усилия не пропали даром, поставленные ими вопросы ждали своего разрешения: обсуждались меры по введению всеобщего начального образования; делались попытки расширения программы начального обучения — в 1900 г. министерство, наконец, узаконило сложившийся на практике 3-летний курс начальной школы, но в 1901–1904 гг. некоторые земства приняли решение о необходимости его увеличения до четырех лет[201].

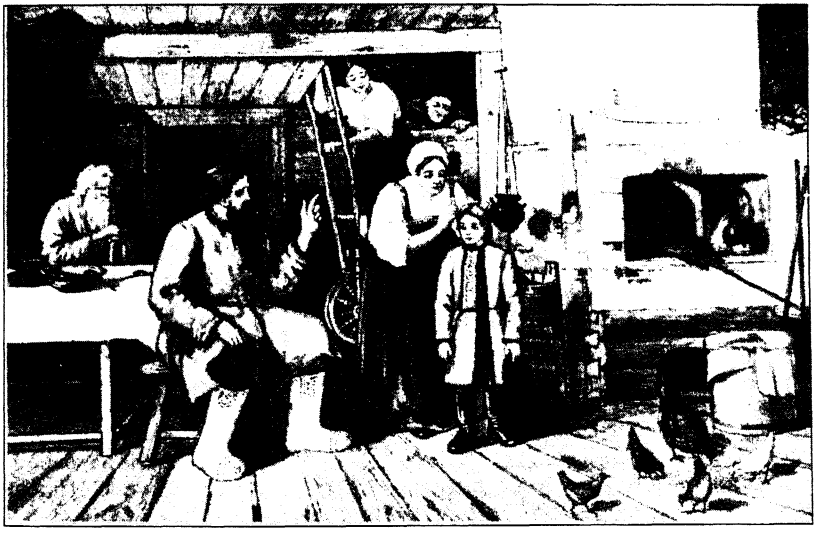
В конце 80-х гг. новую жизнь обрели воскресные школы. Движение по их открытию было менее интенсивным по сравнению с 50-ми гг. Инициатива исходила более чем из десятка городов, но реально школы открылись первоначально только в трех городах: чиновные рогатки замедляли их утверждение. Циркуляры 1891–1892 гг. усложняли открытие новых школ, вводившиеся санитарные нормы давали право закрывать действующие. Однако потребность в этой форме образования, главным образом для рабочих, была велика. В 1892 г. открылись 24 новые школы, в 1893 г. — 27, в 1896 г. — 37, в 1897 г. — 48[202]. На увеличение их числа большое влияние оказала Нижегородская выставка 1896 г., где в павильоне народного образования посетители могли познакомиться с деятельностью воскресных школ. В книге отзывов было много записей представителей земской интеллигенции, инспекторов училищ, «озаботившихся намерением открыть подобные школы». В 90-е гг. воскресные школы стали появляться и на селе. Инициаторами их открытия были деятели из местной интеллигенции. Число этих школ учету не поддается, однако сведения об их работе поступали из множества губерний[203].

Преподавателями в школах были студенты, учителя гимназий. Их учащимися часто становились люди, обладавшие элементарной грамотой, пришедшие сюда с целью расширения знаний. Однако министерство смотрело на эти школы как на начальные, поэтому постоянной проблемой оставался объем программы: жизнь требовала его увеличения, а инспекторский надзор не допускал этого, более того, стремился придать курсу духовный характер. Распространение воскресных школ явилось показателем растущей в народе тяги к образованию. В условиях общественного подъема 90-х гг. революционно настроенная интеллигенция использовала воскресные школы для воспитания у рабочей молодежи чувства классовой сознательности. Осознавая эту опасность, правительство в 1890 г. передало все воскресные школы в ведение Синода. Это вызвало в обществе недовольство, прозвучавшее на II съезде

деятелей технического и профессионального образования, который проходил в Москве в конце 1895 — начале 1896 г.

В результате деятельности пореформенной школы повысилась грамотность населения. К концу столетия число грамотных в России в среднем достигло 21,4%. В городе грамотная молодежь (мужчины) составляла даже 40%[204]. Однако взятые изолированно от прочих факторов, эти цифры не показывают уровня общей культуры общества. В официальных документах министерства в конце века постоянно отмечалось, что достигнутые результаты недостаточны. Обучение грамоте было пока уделом счастливцев. Даже в столицах и крупных губернских городах за порогом начальной школы оставалось от $^1/_5$ до половины ребят, желавших туда поступить. В среднем по стране грамоте обучалась лишь одна треть детей школьного возраста[205]. Отсталость России в развитии школы становится еще более очевидной при сравнении ее со странами Западной Европы, где в XIX в. произошел огромный скачок в росте грамотности населения. В 90-е гг. на 100 жителей приходилось учащихся: в Швейцарии — 19 человек, в Германии — 18, Англии — 16, во Франции — 14, в Австрии — 13, в Италии — 7, в то время как в России только 3 человека[206].

Основная масса населения — сельское — обучалась в школе 1-й ступени. Доступность более широкого образования, развивавшего кругозор, создававшего условия для сознательного восприятия жизни, была крайне ограничена. Кроме того, лишь 9—14% из



Крестьянская семья собирает ребенка в школу

поступающих в элементарную школу оканчивали ее полный курс, а в ЦПШ этот показатель не поднимался выше 8–10%[207]. Важным показателем прочности приобретенных элементарных знаний является процент неграмотных рекрутов. И по этому показателю Россия 90-х гг. в сравнении со своими западными соседями находилась на первом месте, даже с учетом данных только по европейской ее части: если в Швейцарии неграмотные рекруты составляли 0,7%, в Швеции — 0,8, во Франции — 9,3, в Италии — 49, то в России — 68%[208].

Таким образом, уровень образования народа оставался низким. Разрыв между просвещенными верхами и малограмотными низами и в конце столетия был огромным. Ответственность за это во многом лежала на правительстве. Впрочем, это вполне соответствовало его интересам, о чем откровенно высказался директор Департамента полиции И.П. Петров: «...русским мужиком можно управлять, пока он безграмотен»[209]. Правительство рассматривало народную школу как средство формирования прежде всего верноподданной, покорной, богобоязненной среды.

Политике самодержавия в просвещении, которая первой воспринимала все колебания внутриполитического курса, противостояли усилия общественных деятелей. Благодаря им в пореформенное время возникла подлинно народная школа — земская, развившая в народе стремление к знаниям. Но для расширения культурного кругозора нужны были определенные условия, и прежде всего возможность реализации грамотности, широкий доступ к литературе, как общеобразовательной, так и специальной и художественной. Созданию этих условий правящие круги содействовали не всегда, более того, часто они создавали тому препятствия. Уровень образованности массового среднего слоя населения как города, так прежде всего и деревни был невысок. Это во многом определило особенности последующего общественно-политического развития России.

---

[1] Сборник материалов для истории просвещения в России. Т. 1. СПб., 1893. С. 199.

[2] См.: *Рождественский С.В.* Очерки по истории системы народного просвещения в России в XVIII–XIX вв. // Зап. ист.-филол. ф-та С.-Петербургского ун-та. Ч. 104. СПб., 1912. С. 607–608.

[3] Северный вестн. 1804. № I. С. 3; 1805. № XII. С. 214; Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1805. № XII. С. 543.

[4] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. I. 1802–1825. СПб., 1864. № 47.

[5] Предварительные правила народного образования // Там же. № 17.

[6] Реально учитель получал от 15 до 180 руб. в год, хотя по штату его оклад составлял 120–200 руб. Учителя уездных училищ были в несколько лучшем положении: имели право на пенсию (служба по 12-му классу); оклады были немного выше — 250–300 руб.; в 1809 г. их дома были освобождены от постойной повинности (на приходских учителей эта привилегия распространилась лишь в 1825 г.) (Сборник постановлений... Штаты. С. 17; Указ 16/II 1809 г. // Сборник постановлений... № 107, 500; *Чарнолусский В.И.* Начальное образование в первой половине XIX в. в России // История России в XIX веке. СПб., 1908–1909. Ч. 2. С. 100; *Багалей Д.И.* Опыт истории Харьковского университета. Т. 1. 1802–1815. Харьков, 1893. С. 1086.

[7] Периодическое сочинение... 1808. № XXIII. С. 264–335 (подсчеты автора).

[8] *Чарнолусский В.И.* Указ. соч. С. 78.

[9] Материалы отчетов, составленных ими, — ценный источник. Не опубликованные отдельно, они отчасти приводятся в изданиях: *Багалей Д.И.* Указ. соч.; *Булич Н.Н.* Из первых лет Казанского университета. 1805–1819. СПб., 1904; *Отто Н.К.* История Новгородской дирекции до 1828 г. (Материалы к истории учебных заведений Министерства народного просвещения). СПб., 1865; отчеты визитаторов Московского университета сохранились в Центральном историческом архиве г. Москвы (далее — ЦИАМ) в фонде Московского университета (Ф. 418).

[10] См.: *Карамзин Н.М.* О новом образовании народного просвещения в России // Вестн. Европы. 1803. № 5. С. 56.

[11] Периодическое сочинение... 1808. № XXII. С. 264–335 (подсчеты автора).

[12] Рассказы бабушки, записанные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 47; *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. Вып.1. М., 1890. С. 146.

[13] Северный вестн. 1804. № XII. С. 317–321; 1805. № IV. С. 100–104; Периодическое сочинение... 1805–1812. № VIII–XXXIII. Разные вести; *Булич Н.Н.* Указ. соч. С. 502–504; *Воронов А.С.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа. 1715–1828. СПб., 1847. С. 248–256; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Ед. хр. 381.

[14] См.: *Багалей Д.И.* Указ. соч. С. 1176; *Отто Н.К.* Указ. соч. С. 13, 78, 83.

[15] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Ед. хр. 166. Л. 3.

[16] См.: *Белявский М.Т.* Школа и образование // Очерки русской культуры XVIII в. Т. II. М., 1987. С. 276–277; *Отто Н.К.* Указ. соч. С. 93; *Чарнолусский В.И.* Указ. соч. С. 124.

[17] См.: *Блиох И.С.* Финансы России в XIX столетии. История статистики. Т. 1. СПб., 1882. С. 152 (подсчеты автора).

[18] Указы 26/VIII 1811 г., 15/I 1816 г. // Сборник постановлений... № 173, 231; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Ед. хр. 1461. Л. 19.

[19] *Чарнолусский В.И.* Указ. соч. С. 93.

[20] См: *Багалей Д.И.* Указ. соч. С. 1197.

[21] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Ед. хр. 166. Л. 8, 11–12; Ед. хр. 1461. Л.5, 9, 14 об., 17; Ед. хр. 1810. Л. 7, 10; Ед. хр. 3222. Л. 3 об., 13; Ед. хр. 4751. Л. 10–11; Ед. хр. 4842. Л. 4 об.; Ед. хр. 5296. Л. 11 об.

[22] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Ед. хр. 1810. Л. 63.

[23] Указ 10/X 1803 г. // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1866. № 8; *Багалей Д.И.* Указ. соч. С. 1141.

[24] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Ед. хр. 2482. Л. 1, 5, 7, 9, 11,19, 22 об.

[25] Сборник материалов для истории просвещения в России. Т. 1. С. 199.

[26] Периодическое сочинение... 1803. № I. С. 64.

[27] Там же. 1805. № XIII. С. 57–80; 1806. № XIV. С. 164.

[28] См.: *Воронов А.С.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 г. СПб., 1854. С. 146–147; *Дубасов И.И.* Указ. соч. С. 147; *Миропольский С.И.* Школа и государство. СПб., 1910. С. 63; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Ед. хр. 715. Л. 7; Ед. хр. 1461. Л. 10.

[29] См.: *Чарнолусский В.И.* Указ. соч. С. 88.

[30] См.: *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 . СПб., 1902. С. 73.

[31] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Ед. хр. 711. Л. 1, 2; Ед. хр. 715. Л. 1, 7; Сборник распоряжений... Т. 1. № 13.

[32] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Ед. хр. 1810. Л. 4 об., 5, 219.

[33] Цит. по: *Чарнолусский В.И.* Указ. соч. С. 85.

[34] ЦИАМ. Ф.418. Оп.73. Ед. хр. 2825. Л.1, 4, 29.

[35] Подробнее об этом см.: *Томашевич Н.* Ланкастерские школы в России // Русская школа. 1913. № 3. С. 36–92; *Константинов Н.С., Струминский В.Я.* Очерки по истории начального образования в России. М., 1953. С. 89–92; Антология педагогической мысли России в первой половине XIX в. М., 1987. С. 10–12.

[36] Напр.: Российская грамматика издания Главного правления училищ. СПб., 1809; Краткая российская грамматика. СПб., 1811.

[37] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Ед. хр. 1810. Л. 7, 8 об.; Ед. хр. 4751. Л. 2.

[38] См.: *Гарусов И.Д.* Провинциальные училища 30–40-х годов. (Воспоминания бывшего гимназиста) // Русская школа. 1910. № 4. С. 8, 14.

[39] Там же. С. 9.

[40] См.: *Багалей Д.И.* Указ. соч. С. 1178; *Отто Н.К.* Указ. соч. С. 94; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Ед. хр. 1810. Л. 63, 218 об.

[41] См., напр.: Указ 18/II 1811 г. // Сборник распоряжений... Т. I. № 62; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Ед. хр. 371. Л. 3, 4.

[42] Доклад министра. Цит. по: *Рождественский С.В.* Исторический обзор... С. 131.

[43] См.: *Багалей Д.И.* Указ. соч. С. 1092–1093.

[44] Там же.

[45] Сборник постановлений... Т. I. № 301.

[46] *Рождественский С.В.* Исторический обзор... С. 110.

[47] Указы 10/I 1812 г., 29/I 1814 г. // Сборник распоряжений... Т. I. № 89, 103; Указ 5/XII 1816 г. // Сборник постановлений... Т. I. № 259.

[48] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Ед. хр. 2149. Л. 4 об.

[49] Указы 7/II 1819 г., 5/V 1819 г., 4/VIII 1820 г. // Сборник распоряжений... Т. I. № 165, 174, 198.

[50] Указ 14/VI 1817 г. // Сборник постановлений... Т. I. № 293.

[51] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Ед. хр. 5298. Л. 18.

[52] Там же. Ед. хр. 2482. Л. 22 об.; Ед. хр. 715. Л. 7; *Багалей Д.И.* Указ. соч. С. 1176; *Булич Н.Н.* Указ. соч. С. 504; *Князьков С.А., Сербов Н.И.* Очерк истории народного образования в России до эпохи Александра III. М., 1910. С. 181; История уделов за 100 лет. Т. 2. СПб., 1901. С. 374; *Воронов А.С.* Указ. соч. С. 145.

[53] См.: *Булич Н.Н.* Указ. соч. С. 507; *Багалей Д.И.* Указ. соч. С. 1174; *Отто Н.К.* Указ. соч. С. 73, 83; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Ед. хр. 8299. Л. 85, 85 об.

[54] *Князьков С.А., Сербов Н.И.* Указ. соч. С. 181; *Багалей Д.И.* Указ. соч. С. 1177; *Отто Н.К.* Указ. соч. С. 14, 15, 20, 93; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Ед. хр. 1810. Л. 63; Ед. хр. 4751. Л. 3 об., 4; Ед. хр. 4842. Л. 6 об.; Ед. хр. 5480. Л. 2 об., 18; Ед. хр. 8299.

[55] *Рождественский С.В.* Исторический обзор... С. 166.

[56] *Фармаковский В.* Начальные школы Министерства народного просвещения. (По официальным источникам) // Русская школа. 1899. № 4. С. 108.

[57] Сборник постановлений... Т. II. Ч. 1. № 10.

[58] Указ 19/VIII 1827 г. // Сборник постановлений... Т. II. Ч. 1. № 35.

[59] См.: *Середонин С.М.* Историческое обозрение деятельности Комитета министров. Т. 2. Ч. 2. СПб., 1902. С. 242.

[60] Сборник постановлений... Т. II. Ч. 1. № 358.

[61] *Рождественский С.В.* Исторический обзор... С. 166.

[62] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Ед. хр. 7903. Л. 32.

[63] Там же. Л.. 28–29.

[64] Цит. по: *Князьков С.А., Сербов А.И.* Указ. соч. С. 195.

[65] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Ед. хр. 8329. Л. 11.

[66] Там же. Л. 68, 92, 94, 110; *Воронов А.С.* Указ. соч. С. 216.

[67] Цит. по: *Рождественский С.В.* Исторический обзор... . С. 282.

[68] Сборник постановлений... Т. II. Ч. 1. № 649.

[69] Там же. Ч. 2. № 681.

[70] См.: *Рождественский С.В.* Исторический обзор... С. 285.

[71] Там же. С. 283.

[72] См., напр.: *Тихомиров П.В.* Арифметика на счетах, или Легчайший способ производства арифметических действий над числами. СПб., 1830; Руководство к преподаванию арифметики. Для употребления в уездных училищах. Издано Департаментом народного просвещения. СПб., 1832; *Буняковский В.Я.* Руководство к 1 и 2 году преподавания арифметики. СПб., 1844; *Половцов В.* Учебник русского языка и грамматики. СПб., 1845; *Греч Н.И.* Начальная российская грамматика. СПб., 1852; и др.

[73] Рецензии на учебники Н.М. Греча, В.Я. Буняковского см.: *Одоевский В.Ф.* Избр. соч. М., 1955. С. 286, 288.

[74] Рец. на: *Смереннов А.* Арифметика хозяйственного счетоводства с правилами вычисления на счетах // Там же. С. 292.

[75] См.: *Середонин С.М.* Указ. соч. С. 231.

[76] См.: *Рождественский С.В.* Исторический обзор... С. 291.

[77] Сборник постановлений... Т. II. Ч. 1. № 137.

[78] Там же. № 6593.

[79] См.: *Князьков С.А., Сербов Н.И.* Указ. соч. С. 210.

[80] Цит. по: *Чарнолусский В.И.* Указ. соч. С. 105.

[81] См.: *Середонин С.М.* Указ. соч. С. 238–239.

[82] См.: *Рождественский С.В.* Исторический обзор... С. 376.

[83] Сборник постановлений... Т. II. Ч. 2. № 103.

[84] См.: *Константинов Н.А., Струминский В.Я.* Указ. соч. С. 97.

[85] Историческое обозрение 50-летней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. Т. 2. СПб., 1888. С. 50, 69.

[86] См.: *Преображенский И.В.* Духовенство и народное образование. СПб., 1900. С.6.

[87] История уделов за 100 лет. Т. 2. СПб., 1901. С. 374–376.

[88] Там же. С. 377–379.

[89] См.: *Чарнолусский В.И.* Указ. соч. С. 106.

[90] ПСЗ-I. Т. 39. № 30177.

[91] Сборник постановлений... Т. II. Ч. 1. № 4219; Историческое обозрение 50-летней деятельности Министерства государственных имуществ... С. 50.

[92] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Ед. хр. 7980. Л. 1 об.

[93] Историческое обозрение 50-летней деятельности Министерства государственных имуществ... С. 62, 63.

[94] Азбука для преподавания в детских приютах; Рассказы о Боге, природе и человеке; Сельские чтения (книга, выдержавшая 11 изданий); и др.

[95] Руководство для начального преподавания; Руководство для учителей; Советы наставникам; Наставление для учителей сельских приходских училищ; Положение о детских приютах; и др.

[96] См.: *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. II. М., 1958. С. 249–251.

[97] Там же. С. 255.

[98] Извлечение из отчета министра народного просвещения за 1869 г. СПб., 1871. С. 42.

[99] См.: *Рождественский С.В.* Исторический обзор... С. 283.

[100] См.: *Преображенский И.В.* Указ. соч. С. 5–6.

[101] См.: *Кандаурова Т.Н.* Социальная организация военных поселян в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1997. № 4. С. 66–67.

[102] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Ед. хр. 3507. Л. 1–5.

[103] См.: *Стрельцов Е.* Из 25-летней практики сельского учителя. 1849–1864. СПб., 1875. С. 43.

[104] *Успенский Д.И.* Помещики о грамотности крестьян. (Из истории образования в России в крепостную эпоху) // Русская мысль. 1904. № 3. С. 28.

[105] См.: *Чехов Н.В.* Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М., 1912. С. 8.

[106] Обзор деятельности Комитета грамотности при Московском обществе сельского хозяйства. М., 1894. С. 4.

[107] См.: *Успенский Д.И.* Указ. соч. С. 23–24; *Стрельцов Е.* Указ. соч. С. 44; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Ед. хр. 4752. Л. 9.

[108] См.: *Корхов Л.М.* Школьные воспоминания крестьянина // Вестн. Европы. 1870. Кн. 8. С. 514–530.

[109] Подробнее об этом см. очерк Л.В. Кошман «Профессиональное образование» в настоящем издании.

[110] См.: *Рождественский С.В.* М.М. Сперанский и Комитет 1837 г. Оттиск. Б/м., б/г.

[111] См.: *Блиох И.С.* Указ. соч. С. 252, 289.

[112] См.: *Арсеньев К.* Начертание статистики Российского государства. Ч. 1. СПб., 1818. С. 211.

[113] *Булич Н.Н.* Указ. соч. С. 1086.

[114] См.: *Арсеньев К.* Указ. соч. С. 211; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Ед. хр. 1461. Л. 1, 19 об.

[115] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Ед. хр. 166. Л. 14.

[116] *Булич Н.Н.* Указ. соч. С. 495, 502–504; *Отто Н.К.* Указ. соч. С. 7; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Ед. хр. 1810. Л. 6, 7, 8 об.

[117] См.: *Шульгин В.С., Кошман Л.В., Зезина М.Р.* Культура России в IX–XX вв. М., 1996. С. 162.

[118] Обзор деятельности Комитета грамотности, состоящего при Имп. Моск. об-ве сельского хоз-ва. М., 1894. С. 5.

[119] В течение 1859–1861 гг. открылось 316 школ. Иные из них были весьма многолюдны — до 300 человек, но в основном — по нескольку десятков учеников (см.: *Абрамов Я.* Первые воскресные школы в России // Русская школа. 1898. № 10. С. 22).

[120] Там же. № 11. С. 50.

[121] Сборник постановлений... Т. III. СПб., 1865. № 403.

[122] См.: *Рождественский С.В.* Исторический обзор... С. 396.

[123] Проект Положения о начальных училищах. СПб., 1862.

[124] См.: *Рождественский С.В.* Исторический обзор... С. 446, 448.

[125] Цит. по: *Рождественский С.В.* Исторический обзор... С. 370.

[126] Сборник постановлений... Т. III. № 560.

[127] *Канкрин Е.Ф.* Очерк политической экономии и финансов. СПб., 1894. С. 176.

[128] *Пайпс Р.* Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 138.

[129] *Рождественский С.В.* Исторический обзор... С. 450.

[130] Там же. С. 371; Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1864. № 9. С. 38.

[131] ЖМНП. 1864. № 9. С. 37.

[132] См.: *Корнилов И.* Замечания о народных училищах // Там же. 1862. № 3. С. 235–238.

[133] Военно-статистический сборник. Россия. СПб., 1871. С. 859.

[134] См.: *Рождественский С.В.* Исторический обзор... С. 453.

[135] *Чехов Н.В.* Народное образование в России с 60-х годов. М., 1912. С. 28.

[136] См.: *Веселовский Б.Б.* История земства за 40 лет. Т. 3. СПб., 1911. С. 170.

[137] Цит. по: *Чехов Н.В.* Указ. соч. С. 31.

[138] *Бунаков Н.Ф.* Сельская школа и народная жизнь. Наблюдения и заметки сельского учителя. СПб., 1906. С. 5.

[139] Цит. по: *Чехов Н.В.* Указ. соч. С. 24.

[140] *Бунаков Н.Ф.* Указ. соч. С. 6, 7, 9.

[141] См.: *Веселовский Б.Б.* История земства за 40 лет. Т. 1. СПб., 1909. С. 452; *Шестаков П.* Итоги земской деятельности по народному образованию в Нижегородской губернии // Русская школа. 1890. № 6. С. 120.

[142] ЦИАМ. Ф. 419. Оп. 1. Т. 3. Ед. хр. 2824. Л. 91, 100 об.

[143] См.: *Можайский И.П.* Из дневника инспектора народных училищ // Русская школа. 1891. № 2. С. 144–145.

[144] См.: *Корф Н.А.* Русская начальная школа. СПб., 1870 (выдержала 6 изданий); Руководство к обучению грамоте. СПб., 1867; Наш друг: Книга для чтения. СПб., 1871; Значение классной книги для чтения в элементарной школе. СПб., 1882.

[145] См.: *Бунаков Н.Ф.* Как я стал и перестал быть учителем учителей. СПб., 1905. С. 11.

[146] Там же. С. 90.

[147] ЖМНП. 1872. № 9. С. 12.

[148] Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. Т. X. Народное образование в России. СПб., 1910. С. 74.

[149] См.: *Е.С.* Воспоминания сельской учительницы // Русская школа. 1902. № 5/6. С. 34.

[150] *Куркин С.* Две школы. (Из воспоминаний бывшего ученика) // Вестн. воспитания. 1896. № 5. С. 123–128.

[151] См.: *Бунаков Н.Ф.* Как я стал и перестал быть учителем учителей. С. 30, 40, 45, 51.

[152] См.: *Веселовский Б.Б.* Указ. соч. Т. 1. С. 464–466, 473.

[153] См.: *Тарутин А.* Что читают крестьяне Уфимской волости и как они относятся к школе и книге // Русская школа. 1892. № 1. С. 137.

[154] См.: *Слобожанин М.* Из истории и опыта земских учреждений в России. СПб., 1913. С. 467.

[155] *Шестаков П.* Указ. соч. С. 129.

[156] Сборник постановлений... Т. IV. СПб., 1871. № 418.

[157] См.: *Рождественский С.В.* Исторический обзор... С. 546.

[158] Цит. по: *Чехов Н.В.* Указ. соч. С. 60.

[159] Сборник постановлений... Т. VI. СПб., 1878. № 70.

[160] См.: *Иорданский Н.Н.* Народная школа и земство в Нижегородской губернии в 60–70-е гг. XIX в. // Советская педагогика. 1941. № 4. С. 77.

[161] Из жизни русского народного учителя // Русская школа. 1911. № 10. С. 82.

[162] Эту характеристику дал в своем отчете инспектор Московского учебного округа А.С. Воронов, а затем с небольшими сокращениями она была повторена министром А.В. Головниным в его записке (см.: *Воронов А.С.* Отчет члена Главного правления училищ по обозрению учебных заведений Московского учебного округа. Б/м., 186..; *Головнин А.В.* Записки для немногих // Вопр. истории. 1997. № 3. С. 87).

[163] См.: *Петров В.* Чему учат в начальных народных училищах // Вестн. воспитания. 1896. № 5. С. 86–87.

[164] См.: *Иорданский Н.Н.* Указ. соч. С. 77.

[165] См.: *Чехов Н.В.* Указ. соч. С. 64, 66.

[166] Цит. по: *Звягинцев Е.В.* Народная жизнь и школа. Вып. 1. М., 1912. С. 17.

[167] *Пазухин А.* Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886. С. 37.

[168] Сборник постановлений... Т. V. СПб., 1877. № 35.

[169] Извлечение из отчета министра народного просвещения за 1896 г. СПб., 1900. С. 425.

[170] См.: *Чехов Н.В.* Указ. соч. С. 46, 87.

[171] Очерки истории школы и педагогической мысли народов России во второй половине XIX в. М., 1976. С. 66.

[172] Там же.

[173] См.: *Щепкин М.П.* Народное образование в 1863–1898 гг. Историко-статистическое описание. М., 1901. С. 84–85; *Чехов Н.В.* Указ. соч. С. 46, 87–88; Очерки истории школы... С. 66; *Слудковская И.А.* Развитие народной школы на Урале в XIX в. Пермь, 1976. С. 41–43.

[174] Очерки истории школы... С. 81.

[175] См.: *Ванчаков А.М.* Краткий историко-статистический обзор развития духовной школы (с 1884 по 1904 г.). СПб., 1909. С. 3.

[176] Очерки истории школы... С. 76.

[177] Сборник постановлений... Т. XV. СПб., 1897. № 15; *Тарутин А.* Указ. соч. С. 138.

[178] Очерки истории школы... С. 86.

[179] См.: *Ванчаков А.М.* Указ. соч. С. 4, 8.

[180] ПСЗ-III. Т. 4. СПб., 1887, 1884 г., 13/VI.

[181] См.: *Фальборк Г., Чарнолусский В.И.* Начальное народное образование в России. Т. II. СПб., 1900. С. XIV.

[182] Извлечение из отчета министра... за 1882 г. СПб., 1886. С. 144.
[183] ПСЗ-III. Т. 11. 1891 г., 4/V.
[184] Там же.
[185] *Каптерев П.Ф.* История педагогики. СПб., 1909. С. 373–374.
[186] *Чарнолусский В.И.* Основные вопросы организации школы в России. СПб., 1909. С. 61.
[187] См.: *Веселовский Б.Б.* Указ. соч. Т. 1. С. 489.
[188] См.: *Петров В.* Указ. соч. С. 78.
[189] См.: *Звягинцев Е.А.* Народная жизнь и школа. Вып. 1. М., 1912. С. 10.
[190] Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи за 1896 г. СПб., 1902. С. 250.
[191] *Рождественский С.В.* Исторический обзор... С. 721.
[192] Там же. С. 655.
[193] Отчет Серпуховского уездного Училищного совета за 1871 г. М., 1871. С. 3–48.
[194] Сборник постановлений... Т. XV. № 19.
[195] См.: *Фальборк Г., Чарнолусский В.* Начальное народное образование в России. Т. IV. СПб., 1900. С. XIV.
[196] *Иорданский Н.Н.* Указ. соч. С. 87.
[197] *Ко...к.* В сельской школе. (Из воспоминаний сельской учительницы) // Русская школа. 1905. № 5/6. С. 157; Очерки истории школы... С. 71.
[198] Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. Т. X. СПб., 1910. С. 74.
[199] См.: *Веселовский Б.Б.* Указ. соч. Т. 3. С. 386.
[200] Московские ведомости. 1896. № 89.
[201] См.: *Григорьев П.Н.* Очерк деятельности Уфимского губернского земства по народному образованию. 1875–1910. Уфа, 1916. С. 101–102; Начальное образование в Ярославской губернии. 1896/97 г. М., 1902. С. 40; Материалы по вопросу о введении всеобщего обучения в Смоленской губернии. Вып. 1. Проекты 1896–1897 гг. Смоленск, 1904. С. 57.
[202] См.: *Абрамов Я.* Новейший период истории воскресных школ // Русская школа. 1899. № 10. С. 40, 45; № 11. С. 33, 34.
[203] Там же. С. 16–36.
[204] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод. Т. 1. СПб., 1905. С. XVI.
[205] Сборник постановлений... Т. XV. № 168.
[206] См.: *Белоконский И.* О всеобщем обучении // Русская школа. 1898. № 10. С. 125.
[207] См.: *Фальборк Г., Чарнолусский В.* Начальное народное образование в России. Т. I. СПб., 1900; *Ванчаков А.М.* Указ соч. С. 14.
[208] См.: *Белоконский И.* Указ. соч. С. 126.
[209] Цит. по: Очерки истории школы... С. 76.



Т.Н. Кандаурова

ГИМНАЗИИ

В XIX в. в России среди всех институтов культуры и структур системы образования значительное место занимали гимназии. Они, как и начальные школы, составляли основу общего образования, являлись базовыми учебными заведениями для подготовки к обучению в университетах, отраслевых высших учебных заведениях, к службе на государственном поприще, а также готовили преподавателей для системы начальной и средней школы. Гимназиям в России принадлежала значимая роль в процессе формирования социокультурного потенциала общества.

История российских гимназий берет свое начало в XVIII в. В России в это время существовало несколько учебных заведений данного профиля[1]. В 1724 г. была создана гимназия при Академии наук, просуществовавшая до 1805 г. В начале XVIII в. предполагалось учредить правительственную гимназию в Санкт-Петербурге. В 1706 г. был разработан план ее создания, который, однако, не был реализован. Предполагалось, что гимназия будет включать шесть классов. Главным предметом определялся латинский язык; из европейских языков — немецкий, французский, итальянский и шведский[2].

В 1755 г. была основана гимназия при Московском университете, которая функционировала до 1812 г. Она создавалась для подготовки учащихся к прохождению университетского курса. Изначально в ней существовало сословное деление, она состояла из двух отделений: одно предназначалось для детей дворянского звания, другое — для разночинцев. Преподавателями были в основном студенты университета. За время своего существования гимназия подготовила много будущих университетских деятелей.

С 1758 г. существовала гимназия в Казани. До 1786 г. она находилась в ведении Московского университета. Число обучающихся в гимназии составляло от 60 до 150 человек. Ее учебный курс предполагал значительное внимание к преподаванию восточных языков — татарского, калмыцкого и др. В 1788 г. гимназия была закрыта и возобновлена через 10 лет с новым уставом. Теперь ее цель заключалась в образовании «молодых людей для воинской службы, а не для ученого состояния». В XIX в. эта гимназия стала называться 1-й Казанской гимназией[3].

Отличительная особенность гимназий XVIII в. — отсутствие единого учебного плана, они существовали при университетах и полностью были включены в университетский учебный процесс. Как отмечал один из исследователей истории гимназического образования, «учебный строй их не был однообразным, возникновение их было случайно, и, если угодно, они больше были специальной пристройкой к университету, чем средней самостоятельной школой»[4].

В 80-е гг. XVIII в. в России появились главные народные училища, которые можно рассматривать в качестве истоков более массового гимназического образования как определенной ступени в системе общеобразовательной школы.

При Александре I формируется многоступенчатая система государственного образования, предусматривавшая определенную преемственность всех ее звеньев. В 1803–1804 гг. были определены законодательно основные начала развития гимназического образования («Предварительные правила народного просвещения» и «Устав учебных заведений, подведомственных университету и попечителям округов»)[5], в соответствии с которыми каждый губернский город обязательно должен был иметь свою гимназию. Формирование законодательных основ развития гимназий было поручено Комиссии училищ при министре народного просвещения.

Гимназии первоначально создавались на базе главных народных училищ. Их целью было дать общее образование, необходимое для продолжения университетского курса. Исходя из

этого строились и программа гимназического образования, и учебный план, которые в отличие от предшествующего периода были едиными для всех гимназий. Среди предметов, обязательных для гимназического курса, были изящные науки, языки латинский, французский и немецкий, логика, основание чистой математики, а также механики, гидравлики и других частей физики, наиболее в общежитии нужных, сокращенная естественная история, всеобщая география и история, основания политической экономии и коммерции. «Сверх того будут читаны и переводимы сочинения, служащия к образованию сердца и подающия чистое понятие о Законе Божием и гражданских обязанностях. Сверх штата могут быть присоединены учители гимнастических упражнений»[6]. Как видно, гимназический курс носил всеобъемлющий для своего времени характер.

Преподавательские кадры для гимназий первоначально предполагали готовить в университетах, поэтому каждый университет должен был иметь Учительский или Педагогический институт[7]. Столица и провинция в данном случае, по мысли верховной власти, имели равное участие в деле пополнения провинциальных гимназий кадрами квалифицированных педагогов. В мае 1803 г. в Санкт-Петербурге была открыта Учительская гимназия, в апреле следующего года преобразованная в Педагогический институт[8]. Некоторое время Педагогический институт являлся основным центром подготовки учителей для провинциальных гимназий, тем самым столица принимала участие в создании и развитии культурно-образовательного потенциала провинции и ее основных центров.

Формируя таким образом систему гимназического образования на столичном, губернском, а затем и на уездном уровнях, государство предоставляло как бы равные возможности всем регионам страны, развивало структуру общеобразовательной средней школы. Однако в реальной жизни этот процесс проходил медленно и неравномерно, и даже к концу XIX в. не все регионы России имели гимназические учреждения.

Финансирование гимназий по «Предварительным правилам...» 1803 г. поручалось Приказам общественного призрения. В случае необходимости эти учебные заведения могли получать дополнительные средства и от казны[9]. Местная администрация была призвана оказывать всяческое содействие учреждавшимся гимназиям. Государство также надеялось иметь широкую поддержку своих начинаний в области развития системы гимназического образования, в том числе и финансовую, и со стороны губернской общественности. «Правилами...» предусматривались

также частные приношения и пожертвования на развитие губернских гимназий и училищ[10].

В соответствии с Уставом 1804 г. гимназии объявлялись всесословными учебными заведениями[11]. Первоначально они были 4-классными учебными заведениями. Особую группу представляли лишь гимназии Виленского края. По Уставу от 18 мая 1803 г. в Виленском учебном округе гимназии состояли из шести классов и имели в штате шесть, а не четыре старших учителя[12].

Помимо общеобразовательных уже в начале XIX в. появились коммерческие гимназии — в Таганроге (1806), Одессе (1804). Таганрогская гимназия включала три отделения, «из которых 1-е соответствовало приходскому училищу и состояло из одного класса, 2-е отделение соответствовало уездному училищу и заключало в себе два класса, а 3-е отделение, имевшее три класса, составляло собственно гимназию»[13]. Таганрогская коммерческая гимназия была создана по образцу Одесской коммерческой гимназии, учрежденной в 1804 г. «во внимание к потребностям края»[14]. Таким образом, уже на начальном этапе развития в России в XIX в. гимназических учреждений правительство пыталось использовать их для распространения профессиональных знаний.

По уставу, гимназический курс мыслился как курс продолжающийся. Здесь предполагалось изучение таких предметов, как чистая и прикладная математика и опытная физика; история, география и статистика общая и государства Российского; философия, изящные науки и политическая экономия; естественная история, технология и коммерческие науки; латинский, французский, немецкий языки, рисование[15]. Гимназии, которые располагали достаточными финансовыми средствами, могли содержать «учителей танцевания, музыки и телесных упражнений (гимнастики)». Русский язык и Закон Божий не вошли в учебный план гимназий, так как они изучались в курсах уездных училищ.

Учебный план был составлен Н.И. Фусом по образцу планов французских лицеев, что является свидетельством изначальной ориентации России на европейский опыт развития среднего образовательного звена.

В гимназии принимались ученики, которые прошли полный курс двухгодичного обучения в уездных училищах или имели знания, соответствующие этому курсу. Учебный план и учебный курс гимназии полностью опирались на учебные программы уездных училищ. Поэтому часть предметов: история, география, геометрия, естественная история и физика — в гимназиях изучалась как бы в продолжение этого курса, т. е. использовался прин-

цип углубленного изучения ряда предметов, или принцип развивающего обучения: от элементарного обучения в курсе уездных училищ до расширенных курсов в гимназии. Только курсы иностранных языков и латыни начинались в гимназиях.

Принцип преемственности программ и принцип непрерывного образования являлись доминирующими при разработке программ начальной, средней и высшей школы. Программы и учебные курсы гимназий были взаимоувязаны с программами начальных училищ и соотнесены с учебным курсом университетов. Однако некоторые историки образования, отмечая данный положительный факт развития системы непрерывного образования, подчеркивали отдельные моменты, ведущие в тех условиях к недостаточной ее эффективности и перегруженности учащихся гимназий. «Эта система концентрических кругов, — писал И.А. Алешинцев, — приспособленная к возрасту и способностям учащихся, заслуживает, конечно, одобрения, если бы только поверхностная энциклопедичность, обнаружившаяся в страшной многопредметности, в связи с малым числом учителей и учебных часов не уничтожила всех ея хороших сторон»[16].

При всей многопредметности гимназического курса большое внимание в нем уделялось естественным наукам и дисциплинам математического цикла; были введены и новые предметы: статистика, философия, политические науки, изящные предметы. В курсе гимназий предполагалось также объединить теоретическую и практическую подготовку учащихся. Во время каникул успевающие ученики должны были знакомиться посредством экскурсий с миром природы и развитием промышленности и техники, а также составлять коллекции минералов и гербарии под руководством учителей математики, естественной истории и технологии[17].

Образовательный процесс в гимназии строился по определенным учебным пособиям. Каждая гимназия должна была иметь библиотеку, «избранную из различных известнейших классических авторов и лучших ученых творений иностранных и российских, наипаче относящихся до учебных предметов, преподаваемых в гимназиях», а также собрание наглядных пособий по различным предметам, чтобы преподавание было организовано «возможно лучше и нагляднее». Прием учащихся в гимназии первоначально осуществлялся один раз в год «по окончании открытых испытаний». Учебный год продолжался 11 месяцев, с 1 августа по 1 июля следующего года. На каникулы отводился только один летний месяц — июль.

Специальный раздел гимназического Устава 1804 г. был посвящен обязанностям и положению учителей. Устав предъявлял

главное требование к учителям, сформулированное как «умение преподавать». Учитель должен был «стараться всеми силами, дабы ученики преподаваемые им предметы понимали ясно и правильно; быть терпеливым и исправным и полагаться больше на свою прилежность и порядочныя правила, нежели на чрезмерный труд учеников своих». Мягкость и выдержку он обязан был проявлять в обращении с учениками, а также должен был хорошо знать особенности и нравы детей, чтобы «лучше управлять ими». Первый устав исключал телесные наказания гимназистов. Учителю предписывалось совместно с родителями стараться «о наилучшем детей воспитании».

Уставом подтверждался и определенный образовательный ценз для учителей гимназий. В их штат было включено 8 учителей. Определялись обязанности директора, который должен был быть «сведущ в науках, деятелен и благонамерен». Гимназии и училища оставались, по уставу, в коллегиальном ведении университета.

Финансирование гимназий государство принимало на себя, несмотря на то что средства для развития образования были практически всегда ограниченными. На содержание одной гимназии выделялось в зависимости от региона от 5 до 6 тыс. руб. Эти суммы составляли заработную плату (жалованье) директора и учителей, средства на библиотеку (по 250 руб.) и на содержание дома для гимназии, служителей и проч. (900 руб.). Максимальное финансирование получали гимназии Северного, Уральского и Сибирского регионов, далее в списке финансирования (5750 руб.) стояли гимназии Центральной России, Белорусского края, губерний Курской, Оренбургской и Псковской, и минимальное количество финансовых средств получали гимназии Украинского региона, Центрально-Черноземного района, Поволжья, Кавказа, земли Войска Донского и Черноморского — по 5250 руб.

Существовавшие в России частные школы правительство поставило с 1804 г. под свой контроль, что закономерно вело к унификации образования на его низшем и среднем уровнях. Принимая такое решение, оно оставляло за собой право монополии на формирование образовательной системы и образовательной политики. Все частные пансионы могли открываться только с разрешения директора губернских училищ после утверждения или предоставления свидетельств о содержателе, учителях и учебном плане. Содержатель пансиона мог принимать учителей, которые были знакомы с системой обучения в гимназиях и уездных училищах, так как «образ преподавания наук в панси-

онах совершенно должен сходствовать с принятым в означенных училищах»[18]. Учителя частных учебных заведений также должны были иметь специальное свидетельство из гимназии о прохождении ими курса обучения. Другими словами, устав возлагал на гимназии обязанности обучения и аттестации учителей для частных школ, и они становились центрами подготовки учительских кадров.

Устав 1804 г. оформил законодательно систему образования в России, определив основные принципы ее построения, структурные звенья — от приходского училища до университета, а также показав соответственно место и роль каждого учебного заведения в российской образовательной системе и придав ей в целом единообразие. Он имел большое значение для развития общего образования. Исследователи истории образования в России отмечали, что «нельзя не видеть множества его преимуществ по сравнению с временами предшествующими». Среди этих преимуществ выделялись «гуманный характер устава, определенность в содержании вместо прежней случайности, самостоятельное существование и особое свое учебное управление вместо прежних приказов, занятых массой других дел, и вместо прежних директоров, занимавших вместе с тем еще какую-нибудь гражданскую должность»[19].

Принятый устав создавал благоприятные условия для развития сети однотипных общеобразовательных учебных заведений. Гимназии постепенно начинали занимать подобающее им и значимое место в образовательной структуре государства, во многом становясь ее основой. Новый устав расширял доступ к образованию и облегчал возможность его получения, стирал сословные различия, а также утверждал преемственность образования: уездные училища — гимназии — университет. Общеобразовательная школа теперь не должна была испытывать и не должна была знать никаких национальных и сословных ограничений[20].

Однако о заметной масштабности этих явлений в первый период царствования Александра I говорить не приходится. В 1809 г. число гимназических учреждений в российских городах было еще незначительно, т. е. «еще не всякий губернский город был украшен гимназией, а число учащихся в существовавших гимназиях было далеко не многочисленным»[21]. Только 68% губернских городов России тогда имели гимназические учреждения[22]. К этому времени, по данным статистики, в России было всего 32 гимназии и обучалось в них менее 3 тыс. человек. Установленный уставом необходимый минимум гимназий к данному моменту был достигнут только в пределах Московского учебного округа.

Подобная ситуация была обусловлена целым рядом объективных и субъективных факторов и посылок. Здесь можно назвать такие, как отсутствие достаточной материальной базы, включая проблемы финансирования; недостаток квалифицированных педагогов; степень готовности общества к восприятию новационных идей в области образовательной и просветительной; инертность российского дворянства и предпочтение гимназиям частных пансионов и системы домашнего образования.

Активизация гимназического образования будет отмечена только после введения М.М. Сперанским экзамена на чины, чем государственная служба была поставлена в прямую зависимость от образовательного ценза (1814). В отдельных гимназиях в начальный период большинство учащихся были разночинцы. Лишь позднее гимназии станут чисто сословными учебными заведениями, предназначенными прежде всего для детей дворянства. В 1805 г. в Харькове, Владимире и других городах при гимназиях стали открываться пансионы для детей дворян.

Первоначально в некоторых гимназиях среди учащихся встречались девочки. Так, в 1804 г. в Новгород-Северской гимназии училось 8 девочек, в Витебской — 20, Могилевской — 13, Новгородской — 3, Псковской — 7[23].

Надо отметить, что российская общественность не осталась в стороне от дела формирования новой системы образования. Открытию гимназий во многом способствовало местное общество, заинтересованное в образовании своих детей на местах. Представители провинциальной общественности делали пожертвования на развитие школьных учреждений в губернских центрах, тем самым показывая свой интерес к делу становления российского образования, и в первую очередь к развитию его средней ступени. Сведения о таких пожертвованиях встречаются практически во всех работах по истории гимназического образования[24]. Часто руководство гимназии использовало публичные испытания для сбора пожертвований в пользу учебного заведения.

Правительство стремилось идти навстречу дворянству и, учитывая его интересы, расширяло иногда программу образования гимназий той или иной губернии. Подобные акты, по его мнению, должны были привлечь внимание дворянства других губерний и подтолкнуть их к новым пожертвованиям, вызвать заинтересованность в деле развития системы образования. Александр I призывал дворянство и представителей других сословий «к пожертвованиям в пользу учебных заведений». Однако более или менее крупными суммами откликнулись только Демидов,

харьковские, пензенские, волынские и киевские дворяне. Харьковское дворянство пожертвовало 400 000 руб. на университет, пензенское — 2250 руб. ежегодно на гимназию, волынское — 1% со 194 400 руб., киевское — до 500 000 руб.[25] Помимо денежных средств представители российской общественности жертвовали книги для гимназических библиотек, нумизматические собрания, коллекции минералов, приборы и пособия для физических кабинетов.

Появлению гимназий в некоторых провинциальных городах местное общество было обязано видным общественным деятелям и деятелям, которые служили на ниве народного просвещения. Среди них можно назвать С.О. Потоцкого, благодаря деятельности которого была учреждена Таганрогская коммерческая гимназия[26]. Попечитель Одесского учебного округа Д.М. Княжевич много сделал для улучшения работы Кишиневской гимназии[27]. Благотворное влияние на развитие учебных заведений Одесского учебного округа, и в частности Херсонской гимназии, оказал попечитель округа Н.И. Пирогов[28].

Правительство придавало большое значение актам открытия гимназий, так как это имело определенный общественный резонанс и должно было активизировать местное общество. Открытие гимназий осуществлялось через некоторое время после их учреждения и проходило достаточно торжественно. Свидетельство об этом и описание самих торжеств можно найти во многих историях губернских гимназий, в том числе Олонецкой, Киевской, Черниговской, Новгород-Северской, Воронежской, Тверской, Новгородской, Орловской. Торжества при открытии гимназий становились общегородским праздником. Городское общество должно было чувствовать важность подобных событий и то значение, которое придавало правительство делу развития народного образования. Одновременно подобные торжества могли дать новые примеры благотворительности со стороны городского и дворянского общества. Правительство же получало моральную поддержку со стороны общественности.

Реальное положение дел при создании гимназий оказалось далеким от того уровня, который определялся законодательством и мыслился реформаторами начала царствования Александра I. В начальный период число учащихся в гимназиях не было значительным. Так, в 1809 г. во Владимирской гимназии числилось 24 человека, в Костромской — 33, в Тульской — 37, в Тверской, которая состояла только из двух классов, — 41 человек. Самыми многочисленными в Московском учебном округе были Московская гимназия (61 учащийся), Вологодская (57 учащих-

ся) и Рязанская (51 учащийся) гимназии. В Ярославской и Калужской гимназиях обучалось в это время по 47 человек, в Смоленской — 49. Впоследствии число учеников гимназий увеличилось.

По донесениям визитаторов Московского учебного округа, из 10 гимназий (при их ревизии) только 4 (Московская, Смоленская, Тверская и Вологодская) своим состоянием вполне удовлетворили проверявших. Здесь было «найдено обучение соответствующим плану и успешным, учебных пособий достаточно и они в порядке»[29]. В других гимназиях были обнаружены некоторые несоответствия и упущения и по учебной и по хозяйственной части[30]. Один из визитаторов, ординарный профессор Шлецер, ревизовавший Костромскую и Вологодскую гимназии, отмечал наличие в учебном процессе таких явлений, как механическое заучивание наизусть и негативное или «небрежительное отношение» к латинскому языку, что, по его мнению, было связано с большим количеством преподаваемых предметов. То же отмечалось и на отдельных уроках в Черниговской гимназии, когда от учеников требовали «буквальнаго изучения своего предмета»[31].

Многопредметность учебного плана не всегда способствовала глубокому усвоению отдельных предметов и вела к поверхностному их изучению, что не могло не сказаться на качестве знаний.

Донесения визитаторов, ревизовавших гимназии Московского учебного округа, дают возможность представить процесс становления губернских гимназий и отражают его особенности в начальный период, когда учебная жизнь гимназий еще не была полностью приведена в соответствие с требованиями Устава 1804 г. Все эти факты и им подобные, как правило, характеризуют начало всякого явления или процесса, и поэтому говорить о том, что дело организации системы гимназического образования шло не так, как хотелось бы и как было определено в законодательстве, не приходится. Подобные явления, скорее, можно отнести к издержкам организационного периода.

Образовательные программы и учебные планы гимназий в начальный период их формирования не подвергались кардинальным изменениям. Впервые вопросом изменения учебных планов занимался попечитель Санкт-Петербургского учебного округа С.С. Уваров, которым были внесены значительные поправки в гимназическое образование. Он подготовил учебный план в одной гимназии — Санкт-Петербургской и в 1811 г. добился его изменения. Свою реформу Уваров обосновывал тем, что курс



Сергей Семенович Уваров

столичной гимназии не соответствовал замыслам правительства, а учебный план был перегружен и включал предметы, которые порой не соотносились друг с другом, что приводило к поверхностному их изучению. Он считал, что ряд предметов из гимназического учебного плана не по силам ученикам среднего учебного заведения, так как требуют «зрелого и предуготовленного ума», и должны быть отнесены к университетским программам (политическая экономия, коммерческие науки, финансы, эстетика, философическая грамматика). «Закон Божий, отечественный и классический языки, история в пространственном и глубоком смысле, география со всеми отделениями, математические науки, грамматика, логика, риторика, отечественная и иностранная словесность — вот предметы, которыми единственно надлежит заниматься в гимназиях, — писал Уваров, — вот начала, к которым нужно возвратиться; и притом так, чтобы изучение оных было не поверхностно...»[32] Министр просвещения гр. А.К. Разумовский утвердил доклад Уварова 7 ноября 1811 г., и учебный курс столичной гимназии был значительно изменен.

«Уваровская гимназия» становилась качественно иной. В Санкт-Петербургской гимназии теперь насчитывалось 7 классов. Недельная учебная нагрузка в каждом из них была дифференцирована. Сократилось число учебных предметов, была

устранена многопредметность, новый учебный курс отличался большей определенностью и большей неоднородностью. Из учебного плана были изъяты отдельные циклы наук: философия, эстетика, политическая экономия, коммерческие науки, сильно сократился курс естествознания. Основное внимание теперь уделялось преподаванию таких предметов, как отечественный язык, математика и латинский язык. Помимо этого, в план были включены Закон Божий (краткий катехизис, Священная история), история (всемирная, новейшая, российская), география (всеобщая с начальными основаниями математики, российская, география и статистика), греческий, немецкий и французский языки, естественная история и технология, древности и мифология, чистописание российское, французское и немецкое.

Выбор предметов отражал личный интерес Уварова и его представление о классической форме образования, которое он получил и сам. Санкт-Петербургская гимназия, таким образом, оказалась первой классической гимназией в России, и ее программа становилась более адаптированной к университетскому курсу. Изменения учебного плана и программы гимназии Уварова явились первым звеном в системе преобразований гимназического образования XIX в., когда намечался процесс дифференциации образования. Одновременно реформу Уварова можно рассматривать как отклик на насущные потребности времени, когда требовались определенное соотношение и согласованность между всеми звеньями образовательной системы.

Во второй половине царствования Александра I отмечаются некоторые изменения в системе образования и отступление от тех принципов, которые были определены в Уставе 1804 г. В 1813 г. последовало разъяснение правительства о том, что «дети несвободных состояний могут поступать в гимназию каждый раз с особого разрешения министра»[33]. Подобный подход к образованию детей из податных сословий явился слабой попыткой подойти к сословности образования, что найдет пространное воплощение в образовательной политике будущего императора[34].

4 октября 1817 г. император учредил Министерство духовных дел и народного просвещения. Руководители нового министерства, решительно осуждая систему народного образования и просвещения, созданную в начале XIX в., попытались свести на нет все ее либеральные достижения. В 1819 г. была осуществлена учебная реформа гимназий, призванная, по замыслу ее разработчиков и министерства, устранить те недостатки в работе, которые заключал в себе Устав 1804 г.: многопредметность и «энциклопедичность» образования, неполное соответствие гимназий и университетов. Определенную роль в ее проведении

сыграл опыт реорганизации Уваровым Санкт-Петербургской гимназии и тот факт, что представители учебной администрации поставили вопрос о преобразовании всех гимназий, в частности, попечитель Харьковского учебного округа С.О. Потоцкий ратовал за распространение наук и образованности[35].

Состав учебных дисциплин в гимназии теперь включал: чтение из Священного Писания; языки: греческий, латинский, немецкий, французский; дополнительный курс географии и истории, включая мифологию и древности; статистику общую и частную Российского государства; логику и риторику; курс чистой математики и из прикладной — статистику и механику; курс опытной физики и естественной истории и, если позволяли доходы гимназии, рисование, танцы, музыку и телесные упражнения. Учебный курс был рассчитан на 4 года, как и курс по Уставу 1804 г.[36] Из гимназических программ исключалось право естественное и народное, политическая экономия, философия, технология и коммерческие науки. Но и при этом гимназический курс оставался многопредметным. Однако новый учебный план не был перегружен университетскими предметами, что позволяло в большей степени соотнести его с курсом университета. Сохранена была идея государственного обучения. Объемы финансирования гимназий оставались прежними.

Существовавший по-прежнему недостаток финансирования среднего образования отражался на материальном положении учителей гимназий. В 1817 г. на этот факт обращало внимание Главное правление училищ, тогда же принявшее меры для получения дополнительных средств. Было одобрено предложение Уварова о плате за ученье в учебных заведениях северной столицы: за приходское училище — 5 руб., уездное — 10 руб. и гимназию — 15 руб.[37] Оно было Высочайше утверждено 14 июня 1817 г. В 1819 г. эту меру вводили Московский, Харьковский и Казанский учебные округа.

Введение платы за обучение создавало некоторые трудности для развития системы среднего образования, так как не все желавшие получить его могли изыскать средства для оплаты. Попечители учебных округов и позднее не поддерживали идею об ее увеличении, а некоторые и эту плату «находили обременительной». Российские гимназии страдали в этот период также и из-за недостатка помещений[38]. Эти проблемы оставались актуальными для российской системы среднего образования и в последующий период.

В отдельных губерниях на помощь гимназиям приходили представители состоятельных сословий — купцы, почетные граждане. Они давали средства на ремонт гимназических зданий или

делали его за свой счет, отдавали свои дома под гимназические помещения[39]. Гимназии, которые получали финансовую поддержку из городского бюджета, были в лучшем положении, о чем сказано выше.

Гимназии практически постоянно ощущали и недостаток учителей, что было частным проявлением общей проблемы нехватки преподавателей общеобразовательной школы. Это, безусловно, сказывалось на состоянии учебного процесса и качестве образования. «Нужда в учителях была еще более острая. При открытии гимназий пришлось, как мы уже упоминали об этом, взять их из духовных семинарий, кроме того, приходилось определять мало-мальски подходящих иностранцев»[40]. Учительская гимназия Санкт-Петербурга не могла в короткий срок обеспечить все российские гимназии квалифицированными кадрами[41].

Недостаток высококвалифицированных педагогов отчасти явился следствием слабого финансирования школы. Только гимназии, имевшие хорошее финансовое состояние, могли располагать квалифицированным преподавательским составом, как это имело место, например, в Киевской гимназии, где преподавательский состав получал в два раза больше, чем учителя других гимназий.

Качество подготовки учителей зависело и от их загруженности. В некоторых гимназиях они имели значительную педагогическую нагрузку, что не позволяло им совершенствоваться в своем мастерстве. Образовательный уровень учителей также влиял на их профессиональные и житейские интересы. Как отмечал историк гимназии М.И. Сухомлинов, «иные учителя вели свое дело спустя рукава, другие предпочитали житейские выгоды и набирали себе пансионеров, которые служили им орудием для преследования учителей-сослуживцев. Весьма плохо приходилось учителям и надзирателям-иностранцам, над которыми постоянно издевались воспитанники, руководимые в этом похвальном занятии своими наставниками»[42]. Несовершенство учебного процесса было обусловлено и тем фактором, что многие учителя вели преподавание «в духе схоластическом», преобладало механическое обучение[43].

К.П. Яновский, характеризуя состояние Кишиневской гимназии и учительский корпус, отмечал: «Большая часть их до пятидесятых годов отличалась самым пустым препровождением времени: карты и попойки составляли любимое занятие; чтению и изучению предмета им посвящались очень немногие минуты или даже не посвящалось ни одной. Только со вступлением Пирогова в управление округом новый освежительный дух по-

веял и на нашу гимназию: с этого времени многие стали постигать значение своей педагогической обязанности и соображать с нею свои действия»[44]. Улучшилось состояние дел и настроение учительского корпуса с приходом Н.И. Пирогова и в Херсонской гимназии. И если раньше гимназия «пользовалась самою дурною репутациею в округе; доходило до того, что учителя смотрели на нее как на место ссылки; одни из них переходили в другие гимназии; другие... поступали в гражданскую службу», то в бытность Пирогова попечителем округа жизнь педагогического коллектива значительно улучшилась, активизировалась деятельность педагогического совета, «каждому из преподавателей дана была полная свобода держаться того или другого метода, учебника, программы, лишь бы дело шло хорошо»; была предоставлена свобода творчества даже в вопросах разработки программ; «в это же время составились учительские литературные вечера», где учителя знакомились с новинками журнальной периодики»[45].

Положительное влияние на развитие системы образования оказал Пирогов и во время попечительства в Киевском учебном округе, где он вызвал «небывалую дотоль умственную и педагогическую деятельность»[46]. «Умным и энергичным человеком» был ранее в этом округе попечитель Е.Ф. фон Брадке. Он много сделал для устройства учебных заведений округа, занимался совершенствованием учебной части гимназий, ввел новые правила переводных и выпускных экзаменов и т.п.[47]

Безусловно, лучшее положение с педагогическими кадрами наблюдалось в городах, где были университеты. Здесь гимназии обеспечивались высококвалифицированными педагогами. Например, так обстояло дело в Казанской гимназии, самой благоустроенной в Казанском учебном округе во всех отношениях. Многие учителя здесь были из университета и имели профессорские звания. В их числе — Н.И. Лобачевский, М.Ф. Бартельс, П.С. Кондырев и др.[48] И среди обычных преподавателей были творческие личности, прекрасные учителя, оставившие по себе добрую память среди учеников и своих коллег.

Еще одну трудность для развития гимназического образования в начальный период составил недостаток учебников и учебных пособий. Министерство народного просвещения, за которым оставалась монополия на выпуск и продажу учебников, не могло сразу обеспечить ими все гимназии. Даже по прошествии нескольких лет после принятия устава гимназии испытывали определенные трудности, связанные с отсутствием учебных пособий[49].

На первом этапе развития гимназий в учебном процессе использовались те учебные пособия, которые можно было адап-

тировать к гимназическому курсу. В этом списке много переводных изданий. Учебные пособия специально для гимназий будут написаны позднее, и процесс формирования комплекта учебников будет идти не всегда быстро. В дальнейшем и учителя гимназий примут участие в подготовке гимназических учебников и учебных пособий.

Не сразу установились сроки приема в гимназию и выработались требования к поступающим. В первый период после открытия гимназий ученики поступали в них в разное время и не имели соответствующей подготовки. По этой причине разновозрастным был и состав учащихся. Черниговскую гимназию, например, в 1807 г. посещали учащиеся в возрасте от 10 до 30 лет. Многие из гимназистов продолжительное время находились в одних и тех же классах. «Вообще путешествие по четырем классам гимназии совершалось не очень быстро и часто продолжалось от 5 до 7 лет, а случалось и так, что ученик, просидевши 4 года в одном классе, удалялся из гимназии»[50]. Впоследствии процесс приема в гимназии был упорядочен.

Уездные училища порой не давали соответствующей гимназическому курсу подготовки[51], а особую трудность для гимназистов представляли предметы философского цикла.

Многие ученики уходили из гимназии, не окончив полного курса. И это было постоянным явлением в продолжение всего XIX в. Иногда в год курс гимназии заканчивали один или два человека, как это было, например, во Владимирской и Тверской гимназиях в 1823 г. Московскую гимназию в том же году окончили 8 человек из 168[52]. В Черниговской из 43 учащихся 1-го класса набора 1823 г. до 1830 г. «окончило курс только 8; остальные не достигли предела своего образования», т. е. только 18,6% учащихся данного набора завершили среднее образование[53].

В Кишиневской гимназии за 30 лет (с 1834 по 1864 г.) образование получили 1940 человек. Из них полное гимназическое — только 21,65%, т.е. 420 человек, неполное образование получили 1520 человек, т.е. 78,35% учащихся было выпущено без завершающей аттестации[54]. Только часть выпускников, прошедших полный курс гимназии, продолжила образование в высших учебных заведениях — 163 человека (38,8%, или 8,4% от общего состава учившихся). В военную службу поступили 12 выпускников, в гражданскую — 92[55]. Подобное положение дел было и в других российских гимназиях. М.И. Сухомлинов писал: «Отношение между числом оканчивающих курс и общим числом учащихся таково, что, по среднему выводу, один кончивший

курс приходится на 15 учащихся, иногда окончившие составляли десятую часть и менее, но бывали года, что они составляли только около тридцатой части всего числа учащихся. Каждый год выбывают из разных классов гимназии, и к концу семилетнего курса не остается и трети из поступивших в 1-й класс гимназии»[56].

Но по мере развития гимназий их жизнь входила в нормальное русло, исправлялись упущения и недостатки по учебной части, т. е. организация учебного процесса постепенно налаживалась. Министерство принимало меры к улучшению состояния гимназических зданий, старалось ликвидировать нехватку учебных пособий, руководство гимназий боролось с проблемой непосещения занятий учениками; принимались меры для улучшения преподавания, совершенствовалась методическая основа учебного процесса. Улучшение состояния среднего образования к концу царствования Александра I находит отражение в отчетах попечителей учебных округов и визитаторов, ревизовавших отдельные гимназии: отчет гр. С.О. Потоцкого по Харьковскому округу, отзывы визитатора Словцова о состоянии сибирских гимназий[57].

В 1820-е гг. правительство значительно продвинулось и в деле организации средних учебных заведений. К 1823 г. практически все губернские города четырех учебных округов (Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского) имели гимназии: в 39 губернских центрах было уже 37 гимназий, в которых обучалось около 4 тыс. человек[58].

Новый министр народного образования А.С. Шишков, назначенный в мае 1824 г., предполагал провести реформу школьного образования. Одновременно в связи с беспорядками в Виленском университете министр с Высочайшего разрешения попытался принять ряд мер по изменению учебного плана гимназий.

Теперь надзор за гимназиями усилился, списки учащихся гимназий и студентов университетов было приказано отсылать в городскую полицию. Особые меры были приняты по белорусским гимназиям: вводилось обязательное преподавание всех предметов на русском языке; на учительские и директорские должности назначались только русские; при поступлении на гражданскую службу требовалось свидетельство об окончании гимназии и свидетельство об успехах в русской словесности[59].

В период царствования Николая I отмечается изменение в подходе к системе народного образования, что обусловлено сменой внутриполитического курса в целом. В основу развития системы образования был положен принцип сословности. Ни-

колай I стремился создать дифференцированную систему образования, когда каждая ее составляющая часть соответствовала бы интересам отдельного сословия. Усиливался контроль со стороны государства за сферой народного образования.

14 мая 1826 г. был образован Комитет устройства учебных заведений[60]. А.С. Шишков в августе 1827 г. получил рескрипт, где были сформулированы сословные начала нового устава. По мнению императора, в университеты, гимназии и равные им учебные заведения могли приниматься только люди свободных сословий. Николай I хотел также видеть определенное единообразие в построении всей системы российского образования.

Исходя из основной концепции императора Комитет разработал новый устав для гимназий, который был утвержден 8 декабря 1828 г. Преобразование гимназий предполагалось осуществлять постепенно; учреждались также новые гимназии — по одной в Санкт-Петербурге, Казани, в сибирских губерниях и две в Москве; отменялись преимущества, данные воспитанникам Киевской гимназии; увеличивалось количество казенных воспитанников; при гимназиях учреждались пансионы для дворян и чиновников; увеличивались жалованья и пенсии[61]. По Положению 1831 г., в пансионы при гимназиях могли принимать не только детей дворян, но и детей купцов 1-й гильдии[62].

В 1833 г. было положено начало своеобразным благородным пансионам, или дворянским институтам[63]. К концу 1840-х гг. открылось 47 благородных пансионов. К 1843 г. дворянство пожертвовало на их устройство более 13 млн руб.[64] В пансионах гимназический курс дополнялся такими предметами, как фехтование, музыка, танцы. Новый устав четко отражал охранительную политику верховной власти по отношению к привилегированным сословиям государства.

Устав 1828 г. изменял саму систему гимназий и управления ими, вносил коррективы в учебные планы и организацию учебного процесса. Гимназия теперь становилась 7-классным учебным заведением с 7-летним курсом[65]. Был соединен курс уездного училища и гимназии и добавлен еще один учебный год. В первых трех классах все гимназии имели одинаковые предметы, а с 4-го класса в программу некоторых гимназий включался греческий язык. Выпускники с греческим языком при поступлении на службу получали чин 14-го класса, т. е. имели определенное профессиональное преимущество.

Разрабатывая новый устав гимназий, Комитет на первое место ставил понятие «основательное образование». Учебный гимназический курс был упрощен и сокращен, несмотря на уве-

личение учебного времени. Из учебного курса исключались естественные науки (кроме физики), была сокращена прикладная математика и чистая математика. Усилилось преподавание латинского и немецкого языков, и вводились они с 1-го класса; греческий язык включался в программу гимназий, состоящих при университетах; значительное внимание уделялось Закону Божию. По новому уставу гимназический курс включал следующие предметы: Закон Божий, российскую грамматику с логикой и риторикой, латинский язык, греческий, немецкий, французский, математику, географию и статистику, историю, физику, чистописание и рисование.

Кроме того, усиливалось преподавание российской словесности и логики. Основой гимназического образования стали классические языки: к 1849 г. латинский язык преподавался во всех гимназиях с 1-го класса; в 40 из 70 гимназий был введен курс греческого языка.

Все преобразования учебных программ и планов в системе среднего образования в первой половине XIX в. свидетельствуют о том, что руководство образовательных структур отказывалось постепенно от естественнонаучной основы их и переходило к основам гуманитарным, где ведущие позиции принадлежали языковой подготовке. Отмечается также отказ от многопредметности, упрощение учебного курса, а также более гибкое соотношение учебных программ гимназий с программами других учебных заведений.

Устав четко определил функции педагогических советов, которые теперь занимались вопросами состояния гимназии и вырабатывали меры по его улучшению. В их компетенции находились все вопросы по учебной части не только гимназий, но и всех училищ губернии: вопросы совершенствования методики преподавания; выработка мер, направленных «к нравственному улучшению воспитанников»; определение наград и мер наказания, включая самые строгие; перевод учащихся в высшие классы и вопросы исключения учеников из гимназий. Педагогические советы занимались также проблемами порядка внутреннего управления и вопросами распределения финансовых средств по гимназиям и гимназическим пансионам[66]. Директор гимназии был одновременно и директором губернских училищ. Его обязанности новым уставом регламентировались более четко.

По новому уставу увеличивался состав преподавательского корпуса гимназий. Учителей теперь в штате было 10 вместо 8, появлялась должность законоучителя. Разделение на старших и младших учителей сохранялось. Их обязанности в преподавании

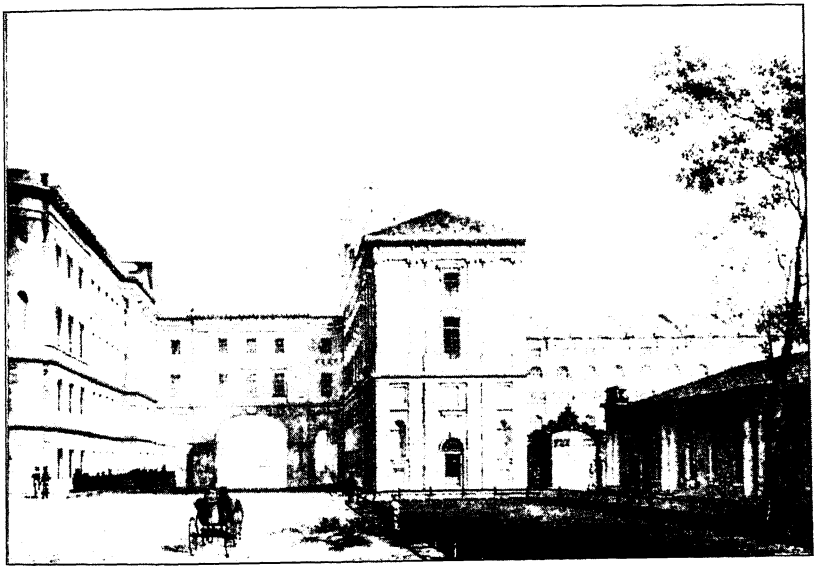
и обращении с учениками оставались прежними, однако вводилось некоторое ограничение их самостоятельности в этих вопросах. Новым моментом в уставе явилось узаконение телесных наказаний, причем в первых трех младших классах разрешалось применять розги[67].

Устав 1828 г. предполагал улучшение материального положения гимназий и всех служащих. Расходы на содержание гимназий увеличились более чем в 5 раз: примерно с 260 тыс. руб. в 1804 г. до 1300 тыс. руб. в 1828 г.[68] Жалованье выросло в два с половиной раза[69]. Увеличение объема ассигнований на средние учебные заведения было обусловлено и количественным ростом гимназий.

Со временем возросла плата за гимназическое обучение, она составляла 3—20 руб. серебром, а позже — 7—40 руб. серебром в зависимости от гимназии и конкретного региона[70].

Преобразование гимназий на основе Устава 1828 г. осуществлялось постепенно. Окончательно Устав 1828 г. «вошел в силу во всех гимназиях» только в 1837 г.

Программа среднего образования в 30-х гг. явилась первой общей для всех российских гимназий. Процесс развития среднего образования все более приобретал единообразный характер благодаря наличию согласованности учебных программ и единого списка учебных пособий. В 1837 г. во все гимназии было



Царскосельский лицей

разослано «Руководство к дидактике или науке преподавания» Ободовского (СПб., 1835), составленное по книге известного педагога Нимейера, для учителей[71]. Следует отметить, что не все ученики в силу своего материального положения могли приобретать необходимые учебники.

С 1835 г. в некоторых гимназиях допускалось преподавание языков народов местных регионов: на Кавказе — грузинский, армянский, татарский, в гимназиях Казанского учебного округа — арабский, персидский, турецко-татарский и монгольский, а также английский в Архангельской гимназии[72]. Включение местных языков в программы гимназий вело к расширению культурных и экономических контактов в отдельных регионах России между различными этническими группами населения.

При Уварове вновь произошли изменения в учебных планах: в 1844 г. из учебного курса была исключена статистика, в 1845 г. — начертательная и аналитическая геометрия, в 1847 г. — логика «как недоступная ни возрасту, ни степени развития гимназистов». Был изменен также план преподавания математики. С 1847 г. в гимназиях постепенно вводилось преподавание законоведения[73].

В 1837 г. вводится система испытаний и аттестатов. Инициатива в этом деле принадлежала попечителю Киевского округа Е.Ф. фон Брадке. Окончательно правила испытаний учащихся были приняты в 1846 г. Успехи гимназистов стали отмечаться по пятибалльной системе. Переводной балл составляла оценка «три».

Одновременно принимались меры по укреплению дисциплины, были введены должности надзирателей в гимназиях и комнатных надзирателей в пансионах. С 1838 г. вводились телесные наказания для воспитанников старших классов, «но только в случаях крайней необходимости и не иначе как с согласия родителей»[74]. Эта воспитательная система практиковалась в гимназиях и была широко распространена до конца 1850-х гг.

Характеризуя атмосферу гимназий того времени и состояние воспитательной системы, современники отмечали также влияние формализма эпохи. «На первом месте стояло внешнее воздействие, внешний солдатский порядок, беспрекословное подчинение: спокойствие ставилось целью, и, если оно было, учебное начальство большего не хотело. Неудивительно потому, что в отчетах ревизоров и попечителей всегда указывалось на строгость или слабость надзора»[75]. Дисциплина в гимназиях и пансионах при них в этот период была достаточно суровой. Учащимся запрещалось проявлять активность и резвость, не допускались даже самые безобидные шалости. Дети жили в усло-

виях постоянной угрозы наказания «вообще за сколько-нибудь резкое проявление жизнерадостности»[76]. Кроме розг для младших школьников использовалось «битье ученика по ладони деревянной линейкой», заключение в карцер, оставление без обеда. За проступки и упущения наказывали и педагогов, и учащихся. Гимназистов били розгами, за важные провинности могли поставить вопрос о сдаче в солдаты.

За соблюдением порядка следили директор, инспектор и особые надзиратели, которых в гимназии было два-три человека. Надзиратели в большинстве своем не имели специальной педагогической подготовки и не знали особенностей детской психологии.

В 1830—1840-х гг. в развитие принципа всесословности в образовании правительством создаются пансионы при отдельных гимназиях для лиц других сословий. В 1830 г. был учрежден пансион при Астраханской гимназии для детей штаб- и обер-офицеров казачьего войска, в 1831 г. — особый пансион для детей канцелярских служителей в Санкт-Петербурге[77]. В 1840 г. с Олонецкой гимназией было объединено бывшее училище детей канцелярских служителей (основано в 1829 г.) «под именем особого пансиона». Его учащиеся должны были заканчивать гимназический курс 4-м классом. Вместо латинского и европейских языков «пансионеры слушают дополнительные предметы: геометрию без доказательств, бухгалтерию, делопроизводство и занимаются письмом с диктовки и чтением книг и рукописей»[78].

В середине 1830-х гг. правительство вносит изменения в систему надзора за гимназиями[79]. Одновременно принимаются меры «по упорядочению надзора и рекомендуются частые ревизии», составляются специальные инструктивные распоряжения по обозрению учебной части и нравственного состояния.

Меры по отношению к структурам гимназического образования, как и ко всей образовательной системе, соответствовали духу николаевского царствования, когда верховная власть распространяла свое влияние на все сферы жизни российского общества и строго контролировала его морально-нравственное состояние.

Во второй половине 1830-х гг. была предпринята попытка пересмотреть существующие акты о приеме в средние учебные заведения лиц несвободных состояний. Для ограничения притока выходцев из малообеспеченных слоев в 1845 г. в гимназиях увеличивается плата за обучение. В столичных гимназиях обучение стоило 20 руб., Киевской — 17, Одесской и Таганрогской — 7, а во всех остальных — по 5 руб. серебром в год. В 1848 г. плата

за обучение в Одессе увеличилась до 15 руб., в Таганроге — до 10 руб. и вновь вводилась в Сибири по 5 руб. серебром[80]. В 1845 г. было запрещено принимать в гимназии детей купцов и мещан без увольнительных свидетельств, за исключением детей из Сибири[81].

Дальнейшее развитие получила политика приближения общеобразовательной школы к «требованиям местных обстоятельств». В 1836 г. вышло первое постановление об открытии реальных классов при учебных заведениях, «приспособленных к главной надобности того места, с направлением их к мануфактурной промышленности или торговле»[82]. В 1839 г. при 3-й Московской гимназии открываются реальные курсы, которые должны были действовать вместе с классическими курсами с целью «доставить производительному классу новые средства к приобретению технических познаний»[83]. В это же время вводятся реальные классы в Санкт-Петербургской Ларинской гимназии[84]. С 4-го класса гимназия разделялась на два отделения — классическое и реальное. В первом преобладал латинский язык, в реальном отделении изучали естественную историю, химию, технологию, товароведение, бухгалтерию и счетоводство, коммерческое законоведение и механику. Усилено здесь было также черчение и рисование[85]. По образцу 3-й Московской гимназии тогда же были открыты «в виде опыта» реальные классы при гимназиях в Туле, Курске, Вильне и при уездных училищах в Риге и Керчи[86].

В 1841 г. реальный класс учреждается при Архангельской гимназии[87]. В 1849 г. при Нижегородской гимназии открываются реальные классы коммерческих наук и бухгалтерии[88]. Практические требования жизни вызвали учреждение ветеринарного класса при сибирских гимназиях[89]. Эти действия правительства свидетельствуют о том, что оно учитывало интересы среднего сословия и одновременно откликалось на запросы времени, когда надо было обеспечить растущие потребности развивавшегося промышленного производства и торговли. Был найден выход для решения кадровых вопросов в торгово-промышленной и аграрной сферах, хотя такая политика и носила сословный характер. Система среднего образования была адаптирована для подготовки технических и специальных кадров из представителей среднего сословия. Предпринимались попытки сделать гимназии основой для развития профессиональной школы и сферы технического образования в России.

В период царствования Николая I правительство усилило контроль за частными учебными заведениями. С начала 30-х гг. они могли открываться только с согласия министра народного

просвещения и «только в крайнем случае»[90]. Положение о частных учебных заведениях от января 1835 г. в еще большей степени ставило их под контроль государства. Учредитель должен был предоставить свидетельство об образовании, предположение о типе заведения и преподавании, свидетельства о добром поведении и русском подданстве. За нарушение статей Положения следовали штрафы или отправка за границу. С 1846 г. учредители частных учебных заведений предоставляли удостоверения о возможности их содержать[91]. Все эти меры были призваны затормозить процесс формирования системы частного образования. Министерство народного просвещения «избавляло свои гимназии от конкуренции» и давало им более широкие возможности для развития.

Продолжающееся реформирование гимназий привело к разделению в 1849 г. гимназического курса в старших классах на два отделения: латинское — для готовившихся в университет и юридическое — для поступающих на государственную службу. Курс гимназии делился на общий и специальный, начинавшийся с 4-го класса. Общий курс в старших классах включал такие предметы, как Закон Божий, физика, математическая география, всеобщая и русская история, французский, русский и славянский языки, математика. Для тех, кто готовился к университету, определялись языки латинский и греческий с 4-го класса (греческий для философов). Для «выходивших из гимназии» на службу вводились два дополнительных урока по русскому для практических занятий, два специальных урока по математике «для арифметических задач в применении к практике» и с 5-го класса — преподавание законоведения. Выпускники гимназий с отличными познаниями русского законоведения имели право на государственную службу в чине 14-го класса[92]. Новый подход к образовательному курсу гимназии с введением законоведения явился также ответом на практические требования времени. Этот курс был продолжен.

В конце 40-х — начале 50-х гг. гимназии получили новые учебные планы. Гимназии были разделены на три типа: 1) для подготовки будущих гражданских чиновников с курсом законоведения; 2) для подготовки будущих военных людей и естественников «с более обширным курсом математики и курсом естественных наук»; 3) для подготовки в университет (с латинским языком в большем объеме и с греческим). После преобразований 1852 г. российские гимназии не подвергались изменениям вплоть до 1864 г.

Во второй четверти XIX в. наблюдается постепенный рост числа гимназий. По данным источников о состоянии учебных

заведений всех ведомств от 1838 г., числилось 64 гимназии. Число учащихся в них составляло около 12 тыс. человек. По сравнению с 1823 г. их число выросло в полтора раза, а численность учащихся — почти в три раза. Дворянских институтов было в это время три, в них училось 212 человек, а благородных пансионов — пять. По отчету Уварова за первое десятилетие его министерства (1833–1843), количество гимназий возросло с 64 (1832) до 76 (1842)[93]. Одновременно с открытием новых гимназий осуществлялось открытие параллельных классов в старых гимназиях, что также вело к росту численности учащихся. В 1847 г. численность гимназий достигает 84, и обучается в них 22 780 человек[94].

Гимназии николаевского времени в плане организации учебных занятий не отличались от гимназий предшествующего периода. В отчетах ревизоров отмечаются те же недостатки в методике преподавания, которое велось «большей частью схоластически, по учебнику, часто без самых необходимых наглядных пособий»; по отдельным предметам отсутствовали хорошие учебники и пособия, не все учителя в достаточной степени владели методикой преподавания, что, естественно, не способствовало динамичному развитию образовательного процесса. В гимназиях по большей части господствовало механическое заучивание материала, что приводило к «недостатку основательности знаний»[95].

Вопрос обеспечения гимназий учебными пособиями в николаевское время был решен лучше, чем в предшествующий период. Значительно увеличились библиотеки гимназий. Принимались меры к пополнению их «необходимыми сочинениями». Однако материально-техническая база многих гимназий и организация учебного процесса по-прежнему не отвечали в полной мере необходимым требованиям.

Современники отмечали определенный консерватизм гимназических преподавателей, которые не стремились обновлять учебный материал, совершенствовать свой предметный курс, использовать новейшие наработки и теории. Педагогов, работавших увлеченно и с творческим подходом, было очень мало, хотя и увеличилось число преподавателей с университетским образованием. В некоторых гимназиях педагогический коллектив составляли в основном иностранцы, примером чему может служить Казанская гимназия в 50-х гг.[96] Не отличались многие преподаватели гимназий и педагогическим тактом: «большинство учителей были крайне грубы, прямо вызывали учеников на дерзости»[97].

Руководство отдельных гимназий использовало некоторые меры поощрения для «прилежных и наиболее способных учени-

ков»: цветные скамейки для «отличных» и «прилежнейших» учащихся; особые места для них в классе, в церкви, за столом. Имена тех, кто в течение года сохранял за собой эти «звания», «печатались в губернских ведомостях и о них извещался попечитель», который объявлял им благодарности. Отличникам разрешали также носить на мундире золотые нашивки. Иногда имена отличившихся учащихся и отставáвших заносили на разные доски, которые имелись в каждом классе[98].

Как и раньше, не был упорядочен процесс приема в гимназии, допускались случаи поступления во втором полугодии, нарушения при испытании вновь поступавших, разновозрастный состав гимназистов в младших классах и т. п.

Подготовка педагогических кадров значительно расширилась лишь в середине века, до этого по-прежнему кадры готовил только Главный Педагогический институт. В 1850 г. были открыты кафедры педагогики при Санкт-Петербургском, Московском, Харьковском и Киевском св. Владимира университетах. В ноябре 1858 г. Главный Педагогический институт упразднили и были учреждены Педагогические курсы при университетах[99].

Продолжался выход из гимназий учащихся без завершения полного курса. Во многом это объяснялось желанием гимназистов ускорить устройство своей служебной карьеры. Они стремились поступить в военные и разные привилегированные учебные заведения. По этим причинам в отдельные годы только столичные гимназии покидало от 30 до 60 учащихся[100].

В последние предреформенные десятилетия происходило изменение социального состава учащихся гимназий, постепенно приобретавших характер дворянских учебных заведений. В 30-х гг. доля детей дворян и чиновников в гимназиях составляла 78,85%, в 1843–1851 гг. — соответственно 78,74, в 1853–1858 гг. — 79,67%. В 50-х гг. из 15 тыс. гимназистов 12 тыс. принадлежали к сословию дворян и чиновников. В Санкт-Петербургском учебном округе в 1853 г. гимназисты из дворян составляли 80%.

В некоторых губернских гимназиях численность лиц из привилегированных сословий была еще более значительной. Так, в 1838 г. в Воронежской гимназии обучалось 193 ученика, из них дворян и обер-офицерских детей — 185 человек, купцов — 4 человека и 4 разночинца, т. е. 95,85% учащихся были из дворянского сословия[101]. Таким образом, сословная политика правительства Николая I находила яркую иллюстрацию на примере развития системы образования.

* *
*

В пореформенной России гимназическое образование получает развитие как в количественном, так и в качественном отношении; появляются новые типы гимназий — женские (см. очерк Л.Б. Хорошиловой «Женское образование и воспитание» в данном томе) и военные. Последние создаются в 1863 г. по инициативе военного министра Д.А. Милютина на основе кадетских корпусов. Просуществовали они до 1882 г. и были вновь обращены в кадетские корпуса. Военные гимназии возникли в связи с реформой системы военного образования. Было признано необходимым разделить специальное военное и общее образование. Руководил проведением реформы по организации военных гимназий Н.В. Исаков. В течение 1863–1866 гг. в военные гимназии было преобразовано 12 кадетских корпусов. Их целью определялось общее образование и подготовка к поступлению в специальные военные школы — военные училища.

Первоначально военные гимназии имели 6-летний курс обучения, а с 1874 г. он становился 7-летним. В числе преподаваемых дисциплин были Закон Божий, русский язык и словесность, иностранные языки — немецкий и французский, математика, физика, космография, география, начальный курс естественной истории, отечественная и всеобщая история, чистописание и черчение. Воспитанники занимались также музыкой, пением, танцами и гимнастикой. Из учебного плана были исключены древние языки, в меньшем объеме преподавалась математика и история, а в остальном он совпадал с планом и программами классических гимназий. Из курса кадетских корпусов оставили гимнастику и строевую подготовку.

Военные гимназии представляли собой учебные заведения типа интернатов. Их воспитанники содержались за счет казны. Среди учащихся преобладали дети дворян, офицеров, чиновников военного ведомства. Незначительную часть составляли дети казаков, духовенства, иностранцев, в основном выходцев из славянских стран, особо отличившихся солдат (в виде исключения).

В военных гимназиях ежегодно обучалось свыше 5 тыс. человек. Из них в военные училища поступало более 90% выпускников. В 1880 г. в России насчитывалось 18 военных гимназий и 8 прогимназий. Все они были созданы в ходе военных реформ 60–70-х гг. и давали образование в объеме курса уездного или 4-классного реального училища. Педагогические кадры для военных гимназий стали готовить на педагогических курсах, открытых в 1865 г. при 2-й Петербургской военной гимназии.

Новое царствование Александра II принесло некоторое оживление общественной мысли и общественного движения. В обществе росло понимание необходимости и важности развития системы образования.

Статья Н.И. Пирогова, опубликованная в 1856 г. в «Морском сборнике», открыла в прессе дискуссию о цели образования и смысле воспитания. Пирогов был сторонником развития общего образования и в первую очередь отстаивал идею классического образования как основы развития гуманитарного просвещения.

Министерство народного просвещения начинает готовить реформу образования «на волне» общественного подъема, положив в ее основу принцип гуманитарной цели обучения человека. Еще в конце 50-х гг. педагоги стали критически оценивать существовавший учебный строй гимназической системы, отмечали некоторые отрицательные стороны гимназического курса и неправильное построение учебных планов, в частности указывали на его перегруженность. Гимназисты не имели возможности для плодотворной самостоятельной работы. Тогда же прозвучала идея разделения образования на реалистическое и гуманитарное. Все эти вопросы нашли отражение в дискуссии на страницах журналов «Русский вестник», «Библиотека для чтения» и др.[102]

Российская общественность настаивала на том, что средняя школа должна вместе со знаниями формировать на научной основе и определенное мировоззрение и взгляды. Поэтому необходимо пересмотреть программы и по-иному сформировать образовательный гимназический курс. Верховная власть вынуждена была прислушаться к мнению общественности. Она начала сознательно, правда, постепенно и поэтапно расширять образовательные программы, понимая необходимость предоставления населению возможности получить качественное образование. Достаточно благоприятные условия в этой сфере сложились в России в период эпохи Великих реформ и в пореформенное время. Реформа образования стала одним из ключевых положений реформаторской политики Александра II.

Новый школьный устав стали готовить с 1856 г. Первый проект гимназического устава появился в феврале 1860 г. Он сохранял основную цель гимназий — общее образование, декларировал уничтожение всяческих ограничений при поступлении: сословных, конфессиональных, национальных. Устав широко обсуждался в педагогических советах и был опубликован в прессе.

В 1862 г. вышла в свет вторая редакция устава, широко обсуждавшаяся в России и за границей. Споры были вызваны по-

ложением о классицизме в гимназическом образовании. В результате анализа замечаний появился третий проект устава гимназий и прогимназий. В этой редакции он и был принят и утвержден 19 ноября 1864 г.[103]

Уже во время подготовки реформы 1864 г. правительство и прогрессивные представители педагогической общественности принимали меры, направленные на отмену ограничений в области образования, характерные для николаевского царствования: лицам податного сословия предоставлялось право освобождения от платы за обучение на общих основаниях; разрешалось открывать частные учебные заведения без ограничения их численности, а также разрешалось давать право на их открытие попечителям округов; в отдельные гимназии и пансионы при них позволялось принимать детей купцов 1-й гильдии и почетных граждан, а в уездные училища — солдатских детей; в университетах восстанавливалось преподавание философии[104].

С приходом в министерство А.В. Головнина в декабре 1861 г. преобразовательная деятельность значительно активизировалась, что привело к оживлению педагогической мысли, более кардинальному решению некоторых проблем народного образования, и гимназического в частности. Упразднялась монополия министерства на издание учебников, теперь издавать их могли все желавшие. На ряд учебников по естественным дисциплинам был объявлен конкурс. Учебный комитет публиковал только отзывы на вновь издаваемые пособия.

Постепенно в гимназиях утверждался принцип всесословности — начался прием «детей чиновников и казаков без всякого различия» — и предоставлялась возможность обучения для детей постороннего ведомства; позднее в гимназии были допущены кантонисты, уволенные из военного ведомства, и дети придворных служителей; в отдельных регионах стали закрываться дворянские пансионы, открывались частные гимназии[105].

В качестве главной цели гимназий Устав 1864 г. сохранял «общее образование» и вместе с тем они должны были «служить приготовительными заведениями для поступления в университет и другие высшие специальные училища». В России утверждались три типа средних учебных заведений: классическая гимназия с преподаванием двух древних языков, классическая гимназия с одним латинским языком; реальная гимназия без преподавания древних языков[101]. Устав 1864 г. закрепил развитие двух видов гимназий: классической и реальной. Однако выпускники реальных гимназий не принимались в университет. Они могли поступать только в технические вузы. Право на поступление в

университет оставалось за выпускниками классической гимназии. Разделение среднего образование на классическое и реальное создавало известные предпосылки для развития высшего технического образования, возможность продолжать образование в технических высших учебных заведениях. Так правительство попыталось решить вопрос развития профессионального образования за счет общеобразовательной школы. Это было продолжением тех начал, которые имели место в предшествующий период (подробнее об этом см. в очерке Л.В. Кошман «Профессиональное образование в России» в данном томе).

При таком распределении средних учебных заведений предполагалось, что «жизнь сама покажет», какой тип гимназий окажется более возможным и полезным и какие гимназии должны преобладать. Новый устав предусматривал также существование гимназий государственных, общественных и частных.

Одновременно с гимназиями создавались и прогимназии, которые заменяли собой уездные училища. Их курс соответствовал курсу четырех низших классов гимназии. При подобном построении системы среднего образования сохранялся принцип единства и преемственности школы, что было прогрессивным явлением для того времени. Гимназический курс состоял из семи классов. Продолжительность урока определялась в 1 час 15 мин., а с 1865 г. — в 1 час. В учебном плане 1864 г. значились следующие предметы: Закон Божий, русский язык с церковнославянским и словесность, латинский, греческий, французский и немецкий языки, математика, история, география, естественная история, чистописание, рисование и черчение. По новым учебным планам увеличивалось число уроков по Закону Божию, математике и древним языкам. Вводились гимнастика и пение. Было отменено преподавание законоведения. В реальных гимназиях больше времени отводилось изучению европейских иностранных языков, математике, физике и космографии, естественной истории, чистописанию, рисованию и черчению.

Устав предполагал увеличение штатов гимназии. Педагогические советы и преподаватели получали теперь свободу действий в деле составления программ и в выборе учебников. Современниками отмечался гуманный характер устава. В «основе его не лежало никакой чуждой образованию цели». Те положительные начала и моменты, которые заключал в себе устав, «высоко поднимали его над всеми николаевскими реформами».

Устав отразил давно назревшие потребности: необходимость кардинального изменения подхода к развитию системы образования, утверждение принципа преемственности, введение диф-

ференциации гимназий, сохранение принципа классического образования, освобождение от сословности и утверждение принципа демократизма в образовании. Только в Западном крае (Варшавский, Виленский, Дерптский учебные округа) правительство проводило образовательную политику с учетом сложившейся там политической ситуации, усиливая элемент русификации.

С приходом в министерство Д.А. Толстого начинается новый этап в развитии системы среднего образования в России, что было обусловлено отступлением от реформаторских традиций 1850–1860-х гг. Уже в 1866 г. начал готовиться новый устав. «Короткое время просвета, когда на гимназии смотрели только как на просветительные заведения, с наступлением реакции кончилось. На школу опять была возложена тенденциозно-политическая миссия»[107].

Политика Д.А. Толстого, а затем и И.Д. Делянова характеризовалась политизированностью, возвратом к принципам сословности, что негативно сказалось на развитии гимназического образования. В определении образовательной политики министерство Толстого исходило из трех основных принципов: абсолютный приоритет классического типа средних учебных заведений, «точная регламентация учебных планов и программ», развитие пансионов как средства, которое должно объединять образовательные и воспитательные начала среднего учебного заведения. Именно эти положения стали основой его реформы.

Новая реформа, в отличие от реформы 1864 г., готовилась без привлечения общественности и вне состояния широкой гласности. К ее разработке были допущены лишь немногие официальные лица, влияние извне исключалось. И хотя на последнем этапе проект устава в редакции Толстого вызвал некоторые разногласия в Государственном совете и большинство его членов оказалось не на стороне министра, устав гимназий и прогимназий 30 июля 1871 г. был утвержден[108].

Устав 1871 г. признавал только классические гимназии с преподаванием двух древних языков и прогимназии. Реальные гимназии преобразовывались в реальные училища, положение о которых было принято годом позже, в 1872 г. Училища должны были «доставлять учащемуся в них юношеству образование, непосредственно приспособленное к практическим занятиям торговлей и различными отраслями промышленности», поэтому их выпускники лишались возможности поступать в университет.

Реальные училища являлись всесословными учебными заведениями. При них создавались пансионы. Училища могли быть и земскими, и общественными, и частными. В последнем слу-



Иван Федорович Тимковский, директор Новгород-Северской гимназии

чае они «подчинялись общим узаконениям о частных учебных заведениях»[109].

Реальные училища создавались в составе шести, пяти, четырех, трех и двух классов в зависимости от местных условий. В последних классах предусматривалось разделение на основное и коммерческое отделения. При основном отделении мог быть открыт высший дополнительный класс с тремя отделениями: общим для подготовки учащихся к поступлению в высшие специальные училища; механико-техническим; химико-техническим.

Целью классических гимназий, по Уставу 1871 г., признавались общее образование и подготовка к продолжению обучения в университете. При принятии данного положения Государственный совет ориентировался на европейский опыт, где гимназии с двумя языками признавались «приготовительными к университетам».

Гимназии оставались 7-классными, но 7-й класс имел теперь два годичных отделения. Развитию классического образования придавалось большее значение. Именно поэтому Устав 1871 г. не стал окончательным документом. В 70—80-е гг. были приняты новые законодательные акты, дополнявшие и изменявшие его. Так, с 1875 г. гимназии становились 8-классными учебными заведениями. В этом случае прогимназии могли быть и 6-классными, что было узаконено в Положении 1884 г. При каждой гимназии вводился теперь приготовительный класс, куда назначались особые учителя. Здесь изучали Закон Божий, русский язык, математику и чистописание.

В соответствии с новым уставом гимназий и прогимназий изменялся и учебный план. Главными предметами в учебном курсе становились древние языки. Сокращалось преподавание естественной истории: ее отменили сначала в низших классах, а затем полностью исключили из учебного плана. Космография заменялась математической географией. Сокращалось число уроков чистописания, рисования и черчения. Были сокращены также курсы по истории и Закону Божию. Вводились логика, в 7-х и 8-х классах — география для повторения.

В 1871 г. российская гимназия впервые получила новые общегосударственные программы, которые предписывалось строго соблюдать. До этого времени не было общих обязательных программ: учебные заведения строили образовательные курсы на основании программных и инструктивных материалов, разрабатывавшихся при учебных округах. Составлению общегосударственных программ придавалось большое значение, они должны были стать основой охранительного направления в школе.

Устав включал также изменения по учебной и организационной части. Формировалась система классных наставников, в обязанность которых входило наблюдение за учебными успехами и развитием учеников, а также за их нравственностью. Одновременно они выступали в качестве ближайших посредников между школой и семьей. В каждый класс определялся один наставник. Преподавателям разрешалось давать уроки по нескольким различным предметам, но это допускалось в основном в младших классах. Для преподавателей предусматривалось «соединение обязанностей учебной и воспитательной».

Плата за обучение устанавливалась в размере от 15 до 50 руб., от которой разрешалось освобождать до 10% учащихся, отличившихся в учебе.

Расширялись масштабы подготовки преподавателей-классиков. В 1874 г. в г. Нежине на базе лицея кн. Безбородко появился еще один Историко-филологический институт с гимназией[110]. При Лейпцигском университете была организована Лейпцигская русская филологическая семинария. На ее содержание выделялось по 17 500 руб. в год. На должности преподавателей древних языков приглашали славян[111].

Общественность оценила Устав гимназий 1871 г. негативно. Пресса откликнулась всеобщим негодованием. Недовольство реформой гимназического образования выражалось достаточно резко. Критика звучала со стороны земских собраний и со стороны преподавателей гимназий. Однако Д.А. Толстой продолжал последовательно проводить свою политику. Вскоре появились

некоторые дополнения к Уставу 1871 г. в виде новых нормативных документов. В 1872 г. были изданы детально разработанные планы преподавания учебных курсов гимназии, приняты правила об испытаниях при поступлении, переходе и окончании курса, которые детально регламентировали экзаменационные процессы[112]. Правила вводили контроль и за преподавателями, которые должны были «тщательно проходить» учебные планы. Жестко регламентировались все гимназические экзамены, и за их исполнением строго следили ревизоры.

Несмотря на борьбу с многопредметностью, курс продолжал оставаться достаточно трудным и перегруженным. Отдельные предметы не представляли интереса для гимназистов, так как программы были построены формально и занятия сводились к сухому изложению.

В мае 1874 г. были утверждены правила для учеников гимназий и прогимназий, регламентировавшие поведение и ограничивавшие их деятельность жесткими рамками. Одновременно вышли и «правила о взысканиях», подробно определявшие меры наказания[113].

Жесткая система надзора вышестоящего начальства за развитием средних учебных заведений предусматривала и контроль за благонадежностью преподавателей гимназий, и сложную систему надзора за преподаванием. Преподаватели должны были точно исполнять распоряжения учебного начальства, в противном случае или при негативном отношении к этому следовало немедленное увольнение[114].

Д.А. Толстой пытался активизировать процесс создания пансионов. В 1877 г. был издан даже специальный циркуляр учебному начальству об увеличении их числа[115]. Но министерство не получило должного результата в деле развития пансионов: дворянство теперь не проявляло особой инициативы в этом вопросе по причине постепенного своего оскудения. И.Д. Делянов также не добился успеха в этом деле, несмотря на получение в 1891 г. Высочайшего одобрения по этому вопросу[116]. Пансионы во второй половине XIX в. не могли достичь того развития, которое было характерно для эпохи Николая I.

В 1880-х гг. правительство возвращается к политике сословного ограничения в вопросе развития гимназического образования. Делянов открыто говорит в Государственном совете (1885)[117] о вреде гимназического образования для низших слоев населения, особенно при недостаточности средств, чтобы довести такое образование до конца. Он указал на необходимость строго следовать продуманному плану, адаптированному к по-

требностям сословий. В апреле 1887 г. было принято постановление, закрывавшее доступ в гимназии для детей тех лиц, которые занимались «предосудительными профессиями». С 1888/89 учебного года упразднялись приготовительные классы, при этом преследовалась цель «отвлечения от гимназий таких учеников, которым по условиям быта их родителей совершенно не следует стремиться к среднему гимназическому образованию»[118].

Тогда же Делянов попытался получить у императора разрешение на внесение в Комитет министров представления «о допущении впредь в гимназии и прогимназии детей лишь некоторых сословий — не ниже купцов 2-й гильдии». Однако император посчитал подобную меру несвоевременной и поручил разработать другие меры для решения этой задачи.

Этими другими стали следующие меры: повышение платы за обучение до 40–70 руб. и прекращение субсидирования приготовительного класса; прием в гимназии только детей, попечители которых могли обеспечить и дать соответствующие условия для учебы и нужное воспитание; установление процентной нормы для лиц некоторых национальностей. Делянов считал, что при соблюдении принятых правил «гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детям коих, за исключением разве одаренных гениальными способностями, вовсе не следует стремиться к среднему и высшему образованию»[119]. Таким образом, правительство ограничивало доступ в гимназии детей низших сословий. Циркуляр Делянова вошел в историю отечественного образования как «циркуляр о кухаркиных детях».

В 1870–1890-х гг. учебные гимназические планы менялись дважды с целью их коррекции и упрощения: в 1877 г. основные перемены затрагивали курс истории и литературы. Произошло разделение преподавания систематического курса всеобщей и отечественной истории, которые ранее изучались параллельно. Одновременно расширялся курс истории эпохи Средневековья за счет введения фактического материала из славянской и византийской истории. Курс русского языка также подвергался изменениям. Определялось самостоятельное преподавание литературы и теории словесности. Раньше это осуществлялось при изучении образцовых произведений. В 1890 г. основные перемены затронули древние языки, географию, русский язык, гимнастику, которая становилась обязательным предметом во всех классах.

Внутренний распорядок гимназической жизни в это время оставался практически прежним. Продолжительность учебного

года составляла 240 дней (с 16 августа по 1 июня). Прием учащихся в 1-й класс осуществлялся в мае, а во 2 — 8-й — в августе. Для иногородних учеников при некоторых гимназиях и прогимназиях существовали пансионы. Все учебные пособия должны были получать одобрение в Ученом комитете. Замена учебников производилась по прошествии двух лет с обязательным сообщением об этом педагогическому совету и обязательно до летних каникул. Устанавливались устные и письменные экзамены, успешная сдача которых отмечалась похвальными листами и книгами.

По окончании гимназии выпускники получали аттестаты зрелости. Им был открыт доступ во все высшие учебные заведения. При приеме на государственные должности они пользовались преимуществом. Выпускники-отличники награждались золотой или серебряной медалью и сразу при поступлении на службу производились в чин. Выпускникам прогимназий выдавались свидетельства.

Руководство гимназии — директор и инспектор — утверждалось попечителем учебного округа. Вопросы по учебной и воспитательной части обсуждались на педагогических советах под руководством директора, которые собирались не реже одного раза в месяц. В состав совета входили все учителя, надзиратели и инспектор. Для решения хозяйственных вопросов в гимназиях создавались особые хозяйственные комитеты.

Продолжался процесс численного роста гимназий. В 1876 г. насчитывалось гимназий — 131, прогимназий — 72. В 1887 г. соответственно 181 и 70, где обучалось около 60 тыс. учащихся. В 1891 г. в России было 180 гимназий и 59 прогимназий с общей численностью учащихся более 61 тыс. человек[120]. На протяжении второй половины века предпринимались меры по увеличению численности квалифицированных педагогов, и к 1890-м гг. преподавательский корпус гимназий насчитывал вместе с помощниками классных наставников около 5 тыс. человек.

Помимо правительственных средних учебных заведений в это время существовало 23 частные гимназии, 5 гимназий при церквах иностранных вероисповеданий, гимназические классы при лицее Цесаревича Николая в Москве, Александровском дворянском институте в Нижнем Новгороде и Лазаревском институте восточных языков и коллегия П. Галагана в Киеве. В частных гимназиях обучалось 707 человек (59,1% дворян и 29,7% лиц городского сословия). В церковных гимназиях числилось 1347 учеников (34,37% дворян и 42,1% представителей городского сословия).

В это же время в некоторых европейских странах система среднего образования была более развитой и представительной, чем в России. Например, в Пруссии насчитывалось 270 гимназий, 45 прогимназий (4-, 6-, 7-классные). Численность учащихся составляла свыше 75 тыс. человек в гимназиях и около 5 тыс. в прогимназиях[121]. В других германских землях число гимназий достигало 158, а классических прогимназий — 12. В Австрии насчитывалось 139 классических гимназий, и обучалось в них свыше 40 тыс. учащихся. Корпус гимназических преподавателей включал 2,5 тыс. человек. В эти показатели не включены данные по реальным гимназиям. В Венгрии число гимназий доходило до 151, где обучалось свыше 35 тыс. учащихся. Гимназических преподавателей было 2356 человек[122].

Таким образом, даже сравнение абсолютных показателей численности средних учебных заведений и количества учащихся в них свидетельствует об отставании России от ряда европейских государств. Этот факт становится еще более очевидным при учете различий территории и общей численности населения России и государств Западной Европы.

Учебные планы прусских, австрийских и российских классических гимназий в рассматриваемый период практически были идентичными, за исключением таких предметов, как философия, входившая в учебный курс австрийских гимназий, и цикла необязательных предметов (новые языки, каллиграфия, рисование, пение, стенография и гимнастика) и естественной истории. Недельная нагрузка также практически совпадала, но в младших классах прусских средних учебных заведениях она была несколько больше, а в старших классах австрийских — меньше. Классические языки преподавались в гимназиях Пруссии и Австрии в большем объеме, чем в гимназиях России.

Совершенно иное устройство имели гимназии в Италии. Здесь система среднего образования строилась на основе соединения гимназии и лицея. Итальянские гимназии были схожи с российскими прогимназиями и готовили учащихся к поступлению в лицеи, из которых они переходили в университет. Гимназии здесь были 5-классными, а курс лицея включал 3 класса. Недельная нагрузка в итальянской гимназии соответствовала нагрузке младших классов гимназий в России, а в лицее она была меньшей, чем в старших классах российской гимназии.

Сравнение учебных планов и учебной нагрузки в гимназиях европейских и российских, их целевого назначения приводит к выводу об определенном единстве системы среднего образования в странах Европы и в России. В XIX в. российские гим-

назии развивались с ориентацией на европейский образовательный опыт и в русле педагогической практики европейских стран. Пытаясь совершенствовать свой опыт развития системы среднего образования, Россия догоняла европейские страны в этом вопросе и заимствовала все передовые достижения. Сохраняя классицизм гимназического образования, Россия также вполне соответствовала европейскому стандарту и опыту развития гимназического образования. Качество отечественного гимназического образования было высоким.

В XIX в. для развития отечественных и европейских гимназий были характерны общие задачи: освобождение от многопредметности и как следствие — от перегруженности планов и программ; формирование корпуса высококвалифицированных преподавателей; укрепление классического начала в гимназическом образовании; утверждение и развитие двух типов средних учебных заведений — классических и реальных гимназий; развитие профессиональной школы на базе средних учебных заведений; сохранение преемственности между средней и высшей школой, когда гимназическое образование рассматривается как базовое для университетского. Для европейских и российских гимназий были характерны также поиски адекватных вариантов и путей развития через реформы и преобразования учебных курсов и планов. Различались европейская и российская системы среднего образования лишь масштабностью развития и количественными показателями, а также темпами формирования нового типа гимназий, которые в максимальной степени были адаптированы к потребностям времени.

В системе российского среднего образования безусловно преобладали правительственные гимназии и прогимназии. В 1887 г. затраты правительства на их содержание составили около 10 млн руб. Один гимназист обходился государству в среднем в 166 руб. Число пансионеров правительственного ведомства в 1891 г. составляло около 3,5 тыс. человек, или 5,9% от общей численности гимназистов государственных гимназий. Это показывает, сколь мала была доля пансионов в системе гимназического образования, несмотря на принимаемые правительством меры по их организации. Доля правительственных вложений в развитие гимназий составляла более 40%.

Распределение российских гимназий в начале 1890-х гг., как и в прежние времена, по отдельным регионам и районам страны отличалось неравномерностью. Основная часть их была сосредоточена в Московском и Санкт-Петербургском учебных округах, т. е. в губерниях, тяготевших к столичным центрам

(30% мужских и 29,57% женских гимназий по общероссийской статистике). На втором месте стояли учебные округа Украины — Киевский, Харьковский, Одесский (28,3% мужских и 34,5% женских гимназий). Третье место принадлежало учебным округам Западного края — Варшавскому, Виленскому, Дерптскому (22,77% мужских и 13,4% женских гимназий). Примерно равное положение в системе количественного распределения гимназических учреждений имели Казанский и Кавказский учебные округа, где было по 9 мужских и по 9 женских гимназий (1,5% мужских и 6,3% женских гимназий; 2,5% мужских и 6,3% женских гимназий). Минимальным числом гимназий к этому времени располагали Сибирь и Дальний Восток — 8 мужских (4,4 %) и 8 женских (5,6 %) гимназий. И только по одной гимназии было в Туркестанском крае (0,5% от общего количества мужских и 0,7% от общего состава женских гимназий)[123]. Подобная география системы среднего образования была обусловлена историческими традициями его развития и особенностями регионального состояния и развития Российской империи, а также политикой правительства в сфере народного образования.

Вместе с ростом числа гимназий возрастала и сумма их финансирования. Однако правительство не могло в полной мере обеспечить должное содержание гимназий и гарантировать весь объем финансирования среднего образования. Оно пыталось активизировать процесс притока внебюджетных средств и разрешало содержать частные гимназии и пансионы. В определенной степени верховная власть делала ставку на инициативу общества.

Российское общество уже в начале XIX в. активно участвовало в деле развития гимназий, порой принимая их на собственное содержание или осуществляя долевое финансирование. Так, в 1804 г. Войско Донское взяло гимназию и уездное училище «на свое содержание». Сумма этого содержания составила 5650 руб. на гимназию и 1250 руб. на училище[124]. Тогда же пензенское дворянство гарантировало местной гимназии долевое финансирование. Оно определило на ее содержание «от себя производить ежегодно 2250 руб.»[125] Этот список пожертвований может быть продолжен. Историк гимназического образования А.Ф. Андриашев отмечал, что «как в гимназии, так и в уездных училищах составлялась особая благотворительная сумма... из приношений почетных смотрителей училищ, которые и учреждены с специальною обязанностию попечения о нуждах училищных». После почетных смотрителей основными жертвователями являлись дворяне, от лиц прочих сословий пожертвования принимались только в случае их благонадежности. Для поощрения благо-

творителей в 1820 г. были изданы правила о наградах, согласно которым полагалось: о всех благотворителях печатать в «Ведомостях» обеих столиц; имена благотворителей вносить в специальную книгу; благотворителям, пожертвовавшим более 1000 руб., присваивалось звание почетных благотворителей, и их имена писались золотыми буквами на досках, которые должны были быть в залах учебных заведений; тех же, которые пожертвуют более трех тысяч, предписывалось иметь портреты; благотворителей, пожертвовавших более 5 тыс., велено представлять «к изъявлению Высочайшаго благоволения»[126].

В пореформенное время большее распространение получили именные стипендии, которыми российская общественность поддерживала гимназистов. Так, в 1868 г. при 1-й Казанской гимназии была учреждена стипендия бывшего ученика гимназии Н.С. Скуридина. Он выделил капитал в 400 руб., проценты с которого выплачивались как гимназическая стипендия. Тогда же в Тверской Мариинской женской гимназии были учреждены две стипендии «почетного гражданина города Твери, князя П.Р. Багратиона», «на счет процентов с имеющего быть собранным по подписке капитала»[127]. В октябре 1868 г. Ржевское уездное земское собрание приняло решение «из ежегодно ассигнуемых 7 тыс. руб. на народное образование» отчислять 1 тыс. руб. на пять гимназических стипендий «по 200 руб. каждая»[128]. В мае 1876 г. были приняты правила «О порядке учреждения при учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения именных стипендий»[129].

Введение земских учреждений и городского самоуправления позволило также получить дополнительные источники финансирования для системы народного образования, так как земские сборы и городские доходы частью использовались на развитие учреждений образования. В 1876 г. из городских доходов отпускались средства на содержание 70 учебных заведений в размере более 300 тыс. руб., а из земских сборов на содержание 57 учебных заведений выделялось около 350 тыс. руб.[130]

Основная часть этих средств уходила на финансирование системы среднего образования — гимназий и прогимназий (доля их составляла 45%, а с учетом реальных училищ она возрастала до 96,65%). Иногда земства открывали свои гимназии. Так, в период с 1866 по 1876 г. были учреждены Александровская гимназия Смоленского земства в г. Вязьме и Черниговская земская прогимназия.

Средства, выделяемые городскими властями на среднее образование, распределялись неравномерно: одни гимназии по-

лучали от 150 до 400 руб. (Пермская, Полтавская, Вторая Одесская), другие — от 5 тыс. до 15 тыс. руб. (Белгородская, Троицкая, Бердянская Александровская)[131]. Так же распределялись и земские средства; например, Екатеринославская гимназия в это время получала от земства 2500 руб., а Лубенская — более 24 тыс. руб. Иногда гимназии получали средства из городских доходов и из земских сборов одновременно[132].

Помимо правительственных и общественных средств на финансирование гимназий и пансионов использовалась плата за обучение. Однако доля этих средств в гимназическом финансировании была незначительной, и даже повышение платы за обучение в гимназиях и пансионах не могло решить финансовую проблему. С другой стороны, увеличение платы за обучение иногда приводило к оттоку учащихся из гимназий, что и наблюдается в отдельные периоды их развития[133]. «Тобольские губернские ведомости» в 1861 г., анализируя проблему сокращения контингента учащихся Тобольской гимназии, среди прочих причин указывали и на рост платы за обучение[134]. Досрочный выход учащихся из гимназий без аттестата в связи с отсутствием материальных средств — явление достаточно распространенное.

Российские гимназии в XIX в. сыграли значительную роль не только в развитии системы народного образования, но и в социокультурном развитии страны в целом. Являясь одним из определяющих факторов культурного потенциала России, они активно участвовали в его формировании. Особенно действенно этот процесс шел на уровне провинциальных гимназий. В провинции гимназии наряду с библиотеками и музеями были не только образовательными учреждениями, но и центрами культуры.

Именно они являлись базовыми учреждениями для формирования в будущем образовательных структур отдельных регионов российской провинции. Некоторые из них со временем составили основу для создания системы высших учебных заведений — лицеев, университетов и институтов (в Одессе, Харькове, Нежине и др.).

Провинциальные гимназии, как и столичные, стали теми учреждениями, которые принимали участие в формировании интеллектуальной гражданской и военной элиты России. Некоторые выпускники гимназий продолжали образование в военных учебных заведениях, пополняя затем состав военной элиты страны. Тем самым гимназии выполняли функцию по собиранию лучших интеллектуальных сил России.

Многие питомцы гимназий, получив высшее образование в столицах, возвращались в свои провинциальные центры и слу-



Иван Иванович Лажечников, директор Пензенской гимназии

жили как на ниве народного просвещения, так и в других общественно-культурных сферах. Часть выпускников провинциальных гимназий оставалась в столицах, занимая значительное положение в системе российского образования, науки, издательского дела, художественной культуры. Гимназии одновременно были и центрами подготовки педагогических кадров для системы местного начального и среднего образования, так как многие их выпускники пополняли учительский корпус этих учебных заведений.

В тех провинциальных центрах, где были университеты, гимназии развивались в тесном взаимодействии с ними. Университетские профессора преподавали одновременно и в гимназиях, что, безусловно, способствовало повышению образовательного уровня гимназистов и активизировало научно-образовательный процесс, создавало традиции преемственности обучения в средних и высших учебных заведениях. Университеты при этом имели возможность на более раннем этапе начинать формирование будущего студенчества.

Для многих преподавателей гимназии становились началом успешной карьеры. Подобных примеров российские провинциальные гимназии знали в своей истории немало. Так, директор Пензенской гимназии И.И. Лажечников, автор известных исторических романов «Басурман» и «Ледяной дом», «наш русский Вальтер Скотт», как называли его современники, пришел

в гимназию из военной службы, и гимназия была первым местом его работы по учебному ведомству; впоследствии он стал директором Казанской гимназии и вице-губернатором в Твери. По воспоминаниям бывшего гимназиста Максимова, Пензенская гимназия многим была обязана И.И. Лажечникову, «как внутренним устройством ее, так и отчетливым преподаванием предметов»[135]. Ему же принадлежала идея соединения классического образования с преподаванием изящных наук — музыки, танцев, рисования, пения, гимнастики.

Учитель Пензенской гимназии Василий Перевощиков впоследствии стал профессором Казанского университета. В бытность свою преподавателем гимназии в Пензе он активно занимался научными изысканиями. Здесь им были написаны «два ученые сочинения», известие о которых встречаем в «Истории 1-й Казанской гимназии»[136].

Путь учителя истории и географии Воронежской губернской гимназии М.А. Андреянова лежал из провинциальной гимназии в столицу — в гимназию Петербургского историко-филологического института и в Петровское училище столичного купеческого общества, где он преподавал историю. Одновременно Андреянов занимал должность и чиновника особых поручений при министре народного просвещения[137]. Подобный путь проделал и другой сотрудник этой же гимназии — преподаватель истории Ф.К. Неслуховский: с середины 70-х гг. и до конца столетия он работал в Императорском Александровском лицее[138].

Учителя провинциальных гимназий и попечители учебных округов принимали активное участие в культурной жизни края, в изучении его истории. Многие из них занимались научными изысканиями и подготовили немало научных исследований и трудов, методических и учебных пособий как общего, так и специального назначения. Значительный вклад в развитие культуры сделали, в частности, преподаватели Воронежской гимназии. Так, учено-литературным трудам в области историко-статистического описания стран Западной Европы, а также местного края посвятил свою деятельность и преподаватель М.И. Славинский, опубликовавший во втором десятилетии XIX в. ряд сочинений[139].

В.А. Виноградский, являвшийся в 40-е гг. директором этой гимназии, составил словарь местных простонародных слов, которым пользовался В.И. Даль при создании своего известного труда[140]. Директор этой же гимназии в 60-е гг. А.Ф. Спецура отличался широтой научных интересов. В орловских и воронежских периодических изданиях им были опубликованы научно-педаго-

гические труды, в том числе исследования в области метеорологии, ботаники, экономики, лингвистики и педагогики[141].

Учитель истории Воронежской гимназии Г.М. Веселовский, одновременно являясь преподавателем статистики в Воронежском Михайловском кадетском корпусе, был крупным местным общественным деятелем, «оставившим глубокий след в литературе Воронежского края и — об этом крае». Он работал также редактором «Воронежских губернских ведомостей» и «Воронежского листка», был издателем газеты «Дон»[142]. Как отмечал историк Воронежской гимназии Н.Н. Пантелеевский, «Григорий Михайлович как редактор и издатель местного печатного органа обладал чрезвычайным организаторским талантом, умел привлекать и сплачивать вокруг редакции молодые литературные силы, воодушевлять и направлять их деятельность. Тонкий наблюдатель, с ясным умом, обладавший даром меткой характеристики событий, фактов и деятелей, он был увлекательным собеседником в тесном кружке близких лиц...»[143] Перу Веселовского принадлежит история Воронежской гимназии и множество разнообразных исторических и научных сочинений. Он являлся инициатором открытия местного общества взаимного городского страхования. Как гласный думы Веселовский был членом многих комиссий, «всюду внося инициативу и светлый взгляд всесторонне образованного, развитого человека»[144].

Коллега Г.М. Веселовского П.В. Малыхин совмещал преподавание и издательскую деятельность. Он основал газету «Воронежский листок» (в 1899 г. «Воронежский телеграф») и был ее редактором, состоял цензором местных периодических изданий, а с 1852 по 1866 г. преподавал в Воронежском кадетском корпусе. Одновременно Малыхин занимался филологическими исследованиями и составил записку об особенностях языка местных жителей[145].

Воспитатель пансиона Воронежской гимназии С. Н. Прядкин стал преподавателем русской словесности Воронежской Мариинской женской гимназии. Им был издан научный труд о местном говоре. В 1890-е гг. он занимал пост редактора «Филологических записок»[146].

Преподаватели с творческой жилкой работали и в других гимназиях. Учитель естественной истории Черниговской гимназии Дубровин, продолжая преподавательскую и научную карьеру, стал профессором и ректором Харьковского университета. Учителя математики этой же гимназии Архангельский и Комлышенский впоследствии также стали профессорами Харьковского университета[147].

В истории Олонецкой гимназии отмечалось, что некоторые ее сотрудники «оставили по себе память печатными сочинениями»[148]. Так, старший учитель этой гимназии Бергштрессер подготовил труд историко-краеведческого плана «Опыт описания Олонецкой губернии» (1838). Другой старший учитель, а потом инспектор Мудров в 40-е гг. издал несколько пособий по арифметике. Старшие учителя Зосимский и Швед составили руководство по дело- и судопроизводству, одобренное юридическим факультетом Санкт-Петербургского университета. Их коллега Ласточкин в 50-е гг. занимался редактированием «Олонецких губернских ведомостей» и опубликовал здесь несколько статей об Олонецком крае. Автор истории гимназии в Олонецком крае Ф. Фортунатов называл местную гимназию «наш рассадник наук в пустынной Карелии». Олонецкая гимназия не была исключением. Об аналогичных фактах говорится и в историях других гимназий. Например, многие преподаватели Самарской гимназии «посвящали время... другим занятиям, имеющим целью или ученую разработку какого-нибудь предмета, или распространение в обществе грамотности и образования»[149].

Гимназические сотрудники достаточно плодотворно и результативно трудились как на ниве народного образования, так и на литературном, научном и публицистическом поприщах. Гимназии были своеобразными научными мини-лабораториями, где по велению сердца и души непрофессиональных исследователей создавались различные научные разработки и концепции, формировалась основа для дальнейших научных изысканий. Можно говорить и о том, что российские гимназии являлись своеобразными научными центрами, заключавшими в себе огромный творческий и исследовательский потенциал. С другой стороны, их можно характеризовать как базовые системы и учреждения, служившие основой для дальнейших, более широких и масштабных научных разработок.

Для публикации своих научных трудов гимназические учителя основывали печатные издания, как это было, например, в Казанской гимназии, где выходили периодические «Казанские известия»[150].

Преподаватели Самарской гимназии участвовали в публичных чтениях, которые устраивались в городе «с различными благотворительными целями», выступали с речами на торжественных актах. В 1857 г. В.П. Зеленевский произнес речь «О состоянии Самарской губернии в географическо-статистическом отношении», в 1859 г. преподаватель Ленстрем сделал доклад «О ходе образования в Самарской губернии с 1853 по 1859 год». В

1860 г. состоялось публичное выступление Глобенко на тему «Об изучении древних языков как важнейшего элемента общечеловеческого образования», в 1862 г. преподавателем Кучиным была приготовлена речь «О значении семейства в воспитании»[151].

Общество провинциальных городов посредством подобных публичных актов получало возможность расширять свой культурный кругозор и знакомиться с последними достижениями литературно-научной и просветительской мысли. Некоторые преподаватели гимназий читали лекции и в университетах, знакомя со своими научными разработками и успехами преподавателей и студентов. Эти научные изыскания находили широкий отклик и благодарную аудиторию в стенах провинциальных университетов, научных обществах, в том числе и столичных.

Гимназическая общественность принимала активное участие в развитии системы начального образования на добровольной основе и порой за собственный счет. Преподаватели Самарской гимназии А.И. Мудролюбов и А.К. Матье в 1859 г. создали элементарную школу для мальчиков[152]. В 1860 г. при гимназии открылась воскресная школа для детей бедных ремесленников, не имевших возможности поступить в училище. При воскресной школе была основана лечебница для детей, в которой работали 3 медика, в том числе врач гимназии. Лечебница содержа-



Группа гимназистов

лась на пожертвования частных лиц за счет ежемесячного вычета из жалованья учителей.

В мае 1860 г. воскресная школа под руководством учителя Борскалова была открыта при Новгород-Северской гимназии. Преподаватели Херсонской гимназии в апреле 1858 г. выразили готовность «давать бесплатно уроки в женской гимназии, если только она откроется в Херсоне»[153]. За этот благородный поступок они получили благодарность от попечителя учебного округа Н.И. Пирогова.

Нередко местная гимназия становилась центром развития театра в провинции и центром знакомства с новинками литературы. Так, в конце 50 — 60-х гг. в зале Новгород-Северской гимназии устраивались литературные беседы, а на масленицу — театральные спектакли[154].

Много было сделано для развития губернских гимназий и попечителями учебных округов, которые всячески стремились активизировать и усовершенствовать образовательный процесс в гимназиях, выступали инициаторами и защитниками различных социокультурных программ и разработок гимназических педагогов. В их числе могут быть названы попечитель Харьковского учебного округа С.О. Потоцкий, благодаря неутомимой деятельности которого была учреждена Таганрогская коммерческая гимназия[155], попечитель Одесского учебного округа Д.М. Княжевич, приложивший немало сил для улучшения образовательного процесса в Кишиневской гимназии[156], благотворное влияние на развитие учебных заведений Одесского учебного округа, в частности гимназий Кишиневской и Херсонской, оказал попечитель Н.И. Пирогов[157]. Он во многом способствовал активизации деятельности преподавателей и педагогических советов (как в плане совершенствования гимназического образования, так и в плане их социокультурной деятельности), улучшению процесса самообразования и самосовершенствования учителей этих двух гимназий.

Попечитель Казанского учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин, человек деятельный и просвещенный, в 1830-х гг. также принимал меры, направленные на развитие творческой и научной деятельности преподавателей местных гимназий. Он издал специальное циркулярное распоряжение, которое «вызвало к оживленной деятельности дремавшие прежде силы педагогов». Опыты их занятий в творческой и научной области, по его мнению, должны были состоять «в рассуждениях об отраслях преподаваемых ими наук, в исследованиях о лучшем способе преподавания, в критических трактатах о несовершенствах руководи-

тельных книг, в переводах замечательных статей, в статистических, этнографических и топографических замечаниях, в исторических исследованиях местных событий, описаниях древностей, собрании местных поверий и проч. и проч.»[158]. Подобная программа исследовательской деятельности гимназических преподавателей позволяла получить достаточную картину историко-культурного развития и наследия региона, стимулировала научно-педагогические изыскания.

Многие преподаватели гимназий своей деятельностью поддерживали различные культурные начинания, будь то изучение истории местного края, литературные вечера, литературные беседы с гимназистами или театральные постановки. Некоторые из них являлись членами губернских статистических комитетов, общественно-культурная деятельность их имела разносторонний характер, позволявший охватить самые различные стороны культурной жизни провинции. Гимназии наряду с музеями, библиотеками, театрами, издательствами представляли фундаментальную базу для формирования и развития общественно-культурной среды российских городов.

Через провинциальные гимназии прошли многие видные деятели отечественной государственной службы и деятели культуры, науки, образования. Гимназии выдвигали наиболее талантливых представителей провинциального общества и «делегировали» их в столичные центры для продолжения социокультурной и общественной деятельности уже во всероссийском масштабе. В этом состояла социокультурная связь провинции и столицы, так как провинциальные гимназии нередко являлись центрами формирования будущей когорты видных российских деятелей в самых разных сферах.

Завершая очерк по истории гимназического образования в России в XIX в., необходимо отметить, что за этот период отечественная средняя школа добилась значительных успехов в своем развитии. Вместо трех гимназий, которыми располагала страна в начале века, к его концу она уже имела представительную систему средних учебных заведений, игравших значительную роль в развитии народного образования и системы высших учебных заведений, а также в формировании научно-образовательного потенциала провинции и России в целом. Уже к 1860-м гг. гимназии были не только в губернских центрах, но и в наиболее крупных уездных городах, а во второй половине века численный рост их ускорился. Тот же процесс наблюдался и при организации прогимназий и женских средних учебных заведений[159].

Количественный рост гимназий сопровождался и ростом численности обучавшихся в них, хотя темпы развития гимназического образования в России были ниже, чем в странах Европы, имевших подобную систему средних учебных заведений. К концу века Россия имела дифференцированную систему среднего образования — классические гимназии и реальные училища. Правда, подобный выбор был сделан не сразу, а после проведения некоторого практического эксперимента, но он вполне соответствовал европейскому опыту развития системы среднего образования, где классическое и реальное образование были разделены.

Российские гимназии в течение XIX в. пережили ряд реформ и кардинальных преобразований. В результате многочисленных трансформаций к 1890-м гг. они обрели вполне европейские учебные планы и учебные курсы и были адаптированы к потребностям времени, программы их максимально были соотнесены с программами университетов и других высших учебных заведений. Утвердился и принцип единства учебных программ. Нерешенными оставались две большие проблемы в развитии гимназического образования: сословность и перегруженность программ из-за классических языков, что привело к некоторой корректировке учебных планов и реформе гимназической системы образования в начале XX в. В конце XIX в. более 50% учащихся мужских классических гимназий представляли российское дворянство и сословие чиновников.

Политика верховной власти в области образования оставалась консервативной. Именно это не позволяло снять сословные ограничения и отказаться, насколько это было возможно, от приверженности исчерпавшим себя педагогическим традициям. Не спешило правительство и с обеспечением принципа достаточности в вопросе финансирования системы средней школы. Но даже в таких условиях передовой общественности удалось добиться в деле развития гимназического образования определенных положительных результатов, способствовавших прогрессу в этой сфере культурного развития. Передовая часть общества всегда откликалась на потребности времени и оказывала значительную материальную помощь и моральную поддержку российским гимназиям, понимая всю значимость среднего образования и отстаивая передовые образовательные принципы и начала.

[1] См.: *Шмид Е.* История средних учебных заведений в России. СПб., 1878. С. 3.

[2] См.: *Толстой Д.А.* Академическая гимназия в XVIII столетии по рукописным документам архива Академии наук // Записки Императорской Академии наук. Т. 51. Кн. 1. СПб., 1885. Приложение 2. С. 1.

[3] См.: *Владимиров В.* Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. XVIII столетие. Ч. I, II. СПб., 1867; *Артемьев А.И.* Казанская гимназия в XVIII столетии. СПб., 1874.

[4] *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века). СПб., 1912. С. 8.

[5] ПСЗ-I. Т. 27. СПб., 1830. С. 438; Т. 28. № 21501. С. 625; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. I. СПб., 1864. № 47.

[6] ПСЗ-I. Т. 27. С. 441.

[7] Там же.

[8] Сборник постановлений... Т. I. № 34.

[9] ПСЗ-I. Т. 27. С. 441.

[10] Там же. С. 442.

[11] Сборник постановлений.... Т. I. № 47.

[12] Там же. № 15.

[13] Пятидесятилетний юбилей и торжественный акт в Таганрогской гимназии // Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1858. № 1. Отд. VII. С. 48; Сборник постановлений... Т. I. № 78.

[14] Сборник постановлений... Т. I. № 35, 15.

[15] Там же. № 47. Ст. 302. § 5.

[16] *Алешинцев И.А.* Указ. соч. С. 28.

[17] Сборник постановлений... Т. I. № 47.

[18] Там же; *Алешинцев И.А.* Указ. соч. С. 36.

[19] *Алешинцев И.А.* Указ. соч. С. 37.

[20] *Алешинцев И.* Сословный вопрос и политика в истории наших гимназий в XIX веке: (Исторический очерк). СПб., 1908. С. 4.

[21] *Алешинцев И.А.* История гимназического образования... С. 7.

[22] См.: *Кеппен П.* Материалы для истории просвещения в России. СПб., 1827. С. 111; Периодические сочинения об успехах народного просвещения. Ч. XXV. СПб., 1809.

[23] См.: *Алешинцев И.А.* История гимназического образования... С. 47; Материалы для истории и статистики наших гимназий. СПб., 1864. С. 20.

[24] См.: *Яновский К.П.* Кишиневская гимназия: (Историко-статистический очерк) // Записки Бессарабского областного статистического комитета. Т. 2. Кишинев, 1867. С. 31; *Веселовский Г.* Исторический очерк Воронежской гимназии от 1785 до 1835 г. // Воронежская беседа на 1861 г. СПб., 1861. С. 358; *Андриашев А.Ф.* Историко-статистическое обозрение 50-летнего существования Киевской первой гимназии, читанное 13-го августа 1862 г. на публичном акте обеих киевских гимназий. Киев, 1862. С. 55; *Фортунатов Ф.* Историческая записка о 50-летии Олонецкой гимназии. СПб., 1858. С. 6; *Панаженко И.* Историческая записка о Новгородсеверской гимназии. Киев, 1889. С. 19, 57, 58; *Сухомлинов М.* Училища и народное образование в Черниговской губернии // ЖМНП. 1864. № 1. Отд. III. С. 43; *Шестаков П.* Первое пятидесятилетие Смоленской гимназии. Смоленск, 1858. С. 11; и др.

[25] *Алешинцев И.* Сословный вопрос... С. 6.; Сборник постановлений... Т. I. № 62, 181; и др.

Открытие Пензенской гимназии «сопровождалось добрым делом». «По предложению Пензенского губернатора дворяне пожертвовали 90 000 руб. на содержание училища для недостаточных дворян» (*Зеленецкий П.П.* Исторический очерк Пензенской 1-й гимназии с 1804 по 1871 г. Пенза, 1889. С. 13).

В 1803 г. П.Г. Демидов пожертвовал для Тобольской гимназии 50 000 руб. асс., деньги поступили в ведение Московского университета и, «обращаясь из процентов, к 1 января 1822 г. возросли до 121 301 р. 75 к.» В 1824 г. из этих денег было выделено 60 000 руб. для содержания в Тобольской гимназии на проценты с этой суммы 10 казеннокоштных воспитанников (Учебные заведения Тобольской губернии // ЖМНП. 1861. № 11. Отд. IV. С. 60–61; Сборник постановлений... Т. I. № 128.

При Калужской гимназии был создан класс бухгалтерии, «для чего именитый гражданин Калуги И.И. Борисов пожертвовал 300 руб. и напечатал «Руководство по части бухгалтерии» (*Малинин Д.* Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1912. С. 71).

[26] Будучи попечителем Харьковского учебного округа и посетив весной 1806 г. Таганрог, узнав о нуждах города, он «ходатайствовал об открытии в этом городе коммерческой гимназии, по образцу существовавшей в то время подобной гимназии в городе Одессе». И по его ходатайству 1 сентября 1806 г. император утвердил план и штат Таганрогской гимназии (Пятидесятилетний юбилей и торжественный акт в Таганрогской гимназии // ЖМНП. 1858. № 1. Отд. VII. С. 48).

[27] За шесть лет пребывания на этой должности он «позаботился о введении весьма рациональных программ; указал учителям на лучшие руководства своего времени». В особенности он требовал, чтобы «гимназическое учение было не поверхностное и отрывочное, но сколько возможно основательное и полное; чтобы оно было не сухое и мертвое, ограничивающееся только буквою книг, но деятельное, живое, обращенное, как говорится, в плоть и кровь юных душ...» (*Яновский К.П.* Указ. соч. С. 19).

[28] «Только со вступлением Пирогова в управление округом новый освежительный дух повеял и на нашу гимназию: с этого времени многие стали постигать значение своей педагогической обязанности и соображать с нею свои действия...» (Там же. С. 8. См. также: Известия о Херсонской гимназии // ЖМНП. 1861. № 11. Отд. IV. С. 85–89).

[29] *Алешинцев И.А.* История гимназического образования... С. 49.

[30] В Ярославле, Твери, Рязани и Калуге в плохом состоянии оставались помещения гимназий. Незначительными были успехи гимназистов в Тульской и Калужской гимназиях, в Костромской и Рязанской «совсем не велики» (Там же).

[31] *Андриашев А.* Материалы для истории учебных заведений Черниговской дирекции с 1789 по 1832 г. Киев, 1865. С. 53, 67–69, 86, 87.

[32] *Алешинцев И.А.* История гимназического образования... С. 57.

[33] Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1866. Т. I. № 96.

[34] *Алешинцев А.* Сословный вопрос... С. 12.

[35] М.И. Сухомлинов считал С.О. Потоцкого идеальным попечителем учебного округа и писал: «Если бы идеалы были возможны в действительной жизни, Потоцкого следовало бы назвать идеалом Попечителя... распространение наук и образованности было истинным призванием, делом его

души и убеждения» (*Сухомлинов М.И.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра Ч. 1. СПб., 1865. С. 23).

[36] *Алешинцев И.А.* История гимназического образования... С. 62–64, 67.

[37] Там же. С. 81.

[38] Гимназии располагались часто в неприспособленных зданиях и помещениях, иногда требующих ремонта или расширения площадей, «большинство гимназических зданий переходили к гимназиям от бывших главных училищ и поэтому были малы и ветхи». Государство не имело достаточных средств, чтобы расширять помещения гимназий и строить новые для них здания (См.: *Отто Н.* Материалы для истории учебных заведений Министерства народного просвещения. История Новгородской дирекции до 1828 года. СПб., 1865. С. 57, 58, 60; *Панаженко И.* Историческая записка... С. 47).

[39] См.: *Фортунатов Ф.* Указ. соч. С. 17, 18; *Соколов А.* Очерк состояния Самарской гимназии с 1856 по 1863 г. // Памятная книжка Самарской губернии на 1863–1864 гг. Самара, 1864. С. 69.

[40] *Алешинцев А.И.* История гимназического образования... С. 83.

[41] Сборник постановлений... Т. I. № 34. О внутренней жизни института см.: *Шмид Е.* Указ. соч. С. 177–178.

В 1810-е гг. учителями гимназий были семинаристы, воспитанники Санкт-Петербургской учительской гимназии или сдавшие экзамены в ней, воспитанники Киевской духовной академии, воспитанники Главных народных училищ, чиновники. Провинциальные гимназии страдали и из-за частой смены преподавателей. «Однако общею причиною вероятнее всего считать материальную необеспеченность учителей, побудившую их стремиться в большие города, где и оклады случались большие и большая возможность усилить средства частными занятиями» (*Панаженко И.* Указ. соч. С. 32; 23, 31, 85, 100, 118).

И «в 30-х годах наши гимназии не могли похвалиться хорошим составом учителей как в отношении педагогического образования, так равно и относительно методов преподавания» (*Яновский К.П.* Указ. соч. С. 4).

[42] *Сухомлинов М.* Училища и народное образование... С. 44–46.

[43] См.: *Алешинцев И.А.* История гимназического образования... С. 92, 93; *Андриашев А.Ф.* Указ. соч. С. 86, 87.

[44] *Яновский К.П.* Указ. соч. С. 8.

[45] Известия о Херсонской гимназии ... С. 85–87.

[46] *Панаженко И.* Указ. соч. С. 108, 109–115.

[47] Там же. С. 70, 72–81.

[48] См.: *Алешинцев И.А.* История гимназического образования... С. 97. См. также: *Владимиров В.В.* Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. XIX столетие. Ч. II. С. 34–35, 95, 104.

[49] См.: *Панаженко И.* Указ. соч. С. 44; *Отто Н.* Указ. соч. С. 15; *Алешинцев И.А.* История гимназического образования... С. 84.

Главное правление училищ по предложению Ф.И. Янковича-де-Мириево еще в 1803 г. приняло меры по составлению списка готовых учебных пособий, которые были пригодны для гимназического образовательного курса. В список вошли преимущественно издания на русском языке, далее следовали пособия, которые необходимо было перевести «на язык российский», а по тем предметам, где отсутствовали учебники, предполагалось их написать. Список явился первым «принятым Министерством комплектом

учебников для наших гимназий» (*Алешинцев И.А.* История гимназического образования... С. 86).

[50] *Андриашев А.* Материалы для истории... С. 71, 84.

[51] См.: *Алешинцев И.А.* История гимназического образования... С. 95.

[52] Там же. С. 90.

[53] См.: *Андриашев А.* Материалы для истории... С. 84.

[54] См.: *Яновский К.П.* Указ. соч. С. 32.

[55] Там же.

[56] *Сухомлинов М.* Училища и народное образование... С. 48.

[57] *См.: Алешинцев И.А.* История гимназического образования... С. 97.

[58] С 1809 по 1819 г. было открыто 8 новых гимназий — Архангельская, Олонецкая, Воронежская, Симбирская, Херсонская, Новгород-Северская, Вятская, Тобольская. На 1819 г. в 34 гимназиях названных округов обучалось 2648 учащихся. До 1823 г. было открыто еще 3 гимназии — Саратовская, Таврическая и гимназия Войска Черноморского, и численность учащихся возросла до 2844 человек. В Виленском округе в 1824 г. было 5 гимназий, в которых обучалось 2075 человек (см.: *Алешинцев И.А.* История гимназического образования... С. 88; *Шмид Е.* Указ. соч. С. 216).

[59] Сборник постановлений... Т. I. № 489; Сборник распоряжений... Т. I. № 249, 250.

[60] В состав Комитета вошли доверенные лица императора: А.С. Шишков, гр. К.А. Ливен, М.М. Сперанский, С.С. Уваров, гр. Э.Э. Сиверс, Шторх, и. д. Харьковского попечителя Петровский, полковник Перовский, гр. С.Г. Строганов.

[61] Сборник постановлений... Т. II. Отд. 1. СПб., 1864. № 66.

[62] Сборник распоряжений... Т. II. СПб., 1866. № 403. Ст. 808.

[63] Там же. № 430.

[64] См.: *Алешинцев И.А.* История гимназического образования... С. 137; *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 280.

[65] Сборник постановлений... Т. II. Отд. 1. Ст. 177. § 143.

[66] Там же. Ст. 186, 188, 189. § 194, 205, 207, 210–216.

[67] Там же. Ст. 178. § 146, 148; Ст. 188. § 205.

[68] *Рудаков В.* Гимназии // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. VIIIa. СПб., 1893. С. 700.

[69] Директора гимназий в губерниях 1-го разряда получали 3000 — 2500 руб., учителя наук — 1875 руб. (Там же. Штаты и приложения. С. 2, 3).

[70] Положение о взимании платы за учение в высших и средних учебных заведениях. (Утв. г. министром народного просвещения 15 июня 1845 г.). [Б.м., б.г.] С. 1, 2, 7, 8; Положение о взимании платы за учение в высших и средних учебных заведениях. (Утв. г. министром народного просвещения 16 мая 1852 г.). [Б.м., б.г.] С. 1, 2, 8, 9.

[71] См.: *Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 202–203.

[72] Сборник постановлений... Т. II. Отд. 1. № 144, 346, 354, 386, 407.

[73] Сборник распоряжений... Т. II. Отд. 2. № 684, 754 385, 843.

[74] Там же. № 240.

[75] *Алешинцев И.А.* История гимназического образования... С. 200.

[76] *Шаблиовский В.К.* Школьные воспоминания о Каменец-Подольской гимназии. СПб., 1906. С. 25.

[77] Сборник постановлений... Т. II. Отд. 1. № 104, 152.

[78] *Фортунатов Ф.* Указ. соч. С. 7, 8.

[79] По Положению учебных округов от 1835 г. вместо училищного комитета из профессоров университета наблюдение за гимназиями стали осуществлять попечители с помощниками и инспекторами. Попечители становились единоличными начальниками учебных заведений учебного округа (Сборник постановлений ... Т. II. Отд. 1. № 358).

[80] Там же. С. 144; Отд. 2. № 935.

[81] Сборник распоряжений ... Т. II. № 937.

[82] Сборник постановлений... Т. II. № 488.

[83] Там же. Т. II. Отд. 1. № 611; Сборник распоряжений... Т. II. № 303. Ст. 359.

[84] См.: *Алешинцев И.А.* История гимназического образования... С. 139.

[85] Сборник постановлений... Т. II. Отд. 1. № 686.

[86] Там же. № 612.

[87] Там же. Т. II. Отд. 2. № 748.

[88] Там же. № 1083.

[89] Там же. № 88, 117.

[90] Сборник распоряжений... Т. I. № 382, 383, 392; Сборник постановлений... Т. II. Отд. 1. № 137.

[91] Сборник распоряжений... Т. II. № 761; Сборник постановлений... Т. II. № 140.

[92] Сборник постановлений... Т. II. Отд. 2. № 1091.

[93] См.: *Алешинцев И.А.* История гимназического образования... С. 192.

[94] *Рудаков В.* Указ. соч. С. 704.

[95] *Алешинцев И.А.* История гимназического образования... С. 196, 197; *Шаблиовский В.К.* Указ. соч. С. 33, 31.

[96] *Овсянников А.* Из воспоминаний старого педагога // Русская старина. 1899. № 5. С. 672.

[97] *Алешинцев И.А.* История гимназического образования... С. 198.

[98] См.: *Панаженко И.* Историческая записка... С. 95, 96; *Овсянников А.* Указ. соч.

[99] Сборник постановлений... Т. III. СПб., 1865. № 158, 233.

[100] См.: *Соловьев Д.Н.* Пятидесятилетие Санкт-Петербургской Первой гимназии. 1830–1880. Историческая записка. СПб., 1880. С. 148–152.

[101] Подсчитано по: *Алешинцев И.А.* История гимназического образования... С. 208, 209; *Воронов А.С.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского округа с 1829 по 1853 год. СПб., 1854. С. 285.

[102] См.: *Робер А.И.* Коренной недостаток средних учебных заведений в России // Русский вестник. 1859. № 10; *Гаярин И.Ф.* Об организации учебной части гимназии // Там же. 1858. № 2; *Благовещенский Н.М.* Педагогические заметки // Библиотека для чтения. 1860. № 2; и др.

[103] Журналы Ученого комитета Главного правления училищ по рассмотрению проектов устава общеобразовательных учебных заведений (об устройстве гимназий и прогимназий). СПб., 1863; Сборник постановлений... Т. III. № 577.

[104] Сборник распоряжений... Т. III. № 331; Сборник постановлений... Т. III. № 75, 93, 221; *Алешинцев И.* Сословный вопрос... С. 62, 63.

[105] Сборник постановлений... Т. III. № 415, 504, 507, 381, 404, 422, 535; Т. IV. СПб., 1871. № 69, 80; *Алешинцев И.* Сословный вопрос... С. 65.

[106] Там же. Т. III. № 577.

[107] *Алешинцев А.* Сословный вопрос... С. 67.

[108] Сборник постановлений и распоряжений по гимназиям и прогимназиям ведомства Министерства народного просвещения. СПб., 1874. С. 16–50.

[109] Сборник постановлений... Т. V. СПб., 1877. № 196.

[110] Там же. Т. VI. СПб., 1878. № 126.

[111] Там же. Т.VIII. СПб., 1892. № 367; *Алешинцев И.* Сословный вопрос и политика... С. 77.

[112] Сборник распоряжений... Т. V. СПб., 1881. № 155, 206, 208.

[113] Сборник постановлений и распоряжений по гимназиям... С. 503–542.

Перечень их был достаточно разнообразным: взыскание словом — порицание, выговор наедине или публичный; выговор инспектора, директора и классного наставника с внесением в журнал и оповещением родителей; выговор от имени педагогического совета; перед классом «с понижением отметки за поведение» и перед гимназией и взыскание действием. Сюда относились следующие меры: стояние во время урока, одиночное сидение в течение нескольких уроков, оставление после уроков, особые задания на дом, оставление в гимназии на праздничные и воскресные дни для повторения неусвоенного материала; изоляция от класса; заключение в карцер.

Предусматривались и взыскания для целого класса: выговор с поименным занесением в штрафной журнал, «выговор от имени педагогического совета с уменьшением всем ученикам отметки за поведение в ближайшей четвертной ведомости»; выговор педагогического совета «с немедленным лишением всякаго рода отличий и преимуществ, которыми пользовались ученики класса».

[114] Сборник распоряжений... Т. VII. СПб., 1905. № 221.

[115] Там же. № 88.

[116] Сборник постановлений... Т. XII. СПб., 1896. № 24.

[117] Там же. Т. X. СПб., 1894. № 41.

[118] Там же. № 401, 402.

[119] Там же. № 434.

[120] Там же.

[121] См.: *Рудаков В.* Указ. соч. С. 697.

[122] Там же. С. 696.

[123] Подсчитано по: *Рудаков В.* Указ. соч. С. 704, 706.

[124] ПСЗ-I. Т. 28. С. 570.

[125] Там же.

[126] *Андриашев А.* Указ. соч. С. 43, 44.

[127] ЖМНП. 1868. № 8. С. 51, 52 .

[128] Там же. № 10. С. 9.

[129] Сборник постановлений... Т. VI. № 451.

Таких стипендий было достаточно много: стипендия И.И. Неплюева при Оренбургской гимназии, стипендия ссудно-сберегательной кассы чиновников Костромского губернского правления, стипендия имени директора училищ Симбирской губернии д. с. с. Вишневского при Симбирской гимназии, стипендия кн. А.П. Ширинского-Шахматова при Тульской мужской гимназии; купцов А.П. Сапожникова и А.А. Кудинова при Московской Третьей и Астраханской гимназиях и Вольской прогимназии; купца Ф.Ф. Анисимова при Рижской Александровской гимназии и др. (Там же. № 37, 38. Ст. 101–102; № 45. Ст. 131–132; № 95. Ст. 503–504; № 139. Ст. 680–681; № 141).

[130] Список высших и средних учебных заведений Министерства народного просвещения до 1866 г. и после, до 1876 г. // ЖМНП. 1876. № 5. С. 170.

[131] Там же. С. 4, 6, 7.

[132] Там же.

[133] Сведения о числе учившихся в наших гимназиях с 1857 по 1866 год // ЖМНП. 1868. № 8. С. 131.

[134] Учебные заведения Тобольской губернии // Там же. 1861. № 11. С. 60.

[135] *Зеленецкий П.П.* Указ. соч. С. 24, 25.

[136] Там же. С. 17.

[137] См.: *Пантелеевский Н.Н.* Материалы для истории Воронежской гимназии. Должностные лица гимназии за сто лет (1786–1886) // Памятная книжка. Воронеж, 1899. С. 26.

[138] Там же. С. 25.

[139] Там же. С. 15.

[140] Там же. С. 3.

[141] Там же. С. 3, 4.

[142] Там же. С. 26.

[143] Там же. С. 27.

[144] Там же. С. 26.

[145] Там же. С. 14.

[146] Там же. С. 35.

[147] См.: *Андрияшев А.* Указ. соч. С. 51.

[148] *Фортунатов Ф.* Указ. соч. С. 13.

[149] *Соколов А.* Указ. соч. С. 76.

[150] См.: *Владимиров В.* Историческая записка... Ч. II. С. 36.

[151] См.: *Соколов А.* Указ. соч. С. 77, 78.

[152] Там же. С. 76.

[153] Известия о Херсонской гимназии // ЖМНП. 1861. № 11. Отд. IV. С. 87.

[154] См.: *Панаженко И.* Указ. соч. С. 111.

[155] Пятидесятилетний юбилей и торжественный акт в Таганрогской гимназии // ЖМНП. 1858. № 1. Отд. VII. С. 48.

[156] См.: *Яновский К.П.* Указ. соч. С. 19.

[157] Там же. С. 8; Известия о Херсонской гимназии // ЖМНП. 1861. № 11. Отд. IV. С. 85–89.

[158] *Зеленецкий П.П.* Указ. соч. С. 73, 74.

[159] Список высших и средних учебных заведений... // ЖМНП. 1876. № 5. С. 2–23.



Ф.А. Петров,
Д.А. Гутнов

РОССИЙСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Цель предлагаемого очерка — выявить связь между развитием университетского образования в России и эволюцией русской культуры. Обращаясь к этой проблеме, авторы считают нужным подчеркнуть роль университетской среды в формировании новой генерации русского общества, представить портреты наиболее выдающихся университетских ученых вне традиционного деления на «реакционных» и «прогрессивных» профессоров, а также представить попечителей учебных округов, внесших большой вклад в развитие университетского образования. Много внимания уделено студенческому контингенту: прослеживается динамика количественного состава по различным университетам и по России в целом, социально-профессиональные характеристики, судьбы выпускников университетов, дается анализ уровня «довузовской» подготовки.

Роль университетов в общественной и культурной жизни страны не сводилась лишь к участию отдельных преподавателей и студентов в революционном и либеральном движении, студенческих кружках и организациях, хотя и этому неотъемлемому атрибуту университетской жизни XIX в. отведено определенное ме-

сто. Основной акцент сделан на формах, характерных именно для университетов: публичные лекции и научные общества при университетах; университеты и Академия наук; участие их в организации различных музеев и т. д. Все это, как хотелось бы надеяться, поможет увидеть особенности университетов, определить их место в русской действительности XIX в., проследить неразрывную связь образовательных и воспитательных задач в российских университетах и формирование отечественной университетской традиции.

* *
*

Период первой половины XIX в. может быть охарактеризован как время формирования системы университетского образования в России, впитавшей лучшие достижения многовековой истории университетов Западной Европы, но в то же время базировавшейся на своеобразии национальных духовных и культурных традиций. Это было особое время в истории русской культуры: еще сохранялись традиции Просветительства и вместе с тем происходил быстрый процесс развития научных знаний, потребность в которых определялась всем ходом социально-экономического и общественно-политического развития страны.

Первые попытки ввести университетское образование в России относятся к эпохе Петра I, когда в 1724 г. при Академии наук в Петербурге было предусмотрено строительство университета. Однако этот замысел не был полностью реализован, и к концу XVIII столетия Академический университет практически прекратил свое существование.

Основанный в 1755 г. М.В. Ломоносовым и И.И. Шуваловым Московский университет был создан, подобно большинству университетов Западной Европы, уже вне структуры Академии наук, однако в отличие от них первоначально был лишен основ университетского самоуправления и права научной аттестации. Несмотря на это, во второй половине XVIII в. в Московском университете начали складываться кадры ученых и педагогов.

К 1800 г. в университете было 11 ординарных и 5 экстраординарных профессоров, 68 студентов, в том числе 48 — на казенном содержании[1]. Безусловно, этого было крайне недостаточно. Развитие промышленности, внутренней и внешней торговли, попытки внедрения новых методов ведения сельского хозяйства резко увеличили потребность в агрономах, инженерах, металлургах, механиках, химиках, геологах. При отсутствии до конца 20-х гг.

специального Педагогического института именно университеты должны были готовить учителей средней школы. Все это поставило на повестку дня вопрос о реформе университетского образования как одной из первоочередных общегосударственных задач.

Реформа народного образования оказалась наиболее продуманной и последовательной из всех проведенных в царствование Александра I преобразований. Она осуществлялась с учетом своеобразия исторического пути развития и культурных традиций России, несмотря на то что александровская эпоха была открытой для проникновения западных идей в области просвещения. Принцип универсальности образования в духе энциклопедизма, свойственного Просвещению, сочетался с государственным подходом к делу образования, и поэтому просветительские цели воспитания Человека и Гражданина были неразрывно связаны с практическими задачами подготовки врачей, учителей, инженеров, офицеров, чиновников. Особая роль отводилась университетам в подготовке высокообразованных государственных деятелей, способных провести намеченные в начале александровского царствования широкие государственные преобразования.

Манифестом 8 сентября 1802 г. в числе первых министерств было образовано Министерство народного просвещения, в ведении которого должны были находиться Академия наук, Российская Академия, университеты и все другие учебные заведения, кроме церковных. В 1803 г. создается Главное правление училищ, в состав которого вошли и «молодые друзья» императора — гр. П.А. Строганов, гр. Н.Н. Новосильцев и кн. А.А. Чарторыйский. Последнему принадлежал общий план устройства учебных заведений в России, в котором он использовал западноевропейский опыт. Именно проект Чарторыйского лег впоследствии в основу всей системы просвещения в России в виде строгой иерархии учебных заведений: приходские школы — уездные училища — гимназии и, наконец, университеты как центры обширных учебных округов.

Нельзя не отметить проект В.Н. Каразина — ученого-энциклопедиста и просветителя. Согласно его замыслу, университетское образование предусматривало две ступени: «отделение общих понятий», т. е. общеобразовательное подготовительное отделение, и «отделение приятных искусств», предназначенное главным образом для дворянских детей. По прошествии трех лет воспитанники могли поступать по своему желанию на один из четырех факультетов — богословский, гражданских понятий (т. е. юридический), отделение врачебных познаний и отделение гражданских искусств. Наиболее одаренные студенты по окончании университета имели право поступать в своеобразную аспирантуру — «Отделение учености», которое должно было готовить ученых и педагогов.



Василий Назарович Каразин

Взяв за основу этот проект, Главное правление училищ поручило разработку университетской структуры академикам Н.Я. Озерецковскому и Н.И. Фусу как наиболее опытным ученым, знакомым с университетским образованием в Западной Европе. В своих предложениях Озерецковский и Фус ориентировались на структуру немецких протестантских университетов, сочетавших в себе черты государственных учреждений с корпоративной самостоятельностью, и предлагали создать четыре факультета: 1) филологии и изящных искусств; 2) физико-математических наук; 3) медико-хирургических наук и 4) философских и нравственно-политических наук. Именно такая структура была введена университетским Уставом 1804 г.

Но они стремились перенести западный опыт на русскую почву не механически, а сообразуясь с общим ходом развития русской культуры. В этом отношении представляется не совсем точным мнение о несамостоятельности происхождения российских университетов, которые якобы были «слепком» с германских средневековых университетов. Нельзя, конечно, отрицать значительное влияние немецкой системы высшего образования на становление российской. Широкая университетская автономия с правом самоуправления, выборность университетского руководства и всего профессорско-преподавательского состава, широта подхо-

да к преподаванию, носившему не утилитарный, а общефилософский характер, — все это, несомненно, сближало российские университеты с немецкими.

Однако, разрабатывая структуру российских университетов, составители устава отвергли неприемлемые в условиях России особенности западноевропейских университетов. Так, традиционное включение в состав университетской структуры богословского факультета было отвергнуто во всех университетах России, кроме Дерптского, а богословие и церковная история вводились в университетскую учебную программу на правах других общеобразовательных дисциплин. В Уставе 1804 г. получила отражение более современная структура, отвечавшая потребностям страны в специалистах различного профиля и основанная на более конкретной группировке научных дисциплин.

Несмотря на англоманские пристрастия некоторых составителей устава, был отвергнут и опыт аристократических английских университетов — Оксфордского и Кембриджского. Уставом 1804 г. декларировалась всесословность университетского образования, восходившая еще к идеям Ломоносова, и в нем не содержалось прямого запрета для поступления в университет даже детей крепостных крестьян. 110-й параграф устава выдвигал единственное требование к поступающим — наличие необходимых знаний. Конечно, в условиях крепостнической России это выглядело просветительской утопией, и уже с 10-х гг. обучение податных сословий в университете подвергалось различным ограничениям, а в 1827 г. рескриптом Николая I было прямо запрещено принимать крепостных крестьян в университет. Тем не менее в этот период в двух столичных университетах обучались дети крепостных крестьян: М.П. Погодин (в Московском) и А.В. Никитенко (в Санкт-Петербургском), которые не только получили высшее образование, но и стали профессорами, а затем и академиками[2].

Особую роль в проведении университетской реформы сыграл выпускник Московского университета, писатель, прекрасный знаток античности М.Н. Муравьев, назначенный в 1803 г. попечителем Московского учебного округа и одновременно товарищем министра народного просвещения. В основе его деятельности лежало стремление сделать Московский университет образцом для других, вновь создаваемых университетов. Реализации этого замысла способствовало то, что к этому времени Московский университет имел уже полувековые традиции и был своеобразным учебно-методическим и научно-исследовательским центром.

Поставив перед Московским университетом задачу — «соразмерить свои успехи с распространением наук в Европе», Муравь-

ев обратился к опыту университетов Западной Европы, и прежде всего Германии, в которой он видел образец академической жизни и университетского преподавания со свойственной им свободой. Для работы в Московском университете Муравьев приглашал не просто ученых с именем, а профессоров тех наук, в которых было особо заметно отставание Московского университета: философии, теории права, политэкономии, статистики, теории изящных искусств, античности, астрономии, химии и «натуральной истории». За один лишь 1803 г. им было приглашено в Москву девять профессоров ведущих университетов Германии. Большинство из них навсегда связали свою судьбу с Московским университетом.

Муравьев сумел правильно разделить учебные предметы между отечественными и иностранными учеными, чтобы избежать ненужной конфронтации. В результате в Московском университете в начале XIX в. было налажено преподавание всего будущего университетского цикла[3].

Особым вниманием просвещенного попечителя пользовались гуманитарные науки. Чрезвычайно важное место заняло преподавание истории, и не случайно первым ректором Московского университета был избран историк Х.А. Чеботарев.

Большое значение Муравьев придавал античности как основе всего университетского образования. На кафедры греческой и римской словесности и древностей им был приглашен известный ученый Х.Ф. Маттеи; на кафедру теории изящных искусств и археологии, основанную по его же инициативе, — И.Ф. Буле, крупный знаток античной и новейшей философии (его учениками являлись А.С. Грибоедов, П.Я. Чаадаев, И.Д. Якушкин и др.).

В области естественных наук наиболее знаменитым профессором «допожарного» университета был П.И. Страхов, занявший кафедру опытной физики. По инициативе Муравьева в Устав 1804 г. была включена кафедра астрономии. Преподавал эту науку специально приглашенный профессор Лейпцигского университета Ф. Гольдбах, известный астроном и картограф, проводивший геодезические съемки Москвы и Подмосковья. Крупнейшей фигурой на медицинском факультете стал Ф.Г. Политковский.

Залог успеха всех университетских преобразований Муравьев видел в воспитании нового поколения русских профессоров, обладающих должным уровнем научных знаний и новейшей методикой преподавания. Необходимым условием для формирования нового поколения отечественной профессуры он считал стажировку выпускников Московского университета в иностранных университетах. Это давало им возможность познакомиться с но-

вейшими достижениями науки и техники, развитием философской, юридической, исторической и филологической мысли. При Муравьеве за границей стажировались будущие ректоры Московского университета профессор физико-математического факультета И.А. Двигубский (Геттинген, Прага, Львов, Пешт, Вена, Париж) и ориенталист А.В. Болдырев (Геттинген и Париж); профессора медицинского факультета И.П. Воинов (Геттинген, Париж, Вюрцбург, Йена, Галле, Лейпциг), М.Я. Мудров (Геттинген, Париж, Вена, Берлин, Бамберг), И.Е. Грузинов (Лондон, Эдинбург, Франция, Германия); профессора факультета словесности античник Р.Ф. Тимковский (Галле, Лейпциг, Геттинген), профессор римского права Л.А. Цветаев (Геттинген и Париж), а также сын первого ректора А.Х. Чеботарев (Польша, Силезия, Лейпциг, Кенигсберг). Этим ученым Муравьев предоставлял кафедры по возможности сразу же по возвращении в Россию. В результате его деятельности к началу Отечественной войны 1812 г. в университете было 29 профессоров (18 русских и 11 иностранных), 8 адъюнктов и 3 лектора (преподавателя) иностранных языков.

Забота о пополнении преподавательского состава университета сочеталась у Муравьева со стремлением расширить число его студентов. Он полагал, что в нем должны были учиться выходцы из разных сословий и национальностей и неоднократно подчеркивал, что студентам-недворянам будут предоставлены равные с дворянами льготы. Результатом этих усилий было то, что к 1812 г. число студентов в университете превысило 200 человек[4].

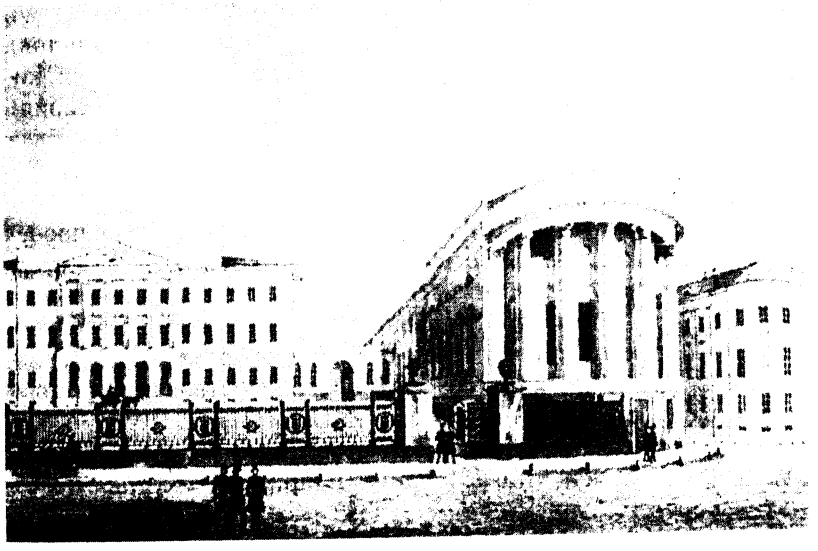
В эпоху попечительства Муравьева сформировалось три основных направления научно-просветительской деятельности Московского университета, которые в дальнейшем стали определяющими для университетской общественной деятельности всей первой половины XIX в.: основание научных обществ при университете; чтение регулярных публичных лекций профессорами по наиболее интересующим московскую общественность вопросам; издание научных, общественно-политических и литературно-художественных журналов.

Первым, 18 марта 1804 г., было учреждено Общество истории и древностей российских (ОИДР), перед которым стояла задача — собирать «древние рукописи, медали, монеты и другие памятники» из различных монастырей, архивов и казенных библиотек с целью сосредоточения в одном месте всего корпуса исторических источников для написания истории России. В него входили многие профессора и преподаватели Московского университета, в том числе К.Ф. Калайдович, М.Т. Каченовский, Н.И. Надеждин, М.П. Погодин, И.М. Снегирев, Р.Ф. Тимковский; профессора других университетов, например И.Г. Эверс (Дерпт), а

также такие знаменитые ученые, писатели, общественные деятели, как Н.М. Карамзин, А.Ф. Малиновский (в 1831–1835 гг. — председатель общества), гр. А.А. Мусин-Пушкин, Н.А. Полевой, Н.Н. Бантыш-Каменский, П.М. Строев, митрополит Киевский Евгений Болховитинов, А.И. Тургенев и др. Наладилось тесное сотрудничество ОИДР с историческими обществами Вены, Копенгагена, Парижа и других западноевропейских городов. Уже к 1826 г. ОИДР издало «Русские достопримечательности», три тома «Записок и трудов», 13 томов Лаврентьевской летописи, ряд исторических исследований и каталогов.

С первых же шагов развернуло бурную деятельность Московское общество испытателей природы (МОИП), основанное в марте 1805 г. по инициативе проф. Г.И. Фишера фон Вальдгейма. Согласно уставу, общество должно было заниматься химией, физикой, анатомией, минералогией, ботаникой и зоологией, способствовать разработке новых месторождений, развитию земледелия и российской торговли. С декабря 1806 г. МОИП стало издавать на французском языке «Записки», в которых публиковались труды крупнейших иностранных и русских ученых. В отличие от ОИДР МОИП принимало в свои ряды учителей гимназий, студентов Московского университета и просто любителей природы.

22 марта 1805 г. при Московском университете было основано Физико-медицинское общество, главной задачей которого про-



Московский университет в 30-е гг. XIX в.

возглашалось «обогащать новыми открытиями, опытами и знаниями физику и врачебную науку». С 1808 г. на латинском языке стали выходить труды общества (под ред. Ф.Ф. Рейсса) и «Медико-физический журнал» — один из первых медицинских журналов в России.

6 июня 1811 г. при Московском университете открылось Общество любителей российской словесности (ОЛРС), призванное «способствовать успехам отечественной словесности как главному средству к распространению просвещения». Среди его учредителей и первых членов были профессора А.А. Прокопович-Антонский, А.Ф. Мерзляков, М.Т. Каченовский и др. В состав ОЛРС входили практически все известные писатели России того времени, в частности С.Т. Аксаков, К.Н. Батюшков, Е.А. Боратынский, П.А. Вяземский, Н.В. Гоголь, А.А. Дельвиг, В.А. Жуковский, И.А. Крылов, А.С. Пушкин, Н.М. Языков и другие деятели культуры, а также А.Н. Верстовский.

Периодически публиковались труды ОЛРС, состоявшие из двух частей: «исследования по истории словесности и русского языка и критический разбор различных писателей» и «сочинения и переводы, прочитанные в собрании».

Крупным событием в общественной и культурной жизни Москвы начала XIX в. стали публичные лекции при Московском университете. Первый их цикл был открыт в сентябре 1803 г. Его читали профессора Ф.Г. Политковский (естественная история), Х.А. Шлецер (история западноевропейских государств), И.А. Гейм (торговля и нумизматика) и П.И. Страхов (физика с демонстрацией опытов). Год спустя был организован новый цикл публичных лекций, которые читали Г.И. Фишер фон Вальдгейм (натуральная история), П.А. Сохацкий (эстетика), Х.А. Шлецер (история Англии), Ф.Ф. Рейсс (химия с опытами), И. Иде (математика), Ф.Х. Рейнгард (история философии)[5]. Накануне Отечественной войны 1812 г. популярный поэт, литературный критик и профессор А.Ф. Мерзляков прочел курс публичных лекций по теории изящных искусств и ораторского искусства.

Третьим направлением научно-просветительской деятельности Московского университета был выпуск различных периодических изданий, чему, безусловно, способствовал переход в 1806 г. в его ведение университетской типографии. Помимо университетской газеты «Московские ведомости» выходили журналы, издаваемые как университетом (например, «Журнал полезных изобретений в искусствах, художествах и ремеслах и новейших открытий в естественных науках»), так и отдельными профессорами. Крупнейшим из них был, бесспорно, «Вестник Евро-

пы», перешедший в 1805 г. от Н.М. Карамзина к М.Т. Каченовскому, выпускавшему этот журнал в течение четверти века. В 20—30-е гг. И.А. Двигубский издавал «Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических»; М.Г. Павлов — «Атеней» и «Московский земледелец»; Н.И. Надеждин — «Молву» и «Телескоп»; М.П. Погодин и С.П. Шевырев — «Московский вестник» и «Москвитянин»[6].

При Муравьеве авторитет Московского университета в глазах общества настолько возрос, что это вызвало ответное желание общественности содействовать его дальнейшему развитию за счет денежных вкладов и коллекционных даров. В этом отношении нельзя не отметить П.Г. Демидова, который пожертвовал 100 тыс. руб. — часть на содержание студентов, часть на отправление достойнейших из них в иностранные университеты и часть на содержание кафедры натуральной истории (в дальнейшем получившей название «Демидовской»), при которой в 1805 г. был открыт Музей натуральной истории. Тогда же было положено начало знаменитому Ботаническому саду Московского университета, а при медицинском факультете открылись Клинический институт, больница, Повивальный институт и хирургическая клиника.

В итоге при Муравьеве Московский университет занял свое место в обществе и стал неотъемлемой частью культурной жизни Москвы и России в целом.

В период подготовки университетской реформы велась ожесточенная полемика по поводу того, в каких городах кроме Москвы следует открыть университеты. Предлагались Дерпт, Харьков, Казань, Киев, Ярославль, Воронеж, Великий Устюг, Тобольск и др. Особое положение сложилось в Санкт-Петербурге, где с 1804 г. существовал Педагогический институт, который не спешили преобразовывать в университет, исходя из наличия в городе Академии наук и специализированных высших учебных заведений. В итоге приняли решение создать новые университеты в Казани (на основании созданной там в 1758 г. гимназии) и Харькове, а также возобновить высшие учебные заведения в Вильне и Дерпте, которые должны были функционировать как университеты Российской империи[7]. Обращает на себя внимание создание двух университетов в Прибалтике, в то время как на огромную территорию Казанского учебного округа — от Поволжья до Восточной Сибири — полагался лишь один университет.

Непосредственным прологом университетской реформы послужили «Предварительные правила народного просвещения», 24 января 1803 г. утвержденные Александром I, — весьма прогрессивный документ не только для своей эпохи, но и для россий-

ского просвещения в целом. Параграф 1 «Предварительных правил...» гласил, что народное просвещение, находясь в ведении специального министерства, было независимо от других высших и центральных учреждений Российской империи. Н.М. Карамзин, давая оценку Уставу 1804 г., в статье «О новом образовании народного просвещения в России» писал: «Мысль отделить учение от других частей государственных как систему особенную и целую есть мудрая и благодетельная мысль»[8]. Вводилась четкая иерархия учебных заведений. Университеты в этой системе составляли высшее звено народного образования, являясь центрами учебных округов. Университет должен был не только обучать «высшим наукам», но и служить контролирующей и руководящей инстанцией для всех других учебных заведений и поставлять для них преподавательские кадры.

Вся страна разделялась на шесть учебных округов — Московский, Петербургский, Казанский, Харьковский, Виленский и Дерптский — во главе с попечителями, которые рассматривались как посредники между выборным ректором и министерством.

Если в Англии — стране традиционных парламентских свобод, для поступающих в университеты требовался религиозный ценз, то в «Предварительных правилах...» предполагалось, что все народы России независимо от вероисповедания могут получить образование, в том числе и высшее.

Первоначально готовившийся устав был «опробован» на Виленском и Дерптском университетах, представлявших собой как бы две модели западноевропейских университетов — «католическую» и «протестантскую». Первым, в 1802 г., был основан Дерптский университет. В 1803 г. утвержден устав Виленского университета. Структура Дерптского университета отличалась от структуры других университетов страны наличием богословского факультета. В этом университете преподавали почти исключительно немцы, такие крупные ученые, как профессор физики Г.Ф. Парот, его первый ректор; профессор астрономии Ф.В. Струве, основатель знаменитой Пулковской обсерватории; профессор-медик И.Ф. Мойер, друг В.А. Жуковского, знакомый А.С. Пушкина и учитель Н.И. Пирогова; известный историк И.Ф. Эверс.

Учебно-методическая и научно-исследовательская база Дерптского университета отличалась столь высоким уровнем, что уже через два десятилетия, к середине 20-х гг., он превратился в своеобразный центр стажировки и повышения квалификации профессорско-преподавательского состава других университетов страны.

В целом принятие уставов Дерптского и Виленского университетов являлось весьма важным этапом на пути подготовки университетской реформы. Однако ни одна из этих двух моделей не

могла полностью служить образцом для российских университетов. Устав 1804 г. представлял, по нашему мнению, третью модель, делавшую российские университеты центрами национального образования, науки и культуры.

5 ноября 1804 г. Александром I были подписаны «Утвердительные грамоты» и тексты уставов университетов Московского и Казанского, а 17 января 1805 г. — Харьковского. Различия между ними столь незначительны, что можно говорить о едином общеуниверситетском уставе.

Университетский устав 1804 г. представлял собой весьма продуманный и смелый для своего времени документ. Анализ основных его принципов обнаруживает стремление к объединению двух начал — государственного и начала самоуправления.

Начало государственное заключалось в самом принципе введения университетов в общую систему государственных учреждений. Они субсидировались правительством. Государственный характер университетов определялся и поставленной перед ними задачей — подготовить кадры для различных родов государственной службы, что нашло конкретное выражение в присвоении соответствующих чинов по «Табели о рангах» как выпускникам университета, так и всей ученой коллегии с ректором во главе[9]. Университеты получали право давать ученые степени, которые также соответствовали определенным чинам в «Табели о рангах». Высшей степенью считалась степень доктора, удостоенные ею, получали чин 8-го класса, т. е. коллежского асессора, и право на потомственное дворянство. Вторая степень — магистра — соответствовала современной ученой степени кандидата наук и давала чин 9-го класса (титулярный советник). Самой низкой была степень кандидата, соответствовавшая современному диплому с отличием, которая давала чин 12-го класса (губернский секретарь). Студенты, успешно окончившие университет, но не набравшие баллов для получения кандидатской степени, принимались на службу в низшем чине коллежского регистратора (14-й)[10]. Оба этих чина в тот период давали право на личное дворянство, и потому прав был М.П. Погодин, когда говорил, что «университетский диплом уравнялся с дворянскою грамотою»[11].

Профессора и преподаватели именовались «чиновниками по нравственной и ученой части» и были обязаны носить форменные мундиры. Безусловно, статус государственного служащего приводил к регламентации деятельности ученых как чиновников, что входило в противоречие с декларированной «Предварительными правилами...» свободой преподавания. Но, с другой стороны, это поднимало их положение в обществе на новую ступень, а главное,



Михаил Михайлович Сперанский

способствовало повышению культурного уровня административно-правительственного аппарата. Развитием этой идеи стал Указ 1809 г., подготовленный М.М. Сперанским, о введении «экзамена на чин». При университетах создавались специальные курсы для подготовки чиновников к этим экзаменами. Указ вызвал ненависть чиновничества к Сперанскому и в конечном итоге спустя четверть века, в 1834 г., был отменен[12].

Нам представляется, что приравнивание ученого звания и степени к определенному чину по «Табели о рангах» фиксировало место представителей «ученого сословия» в государственной системе Российской империи, а предоставление профессору или доктору наук потомственного дворянства ставило высший слой этого сословия наравне с «первенствующим сословием». Правда, реализация этого замысла потребовала совместных усилий нескольких поколений профессоров, и лишь к 40-м гг. их авторитет в глазах общества вырос настолько, что профессорское звание стало почетным.

Вместе с тем Уставом 1804 г. четко определялась та сфера, в которой университеты могли действовать самостоятельно. Автоном-

ность предполагалась не только в учебной, научной и общественно-просветительской деятельности, но и в административно-хозяйственной и даже судебно-полицейской и цензурной. Ученая корпорация получала право выбора профессоров и преподавателей как самого университета, так и гимназий, уездных училищ и приходских школ, а также всей университетской администрации.

Основой университетской автономии и средоточием всей университетской жизни был Совет, состоявший из заслуженных и ординарных профессоров всех факультетов и управлявший всеми делами университета и его округа. Ему было подчинено Правление — исполнительный орган университета. Совет был высшей инстанцией корпоративного университетского суда, введенного Уставом 1804 г. по образцу немецких университетов.

Согласно Уставу 1804 г., во главе университетской коллегии стоял ректор, руководивший всеми делами — учебными, научными, административно-хозяйственными и судебными. Он избирался Советом из числа ординарных профессоров и утверждался в должности императором. Устав 1804 г. ввел систему конкурсов на замещение вакантной должности профессора. Профессора екатерининского и павловского времен большей частью обходились без ученых степеней, для профессора же александровской эпохи высшая ученая степень доктора наук становилась важным атрибутом занимаемой им должности. Уставом намечались общие требования к соискателям высших ученых степеней, которые затем были детализированы специальным положением 1819 г. «О производстве в ученые степени» — первым документом, регламентировавшим институт научной аттестации[13].

В начале XIX в. возможности пополнения контингента профессоров в самой России были весьма ограниченными, что вынуждало по-прежнему приглашать ученых из-за границы[14]. Для лучших адъюнктов или магистров «из россиян, отличившихся своими талантами», предусматривалась двухлетняя стажировка в лучших университетах Западной Европы, для чего (на двух человек в каждом университете) ежегодно ассигновывалось 4000 руб.

В период становления российских университетов важной задачей являлось создание учебных пособий, которые могли бы стать образцами в дальнейшем преподавании. Этому, в частности, служило и требование публикации университетами полных конспектов лекций. При Министерстве народного просвещения был создан специальный Комитет, в который вошли академики С.Я. Румовский, Н.Я. Озерецковский и Н.И. Фус и позднее — один из образованнейших людей того времени И.Ф. Крузенштерн, в обязанность которого входили пересмотр учебных посо-

бий и подготовка новых учебников[15]. Наряду с несомненным контролем за благонадежностью взглядов профессоров этот централизованный выпуск учебников способствовал упорядочению научно-методической деятельности университетов.

Устав впервые определил место университета в структуре образования не только как учебного и методического, но и как научно-исследовательского, а также просветительского учреждения. Профессорам рекомендовалось сочетать в своих лекциях научность преподавания с доступностью изложения, а с целью популяризации научных знаний предписывалось читать публичные лекции, выступать с речами на торжественных актах и принимать участие в создании и деятельности университетских научных обществ.

В Уставе 1804 г. подробно оговаривались правила поступления в университет. Его студентом мог стать каждый молодой человек, сдавший вступительные экзамены. Возраст поступающих не ограничивался, следствием чего явилось поступление в Московский университет в раннем возрасте (безусловно, прежде всего дворянских детей). Так, А.С. Грибоедов стал студентом университета в 1806 г., когда ему было 11 лет, а к началу Отечественной войны 1812 г. он уже успел прослушать лекции по трем факультетам. В 13 лет поступил в университет П.Я. Чаадаев. Ф.И. Тютчев окончил его в 1821 г. экстерном, получив диплом кандидата в 18 лет. В 1820 г. специальным постановлением устанавливался низший возрастной предел для поступающих — 17 лет. Тем не менее из этого правила в первой половине XIX в. было немало исключений: так, в 1833 г. на отделение словесности Московского университета поступил И.С. Тургенев, которому не исполнилось еще и 15 лет.

Устав закреплял существование при университете Академической гимназии и Благородного пансиона, имевших соответствующую программу для подготовки к поступлению в университет. В Академической гимназии могли учиться выходцы из провинции как дворянского, так и недворянского происхождения; Благородный пансион был предусмотрен для дворянских детей. Воспитанники его старших классов могли слушать университетские лекции. Пансионеры издавали журналы и литературные альманахи. К началу 10-х гг. XIX в. Благородный пансион зарекомендовал себя как одно из лучших учебных заведений страны. При создании Царскосельского лицея учитывался опыт его работы. Среди воспитанников пансиона первой трети XIX в. были В.А. Жуковский, А.С. Кайсаров, Андрей, Александр и Николай Тургеневы, А.С. Грибоедов, М.Ю. Лермонтов, В.Ф. Одоевский, Д.В. Дашков, П.Н. Свиньин, Н.Н. Раевский (младший), П.М. Строев, С.П. Шевырев и др.

Несмотря на все усилия правительства привлечь дворян к обучению в университетах, вплоть до 40-х гг. они пренебрегали ими, и в целом социальный состав студенчества российских университетов оставался на протяжении всей первой половины века разночинским. Для разночинцев университет обладал особой притягательной силой: помимо удовлетворения жажды знаний он давал им шанс на получение личного дворянства, а в случае ученой карьеры — и потомственного, а после 1832 г. — выйти из податного состояния.

Студенты разделялись на своекоштных и казеннокоштных. Большинство из них находилось на своем содержании (коште). До 20-х гг. обучение в российских университетах было бесплатным. В 1820 г. вводится плата в размере 20 руб. 57 коп. в год, что сделало университеты малодоступными для неимущих — детей разночинцев и бедных дворян. В казеннокоштные принимались прежде всего те студенты, которых правительство готовило к службе в качестве врачей или учителей, для этого они должны были не только хорошо учиться, но и предъявить свидетельство о бедности. На содержание казеннокоштного студента отпускалось 200 руб. в год — сумма, явно недостаточная даже по признанию самого министерства. По Уставу 1804 г., количество казеннокоштных студентов не могло превышать 40 человек по всем факультетам. Однако в 1819 г. в специальных «медицинских институтах», созданных при медицинских факультетах, число казеннокоштных студентов было значительно больше[16]. Это имело важное значение для страны, испытывавшей огромную потребность во врачах.

По окончании университета казеннокоштные студенты должны были в качестве компенсации государству за обучение прослужить не менее шести лет по ведомству МНП, как правило, учителями в гимназиях и уездных училищах, в качестве врачей, обычно на военной службе. Таким образом, налицо своеобразная система «отработки по распределению». Большинство же своекоштных студентов становились чиновниками правительственного аппарата.

Полный срок обучения в университете в начале XIX в. составлял всего лишь три года (на медицинском отделении — четыре). Однако за этот срок мало кто из студентов успевал окончить университетский курс, фактически он растягивался на четыре года. Не случайно следующим Уставом 1835 г. срок обучения был увеличен до четырех лет (пять для медиков).

Поскольку в начале XIX в. гимназическое образование находилось лишь в стадии становления, то весьма распространенной стала идея создания специального подготовительного отделения,

готовившего поступающих к слушанию университетских курсов: одно- или двухгодичное обучение на нем должно было *предшествовать специализации по отдельным факультетам.*

Особенно остро эта проблема стояла в провинциальных университетах. Так, при открытии Харьковского университета в нем было создано специальное подготовительное отделение с двухгодичным сроком обучения. В Казанском университете преподавание в старших классах гимназии объединялось с обучением на младших курсах университета. При создании Петербургского университета для казеннокоштных студентов предусматривался двухгодичный предварительный курс. Подготовительные отделения дефакто существовали в 20-е гг. и в Московском университете.

Устав 1804 г. регламентировал разделение каждого российского университета на четыре отделения или факультета: 1) нравственных и политических наук; 2) словесных наук; 3) физических и математических наук и 4) врачебных и медицинских наук. Каждое отделение состояло из кафедр, представлявших основные научные направления того времени.

На нравственно-политическом факультете были созданы кафедры естественного права, гражданского и уголовного судопроизводства Российской империи и «прав знатнейших как древних, так и нынешних народов» (особое внимание здесь уделялось изучению римского права как основы всех современных законодательных кодексов); «дипломатики», понимавшейся как наука о международном праве. Там же была и кафедра философии. Ее преподавали в основном приглашенные из Германии профессора, привносившие в среду российской университетской молодежи «вольнолюбивые мечты».

На нравственно-политическом факультете изучались также богословские науки. Это объяснялось тем, что этические основы русского общества зиждились на христианской православной морали. Преподавал богословские науки священник, специально назначаемый Святейшим Синодом.

Вторым отделением гуманитарного профиля был факультет словесных наук. Учреждение специального словесного факультета расширяло круг изучаемых в университете филологических дисциплин. Так, по сравнению с XVIII в. расширился профиль кафедры красноречия — «красноречия, стихотворства и языка российского»; была создана специальная кафедра восточных языков. Особое внимание уделялось древним языкам. Для изучения новых языков (французского, немецкого, английского, итальянского) специальных кафедр не предусматривалось.

Большое значение в университетах придавалось преподаванию истории. Историку предписывалось не только изучать поли-

тическую историю — всемирную и отдельных стран, но и знать вспомогательные исторические науки — «историческую словесность и критику» (т. е. историографию), хронологию, историческую географию, генеалогию, нумизматику и геральдику[17]. На словесном отделении существовали две раздельные кафедры — всеобщей истории, статистики и географии и истории, статистики и географии Российского государства.

Не совсем удачным было отнесение географии к числу предметов словесного отделения, хотя включение ее в перечень университетских дисциплин — явление положительное.

Устав впервые создал отдельный от медицинского естественнонаучный факультет — физических и математических наук. Сюда были перенесены: с философского факультета кафедра физики, с медицинского — химии и натуральной истории. В начале XIX в. преподавание этих дисциплин в качестве подчиненных медицине уже не являлось оправданным. Были созданы две кафедры математики — чистой и прикладной, кафедра астрономии, возглавлявшаяся «астрономом-наблюдателем», и кафедра ботаники.

Среди кафедр физико-математических факультетов во всех российских университетах имелись кафедры минералогии и сельского домоводства (хозяйства) и технологии и наук, относящихся к торговле и фабрикам. Создание их свидетельствовало о внимании, которое уделялось в университетах требованиям экономического развития страны.

Острая нужда в учителях поставила в качестве одной из основных задач университетов подготовку преподавателей высшей и средней школы. С этой целью, по уставу, при них создавались педагогические институты, куда поступали выпускники университета, удостоенные степени кандидата.

Курс педагогического института был рассчитан на три года с обязательным прохождением практики под руководством опытных профессоров. Основная часть выпускников получала право преподавания в гимназиях. Наиболее отличившиеся могли быть рекомендованы к испытаниям на степень магистра, а по получении ее — оставлены «для подготовки к профессорскому званию». Таким образом, эти институты можно квалифицировать как своеобразный симбиоз чисто педагогического учебного заведения, аспирантуры и докторантуры. Подобная система, весьма продуманная методически, привела к созданию высококвалифицированного контингента учителей в средней школе, что способствовало повышению уровня образования в стране. Вместе с тем для тех, кто мечтал в будущем занять университетские кафедры, обеспечивалось систематическое повышение научной квалификации.

Особая ситуация сложилась в Петербурге, где еще в 1783 г. была учреждена Учительская семинария, на основе которой Указом Александра I в 1804 г. был создан Педагогический институт «как отделение будущего университета». Он пользовался правами университетского самоуправления, с той лишь разницей, что Совет заменяла здесь Конференция. На Педагогический институт возлагалась задача подготовки и профессоров будущего университета. С этой целью по представлению Н.Н. Новосильцева в 1808 г. за границу было отправлено 12 его лучших выпускников, в том числе А.П. Куницын, А.И. Галич, М.Г. Плисов, Н.И. Бутырский, Ф.В. Чижов, М.Ф. Соловьев, В.К. Ржевский и др. Они занимались в Германии — в Гейдельбергском, Геттингенском, Йенском университетах, затем в Италии, Австрии, во Франции, в частности в Париже.

При университетах предполагались вспомогательные учреждения. К ним относились прежде всего библиотека, которая обслуживала не только преподавателей и студентов, но и посторонних читателей; Музей натуральной истории, организованный по образцу парижского; Ботанический сад; химическая лаборатория, физический, минералогический и технологический кабинеты и обсерватория. Университетские больницы и клиники были открыты не только для профессоров и студентов, но и для жителей университетских городов.

По примеру Московского университета при других университетах предписывалось создавать научные общества в области как гуманитарных, так и естественных наук, в деятельности которых должны были принимать участие профессора и студенты университетов, ученые Академии наук, деятели культуры, известные меценаты и любители древностей, словесности и естественных наук. В 1807 г. студенты Казанского университета во главе с С.Т. Аксаковым образовали литературное общество, преобразованное в 1814 г. в Общество любителей отечественной словесности. В Харьковском университете в 1812 г. было основано Общество наук, разделявшееся на два отделения — естественное и гуманитарное. В 1819 г. в Харьковском университете открылось общество студентов — любителей отечественной словесности, оказавшее большое влияние на культурную и общественную жизнь Юга России.

Согласно уставу, университеты являлись учебно-методическими центрами обширных учебных округов. Они руководили деятельностью всех учебных заведений, утверждали их учителей и директоров, а для контроля за состоянием дел на местах посылали так называемых «визитаторов»[18]. Таким образом, Устав 1804 г. наделял университеты статусом просветительских центров края.

К особенностям университетского Устава 1804 г. следует отнести его не столько директивный, сколько направляющий характер. Составители понимали, что это только первый шаг к созданию университетской системы в России.

Устав 1804 г., базировавшийся во многом на утопических идеях просветителей рубежа XVIII–XIX вв., не мог остаться незыблемым. Принципы университетского самоуправления вошли в противоречие с самодержавным устройством государства, а крепостнические порядки были несовместимы с декларированной всесословностью образования, что неизбежно приводило к ограничению прав податных сословий на получение высшего образования. Ухудшение экономического положения Российской империи, рост дороговизны, многочисленные жертвы и разрушения вследствие частых войн, в частности уничтожение здания Московского университета в 1812 г., — все это отнюдь не способствовало спокойной реализации университетской реформы.

Приток в университеты по России в целом не был значительным. Показательны данные за 1808 г., когда функционировало уже пять университетов. Всего в них обучалось 875 студентов. Свыше $^2/_3$ приходилось на прибалтийские университеты — Виленский (525) и Дерптский (193). В Московском училось всего 135 человек, в Харьковском — 82, а в Казанском на 25 преподавателей приходилось лишь 40 студентов. Даже если прибавить к этому Педагогический институт в Петербурге, который рассматривался как прообраз будущего университета, то общее число студентов не составляло и тысячи человек на всю Россию. Количество же преподавателей в них равнялось 177, в том числе 108 профессоров[19].

Источники для пополнения студенчества были незначительны. Так, в 1808 г. по всей России насчитывалось всего 54 гимназии. Наиболее стабильным источником абитуриентов оставались по-прежнему духовные училища, и прежде всего семинарии[20]. Они давали неплохую подготовку в области латыни, на которой тогда читалась бVольшая часть лекций и велись ученые диспуты и беседы. Остальных желающих приходилось принимать в университет с обязательством выучить латинский язык впоследствии.

Карамзин, восторженно приветствовавший в 1803 г. «Предварительные правила...», спустя 8 лет в «Записке о древней и новой России» (1811) пришел к выводу о том, что миллионы, израсходованные Александром I на основание университетов, гимназий и других школ, приносят «более убытка для казны, нежели выгод для отечества». Причина, по его мнению, заключалась в том, что в России «нет охотников для высших наук. Дворяне служат, а

купцы желают знать существенно арифметику или языки иностранные для выгод своей торговли... наши стряпчие и судьи не имеют нужды в знании римских прав; наши священники образуются кое-как в семинариях и далее не идут, а выгоды ученого сословия в России еще так новы, что отцы не вдруг еще решатся готовить детей своих для оного»[21].

Именно Карамзин первым поставил вопрос о необходимости приведения университетского образования в России в соответствие с конкретно-историческими условиями страны. И действительно, реализация университетского Устава 1804 г. была неразрывно связана с внесением в него изменений, что в свою очередь предваряло новую реформу.

Становление общероссийской университетской системы особенно ярко может быть прослежено на примере Московского университета, который к концу первого десятилетия XIX в. превращается в один из главных центров этой системы. К тому времени он имел уже полувековые традиции, что делало его своеобразным учебно-методическим и научно-исследовательским центром для новых университетов.

Несмотря на огромный ущерб, понесенный университетом во время Отечественной войны 1812 г., он сохранил свое ведущее положение, а в моральном отношении даже приумножил его. По словам А.И. Герцена, «Московский университет вырос в своем значении вместе с Москвою после 1812 года» и все «больше и больше становился средоточием русского образования»[22].

Война привела к резким изменениям в профессорско-преподавательском составе Московского университета. Доля иностранцев среди преподавателей с 1811 по 1813 г. сократилась с 44 до 26%. К моменту принятия нового устава преподавание университетских дисциплин сосредоточивалось почти исключительно в руках отечественных ученых.

Однако это не означало изоляции Московского университета от научной и культурной жизни Западной Европы, поскольку именно в послевоенный период ведущую роль в его деятельности стали играть профессора, прошедшие стажировку в заграничных университетах: И.А. Двигубский, М.Я. Мудров, Л.А. Цветаев, Р.Ф. Тимковский, А.Ф. Мерзляков, М.Т. Каченовский, А.В. Болдырев. Число лиц, имеющих докторские степени, среди профессоров неуклонно росло. Так, если в 1813 г. из 23 профессоров степень доктора имели лишь 14 (среди них 8 — русские), то в 1834 г. из 27 профессоров степенью доктора обладали уже 17 человек, причем все они защитили диссертации в отечественных университетах.

Подавляющее большинство докторских степеней приходилось на медицинский факультет, где степень магистра не присваива-

лась, что, естественно, облегчало получение высшей ученой степени. Защиты докторских диссертаций по другим специальностям были крайне редки. По-настоящему выдающимся событием стала лишь защита в 1830 г. диссертации на звание доктора философии 26-летним Н.И. Надеждиным «О романтической поэзии», в которой был поставлен принципиальный вопрос о дальнейших путях развития русского искусства и литературы.

В «послепожарный» период в Московском университете сложилась профессорская корпорация, наиболее многочисленная и сильная по сравнению с другими университетами. Определяющую роль в ней играли «питомцы Муравьева», весьма активно участвовавшие в учебном процессе, научной деятельности и руководстве как отдельными факультетами, так и университетом в целом. Они занимали ведущие кафедры на всех факультетах: Мерзляков, Тимковский, Болдырев — на словесном; Двигубский — на физико-математическом; Цветаев — на нравственно-политическом; Мудров — на медицинском.

Обращает на себя внимание стабильность состава профессуры: в среднем в год из стен университета уходил один профессор, главным образом по причине болезни или смерти. Это позволяет рассматривать профессуру 10-х — начала 30-х гг. как *единый целостный организм*, воплотивший в себе те идеи, которые были заложены просветителями, готовившими университетскую реформу начала XIX в.

Другой характерной чертой профессуры Московского университета того времени стало пополнение ее рядов в течение всей первой трети века в основном за счет его воспитанников, что создавало необходимую преемственность в преподавании и являлось стимулом для учащейся молодежи.

Однако к началу 30-х гг., несмотря на постоянный приток свежих сил, происходило постепенное старение профессуры, и средний ее возраст, который в 1813 г. составлял менее 40 лет, стал приближаться к 60 годам.

Состав профессорской корпорации Московского университета отличался многонациональным характером. Большая часть профессоров была записана в графе «православные», к которым относились не только русские, но и украинцы — А.А. Прокопович-Антонский, Р.Ф. Тимковский и его племянник М.А. Максимович; поляк А.А. Альфонский, грек М.Т. Качони, получивший известность как Каченовский, и выходец из черкесов М.Г. Гаврилов. К 1835 г. более чем в два раза снизился процент лютеран — с 40 в 1811 г. до 18.

Определенные изменения претерпел и социальный состав профессуры. Если в 1806 г. почти все отечественные профессора были

выходцами из семей священников, то к 30-м гг. их доля уменьшилась до 33–40%. Выходцы из духовенства дали таких профессоров, как А.А. Прокопович и И.А. Двигубский (в разные годы ректоры университета), М.Я. Мудров, И.Е. Дядьковский, М.Г. Павлов, Н.И. Надеждин, Л.А. Цветаев и многие другие. Помимо сыновей православных священников были и сыновья лютеранских пасторов — В. Рихтер и Х. Лодер.

На кафедрах Московского университета постепенно росло число выходцев из дворянства. Дворянская группировка не была однородной. В нее входили и дети профессоров первого поколения, получивших вместе с чином 7-го класса потомственное дворянство, которые сами стали профессорами или адъюнктами, и потомственные дворяне: врач Е.О. Мухин, астроном Д.М. Перевощиков, филологи Р.Ф. Тимковский и И.И. Давыдов, преемник Горюшкина Н.Н. Сандунов. Впрочем, все они принадлежали к нетитулованным дворянским родам.

Сыном небогатого купца Пермской губернии был А.Ф. Мерзляков; отец Качеповского был греком из Балаклавы, приписавшимся к мещанскому обществу Харькова. Обращает на себя внимание значительное увеличение числа разночинцев, составлявших к началу 30-х гг. примерно четверть всего профессорского состава. Единственный пример профессора, выходца из крестьян, — М.П. Погодин, сын крепостного графа И.П. Салтыкова, который, правда, к моменту поступления Михаила в Московский университет уже получил вольную. Поступив в 18 лет на отделение словесности, Погодин закончил его, защитил магистерскую диссертацию, через три года стал адъюнктом, а еще через пять лет, в 1833 г., — ординарным профессором Московского университета.

Несмотря на различия социального и конфессионального происхождения, профессора Московского университета представляли собой по существу единое «ученое сословие», занимавшее видное место в социокультурной жизни не только Москвы, но и России. Постепенное осознание этого положения приводило к снижению исходных различий, хотя и не исключало отдельных личных конфликтов и разногласий по профессиональным вопросам. Несмотря на эти разногласия (степень которых не следует преувеличивать), профессура Московского университета была единой в отстаивании общеуниверситетских интересов. Это позволило ей не только сплотиться в 1812 г. и быстро восстановить университет после наполеоновского нашествия, но и противостоять, в отличие от Казанского и Петербургского университетов, натиску реакционного министерства кн. А.Н. Голицына во второй половине 10-х — первой половине 20-х гг.

На каждом из факультетов Московского университета той эпохи были свои лидеры, т. е. профессора, определявшие характер преподавания наук на факультете. Отделение словесности объединяло два основных направления — филологическое и историческое, и каждое из них имело свои авторитеты.

Среди филологов таким лидером был А.Ф. Мерзляков. Являясь официальным поэтом университета, он был известен своими лирическими стихотворениями, некоторые из которых стали популярными народными песнями («Среди долины ровныя...», «Чернобровый, черноокий...» и др.)[23]. Мерзляков был не только талантливым поэтом, но и выдающимся педагогом и ученым. В 1804 г. он возглавил только что созданную кафедру красноречия, стихотворства и языка российского, где проработал до самой смерти в 1830 г.

Мерзляков внес большой вклад в развитие методологии классицистической эстетики. Он пропагандировал идею о неразрывной связи эстетических и этических начал и указывал на воспитательное значение литературы как «училища нравственности».

Теоретическая часть лекций Мерзлякова была тесно связана с критическим разбором литературных произведений русских писателей, поэтов и драматургов XVIII — первой четверти XIX в. Как справедливо заметил В.Г. Белинский, «с Мерзлякова начинается новый период русской критики: он уже хлопотал не об отдельных стихах и местах, но... говорил о духе писателя, заключавшемся в общности его творений»[24]. Лекции Мерзлякова — крупное явление в жизни Московского университета.

Легко входя в дружеские контакты с учащейся молодежью, Мерзляков вплоть до самой смерти учил многие поколения студентов — будущих декабристов, Ф.И. Тютчева (один из любимых его учеников) и, наконец, М.Ю. Лермонтова. По меткому наблюдению историка А.А. Кизеветтера, он «сплачивал университет с обществом, как позднее это делал Грановский. Он нужен был не только студентам, но и всему городу. На его публичные лекции съезжалась вся образованная Москва»[25].

Иной была роль историка М.Т. Каченовского, посвятившего Московскому университету 37 лет жизни. Как отмечал С.М. Соловьев, сильной стороной его концепции явилось признание идеи закономерности исторического развития, причинности и взаимной связи исторических явлений. Особо прославился Каченовский своим критическим разбором Н.М. Карамзина. Каченовскому осталась чуждой его мысль о патриотическом значении отечественной истории: он полагал, что «любовь к Отечеству в истории есть дело постороннее».

В преподавании истории Каченовский широко применял сравнительно-исторический метод, справедливо рассматривал историю России как составляющую общеисторического процесса, стремясь выявить общие закономерности. Однако недостаток конкретно-исторических знаний привел его к априорному представлению об отсталости России и признанию превосходства Запада над славянским миром.

В определенном смысле Каченовского можно назвать основоположником университетского источниковедения, несмотря на отсутствие у него систематической профессионально-исторической и археографической подготовки. Он первым поставил вопрос о необходимости введения в учебную программу источниковедения и таких вспомогательных дисциплин, как дипломатика, археография и др., внедрение которых было делом будущих поколений ученых. Каченовский положил начало критическому направлению в преподавании русской истории, получившему название так называемой «скептической школы», однако оказался не в состоянии сформулировать сколько-нибудь самостоятельную систему изучения русской истории, ограничиваясь главным образом критикой воззрений своих противников. Можно согласиться с А.М. Сахаровым, что «реальное дело скептиков тонуло в их нигилизме по отношению к древней русской истории»[26].

Нельзя отрицать роль Каченовского в деле воспитания нескольких поколений молодежи, среди которой были талантливые ученые и публицисты. Наиболее последовательно развивал идеи «скептической школы» С.М. Строев, доказывавший в ряде своих работ «недостоверность древней русской истории» и «баснословность» летописных памятников; в духе Каченовского была написана магистерская диссертация О.М. Бодянского; одним из наиболее талантливых студентов профессора считался Н.В. Станкевич. Каченовский заложил основу для дальнейшего развития университетской исторической науки, центр которой со времени его преподавания стал перемещаться в Московский университет.

Однако к середине 30-х гг. господство «скептической школы» стало отрицательно сказываться на преподавании отечественной истории в университете. Главной задачей университетского курса было предоставление молодым людям определенного объема знаний, а не сенсационные разоблачения. В середине 30-х гг. появились исследования нового поколения историков, подтвердивших подлинность памятников по истории Древней Руси. Особую роль здесь сыграли труды М.П. Погодина, который стал одним из преемников Каченовского.

В университете со времен Муравьева большое значение придавалось классическому образованию, поэтому кафедрам древне-

греческой и древнеримской литературы и истории уделялось здесь особое внимание. Эти кафедры в первой трети XIX в. своим развитием были обязаны двум ученым — Р.Ф. Тимковскому и И.М. Снегиреву. Каждый из них по-своему понимал роль изучения античности в развитии русской культуры. Тимковский, занимавший обе кафедры, в своих лекциях стремился пробуждать живой интерес к духовной и общественной жизни Греции и Рима, уделял внимание вольнолюбивым мотивам в истории античных республик.

Снегирев избрал иной аспект преподавания античности. Казалось бы, его труды по истории Москвы, этнографии, русскому фольклору далеки от его специальности — истории латинской словесности и древностей. Но Снегирев обогатил традиции преподавания древнеклассической литературы тем, что попытался реконструировать обычаи, обряды, законодательство Римской империи, сравнивая их с подобными явлениями в русской жизни. В его четырехтомнике «Русские в своих пословицах...», вышедшем в 1831–1834 гг., памятники русского фольклора сопоставлялись с античными аналогами. «Республиканизм» Тимковского и «этнографизм» Снегирева в преподавании античности оставили глубокий след в формировании мировоззрения студентов первой трети XIX в.

Московский университет в первой трети XIX в. представлял собой разнородный конгломерат весьма неоднородного социального свойства, в котором преобладали разночинцы, прежде всего выходцы из семей священников, получившие начальное образование в духовных училищах и семинариях. Их в первую очередь принимали на казенный кошт. Впоследствии они становились врачами и учителями, т.е. занимали те должности, на которые не хотели идти дворяне. Впрочем, по словам Н.К. Пиксанова, в начале XIX в. в Московском университете «появилась блестящая группа представителей знатных, древних, богатых дворянских родов»[27]. Среди воспитанников Московского университета начала века мы встречаем кн. Трубецких, Лобановых, Волконских, представителей дворянской элиты — студентов, отличавшихся широтой литературных, научных и общественно-политических интересов. Среди них можно назвать Н.И. Тургенева, А.С. Грибоедова, П.Я. Чаадаева. В различные годы в Московском университете и в Благородном пансионе училось свыше 60 будущих декабристов[28]. Часть дворян-вольнослушателей сближалась с разночинской студенческой массой. Примером может служить поэт Ф.И. Тютчев: он слушал лекции в Московском университете в конце 10-х гг. и был близок с М.П. Погодиным[29].

Во второй половине 20-х — первой половине 30-х гг. в Московском университете дворян «насчитывалось в среднем не более

$^1/_3$ от общего числа студентов. К тому же подавляющее большинство их принадлежало к служилому дворянству, к дворянам-чиновникам, не имеющим, как правило, своих крепостных... Большинство студентов составляли сыновья чиновников (не дворян), священников, купцов, мещан, цеховых (ремесленников), вольноотпущенников — всех, кто к середине XIX в. составил слой разночинцев в русском обществе»[30].

Наиболее ярким примером студента-разночинца в Московском университете конца 20-х — начала 30-х гг. являлся В.Г. Белинский, сын уездного лекаря Пензенской губернии, который основал в университете кружок казеннокоштных студентов, получивший название «Литературное общество 11-го нумера»[31].

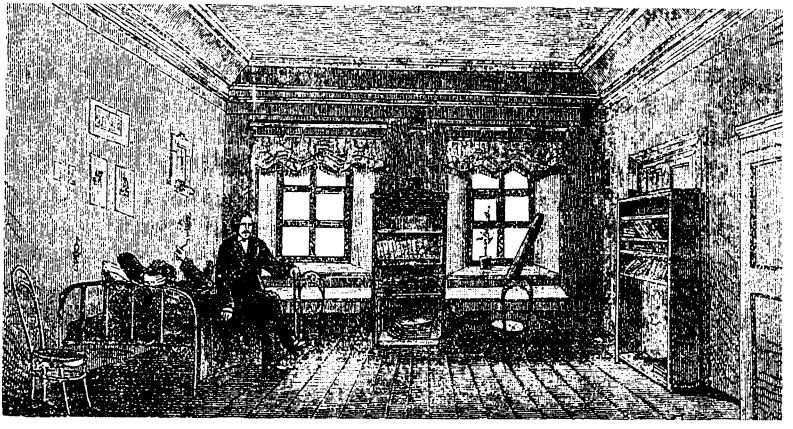
В соответствии с пожеланиями, высказанными М.Н. Муравьевым, в Московском университете получали знания представители различных народов России. Накануне Отечественной войны 1812 г. на нравственно-политическом отделении училась группа остзейских дворян. Лучший из этих студентов, В.В. Шнейдер, сокурсник А.С. Грибоедова, впоследствии стал профессором Петербургского университета. В «послепожарном» университете также было немало студентов немецкого происхождения (например, Ф.А. Кони, известный в свое время писатель-водевилист), французского (А.Н. Драшусов, в дальнейшем директор обсерватории Московского университета). Несмотря на создание в Москве Лазаревского института восточных языков, в Московском университете занималось немало студентов-армян (в 1834 г. их было 22 человека), в частности И.П. Арапетов, впоследствии известный деятель периода подготовки крестьянской реформы.

Таким образом, Московский университет к 30-м гг. сосредоточил в себе выходцев из всех сословий и представителей различных национальностей. Он стал объединяющим центром для детей как столичной аристократии, так и бедняков из глубокой провинции. Сословные и национальные различия и имущественное неравенство в университете, конечно, давали о себе знать, но в меньшей степени, чем в обществе в целом. Справедливы слова А.И. Герцена, что в Московский университет, «как в общий резервуар, вливались юные слои России со всех сторон, из всех слоев; в его залах они очищались от предрассудков, захваченных у домашнего очага, приходили к одному уровню, братались между собой и снова разливались во все стороны России, во все слои ее... Студент, который бы вздумал у нас хвастаться своей *белой костью* или богатством, был бы отлучен от «воды и огня», замучен товарищами»[32]. Так постепенно складывался типичный облик студента Московского университета.

Одной из форм педагогической деятельности и методом формирования у студентов навыков научного исследования в Московском университете было написание ими сочинений на различные темы. Эти работы свидетельствовали не только о высоком уровне преподавания в первой трети XIX в., об основательной профессиональной подготовке учащихся, их эрудированности и широте кругозора, но и о самостоятельности, а порой и творческом характере мышления университетской молодежи. Обращает на себя внимание то, с каким увлечением работали студенты над поставленными перед ними задачами историко-культурного, правового, народнохозяйственного плана. Студенчество 30-х гг., представленное именами К.С. Аксакова, В.Г. Белинского, О.М. Бодянского, А.И. Герцена, И.А. Гончарова, М.Ю. Лермонтова, Н.П. Огарева, В.В. Пассека, Н.И. Сазонова, Н.В. Станкевича, С.М. Строева, И.С. Тургенева и др., требовало иного подхода к университетскому образованию: отказа от патриархальной дидактики и перехода к научному объяснению мира. Не умаляя заслуг основной массы университетской профессуры, следует отметить, что к этому времени лишь отдельные ее представители, такие, как М.Г. Павлов и Д.М. Перевощиков, Н.И. Надеждин и М.П. Погодин, Е.О. Мухин и И.Е. Дядьковский, отчасти И.Д. Давыдов и С.П. Шевырев, удовлетворяли запросы студенческой молодежи.

В рассматриваемый период на повестку дня ставился вопрос кардинального преобразования Московского университета, которое и было осуществлено с введением нового университетского Устава 1835 г.

Наряду с Московским университетом значительный вклад в развитие русской культуры первой трети XIX в. внесли также



Студенческая комната

Харьковский и Казанский университеты. Целью их создания было прежде всего распространение просвещения на огромных территориях Юга России, Поволжья и Сибири. В отличие от Московского университета им приходилось решать более трудную задачу — стать высшими учебными заведениями при почти полном отсутствии местных средних и начальных школ. Однако постепенно учебный процесс и в Харькове и в Казани — во многом благодаря личным усилиям первых попечителей С.О. Потоцкого и С.Я. Румовского — наладился, и в короткое время эти провинциальные университеты стали культурными центрами отдаленных от западной части России губерний.

В Харьковском университете в первое десятилетие его существования сложилась уникальная по сравнению с другими отечественными университетами профессорская корпорация, состоявшая из четырех группировок — немецкой, французской, сербской и российской. Среди ученых, приехавших из германских университетов, наиболее крупными были ученик И. Канта Л.Г. Якоб и И.Г. Шад — известные просветители своего времени, авторы многочисленных трудов и учебников по философии, юриспруденции и политэкономии[33]. Наиболее авторитетным среди четырех профессоров-французов был Ж.Н. Белен де Баллю, автор научных трудов по греческой и французской словесности, учебников и хрестоматий[34]. Представитель сербской группы ученых профессор физики А.И. Стойкович сыграл важную роль в становлении в Харьковском университете естественных наук. Автор многих научных трудов и учебников по физике, физической географии, астрономии, он создал в университете физический кабинет, сумел заинтересовать естественными науками молодежь[35].

Хотя в первые годы существования Харьковского университета две трети его преподавателей были иностранцами, Потоцкий сумел обеспечить постепенный переход на ведущие роли русских ученых и педагогов. Уже с момента основания университета в нем появились и отечественные преподаватели, в том числе такие выдающие ученые, как филолог И.С. Рижский, историк Г.П. Успенский, математик Т.Ф. Осиповский. Г.П. Успенский, в частности, первым среди русских историков обратился к освещению истории хозяйства, культуры и быта населения страны. В 1811–1812 гг. он опубликовал «Опыт повествования о древностях русских», где было уделено много внимания не только политической истории, но и истории материальной культуры, археологии, этнографии и т. д. Его можно считать предшественником И.Е. Забелина.

Светилом физико-математического факультета Харьковского университета был профессор Т.Ф. Осиповский, выдающийся

русский математик, физик и астроном. Составленный им «Курс математики» считался одним из лучших учебников не только в России, но и за границей.

На этом факультете в 20-е гг. выдвинулись молодые преподаватели, среди которых наиболее заметным стал В.М. Черняев — один из крупнейших русских ботаников. Студенты любили занятия, которые он проводил в университетском Ботаническом саду, превратившемся при нем в один из лучших в России.

Кафедра истории, географии и статистики государства Российского в течение четверти века (1823—1849) находилась в руках П.П. Гулака-Артемовского, выдающегося украинского писателя, поэта, автора многочисленных сатирических и поэтических произведений и издателя «Украинского журнала».

В Харьковском университете с первых лет его деятельности большое внимание уделялось научной работе и литературному творчеству воспитанников. В 1817 г. было основано Харьковское общество студентов — любителей отечественной словесности, председателем которого стал А.В. Склабовский, будущий адъюнкт кафедры словесности. Общество издавало специальные сборники литературных произведений, статей и переводов студентов.

Харьковский университет предназначался прежде всего для местного дворянства, которое здесь, в отличие от других университетов, составляло большинство студентов. Однако интерес к обучению в этом учебном заведении проявляло и духовенство и купечество, значительную группу составляли также выходцы из донского казачества.

Тяжелое материальное положение, более слабые по сравнению с Москвой традиции университетского образования приводили к тому, что значительная часть студентов этого университета покидала его до окончания курса, поступая на военную, гражданскую службу либо работая учителями средних учебных заведений. Так, за 1805—1861 гг. в университет поступило свыше 55 тыс. человек, а окончило его чуть больше половины.

В Харьковском учебном округе, как ни в одном другом, был проведен в жизнь один из основных принципов реформы народного просвещения начала XIX в. — создание разветвленной системы учебных заведений с университетом во главе как учебным, научным и культурным центром края. Профессора университета активно участвовали в научных изысканиях по разведке природных богатств, в разработке проблем развития сельского хозяйства, лесоводства, борьбы с эпидемиями и эпизоотиями, в проведении археологических раскопок и изучении древних рукописей. Определяющей была роль Харьковского университета и в из-

дании местных газет и журналов (в отличие от Петербурга и Москвы). В 1817–1834 гг. при университете издавались «Харьковские ведомости» — газета, в которой участвовали молодые профессора и адъюнкты во главе с Гулак-Артемовским. В первой трети века здесь печатались также журналы «Харьковский демокрит», «Украинский домовод», «Украинский вестник» и «Украинский журнал», где публиковались как литературные произведения зарубежных и русских авторов, так и научные статьи профессоров. Это способствовало установлению живой и крепкой связи между университетом и харьковским обществом. Таким образом, Харьковский университет не только готовил специалистов в разных областях знаний, но и имел огромное влияние на развитие украинской культуры[36].

Намного сложнее обстояло дело с Казанским университетом, где общий культурный уровень местного дворянства был ниже не только московской и петербургской элиты, но и провинциальных помещиков Слободской Украины. В то же время еще в 1758 г. при деятельном участии Московского университета была основана Казанская гимназия (к 1805 г. в ней училось 147 детей дворян и чиновников), которая и стала базой для создания Казанского университета. Его основание во многом явилось личной заслугой С.Я. Румовского, известного русского ученого, астронома, академика, попечителя Казанского учебного округа. Сразу после прибытия в Казань в 1805 г. он провозгласил открытие университета, переименовав учеников старших классов гимназии в студентов, а учителей — в профессоров и адъюнктов. Известный писатель С.Т. Аксаков, бывший в числе этих первых студентов, вспоминал, как неожиданно, «скороспелкой... в смешении факультетов и в младенческом составе открылся наш университет»[37]. Действительно, в Казанском университете в течение первого десятилетия не было разделения на факультеты и специализации выпускников, а лекции напоминали школьные уроки.

«Школьный» характер Казанского университета привел к тому, что количество студентов в нем практически не росло: при его открытии в студенты был записан 41 человек, а в 1814 г. в нем училось 42 студента. Лишь после реорганизации 1814 г. их численность стала существенно возрастать и в 1819 г. достигла 168 человек.

Со временем С.Я. Румовский пригласил на кафедры университета многих видных западноевропейских ученых, в том числе молодого австрийского астронома И. Литтрова, И.М. Бартельса, одного из крупнейших математиков своего времени, которые поставили на европейский уровень преподавание точных наук в Казанском университете и стали учителями знаменитого Н.И. Ло-

бачевского. Большую роль в преподавании естественных наук в Казанском университете и вообще в культурной жизни края сыграл К.Ф. Фукс, будущий ректор университета. Принадлежа к числу ученых-просветителей, он наряду с изучением местной фауны и флоры и медико-географическими наблюдениями края занимался также историей, археологией и этнографией народов Поволжья. К нему как энциклопедисту обращались все интересовавшиеся Поволжьем, в том числе и А.С. Пушкин, который познакомился с Фуксом в 1833 г., собирая материалы для «Истории Пугачевского бунта»[38].

Казанский университет содействовал развитию и изучению культуры стран Востока, и прежде всего татарской. Востоковедение стало одним из профильных направлений для отделения словесности. В связи с этим необходимо отметить роль молодого немецкого ориенталиста Х.Д. Френа, работавшего в Казанском университете. Он первым научно представил историю Волжской Болгарии и Золотой Орды в опубликованных в Казани в 1814–1816 гг. работах, заложил научно-методические основы дальнейшего развития востоковедения в Казанском университете.

Несмотря на несовершенство учебного процесса, первые выпуски оказались на редкость удачными для развития науки и культуры не только местного края, народов Поволжья и Сибири, но и России в целом. Среди его выпускников были С.Т. Аксаков, братья А.И. и И.И. Панаевы — впоследствии профессиональные литераторы; к этой же плеяде относится и Н.И. Лобачевский — крупнейший из всех университетских ученых первой половины XIX в.,



Казанский университет. Рубеж XIX–XX вв.

а также известный русский астроном и географ И.М. Симонов, участвовавший в 1819 г. в кругосветном плавании с экспедицией Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева.

Таким образом, сравнивая процесс становления Харьковского и Казанского университетов, находившихся в равных «стартовых» условиях, можно заключить, что первый, открытый сразу же, без всяких отсрочек и относительно обеспеченный контингентом профессуры по всем факультетам, стал довольно быстро функционировать, определял собою деятельность средних и низших учебных заведений и постепенно превратился в центр образования, науки и культуры Юга России. Казанский университет, напротив, словно копировал гимназические порядки. Если профессора Харьковского университета, такие, как Рижский, Осиповский, Успенский, начинавшие свою карьеру учителями, смогли осознать себя представителями ученой профессуры, то имевшее в течение первых десяти лет в Казани совместительство учительских и профессорских должностей привело к привнесению в университет школьных методов преподавания. Потребовалось несколько выпусков студентов университета, чтобы из его среды вышли деятели, с именами которых будет связано становление Казанского университета как ученой корпорации и развитие университетского самоуправления.

Для Петербургского университета первая четверть XIX в. была временем его организации. Первый попечитель Петербургского учебного округа Н.Н. Новосильцев не спешил с его открытием, полагая, что в столице имеется достаточно высших учебных заведений. Положение изменилось, когда в 1810 г. на посту попечителя Новосильцева сменил С.С. Уваров. По его инициативе в 1816 г. Петербургский педагогический институт был преобразован в Главный Педагогический институт, что рассматривалось им как ступень к созданию столичного университета. Структура основных факультетов института была близка к общеуниверситетской: в нем впервые была создана самостоятельная кафедра истории; на более высокую ступень было поднято и преподавание новейших иностранных языков. В отличие от Московского и других университетов они преподавались не лекторами (младшими преподавателями), а профессорами, занимавшими кафедры немецкой и французской словесности.

С целью привлечения дворянской молодежи при Главном Педагогическом институте был открыт Благородный пансион, уравненный в правах с Благородным пансионом при Московском университете. 8 февраля 1819 г. по докладу министра духовных дел и народного просвещения кн. А.Н. Голицына Александр I утвердил

составленный Уваровым проект создания Петербургского университета. Этот законодательный акт и стал официальной датой его основания.

Большое внимание Уваров уделял формированию профессорско-преподавательского состава философско-юридического факультета Петербургского университета, так как именно этот факультет предназначался для подготовки высокообразованных государственных чиновников. Среди них наиболее выдающейся фигурой стал М.А. Балугьянский, ученый и педагог, сыгравший значительную роль в становлении университета: в 1819—1821 гг. он был первым его ректором. Балугьянский пытался применить учение А. Смита к условиям России и в своих лекциях и трудах по политической экономии выступал сторонником «неограниченной свободы во всех родах промышленности и торговли», считал непременным условием разработанного им плана широких экономических преобразований освобождение крестьян от крепостного права. Преподавательскую деятельность и административные обязанности Балугьянский успешно сочетал с работой в Министерстве финансов, а затем в комиссии М.М. Сперанского по составлению Свода законов[39].

К моменту открытия Петербургского университета на юридическом факультете сформировалось уже второе поколение ученых — А.П. Куницын, М.Г. Плисов, К.И. Арсеньев. Особую известность приобрел юрист А.П. Куницын, один из любимых наставников А.С. Пушкина и других лицеистов — будущих декабристов. В 1818—1820 гг. он опубликовал свою знаменитую книгу «Право естественное», которая положила конец его ученой карьере. В этой книге осуждался деспотизм как несовместимый с естественными правами человека и развивались либеральные идеи свободы слова и вероисповедания[40].

В Петербургском университете работал один из крупнейших эллинистов своего времени Ф.Б. Графе, приглашенный Уваровым из Германии, вскоре избранный действительным членом Академии наук. Он занимал две кафедры — древнегреческой и древнеримской литературы и истории[41].

Большое значение для преподавания в университете теории статистики имело приглашение в Петербург выпускника Геттингенского университета, выдающегося ученого К.Ф. Германа. Он руководил Статистическим комитетом при Министерстве внутренних дел, одновременно преподавал в Главном Педагогическом институте, а затем в университете; издал ряд работ по теории статистики и по динамике народонаселения России, статистике сельского хозяйства, промышленности, торговли и т. д.; издавал первый в России «Статистический журнал»[42].

Учеником Германа был К.И. Арсеньев — один из организаторов Русского географического общества. Адъюнкт кафедры статистики Петербургского университета, Арсеньев в своем курсе лекций большое внимание уделял развитию экономики страны, росту городов, улучшению путей сообщения. Эти же идеи были положены в основу его выдающего труда «Начертание статистики Российского государства» (СПб., 1818).

Можно сказать, что в целом уровень преподавания гуманитарных наук в первые годы существования Петербургского университета был достаточно высоким. Большинство кафедр философско-юридического и филолого-исторического факультетов возглавлялись выдающимися учеными и педагогами.

Петербургский университет был основан в специфических условиях столичного города. Значительная часть его профессоров параллельно с преподавательской работой служила в различных министерствах, что придавало университету более официальный и академический характер по сравнению с патриархальным Московским. В отличие от последнего в него «не стекались юноши со всей страны», многие из них поступали в кадетские корпуса, Артиллерийское, Инженерное училища, Горный корпус и другие учебные заведения, что отмечалось в отчете по Петербургскому учебному округу[43].

Серьезным испытанием для университетского самоуправления стала политика реакционного Министерства духовных дел и народного просвещения, которое в 1817—1824 гг. возглавлял обер-прокурор Синода А.Н. Голицын. В состав Главного правления училищ и ученого комитета были включены близкие Голицыну люди: дипломат А.С. Стурдза, назначенные попечителями Петербургского и Казанского учебных округов Д.П. Рунич и М.Л. Магницкий и др. Реакция в области народного просвещения проявилась в крайней нетерпимости к светскому образованию и научным исследованиям, в фактической замене курса философии богословием, в гонениях на преподавание естественного права, истории, юридических наук и даже математики и медицины.

Особо тяжелому разгрому подверглись два университета — Казанский и Петербургский. Из них были уволены лучшие преподаватели, сокращено число студентов, нанесен значительный урон качеству образования.

Но эпоха реакции в истории университетского образования в конце 10-х — начале 20-х гг. была относительно кратковременна: в 1826 г. Рунич и Магницкий были уволены с постов попечителей, в Петербургском университете был введен Устав 1804 г. Это говорило о постепенном отступлении реакции. Заложенные в на-

чале XIX в. основы университетской автономии до конца поколебать не удалось, что свидетельствовало о ее жизненности. Университеты по-прежнему оставались значительным фактором культурной жизни страны.

При всем положительном значении Устава 1804 г. за два десятилетия после его введения характер организации высшего образования пришел в противоречие с потребностями и нуждами экономической, политической и культурной жизни страны. Университетская структура уже не соответствовала уровню науки того времени. К тому же с восшествием в 1825 г. на престол Николая I изменилась общественно-политическая ситуация в России, отразившаяся на политике в области образования. Это выразилось, в частности, в стремлении императора распространить на университеты общие самодержавно-бюрократические принципы, что привело к определенному ограничению (но не уничтожению, как порой считают) университетской автономии Уставом 1835 г.

С начала подготовки реформы к этой работе были привлечены все университетские корпорации и многие профессора, представившие индивидуальные проекты: профессора А.В. Болдырев, М.Т. Каченовский, М.Я. Мудров, М.Г. Павлов, Д.М. Перевощиков и др. (Москва); М.А. Балугьянский (Петербург); Н.И. Лобачевский (Казань); И.Я. Кронеберг (Харьков). Эти проекты во многом повлияли на новую факультетскую структуру, введенную Уставом 1835 г.

Так, в Казанском университете в конце 20-х — начале 30-х гг. была сделана попытка осуществить ряд практических преобразований, в основе которых лежали научные и педагогические идеи Н.И. Лобачевского, ставшего в 1827 г. его ректором. Он видел задачу университета в распространении «просвещения по всему государству, во всех его сословиях и званиях», поэтому придавал большое значение организации «публичных курсов для понятий о науках». Студенчество Лобачевский рассматривал как «целостную величину», т. е. самостоятельную корпорацию, предлагал создать в Казани подобие студенческого городка с отдельными учебными корпусами и общежитием. Его стремление превратить Казанский университет в крупный научный центр и усилия в этом направлении обеспечили значительный подъем университета во второй половине 20-х гг. При Лобачевском развернуло свою деятельность Казанское общество наук, активно велись исследования в области краеведения на обширной территории Казанского учебного округа, охватывавшего Поволжье, Прикамье, Урал и Сибирь[44].

Окончание университетской реформы оказалось тесно связанным с политикой уваровского министерства. Долгое время эту политику трактовали лишь в плане пресловутой триады, что давало

превратную оценку Уварову — одному из наиболее выдающихся деятелей в области народного просвещения России. Именно в эпоху министерства Уварова окончательно сложилась оригинальная система университетского образования, вне которой российские университеты не смогли бы достигнуть такого расцвета, какого они достигли в 40-е гг. Профессор и выпускник юридического факультета Петербургского университета В.Д. Спасович, человек, которого не заподозришь в симпатиях к николаевской эпохе (он прямо противостоял уваровской триаде, называя себя «антицерковником, антинационалистом и антигосударственником»), вспоминая о своих годах учения в Петербургском университете (окончил в 1849 г.), писал: «Университет графа Уварова был университет не немецкий, не французский, но свой оригинальный русский, такой, каким его создали потребности общества. Устроен он был на довольно широких основаниях, несмотря на недостатки Устава 1835 г., и имел свои особенности и предания»[45].

Уваров стремился поставить дело воспитания молодежи на серьезную основу, придав ему систематический характер и обеспечив глубокую профессиональную подготовку, разумеется, в рамках определенной идеологии. Задача университета, по его мнению, была двоякой: общая — давать высшее образование молодежи и местная, «проистекающая от того края, в коем они учреждены». При этом Уваров считал необходимым учитывать региональную специфику университетов. В 1834 г. был открыт университет Св. Владимира в Киеве.

Принципиально новым явлением при подготовке университетского Устава 1835 г. стало обсуждение его на страницах правительственной печати. Это свидетельствовало о гласности в подготовке университетской реформы и стремлении создать широкую научную и общественную базу будущих университетских преобразований. Особую роль в этом отношении сыграл основанный в 1834 г. журнал Министерства народного просвещения.

К середине 30-х гг. университеты достигли такого высокого уровня развития, что неминуемо должны были перейти на качественно новую ступень, превратившись в самостоятельные учебно-научные центры. Лишившись административных функций по управлению учебными заведениями округа, они могли целиком сосредоточиться на своей основной задаче — подготовке специалистов высшего уровня, что во многом и предопределило подъем университетского образования в 40-е гг. XIX в. В это время происходило усиление роли факультетов в учебной и научной жизни университетов. Наметилась тенденция к дальнейшей их децентрализации, что, в частности, проявилось в образовании в некоторых из них отделений востоковедения, историко-политического

и словесного, физико-математического и естественного (на философском факультете), камеральных (на юридическом факультете) «разрядов» (подразделений).

Устав 1835 г. внес существенные изменения в факультетскую структуру, что отражало объективный процесс развития и дифференциации научных знаний. Это прежде всего сказалось на увеличении числа кафедр с 28 до 39. Вместо четырех отделений было организовано три факультета: юридический, медицинский (в Петербургском университете он отсутствовал) и философский. Последний состоял из двух отделений: словесного и естественного[46], каждое из которых возглавлялось деканом.

Большое внимание уделялось повышению уровня профессорско-преподавательского состава. Претенденты на профессорскую кафедру должны были не только обладать высшей ученой степенью доктора наук, но и представлять конкретные исследования по предмету кафедры и, наконец, иметь преподавательский опыт. Министерство стремилось поощрять выпуск учебных пособий по каждой из дисциплин университетского цикла и научных трудов. Систематически проводились конкурсы на лучшие учебники и научные труды.

Коренной реорганизации по Уставу 1835 г. подверглись педагогические институты в университетах. Если по Уставу 1804 г. в них принимались выпускники университетов, то теперь в пединституты могли поступать на казенный кошт выпускники гимназий.

Особое значение имело создание специальных кафедр российской и всеобщей истории, вопрос о которых был поставлен Советом Московского университета перед министерством еще в 1825 г. На кафедре отечественной истории Московского университета работали профессора М.П. Погодин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, М.М Богословский и др. Созданы были также отдельные кафедры всеобщей истории. Это способствовало появлению в российских университетах в 40-е гг. таких выдающихся ученых, как Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев (Москва), М.С. Куторга (Петербург), М.М. Лунин (Харьков).

По Уставу 1835 г., во всех университетах вводились новые кафедры: истории и литературы славянских наречий, что имело значение для укрепления научных и культурных связей России с южными и западными славянами и сыграло большую роль в становлении отечественного славяноведения. В 1840-е гг. их возглавили молодые, специально подготовленные ученые — О.М. Бодянский, И.И. Срезневский, П.Н. Прейс, В.И. Григорович и др.

Важным моментом явилось учреждение кафедр российской словесности и истории русской литературы вместо прежних ка-

федр «красноречия, стихотворства и языка российского» — последнее свидетельствовало о развитии филологии как науки. Их профессорами в столичных университетах стали академики И.И. Давыдов, С.П. Шевырев, а позднее — Ф.И. Буслаев (Москва); П.А. Плетнев и А.В. Никитенко (Петербург). Эти нововведения положили начало формированию современных исторического и филологического факультетов.

Уставом 1835 г. был создан специальный юридический факультет, что содействовало подготовке чиновников правительственной администрации и судебных органов, развитию правосознания в русском обществе. Значительное расширение университетского курса потребовало увеличения срока обучения студентов с трех до четырех лет (на медицинском факультете до пяти).

Таким образом, Устав 1835 г. подытожил важный этап в становлении государственной системы университетского образования во всероссийском масштабе. Отличительными признаками этой системы были следующие:

1. *Развитие сети российских университетов:* к середине XIX в. университетским образованием в той или иной степени были охвачены основные регионы страны.

2. *Создание государственной иерархической системы учебных заведений* во главе с университетами, окончательно разграничившей высшую и среднюю школу.

3. *Формирование университетской автономии,* которая не была уничтожена, а лишь введена в определенные рамки, что позволило университетам сосредоточиться на решении непосредственных учебных и научных задач. Противоречия между «учеными республиками» и самодержавно-бюрократическим аппаратом не только сохранились, но и усилились, однако общий удельный вес университетских корпораций в русском обществе повысился благодаря консолидации ученого сословия и осознания им своей профессиональной и культурно-просветительской миссии.

4. *Создание в российских университетах научных школ и направлений и выход отдельных ученых на мировой уровень* (Н.И. Лобачевский, Э.Х. Ленц, Н.И. Пирогов), что во второй половине века получило гораздо более широкое развитие.

5. *Постепенная выработка оригинальной методики преподавания,* сочетавшей жесткую сетку лекционных и практических занятий с поощрением научного творчества студентов (студенческие работы, доклады и статьи в журналах).

6. *Бесплатное обучение* (за счет государства) бедных студентов (казеннокоштных) и относительно незначительная (до 40-х гг.) плата за обучение своекоштных.



Степан Петрович Шевырев

7. *Образование прочных университетских традиций* — не только профессиональных, но и нравственных, основанных на широкой гуманистической подготовке и своеобразном чувстве «университетского братства».

8. *Устойчивость системы университетского образования*: классический тип российского университета, сложившийся в этот период, просуществовал с теми или иными изменениями до настоящего времени.

Реорганизованной университетской структуре должны были соответствовать и кадры профессоров, способных занять новые кафедры и преподавать дисциплины на уровне требований науки того времени. Основное внимание уделялось формированию новой генерации отечественных профессоров, как правило, прошедших стажировку за границей в крупнейших западноевропейских университетах и других научных центрах. Как вспоминал Д.И. Менделеев, «были употреблены для этого средства, избраны были самые лучшие люди и посланы, и получился контингент прекраснейших профессоров, у которых мы все были учениками»[47].

В 30–40-е гг. ведущим центром научной подготовки молодых претендентов на кафедры российских университетов стал Берлинский университет, созданный братьями В. и А. Гумбольдт, где преподавали Г. Гегель, Ф. Шеллинг, Л. Ранке, братья Я. и В. Гримм и др.

Стажировку в Берлинском университете прошли многие известные впоследствии ученые, долгие годы бывшие профессорами раз-

личных университетов. Среди них братья М.С. и С.С. Куторги, известный экономист В.С. Порошин, химик А.А. Воскресенский — учитель Д.И. Менделеева (Петербургский университет); из молодых профессоров Московского университета, занявших кафедры в 1840-е гг., стажировку в Берлине прошли историки Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев, Д.Л. Крюков; юристы П.Г. Редкин и Н.И. Крылов; физик М.Ф. Спасский; медики Ф.И. Иноземцев и А.М. Филомафитский и многие другие. В провинциальных университетах занимали кафедры историк М.М. Лунин (Харьков), юрист К.А. Неволин (Киев), медик Н.И. Пирогов (Дерпт), химик Н.Н. Зинин (Казань). Молодые выпускники стажировались и в других университетах Германии — Гейдельбергском, Геттингенском, Лейпцигском, Мюнхенском, Кенигсбергском и т. д., а также в университетах и научных центрах Праги, Вены, Парижа, Падуи, Лондона, Эдинбурга и ряде других. Всего заграничную стажировку прошли 113 ученых самых разнообразных специальностей, т. е. 57% общего состава профессоров. Во второй половине 30-х — 40-е гг. они определили собой научное лицо российских университетов середины XIX в.

Таким образом, можно сказать, что именно к этому времени правительство перешло от практики приглашения ученых-иностранцев к созданию системы подготовки собственных кадров профессорско-преподавательского состава. В 1840-е гг. В.Г. Белинский писал: «...мы нуждаемся в Европе, но уже не в иностранцах; нам надо следить за успехами в Европе наук, искусства, промышленности, но не выписывать оттуда людей для заведения того, и другого, и третьего, как было прежде»[48].

Немало усилий для организации и развития российской науки приложил С.С. Уваров, в то время министр народного просвещения и одновременно президент Академии наук. Он стремился вывести науку на европейский уровень, сохранив при этом ее соответствие «потребностям народа и государства». На рубеже 30—40-х гг. состав Академии пополнился многими молодыми университетскими профессорами, такими, как Э.Х. Ленц (Петербург), М.П. Погодин (Москва), И.М. Симонов (Казань) и др. Более того, в уставе Академии наук, принятом через полгода после университетского, в 1836 г., говорилось, что Академия «должна быть в сношении со всеми университетами... университеты же, со своей стороны, содействовать ей»[49].

Если в Академии преобладали фундаментальные теоретические направления, то университетское образование требовало развития также и прикладных отраслей, отвечающих потребностям данного времени. Университеты в этот период являлись регио-

нальными центрами развития научных школ и направлений. Так, центрами ориенталистики были Петербургский и Казанский университеты; математические науки определялись прежде всего Казанским университетом во главе с ректором Н.И. Лобачевским; в Московском начала складываться естественнонаучная школа К.Ф. Рулье; центрами юриспруденции стали как оба столичных университета, так и новый университет в Киеве и т. д. Можно согласиться с Г.Е. Павловой, что 30-е гг. «явились переломными в деятельности отечественной высшей школы, в научных исследованиях»[50]. Вопреки бытующему мнению о превращении университетов с этого времени в чисто учебные заведения, именно тогда проведение научных исследований становится для них не менее важной задачей, чем подготовка специалистов. Эти задачи были под силу лишь высококвалифицированному профессорско-преподавательскому составу, и не случайно именно в это время все большее число университетских ученых избирается в Академию наук. Можно даже сказать, что если в XVIII в. Академия наук в лице М.В. Ломоносова породила университет, то в XIX в. университеты возродили Академию.

В качестве полигона для общеуниверситетских преобразований министерство вновь, как и в начале века, избрало Московский университет, прочно утвердившийся в общественном мнении как всероссийский центр просвещения. Большой личный вклад в его реорганизацию внес гр. С.Г. Строганов, назначенный в 1835 г. попечителем Московского учебного округа. Просвещенный вельможа, покровитель искусств и любитель русской старины, в течение 37 лет возглавлявший ОИДР, Строганов всячески способствовал развитию публикаторской деятельности Московского университета. Под его руководством ежегодно издавался «Русский исторический сборник», регулярно выходили памятники древнерусской истории и письменности, описания нумизматических и археологических находок и т.д.

В исторической литературе принято акцентировать внимание на личной вражде между Строгановым и Уваровым и как следствие этого — на существовании в университете двух партий: «строгановской» и «уваровской». Не отрицая этого факта, следует отметить, что во второй половине 30-х — начале 40-х гг. и попечитель и министр действовали достаточно слаженно и оперативно при решении главной задачи этого времени — целенаправленного поиска высококвалифицированных педагогов и специалистов, способных подготовить новое поколение университетской молодежи. Сохранившаяся переписка между Строгановым и Уваровым свидетельствует об огромной и кропотливой работе, проделанной ими

по реорганизации Московского университета и обеспечению его кадрами.

Молодые профессора Московского университета новой формации осознавали себя не только педагогами и учеными, но и составной частью культурной жизни своего времени. Именно в 40-е гг. появляется особый тип профессора — педагога, ученого, и интеллигента — носителя гуманистических идей, сочетавшего в себе любовь к науке с вдохновенным отношением к искусству во всех его проявлениях. Вспомним хотя бы дружбу М.С. Щепкина, П.С. Мочалова, И.С. Тургенева, А.И. Герцена, Н.П. Огарева, В.П. Боткина, Н.Х. Кетчера с молодыми профессорами и преподавателями Т.Н. Грановским, Д.Л. Крюковым, П.Г. Редкиным, К.Д. Кавелиным и др.

Ведущее место в плеяде профессоров-гуманитариев Московского университета этого времени занимал Т.Н. Грановский. Не случайно 40-е гг. назывались «временем Грановского». Он развивал перед слушателями сложившиеся на Западе идеи гуманизма и, читая лекции по истории Средних веков и Нового времени, подводил их к мысли, что и в России под влиянием просвещения наступит эпоха Возрождения. Особое значение в общественной и культурной жизни Москвы имели его публичные лекции в 1843/44 году, в которых он пропагандировал идеи общечеловеческого прогресса как основы исторического развития всех без исключения народов, в том числе и народов России. Эти лекции как нельзя более отвечали умонастроениям студенческой молодежи, видевшей в Грановском своего кумира.

Наиболее яркой фигурой на отделении естественных наук философского факультета был К.Ф. Рулье. Занимая кафедру зоологии, Рулье в своих лекциях выходил далеко за рамки своей дисциплины, по существу, излагал основы естествознания в целом. Такой философски-обобщенный взгляд на развитие науки был теснейшим образом связан у Рулье с его общими эволюционистскими концепциями[51]. Примечательно, что в рамках «эпохи Грановского» в Московском университете применительно к естественным наукам говорят об «эпохе Рулье».

В числе профессорско-преподавательского состава Московского университета «строгановской эпохи» далеко не все профессора были его воспитанниками. По данным отчета за 1846 г., из 34 профессоров лишь 12 являлись его выпускниками, остальные окончили другие российские университеты и учебные заведения. Тем на менее новый состав профессоров Московского университета представлял собой гармоническое сочетание всего лучшего, что было во всех университетах того времени. Среди них выпускники: Петербургского университета — Т.Н. Грановский, Казанского —

Д.Л. Крюков, Харьковского — А.М. Филомафитский и Ф.И. Иноземцев, Виленского — Р.Г. Гейман, питомцы «школы Сперанского» Н.И. Крылов и П.Г. Редкин, выпускник Медико-хирургической академии К.Ф. Рулье и окончившие Московский университет уже после принятия нового устава С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин, Я.А. Линовский, Ф.И. Буслаев, А.Н. Драшусов и др. Все это укрепило значение Московского университета как общероссийского научно-методического центра.

В течение 12 лет (1835–1847) управления Строганова Московским университетом его кафедры почти полностью были заняты новыми профессорами, людьми высокой научной квалификации, как правило, прошедшими заграничную стажировку: в 1844 г. из 34 профессоров 29 имели ученую степень доктора наук.

«Ученое сословие» в российских университетах в целом носило разночинский характер. Так, по данным ЖМНП, в 1835 г. в шести российских университетах преподавало 264 профессора и преподавателя, из которых 196 — уроженцы России. Из них выходцами из духовного сословия было 27,5%, разночинцев — 16, купцов — 6,6, из мещан, крестьян и казаков — 5%.

Этот период можно назвать переходным «от патриархальности к научности». Профессора, подобные П.И. Страхову, А.А. Прокоповичу-Антонскому, И.А. Двигубскому, А.Ф. Мерзлякову, М.Т. Каченовскому, И.И. Давыдову, читавшие самые разнообразные дисциплины и курсы, уступали место ученым более строгой научной квалификации, что определило углубленный характер преподавания университетской программы, базировавшейся на широких научных и философских обобщениях.

Расширялась просветительская деятельность «ученого сословия». В 40-е гг. в стенах Московского университета читались публичные лекции: по истории — Грановским, по древнерусской литературе — Шевыревым, по естествознанию — Рулье, по сельскому хозяйству — Линовским, по физике — Спасским, по медицине — Филомафитским, по химии «для фабрикантов и заводчиков» — Гейманом. Эти лекции были популярны в среде московского общества разных сословий и собирали по нескольку сот человек. Лекции Грановского по западноевропейской истории и Шевырева по истории древнерусской литературы имели разную аудиторию, что было отражением в университете идейного противостояния «западников» и «славянофилов».

Во второй половине 30-х — начале 40-х гг. начался процесс формирования студенчества как целостной корпорации, объединенной общими научными, культурными, а впоследствии и политическими интересами. Не отрицая продворянского курса полити-

ки Министерства народного просвещения, выразившегося в серии гласных и негласных предписаний по «регулированию социального состава» студентов, следует отметить, что в целом к концу 40-х гг. университеты продолжали сохранять разночинский характер. Так, в Московском университете, наиболее многочисленном среди всех университетов (общее число его студентов с середины 40-х гг. превышало тысячу человек), представители дворянства составляли менее половины — 48%. Заметно упала доля выходцев из духовенства — $^1/_{10}$ всех студентов. Это свидетельствовало о том, что традиционный тип студента — бывшего семинариста постепенно уходил в прошлое. Для эпохи промышленного развития России более характерным стало увеличение числа выходцев из купечества и мещанства, что обусловливалось практической направленностью ряда дисциплин.

Конфессиональный состав студенчества Московского университета 40-х гг. свидетельствовал о его многонациональном характере. С 1835 по 1847 г. численность студентов православного вероисповедания (русских, украинцев, белорусов) снизилась с 85 до 61%, тогда как доля поляков-католиков возросла до 33% студенческого состава. Это в значительной степени произошло за счет перевода в Москву польской молодежи из закрытых Виленского и Варшавского университетов. В Московском университете учились также лютеране и реформаты (в основном немцы), а также представители армянской диаспоры; в его стенах находились также представители других конфессий, в частности мусульмане.

В 40-е гг. в связи с развитием сети среднего, прежде всего гимназического, образования были повышены требования к поступающим в университет, куда уже не «зазывали», как прежде, а строго отбирали на вступительных экзаменах. Тем не менее с 1836 по 1848 г. общее число студентов в шести российских университетах увеличилось вдвое — с 2 до 4 тысяч. Произошло перераспределение доли отдельных университетов в общем объеме обучавшихся студентов. Так, в 1835 г. первое место по числу студентов занимал Дерптский университет (567 человек), второе — Московский (410), третье — Харьковский (348), далее: Казанский (219), Петербургский (200) и Киевский (120 человек). В 1848 г. на первое место по количеству студентов вышел Московский университет (1165 человек), на второе — Петербургский (731), на третье — Киевский (663), четвертое место занял Харьковский университет (523). Всего в двух столичных университетах училось 46%, а на Украине — 30% всех студентов России. На Дерптский и Казанский университеты приходилось менее четверти студенческого состава — соответственно 606 и 395 человек. В этот период

были созданы специализированные высшие учебные заведения. И все-таки число выпускников университетов и вузов не удовлетворяло полностью потребности общества в учителях, врачах, инженерах, агрономах, образованных офицерах и чиновниках.

Наиболее отчетливо культурные и общественные процессы, происходившие в студенческой среде, отразились в Московском университете, являвшемся центром притяжения учащейся молодежи всей страны. А.И. Герцен писал в 1850 г.: «Московский университет становится храмом русской цивилизации... Цвет молодежи из соседних с Москвой губерний направляется в ее университет, и каждый год фаланга окончивших курс рассеивается по всему государству в качестве чиновников, врачей и учителей»[52].

Во второй половине 30-х — начале 40-х гг. в Московском университете учились будущие писатели, поэты и драматурги: А.А. Григорьев, А.Н. Островский, А.Ф. Писемский, А.В. Сухово-Кобылин, Я.П. Полонский, А.А. Фет; литературные критики: С.А. Юрьев и Д.М. Щепкин (сын актера); художник П.М. Боклевский, ученые и педагоги А.Н. Афанасьев, А.Н. Бычков, Н.В. Калачов, А.Н. Попов, К.Д. Ушинский, П.Л. Чебышев.

Особую когорту питомцев российских университетов 40-х гг. составили будущие деятели Великих реформ 60-х гг. Как справедливо заметил А.Ф. Писемский в автобиографическом романе «Люди сороковых годов», эти реформы «обдумывались... не в палатах тогдашних государственных мужей, а... в бедных студенческих квартирах и по скромным гостиным литераторов и ученых». Профессор И.Е. Андриевский, видный деятель в области университетского образования и истории местного самоуправления, справедливо заметил, что университетами 40-х гг. было «подготовлено целое поколение, которое отвернулось от крепостного права»[53]. Среди них реформаторы А.П. Заблоцкий-Десятовский, К.Д. Кавелин, Ю.Ф. Самарин, А.М. Унковский, кн. В.А. Черкасский, Б.Н. Чичерин, братья Д.А. и Н.А. Милютины (Московский университет); П.П. Семенов-Тян-Шанский, Я.А. Соловьев, кн. И.В. Васильчиков, М.Н. Любощинский (Петербургский); С.И. Зарудный (Харьковский), Н.Х. Бунге (университет Св. Владимира в Киеве) и др.[54]

12 января 1855 г. состоялось торжественное празднование 100-летнего юбилея Московского университета. Оно подытожило не только вековой период существования старейшего университета, но и полувековой период существования системы университетского образования. Несмотря на официальный характер юбилея, он послужил прологом к последующим переменам. С 1857 г. стал обсуждаться вопрос о выработке нового университетского устава. В этой работе, продолжавшейся шесть лет и закончив-

шейся принятием либерального Устава 1863 г., приняли участие такие профессора 40-х гг., как А.Н. Бекетов, Н.М. Благовещенский, В.П. Васильев, И.Я. Горлов, И.И. Ивановский, К.Д. Кавелин, Н.И. Костомаров, Э.Х. Ленц, А.В. Никитенко, Н.И. Пирогов, А.Н. Савич, С.М. Соловьев и др. В уставе нашли отражение многие неучтенные предыдущей реформой предложения университетских профессоров, разработанные еще во второй половине 20-х — начале 30-х гг.

* *
*

В пореформенную эпоху в России помимо уже существовавших открываются еще два университета: в 1865 г. преобразован в университет Ришельевский лицей в Одессе, получивший название Новороссийского; в конце 1880-х гг. реализована идея, вынашивавшаяся еще в начале XIX в., об открытии университета в Сибири. Учитывая многочисленные прошения и ходатайства купцов и предпринимателей, а также общественности, в 1880 г. было решено учредить Томский университет.

Применительно ко второй половине XIX в. можно говорить о динамике роста численности студентов российских университетов, что было связано с постоянным возрастанием культурного и образовательного уровня русского общества в пореформенные годы. В 1865 г. в семи университетах, включая только что основанный Новороссийский, училось 4125 человек. Наибольшее число студентов было в Московском университете — 1519. Всего через три года, в 1868 г., общее количество учащихся университетов увеличилось почти до 5 тыс., а уже к 1870 г. оно составляло 6585 человек. Число студентов продолжало увеличиваться и в 80-е гг. В 1885 г. в университетах училось уже 12 804 человек, 40% из них приходилось на столичные университеты: Московский (2874) и Петербургский (2282). Наименьшее число студентов обучалось в Казанском университете — 925 человек. В конце XIX в. (1899 г.) во всех российских университетах насчитывалось свыше 16 тыс. учащихся: в Московском — 4407, Петербургском — 3758 (что в сумме составляло почти половину общего состава студентов), Киевском — 2606, Юрьевском — 1733, Харьковском — 1387, Варшавском — 1114, Казанском — 818, Новороссийском — 714 и Томском — 447[55].

В то же время темпы роста численности студентов российских университетов значительно отставали от западноевропейских университетов, и выпуск студентов далеко не удовлетворял потребностей страны в образованных специалистах, даже с учетом значительного развития сети специализированных высших учебных заве-

дений. По неполным данным, с 1859 по 1900 г. российские университеты дали стране 58 тыс. специалистов, и среди них Московский университет — 19 тыс. (в сумме столичные университеты выпустили свыше половины студентов). Из них 23,5 тыс. составляли юристы, становившиеся чиновниками государственного аппарата Российской империи.

Если юристы набирались главным образом из детей дворян и чиновников, то медики, по давней традиции, — из разночинцев и семинаристов. В 1890 г. среди студентов медицинских факультетов дворяне составляли менее 40%, в том числе потомственных дворян было лишь 17%, детей духовенства — 25,5, мещан и цеховых — 15, купцов — 9, крестьян — 3,5%. Всего за 1859–1900 гг. университеты выпустили 22 тыс. врачей, а Медико-хирургическая академия — немногим более 5 тыс. И тем не менее в России на 100 тыс. человек приходилось всего лишь девять врачей.

После закрытия в 1859 г. Главного Педагогического института на университеты вновь, как и прежде, была возложена основная нагрузка по подготовке учителей. Они в полном объеме удовлетворяли потребность в учителях математики и естественных наук. Число студентов физико-математических факультетов превышало число филологов примерно вдвое, а с 90-х гг. — втрое и более, что «отражало общественный интерес к развивающимся точным наукам, к техническим знаниям»[56].

Несколько объективных факторов обусловили те достаточно существенные преобразования, которые претерпело университетское образование во второй половине прошлого столетия.

Первым и решающим обстоятельством явилось проведение в России реформ, благодаря которым было не только отменено крепостное право, но и введено земское и городское самоуправление, рекрутчина заменена всесословной воинской повинностью, серьезно преобразованы система образования и цензуры, реорганизована финансовая система страны. Развитие капиталистических отношений качественно изменило задачи, которые стояли перед системой университетского образования. Новое время потребовало существенно расширить круг лиц с высшим образованием и выдвинуло на повестку дня вопрос о подготовке кадров по совершенно новым для экономики России специальностям.

Потребности нарождающейся капиталистической экономики, модернизация общества обусловили необходимость увеличения числа специалистов-инженеров (в России, в отличие, например, от США, при университетах не было инженерно-технологических факультетов), а также широкого развития прикладных исследований в теплотехнике, геологии, различных отраслях техники,

химии и других областях. То же самое можно сказать и в отношении социальных наук. Так, только введение новых судебных уставов и появление в нашей стране системы адвокатуры и прокуратуры потребовали большого числа подготовленных для работы в новых условиях судейских работников. В свою очередь проведение в жизнь реформ земского и городского самоуправления привело к существенному росту внимания к социальной сфере, расширению числа земских училищ и больниц, которым также требовались новые кадры в гораздо большем количестве, нежели прежде. Правительство, подчиняясь велениям времени, вынуждено было допускать в более широких масштабах в университеты разночинцев наряду с выходцами из дворян и духовенства, традиционно составлявшими значительную часть российского студенчества.

Еще одним немаловажным фактором, определявшим судьбы университетов в дореволюционной России, было стремление государства при всех обстоятельствах сохранить достаточно строгий контроль за сферой образования вообще и высшего в частности. Это диктовалось соображениями борьбы с революционной опасностью, а также было обусловлено традиционно ведущей ролью самодержавия во всех сферах русской общественной жизни. Если технологический прогресс вызывал появление новых социальных теорий, ставивших под сомнение прежние устои, то рост социальных противоречий приводил к появлению революционных настроений. И именно в университетских стенах эти настроения чаще всего находили новых приверженцев. Таким образом, всю вторую половину XIX в. русское государство пыталось примирить потребность во все возраставшем числе образованных специалистов со стремлением избавиться от излишнего «либерализма» университетской жизни, способствовавшего распространению «вредных», с точки зрения правительства, идей.

Положение университетов изменилось с самого начала вступления на престол Александра II. Уже в 1855 г. были отменены практиковавшиеся ограничения по приему студентов в университеты, восстановлена практика посылки русских ученых, готовивших себя к профессорскому званию, в иностранные университеты, с 1859 г. вновь разрешено выписывать из-за рубежа научную литературу, не прибегая к услугам цензуры. С 1860 г. в структуре университетов появились упраздненные в период предыдущего царствования кафедры философии и государственного права. Организовывались новые структурные подразделения, что особенно заметно на примере естественных и медицинских факультетов университетов, где процесс дифференциации и специализации наук шел особен-

но быстро. Появление на кафедрах нового поколения молодых профессоров, ранее зачастую лишенных возможности преподавания из-за неблагонадежности, также внесло свежую струю в обучение. Теперь те идеи, за которые они были освобождены от работы на кафедрах, приветствовались и поощрялись. Так, профессора Н.Г. Устрялова на кафедре русской истории Санкт-Петербургского университета сменил ранее опальный Н.И. Костомаров, а кафедру истории российской словесности занял тогда 27-летний А.Н. Пыпин. В то же время в Санкт-Петербургском университете начал читать свои лекции идеолог русского либерализма К.Д. Кавелин.

Все эти процессы вольно или невольно способствовали тому, что сначала профессора, а вслед за ними и студенты все более втягивались в общественную жизнь. В своих лекциях профессора стали смелее затрагивать животрепещущие проблемы, что не могло не вызвать живого отклика со стороны молодежи. Ярким показателем этого является постоянный на протяжении всей второй половины XIX в. рост не только студентов, но и вольнослушателей. 1860 год ознаменовался расширением прав женщин. Именно в это время на юридический факультет Санкт-Петербургского университета была принята первая женщина-вольнослушательница, а к концу следующего полугодия вольнослушательниц можно было видеть уже и на других факультетах[57]. Впоследствии благодаря усилиям К.Д. Кавелина Совет Санкт-Петербургского университета ввел практику посещения женщинами занятий на правах вольнослушателей в законное русло, этому примеру последовали и другие русские университеты[58] (исключая Московский, где большинство профессоров высказались против такой практики).

В конце 50-х гг. обсуждение университетского вопроса в правительственных сферах, ученых кругах, в литературных салонах, на страницах периодической печати – как столичной, так и провинциальной — было всеобщим. Ни до, ни после этого университетам не придавалось такого большого значения в жизни страны в целом; «университеты казались тем рычагом, при помощи которого можно будет поднять общий культурный уровень народа и тем самым его благосостояние... В университетах видели мощную гуманизирующую и образовательную силу, способную не только сообщить слушателям конкретные сведения, но и всесторонне развить их сознание, привить им определенные этические нормы, и прежде всего стремление к истине»[59].

На этом фоне процесс подготовки и принятия Устава 1863 г., вошедшего в историю российских университетов в качестве наиболее либерального, изобилует достаточно бурными коллизиями.

В многочисленных статьях Н.И. Пирогова, Н.Х. Бунге, И.С. Аксакова, Н.И. Костомарова, других ученых и общественных деятелей мы находим очень широкий спектр мнений относительно будущности российских университетов и характера их деятельности. Так, Пирогов высказал тезис, который нашел отклик как у его сторонников, так и у оппонентов. Великий хирург подчеркивал, что «университеты были и до сих пор продолжают быть учебными учреждениями, приспособленными преимущественно к образованию людей должностных на службу государству»[60]. Из этого он делал вывод, что университеты обязаны служить прежде всего научным целям, а к службе должны готовить специальные учебные заведения. Развивая его мысли, Бунге, известный впоследствии государственный деятель, а в то время – ректор Киевского университета, выдвигал идею, которой было суждено осуществиться лишь в XX в., — об увеличении срока обучения в университетах до 5 лет, с тем чтобы первые два года были посвящены общим курсам факультетских наук, а остальные – углубленной специализации.

В связи с этим уже с конца 1850-х гг. в печати стали широко раздаваться голоса против «пассивного слушания» студентами лекций. При этом особая роль отводилась семинарским занятиям, которые Пирогов предлагал даже сделать основной формой учебного процесса, а многие профессора высказывались за ведение их наравне с лекциями. С 1865 г. в Московском университете на историческом факультете начинают организовываться исторические семинары, более приближенные к современным. На занятиях В.И. Герье по всеобщей истории и С.М. Соловьева по русской студенты обсуждали различные научные вопросы и курсовые работы. Профессорами Н.С. Тихонравовым и Н.И. Стороженко были организованы также филологические семинары. Семинары по истории, литературе, русскому языку и праву стали работать с начала 70-х гг. также в Петербургском, Киевском, Харьковском и Казанском университетах.

Основным методом преподавания во всех российских университетах по-прежнему оставался лекционный, хотя еще Уставом 1804 г. «профессорам некоторых наук, особенно словесных, философских и юридических», рекомендовалось проводить со студентами беседы, предлагая на их усмотрение изучение различных предметов, и тем самым приучать «их основательно и свободно излагать свои мысли».

Комиссия по подготовке нового устава собралась в ноябре 1861 г. Фоном ее стали непрекращающиеся студенческие беспорядки. Причиной тому был известный циркуляр министра народного просвещения Е.В. Путятина о запрещении студенческих организа-

ций, сокращении числа студентов, освобожденных от платы за обучение, проведение жестких мер против нарушителей внутриуниверситетского распорядка. В связи с происшедшими волнениями были проведены многочисленные аресты среди учащихся Московского и Санкт-Петербургского университетов, а Санкт-Петербургский университет решением Александра II и вовсе был закрыт до пересмотра университетского устава[61].

В связи с этим и мотивы, руководившие действиями участников Комиссии по пересмотру устава, были несколько смещены. Так, в состав Комиссии вошел барон М.А. Корф, перу которого принадлежат следующие строки: «Будем искренни с самими собою. Для того ли был предназначен пересмотр настоящего образования в наших университетах, чтобы ограничиться переменой отношений к ним попечителей, размножением числа факультетов, учреждением приват-доцентов и тому подобными мерами... и не было ли главной целью реформы совсем другое, именно, сколько возможно отвратить и предупредить на будущее те бедственные между студентами события, которыми омрачился исход 1861 г.?»[62] К чести работы Комиссии эти резоны не оказали существенного влияния на выработку основополагающих положений документа, более чем на 20 лет определившего лицо российских университетов.

Принятый в 1863 г. новый университетский устав дал университетским сообществам широкие права самоуправления. Он вводил во всех российских университетах единообразное деление на четыре факультета: физико-математический, юридический, историко-филологический и медицинский. Несмотря на это, на практике структура различных университетов несколько разнилась по составу как факультетов, так и отделений и кафедр на них. На-



В студенческой столовой

пример, в Санкт-Петербургском университете по-прежнему не было медицинского факультета, но зато с 1855 г. был факультет восточных языков, в Дерптском университете с самого его основания наличествовал лютеранский богословский факультет, а Томский университет при открытии имел в своем составе лишь медицинский факультет.

Общее число университетских кафедр во всех российских университетах увеличилось с 39 (по Уставу 1835 г.) до 57 (по Уставу 1863 г.), причем некоторые из них были созданы впервые[63]. Естественно, что существенному преобразованию подвергалось и штатное расписание университетов. Наряду со званиями заслуженного, ординарного и экстраординарного профессора было введено звание доцента. Общее число профессоров составило 57 против 39 в 1835 г. и 57 доцентов против существовавших, согласно прежнему уставу, 8 адъюнктов[64]. Оклад ординарных профессоров равнялся 3000 руб. в год, соответственно экстраординарных — 2000 руб. и доцентов — 1200 руб. Штатные расписания университетов, согласно новому уставу, вводили гораздо большее число преподавателей — с 265 в 1835 г. до 443, т. е. ровно $^{2}/_{3}$[65]. Однако на практике в среднем около трети кафедр пустовало, и даже столичные университеты по численности профессорско-преподавательского состава уступали западноевропейским[66].

Устав предусматривал создание большого числа лабораторий, кабинетов, музеев и клиник. Это, естественно, вело к важным изменениям как в учебном процессе, так и в научной работе университетских ученых. Такие нововведения стали возможны благодаря значительному увеличению государственных ассигнований на высшее образование. Если до реформы на ежегодное содержание пяти ведущих российских университетов отпускалось около 1 млн руб., то в послереформенный период эта цифра выросла более чем в полтора раза[67].

Уставом 1863 г. восстанавливались университетская автономия, выборность ректора и деканов, права университетского Совета в том объеме, в котором они были определены Уставом 1804 г. Но самостоятельность Совета оставалась ограниченной, поскольку министр сохранял право утверждать преподавателей.

Возросла роль факультетских собраний. Их основные полномочия сосредоточились на рассмотрении проблем, связанных с конкретным научным и учебным процессом на факультете, а также отбором стипендиатов для подготовки к профессорскому званию.

По предложению министра народного просвещения А.В. Головнина, одного из видных представителей так называемой «либеральной бюрократии», в 1862–1866 гг. в западноевропейские

университеты, главным образом германские, было направлено сто «профессорских стипендиатов», рекомендованных университетскими советами. Многие из них впоследствии заняли видное место в науке, и среди них физик А.Г. Столетов, химик В.В. Марковников, физиологи А.И. Бабухин, А.О. Ковалевский, И.И. Мечников, филологи А.Н. Веселовский, О.Ф. Миллер, А.А. Потебня, историки В.А. Бильбасов, В.И. Герье, юристы В.И. Сергеевич и Н.С. Таганцев и др.[68]

С середины 60-х гг. XIX в. Министерство народного просвещения, не отказываясь полностью от заграничного стипендиатства, взяло курс на преимущественную подготовку будущих профессоров непосредственно при самих университетах. Создание аспирантур сыграло важную роль в организации планомерной подготовки научных кадров. Так, в 70-е гг. общее число «профессорских кандидатов» составляло весьма солидную по тем временам цифру — 70—96 человек в год[69].

Крупными событиями общественной и культурной жизни России второй половины XIX в. были защиты докторских диссертаций, происходившие, как правило, публично, при большом стечении народа. Если в период максимального расцвета дореформенных университетов, с 1835 по 1848 г., во всех российских университетах было защищено 238 докторских диссертаций, из них 176 медицинских, интересовавших по большей части лишь специалистов, то за 12 лет после принятия нового устава, с 1863 по 1874 г., — в 2,5 раза больше — 589 (в том числе 242 медицинские). Однако характерным явлением стала концентрация крупнейших ученых сил в Москве и Петербурге, что наметилось еще при Уварове: во второй половине XIX в. почти каждая вторая диссертация защищалась в столичных университетах, что приводило к определенному «обеднению» провинциальных университетов, первоначально намеченных как равноправные научные центры и даже учрежденные раньше Петербургского, как было с Казанским и Харьковским университетами.

Таким образом, идея широкой университетской автономии, которую отстаивали либеральные круги русской общественности, в целом нашла свое воплощение в новом университетском уставе. Отстаивание идеи университетской автономии вливалось в общую борьбу прогрессивных кругов за демократизацию всей жизни страны, за широкое внедрение в нее начал коллегиальности и выборности. Университетский Устав 1863 г. был неотъемлемой частью проводившихся либеральных преобразований в стране, а академические свободы — составной частью общих свобод (личности, совести, собраний и т. д.)[70].

Университетская реформа 1863 г. представляла собой крупное событие в отечественной культуре. Она позволила заметно изменить к лучшему положение университетов, перестроить учебную и научную работу, что способствовало выходу их на мировой уровень, а также общественному признанию и повышению к ним интереса.

В 70–80-е гг. наряду с публичными лекциями, экспедициями для исследования богатств страны университеты брали на себя инициативу в важных общественных начинаниях, например в организации Высших женских курсов, устройстве выставок, открытии новых музеев[71]. Среди примеров общественно-просветительской деятельности достаточно назвать организацию Высших женских курсов под руководством профессора В.И. Герье в Москве и под руководством профессора К.Н. Бестужева-Рюмина в Петербурге. Большой резонанс в обществе вызвало проведение в Москве Этнографической выставки 1867 г., Политехнической выставки в 1872 г., экспозиция которой стала основой Политехнического музея. Можно вспомнить активную деятельность университетской профессуры по созданию ряда других музеев, получивших общероссийское значение, — Исторического, Музея изящных искусств им. императора Александра III и др. Большая часть их возникла и развивалась именно как университетские структуры. Таковыми были созданные при Московском университете Музей антропологии и Музей зоологии, которые до сего времени входят в его состав[72].

Отдельной темой является та общественная и научная деятельность, которую вели научные общества, очень часто работавшие на базе и в тесном контакте с крупнейшими университетами страны. Количественный рост научных обществ при университетах, общее число которых в период с 1868 по 1873 г. возросло с 10 до 20, говорит о влиянии, которое в те годы имело в общественном мнении образование и наука[73]. Научные общества способствовали развитию высшего образования и разработке новых отраслей науки. Это была, по мнению В.Р. Лейкиной-Свирской, «одна из форм участия интеллигенции в общественном деле. Научные общества не могли полнокровно существовать силами одних профессиональных ученых, их опорой была поддержка разных слоев интеллигенции... Ряд научных обществ перешел в пореформенную эпоху из прошлого, другие были созданы во второй половине XIX века»[74].

Наибольших успехов университетские научные общества достигли в области естественных и этнографических наук. Особо следует отметить основанное в 1863 г. Общество естествознания,

антропологии и этнографии, отличавшееся широтой научных интересов и стремлением к популяризации науки. Это «до некоторой степени академия, предметы деятельности которой обнимают не только все естествознание, но также и географию, топографию, антропологию и этнографию, некоторые отрасли педагогики, некоторые медицинские науки», — писал Д.Н. Анучин[75].

Важным фактором международной деятельности Московского университета стало участие его профессоров Бодянского, Буслаева, Погодина, Соловьева и других в организации Славянского благотворительного комитета (1858), одной из целей которого было оказание помощи славянам, приехавшим в Москву для получения образования. В декабре 1876 г. Совет университета принял постановление об ускоренном выпуске студентов последних курсов медицинского факультета для комплектования войск и учреждений санитарного профиля врачами, фармацевтами и ветеринарами. В июле 1877 г. была открыта добровольная подписка среди профессоров, студентов и служащих университета для учреждения стипендий детям воинов, погибших в русско-турецкой войне[76].

Следует отметить, что хотя в Устав 1863 г. не был включен пункт о праве университетов созывать научно-педагогические съезды, но с 1867 г. по инициативе профессоров Петербургского университета в различных университетских городах (Петербурге, Москве, Киеве, Казани, Варшаве и Одессе) стали регулярно проводиться съезды естествоиспытателей, в которых принимали участие профессора различных университетов и других учебных и научных учреждений — Д.Н. Анучин, А.И. Бабухин, А.Н. Бекетов, А.М. Бутлеров, С.В. Ковалевская, Д.И. Менделеев, И.И. Мечников, К.А. Тимирязев, А.С. Фаминицин, Л.С. Ценковский, П.Л. Чебышев, Г.Е. Щуровский и др.[77]

На заседаниях научных обществ, а также в Историческом музее и других научных и культурных учреждениях профессора-гуманитарии делали публичные выступления, имевшие большое значение для просвещения русского общества. Традиционно многочисленную аудиторию собирали публичные лекции по истории России Соловьева и Ключевского. Лекции профессоров-гуманитариев отличались самой разнообразной тематикой. П.Г. Виноградов читал лекции «О политических учениях в Греции», «О славянофилах», об историках Л. Ранке и Т.Н. Грановском; В.И. Герье — «О средневековом мировоззрении», по истории XVIII в., «О философии русского общества при Петре Великом»; М.А. Толстопятова — по археологии, А.Н. Попова — по истории Сербии (в пользу Славянского благотворительного комитета)[78]; профессор-античник К.К. Герц — по истории искусства; Ф.И. Буслаев и А.Н. Веселовский —

по истории русской литературы, Н.С. Тихонравов — «О Ломоносове в истории русского образования». Профессор кафедры всемирной литературы Н.И Стороженко неоднократно выступал с лекциями по различным проблемам английской литературы, и прежде всего по проблемам творчества Шекспира. В 1887 г. на заседании ОЛРС Ключевский выступил со статьей «Евгений Онегин и его предки». Следует также упомянуть о том, что в 1891 г. для руководства репертуаром русских театров был создан Театрально-литературный комитет, в работе которого принимали участие профессора Н.С. Тихонравов (председатель комитета), Н.И. Стороженко и А.Н. Веселовский.

Университетские научные общества сыграли важную роль в развитии отечественной науки и культуры в целом и благотворно влияли на университетскую жизнь, способствуя сближению университета с обществом и развитию научных интересов в студенческой среде.

Повышение научного потенциала российских университетов проявилось и в формировании научных школ, получивших международное признание.

Международное признание в области медицины получила деятельность физиологов А.О. Ковалевского и И.И. Мечникова (Новороссийский университет), Н.Е. Введенского и В.Ф. Овсянникова (Петербургский), П.Ф. Лесгафта (Казанский), знаменитого физиолога И. М. Сеченова – выпускника Московского университета, преподававшего в Новороссийском, затем в Петербургском, а под конец жизни в Московском университете. Общественное признание получила деятельность таких профессоров Московского университета, как физиолог А.И. Бабухин, терапевт Г.А. Захарьин, невропатолог А.Я. Кожевников, психиатр С.С. Корсаков, хирург Н.В. Склифосовский, педиатр Н.Ф. Филатов и гигиенист Ф.Ф. Эрисман.

Огромное влияние на развитие русской исторической науки оказала деятельность профессоров Московского университета — И.Д. Беляева, В.О. Ключевского, Д.Я. Самоквасова и С.М. Соловьева (русская история), В.И. Герье и П.Г. Виноградова (всеобщая); Петербургского университета — К.Н. Бестужева-Рюмина, Н.И. Костомарова, В.И. Сергеевича; Киевского — В.А. Бильбасова, В.С. Иконникова. В области юридических наук особую роль сыграли М.М. Ковалевский, С.А. Муровцев и Б.Н. Чичерин (Московский университет), П.Г. Редкин, Н.С. Таганцев и А.Д. Градовский (Петербургский университет). В области филологических наук особо значимой была московская школа (Ф.И. Буслаев, А.Н. Веселовский, Ф.Е. Корш, Л.Н. Майков, В.Ф. Миллер, Н.И. Стороженко, Н.С. Ти-

хонравов), деятельность которой сочеталась с петербургской (академики И.И. Срезневский, М.И. Сухомлинов и О.Ф. Миллер), харьковской (А.А. Потебня), киевской (А.А. Котляровский) и др. В области экономических наук прославились такие преподаватели, как А.И. Чупров и И.И. Янжул (Московский университет), Н.И. Зибер (Киевский); в области философии — В.С. Соловьев и М.М. Троицкий (Московский университет) и т.д.

Во второй половине XIX в. учеными российских университетов были сделаны крупнейшие научные открытия и решены важнейшие задачи в сфере народного хозяйства и здравоохранения. В этом отношении можно отметить разработанные Д.И. Менделеевым проекты развития нефтяной промышленности, подземной газификации, освоения Арктики и Северного морского пути; изучение кавказских месторождений В.В. Марковниковым; изыскания в области почвоведения В.В. Докучаева, в области сельского хозяйства — К.А. Тимирязева; исследования рыбных богатств, проведенные петербургским ихтиологом К.Ф. Кесслером; астрономические наблюдения Ф.А. Бредихина в обсерваториях на Трех Горах и в Пулковской; научно-технические изыскания Н.Е. Жуковского при строительстве московского водопровода; деятельность И.И. Янжула на посту фабричного инспектора Московской губернии и санитарно-эпидемические обследования фабрик и заводов Московской губернии, проведенные Ф.Ф. Эрисманом. Без профессоров университетов не обходилось «ни одно сколько-нибудь важное начинание правительства в хозяйственной, кодификационной, культурной областях»[79].

В 1890–1897 гг. по инициативе Н.Ф. Филатова на Девичьем поле был построен знаменитый «Клинический городок» Московского университета, состоявший из ряда институтов и клиник, возглавлявшихся крупнейшими профессорами медицинского факультета того времени. Значительные средства на сооружение его пожертвовали купцы Т.С. Морозов, Ю.И. Базанова и др.

Можно согласиться с мнением, что именно университеты во второй половине XIX в. явились основной базой для развития науки – как в отраслях, определявших экономическое развитие страны (геология, разработка и эксплуатация полезных ископаемых, металлургия, агрономия, технология, лесоведение, физика, химия), так и в важнейших гуманитарных науках – исторической, филологической и лингвистической, в политической экономии и юриспруденции. «Ученые в основном сливались с профессурой, задача которой состояла в подготовке кадров образованных специалистов и учителей средних школ, в передаче им достигнутого наукой уровня теоретических и методологических

знаний. В задачу профессуры входило также воспроизводство научной смены»[80].

Однако, характеризуя многочисленные положительные перемены, которые привнес в жизнь российских университетов новый устав, не стоит забывать и о том, что в условиях российской действительности, где бюрократическая традиция подавляющего государственного контроля над жизнью общества имеет давние и глубокие корни, «университетские вольности» порождали множество юридических и чисто психологических казусов и несостыковок, которые в свою очередь служили причиной постоянного напряжения в диалоге властей и университетской корпорации. В частности, это находило выражение в уходе в отставку в знак протеста против действий администрации и правительства многих ведущих профессоров университетов. Петербургский университет покинули такие известные ученые либерального направления, как К.Д. Кавелин, М.М. Стасюлевич, А.Н. Пыпин, Н.И. Костомаров. Никому из них больше не удалось вернуться к университетской педагогической деятельности. В 1866 г. вышли в отставку пять ведущих профессоров юридического факультета Московского университета во главе с И.К. Бабстом и Б.Н. Чичериным. В 1884 г. был уволен выдающийся ученый в области римского права профессор С.А. Муромцев, а в 1887 г. — его коллега М.М. Ковалевский, обвиненный в том, что отдавал предпочтение западноевропейским конституционным порядкам по сравнению с русским самодержавным строем. Наконец, в 1890 г. из-за столкновения с министром народного просвещения И.Д. Деляновым[81] был вынужден покинуть Петербургский университет Д.И. Менделеев.

И все же нельзя не отметить, что в указанный период российские университеты не знали таких явлений, как разгромы Казанского университета Магницким и Петербургского Руничем в 1819—1821 гг. или же Московского университета Л.А. Кассо в 1911 г.

Другое обстоятельство, подогревавшее страсти вокруг университетского вопроса, — не утихающее революционное брожение в студенческой среде. Студенческие волнения осени 1861 г. помимо протеста против повышения платы за обучение и отмены освобождения от платы малоимущих студентов (что вызывало резкое возражение и значительной части профессуры[82]) были вызваны также стремлением студентов к участию в университетском самоуправлении, идея которого совершенно не нашла отражения в Уставе 1863 г. Избиение и аресты нескольких сотен студентов Петербургского и Московского университетов и выступление в

их поддержку студентов провинциальных университетов привели к тому, что студенчество и правительство впервые выступили как враждебно настроенные друг против друга силы: не получив удовлетворения в корпоративных правах, студенты встали на путь борьбы с самодержавием.

В конечном итоге размер платы за обучение остался прежним, университетские советы сохранили право освобождать студентов от платы за обучение, был восстановлен университетский суд, а инспекторов студентов стали выбирать из лиц с университетским образованием. Но в то же время запрещались различные университетские кружки, даже музыкальные, театральные и литературные, не говоря уже о сходках.

В 1875 г. была создана Комиссия по переработке устава. Намерения правительства вскоре стали достоянием широкой общественности и предметом новой дискуссии в прессе. Большая часть представителей университетской корпорации высказывалась против преобразовательных планов министерства. Однако тут были и свои исключения. Широкий резонанс вызвали статьи профессора Московского университета Н.А. Любимова, который открыто выступил сторонником охранительной точки зрения. Подобный демарш члена университетской корпорации, направленный на урезание прав и свобод своего сообщества, вызвал бурю негодования коллег, вошел в историю и историографию университетского вопроса в России. Гораздо менее известны доводы, приводившиеся Любимовым в пользу ограничения университетской автономии. В своей программной статье «По поводу предстоящего пересмотра университетского устава» и ряде последующих публикаций[83] автор, характеризуя недостатки системы русского высшего образования, указывал, что студенты в России полагают, что либеральным является все оппозиционное существующему строю, и не получают достаточно твердого отпора в своих революционных заблуждениях. Эти негативные черты высшего образования, по мнению Любимова, обусловливаются тем, что лица высших общественных классов не стремятся в университет, так как университетское образование в России не является условием для достижения государственных должностей и для успехов на коммерческом поприще. Основная же масса учащихся рекрутируется из числа разночинцев и выходцев из духовного сословия, что ежегодно «доставляет университетам большой прилив крайних бедняков» и делает молодых людей податливыми на вредные общественные теории.

Причину столь печального положения вещей Любимов видит в ряде обстоятельств российской истории, обусловивших свое-

образие российской системы высшего образования. Среди них он называет отсутствие университетской корпорации в том виде, как она сложилась в Западной Европе, зависимость русских университетов от государственного финансирования. Так как университеты были созданы с государственной целью и под общим руководством государства, то и все российские профессора суть не только преподаватели, но и чиновники Министерства народного просвещения. Автор делал вывод, что «ныне действующая система едва ли может быть названа самоуправлением в точном смысле этого слова...»[84], на деле университетская структура мало отличается от любой другой чиновничьей структуры, к ней не применимы методы самоуправления университетской корпорацией в собственном смысле этого слова. Отсюда следовало заключение о необходимости пересмотра основных положений Устава 1863 г.

Выступление Любимова вызвало множество протестов со стороны членов университетских корпораций. В 1876 г. 36 московских профессоров подписались под коллективным письмом, в котором выражалось возмущение положениями, высказанными в его статьях. С московскими учеными солидаризировались профессора Казанского университета. Развернувшаяся вслед за тем полемика в печати была прервана при непосредственном участии министра народного просвещения гр. Д.А. Толстого, а принципиальная позиция Совета Московского университета, единодушно высказавшегося за подписание открытого письма, вызвала недовольство царя. Следствием этих событий стала отставка ректора Московского университета С.М. Соловьева[85].

На процесс подготовки и принятия университетского Устава 1884 г. большое влияние оказало убийство народовольцами 1 марта 1881 г. царя Александра II. Это событие дестабилизировало и без того хрупкое согласие в русском обществе. На фоне усилившихся студенческих беспорядков со всей очевидностью обнаружился раскол в либеральном лагере. На волне всеобщей растерянности были запрещены деятельность студенческих организаций, касс взаимопомощи, библиотек и даже научных студенческих обществ. Поэтому все попытки реорганизации университетской системы воспринимались не иначе как контрреформы. Да и в правительственном лагере хорошо понимали цену предполагаемых нововведений. Ровно через 5 дней после событий 1 марта 1881 г. К.П. Победоносцев писал Александру III: «Новую политику надобно заявить немедленно и решительно. Надобно покончить разом, именно теперь, все разговоры о свободе печати, о своеволии сходок и представи-

тельном собрании...»[86] Своеобразие же предполагаемой реформы, по образному выражению М.Н. Каткова, заключалось в том, что «реформа университетов была бы (и стала. – *Д. Г.*) первой органической мерой нынешнего царствования, за которой должны были последовать другие по судебному ведомству, местному управлению и пр.»[87]

Эти события определили необратимость пересмотра университетского устава. В марте 1882 г. для проведения в жизнь новой университетской реформы на пост министра народного просвещения был назначен И.Д. Делянов. Предложенный им проект нового устава вызвал достаточно острую дискуссию как в Государственном совете, так и в широких общественных кругах.

Проект нового устава неожиданно обнаружил большое количество противников. Их состав был достаточно пестрым и представлял широкую коалицию от обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева и государственного секретаря А.А. Половцева до известного либерального экономиста, бывшего министра финансов Н.Х. Бунге, бывшего министра народного просвещения А.В. Головнина и др. Характеризуя причины, заставившие всех членов этой группы выступить единым фронтом, Г.И. Щетинина справедливо отмечает, что «стремление к пересмотру реформ 60-х годов натолкнулось на противодействие той части правительственной группировки, которая выступала против ломки буржуазно-правового строя»[88]. Главным образом благодаря ее деятельности удалось избежать принятия изменений в новом университетском уставе в тех достаточно ультимативных формах, которые содержались в первоначальном проекте.

Чем же отличались положения нового университетского устава, одобренного Государственным советом и подписанного императором Александром III 23 августа 1884 г., от предшествующего документа? Основная идея, которая пронизывала все 6 разделов нового устава, заключалась в том, чтобы придать университетам вид и атрибутику государственных учреждений, а всех членов университетской корпорации практически приравнять к категориям государственных чиновников.

Вновь, как и в 1849 г., была отменена выборность ректоров и деканов: первые назначались министром народного просвещения сроком на четыре года, вторые — попечителем на тот же срок. Профессорские вакансии замещались с ведома министра народного просвещения, который по своему усмотрению мог не утвердить предложенную университетом кандидатуру (как это было в период действия Устава 1835 г.). Не решившись полностью упразд-

нить органы университетского самоуправления — университетский Совет и факультетские собрания, Устав 1884 г. тем не менее сильно ограничил их компетенцию. Ученые советы, которые стали собираться лишь 2—3 раза в год, не могли теперь своей властью даже перенести лекции с одного часа на другой; учебные планы каждого факультета и правила заведования библиотеками и научными кабинетами также утверждались лично министром; он же назначал состав государственных экзаменационных комиссий (из профессоров различных факультетов) для проведения выпускных экзаменов.

Достоинством нового устава стало утверждение прав приват-доцентов, которым разрешалось читать параллельные с профессорами курсы, что, как справедливо указывает П.А. Зайончковский, являлось, бесспорно, положительным фактом, способствовавшим подготовке профессорских кафедр. «Вместе с тем эта мера оказывала влияние на повышение качества читаемого профессорами курса»[89]. В результате в университетах произошла существенная перегруппировка соотношения штатных и сверхштатных преподавателей: если в 1881 г. в 8 университетах преподавало 635 человек, в том числе 104 сверхштатных, то в 1895 г. в 9 университетах насчитывалось 1035 преподавателей, из них почти половина (491) были сверхштатными[90].

Срок обучения в университете составлял 4 года для всех факультетов, кроме медицинского, программа которого была рассчитана на 5 лет. За слушание лекций вводилась плата, равная 5 руб. за полугодие. За специальные курсы студент платил непосредственно преподавателям, их читающим, и эта сумма составляла 75 коп. за недельный час на медицинском факультете и 1 руб. на остальных.

Несмотря на бурный процесс развития научных знаний, особенно в области естественных наук, количество кафедр, по Уставу 1884 г., по сравнению с предыдущим было увеличено лишь на три. Так, существовали две кафедры географии: физической для студентов физико-математического факультета и географии и этнографии для студентов историко-филологического факультета. В Московском университете обе эти кафедры возглавил Д.Н. Анучин, читавший курсы истории землеведения, географии Древнего мира, общего землеведения, общей географии, географии России и географии Западной Европы[91]. На юридических факультетах упразднялись кафедры древних и новых иностранных законодательств, истории славянских законодательств и основным предметом стало римское право. Неумеренное насаждение классицизма привело к тому, что на историко-филологических факультетах

была сделана попытка отменить специализацию по трем отделениям, превратив древние языки, историю и мифологию в основные предметы, но в 1889 г. был восстановлен прежний порядок преподавания[92].

Большие изменения вносил устав в университетскую жизнь. В число студентов принимали выпускников классических гимназий, а так называемые «реалисты» должны были сдавать латынь (и греческий для поступающих на историко-филологический факультет) по специальной программе. В «Правилах о приеме в студенты университета» прямо указывалось, что одним из главных условий приема является свидетельство о политической благонадежности, которое абитуриенты должны были представить от местной полиции, а студенты — ежегодно возобновлять. По-прежнему от поступавших в университеты лиц податных сословий требовались увольнительные свидетельства от самих обществ.

Устав разрешал работу по совместительству. И, как показала жизнь, большинство преподавателей совмещали работу в университете с преподаванием в других местах. Вновь вводилась форменная одежда, причем ее ношение было обязательным не только в стенах университета, но и вне их.

Вскоре после введения в действие Устава 1884 г. вопрос о специальных курсах стал предметом не столько научного, сколько полицейского интереса. Дело в том, что распространившаяся практика литографирования лекций порождала опасения, что содержащиеся в них мысли могут быть превратно истолкованы подрастающим поколением и будут способствовать его вовлечению в политическую деятельность. Так, например, вскоре после появления в 1893 г. литографированного курса П.Н. Милюкова, читавшего лекции по русской истории в Московском университете, на историко-филологический факультет поступило письмо из Московского жандармского управления, из которого следовало, что «у одного из обвиняемых в содеянном государственном преступлении... взята при обыске литографированная тетрадь, указывающая, что содержание ее составляет «Введение» в русскую историю приват-доцента Милюкова». Далее автор, жандармский полковник, курировавший университет, спрашивал, действительно ли изложенные во «Введении» идеи принадлежат П.Н. Милюкову и были читаны им в Московском университете[93].

Таких ситуаций в педагогической практике русских профессоров было немало. Даже маститый ученый того времени профессор Московского университета и учитель П.Н. Милюкова В.О. Ключевский явно нервничал, когда на глаза министру народного просвещения попался некий литографированный курс,

подписанный его именем. В ответе на официальный запрос своего сановного адресата В.О. Ключевский писал: «Я уверен, что этот экземпляр есть не что иное, как появившиеся в прошлом году в Москве литографированные записки по русской истории под моим именем без моего разрешения. Какие это записки, кем изданы – я не знаю. Доселе я не мог их достать и от меня их как будто намеренно скрывают»[94]. В конце концов поняв, что борьба с литографированием лекций не приносит желаемого результата, Министерство народного просвещения официально разрешило литографирование лекций и конспектов, введя, однако, ряд условий[95].

При переходе с курса на курс обучающиеся сдавали курсовые (а для медиков и полукурсовые) испытания[96]. К концу университета студент должен был сдать определенный минимум обязательных и необязательных дисциплин, чтобы быть допущенным к выпускным экзаменам. Последние проводились специально назначаемой министром народного просвещения для каждого факультета комиссией. Выдержавшие испытание получали соответственно качеству показанных знаний дипломы I и II степени. Окончившие университет, как и прежде, получали звание действительного студента, а представившие и защитившие диссертации — кандидата.

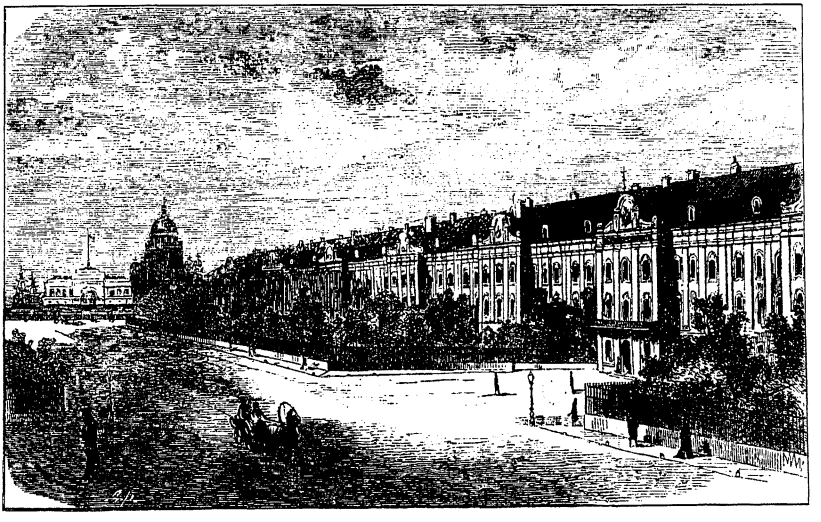
Материальное положение студента в конце XIX в. складывалось в основном из трех источников: это помощь из дома, стипендия и частные уроки, которые в большинстве случаев являлись одним из важных способов получения студенческого дохода. По Уставу 1884 г. число студентов, имевших право на освобождение от платы за обучение, было ограничено 15% от общего числа. Образ «бедного студента» как типичный для русских университетов, воспетый в художественной литературе и изображенный в живописи, стал непременным атрибутом общественной жизни пореформенной России. Вспомним хотя бы рассказ В.А. Гиляровского «Студенты» с описанием «Латинского квартала» в Москве между Бронными улицами и Козихой: «Одевалось студенчество кто во что, и нередко на четырех квартирантов было две пары сапог и две пары платья, что устанавливало очередь: сегодня двое идут на лекции, а двое других дома сидят; завтра они пойдут в университет. Обедали в столовых или питались всухомятку. Вместо чая заваривали цикорий, круглая палочка которого, четверть фунта, стоила три копейки, и ее хватало на четверых дней на десять»[97].

Несмотря на многие трудности в развитии системы высшего образования, в пореформенную эпоху происходил рост числа преподавателей в ведущих российских университетах, особенно к

концу столетия[98]. Он происходил прежде всего за счет приват-доцентов, которые в массе своей и составляли ядро сверхштатных преподавателей. Показательно, что именно в самом конце XIX в. прекращаются жалобы с мест на недостаток преподавательских кадров и незамещенность некоторых университетских кафедр, столь характерные для времени действия Устава 1863 г.

Вслед за принятием Устава 1884 г. Государственный совет подтвердил права и преимущества лиц, получивших высшее образование. Так, подтверждалось право доктора наук на 7-й, а магистра соответственно на 9-й класс гражданского чинопроизводства. Это обстоятельство имело свои последствия в отношении постоянного притока в университетские корпорации разночинных элементов. Любопытные данные динамики социального состава профессорско-преподавательского корпуса всех высших учебных заведений университетского типа, находящихся в ведении Министерства народного просвещения, приведены в монографии А.Е. Иванова, посвященной истории высшей школы России в конце XIX – начале XX в.[99]

Несмотря на то что среди профессоров российских университетов подавляющее большинство составляли дворяне, очевидна тенденция снижения доли потомственных представителей этого сословия (к 1917 г. она составила 33,4% по отношению к 41% в 1875 г.) и увеличение численности выходцев из чиновников, офицеров и иных категорий личных дворян. Заметен также рост представительства выходцев из духовного сословия, купцов и мещан.



Санкт-Петербургский университет. 1869 г.

Всего же, как показывают подсчеты, совокупная доля представительства буржуазных и мелкобуржуазных слоев общества выросла к 1917 г. на 5% и составила 41,5% против 37,5 в 1875 г. Все это демонстрирует не раз отмечавшуюся тенденцию формирования кадров русской профессуры именно из рядов разночинского сословия и как следствие этого — демократизацию высшего образования.

В.Р. Лейкина-Свирская подметила интересную тенденцию в этом процессе: в начале 60-х гг. состав профессуры был гораздо более демократичен, чем состав студенчества. Так, в 1861 г. в Московском университете среди профессоров и преподавателей дворян было 39%, а среди студентов — 65%; детей духовенства соответственно 24,4 и 10,7, разночинцев — 17 и 2%; мещан и цеховых — 10 и 11,6%. Но уже в 1880 г. в том же Московском университете среди профессуры потомственные дворяне составляли 33,7%, а среди студентов — 23%; личные дворяне и чиновники соответственно 12,5 и 23,5%; духовенство — 13,7 и 23,4; мещане 7,5 и 12,2%, а в 1896 г. разночинцев среди студентов было почти в два раза больше, чем среди профессоров. Можно согласиться с Лейкиной-Свирской, что это было «результатом социальной обстановки, в которой из массы учащихся могли подняться к верхам ученой профессии лишь малочисленные элементы, наиболее обеспеченные или наиболее энергичные из разночинцев», а также следствием «реакционных политических тенденций в подборе и комплектовании ученых кадров, которые ярко проявились в 80-х годах»[100]. С другой стороны, можно говорить и об изменении психологии дворянства, определенной его ассимиляции с общей массой разночинской интеллигенции, в том числе и университетской. «Разночинец, — писал С.Я. Елпатьевский, — это дворянин, ушедший из своего дворянства, поповский сын, не пожелавший надеть стихаря и рясы, купец, бросивший свой прилавок, мужик, ушедший от сохи и приобщившийся к образованию, генеральский сын, чиновничий сын»[101].

Все это в полной мере отразилось и на составе профессуры. За исключением С.А. Муромцева, владевшего имениями в различных губерниях, А.М. Бутлерова, В.В. Марковникова, А.И. Войкова, большинство профессоров российских университетов было из беспоместного дворянства, что сближало их с разночинцами. К ним относились братья А.Н. и Н.Н. Бекетовы, К.Н. Бестужев-Рюмин, Н.В. Склифосовский, Н.Е. Жуковский, К.А. Тимирязев. Сыном офицера и крестьянки был Д.Н. Анучин, внуком священника и сыном чиновника – Д.И. Менделеев. Из духовенства проис-

ходили С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, И.В. Цветаев, И.П. Павлов, А.И. Чупров, В.В. Докучаев. Сыновьями мелких чиновников-недворян были Ф.И. Буслаев и А.А. Белопольский; из купеческого сословия — физики П.Н. Лебедев и А.Г. Столетов и академик Ф.В. Овсянников, из крестьян — А.П. Богданов.

Вопреки продворянскому курсу Министерства народного просвещения, доля дворян в общей численности студенчества в 1876 г. составляла 46,5%; детей священников насчитывалось 28%, крестьян — 3%. Постепенно процент выходцев из духовенства снижался, что было связано со стремлением правительства исключить студентов из семинаристов как одну из наиболее демократически настроенных групп в студенческом движении. В 1879 г. семинаристов стали допускать в университет только после сдачи экзаменов в гимназиях по древним языкам.

Стремление реакционного дворянства к монополии в области высшего образования предопределило попытки искусственно изменить социальный состав студенчества, что нашло яркое отражение в печально знаменитом циркуляре министра И.Д. Делянова от 18 июня 1887 г., получившем в обществе название «указа о кухаркиных детях». В нем говорилось о прекращении приема в средние и высшие учебные заведения детей «крестьянина, казака, рядового, лакея, дворника, прачки». Опубликование циркуляра, как справедливо заметил П.А. Зайончковский, подорвало престиж самодержавия и вызвало негодование не только среди либеральной интеллигенции, но и среди правящего класса[102].

К концу XIX в. процент городских сословий (купечества, потомственных и личных почетных граждан, мещан) увеличивается, что отражало процесс буржуазного развития России и роста численности городского населения. В 1895 г. их доля составляла 40,9%, при этом преобладали представители низших слоев — мещане, разночинцы и ремесленники, составившие 33,2%, т. е. треть общего состава студентов (детей потомственных почетных граждан и купцов было 7,7%). Доля крестьян возросла до 6,8%, доля же дворян осталась на прежнем уровне — 45,5%. Характерное для развития капитализма в России стирание сословных перегородок сопровождалось увеличением в университетах числа детей лиц «интеллигентных профессий» (самих профессоров, учителей, врачей и т. д.), что свидетельствовало о тенденции к появлению потомственной интеллигенции[103].

Впрочем, как свидетельствовали подсчеты процентного соотношения представителей различных сословий в высшей школе в пореформенные годы и общей численности сословных групп, по данным Всеобщей переписи населения 1897 г., в высшей школе

обучалось 5,3% всех дворян, 1 — духовенства, 0,2 — городских сословий и 0,003% сельских сословий, т. е. из 100 тыс. сельского населения училось лишь 3 человека[104].

Таким образом, попытки правительства подчинить всю систему университетского образования воспитанию послушных самодержавию чиновников потерпели крах: после принятия реакционного Устава 1884 г. студенческое движение не только не прекратилось, но даже усилилось[105].

И тем не менее, несмотря на все противоречия, именно конец XIX — начало XX в. ознаменовались огромными культурными сдвигами в развитии страны, и громадная роль в этом принадлежит университетам и их сотрудникам. На волне общественного интереса к вопросам образования и самообразования университетские профессора деятельно участвовали в создании как новых образовательных заведений, так и учебных программ для них. Большое значение русское общественное мнение придавало развитию женского образования, в организации которого активно участвовала университетская профессура. Большинство университетских преподавателей были участниками разнообразных публичных лекций как в университетах, так и в различных обществах. Огромным интересом у общественности в этой связи пользовалась основанная для «жаждущей просвещения» публики в самом конце XIX — начале XX в. рядом известных русских профессоров специальная «Библиотека для самообразования». В ее цели входило издание работ и дидактических материалов к самостоятельному изучению различных научных дисциплин. В публикациях принимали участие такие известные московские профессора, как А.И. Чупров и П.Г. Виноградов. А в 1895 г. при Обществе распространения технических знаний в Москве начала работать Комиссия по организации домашнего чтения. Практически комиссия выпускала программы для чтения по различным разделам наук (математических, физико-химических, биологических, философских, общественно-юридических, исторических).

Еще в 1860 г. в Москве открылась первая воскресная школа, инициатором создания которой выступил профессор Н.С. Тихонравов, а в 1897 г. были организованы Пречистенские курсы для рабочих, лекции на которых читали И.М. Сеченов и другие профессора. Общественный подъем, характерный для второй половины XIX в., предопределил появление и развитие большой сети легальных общественных организаций, значительную часть которых составляли научные общества. И естественно, что университетские профессора были их душой и создавали ту атмосферу, без которой невозможен здоровый дух научного поиска[106].

Конец XIX в. ознаменовался появлением научных школ в различных сферах науки, которые очень часто ассоциировались с теми университетами, где они формировались. Так, в конце прошлого столетия громко заявила о себе школа физиков Московского университета, возглавлявшаяся П.Н. Лебедевым. Золотой медали Парижской выставки 1901 г. был удостоен профессор Петербургского университета А.С. Попов за изобретение беспроводной электрической связи. Трудами известного русского ученого, профессора Московского университета В.И. Вернадского было создано целое направление в изучении наук о Земле. Крупными успехами отмечено развитие биологии и медицины. Мировое признание получили такие ученые, как И.П. Павлов, основатель учения о высшей нервной деятельности; автор фагоцитарной теории иммунитета И.И. Мечников; основатель целого направления изучения физиологии растений К.А. Тимирязев.

В конце XIX в. целым рядом новых имен пополнилась историческая наука. Наряду с уже прославленным профессором Московского университета В.О. Ключевским там же началась творческая деятельность ученых его школы: П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, М.К. Любавского и др. В Киевском университете разворачивается научная деятельность по изучению украинской и белорусской истории М.В. Довнар-Запольского, а в Санкт-Петербурге наряду с С.Ф. Платоновым делают первые шаги его ученики:



В кабинете изящных искусств Московского университета. Конец XIX в.

Е.Ф. Шмурло, Б.Н. Романов и др. Известный историк, юрист и социолог М.М. Ковалевский не только явился одним из основателей отечественной школы социологии, но, будучи отстраненным от преподавания в Московском университете за свои политические взгляды и уехав за границу, основал в Париже Высшую русскую школу общественных наук, где считали за честь преподавать не только русские ученые и общественные деятели, но и профессора зарубежных высших учебных заведений.

Большую объединительную и просветительскую роль стали играть научные съезды по различным областям наук. Так, в становлении науки археологии выдающееся значение имели археологические съезды, собиравшие на свои периодические заседания большой круг интересовавшихся этой тогда еще новой наукой ученых и, по сути, разработавшие ее научный и понятийный аппарат. Огромный резонанс в обществе вызвали съезды Обществ любителей естествознания, антропологии и этнографии, русских естествоиспытателей, русских врачей и т. д.

Еще одним очень важным направлением деятельности университетской профессуры стало участие в редактировании и издании многих порою очень влиятельных общественно-политических и научных изданий. В опубликованном в 1913 г. в журнале «Русская мысль» автобиографическом справочнике можно найти практически весь цвет отечественной культуры конца XIX — начала XX в. Многие члены профессорских корпораций входили в состав редколлегий влиятельнейших газет, а иногда и сами выступали в роли издателей. Вспомним, например, что П.Н. Милюков долгие годы возглавлял редакцию органа кадетской партии «Речь», М.М. Ковалевский выпускал собственную газету «Страна», а в конце жизни стал владельцем журнала «Вестник Европы» и т. д.

XX век не только оставил после себя сложившуюся систему университетского образования, но и прочно утвердил огромное в русском общественном сознании значение университета как центра образования и просвещения. Слова известного ученого, идеолога российского либерализма К.Д. Кавелина, питомца Московского университета, профессора этого, а затем и Петербургского университета, произнесенные им в 1858 г., как нельзя лучше отражают роль университетов в культурном развитии страны: «...куда ни обратитесь: на всевозможных поприщах, во всевозможных общественных положениях — везде работают питомцы университетов... в верности службы, в любви к Отечеству, в способностях, в знании они никому не уступят»[107].

[1] О создании университета см.: ОПИ ГИМ. Ф. 247. Ед. хр. 8. Л. 1.

[2] См.: *Петров Ф.А.* Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования в России. Кн. I. М., 1998. С. 197–202, 285–299.

[3] Там же. С. 216–223.

[4] См.: *Снегирев И.М.* Воспоминание о профессоре Илье Ефимовиче Грузинове // Отечественные записки. 1822. № 1; *Петров Ф.А.* Указ. соч. С. 220–222, 262–283.

[5] *Карамзин Н.М.* О публичном преподавании в Московском университете // Вестн. Европы. Кн. XII. С. 262–267.

[6] См.: *Рожкова Э.Е.* Периодические издания Московского университета начала XIX в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1986. № 1.

[7] См.: *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902. С. 49, 53.

[8] История Вильнюсского университета (1578–1979). Вильнюс, 1979.

[9] Согласно Уставу 1804 г., ректор и профессора университета получали довольно высокие по тому времени чины — 5-го класса (статский советник) и 7-го класса (надворный советник), дававшие право на потомственное дворянство.

[10] В 1822 г. чины для выпускников университетов были повышены на две ступени: 10-й класс (коллежский секретарь) — для кандидатов и 12-й класс для так называемого «действительного студента», т. е. окончивших университет без диплома с отличием. Этот табельно-сословно-должностной статус ученых степеней действовал до 1917 г. (см. подробнее: *Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи XVIII в. — 1917 г. М., 1994).

[11] Следует отметить, однако, что доступ в дворянское сословие через университетскую карьеру при Николае I был затруднен. Императорским Манифестом от 10 апреля 1832 г. выпускники университетов стали получать личное почетное гражданство, а получившие высшие ученые степени — потомственное почетное гражданство. В 1845 г. повышение сословно-дворянского барьера было распространено и на должностной статус профессорско-преподавательского состава. Адъюнкты и профессора в чинах 8–6-го классов получали право на личное дворянство, и лишь чин статского советника давал право на потомственное. Таким образом, потомственным дворянином автоматически становился лишь ректор университета. Правда, к этому времени почти все профессора дослуживались до этого чина и даже выше.

[12] См.: *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1979. С. 33–32; *Шевченко М.М.* Сергей Семенович Уваров // Российские консерваторы. М., 1997. С. 110.

[13] Ученые степени разделялись на четыре группы: 1) богословские (они присваивались лишь в Виленском и Дерптском университетах); 2) юридические; 3) медицинские и философские, которые в свою очередь подразделялись на физико-математические и этико-филологические науки; 4) история, литература, языки (древние и новые).

[14] См.: *Петров Ф.А.* К истории профессорских корпораций в первой половине XIX в. Профессора-иностранцы на службе в России // Забелинские чтения 1995/1996. Тр. ГИМ. Вып. 105. М., 1999. С. 205–212.

[15] Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. 2-е изд. Т. I. СПб., 1875. Стб. 516–517.

[16] В Московском и Виленском университетах на казенном коште должно было состоять по 100 человек, в Дерптском и Казанском — по 40, в Харьков-

ском — 20 (см.: *Сточик А.М., Пальцев М.А., Затравкин С.Н.* Медицинский факультет Московского университета в реформах просвещения первой трети XIX века. М., 1998. С. 188–193).

[17] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1873. Стб. 532.

[18] О визитаторах см. очерк Е.К. Сысоевой «Народная школа» в настоящем издании.

[19] Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1809. № 13. С. 264.

[20] Подробнее см. очерк В.А. Федорова «Духовная православная школа» в настоящем издании.

[21] *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 65–66.

[22] *Герцен А.И.* Былое и думы // Собр. соч. Т. 4. М., 1956. С. 120–121.

[23] См.: *Лотман Ю.М.* А.Ф. Мерзляков как поэт // Избранные статьи. Т. 2. Таллин, 1992. С. 228–264.

[24] *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 11. М., 1950. С. 327–328.

[25] Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII — первая треть XIX в). М., 1990. С. 142–150; *Гончаров И.А.* В университете. Как нас учили 50 лет назад // Собр. соч. Т. 7. М., 1954. С. 208.

[26] *Сахаров А.М.* Историография истории СССР (досоветский период). М., 1978. С. 109.

[27] *Пиксанов Н.К.* Грибоедов и старое барство. М., 1926. С. 49.

[28] См.: *Нечкина М.В.* Грибоедов и декабристы. М., 1977; *Тарасов Е.И.* Детство и юность Н.И. Тургенева // ЖМНП. 1915. № 8; *Веселовский А.Н.* Александр Сергеевич Грибоедов. М., 1875; *Сорокин В.В.* Декабристы в Москве // Наука и жизнь. 1975. № 3. С. 12.

[29] См.: *Пигарев К.В.* Ф.И. Тютчев и его время. М., 1978. С. 19–21.

[30] *Насонкина Л.И.* Московский университет после восстания декабристов. М., 1972. С. 34–35, 38–39.

[31] См.: *Нечаева В.С.* В.Г. Белинский. Учение в университете и работа в «Телескопе» и «Молве». М., 1954; *Поляков М.Я.* В.Г. Белинский в Московском университете. М., 1947.

[32] *Герцен А.И.* Указ. соч. С. 107–108.

[33] См.: *Багалей Д.И.* Опыт истории Харьковского университета. Т. 1. Харьков, 1892. С. 237–240.

[34] См.: *Лавровский Н.А.* Педагог прошлого времени А.А. Дегуров // Русский архив. 1869. Стб. 1541–1553.

[35] Русский биографический словарь (далее — РБС). Т. 19. СПб., 1902. С. 432–433; *Багалей Д.И.* Опыт истории... Т. 1. С. 302–327; Т. 2. Харьков, 1893. С. 212–215.

[36] См.: *Прокудин Ю.Н.* Выдающийся русский ботаник Ю.Н. Черняев. Харьков, 1953; *Багалей Д.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 458–464, 497, 554–559.

[37] *Аксаков С.Т.* Воспоминания. Университет // Избр. соч. М.; Л., 1948. С. 290–303.

[38] См.: *Корсаков В.Д.* К.Ф. Фукс... // РБС. Т. 21. СПб., 1901. С. 243–249.

[39] См.: *Косачевская Е.М.* М.А. Балугьянский и Петербургский университет. Л., 1971.

[40] См.: *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. 1. Париж, 1989. С. 130–131.

[41] Воспоминания о Фр. Графе. Письмо президента Имп. Академии наук графа С.С. Уварова // Учен. зап. Имп. АН по I и II отделениям. СПб., 1853.

[42] РБС. Т. 2. СПб., 1902. С. 318–319. См. также: *Пекарский П.* О жизни и трудах Константина Ивановича Арсеньева. СПб., 1871.

[43] См.: *Симонов И.М.* Автобиография // Историко-астрономические исследования. Вып. I. М., 1955. С. 266–272.

[44] См. подробнее: *Каган В.Ф.* Лобачевский. М., 1948; *Нагаева В.М.* Н.И. Лобачевский как деятель просвещения // Тр. ИИЕТиТ. М., 1948; *Лобачевский Н.И.* О важнейших предметах воспитания // Материалы для биографии Лобачевского. М., 1948. С. 321–327; ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 45–47.

[45] *Спасович В.Д.* Собр. соч. Т. 4. СПб., 1910. С. 50.

[46] В структуру естественного отделения философского факультета были введены новые кафедры: зоологии, минералогии и геогнозии; сельского хозяйства, лесоводства; технологии и архитектуры.

[47] *Менделеев Д.И.* Соч. Т. 23. М., 1952. С. 150.

[48] *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. VII. СПб., 1904. С. 357.

[49] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. II. Царствование императора Николая I. Отд. I. 1825–1839 гг. СПб., 1875. Стб. 809.

[50] *Павлова Г.Е.* Организация науки в России в первой половине XIX в. М., 1990. С. 192.

[51] См.: *Микулинский С.Р.* К.Ф. Рулье и его учение о развитии органического мира. М., 1957.

[52] *Герцен А.И.* О развитии революционных идей в России // Собр. соч. Т. 3. М., 1956. С. 459.

[53] См.: *Кэссоу С.Д.* Университетский Устав 1863 г.: новая точка зрения // Великие реформы в России. 1866–1874. М., 1992. С. 333.

[54] Подробнее см.: *Петров Ф.А.* Российские университеты 40-х годов XIX в. и деятели Великих реформ // П.А. Зайончковский. 1904–1983 гг.: Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 205–219.

[55] См.: *Щетинина Г.И.* Университеты в России и Устав 1884 г. М., 1976. С. 176.

[56] *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 56–57, 69, 77–78, 136–137, 140–142, 148–150.

[57] История Ленинградского университета. Л., 1969. С. 115.

[58] См.: *Ферлюдин П.И.* Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Вып. 1. Саратов, 1893. С. 56.

[59] *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на путях реформы. Шестидесятые годы XIX века. М., 1993. С. 75, 94, 141–142.

[60] *Пирогов Н.И.* Избранные педагогические сочинения. М., 1953. С. 151.

[61] В связи с закрытием Санкт-Петербургского университета его студенты и преподаватели организовали так называемый «Вольный университет», доступный всем желавшим учиться. Это образовательное учреждение просуществовало с января по март 1862 г., пока не было закрыто полицией. Всего в нем работало 27 преподавателей, которые в среднем читали 36 часов в неделю. Плата за обучение колебалась от 1 до 2 руб. за полный курс (см. подробнее: *Аврус А.И.* История российских университетов. Саратов, 1998. С. 46).

[62] Цит. по кн: *Эймонтова Р.Г.* Указ. соч. С. 184.

[63] Так, в составе медицинских факультетов были открыты кафедры гистологии, эмбриологии, сравнительной анатомии и врачебной диагностики,

нервных болезней; на юридических факультетах – кафедры истории русского права, иностранного законодательства, истории славянских законодательств и византийского права (туда же была перенесена с отделения словесности кафедра политэкономии и статистики); на историко-филологических – сравнительной грамматики индоевропейских языков, истории всеобщей литературы; восстанавливалась также кафедра теории и истории искусства. На физических факультетах – кафедры технологической химии, агрономии, физической географии, механики. В Московском университете усилиями проф. Д.Н. Анучина была организована кафедра антропологии.

[64] ПСЗ-II. Т. 38. Отд. 1. № 39752; Т. 10. Отд. 1. № 8337.

[65] См.: *Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. М., 1994. С. 154.

[66] См.: *Эймонтова Р.Г.* Указ. соч. С. 207; *Щетинина Г.И.* Указ. соч. С. 45.

[67] См.: *Эймонтова Р.Г.* Указ. соч. С. 185.

[68] Люди русской науки. Т. 1. М.; Л., 1948. С. 134, 314–315; *Иванов А.Е.* Указ. соч. С. 79.

[69] *Иванов А.Е.* Указ. соч. С. 79.

[70] См. подробнее: *Петров Ф.А.* Либеральная профессура Московского университета в годы второго демократического подъема // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1975. № 3. С. 69–71.

[71] См.: *Щетинина Г.И.* Указ. соч. С. 40.

[72] Подробнее см.: История Московского университета. М., 1955. С. 345.

[73] См.: *Аврус А.И.* Указ. соч. С. 51.

[74] *Лейкина-Свирская В.Р.* Указ. соч. С. 199.

[75] Пятидесятилетие Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1913. С. 21. Подробнее о деятельности научных обществ см. в очерке М.С. Бастраковой и Г.Е. Павловой «Наука: "ученые средства" и "ученые силы"» в настоящем томе.

[76] Летопись Московского университета. 1755–1979. М., 1980. С. 83–84, 103–104.

[77] См.: *Эймонтова Р.Г.* Указ. соч. С. 216–218.

[78] Летопись Московского университета... С. 95.

[79] *Щетинина Г.И.* Указ. соч. С. 166.

[80] *Лейкина-Свирская В.Р.* Указ. соч. С. 175.

[81] См.: *Свастиков С.Г.* Опальная профессура 80-х годов // Голос минувшего. 1917. № 2. С. 42; Люди русской науки. М.; Л., 1948. С. 302.

[82] Так, К.Д. Кавелин писал в специальной записке осенью 1861 г.: «Едва ли теперь настало время ограничивать число университетских воспитанников, когда запрос на них по всем отраслям управления так велик, а в ближайшем будущем, с предстоящими преобразованиями, может сделаться еще больше» (*Кавелин К.Д.* Собр. соч. Т. 2. СПб., 1904). В защиту студентов выступали профессора П.В. Павлов, Н.И. Костомаров, И.И. Срезневский, Н.М. Благовещенский.

[83] См.: *Любимов Н.А.* По поводу предстоящего пересмотра университетского устава // Русский вестник. 1873. № 2; *Он же.* Записка о недостатках нынешнего состояния наших университетов // *Любимов Н.А.* Мой вклад: Статьи, записки, чтения, заметки. Т. 1. М., 1881; *Он же.* Мнение по поводу пересмотра университетского устава // Там же.

[84] *Любимов Н.А.* Мнение по поводу пересмотра... С. 5.

[85] См. подробнее об этой истории: *Щетинина Г.И.* С.М. Соловьев: факты биографии // История и историки. Историографический ежегодник 1979. М., 1982. С. 350–365.

[86] Письма Победоносцева Александру III. Т. 1. М., 1925. С. 317.

[87] Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. Полутом 1. М., 1925. С. 196.

[88] *Щетинина Г.И.* Университеты в России... С. 132.

[89] *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 330.

[90] См.: *Щетинина Г.И.* Университеты в России... С. 114, 158–162, 169.

[91] История Московского университета. Т. 1. С. 314–315.

[92] См.: *Щетинина Г.И.* Университеты в России... С. 155–158.

[93] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 514. Д. 26. Л. 1.

[94] *Ключевский В.О.* Письма, дневники, афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 171–172.

[95] Студент, которому профессор согласился поручить издание лекций от своего имени, должен был получить официальное разрешение факультета и инспекции. Издаваться литографированные курсы могли только не иначе как за подписью и от имени профессора, а печататься лекции должны были в университетской типографии. Доход от продажи тиража делился между издателем, типографией и автором (ЦИАМ. Ф.418. Оп. 225. Д. 45. Л. 31).

[96] С 1889 г. их распространили на все факультеты.

[97] *Гиляровский В.А.* Москва и москвичи. М., 1959. С. 195.

[98] См.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Указ. соч. С. 179; *Щетинина Г.И.* Университеты в России. С. 168.

[99] См.: *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX в. М., 1991. С. 224.

[100] *Лейкина-Свирская В.Р.* Указ. соч. С. 178.

[101] *Елпатьевский С.Я.* По поводу разговоров о русской интеллигенции // Русское богатство. 1905. № 3. С. 70.

[102] См.: *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие... С. 350–353.

[103] См.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Указ. соч. С. 61–65; *Щетинина Г.И.* Университеты в России... С. 71–73, 202–204; *Она же.* Студенчество и революционное движение в России. М., 1987. С. 28–30.

[104] Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. М., 1976. С. 560.

[105] См. подробнее: *Щетинина Г.И.* Студенчество и революционное движение в России. Последняя четверть XIX в.

[106] Подробнее о научных обществах см. в очерке М.С. Бастраковой и Г.Е. Павловой «Наука: “ученые средства” и “ученые силы”» в настоящем томе.

[107] *Кавелин К.Д.* Собр. соч. Т. 2. СПб., 1898. Стб. 1183.



Л.В. Кошман

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В XIX в. и в России, и в Западной Европе происходит становление профессионального образования как одной из областей системы просвещения и культурной жизни в целом. Этот процесс был связан с модернизацией общества, когда в результате развития машинной индустрии усложнялась техника и технология производства, появлялись новые отрасли, усиливалась связь науки с производством. Новые явления были выражением промышленного переворота, начавшегося в экономике России еще в последние предреформенные десятилетия.

Ученичество, издавна существовавшее в России, первоначально базировалось на устной традиции передачи производственного опыта в семье молодому поколению. С развитием мануфактуры оно теряло свой семейный характер, став общественно необходимым явлением, «непременным спутником» крупного производства, нуждавшегося в «обученных» рабочих.

Усложнение технических и технологических процессов в фабричном производстве предъявляло новые требования к техническому образованию. Оно все более начинало приобретать научно-прикладной харак-

тер, сохраняя функцию передачи практического производственного опыта.

Термин «профессиональное образование» впервые появился в 1863 г. во Франции в связи с обсуждением вопроса о преобразовании средней школы в классическую и профессиональную для деятельности промышленной, торговой и земледельческой[1].

Эти три основных направления профессионального образования характеризовали в первую очередь уровень культуры материального производства и состояние общеобразовательной и профессиональной культуры средних слоев (мещан, мелких купцов, разночинцев) и крестьянства, которые своей практической деятельностью в различных сферах промышленного, сельскохозяйственного производства определяли многие цивилизационные процессы, степень практического использования и распространения достижений прикладных наук[2].

Профессиональная школа как система специального образования складывается позднее общеобразовательной. Последняя является необходимым фундаментом для успешного профессионального обучения. К этому выводу пришли уже современники после неоднократных споров о приоритетности того или иного вида обучения.

Особенностью развития профессиональной школы в России было появление по инициативе правительства закрытых сословных учебных заведений, которые положили начало ряду крупных технических вузов. В XVIII в. учреждаются два учебных заведения: Горный институт в Петербурге в 1773 г. и Межевой институт в Москве в 1779 г. В дореформенный период это были средние технические училища, готовившие специалистов горного дела и землемеров[3]. Жизнеспособными оказались некоторые горные училища и заводские школы на Урале и в Сибири.

Первые профессиональные школы, появившиеся в России при Петре I (Навигацкая, Инженерная, Артиллерийская, Медицинская), просуществовали недолго. Правда, некоторые из них впоследствии были преобразованы в закрытые военные и медицинские заведения. Во второй половине XVIII в. приоритетным в политике правительства стало развитие общеобразовательной школы.

* *
*

В развитии профессионально-технического образования в России в XIX в. можно выделить периоды, внутренне связанные, но каждый из которых имел свои особенности: это дореформен-

ное время; 60–70-е гг.; последние два десятилетия XIX в. В основе данной периодизации лежат как общеисторические критерии (выделение до- и пореформенного времени), так и факторы, влиявшие на развитие самой профессиональной школы. Они определялись не только социально-экономическими тенденциями и реалиями, но и вниманием к этой сфере образования правительства, общественности, самих предпринимателей.

* *
*

В дореформенный период правительство сохраняло инициативу практически во всех начинаниях, касавшихся форм и путей распространения специального образования. Продолжали появляться закрытые сословные учебные заведения для детей дворян и чиновничества. В 1809 г. в Петербурге был открыт Институт инженеров корпуса путей сообщения, готовивший специалистов в области железнодорожного строительства. В 20-е гг. профиль института расширился за счет присоединения к нему военно-строительного училища, кондукторской школы, выпускники которой работали кондукторами, чертежниками, мастерами в Ведомстве путей сообщения. При Николае I Институт инженеров корпуса путей сообщения и Горный институт практически стали закрытыми военными заведениями.

Во второй четверти XIX в. в правительственных кругах осознавалась связь успешного развития мануфактурной промышленности с распространением технических знаний. Это находило, в частности, отражение во многих инициативах министра финансов Е.Ф. Канкрина. Определенную позицию в этом вопросе занимал Николай I, активно содействовавший распространению технических знаний наряду с введением других поощрительных мер с целью развития отечественной промышленности (создание Мануфактурного и Коммерческого советов, организация всероссийских промышленных выставок, издание специальных журналов и т. д.).

Таким путем правительство стремилось решить проблему освобождения отечественной промышленности от опеки иностранных специалистов. На протяжении многих последующих десятилетий она все еще оставалась чрезвычайно острой.

В первой половине XIX в. для более широкого распространения технических знаний правительство стремилось использовать общеобразовательную школу. При гимназиях, уездных училищах создавались специальные классы, отделения или курсы: реальные, коммерческие, сельскохозяйственные, межевые, лесные. По поло-

жению об устройстве учебных заведений 1803 г. в учебный план уездных училищ наряду с общеобразовательными вводился особый предмет — «начальные правила технологии, имеющие отношение к местной промышленности», с целью «открыть детям различного состояния необходимые познания, сообразные состоянию их и промышленности»[4].

В 1838 г. реальные классы были открыты при Курской и Виленской гимназиях, Рижском и Керченском уездных училищах. В них преподавались техническая химия, практическая механика, технология, рисование и черчение. Как правило, в этих классах преобладали посторонние слушатели, а не ученики гимназии или училища[5]. В 1839 г. было издано «Положение о реальных классах при учебных заведениях Министерства народного просвещения», законодательно закрепившее эту практику.

В 30-е гг. появляются реальные гимназии, в которых могли учиться дети податных сословий (за исключением крепостных крестьян). В Москве в 1839 г. была открыта 3-я гимназия «как вообще для удовлетворения усиливающейся потребности в образовании юношества, так и в особенности для преподавания в сем центральном пункте нашей внутренней промышленности технического курса наук»[6]. В данном случае Россия шла по пути, уже известному в Западной Европе, где обучение ремеслам, техническим знаниям осуществлялось в общеобразовательной школе. В конце XVIII — начале XIX в. оно было распространено в Англии, в меньшей степени в Германии. Но в целом в названных странах этот опыт оказался неудачным[7]. В России такой путь решения проблемы (вопрос о нем неоднократно поднимался и в пореформенное время) тем более не мог быть перспективным в силу явно недостаточного числа общеобразовательных школ. Кроме того, постепенное усложнение техники и технологии производства требовало профессионально подготовленных специалистов, прошедших обучение в специальных школах. Тем не менее ремесленные отделения, сельскохозяйственные классы сохранялись в начальной общеобразовательной школе и в пореформенное время.

В России, стране с аграрно-ориентированной экономикой, было слабо развито специальное сельскохозяйственное образование. Такое положение сохранялось практически на протяжении всего XIX столетия. Формой распространения сельскохозяйственных знаний, выходящих за рамки традиционного крестьянского опыта, первоначально стали образцовые учебные фермы, первая из которых появилась под Петербургом в 1801 г., но вскоре была закрыта.

Проблемами сельскохозяйственного образования в 20—30-е гг. занималось и правительство и общественность. В 1825 г. проект организации образцовых ферм внес в Государственный совет

Е.Ф. Канкрин. Проект был принят, но практически не осуществлялся. В 1833 г. с согласия и одобрения Николая I учреждается Комитет об усовершенствовании земледелия в России, который возглавил Н.С. Мордвинов, в то время председатель Вольного экономического общества. Среди мер, предлагаемых Комитетом, были следующие: открытие сельскохозяйственных школ, издание земледельческой газеты, устройство заводов сельскохозяйственных машин. Примечательно, что Государственный совет при рассмотрении проекта признал его «несвоевременным»[8]. Тем не менее некоторые из предложений Комитета нашли свое воплощение в жизни, в частности, с 1834 г. в Петербурге стала издаваться «Земледельческая газета»[9]. В 1840 г. в Горках Могилевской губернии открылась Земледельческая школа.

Образцовые учебные фермы получили распространение со времени учреждения в 1837 г. Министерства государственных имуществ. П.Д. Киселев, возглавлявший министерство, являлся сторонником специального образования для крестьян и считал, что «получение надлежащих сведений о сельском хозяйстве позволит им впоследствии создать образцовые усадьбы». В 40-е гг. было открыто 8 ферм, на которых обучались в подавляющем большинстве государственные крестьяне[10].

Учебные фермы существовали недолго, но известную пользу они принесли: примерно за 10–15 лет здесь прошло обучение около 2,5 тыс. человек. Однако большинство из них, занимаясь земледелием на своих участках, не вели «улучшенного хозяйства». Это было решающим аргументом для закрытия ферм в конце 50-х гг.[11]

В 20–40-е гг. появляются средние профессиональные училища. В Москве в 1822 г. была открыта Земледельческая школа, возникшая по инициативе Московского общества сельского хозяйства. В ней в основном учились дети крепостных крестьян, которых помещики впоследствии использовали как управляющих в своих имениях. Обучение было платным: первоначально 500 руб., позднее 350 руб. в год[12].

В учебном плане школы преобладали специальные предметы: земледельческая статистика; агрономия, включая земледелие; скотоводство с общими сведениями «науки скотоврачебной»; «основание лесоводства и садоводства»; сведения из сельскохозяйственной технологии. Большая роль в работе Земледельческой школы принадлежала профессору Московского университета М.Г. Павлову, директору школы и опытного школьного хутора. Он был из тех, кто обращал внимание на практическую сторону обучения.

Горыгорецкая земледельческая школа, открытая в 1840 г., состояла из двух разрядов: низший готовил «сведущих земледельцев», высший — агрономов. В 1848 г. высшее отделение было пре-



Тимофей Васильевич Прохоров,
основатель первой в России фабричной школы

образовано в Горыгорецкий земледельческий институт, получивший права высшего учебного заведения. В дореформенное время он являлся единственным в России сельскохозяйственным вузом, готовившим агрономов. Низшее отделение Горыгорецкой школы осталось средним учебным заведением[13].

Важным событием в становлении профессионального образования в России стало появление в 1831 г. в Петербурге Практического Технологического института и годом раньше в Москве — Ремесленного училища. Это старейшие в России технические учебные заведения, существующие и по сей день. В дореформенный период оба были средними гражданскими учебными заведениями, в которых получали образование выходцы из демократических слоев, люди свободных состояний. В Технологический институт крепостные не принимались. В Положении Ремесленного училища отмечалось, что окончившие его «становились вольными». Вероятно, крепостные крестьяне иногда поступали в Ремесленное училище.

Мысль об открытии Технологического института с целью «способствовать распространению и прочному устройству мануфактурной промышленности» принадлежала министру финансов Е.Ф. Канкрину. Первоначально предполагалось открытие института в Москве, но попытка оказалась неудачной. Точно так же не состоялось открытие в Москве Технологического училища, с идеей которого выступил в 1832 г. Т.В. Прохоров, один из владельцев Трехгорной мануфактуры. Ни купеческое общество, ни прави-

тельство не поддержали эту инициативу. По мнению К.В. Прохорова, высказанному в 60-е гг., причиной подобной неудачи было «холодное расположение фабрикантов к научному изучению своей фабрики»[14]. Правительство же, учредив Технологический институт в Петербурге, считало излишним открытие подобного учебного заведения в Москве, где в это время уже было Ремесленное училище.

Во времена основания в Петербурге Технологического института существовало убеждение, что техническое образование должно быть практическим. Этого принципа придерживалась даже такая промышленно развитая страна, как Англия[15]. Это направление было главным в деятельности института, что нашло отражение в самом его названии — *Практический Технологический институт.*

Наряду с общеобразовательными предметами, объем которых всегда был достаточно большим в технических училищах, в институте среди специальных дисциплин преподавались прикладная механика, технология, физика, химия, товароведение, бухгалтерия. Выпускники должны были стать управляющими фабрик, технологических отделов на текстильных предприятиях, техниками по обеспечению работы машин. В 1842 г. при Технологическом институте создается новое отделение пансионеров Петербургской железной дороги, строительство которой началось в этом же году. Его открытие было продиктовано необходимостью подготовки кадров для строительства железных дорог.

В Технологическом институте ежегодно обучалось 132 казенокоштных воспитанника и приходящих ученика — дети мещан купцов, разночинцев. Плата за обучение составляла первоначально 75—100 руб., затем 200 руб. серебром в год[16].

Ремесленное московское училище, открытое в 1830 г., выросло из учебных мастерских Воспитательного дома. Первоначально здесь обучались только его воспитанники — 300 «ремесленных питомцев». С 1844 г. принимались и «вольноприходящие», которые платили за обучение до 70 руб. серебром в год. Училище соединяло начальную и среднюю техническую подготовку, ставя целью «готовить хороших практических ремесленников и образовывать искусных мастеров»[17].

В России отечественные специалисты со средним техническим образованием стали появляться в 40-е гг. В 1837 г. состоялся первый выпуск Практического Технологического института, в 1839 г. — Ремесленного училища. До 1860 г. Технологический институт окончило немногим более 500 человек, Ремесленное училище с 1839 по 1867 г. (в 1867 г. оно получило статус высшего учебного заведения) — 545 человек, т. е. примерно столько же[18].

В 40-е гг. на промышленных предприятиях впервые была введена должность губернских механиков. На нее назначались, как правило, выпускники Технологического института. Губернские механики работали в Московской, Владимирской, Ярославской, Тверской, Рязанской, Пензенской и некоторых других промышленно развитых губерниях, «способствуя, как отмечалось в отчете Департамента мануфактур и торговли за 1851 г., введению различных устройств и улучшениям в фабричном производстве»[19]. С целью поощрения отечественных специалистов в 50-е гг. для выпускников Технологического института было введено звание инженера-технолога вместо прежнего «ученый мастер».

На заводы и фабрики поступало около 50% выпускников института, остальные работали на железных дорогах, занимались административной деятельностью (земские архитекторы, губернские механики), педагогической[20].

В газете «Мануфактурные и горнозаводские известия», в одной из заметок, опубликованных в 40-е гг., отмечалось, что «было бы несправедливо не воздать должной почести и хвалы усердию, энергии и знаниям того ученого корпуса инженеров, на который возложено великое призвание распространять ремесленность и промышленность»[21]. Процитированные строки относились к П.П. Аносову, изобретателю булатной стали в России, выдающемуся ученому-практику в области металлургии, выпускнику Горного института. Конечно, «ученый корпус инженеров» в России был еще невелик. К тому же иностранцы, в 30—40-е гг. державшие в своих руках техническую часть русской промышленности, встречали крайне враждебно первых воспитанников отечественной школы. «Используя свое влияние на фабрикантов, — отмечал автор очерка по истории Технологического института, — иностранцы-техники заставляли их долгое время настороженно относиться к русским техникам. Это явление, ослабевшее теперь (в 90-е гг. — *Л. К.*), по истечении полувека, в ту пору было очень сильным»[22].

Техническая школа в России уже в первой половине XIX в. воспитала блестящих инженеров, деятельность которых оставила заметный след в развитии культуры материального производства, в истории отечественной науки.

Разностороннее математическое и инженерное образование получали выпускники Института корпуса инженеров путей сообщения. Петр Петрович Мельников, один из известных специалистов в области железнодорожного транспорта, окончил институт в 1825 г. Он был автором (совместно с Н.О. Крафтом) проекта Николаевской железной дороги между Москвой и Петербургом. В середине 30-х гг., будучи профессором института, ввел в курс при-

кладной механики раздел о железных дорогах, в 1835 г. издал книгу «О железных дорогах», которая долгие годы служила основным пособием для специалистов. В 1858 г. П.П. Мельников был избран почетным членом Петербургской Академии наук.

Заботясь о развитии технического образования в России, П.П. Мельников завещал (он умер в 1880 г.) все свои личные сбережения на содержание начальной железнодорожной школы, открытой им на станции Любань для детей низкооплачиваемых железнодорожников[23].

Основателем русской научной школы в области строительной механики и мостостроения был Д.И. Журавский — выпускник Института корпуса инженеров путей сообщения 1842 г. Под его руководством осуществлялись работы по сооружению железнодорожных мостов дороги из Петербурга в Москву. Он участвовал в проектировании и строительстве мостов через Оку, применил новую железную конструкцию при замене деревянного шпиля собора Петропавловской крепости. Созданный им шпиль Петропавловской крепости высотой 50 м украшает Петербург и сегодня. Сочинения Журавского по теории мостостроения в 1855 г. получили Демидовскую премию[24].

Известным инженером-строителем был А.И. Дельвиг — один из организаторов Русского технического общества и его первый председатель. Дельвиг руководил строительством многих крупнейших сооружений, например строительством водопровода в Москве, Нижнем Новгороде, Твери, нескольких шоссейных и железных дорог, переправ в горах Кавказа. В 1853—1855 гг. он провел работы по переустройству Мытищинского водопровода, который значительно улучшил водоснабжение Москвы. Дельвигу принадлежит первое в России и одно из лучших того времени «Руководство к устройству водопровода» (1856). Оно было удостоено Демидовской премии и долгое время служило пособием при проектировании и строительстве водопроводов в городах России[25].

В первой половине XIX в. появляются почтово-телеграфные училища, потребность в которых стала ощущаться с развитием информационной системы, почтового обслуживания, с первыми опытами практического использования телеграфа. В 1823 г. телеграфное училище было открыто при Санкт-Петербургском почтамте. В него принимались дети почтовых служащих. В школе они знакомились с почтовой географией, почтовыми правилами и инструкциями, началами французского и немецкого языков. После ее окончания выпускники оставались работать в почтовом ведомстве канцелярскими служащими, станционными смотрителями. Ежегодно училище заканчивало 12—18 человек. Однако в 1876 г. оно было закрыто «ввиду значительных издержек»[26].

Училища по подготовке телеграфистов появились в системе Железнодорожного ведомства. В 1840 г. в Петербурге была учреждена Сигнальная школа, где изучались русский язык, чистописание, телеграфный устав. В 1864 г. эта школа перешла в ведение Почтового департамента «ввиду окончательного устройства обширной сети телеграфных линий и единства назначения их с почтовыми сообщениями»[27].

В дореформенное время в России появлялись отдельные формы и типы специальной школы, происходила известная их специализация. Однако система профессионально-технического образования еще не сложилась.

Продолжала сохраняться традиционная система ученичества — обучение мастерству непосредственно на производстве. Эта форма обучения рабочих получила достаточно широкое распространение в начале XIX в. в Англии. Правда, ученики здесь отдавались в учение к хозяевам ремесленных заведений уже после окончания ими курса начальной общеобразовательной школы. По мнению Н.Х. Весселя, известного педагога, автора многих работ по проблемам профессионального и общего образования, английская система обучения детей ремеслам у хозяев была наиболее приемлема для России[28]. Вероятно, поэтому даже в конце XIX в. подавляющее большинство рабочих продолжало получать квалификацию путем ученичества на фабриках, без общетеоретической технической подготовки[29].

Первые начальные профессиональные училища в России, так называемые «фабричные школы», открывались на средства владельцев текстильных предприятий. Впервые такая школа появилась в 1816 г. в Москве при Трехгорной мануфактуре Т.В. Прохорова. Прохоровы принадлежали к образованному кругу московской буржуазии. Тимофей Васильевич хорошо знал многие современные ему экономические сочинения, в подлиннике читал немецких экономистов, интересовался политической экономией Адама Смита. Сам он называл себя философом-самозванцем. Вместе с другими фабрикантами он слушал публичные лекции по технической химии профессора Московского университета Р.Г. Геймана. Будучи в Германии, Т.В. Прохоров уделял много времени изучению постановки технического образования. «Не учась, — писал он, — нам, русским, в состязание с иностранными купцами входить невозможно; при отсутствии технического образования русская промышленность не в состоянии пойти рука об руку с европейской»[30].

В фабричной школе Т.В. Прохорова первоначально преподавались предметы, дающие элементарную грамотность, но постепен-

но появлялись и специальные курсы: черчение, «узорчатое» рисование, фабричное счетоводство; много времени отводилось практическим занятиям: резьбе по дереву и металлу, набойке, ткацкому, столярному, слесарному мастерству.

Обучение велось по вечерам, элементарное образование получали и дети рабочих, и сами рабочие мануфактуры, и дети некоторых промышленников. В 30-е гг. помимо существовавшей с 1816 г. школы братья Прохоровы открыли еще две школы «для бедных мещанских детей». С 1822 по 1856 г. (за этот период имеются сведения) эти школы окончило около 5,5 тыс. человек, составивших контингент специалистов, низших служащих Трехгорной или «с особого дозволения гг. Прохоровых» других близлежащих мануфактур. Некоторые из выпускников со временем становились мастерами своего дела. Одним из них был Т.Е. Марыгин. Талантливый колорист, он в течение нескольких десятков лет возглавлял художественную часть прохоровской мануфактуры, и набивные платки, саксонские, персидские шали с его рисунками всегда пользовались успехом на рынке[31].

В Москве и уездах Московской губернии примеру Прохоровых последовали владельцы бумаготкацких, ситцевых, шелковых, суконных мануфактур. В 40—50-е гг. в губернии действовали 34 фабричные школы. Многие из них в силу разных причин вскоре были закрыты. Однако школа Прохоровых, пережив ряд реорганизаций, продолжала существовать вплоть до начала XX в. В эти же годы такие школы стали открываться во Владимирской губернии, в селе Иванове — одном из крупных центров хлопчатобумажного производства в России.

Появление и распространение фабричных школ следует рассматривать в связи с начавшимся техническим переоснащением промышленного производства в период становления фабричной индустрии. «Фабрика достигала своего совершенства по мере образования своих мастеровых», — сообщалось в одной из корреспонденций «Журнала мануфактур и торговли»[32]. Несмотря на частный характер фабричных школ, правительство следило за программой преподавания в них. В 40-е гг. в связи с увеличением таких школ была введена даже должность инспектора, которому в одной из инструкций указывалось на необходимость «общего направления и одинаковость программ преподавания» в фабричных школах.

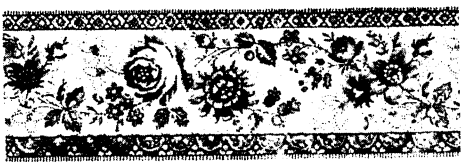
Помимо фабричных школ во второй четверти XIX в. появляются и другие формы начального образования. В 1825 г. в Москве стала действовать открытая гр. С.Г. Строгановым школа технического рисования, положившая начало художественно-промышленному образованию в России[33]. По ее окончании ученики поступа-

ли учителями рисования в гимназии, рисовальщиками на ситценабивные мануфактуры. Обучение в школе было бесплатным, что в то время встречалось редко. Подобные учебные заведения были сосредоточены в основном в столицах. В Москве в 50-е гг. работали 10 таких школ и классов технического рисования, в которых обучалось 900 человек. Основную массу учеников фабричных школ и училищ технического рисования составляли дети мещан, цеховых и купцов. Учились в них и крестьяне, среди которых были и крепостные[34].

Несмотря на несомненную важность школ технического рисования, они в рассматриваемый период не были востребованными в полной мере. В одной из журнальных корреспонденций конца 30-х гг. отмечалось: «...прискорбно, что школа (школа Строганова. — *Л. К.*) основана для пользы заводчиков и фабрикантов, а они менее всего обращаются к ней с своими нуждами»[35].

И все же с конца 30-х — в 40-е гг. XIX в. в среде российских промышленников, особенно связанных с текстильным производством, начинает ощущаться новое отношение к проблемам технического образования, осознание его важности и пользы. Показателем этого было не только появление фабричных школ, но и большая заинтересованность самих предпринимателей в получении технических знаний. Фабриканты не остались безучастными к инициативе правительства об организации при университетах публичных лекций по техническим наукам. С таким предложением в 1836 г. выступил министр финансов Е.Ф. Канкрин. Председатель Московского отделения Мануфактурного совета и попечитель университета С.Г. Строганов (тот самый, который открыл в Москве







Тарас Васильевич Марыгин и его рисунки на ткани

на свои средства рисовальную школу) поддержал эту идею. Предлагая профессору Р.Г. Гейману составить план чтения таких лекций, он писал о необходимости привлечения к этому фабрикантов, которые «еще не чувствуют необходимости химии», с целью показать им, «сколько они теряют при самом фабричном производстве от недостатка теоретических сведений»[36]. Лекции начались в апреле 1837 г., а уже в конце года «Коммерческая газета» писала: «...число посетителей курса увеличилось более нежели вдвое. Это служит убедительнейшим доказательством, что потребность в положительном изучении технической химии уже сделалась ощутительной»[37].

Публичные лекции по прикладным наукам (механике, технологии, химии, физике) читались и в других российских университетах, а также в Технологическом институте в Петербурге. Число их посетителей было разным — от 50 до 200 человек. На лекциях Р.Г. Геймана в 30-е гг. присутствовало не более 60 слушателей, а в 50-е гг. число их доходило до 500[38].

В начале XIX в. в Московском университете адъюнкт химии и технологии Х.А. Чеботарев начинал читать лекции по технологии фабрикантам, но они состоялись только в 1807—1808 гг., а затем прекратились[39]. Публичные лекции проф. Р.Г. Геймана продолжались в течение 18 лет с возраставшим к ним интересом со стороны фабрикантов. Потребность в знаниях технологии и техники становилась все более необходимой для многих предпринимателей.

В 50-е гг. московские фабриканты ходатайствовали о восстановлении в университете кафедры технологии[40]. В своем «объяснении» московскому городскому голове А.М. Колесову они писали, что «чувствуют насущную потребность в приобретении познаний по технологии», и просили о переводе в Москву из Казанского университета профессора М.Я. Киттары, который был хорошо известен фабрикантам Москвы, часто бывал на фабриках, преподавал уроки теоретической и прикладной химии сыну Я.В. Прохорова. Понимая затруднения правительства в финансировании этого дела, предприниматели соглашались дать средства на возобновление преподавания технологии и устройство при университете технологической лаборатории.

О понимании некоторыми предпринимателями важности связи науки с практикой производства свидетельствует письмо Я.В. Прохорова к профессору Киттары, в котором есть такие строки: «...в России фабрикантам со стороны науки нет почти никаких пособий. Есть университеты, но профессора от нас далеки, да и кафедры собственно для технологии нет. Не то во Франции. Там

ученый с фабрикантом живут рука об руку и теория с практикой всегда в дружбе... Мы надеемся, что скоро здесь, в Москве, будет кафедра технологии; это нас весьма радует, ибо пользу от наук многие из нас верно понимают». Ту же мысль он проводил в «Письме русского фабриканта» (опубликованном в «Северной пчеле»), призывая «наделить промышленность более способами к изучению технических наук», «устроить обязательное обучение рабочих и их детей»[41].

Однако эти призывы имели отклики лишь в столицах, в провинцию они не доходили или доходили очень редко. Киттары, выступая в торжественном собрании Казанского университета в 1857 г. (до перевода его в Москву), говорил, что многие заводчики и фабриканты «не привыкли еще ценить знания и верить в равносильность их с капиталом», поэтому меньше других социальных групп проявляли интерес к публичным лекциям. В течение 6 лет (т. е. с 1852 по 1857 г.) в Казанском университете, говорил он, «лекции эти читались бесплатно, об них публикуется ежегодно. И что же? Публичные лекции посещались по преимуществу студентами, воспитанниками гимназий, местными чиновниками, реже помещиками и купцами, еще реже заводчиками и фабрикантами»[42]. Появление к концу крепостной эпохи и в правительстве, и в среде самих промышленников нового понимания проблем технического образования, скорее, было намечающейся тенденцией, которой лишь предстояло дальнейшее развитие.

Одним из проявлений этой тенденции стала развернувшаяся на страницах столичной печати в конце 50-х гг. полемика вокруг проблем образования, соотношения и приоритетности общего и профессионального обучения. В ней участвовали и ученые, и сами предприниматели. Эта полемика, пожалуй, впервые показала то место, которое занимали проблемы образования в России в системе общественных ценностей, понимание необходимости распространения общей грамотности для успешного развития профессиональной школы. Впоследствии этот вопрос неоднократно поднимался научной общественностью.

В ноябре 1857 г. в газете «Московские ведомости» была опубликована статья профессора университета И.К. Бабста как ответ на книги А.С. Ершова и М.Я. Киттары[43] — пропагандистов технического образования. «...Народное училище, — писал он, — фундамент, на котором стоит все здание народного образования». Невысоко оценивая общий уровень грамотности среди народа в конце 50-х гг., ученый отмечал, что «нам покуда ни о чем так не должно думать, как о грамоте и первых элементах нашего общего образования». Это требование, по его мнению, «находится в самой тесной связи

с промышленным прогрессом, потому что только при грамотности и при более широком развитии первых элементов образования в народе явится и уважение к труду, и сознание необходимости технического образования для развития промышленности»[44].

В статье прослеживается связь образования человека с его гражданской позицией, технического прогресса с общественным бытом, со степенью развития гражданского общества. Бабст считал, что школа «должна внушить человеку основные и существенные понятия гражданственности: пусть он знает, что от него требует закон, дабы никто не мог воспользоваться его невежеством. Лукавство и обман – отличительные признаки гражданственно неразвитого народа». Поэтому, по мнению ученого, «не одно техническое и промышленное образование обусловливает развитие промышленности, — но те разнообразные и могучие нравственные силы, которые вообще двигают всем развитием народа. Условия общественные, в которых живет большинство рабочего народонаселения, предрассудки, убеждения, условия труда, большая или меньшая степень развития гражданственности – все это влияет и на развитие промышленности, и на умножение народного богатства»[45].

В конце 50-х гг., когда уже обсуждались проблемы освобождения крестьянства, Бабст поддерживал изменения общественного устройства и, что особенно важно, рассматривал уровень образования народа как важную основу становления гражданского общества в России.

Однако в печати высказывались и другие мнения. Сторонником приоритетного развития технического образования был Е.Н. Андреев, один из крупных организаторов и пропагандистов профессионально-технического образования в России. В 1858 г. в опубликованной в «Журнале мануфактур и торговли» статье он, поддерживая точку зрения А.С. Ершова, высказался не только за расширение высшего технического образования, но и за создание технических школ для подготовки мастеров и квалифицированных рабочих[46]. Однако впоследствии, в 60–70-е гг., он изменил свою точку зрения, став активным сторонником развития в первую очередь общего образования. Во многом на это повлияла его деятельность в Русском техническом обществе. «Техника, — писал Ершов в это время, — есть дело второстепенное, технике... можно научиться из книг и на заводах, но где научиться читать и где научиться учиться?»[47]

В споре о путях развития народного образования в России высказался Ф.В. Чижов, опубликовавший в 1859 г. в «Вестнике промышленности» (этот журнал он издавал совместно с И.К. Бабстом) статью «Каким путем должно идти образование низших слоев общества».

Ученый, предприниматель и финансист, Чижов считал, что образование вообще непременный фундамент в культуре общества. «О необходимости образования нет уже спору... — писал он, — теперь спорят о том, какое образование должно давать народу и каким путем вводить образование в народную среду... вопрос идет о том, вести ли народное обучение путем практическим... или путем, усвоившим себе название гуманного общечеловеческого». Полемизируя с проф. Бабстом, Чижов защищал приоритетность профессионального образования. Он с сожалением говорил о недостаточном в России числе технических училищ: «...всего два или три исключительно технических заведения... да из всех немногих Московское ремесленное училище в таком общественном загоне, что об нем едва знают люди, говорящие о нашей промышленности»[48].

Однако в споре о приоритетности общего или специального образования позиция Ф.В. Чижова наиболее взвешенная, как и точка зрения Н.И. Пирогова, изложенная им в его нашумевшей статье «Вопросы жизни» (опубликована в 1856 г. в «Морском сборнике»). «Исполинские успехи наук и художеств нашего столетия, — писал Чижов, — сделали специализм необходимой потребностью общества... но будем помнить, что общее образование нисколько не исключает существование таких школ, которые занимались бы практическим образованием молодых людей, уже приготовленных общечеловеческим образованием. Не надобно только торопиться специальным образованием»[49].

Подобно Бабсту, Чижов также считал образованность в обществе важным условием развития гражданственности; ее «не заменит никакое образование; хотя без него (образования. — *Л. К.*) и трудно ей (гражданственности. — *Л.К.*) развиваться в народе»[50].

Против разрыва в общем и специальном образовании и появления узкого «специализма» «как вредного и для общества, и





Федор Васильевич Чижов и основанное на его средства механико-техническое училище в Костроме

для самого обрекаемого на специализм» выступал Н.Г. Чернышевский[51]. Сторонником развития профессионального образования на основе общеобразовательной школы был К.Д. Ушинский[52].

Таким образом, в дореформенный период, особенно в годы царствования Николая I, правительство в своей экономической политике рассматривало техническое образование как одно из важных направлений, предприняв ряд мер для его развития.

Однако в целом этот период в силу ряда объективных причин, прежде всего слабого еще промышленного сектора в экономике, не мог быть успешным в решении проблем профессионально-технического образования. Не была создана государственная начальная техническая школа. В сельском хозяйстве эту роль выполняли учебные фермы Министерства государственных имуществ. В стране действовало лишь несколько средних и высших учебных заведений, готовивших техников и инженеров.

* *
*

В 60-е гг., в эпоху коренных социально-экономических преобразований, Россия вступила с далеко не развитым багажом профессионального образования. К концу крепостной эпохи страна имела около 4,5 тыс. специалистов технических и сельскохозяйственных профессий[53]. Но это время перехода от полупатриархального общества к индустриальному резко усилило востребованность в техниках, технологах, строителях, агрономах, землемерах, специалистах в области коммерции. Профессионально грамотные кадры были нужны промышленности, в специалистах нуждались новые отрасли, такие как механическое прядение и ткачество, железнодорожное дело, электротехника, телеграф, телефон.

Потребности социально-экономического и общекультурного развития определяли и развитие профессиональной школы, и появление специальной учебной литературы, и необходимость увеличения кадров преподавателей в отраслевых учебных заведениях. Вопросы модернизации общества требовали повышения образовательного, интеллектуального уровня не только технической интеллигенции, но и рабочих, сельскохозяйственных работников.

* *
*

60—70-е гг. составляют определенный внутренний этап в развитии профессионального образования. Особенностью этого времени был достаточно большой количественный рост специальных

училищ, появление первых бессословных технических вузов и активное участие научной общественности и предпринимателей в процессе создания в России сферы профессионального образования. «Техническое и профессиональное образование получило право гражданственности в нашем отечестве в сравнительно недавнее время... — писал И.А. Анопов[54], один из авторитетных деятелей в области профессионального образования, — не более 25 лет назад (написано в 1889 г. — *Л. К.*), если не считать Санкт-Петербургского Практического Технологического института и Московского Технического училища, преобразованных в высшие учебные заведения». Понимая, что этот срок небольшой для серьезных изменений в этом «сложном деле», автор тем не менее отмечал «распространение технического образования в достаточно большом регионе, захватившем даже окраины»[55].

О числе возникших в это время профессиональных школ можно судить лишь приблизительно. Это связано, в частности, с тем, что они подчинялись различным ведомствам: министерствам финансов, государственных имуществ, Мариинскому ведомству, министерству народного просвещения (в 1881 г. к нему перешло большинство профессиональных школ всех перечисленных ведомств «в видах единства направления учебной части»). Каждое ведомство вело свой учет, свою статистику.

Известный рост профессионально-технических училищ начался в 70-е гг.: до 1880 г. было открыто 79 технических, транспортных, художественно-промышленных школ, главным образом в европейской части России, меньше в Сибири. При некоторых начальных школах имелись ремесленные классы и курсы[56]. В России в это время работало 9 средних технических училищ, статус которых был еще не вполне определившимся. К 1880 г. насчитывалось 38 школ, готовивших кадры для торгового флота (шкиперские курсы, мореходные классы), расположенные в портовых городах — Петербурге, Архангельске, Риге, Одессе, Херсоне.

В 1869 г. в г. Ельце на средства известного предпринимателя С.С. Полякова было основано первое техническое железнодорожное училище. В 1872 г. в Москве открыто Дельвиговское железнодорожное техническое училище. К 1880 г. в России действовало 31 железнодорожное училище, однако «некоторые были вскоре упразднены из-за недостатка средств на их содержание»[57].

Большинство училищ своим возникновением в эти годы обязано общественной инициативе и поддержке частных лиц из среды предпринимателей. В 1869 г. в Череповце братьями Милютиными, которые владели механическим заводом, было основано Александровское Техническое училище, которое готовило для завода «мастеров по машиностроительному и судостроительному делу».

В 1874 г. в нем обучалось 138 учеников, в этом же году окончили его 9 человек, в 1880 г. — 13[58].

В Калужской губернии при чугуноплавильных заводах С.И. Мальцева, известного в России предпринимателя, основателя целого промышленного района (угол Калужской, Орловской и Брянской губерний), было открыто в 1865 г. Людиновское низшее техническое училище для детей мастеров и рабочих завода. В начале 80-х гг. здесь обучалось 120 человек. Мальцев основал несколько школ для рабочих своих предприятий, в которых училось более 1,5 тыс. человек. В 1876 г. Товарищество мальцевских заводов открыло среднее техническое училище для подготовки техников и механиков[59].

Своей благотворительностью известен И.С. Мальцев (двоюродный брат С.И. Мальцева), владелец Гусь-Хрустального завода во Владимирской губернии. На его средства были открыты училища в селе Гусь для рабочих завода, а в 1885 г. (на завещанные им деньги — 500 тыс. руб.) — Земское ремесленное училище и учебные мастерские во Владимире. Эта школа предназначалась для детей из бедных семей «с целью дать рациональное обучение полезнейшим ремеслам и необходимым для ремесленника общеобразовательным и техническим наукам». В училище принимались мальчики 13–15 лет «всех званий и исповеданий», жители Владимира, окончившие начальную школу. Число учеников доходило до 100 человек, причем отсев был небольшой. Пожизненным попечителем этой школы по воле И.С. Мальцева стал Ю.С. Нечаев-Мальцев, наследовавший его состояние. В начале XX в. он был широко известен как один из создателей Музея изящных искусств в Москве, пожертвовавший на его строительство огромные средства. Немало денег Нечаев-Мальцев вложил и в создание ремесленного училища, содержал 7 человек пансионеров со стипендией 70 руб. в год[60].

В Костромской губернии в 1892–1897 гг. стали действовать 5 технических и сельскохозяйственных школ (Костромское промышленное училище, объединившее низшее химико-техническое и среднее механико-техническое, Кологривское низшее сельскохозяйственно-техническое, Макарьевское ремесленное, Чухломское сельскохозяйственно-ремесленное), открытые на средства Ф.В. Чижова, пожертвовавшего 5,5 млн руб. на нужды профессионального образования в России. Душеприказчики Ф.В. Чижова — С.И. Мамонтов и А.Д. Поленов — были почетными попечителями Чижевских училищ[61].

Среди профессиональных школ пореформенного времени широкую известность приобрело Комиссаровское Техническое учи-

лище в Москве, основанное в 1865 г. как ремесленная школа[62]. Училище существовало на средства купцов Губонина и Мейена. Ученики первоначально получали общее элементарное образование и обучались портняжному и переплетному ремеслу. В середине 70-х гг. школа изменила профиль и была преобразована в низшее техническое училище с 5-летним сроком обучения с отделениями слесарным, токарным, кузнечным. Число учеников за десятилетие 1875–1885 гг. выросло с 218 до 387 человек.

Изменение профиля Комиссаровского училища привело к увеличению числа и его учеников, и его выпускников. Если с основания (в 1865 г.) до 1874 г. училище закончило только 15 человек, то за время с 1875 по 1886 г. – уже 383 человека. По социальному составу ученики принадлежали к разным сословиям, но преобладали мещане (53,2%), затем – дворяне и чиновники (36,6%), крестьяне составляли только 8,2%. Обучение было платным (приходящий ученик – 120 руб., пансионер – 300 руб. в год)[63].

В Комиссаровском училище среди учащихся в основном были выходцы из Московской и близлежащих губерний, из дальних – лишь единицы. Большинство окончивших работали мастерами на заводах и фабриках Московского промышленного района[64].

Эта профессиональная школа, ставшая с 1886 г. средним учебным заведением, считалась одной из лучших технических школ России. В воспоминаниях ее выпускников, в частности В.Я. Климова (окончил в 1910 г., впоследствии конструктор авиамоторов, академик), можно прочитать: «Комиссаровское училище давало очень широкое образование... серьезно поставлена математическая подготовка... «комиссаровцев» охотно принимали на строительство, заводы и фабрики, при том что потребность в инженерных работниках была невелика» (следует обратить внимание на эти последние слова, помня, что речь идет о начале XX в. — *Л. К.*). Развивая эту мысль, автор пишет: «...при небольшой потребности в инженерах с высшим образованием русская промышленность *испытывала большую нужду в среднем техническом персонале* (курсив мой. — *Л. К.*), в мастерах и техниках»[65].

Здесь затронут один из злободневных вопросов профессиональной школы в пореформенной России: развитие и распространение средних технических учебных заведений. Эта проблема являлась одной из наиболее трудно решаемых, так как не было в полной мере необходимых для этого предпосылок: определенного уровня грамотности, образованности среднего слоя горожан, который должен был составлять основной контингент учащихся этих школ.

В 60–70-е гг. технические училища не имели общих уставов (для низших и средних школ), единого учебного плана, в кото-

ром наряду со специальными всегда были общеобразовательные предметы (они составляли около 12–18%[66]). Из специальных предметов в зависимости от профиля изучались практическая механика, технология, краткие сведения о строительных материалах и устройстве фундаментов, черчение. Сам набор преподаваемых учебных дисциплин не очень отличался от дореформенного времени: он отражал недостаточно глубокую профессиональную дифференциацию специалистов, в которых нуждалась промышленность. Обучение в училищах было платным, различаясь лишь по вносимой сумме. Сведения, имеющиеся в литературе, говорят о большом отсеве учащихся: иногда он доходил до 50%[67].

Регион расположения технических училищ, включая ремесленные классы и отделения при городских училищах, был достаточно большим. В конце 80-х гг. они находились в 180 городах, включая столицы, губернские уездные центры[68].

В первые пореформенные десятилетия появилось несколько земледельческих школ, находившихся так же, как и лесные учебные заведения, в подчинении Министерства государственных имуществ. К началу 80-х гг. действовало 6 средних земледельческих училищ. К существовавшим уже ранее (в Москве, Горках и Харькове) присоединились школы в Казани, Умани, вблизи Саратова (Мариинская). Обучение в земледельческих школах также было платным, принимались сюда окончившие уездное или городское училище, 2-летнюю сельскую школу. Среди предметов — общеобразовательные (курс реальных училищ) и специальные: растениеводство, животноводство, сельская экономия со счетоводством, сельскохозяйственная технология, учение о земледельческих машинах и орудиях с изложением основной механики, сельское строительное дело[69]. Интересно отметить появление в школах предмета, изучающего устройство машин и механизмов, применяемых в сельском хозяйстве.

Продолжали действовать, не увеличиваясь в числе, сельскохозяйственные фермы. В основном они располагались в тех местах, где находились средние учебные заведения (Харьковская, Горецкая, Мариинская, Казанская, Петровская близ Москвы). Открывались низшие сельскохозяйственные школы. К началу 80-х гг. учтены девять-десять таких школ — в Минской, Курской, Тверской, Вологодской, Санкт-Петербургской и Ташкентской губерниях.

Формой начальной сельскохозяйственной школы являлись училища садоводства, сады и питомники, расположенные в Крыму, западных и южных губерниях. Но таких учебно-практических заведений были единицы[70].

Следует обратить внимание на сохранение малого числа сельскохозяйственных школ в пореформенной России — стране, где продолжал преобладать в экономике аграрный сектор. Заметим, что в 80-е гг. в Ирландии, где также доминировало сельское хозяйство, насчитывалось около 200 сельскохозяйственных школ, из которых свыше 70 были земледельческие; во Франции уже с конца 40-х гг. XIX в. идея сельскохозяйственного образования находила практическое применение[71].

Слабое развитие начального и среднего сельскохозяйственного образования в России имело свои причины и субъективного и объективного порядка. Конечно, у русского крестьянина и в пореформенное время сохранялось настороженное отношение к любым нововведениям, в том числе и в школьном обучении. В этом смысле интересны страницы воспоминаний Е.Д. Максимова (статья которого неоднократно упоминалась в нашем очерке) о том, как в одном из среднерусских сел, где он работал сельским учителем, устраивалась «мужицкая академия», или попросту низшая сельская школа. «Крестьянство, — пишет Максимов, — отнеслось к школе очень недоверчиво. (Речь идет о 80-х гг. XIX в. — *Л. К.*) Сначала нашлись отцы, которые охотно соглашались еще годика 3—4 поучить своих ребят на земский счет. Но когда они узнавали, что в новой школе будут учиться крестьянским же работам и хозяйству, рвение большинства ослабевало, а многие наотрез отказывались учить своих детей в такой школе... заявляя, что *своей мужицкой работе их дети и дома выучатся,* а для панской не стоит учить... правда, когда они убеждались, что учебные занятия в школе сопровождались практическими работами они *примирялись* со школой» (курсив мой. — *Л. К.*)[72].

Однако дело было не только в этом. Автор отмечал (будучи жителем села, он хорошо знал проблемы крестьянских хозяйств), что улучшения в области земледелия, скотоводства сдерживались малоземельем, поскольку зависели от размеров крестьянского землевладения[73]. На небольшом крестьянском наделе (а таких было большинство в России) трудно было использовать технику или улучшенную технологию. Возможно, поэтому в начальных сельскохозяйственных школах больше внимания уделялось отраслям, впрямую не зависевшим от величины земельного надела, — садоводству, огородничеству, пчеловодству. И таких школ в России было больше по сравнению с земледельческими училищами.

Выпускники «мужицкой академии» шли в помещичьи экономии в качестве садовников, огородников, нарядчиков, приказчиков. Заканчивая рассказ, Максимов с грустью отмечает: «...при иной организации наша академия могла быть более полезна крестьянскому населению, чем она оказалась в действительности»[74].

Обучение на фермах также мало способствовало изменению «общего строя крестьянского хозяйства». Сведения, приобретенные на ферме, крестьянин не мог применить в своем хозяйстве: многопольная система в полеводстве, как правило, не использовалась в его хозяйстве, где господствовало трехполье. Он должен был подчиняться общинным порядкам не только в отношении самой системы, но даже в отношении времени начала и конца обработки поля, посева и уборки урожая[75].

Одним из новых моментов в развитии профессионального образования в первые пореформенные десятилетия стало появление технических высших учебных заведений, открытых и бессословных. В 1862 г. Практический Технологический институт, в 1866 г. Горный институт, в 1867 г. Ремесленное училище были преобразованы в высшие учебные заведения; последнее стало называться Московское Техническое училище.

Преобразование в вузы наиболее известных в России профессиональных школ было не только следствием общих процессов, происходивших в сфере экономики, науки, в практике производства, но и отражением изменений в самом термине «техническое образование», его характере и наполненности. В одной из корреспонденций журнала «Техническое образование» (правда, применительно к началу 90-х гг.) отмечалось: «...совершенствовались технические науки, которые из сборника эмпирических знаний превращались в стройные теории. Для усвоения этих современных технических знаний науке потребовались математика, физика. *Техническое образование теряло свой чисто практический характер и приобретало во все большей степени теоретический* (курсив мой. — *Л. К.*), связанный со знанием смежных естественнонаучных знаний, точных фундаментальных наук»[76].

Будучи современными для начала 30-х гг., принципы, на которых были основаны и Технологический институт, и Ремесленное училище, «устаревали» по мере увеличения объема знаний, усиления роли теории в освоении техники и применении ее на практике[77].

В течение всего пореформенного времени Россия отставала в развитии технического образования от стран Западной Европы. Ежегодный выпуск техников с высшим образованием за 10 лет (1861–1871) в России, например, составлял 270 человек, в то время как в Германии и Австрии – 2700[78]. В.К. Делла-Вос, директор Московского Технического училища в 70-е гг., считал небольшое число выпускников технических школ главной причиной «ненормального развития технического дела». «У нас в России, — отмечал он, — есть много таких местностей, которые по

своей удаленности от столиц и вообще от источников высшего образования более нуждаются в школах промышленных, коммерческих или земледельческих, где бы дети *среднего сословия* (курсив мой. — *Л. К.*) могли получить не общее образование, а научиться основаниям того технического дела, которому посвящены занятия большей части населения данной местности»[79]. Мнение этого ученого основывалось на хорошем знании предмета. Находясь в Западной Европе, он много занимался постановкой там технического образования.

Уже в 70-е гг. наблюдался большой наплыв молодых людей в преобразованные технические вузы. В 1870 г. Технологический институт принял 800 слушателей, многим было отказано «за неимением помещения»[80]. Увеличилось и число выпускников этого института по сравнению с дореформенным временем. Так, за 1867—1881 гг. его окончили 960 человек, а с момента основания — 1600, т. е. большая часть их приходится на пореформенное время[81].

В Московское Техническое училище на 48 вакансий в 1870 г. сдавало экзамены до 200 человек. Ежегодно в течение 70—80-х гг. училище оканчивали 40—50 учащихся; только в конце XIX в. обозначился рост выпускников — до 80 человек[82].

Московское Техническое училище стало важным центром профессионального образования в России. Здесь сложилась система обучения и подготовки механиков и технологов, отличная не только от отечественной практики, но и от существовавшей в Западной Европе. Большую роль в развитии системы теоретического образования сыграли ученые Московского университета, преподававшие в училище (А.С. Ершов, М.Я. Киттары, Н.Е. Жуковский и др.). Киттары еще в 50-е гг. впервые ввел в подготовку технологов обязательные практические занятия на фабриках и заводах. Затем эта практика стала применяться в Технологическом институте в Петербурге.

Создание и развитие системы практического обучения связано с именем Д.К. Советкина, выпускника Ремесленного училища. Он работал инспектором мастерских, преподавал в Московском Техническом училище, с 1885 г. работал директором земского Ремесленного училища во Владимире. Советкин был «ученым мастером», талантливым конструктором, изобретателем многих оригинальных машин и конструкций, которые сделали известным Московское Техническое училище на многих российских промышленных выставках, и зарубежным ученым[83].

В 60-е гг. в России была открыта Петровская земледельческая и лесная академия. Идея создания такого учебного заведения в Москве возникла в 1857 г. в среде членов МОСХа и была поддер-

жана правительством. Академия мыслилась как земледельческая, но после закрытия в 1862 г. Лесного института в Петербурге (существовал с 1811 г.) к ней было присоединено и лесное отделение.

Открытие Петровской академии состоялось в 1865 г. Сначала учиться в ней могли все желающие, не было конкурсных экзаменов, не требовались документы об окончании гимназии или реального училища. Все это, с одной стороны, явилось отражением «надежд, оживлявших интеллигенцию того времени», как писал В.Г. Короленко, а с другой — определило первый состав слушателей, большинство из которых оказалось в институте «только из моды, из желания уйти из деревень в столицу, не отдавая себе ясного отчета в своих поступках»[84].

В год открытия в академии училось более 500 студентов (при контингенте в 200 человек). В последующие годы это число учащихся сократилось до 200–250, а оканчивали Петровскую академию единицы: в 1870 г. – 3, в 1872 г. – 10, в 1876 г. — 21 человек[85].

Петровская академия, по мнению специалистов, была «главным рассадником высшего сельскохозяйственного образования в России»[86]. Здесь преподавали К.А. Тимирязев, И.А. Стебут (до этого — профессор Горыгорецкого земледельческого института), Д.Н. Прянишников и др.

В 1893 г. Петровская академия была закрыта. Прием студентов уже на конкурсной основе возобновился в 1895 г., правда, теперь академия стала называться Московский сельскохозяйственный институт (ныне МСХА им. К.А. Тимирязева). На временное закрытие Петровской академии и изменение ее устава во многом повлияло так называемое «нечаевское дело», связанное с убийством одного из ее студентов.

Профессора академии, в частности И.А. Стебут, были убежденными сторонниками развития естествознания как одной из основ сельскохозяйственного образования «на уровне высшей, средней и начальной специальной школы». В выступлениях ученых на страницах журналов, на съездах по техническому образованию подчеркивалась связь сельскохозяйственного образования с фундаментальными естественными науками. Такая зависимость являлась одной из особенностей специального обучения в области сельского хозяйства.

В образовании крестьянина большую роль продолжал играть практический опыт, имевший вековую традицию. И. Миклашевский в уже упоминаемых «Очерках из истории сельскохозяйственного образования в России» с уважением писал: «...что мы называем сельскохозяйственной рутиной, на самом деле является результатом тысячелетнего опыта; с громадными усилиями выра-

батывались общеизвестные теперь приемы землевозделывания и разведения животных». Даже в конце XIX в. на заводах земледельческих машин при изготовлении основных сельскохозяйственных орудий сохранялась традиционная конструкция сохи и плуга. Их продолжали изготовлять, основываясь только на практическом опыте, не делалось попыток установить зависимость конструкции земледельческих машин от свойства зерна, почвы и особенностей растений[87].

В сельскохозяйственном образовании общее естествознание становилось необходимым фундаментом. Как отмечалось в одной из статей о проблемах сельскохозяйственного образования, «возможность говорить об осознанных и целесообразных технических действиях в сельском хозяйстве появляется только тогда, когда *научное знание* (курсив мой. — *Л. К.*) проникает в таинственную еще (написано в 90-е гг. — *Л. К.*) область жизни растений и животных»[88]. Н.А. Каблуков, известный ученый-химик, выступая на I съезде деятелей по техническому образованию, говорил: «...сельскохозяйственная школа дает общий круг сельскохозяйственных знаний, крестьянин не только исполнитель-земледелец, а лицо, руководящее хозяйством... поэтому общее образование в этой профессии окажется наиболее необходимым»[89]. Если вспомнить, что огромная масса крестьян в России были неграмотными или в лучшем случае малограмотными, эта рекомендация ученого оказывалась беспочвенной.

* *
*

Во второй половине XIX в. в развитии специального образования, распространении технических и сельскохозяйственных знаний большую роль сыграли различные общества. В 1866 г. в Петербурге возникло Русское техническое общество (РТО) — первая в России общественная организация, занимавшаяся среди других и проблемами технического образования. Позже появились Общество распространения технических знаний в Москве (1870), Политехническое общество при Московском Техническом училище (1877), Общества любителей коммерческих знаний, распространения коммерческих знаний в Петербурге, Москве, Киеве (1896—1897). Продолжали работу ВЭО, МОСХ, известные еще с дореформенных времен.

В деятельности РТО наметились два основных направления: распространение начального общего и специального образования среди рабочих и содействие развитию средней технической школы. В уставе Русского технического общества было записано, что

«содействие к распространению» специальных знаний должны были оказывать «особые первоначальные технические школы для мастеров в центрах фабрично-заводской промышленности»[90]. В 1868 г. при обществе была создана Постоянная комиссия по техническому образованию, которую возглавил Е.Н. Андреев, один из учредителей РТО.

Модернизация промышленности, усложнение технической оснащенности предприятий, ширившееся железнодорожное строительство выявили очень низкий уровень и общей и технической грамотности большинства рабочих. Так, в записке начальника мастерских при Санкт-Петербургской станции Варшавской железной дороги, поданной в РТО (1868) Д.И. Журавским, членом этого общества, с тревогой отмечалась «неподготовленность рабочих к восприятию каких-либо технических знаний», высказывалось мнение «о необходимости распространения среди них простой грамотности», предлагалось поэтому проведение просветительских лекций[91]. Такого же взгляда придерживался Е.Н. Андреев, считавший, что «первая основа технического образования есть образование общее не только в смысле грамотности, но и в смысле некоторого общего нравственного и умственного развития»[92].

«Самый верный способ положить прочное основание промышленно-техническому образованию» члены Технического общества видели в устройстве общеобразовательных школ для детей



Копія

ИМПЕРАТОРСКОЕ

РУССКОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

на основаніи § 28 Положенія о III С.-Петербургской Электрической выставкѣ и § 46 Устава Общества и согласно утвержденному Совѣтомъ онаго постановленію Экспертной Коммисіи означенной выставки, признало

Г-на Кузнецова

достойнымъ

Похвальнаго отзыва ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества

за введеніе усовершенствованнаго способа очищенія фарфоровой массы отъ желѣзныхъ примѣсей

И ЗА ПРАВИЛЬНУЮ, ОТЧЕТЛИВУЮ ВЫДѢЛКУ ИЗОЛЯТОРОВЪ.

Председатель *Кочубей.*

Секретарь *N. N.*

6 Апрѣля 1886 г.

Диплом Русского технического общества

мастеров и самих рабочих, не обучавшихся грамоте в детстве[93]. Первая такая школа возникла в 1869 г. при Санкт-Петербургской станции Варшавской железной дороги. В 1870 г. в ней обучались 61 мальчик и 16 девочек; были открыты вечерние и воскресные курсы для рабочих — явление совершенно новое для России того времени. Школа по уровню получаемых знаний приравнивалась к 2-летней приходской школе. Обучение в ней было платное — 20 коп. в месяц (по мнению Е.Н. Андреева, «это лучшее средство достигнуть исправного посещения уроков»).

Школы и курсы для рабочих содержались на средства фабрикантов. В частности, Сампсониевские курсы в Петербурге, открытые в 1874 г. и активно посещаемые рабочими (до 300 человек), финансировал К.Ф. фон Мекк, известный предприниматель в области железнодорожного транспорта[94].

Русское техническое общество немало сделало для унификации учебных планов преподавания, специализации выпускников профессиональных училищ. Участвуя в разработке программ обучения в Череповецкой школе Милютиных, Дельвиговском училище в Москве, РТО создавало известные предпосылки для появления в конце 80-х гг. «Общего нормального плана промышленного образования в России».

Деятельность РТО, достаточно разнообразная, была сосредоточена не только в северной столице, но и в ряде городов России. Отделения общества имелись в Москве, Одессе, Воронеже, Нижнем Новгороде, Иваново-Вознесенске, Казани, Саратове и др. «Записки» местных отделений РТО выходили в 15 городах. Русское техническое общество в Петербурге занималось школами для рабочих и их детей, вечерними и воскресными курсами, организовывало чтение публичных лекций профессорами Технологического института и университета (в 1874 г. состоялось 14 лекций, которые посетили около 2 тыс. человек), обучение ремеслу учителей начальной школы[95]. За 10 лет (1869–1879) число учащихся школ для рабочих в Петербурге составило около 5 тыс.; ежегодно эти школы посещало примерно 600 человек[96]. В России в 1899 г. имелось 446 фабричных школ для малолетних рабочих, из которых около 400 были одноклассными. Число учеников в них достигало 47 тыс., из них 30 тыс. мальчиков и 17 тыс. девочек. Основные средства на содержание этих школ давали предприниматели[97].

На заседаниях местных отделений Русского технического общества иногда обсуждались вопросы, на первый взгляд далекие от проблем технического образования. Так, на одном из таких заседаний, состоявшемся в Москве в январе 1898 г., в числе других были заслушаны сообщения историка Н.А. Попова «Об организации развлечений для рабочих в связи с общедоступным теат-

ром в Москве» и В.И. Немировича-Данченко — «Осуществление Московского общедоступного театра». Немирович-Данченко представил «обстоятельно разработанный им совместно с другим лицом (К.С. Станиславским. — *Л.К.*) проект общедоступного театра в Москве». Одной из задач его было «доставить возможность пользоваться театральными зрелищами всем вообще недостаточным классам – не только рабочим, но и служащим, чиновникам, учащимся. Репертуар театра должен удовлетворять требованиям развитого зрителя и преследовать серьезные воспитательные задачи»[98]. Из этой заметки становится очевидным, что программа художественно-общедоступного театра продолжала обсуждаться общественностью Москвы и после знаменитой встречи двух корифеев-мхатовцев в ресторане «Славянский базар» в июне 1897 г. Вполне возможно, что это было связано с поиском общественностью форм «здорового развлечения» демократических слоев горожан, в том числе и рабочих. Вопрос об этом поднимался на съездах по профессионально-техническому образованию, торгово-промышленном съезде 1896 г. в Нижнем Новгороде.

Важной проблемой, привлекавшей внимание членов Русского технического общества, было состояние в России средней технической школы. В одном из выступлений в апреле 1881 г. Е.Н. Андреев говорил о «недостаточности таких школ в России». Научно-техническая интеллигенция связывала развитие профессионального образования с ростом благосостояния общества. «Все, кого интересует вопрос о развитии нашего богатства, — замечал Андреев, — говорят весьма усердно, особенно в последнее время, о необходимости профессиональных школ и специально о *нужности средних профессиональных школ*»[99] (курсив мой. — *Л. К.*).

Общество распространения технических знаний, основанное в Москве в 1870 г., имело право (как было записано в уставе) учреждать школы, музеи и выставки, читать публичные лекции, открывать свои отделения в других городах. Распространение технических знаний мыслилось членами общества «в связи современного хода цивилизации с общим развитием наук и искусств»[100].

Такие задачи объясняли присутствие среди членов общества профессоров-гуманитариев, естественников, писателей наряду с предпринимателями и учеными. Членами общества были профессора Бабст, Богданов, Киттары, Лясковский, Столетов, Беляев, Чупров; писатели И.С. Аксаков, Кошелев, Самарин, Плещеев; предприниматели фон Мекк, Солдатенков, Третьяковы, Мамонтовы и др. В 1870 г. общество насчитывало 500 членов.

В 1871 г. был создан Учебный отдел общества, который занимался «разработкой педагогических и учебных вопросов, с правильным решением которых связано устройство ремесленных и

технических школ»[101]. С помощью публичных лекций, устройства выставок и музеев, издания учебной литературы делалась попытка усилить общеобразовательную подготовку для поступления в технические училища[102].

Мысль о создании Политехнического общества при Московском Техническом училище возникла в 1876 г. среди его выпускников. Оно должно было стать центром объединения воспитанников Технического училища, поддерживать связь между ними и училищем. В 1877 г. (год открытия) общество насчитывало 72 человека, в 1890 г. — уже 198, а в 1902 г. — 750. Заседания первоначально проходили в здании училища, с 1886 г. — в Политехническом музее[103].

Многие предприниматели оказывали материальную помощь воспитанникам Московского Технического училища. Почетным членом Политехнического общества был Ю.С. Нечаев-Мальцев. В 1887 г. он пожертвовал обществу капитал в 2 тыс. руб., проценты с которого составили фонд премии «за сочинения по техническим вопросам»[104]. В 1889 г. при МТУ возникло Общество вспомоществования нуждающимся студентам. Председателем его стала В.А. Морозова, известная своими пожертвованиями, в том числе и для организации в Москве Пречистенских рабочих курсов[105].

* *
*

В последние десятилетия XIX в. правительство в своей политике вновь обращается к проблемам профессионального образования. В это время впервые появляется термин «промышленное образование». Индустриальное строительство, рост машинной индустрии в результате завершения промышленного переворота остро поставили вопрос о повышении грамотности (и общей и специальной) большинства рабочих. Отсутствие нужных технических знаний тормозило дальнейшее развитие и промышленности и сельского хозяйства.

Решение этих вопросов требовало координации действий правительством, поскольку силами одной общественности сделать это было трудно. Но, в отличие от дореформенного времени, заинтересованность правительства в развитии профессионального образования совпадала с активностью общественности и самих предпринимателей. Оно уже не инициировало процесс, а взяло в свои руки руководство им, осуществив ряд законодательных мер в системе профессионально-технического образования.

В 1877 г. в Министерстве финансов рассматривался вопрос «о необходимости распространения в народе технического образова-

ния», что послужило началом разработки «Общего нормального плана промышленного образования в России» (впоследствии утвержден как Положение о промышленных училищах). С 1881 г. большинство профессиональных школ находилось в системе Министерства народного просвещения[106], в 1883 г. было образовано отделение по техническому и профессиональному образованию с целью разработки Положения о промышленных училищах.

Сельскохозяйственные школы остались в ведении Министерства государственных имуществ. Однако правительство стало больше обращать внимание и на эти училища. Разработанное в 1883 г. Положение о низших сельскохозяйственных школах внесло единообразие в организацию и содержание обучения в них.

В конце XIX в. система сельскохозяйственных учебных заведений включала средние (земледельческие, землемерные, садоводческие, сельскохозяйственно-технические) и низшие школы со сроком обучения 1–4 года и сельскохозяйственные отделения при общеобразовательных школах. Уже в 1883 г. в Министерство государственных имуществ поступило более 150 ходатайств от разных лиц и обществ об открытии низших сельскохозяйственных школ. До конца 80-х гг. было открыто только 19 школ, причем узкоспециальных — молочного хозяйства, овчаров, мукомолов, садоводов[107].

На состоявшемся в 1889–1890 г. I съезде деятелей по профессиональному образованию вопрос о сельскохозяйственных школах рассматривался специально — подводился как бы итог практической отдачи Положения 1883 г. Проблемой оставалось распространение сельскохозяйственных знаний среди крестьян, создание низших земледельческих школ для их детей. «Население России преимущественно земледельческое, — отмечалось в одном из выступлений, — между тем крестьяне ведут свое хозяйство самыми первобытными способами, по незнанию не вводя часто вполне возможных улучшений»[108]. В конце XIX в. сельскохозяйственная школа в России продолжала оставаться местом подготовки специалистов для частных крупных хозяйств, поскольку «ученик по окончании курса мог зарабатывать здесь больше, чем работая дома в хозяйстве своего отца»[109].

Необходимо было найти формы распространения специальных знаний среди крестьян для применения их в своих земледельческих хозяйствах. На съезде предполагалось учредить несколько низших школ: преподавание сельскохозяйственных предметов в общеобразовательной школе, создание «института странствующих учителей» с общедоступными лекциями по сельскохозяйственным темам, — отмечалось «общеобразовательное значение выставок для распространения сельскохозяйственных знаний». В конце 80-х гг.

ежегодно по губерниям правительством, земством и сельскохозяйственными обществами устраивалось до 30 таких выставок[110].

Интересно, что в ряде выступлений на съезде прозвучал призыв к сохранению традиционных устоев ведения хозяйства и всей крестьянской жизни. Н.В. Верещагин, один из основателей сыроварения в России (брат известного художника В.В. Верещагина), отметил, что «в тех сведениях, которые накоплены еще без сельскохозяйственных школ, уже есть... громадный клад... еще не приведенный в известность, но игнорировать который нет возможности». По его мнению, «существующие сейчас (80-е гг. — *Л. К.*) школы земледельческие, не только низшие, но и средние, и высшие, имеют мало влияния на окружающее хозяйство»[111]. В одном из выступлений была высказана мысль, что «воспитальное значение обучения крестьянских детей должно быть направлено к единению с жизнью, к укоренению и поддержанию в учениках таких устоев народного хозяйства, как сельскохозяйственная община, неотчуждаемость земельного надела и т. п.»[112]

Несмотря на несомненный интерес к сфере сельскохозяйственного образования, основное внимание в конце 80-х гг. правительство обращало на проблемы развития промышленного образования. Крупные научные силы, педагоги, связанные с промышленными кругами (Е.Н. Андреев, В.К. Делла-Вос, Н.Х. Вессель, И.А. Стебут, А.И. Чупров, И.И. Янжул и др.), были привлечены к выработке концепции плана промышленных училищ.

Одним из инициаторов и авторов этого документа был И.А. Вышнеградский — известный ученый в области механики, профессор и директор Технологического института, министр финансов в 1887—1892 гг. Заслугой Вышнеградского было введение в технических вузах машиноведения как учебной дисциплины. Утвержденные императором 7 марта 1888 г. Положения о промышленных училищах сохраняли силу основного закона в сфере профессионального образования вплоть до 1917 г.

Этот закон определял принципы и основные задачи технической школы, впервые вводилось понятие системы профессионально-технического образования. Она включала средние и низшие технические училища, готовившие специалистов по трем специальностям: механико-технической, химической, строительной — и ремесленные школы, где выпускники получали одну из перечисленных специальностей. Последние должны были заменить традиционное в России ученичество. В отличие от общеобразовательной, в систему технической школы не включались отраслевые вузы.

Положения предусматривали в первую очередь создание низших технических училищ и ремесленных школ, к обучению в

которых допускались только мальчики «всех состояний и вероисповеданий» (частные училища не всегда придерживались этого принципа). Школы были платными. Для поступления в низшее промышленное училище требовалось свидетельство об окончании курса начальной школы.

Обучение в низших училищах и ремесленных школах продолжалось 3 года: вводилось единообразие учебных планов: специальные предметы относились к специализации училища, общеобразовательные повторяли курс начальной школы. Некоторые профессиональные училища, в частности железнодорожные, имели подготовительные классы, так как поступающие в них ученики в массе своей были неграмотными. Правда, с конца 80-х гг. такие классы во многих училищах стали закрываться, что является косвенным показателем известного распространения грамотности среди средних городских слоев.

Низшие технические училища готовили мастеров, машинистов, чертежников, «обучали приемам определенного производства»; ремесленные школы имели, как правило, практический уклон, давая рабочим необходимые «для данного промышленного заведения» знания. Содержались промышленные училища за счет казны, земств и частных лиц[113].

В 80–90-е гг. низшие училища продолжали готовить квалифицированных рабочих по очень ограниченному кругу специальностей: слесарей, токарей, кузнецов, столяров. Новые промышленные отрасли (электротехника, химическое производство, фотография, телеграф и т. д.), развивавшуюся инфраструктуру городского хозяйства эти школы не обеспечивали в достаточной мере кадрами квалифицированных рабочих. И.А. Вышнеградский, обосновывая необходимость распространения образования среди рабочих, писал, что «отсутствие его ставит преграду надлежащему усовершенствованию промышленности»[114].

В конце 80-х гг. в России насчитывалось немногим более 90 начальных технических учебных заведений, среди которых преобладали ремесленные школы с практическим уклоном. Число учеников в училищах превышало 5 тыс.[115]

Устройство и функционирование промышленных школ требовали больших по сравнению с общеобразовательной школой средств. Причем для разных типов низшей школы они различались. Так, устройство технического училища обходилось более чем в 200 тыс. руб., ремесленной школы — около 80 тыс. руб.[116] Экономическая выгода делала ремесленные школы более предпочтительными для правительства. К концу столетия они доминировали в системе начального технического образования. Это был элементарный тип школы, в которой получали образование фабрично-заводские ра-

бочие и «приготовлялись сведущие ремесленники». В 90-е гг. появились разновидности ремесленной школы — школы ремесленных учеников и низшие ремесленные школы, где также преобладало практическое начало в обучении. Низшие ремесленные школы предназначались для крестьян в районах развития кустарных промыслов. Содержание этих школ обходилось государству еще дешевле: примерно от 3 до 7,5 тыс. руб.[117] Ходатайства об открытии школ ремесленных учеников в 90-е гг. поступали от братьев Прохоровых в Москве, кн. В.Н. Тенишева при Бежицком заводе в Брянском уезде.

Основное число низших промышленных училищ было открыто в течение 1893–1898 гг. в разных регионах России, включая селения, посады, отдельные заводы.

Число учащихся во всех промышленных учебных заведениях (низших и средних) в 1898 г. составляло около 12 тыс. человек[118]. В это время инженеров в России было примерно 12,5 тыс., агрономов и лесоводов — около 3,5 тыс., ветеринаров — до 3 тыс.[119]

Среднее профессиональное образование развивалось медленно. В конце 80-х гг. в России действовало только 5 средних технических училищ[120]. Продолжала сохраняться практика подготовки техников из мастеров, имевших опыт работы на предприятии.

Проблемам среднего профессионального образования мало внимания уделялось в «Плане» И.А. Вышнеградского, причем это



Школа печатного дела. Конец XIX в.

была сознательная позиция министра финансов, который поддерживал идею приобретения квалификации техника путем практического обучения на предприятии. «С устройством школ для мастеровых и высших промышленных училищ... — отмечал он, — едва ли возникнет необходимость в устройстве специальных школ для образования техников: наиболее способные из мастеров, а равно питомцы высших промышленных училищ после нескольких лет практических занятий технической стороной дела могут сделаться превосходными техниками»[121].

Средние технические школы в конце XIX в. также оставались достаточно узкими по своей специализации. В общем это отражало неглубокую дифференциацию машиностроения в России в конце XIX в. Наиболее развитым было станкостроение, паровозо- и вагоностроение. В пореформенной России становление электротехники как самостоятельной отрасли только начиналось. Впервые в широком масштабе электричество применили в освещении. В 1886 г. в Петербурге возникло Техническое училище Почтово-телеграфного ведомства, преобразованное в 1891 г. в Электротехнический институт. Это был единственный в России вуз, готовивший инженеров связи. До 1917 г. его окончили 533 человека[122].

О появлении новых форм жизни, требовавших и иных форм обучения, много писал Д.И. Менделеев — активный сторонник развития индустриализации. Он видел в ней возможность коренным образом изменить культуру труда. «Без промышленного развития, — не уставал повторять ученый, — народ мало нуждается в просвещении, ему некуда его прилагать»; «образование, развитое во всем народе, относится к числу требований, заявляемых сильнее всего в современной промышленности». Менделеев считал, что в России необходимо значительно увеличить количество средних профессиональных школ[123].

Большинство таких школ появилось в конце XIX — начале XX в. За время 1888–1903 гг. было открыто 20 средних технических училищ. Помимо столиц, они появились в Иваново-Вознесенске, Нижнем Новгороде, Костроме, Брянске, Саратове, Касимове, Вятке и других городах[124]. И все же их было мало для такой огромной страны, как Россия. Имея в виду высшие специализированные школы, Менделеев писал, что их «необходимо множество, целую сотню, если желательно, чтобы просвещение вошло в жизнь народную и отразилось в ее реальности, т.е. промышленности и администрации», а число средних училищ, по его мнению, должно «во много раз превосходить число высших учебных заведений»[125].

Недостаточное развитие средней технической школы в России было связано также и с тем, что общеобразовательная школа не могла обеспечить ее необходимым контингентом (в среднее

профессиональное училище поступали после окончания 5 классов реального училища). Несмотря на то что общее среднее образование преобладало в уровне образованности российского общества, лица с таким образованием относительно ко всему населению составляли лишь 0,9% среди мужчин и 0,8% среди женщин[126]. В системе средней школы продолжало в большом объеме сохраняться классическое направление, многие выпускники гимназий, реальных училищ поступали сразу в вузы. Кроме того, преобладание среди демократических слоев города — основного состава технических школ — элементарного образования также ограничивало возможности быстрого развития средних технических школ. Высокая стоимость содержания средних технических училищ (250 тыс. руб.) заставляла правительство «с крайней осторожностью» относиться к их открытию и искать поддержку «у сословий и обществ, заинтересованных в деле промышленного образования»[127].

Рост числа отечественных специалистов со средним техническим образованием хотя и медленно, но все же происходил. Так, если в 1885 г. среди руководителей механического и химического производства такие специалисты составляли 3–4%, то в 1895 г. — 8%. По отраслям наибольшее количество специалистов-техников приходилось на военное производство (64,3%) и машиностроение (55,4%), меньше имелось их в текстильной промышленности и красильном деле (33%). Это, естественно, вело к изменению соотношения между отечественными и иностранными специалистами. В середине 90-х гг. иностранцы составляли лишь около 8% от общего числа руководителей производств[128], но среди иностранных специалистов было значительно больше лиц со средним образованием — около 28% в середине 80-х гг.[129] При сравнении с данными об образовательном цензе отечественных специалистов можно заключить, что в подавляющем большинстве (свыше 90% в середине 90-х гг.) они, как писал И.А. Вышнеградский, «не изучали в специальных учебных заведениях того дела, которым... руководят, ознакомились с ним посредством практики»[130].

* *
*

В конце XIX в. произошли серьезные изменения в развитии коммерческого образования. В начале этого столетия в России существовали три коммерческих училища. Это были средние сословные учебные заведения, предназначенные для детей купечества и мещанства. Два из них находились в Москве: Коммерческое училище и Практическая академия коммерческих знаний. Оба откры-

лись в 1804 г. на средства Купеческого общества и некоторых предпринимателей. Петербургское Коммерческое училище, основанное в 1800 г., было преемником училища при Воспитальном доме в Москве, существовавшего с 1779 г. на средства П.А. Демидова. Наряду со специальными предметами (купеческое письмо, бухгалтерия, коммерческая арифметика) в учебных планах этих училищ большой объем занимали общеобразовательные дисциплины гимназического курса. Как уже отмечалось, в 30-е гг. коммерческие классы открылись при некоторых гимназиях. С 1804 г. существовала Коммерческая гимназия в Одессе, в 1817 г. преобразованная в Ришельевский лицей.

Возникновение новых коммерческих учебных заведений связано с оживлением предпринимательства в годы Великих реформ. Средние коммерческие училища появились в Одессе (1862), Риге (1868 г. — коммерческое отделение при Политехническом училище), в Петербурге (1880 г. — Петровское коммерческое училище), Москве (1885 г. — Александровское). Все коммерческие училища продолжали финансироваться из средств Купеческого общества, на частные пожертвования и предназначались для детей купцов, мещан и ремесленников. В них учились и крестьяне, платившие в течение 5 лет гильдейские пошлины.

В училищах получали необходимую подготовку служащие торговых, промышленных, страховых предприятий и банков, будущие преподаватели специальных дисциплин — бухгалтерии, коммерческой арифметики, коммерческой корреспонденции.

Изменения в положении Коммерческих училищ в 90-е гг. связаны в значительной степени с инициативой С.Ю. Витте, тогда министра финансов. В 1894 г. все училища, кроме Московского и Петербургского, с самого начала находившихся в Мариинском ведомстве, были переданы в ведение Министерства финансов.

В этот период в разных городах по инициативе и на средства довольно многочисленных обществ коммерческих знаний стали развиваться начальные ступени коммерческого образования: одногодичные и трехгодичные торговые школы, торговые вечерние классы, курсы коммерческих знаний, на которых велось преподавание одного или нескольких специальных предметов.

В начальные торговые учебные заведения принимались юноши и девушки — выходцы из средних городских слоев и крестьян. Последних было довольно много: по данным 1899—1907 гг., торговые классы посещало около 50% крестьян. Среди слушателей торговых классов в Москве в конце XIX в. начальное образование имело около 60%, остальные были неграмотными и учились в подготовительных классах.

В результате проведенных правительством мер наблюдался довольно значительный рост коммерческих школ всех типов. В 1896 г. в стране существовало 13 коммерческих учебных заведений, в 1899 г. — 56, в 1901 г. — уже 119, из них 48 коммерческих училищ, 36 торговых школ, 14 торговых классов, 21 курс коммерческих знаний. Все они в основном находились в столицах и некоторых крупных городах — Киеве, Одессе, Харькове, Нижнем Новгороде. В провинции коммерческое образование существовало преимущественно в форме торговых школ и курсов коммерческих знаний. В 1899 г. в коммерческих учебных заведениях получало образование около 11 тыс. человек, в 1904 г. — уже около 29,5 тыс.[131]

Высшее коммерческое образование появляется в России в начале XX в. В 1906 г. в Москве Коммерческие курсы Общества распространения коммерческого образования получают права высшего учебного заведения, а с 1907 г. здесь существует Коммерческий институт (в настоящее время Академия народного хозяйства им. Г.В. Плеханова). Высшее коммерческое образование в России, как и другие формы, не финансировалось государством и существовало на общественные средства.

* *
*

Заметным явлением культурной жизни пореформенной России стали съезды деятелей по техническому и профессиональному образованию, которые проводились по инициативе Русского технического общества. В 1889 г. состоялся I съезд, в 1895 г. — II, в 1903 г. — III. Увеличение их участников (примерно от 1 до 3 тыс.), представительный состав свидетельствовали о большом интересе, который они вызывали в обществе. Среди участников съездов были директора и инспектора технических училищ, представители научных, просветительских, технических обществ, ученые, общественные деятели.

На съездах не только обсуждались специальные вопросы, но и ставились проблемы общего характера: о всеобщем начальном образовании, распространении внешкольных форм обучения рабочих, о сокращении длительности рабочего дня[132].

Они как бы подводили итог многолетним спорам среди научно-педагогической общественности о приоритетности того или иного вида начального образования. На развитие общеобразовательной школы как основы для профессиональной обращали внимание многие из выступавших. В докладе А.Г. Небольсина, редактора журнала «Техническое образование», в частности, отмечалось, что «лучшим средством подготовки крестьянского и рабочего населе-

ния к профессиональному образованию служит распространение в его среде грамотности и начального общего образования»[133]. I съезд указал на необходимость устройства фабричных школ для обучения малолетних рабочих, а также воскресных классов для взрослых рабочих при этих школах. Для организации таких школ предлагалось взыскивать специальный налог с фабрикантов[134]. В данном случае речь шла о распространении опыта Русского технического общества по созданию подобных школ для рабочих в Петербурге.

Вопрос о необходимости повышения общей и технической грамотности рабочих обсуждался и на II съезде. И.И. Янжул, которому принадлежат слова: «будет Россия образованна, будет и богата», выступая на съезде, снова подчеркнул, что «важнейшим моментом в решении вопроса «быть или не быть» всей промышленности является образование народа, «как степень его общего умственного развития, так и технического или ремесленного обучения»[135].

В резолюциях II и III съездов как констатация жизненно важной проблемы отмечалось: «Безграмотность рабочих является главнейшим тормозом к распространению в народе технических знаний и самой важной причиной неудовлетворенности труда». «Рост промышленности и производительности труда находится в прямой зависимости от развития общего образования, без которого профессиональное образование не достигает своего назначения»[136].

Появление системы профессионально-технической школы, предполагавшей единство учебных планов и учебного процесса, выдвинуло проблему учителей и учебников для этих школ. После 1881 г. эта задача была возложена на Министерство народного просвещения. Однако, судя по материалам I съезда деятелей по техническому и профессиональному образованию, положение дел в этой области было далеко не лучшим. «Почти все технические и ремесленные училища заявляют, что отсутствие программ и учебников по специальным предметам и отчасти более или менее подготовленных к преподаванию этих предметов учителей немало замедляет целесообразное развитие этих училищ»[137].

На выставке, организованной во время работы I съезда, были представлены некоторые программы и руководства к курсам, по которым проходило обучение в профессиональных школах, экспонировались учебники, справочные издания. Судя по каталогу выставки, учебные пособия носили в основном наглядный характер (образцы инструментов, модели и т. д.), иногда это были руководства по предметам (например, черчению), составленные преподавателями данного училища. Учебники, изданные типографским способом, на выставке практически отсутствовали.

В 1892 г. министр народного просвещения И.Д. Делянов утвердил Правила для подготовки учителей специальных предметов в средних и низших технических училищах. По этим Правилам в училищах могли преподавать выпускники вузов по данной специальности и лица, окончившие средние технические училища. Все они должны были иметь русское подданство и стаж не менее 1—2 лет практической работы. Однако в жизни ощущалась нехватка таких специалистов[138].

При отсутствии достаточного количества учебной литературы одной из форм распространения прикладных знаний в области техники, технологии, сельского хозяйства (прежде всего в городе) были публичные народные чтения. В губернских городах они пользовались большим успехом. В 90-е гг. в Курске, Тамбове, Ставрополе и некоторых других городах аудитория собирала 400—700 человек[139].

Формой распространения технических знаний становились специальные выставки. В Петербурге в 1880 г. по инициативе РТО была устроена первая электротехническая выставка. Повторно она проводилась в 1885 и 1892 гг.[140]

В последние пореформенные десятилетия появилось много специальных технических изданий — ведомственных, научно-популярных. Выходили «Известия», сборники технических вузов. («Известия» Практического Технологического института — 1877—1916 гг.; сборник Института инженеров путей сообщения — 1884—1916 гг.; и др.). Издавались журналы: с 1880 г. — «Электричество», с 1892 г. — «Почтово-телеграфный журнал».

Роль пособия для технического самообразования выполняли научно-популярные журналы, такие, как «Общедоступный техник», «Практик-монтер» и др. Они предназначались для читателей (как указывалось в программе), «стоящих на всех ступенях технических знаний, начиная от сведущих инженеров и кончая вовсе не подготовленными любителями». В журнале «Электричество и жизнь» освещались вопросы, «относящиеся до электротехники и распространения среди читающей публики необходимых сведений как по теории электричества, так и по применению их в науке и общежитии»[141].

С 1892 г. Русским техническим обществом начал издаваться педагогический журнал «Техническое образование» (выходил до 1916 г., с 1904 г. назывался «Техническое и коммерческое образование»). На его страницах публиковались материалы по истории и о современном состоянии технического образования в России и за рубежом. Практически в каждом его номере в отделе «Хроника» сообщались сведения об открытии в разных городах России специальных училищ, курсов, ремесленных школ, мастерских. Судя

по этим данным, в конце 90-х гг. появление новых профессиональных школ разных уровней, в подавляющем большинстве начальных, шло достаточно активно.

* *
*

Профессиональное образование, главным образом высшее, формировало техническую интеллигенцию, которая в дореформенное время фактически отсутствовала. Ее появление было необходимым условием распространения и практического внедрения новой техники, новых технологий в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве. Она являлась важной интеллектуальной силой в процессе модернизации общества. Вместе с этим численность технической интеллигенции была одним из показателей профессионально-образовательного уровня среднего культурного слоя в обществе, непосредственно связанного с материальным производством.

Высшая техническая школа характеризовалась по преимуществу демократическим составом слушателей. В.Г. Короленко, поступивший в 1871 г. в Петербургский Технологический институт, отмечал: «Общий вид студенческой толпы был демократический. Много длинных шевелюр, очков, пледов»[142]. По данным переписи 1897 г., в технических вузах студенты из городских сословий составляли 25%, в то время как в университетах их обучалось лишь около 19%[143]. Однако если соотнести число обучавшихся в высших и средних специальных школах с численностью самих сословий, то картина будет несколько иной: и в конце XIX в. основной контингент слушателей этих заведений продолжали составлять дворяне, а не средние городские слои[144] (см. таблицу, в %):

Образование специальное	Сословия (мужчины)			
	дворяне	городские	духовенство	сельское
Высшее	2,2	0,1	0,1	—
Среднее	2,6	0,4	0,9	0,05

Как видно, только 0,5% из числа городских сословий обучалось в технических вузах или средних училищах. Подавляющая масса мещан, небогатого купечества, разночинцев, учившихся в профессиональной школе, получала лишь начальное профессиональное образование. В России в начале XX в., по свидетельству одного из представителей «инженерной семьи», перепроизводства техников не было[145].



Владимир Григорьевич Шухов

Но все же примечательной чертой столичной культурной жизни стали не только общества, объединявшие деятелей науки и техники, выпускников некоторых технических вузов, но и своеобразные технические клубы. В Москве таким центром технической интеллигенции стал Дом Политехнического общества, построенный в 1907 г. В нем арендовали помещения Общество для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности, Общество электротехников, Московское отделение РТО, размещались редакции технических журналов, проводились съезды.

Появление и известный рост технической интеллигенции в пореформенное время увеличивал образованную, интеллектуальную прослойку в демократической среде, способствовал повышению культурного уровня общества.

Имена некоторых ученых в сфере прикладных наук, инженеров-практиков составляют гордость отечественной науки и культуры. Крупнейшим исследователем в области металлургии, автором теории термической обработки металла был Д.К. Чернов, выпускник Петербургского Технологического института. Московское Техническое училище в звании инженера-механика окончил В.Г. Шухов, известный своими работами по перегонке нефти, строительству нефтеналивных судов, впервые в конце XIX в. появившихся в России. Он был изобретателем крекинг-процесса, позволившего получать из нефти высококачественный бензин. А знаменитая «башня Шухова» — радиобашня на Шаболовке в Москве, построенная по его проекту, используется в современном телевидении.

В.Г. Шухов продолжал сохранять связь с институтом и после его окончания. Имя его встречается среди действительных членов Общества вспомоществования нуждающимся студентам Московского Технического училища.

Об огромной роли интеллигенции в развитии процессов, связанных с повышением культуры производства, изучением и использованием природных богатств, писал Д.И. Менделеев. Он считал, что без активного участия ученых и инженеров страна не достигнет «ни внутренней силы, ни свободы, ни определяемого ими благосостояния и условий для дальнейшего развития»[146].

* *
*

Итак, в XIX столетии, особенно в пореформенное время, в России фактически появилась профессиональная школа, была создана система начального и среднего профессионально-технического образования. К концу столетия определенно выявились заинтересованность не только правительства, но и торгово-промышленных кругов в развитии специального образования, понимание связи успехов в промышленности с уровнем профессиональной грамотности рабочих, образованности инженеров, техников, руководителей производства.

Сфера профессионального образования в целом отражала общие закономерности развития в России системы народного образования. Вместе с тем она, находясь в определенной зависимости от уровня модернизационных процессов, состояния культуры материального производства, одновременно влияла на ход этого развития.

Профессиональная школа в России, какой она сформировалась на рубеже XIX–XX вв., имела свои особенности и характерные черты. Невысокий уровень общей грамотности, который был «болью» прогрессивной общественности, во многом тормозил распространение технического образования. Однако общеэкономические процессы — промышленный подъем 90-х гг., интенсивное железнодорожное строительство, развитие инфраструктуры городского хозяйства, — несомненно, оказывали влияние на эту область народного образования. В одном из выступлений на I съезде деятелей по техническому образованию отмечалось, что Россия «стоит на рубеже развития этого обширного дела»[147]. Статистические материалы показывают, что 90-е гг., действительно, подготовили своеобразный скачок в распространении профессиональной школы[148].

В начале XX в. в России действовало (данные 1910 г.) свыше 3 тыс. средних и начальных технических, сельскохозяйственных, коммерческих школ, из которых только около 300 были средними училищами. По регионам профессиональные школы распространялись очень неравномерно. Подавляющее большинство их (около 2,5 тыс.) находилось в европейской части страны, на всю огромную Сибирь приходилось только 89 профессиональных училищ, на Кавказе было 178 учебных заведений, в степных областях и Средней Азии — 83. Неравномерность сохранялась и в расположении по губерниям. В основном профессиональные школы были сосредоточены в столичных губерниях: в Петербургской — 36 средних и 180 низших училищ, в Московской — соответственно 23 и 119. В других губерниях действовали 2–3 средних училища и не более полусотни начальных профессиональных школ.

В России в системе профессионального образования продолжало преобладать начальное обучение в ремесленной школе, представляющей собой элементарную форму низшего технического училища. Приведем данные о соотношении обучающихся (1910 г.) в разных по профилю профессиональных школах (в %). Интересные сами по себе, они вместе с тем отражали уровень промышленной дифференциации в России на рубеже XIX–XX вв.:

ремесленные — 42,2
коммерческие — 31,6
сельскохозяйственные — 6,8



В сапожной мастерской

технические — 6,1
технико-железнодорожные — 1,8 } 7,9%
художественно-промышленные — 2,7
художественно-музыкальные — 2,3
медицинские — 2,1
судостроительные — 1,1
горные — 0,3
лесные — 0,3
межевые и землемерные — 0,1

Как можно видеть, профиль профессиональных училищ продолжал оставаться малодифференцированным, среди промышленных учебных заведений преобладала ремесленная школа, сохранялось очень небольшое число учащихся в сельскохозяйственных школах. Это являлось косвенным свидетельством широкого бытования традиционной культуры земледелия в подавляющей массе крестьянских хозяйств.

Одной из особенностей технического образования в России был долго сохранявшийся универсализм в системе преподавания в отраслевых вузах. Обучение в них было приспособлено к нуждам промышленности 70–80-х гг., когда в ней господствовала мелкая и средняя фабрика, требовавшая инженера-универсала. В 1871 г. из 165 машиностроительных заводов, например, только треть была типичной для эпохи промышленного переворота[149].

К концу столетия отсутствие специализации в труде инженера стало ощущаться как признак технической отсталости[150]. В одной из корреспонденций в журнале «Техническое образование» отмечалось, что инженер, владеющий глубокими знаниями в одной технической специальности, «окажется несравненно более полезным, чем энциклопедист, обладающий лишь верхушками сведений по различным отраслям техники и не умеющий применять их к делу»[151].

Промышленная конъюнктура 90-х гг., определявшаяся в первую очередь строительством железных дорог, а отсюда — развитием паровозо- и вагоностроения, породила и наиболее распространенный в это время тип инженера — инженера-путейца. Этот процесс отразила очень чуткая к жизни художественная литература. Герои повести Н.Г. Гарина-Михайловского «Инженеры», пьесы А.М. Горького «Варвары» — инженеры-путейцы. Сам Гарин-Михайловский был крупным инженером, участвовал в строительстве Батумского порта.

Многие проблемы развития технического образования, распространения технических знаний были решены в XIX в. Но даль-

нейшая модернизация общества, непосредственно связанная с уровнем технической образованности среднего общественного слоя, ставила перед обществом и государством задачи последующего развития и усовершенствования этой сферы народного образования.

Решались эти проблемы уже в XX в.

---

[1] Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон. Т. L. СПб., 1898. С. 563. В современной литературе дается такое определение: «Профессионально-техническое образование входит в структуру воспроизводства рабочей силы, отражает потребности народного хозяйства в различных типах квалифицированных рабочих кадров, одновременно являясь важной составной частью системы народного образования» (Очерки истории профессионально-технического образования в СССР. М., 1981).

[2] В данном очерке будут рассмотрены только эти области профессионального образования. В XIX в. в России система профессионального образования включала и другие специальные учебные заведения: педагогические, медицинские, музыкальные, художественные. Их развитие, связанное со сферой духовной художественной жизни общества, будет предметом рассмотрения в других очерках как в этом томе (см.: очерк Л.Б. Хорошиловой «Женское образование и воспитание»), так и в последующих томах.

[3] См.: *Киняпина Н.С.* Политика русского самодержавия в области промышленности. 20–50-е годы XIX в. М., 1968. С. 331–335; Горный институт. История создания и развития. 1773–1998. СПб., 1998; *Большаков В.Д.* и др. Двухсотлетие Московского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии. М., 1979.

[4] Сборник постановлений и распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1873. С. 352; см. также: Очерки истории профессионально-технического образования в СССР. С. 37–39.

[5] Коммерческая газета. 1840. № 86; Журнал мануфактур и торговли. 1840. № 12. С. 376; 1841. № 8. С. 220.

[6] Сборник постановлений и распоряжений... Т. II. СПб., 1875. С. 1487–1488.

[7] См.: *Вессель Н.Х.* Профессиональные школы и обучение ремеслам // Педагогические сочинения. М., 1959. С. 264–266.

[8] См.: *Максимов Е.* Организация низшего сельскохозяйственного образования // Семья и школа. 1887. № 1–2. С. 17–21. Известно, что Николай I, к которому обратился Мордвинов, утвердил план Комитета вопреки мнению Госсовета и поручил министру финансов найти средства для его осуществления.

[9] Она выходила вплоть до 1917 г. Редакторами ее в разное время были С.М. Усов, А.П. Заблотский-Десятовский и др.

[10] Так, в 1853 г. из 858 учеников только 27 были помещичьими крестьянами (см.: *Максимов Е.* Указ соч. С. 21).

[11] См.: *Миклашевский И.* Очерки по истории сельскохозяйственного образования в России // Техническое образование. 1893. № 2. С. 28, 30, 31.

[12] См.: *Кузьмин Н.Н.* Низшее и среднее специальное образование в дореволюционной России. Челябинск, 1971. С. 169–170.

[13] Историко-статистический очерк общего и специального образования в России / Под ред. А.Г. Небольсина. СПб., 1884. С. 178. В настоящее время это Белорусская сельскохозяйственная академия. Земледельческий институт в 1864 г. в связи с восстанием в Польше был переведен в Петербург, в 1877 г. преобразован в Лесной институт, агрономическое отделение в нем закрыто.

[14] Прохоровы. Материалы к истории Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых 1799–1915 гг. М., 1996. С. 59–60.

[15] См.: *Вессель Н.Х.* Указ. соч. С. 270.

[16] См.: *Киняпина Н.С.* Указ. соч. С. 344, 349.

[17] *Прокофьев В.И.* Московское высшее техническое училище. М., 1957. С. 342.

[18] См.: *Киняпина Н.С.* Указ. соч. С. 359; Московское высшее техническое училище. 1830–1980. М., 1980. С. 13.

[19] *Киняпина Н.С.* Указ. соч. С. 351–352.

[20] Техническое образование. 1893. № 4–5. С. 64. В книге В.Р. Лейкиной-Свирской «Интеллигенция в России в 1900–1917 гг.» (М., 1981. С. 39) приводятся данные о том, что в 90-е гг. XIX в. только около 40% выпускников Технологического института работали на производстве.

[21] Мануфактурные и горнозаводские известия. 1845. Март, 23. С. 83.

[22] *Ланговой Н.* Санкт-Петербургский Практический Технологический институт с 1828 по 1893 г.: Краткий исторический очерк // Техническое образование. 1894. № 1. С. 17.

[23] Биографии инженеров путей сообщения. Вып. 1. СПб., 1889. С. 24.

[24] Люди русской науки. Т. II. М.;Л., 1948. С. 9112–9113; *Мезин Н.А.* Лауреаты Демидовских премий. Л., 1987. С. 116. Присуждение Демидовской премии, одной из престижных наград за научные достижения, в известной степени является показателем развития или приоритетности той или иной области науки. За все время существования (1832–1865) эту премию получили за успехи в технических науках 7 человек, в механике — 2, химии — 2, в то же время были отмечены премией 15 работ по математике, 6 работ по физике, 4 работы по экономике.

[25] См.: *Мезин Н.А.* Указ. соч. С. 188–194.

[26] Почтово-телеграфный журнал. 1906. Февраль. Отд. неофиц. С. 149–151.

[27] Краткий исторический очерк учебных заведений Ведомства путей сообщения. СПб., 1900. С. 30.

[28] *Вессель Н.Х.* Указ. соч. С. 270, 283.

[29] Очерки истории профессионально-технического образования в СССР. С. 58.

[30] Прохоровы. Материалы... С. 59; Русский торгово-промышленный мир. М., 1993. С. 84.

[31] Прохоровы. Материалы... С. 215.

[32] Журнал мануфактур и торговли. 1832. № 4. С. 14–15.

[33] На базе Строгановской рисовальной школы и открывшейся в 1838 г. Рисовальной школы при Мещанском рисовальном отделении Имп. Архитектурного училища в 1864 г. возникло Строгановское училище технического рисования, существующее в настоящее время.

[34] Так, например, в школе Прохоровых в 1859 г. среди учеников было 53 человека из мещан, 5 — цеховых, 3 — казенных крестьян, 8 — крепостных

(см.: *Кошман Л.В.* Фабричные школы в России в первой половине XIX в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1976. № 2. С. 28.

[35] Журнал мануфактур и торговли. 1837. № 5. С. 202.

[36] Коммерческая газета. 1837. № 42. Апрель.

[37] Там же. 1837. № 147. Декабрь.

[38] Там же. 1840. № 86. Июль; *Любавин Н.Н.* Кафедра технологии и технической химии в Московском университете с 1855 г. // Русский архив. 1906. Кн. II. Вып. 8. С. 565. В.В. Марковников считал, что на лекциях Р.Г. Геймана не могло быть 500 слушателей, так как аудитория, где читались лекции, вмещала не более 250 человек (Ломоносовский сборник. 1902. С. 65. Примечание).

[39] Русский архив. 1906. Кн. II. Вып. 8. С. 564.

[40] По Уставу 1804 г., в университетах на отделении физических и математических наук имелась кафедра технологии и наук, относящихся к торговле и фабрикам. В 1835 г. была создана объединенная кафедра технологии, сельского хозяйства, лесоводства и архитектуры. В 1857 г. в Московском университете была восстановлена самостоятельная кафедра технологии, которую занял проф. М.Я. Киттары.

[41] Русский архив. 1906. Кн. II. Вып. 8. С. 566–567; Прохоровы. Материалы... С. 141–142.

[42] *Киттары М.Я.* Очерк современного положения и нужд русской мануфактурной промышленности. Казань, 1857. С. 16.

[43] См.: *Ершов А.* О высшем техническом образовании в Западной Европе. М., 1857; *Киттары М.* Указ. соч. А. С. Ершов — профессор Московского университета. Его деятельность тесно связана с Московским ремесленным училищем, где с 1846 г. он был смотрителем классов. Став в 1859 г. директором Ремесленного училища, Ершов оставил работу в Московском университете.

[44] *Бабст И.К.* Техническое и промышленное образование // Московские ведомости. 1857. № 140. С. 623, 624.

[45] Там же. № 141. С. 627, 628.

[46] Журнал мануфактур и торговли. 1858. Т. II. № 5–6. С. 193. См. также: *Карелин В.А.* Е.Н. Андреев как теоретик и пропагандист профессионально-технического образования рабочих в пореформенной России // Научная биография — вид исторического исследования: Сб. Л., 1985.

[47] *Андреев Е.Н.* Школьное дело в России. Наши общие и специальные школы. СПб., 1882. Приложение. С. 49.

[48] Вестн. промышленности. 1859. Т. I. № 2. С. 241, 247.

[49] Там же. С. 248.

[50] Там же. С. 246.

[51] См.: *Чернышевский Н.Г.* Заметки о журналах // Полн. собр. соч. Т. III. М., 1947. С. 688–689.

[52] См.: *Ушинский К.Д.* Необходимость ремесленных школ в столицах // Избр. пед. соч. Т. II. М., 1974. С. 215.

[53] См.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 67.

[54] И.А. Анопов был директором Ремесленного училища в Петербурге, членом отделения Ученого комитета Министерства народного просвещения по техническому и профессиональному образованию, товарищ председателя Постоянной комиссии по техническому образованию при Русском техническом обществе, автор ценного труда по истории профессионального образования в России.

[55] *Анопов И.А.* Опыт статистического обозрения материалов к изучению современного состояния среднего и низшего технического и ремесленного образования в России. СПб., 1889. С. 2.

[56] Очерки истории профессионально-технического образования в СССР. С. 57. Ремесленные классы действовали при 317 начальных школах (Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976. С. 152).

[57] Историко-статистический очерк общего и специального образования в России. С. 132, 133; Краткий исторический очерк учебных заведений Ведомства путей сообщения. С. 31, 36.

[58] Историко-статистический очерк... С. 150.

[59] Там же. С. 150, 152, 162; Русский торгово-промышленный мир. М., 1993. С. 128.

[60] Техническое образование. 1893. № 1. С. 48–50.

[61] См.: *Либерман А.А.* Краткий биографический очерк Федора Васильевича Чижова. М., 1905. С. 45–48.

[62] Свое название училище получило в честь крестьянина Осипа Комиссарова, спасшего Александра II при покушении на него Д. Каракозова в 1866 г.

[63] См.: *Анопов И.А.* Указ. соч. С. 37, 40. Данные о социальном составе относятся к 80-м гг. XIX в.

[64] Там же. С. 40, 56; *Перфильев В.И.* Комиссаровское техническое училище. М., 1957. С. 125. Интересны данные о распределении окончивших училище по различным производствам (1888). Из 28 человек работали: на механических заводах – 2, чулочной фабрике – 1, свеклосахарном заводе – 1, прядильно-ткацкой фабрике – 3, экипажном заведении – 1, в торговом деле – 1, техниками на железной дороге – 5, в сельскохозяйственных заведениях – 1, преподавателями низших технических школ – 1, в училище Почтово-телеграфного ведомства – 1, продолжили учебу в Московском Техническом училище 5 человек (см.: *Анопов И.А.* Указ. соч. С. 46).

[65] См.: *Перфильев В.И.* Указ. соч. С. 131–132. Комиссаровское училище существовало до 1919 г., затем было преобразовано в Электромеханический техникум, а на его базе был создан Московский механический институт им. М.Л. Ломоносова.

[66] Очерки истории школы... Вторая половина XIX в. С. 155.

[67] Там же; *Анопов И.А.* Указ. соч. С. 16.

[68] См.: *Анопов И.А.* Указ. соч. С. 537–542.

[69] Историко-статистический очерк... С. 133, 187, 188.

[70] Там же. С. 191–195.

[71] См.: *Максимов Е.* Указ. соч. С. 31.

[72] *Максимов Е.Д.* Как мы устраивали мужицкую академию. (Отрывки из воспоминаний) // Русская школа. 1896. № 11. С. 17–18.

[73] В 80-е гг. земельный надел государственных крестьян составлял 5,8, помещичьих — 3,5 дес. на душу м. п. (см.: *Максимов Е.Д.* Как мы устраивали мужицкую академию... // Русская школа. 1896. № 9–10. С. 35).

[74] Там же. № 11. С. 27–28.

[75] См.: *Королев Ф.Н.* Народные сельскохозяйственные школы // Техническое образование. 1893. № 1. С. 72. Автор — директор Петровской сельскохозяйственной академии.

[76] Техническое образование. 1894. № 1. С. 20.

[77] Директор фабричной школы Прохоровых П. Терентьев в своей работе по истории Трехгорной мануфактуры отмечал, что «та техническая фабрично-ремесленная школа, которая была хороша в 30 — 40-х годах, уже в 80-х годах не могла удовлетворить спросу возросшей техники производства» (см.: Прохоровы. Материалы... С. 209).

[78] См.: *Делла-Вос В.К.* Краткий отчет Имп. Московского Технического училища за 1870/71 уч. год. М., 1871. С. 10. В начале 70-х гг. одна высшая школа приходилась: в Германии, Австрии, Швейцарии на 4300 тыс. жителей, во Франции на 13 млн жителей, в России на 27 млн жителей.

[79] Там же. С. 122.

[80] *Делла-Вос В.К.* Указ. соч. С. 12. Это заставило министра финансов, в ведении которого находился институт, создать комиссию для разработки проекта Технологического института в Харькове. Он был открыт в 1885 г.

[81] Историко-статистический очерк... С. 144.

[82] Там же. С. 12; *Прокофьев В.И.* Московское высшее техническое училище. С. 96.

[83] В связи с этим интересен такой факт. Ю.С. Нечаев-Мальцев, занимаясь проблемами открытия Владимирского Ремесленного училища, начал знакомиться с подобными заведениями в России, посетил наиболее интересные из них в Европе, написал своему университетскому товарищу в Вашингтон с просьбой сообщить, «что сделано в Соединенных Штатах по вопросу о ремесленном образовании». Ответ был такой: «...воистину нет пророка в своем Отечестве! Со времени Филадельфийской выставки (состоялась в 1876 г. — *Л.К.*) в Америке только ценят Советко-систему, а русские ищут науки у Америки». Д.К. Советкин стал работать в Земском Ремесленном училище во Владимире по предложению Ю.С. Нечаева-Мальцева (Сборник материалов по техническому и профессиональному образованию. Вып. 1. Ч. 1. СПб., 1895. С. 167–168).

[84] Цит. по: *Миклашевский И.* Указ. соч. // Техническое образование. 1893. № 3. С. 20.

[85] Историко-статистический очерк... С. 181, 184.

[86] *Миклашевский И.* Указ. соч. // Техническое образование. 1893. № 3. С. 21.

[87] Очерки истории и техники в России. 1861–1917. Кн. 2. М., 1975. С. 348.

[88] *Миклашевский И.* Указ. соч. // Техническое образование. 1893. № 2. С. 20.

[89] Техническое образование. 1893. № 3. С. 457.

[90] Очерк истории Постоянной комиссии по техническому образованию при Имп. Русском техническом обществе с ее основания в 1868 г. по 1889 г. / Сост. Б.Н. Тиц. СПб., 1889. С. 1; Журнал мануфактур и торговли. 1865. Т. 4. С. 80.

[91] Очерк истории Постоянной комиссии... С. 80.

[92] *Андреев Е.Н.* Указ. соч. С. 44.

[93] Очерк истории Постоянной комиссии... С. 5.

[94] Там же. С. 4, 7, 9.

[95] Там же. С. 34.

[96] Там же. С. 38. В 1889 г. в ведении Постоянной комиссии РТО состояли 3 специальные школы (201 ученик), 9 вечерних школ и курсов для рабочих (603 ученика), 11 – для детей рабочих (Там же. С. 80).

[97] Россия в конце XIX века / Под ред. В.И. Ковалевского. СПб., 1900. С. 582–583.

[98] Хроника по России // Техническое образование. 1898. № 2. С. 82–83.

[99] *Андреев Е.Н.* Указ. соч. С. 202.

[100] 30 лет жизни Учебного отдела Общества распространения технических знаний. М., 1902. С. 3.

[101] Там же. С. 85.

[102] Лекционное бюро Учебного отдела общества устраивало лекции (циклы или одноразовые) в разных городах России. В 1895–1900 гг. они состоялись в 20-ти городах, и среди них Нижний Новгород, Рязань, Тула, Смоленск, Курск, Елец, Саратов, Ярославль. В чтении участвовали ведущие ученые, профессора университета. Среди прочитанных лекций были, например, такие: «Канун XX столетия» (П.Г. Виноградов), «Влияние русской территории на склад и характер русского народа» (Е. Шмурло), «Великаны европейской промышленности» (И.И. Янжул), «Об общем образовании» (Н.И. Кареев), «Из истории общественных движений в России» (П.Н. Милюков).

[103] См.: *Худяков П.К.* Очерк 40-летия деятельности Политехнического общества, состоящего при МТУ. М., 1918. С. 35. Общество существовало до 1928 г.

[104] 25-летие Политехнического общества, состоящего при МТУ. 1877–1902. М., 1903. С. 11.

[105] Краткий исторический отчет 25-летней деятельности Общества вспомоществования нуждающимся студентам Имп. Московского Технического училища. М., 1914.

[106] В начале 80-х гг. в ведении этого министерства находилось 69 технических училищ (высших, средних, низших), в которых обучалось около 8 тыс. человек (Историко-статистический очерк... С. 134).

[107] См.: *Кузьмин Н.Н.* Указ. соч. С. 202.

[108] I съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России. 1889–1890 // Труды III отд. Сельскохозяйственное образование. СПб., 1890. С. 5.

[109] Там же. С. 47.

[110] Там же. С. 216, 242, 266, 267.

[111] Там же. С. 55.

[112] Там же. С. 219.

[113] Сборник материалов по техническому и профессиональному образованию. Вып. 1. Ч. 1. С. 61–63.

[114] Там же. Вып. 2. СПб., 1895. С. 5.

[115] См.: *Анопов И.А.* Указ. соч. С. 480. Он отмечал, что «до настоящего времени (написано в конце 80-х гг. – *Л. К.*) профессиональные школы не дали еще положительного и вполне определенного ответа на поставленную перед ними задачу» (Там же. С. 4); см. также: *Максин И.М.* Очерк развития промышленного образования в России. 1888–1908. СПб., 1909. Приложение. С. 155–172.

[116] См.: *Максин И.М.* Указ. соч. С. 26.

[117] См. там же. С. 33–35.

[118] Там же. С. 45.

[119] См.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России... С. 130.

[120] См.: *Анопов И.А.* Указ. соч. С. 537–542.

[121] Сборник материалов по техническому и профессиональному образованию. Вып. 2. С. 75–76.

[122] Очерки истории техники в России. 1861–1917. Кн. 2. С. 151.

[123] См.: *Менделеев Д.И.* Заметки о народном просвещении России. СПб., 1901. С. 20; *Он же.* Границ познанию предвидеть невозможно: Сб. М., 1991. С. 35, 195, 404.

[124] См.: *Веселов А.Н.* Среднее профессионально-техническое образование дореволюционной России: Очерки по истории. М., 1959. С. 11–12.

[125] *Менделеев Д.И.* Границ познанию... С. 403, 404.

[126] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод данных. Т. I. СПб., 1905. С. XVII–XVIII.

[127] Из общих расходов в 1898 г. на промышленные училища (около 2 млн; на средние – примерно 500 тыс. руб.) на казну приходилось около 35%, средства городов, земств, частные пожертвования составляли 37% (см.: *Максин И.М.* Указ. соч. С. 26, 29, 46).

[128] Техническое образование. 1893. № 4–5. С. 55, 56, 58; *Кузьмин Н.Н.* Указ. соч. С. 21.

[129] См.: *Кузьмин Н.Н.* Указ. соч. С. 21.

[130] Техническое образование. 1893, № 4–5. С. 56. По данным переписи 1897 г., в средних специальных учебных заведениях обучалось примерно 10% мужского населения, что составляло 0,1% от всего населения страны (Общий свод... Т. 1. С. XVIII).

[131] Россия в конце XIX века. СПб., 1900. С. 494–495.

[132] См.: *Веселов А.Н.* Указ. соч. С. 124; Очерки истории профессионально-технического образования в СССР. М., 1981. С. 123.

[133] Труды I съезда... Доклады на общих собраниях отделений. СПб., 1890. С. 7.

[134] Труды I съезда... II отд. Средние и низшие технические и ремесленные учебные заведения. СПб., 1890. С. 249, 251.

[135] *Янжул И.И.* Значение образования для успехов промышленности и торговли // Экономическая оценка народного образования: Сб. СПб., 1896. С. 3.

[136] Цит. по: *Веселов А.Н.* Указ. соч. С. 125.

[137] Труды организационного комитета I съезда... Секция III. СПб., 1890. С. 27.

[138] Очерки истории профессионально-технического образования в СССР. С. 80.

[139] Всероссийский торгово-промышленный съезд 1896 г. в Нижнем Новгороде. XI. № 14. С. 3.

[140] Очерки истории Ленинграда. Т. 2. Л., 1957. С. 775.

[141] *Моженко Ю.А.* Русская техническая периодика. 1800–1916: Библиографический указатель. М., 1955.

[142] *Короленко В.Г.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. С. 43–44. Один из героев пьесы А.М. Горького «Варвары», инженер по образованию, с гордостью говорит: «Я крестьянин, а не барин». В другой пьесе, «Дачники», герой, кстати тоже инженер, заявляет: «Мы – все здесь дети мещан, дети бедных людей».

[143] См.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России... С. 66.

[144] Первая всеобщая перепись населения... Общий свод... Т. 1. С. XIX.

[145] См.: *Шихова Е.М.* Замок инженерного братства // Московский журнал. 1998. № 4. С. 16. Цит. письмо Н.П. Зимина, профессора Московского Технического училища, относящееся к 1904 г.

[146] *Менделеев Д.И.* Границ познанию... С. 19.

[147] Труды I съезда... Общая часть... СПб., 1891. С. 10–11.

[148] Сборник статистических сведений о состоянии среднего и низшего профессионального образования. Ч. 1. СПб., 1910.

[149] Очерки истории техники в России. 1861–1917. Кн. 2. С. 359. Машиностроение в России было малоразвитой отраслью; продукция его в 1913 г. составила лишь 6,8% всей продукции крупной промышленности (Там же. С. 151).

[150] См.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России... С. 113; *Иванов А.Е.* Высшая школа в России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 58–59.

[151] Техническое образование. 1897. № 6. С. 89.



М.С. Бастракова,
Г.Е. Павлова

НАУКА: «УЧЕНЫЕ СРЕДСТВА» И «УЧЕНЫЕ СИЛЫ»

Термин «потенциал науки», или «научный потенциал», родился сравнительно недавно, только в XX в., а его современное понимание сформировалось лишь в 60-х гг. нашего столетия. Это сложное комплексное понятие, наиболее важными компонентами которого являются: научные кадры — их численность, уровень подготовки, степень специализации и система воспроизводства; научные учреждения и организации — их общее количество, отраслевая, ведомственная и территориальная сеть, уровень оснащенности и характер организации; научная информация — от традиционных печатных изданий до самых современных средств ее передачи.

Помимо перечисленных показателей научного потенциала, которые можно подсчитать или измерить, имеются и другие, не менее важные, но не поддающиеся количественному подсчету. Так, «с числом и мерою» нельзя подойти к характеристике оригинальных отечественных научных школ, определению их места и «веса» в мировой науке, к фонду идей и комплексу условий, влиявших на их формирование и жизнеспособность; к историческим традициям, определявшим развитие научного знания и научной деятель-

ности. Уровень научного потенциала, одним из показателей эффективности которого было использование научных достижений в практике, во многом влиял на экономическое и культурное развитие страны.

В XIX в. этому современному понятию наиболее полно отвечало выражение «ученые силы и средства», нередко звучавшее в публичных выступлениях ученых на заседаниях научных обществ или съездов, в публицистике. В понятие «ученые средства» современники включали прежде всего научные учреждения и организации, способы трансляции научной информации. Под «учеными силами» подразумевались люди, посвятившие себя поискам и распространению нового научного знания. Именно «ученые силы» считались и по сей день считаются самой важной частью научного потенциала. И это понятно, ибо благодаря идеям, энергии и совокупным усилиям творцов науки создавались исследовательские лаборатории, обсерватории, научные музеи и общества, формировались отечественные научные школы, складывались теоретические и организационные основы научной работы, развивались идейные традиции российской науки.

Формирование научного потенциала в России началось еще в XVIII в., когда происходило становление науки как определенной системы профессиональной деятельности; XIX век — время его дальнейшего развития.

Главным центром научных исследований в первой половине XIX в., как и в XVIII столетии, продолжала оставаться Петербургская Академия наук. Она сохранила сложившиеся традиции, имела отлаженную, хотя и устаревшую систему организации, что в немалой степени позволяло поддерживать научные исследования. Однако прогресс науки требовал более совершенных форм организации работы и руководства ею.

К началу XIX в. положение Академии было довольно тяжелым. Законодательные акты, принятые еще в XVIII в., по которым научное учреждение строило свою многоплановую деятельность — исследовательскую, учебную, просветительскую, издательскую, экспедиционную и др., — не соответствовали задачам, поставленным перед наукой новым временем.

Чтобы реформировать систему организации Академии наук, необходимо было принять новый устав. Прежний, Регламент 1747 г., настолько устарел, а ассигнования на Академию были столь малы, что «ослабили ее деятельность»[1]. Борьба за принятие нового устава велась учеными несколько десятилетий. В начале века группа ученых Академии — акад. Н.Я. Озерецковский, С.Я. Румовский, Н.И. Фус и др. — подготовили Регламент Академии наук. Состави-

тели определили те научные направления, которые позволили бы Академии занять лидирующее место в разработке актуальных проблем науки, необходимых для прогресса страны.

В 1803 г. император утвердил Регламент. В нем нашли отражение изменения, происшедшие в научном учреждении более чем за полвека. Новый документ закрепил лидирующее положение Академии наук среди других научных учреждений страны, определив ее как «первое ученое общество в Империи»[2].

Сохраняя лучшие традиции прошлого века, Академия наук считала своей главной задачей сочетание теоретических исследований с их практическим приложением. Так, в Регламенте был обозначен широкий спектр занятий ученых: «расширять пределы знаний человеческих, усовершенствовать науки, обогащать их новыми открытиями, распространять просвещение, направлять, колико возможно, познания к общему благу, приспосабливая к практическому употреблению теории и полезные следствия опытов и наблюдений». Особо подчеркивалось стремление ученых «обращать труды свои в пользу России, распространяя познания естественных произведений Империи, изыскивая средства к умножению таких, кои составляют предмет народной промышленности и торговли, к усовершенствованию фабрик, мануфактур, ремесел и художеств (т. е. прикладных знаний. — *Г. П.*) — сих источников богатства и силы государства»[3].

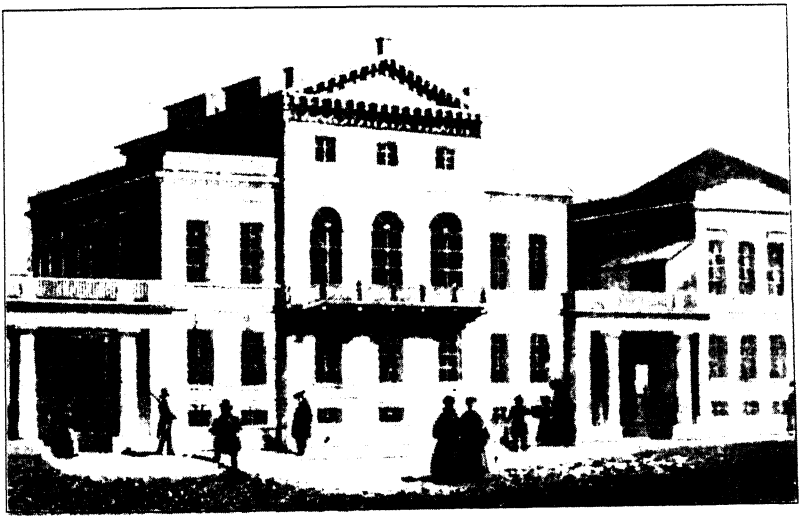
Ученые Академии понимали, что росту могущества страны во многом способствовало освоение ее природных богатств. С этой целью ими была предусмотрена организация научных экспедиций «по тем губерниям, коих географическое положение и естественные произведения недостаточно еще известны и описаны»[4]. Внесением в Регламент этих важных положений они брали на себя известную ответственность за научное и техническое развитие в стране.

Рост сумм, выделенных на содержание Академии наук, позволил ученым наметить расширение ее исследовательской базы. В Регламенте было предусмотрено строительство двух химических лабораторий, а также увеличение средств на содержание Астрономической обсерватории, Физического кабинета, Ботанического сада и других научных подразделений.

Важным достижением в деле распространения и пропаганды научных знаний, а также для «практической пользы» явилось издание на русском языке «Технологического журнала» наряду с правом Академии продолжать публикацию своих научных трудов «по примеру других научных обществ». По настоянию ученых в Регламент 1803 г. было внесено важное дополнение о публикации

научных трудов не только на иностранных языках, но и на русском. Академия наук, указывалось в Регламенте, должна печатать исследовательские работы «как на российском, так и на латинском и другом из известнейших европейских языках»[5]. Это положение свидетельствовало о том, что в стенах высшего научного учреждения России шла борьба за превращение его в подлинно национальный центр науки. Однако этот процесс в силу многих объективных и субъективных обстоятельств проходил в Академии медленно. Вплоть до 1860-х гг. она вела и печатала свои протоколы на французском языке. На французском и немецком языках выходили в свет и ее периодические издания, и многие научные труды. Процесс превращения Академии наук в центр национальной «русскоязычной» науки завершился в основном только в конце XIX в.

Весьма актуально для начала XIX в. звучало одно из положений, зафиксированных в новом документе: взаимные контакты между Академией наук и отечественными университетами. Университетская наука в это время приобретала все большую значимость. Она дополняла и обогащала науку академическую. В создании университетов и разработке их уставов многие академики принимали непосредственное участие. В Регламенте указывалось, что Академия «должна быть в сношении со всеми университетами в Империи, которые со своей стороны будут относиться к ней во всех случаях, где может быть полезно ее содействие или советы»[6]. Значение этого положения трудно переоценить не только для обогащения академической и университетской науки и развития выс-



Академия наук в Петербурге

шего образования, но и для формирования научного потенциала и научного сообщества страны.

Центрами развития прикладных и теоретических исследований становились профессиональные учебные заведения, особенно те, которые возникли в первой половине XIX в. (Практический Технологический институт, Институт корпуса инженеров путей сообщения и др.).

Немалое значение для поднятия уровня научных исследований в Академии наук и университетах имело определение статуса ученых. Академические служащие, а затем профессора и преподаватели университетов и других высших учебных заведений были введены в иерархическую систему государственных чинов Российской империи, что сыграло положительную роль в становлении профессии ученого, а затем формировании научной интеллигенции. С 1803 г. академикам присваивался довольно высокий чин коллежского советника (6-й класс), экстраординарным академикам — надворного советника (7-й класс), адъюнктам — коллежского асессора (8-й класс), т. е. все члены Академии возводились в потомственное дворянство[7]. Решались вопросы льгот, пенсионного обеспечения ученых и их семей за счет государственных ассигнований, которые, по Регламенту 1803 г., значительно увеличивались.

Однако Регламент не решал кардинально вопроса о подготовке научных кадров. Академические университет и гимназия, созданные при Петербургской Академии наук в 1726 г., по существу, перестали функционировать с середины 60-х гг. XVIII в. Вводилась категория воспитанников Академии, которые должны были набираться из студентов университетов и наиболее способных учеников гимназий. Срок их обучения был рассчитан на три года. Но эта система подготовки молодых ученых по ряду причин не получила развития. Во-первых, в высшем научном учреждении страны боролись два направления. Одно из них, стремясь к созданию национальной по своему составу Академии, проявляло заботу о воспитании отечественных ученых, способных занять высокие должности академиков. Наличие национальных научных кадров — людей, которых с полным основанием можно было бы назвать отечественными учеными, т. е. тех, кто, как говорили в то время, «были выращены на родной почве», впитали лучшие традиции отечественной культуры и были неразрывно связаны с жизнью российского общества, являлось важнейшим условием развития науки. По настоянию представителей этого направления в Регламент 1803 г. вошла отдельная глава «О воспитанниках»[8].

Представители другого направления, в основном ученые-иностранцы, считали целесообразным замещать должности академи-

ков лицами, получившими признание в науке за рубежом. Это направление отчасти поддерживалось правительством. В университетах, например, продолжалась практика приглашения ученых из-за рубежа. Она была связана не столько с традицией, укоренившейся в течение XVIII в., сколько с тем, что юная высшая школа России еще не могла обеспечить подготовку «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов» на уровне требований мировой науки. Немаловажную роль играло и то, что российские университеты, имевшие в числе профессорско-преподавательского состава немало выходцев из «разных чинов», живо откликавшихся на явления общественной жизни, по мнению власти, представляли собой «очаги крамолы». Поэтому власти предпочитали использовать для «внушения юношам наук» иностранных специалистов, как правило, далеких от общественной жизни страны.

Другая причина, лишившая Академию наук в первой половине XIX в. собственной базы для подготовки молодых ученых, — постоянная нехватка средств. В конце 20-х — в 30-е гг. XIX в. Академия наук официально отказалась от воспитания будущих ученых, исключив из обязанностей академиков эту функцию, оставив за собой лишь научную деятельность, «чтобы употребить все силы к усовершенствованию своей науки, к обогащению ее новыми открытиями и к умножению главным образом человеческих познаний»[9]. Лишившись своего университета и гимназии, Академия наук не только не могла пополнять свои кадры отечественными учеными, но и перестала снабжать многие государственные учреждения высокообразованными специалистами.

Утверждение в 1803 г. Регламента Академии наук вселило ученым большие надежды на поддержку их деятельности со стороны правительства. 23 февраля 1803 г. президент Академии наук Н.Н. Новосильцев, человек, близкий к императору, выступил на заседании конференции и заверил ученых, что всегда будет помогать Академии выполнять поставленные перед ней важные государственные задачи[10].

Однако жизнь внесла существенные поправки в программу деятельности высшего научного учреждения России. Многие положения Регламента 1803 г. остались формальными, а заверения президента оказались лишь пышными фразами. Причины этого имели отчасти объективный характер. Частые войны, которые Россия вела в начале XIX в., а затем Отечественная война 1812 г. требовали колоссальных расходов, материальных и людских ресурсов. Военные действия, развернувшиеся на территории наиболее населенной части Западной России, повлекли закрытие многих научных и учебных заведений. Заметно свернула свои иссле-

дования и Петербургская Академия наук, готовившаяся к эвакуации в Карелию.

После 1812 г. Александр I отказался от «просвещенного» варианта правления, провозглашенного им в начале царствования. В это время, по замечанию А.И. Герцена, распался союз просвещенного дворянства и власти, который и прежде существовал с немалыми трещинами. Наступившая в стране реакция сказалась и на положении Петербургской Академии наук. Из-за отсутствия ассигнований резко сократились исследования, издательская деятельность, уменьшился численный состав действительных членов Академии. Все это не могло не сказаться на состоянии научного потенциала страны. Но ученые, несмотря на огромные трудности, не прекращали занятий наукой. В значительной степени им помогало преподавание в высших учебных заведениях столицы, в которых они совмещали обучение студентов с научной работой. Используя кабинеты и лаборатории вузов, ученые проводили исследования по многим научным направлениям. Так, акад. Л.Ю. Крафт ставил опыты в Кадетском корпусе, где преподавал физику. Центром развития естественных наук в это время становится Петербургская Медико-хирургическая академия. Постоянную связь Академия наук поддерживала с Московским университетом, что обеспечивало достаточно высокий уровень научных исследований.

Некоторое оживление в деятельности Академии наук наметилось во второй половине 20-х гг. Николай I и его окружение понимали, что без данных науки невозможно создать новейшее вооружение, оснастить армию и флот, поддерживать строительство железных дорог. Николай I в начале своего правления стремился расположить к себе наиболее образованную часть общества. В частности, он обратил внимание на Петербургскую Академию наук, поводом к чему послужил ее 100-летний юбилей. В конце декабря 1826 г. состоялось юбилейное торжественное заседание, на котором присутствовал император[11]. Воспользовавшись случаем, президент Академии С.С. Уваров обратился к Николаю I с просьбой улучшить положение ученых, увеличить ассигнования на содержание научных подразделений[12]. Было получено согласие императора на пересмотр старого Регламента и утверждение новых штатов. Однако только через три года Указом от 30 января 1830 г. были введены «Дополнительные пункты к Регламенту Имп. Академии наук 1803 г.»[13], несколько увеличившие ассигнования на ее содержание.

Ученые Академии значительно расширили свою деятельность. Так, юбилейное заседание конца 1826 г. положило начало проведению ежегодных годичных отчетных собраний, сыгравших за-

метную роль в популяризации работы ученых среди российской общественности. На них стали приглашать «не только почетных членов и корреспондентов, но и других ученых и любителей наук», а о предстоящих заседаниях через газету «Санкт-Петербургские ведомости» извещали всех интересующихся наукой[14].

Особое внимание Академия наук обратила на расширение экспедиционной деятельности, столь важной для изучения и освоения природных богатств государства. В 1827 г. акад. К.А. Триниус подготовил программу экспедиционной деятельности и в декабре на очередном годичном собрании зачитал доклад «О предполагаемых Академиею ученых путешествиях для исследования естественных произведений России». Докладчик указал на огромное значение научных экспедиций для развития многих отраслей прикладных знаний, освоения полезных ископаемых[15].

Однако в первой половине XIX в. Академия наук была весьма ограничена в организации собственных научных экспедиций. В основном она довольствовалась участием в путешествиях, снаряжавшихся министерствами и ведомствами. Чаще всего это были кругосветные плавания, обеспечение которых брали на себя Военное или Морское министерства, а также другие ведомства. Академия наук рекомендовала в состав экипажей своих ученых-естествоиспытателей и готовила инструкции для проведения исследований. Собранные во время экспедиций научные материалы передавались в Академию, где они изучались. Наиболее интересные экспонаты демонстрировались в академических музеях. К сожалению, сбор материала часто был лишен четкой системы, хотя материалы имели научную значимость. Так, Зоологический музей Академии обладал полным собранием бразильских животных и редкими коллекциями из ряда стран мира, но в то же время нуждался в приобретении многих образцов отечественной фауны[16].

При поддержке государства в 30-е гг. заметно расширилась исследовательская деятельность в Петербургской Академии наук. В 1836 г. был утвержден новый устав, который отразил достижения как отечественной, так и мировой науки[17]. Подтверждая свой статус «первенствующего ученого сословия», Академия обязывалась «обращать труды свои непосредственно на пользу России», сочетая теоретические исследования с их практическим применением. Она не снимала с себя заботу «о распространении просвещения вообще и о направлении оного ко благу общему». Прежде всего это касалось тесных контактов с отечественными университетами. Особое значение этот параграф устава приобретал в связи с тем, что из обязанностей Академии исключалась подготовка научных кадров, а ее пополнение обеспечивалось лишь избрани-

ем на вакантные должности академиков и адъюнктов из числа отечественных и зарубежных претендентов[18].

Новый устав отразил дифференциацию научных дисциплин: наряду с расширением традиционных кабинетов и лабораторий возникли специализированные исследовательские подразделения. Усилиями ученых была налажена деятельность таких старейших научных центров, как Физический кабинет, Минералогический музей и др. После постройки новых академических зданий на базе богатейших собраний Петровской кунсткамеры в 20-е гг. были созданы специализированные музеи как самостоятельные научно-исследовательские учреждения. Именно они в первой половине XIX в. стали «местом зарождения почти всех ученых трудов, появившихся в свет в Санкт-Петербурге по каждой отрасли естественных наук»[19]. К середине 30-х гг. Академия наук располагала восемью музеями — исследовательскими центрами: Зоологическим, Минералогическим, Ботаническим, Сравнительно-анатомическим, Азиатским, Нумизматическим, Египетским и Этнографическим.

Каждый музей возглавлял видный ученый, известный своими трудами в данной области. Появляется и новая должность — хранитель музея. Ее, как правило, занимал талантливый, подающий надежды молодой ученый. Так, воспитанник Петербургской Академии наук А.П. Загорский (сын акад. П.А. Загорского) после защиты диссертации на степень доктора медицины был назначен хранителем Зоологического музея[20].

При музеях создавались специализированные библиотеки, комплектовавшиеся за счет книг по отдельным отраслям знания из библиотеки Академии наук. В 1818 г., в связи с организацией Азиатского музея, который возглавил акад. Х.Д. Френ, книги и рукописи на восточных языках, хранившиеся в академической библиотеке, были переданы в новый музей. Одновременно Азиатский музей стал пополняться литературой по востоковедению на русском и западноевропейских языках. Подобные специализированные библиотеки способствовали исследовательской и просветительской деятельности этих научных учреждений.

Отдавая должное новой организационной форме научной деятельности, Академия наук в своем годовой отчете за 1833 г. подчеркивала: «История наших музеев составляет существенную часть истории Академии... ибо эти две стихии вместе представляют мерило, по которому можно судить о ученой деятельности Академии»[21].

Большой опыт научной работы, хорошая исследовательская база музеев, возникших в первой половине XIX в. в Петербургской Академии, послужили прочным фундаментом для организации сто лет спустя ее научно-исследовательских институтов — Зоологического, Геологического, Этнографического и др. Научные

институты как новая, более совершенная форма организации науки сохранили в своем составе музеи как исследовательскую и просветительскую базу.

Большой заслугой музеев Академии явилось то, что они поддерживали контакты с высшей школой. Преподаватели и студенты петербургских учебных заведений, а также других городов России и Западной Европы пользовались книгами и научными материалами из библиотек академических музеев[22].

Уровень науки, достигнутый в первой половине XIX в., предъявлял новые требования к постановке работы исследовательских центров. Всемирным научным центром в середине XIX в. стала построенная в 30-е гг. XIX в. Пулковская астрономическая обсерватория. Еще в первые годы деятельности Академии в верхнем этаже здания Кунсткамеры была открыта Астрономическая обсерватория, которая долгое время считалась одной из лучших в Европе. Однако во второй половине XVIII в. она перестала отвечать возросшим требованиям астрономической науки. В течение нескольких десятилетий ученые разрабатывали проекты создания новой обсерватории. Но только в 30-е гг. при финансовой поддержке государства началось ее строительство в предместье Петербурга — в Пулкове. По замыслу ученых, этот научный центр должен был проводить «постоянные, тончайшие и удовлетворительнейшие астрономические наблюдения», а также заниматься «усовершенствованием практической астрономии в применении ее к географии и мореплаванию»[23].

Торжественное открытие Пулковской астрономической обсерватории состоялось в 1839 г. Оснащенная новейшими инструментами и приборами, укомплектованная высококвалифицированными специалистами, к середине XIX в. она стала исследовательским центром мирового уровня и за ней закрепилось название, данное ей американским астрономом Н.А. Гульдом, — «астрономическая столица мира»[24].

Астрономы Пулковской обсерватории вели активную переписку со своими коллегами в астрономических центрах России и Западной Европы, сообщали им о новейших достижениях и открытиях в области астрономии, снабжали специальной литературой, собирали, обрабатывали и хранили их наблюдения, а заслуживающие внимания — печатали в своих изданиях. В круг обязанностей обсерватории входило обеспечение научных экспедиций астрономическими пособиями и инструкциями[25]. Через Пулковскую обсерваторию российские университеты заказывали новейшие астрономические инструменты за рубежом, получали квалифицированную помощь при проведении наблюдений; здесь практиковались будущие ученые-астрономы из университетов России.

Первый директор Пулковской обсерватории В.Я. Струве исключительное внимание уделял архиву, созданию научной библиотеки. Многие книги поступили в обсерваторию из академической библиотеки, а также были выписаны из-за границы. Новая библиотека стала одним из самых полных собраний астрономических сочинений в мире.

К середине XIX в. Петербургская Академия наук имела в своем составе 15 научных подразделений, деятельность которых позволяла обеспечивать высокий уровень исследовательских работ.

Однако недостаток средств сохранялся и являлся причиной отсутствия в составе Академии таких важных научных подразделений, как химическая лаборатория и анатомический театр; в 1811 г. был продан земельный участок, на котором располагался ботанический сад. Не имея материальной возможности создавать новые исследовательские подразделения по важнейшим отраслям знаний, Академия выступала инициатором их организации в системе ряда министерств и ведомств, которые были способны субсидировать развитие актуальных для государства работ. Наглядным примером может служить история создания Главной физической обсерватории — крупнейшего не только в России, но и в Западной Европе центра метеорологических и магнитных исследований при Министерстве финансов.

В течение трех десятилетий XIX в. Академия наук являлась государственным центром, куда стекались метеорологические наблюдения из многих городов России. Здесь они обрабатывались, а результаты сообщались заинтересованным учреждениям. По инициативе Академии был создан институт корреспондентов — добровольных наблюдателей, которые регулярно направляли результаты своих наблюдений в столицу. Подобные сведения поступали из Москвы, Риги, Вологды, Николаева и других городов. Так, член-корреспондент Академии А.И. Лохтин в течение 17 лет снабжал центр данными метеорологических измерений, которые он проводил в Астрахани и Чебоксарах[26]. Своих корреспондентов ученые Петербурга снабжали необходимыми инструментами, инструкциями, новейшей специальной литературой.

Большой размах приобрели научные обсервации со времени создания отечественных университетов как центров учебных округов. Все метеорологические сводки из учебных округов через университеты поступали в Академию. После обработки наиболее ценные из них публиковались в научных и популярных изданиях, печатавшихся в Академии, — «Санкт-Петербургских ведомостях», «Месяцеслове» и др. Потребность в метеорологических сведениях была большая. Многие государственные учреждения Рос-

сии и Западной Европы обращались в Академию наук с запросами о точных и предполагаемых прогнозах на определенные периоды времени[27].

Экономическое развитие страны — формирование новых отраслей производства, рост машинной индустрии, изменения в области сельского хозяйства, расширение внешнего и внутреннего рынка и складывавшаяся в связи с этим система транспортных коммуникаций — все настойчивее требовало научно обоснованных данных. Организация специального метеорологического центра страны с постоянно действующей сетью обсерваторий и станций наблюдений становилась насущной потребностью.

Осуществить эту сложную задачу предстояло академику А.Я. Купферу. Ученик Митавской гимназии, он получил разностороннее образование сначала в Дерптском, затем в Берлинском и Геттингенском университетах, а усовершенствовал свои знания в области метеорологии и земного магнетизма в Париже. В начале 20-х гг. Купфер возвратился в Россию и занял должность профессора в Казанском университете. Его исследования в области земного магнетизма были высоко оценены Петербургской Академией — в 1826 г. он был избран членом-корреспондентом, а в 1828 г. — академиком[28]. После переезда в Петербург в 1829 г. Купфер активно и весьма успешно продолжил свои научные изыскания. Обладая большим организаторским талантом, ученый установил контакты не только с российскими наблюдателями, но и с их коллегами из стран Западной Европы, Южной Америки, Индии и др.[29]

Ограниченные материальные возможности Академии наук заставили Купфера обратиться в Министерство финансов с просьбой



Пулковская обсерватория под Петербургом

поддержать метеорологические и магнитные исследования в масштабе государства. Заручившись согласием министерства, он создал на территории Горного института в Петербурге Магнитную лабораторию, оснастил ее новейшими приборами и инструментами. Лаборатория объединила обширную сеть магнитных и метеорологических центров Российской империи.

С расширением исследований Купфер пришел к мысли об организации центральной физической обсерватории и в 40-х гг. приступил к воплощению этой идеи в жизнь. При поддержке Министерства финансов началось строительство Главной физической обсерватории, и в 1849 г. в Петербурге состоялось ее торжественное открытие. Несмотря на то что новое учреждение находилось в ведении Министерства финансов, в научном отношении оно подчинялось Академии наук. Директор обсерватории избирался «из членов Академии и должен был быть известным своими открытиями или важными исследованиями в области физических наук»[30].

Первым директором обсерватории по праву стал акад. А.Я. Купфер. Он содействовал формированию при ней первоклассной научной библиотеки, которая постоянно пополнялась новейшей отечественной и зарубежной литературой. При его участии в обсерватории печаталось немало научных и научно-популярных изданий, имевших большой спрос в России и за рубежом.

Открытие в России Главной физической обсерватории явилось выдающимся событием для ученых-естествоиспытателей всего мира. В сентябре 1849 г. французская газета «Siиcle» сообщила: «Россия основала Главную физическую обсерваторию, имевшую огромное значение, ничего подобного нет до сих нигде в Европе»[31].

Таким образом, Петербургская Академия наук, используя не только собственную исследовательскую базу, но и другие отечественные центры научной работы, концентрировала и расширяла свой научный потенциал, стремясь поставить достижения и открытия ученых на службу обществу, экономике, науке.

Важную роль в развитии научного потенциала страны играли отечественные университеты и отраслевые высшие учебные заведения. В конце 50-х гг. Н.И. Пирогов, отмечая большую заслугу отечественных университетов в развитии научных исследований, писал: «...основанные передовыми людьми своего времени, они были настоящими и единственными представителями современной науки, не было различия между академией и университетами. Кто двигал науку вперед, тот и учил. Учение приравнивалось к науке, а не занятиям учеников... Учителя и ученики были общими сподвижниками науки, commilitiones»[32].

В процессе становления и развития исследований в высших учебных заведениях, особенно в университетах, большую роль

сыграли ученые-академики. Они принимали деятельное участие в совершенствовании учебных планов, развертывании научных работ, в ходе подготовки университетских уставов, заложили основы для создания исследовательской базы и условий для привлечения к научным изысканиям не только профессоров и преподавателей, но и студентов. Академики включили в университетские уставы то, за что они упорно боролись и не смогли добиться в XVIII в. для академического университета — автономию и выборность всех университетских должностей.

Не менее важным условием для развертывания исследований в университетах явилось создание научно-материальной базы. Специализированные кабинеты, лаборатории, клиники, обсерватории, библиотеки и другие подразделения позволяли организовывать научную работу, проводить занятия со студентами, прививая им навыки в исследовательской работе[33]. Внутреннее устройство университетов — деление на факультеты — соответствовало состоянию науки того времени, позволяло формировать новые научные направления и способствовало появлению отечественных научных школ. Каждый университет имел свой издательский центр для печатания научной и популярной литературы.

С первых лет своей деятельности отечественные университеты получили право создавать научные общества, что было закреплено уставом. Хотя университетские уставы 1804 г. не предписывали профессорам и преподавателям обязательного занятия научной деятельностью, к ним предъявлялись такие требования, которые можно было выполнить, только постоянно проводя научно-исследовательскую работу. В уставе подчеркивалось, что профессор при чтении курса лекций должен «соединять теорию с практикой во всех науках, в которых сие нужно», а также должен быть осведомлен о всех современных достижениях науки, чтобы «пополнять курсы свои новыми открытиями, учиненными в других странах Европы»[34].

На исходе первой половины XIX в. профессора университетов в своей деятельности совмещали две основные функции: обучение студентов и проведение научных изысканий, которые находились в тесном взаимодействии. Достижения, полученные в результате исследовательских работ, включались в программу обучения молодого поколения. Соединение науки и обучения становилось важным принципом отечественной высшей школы, который определял ее органическую связь с обществом, обеспечивал ее жизнедеятельность.

К.А. Тимирязев, отмечая большую роль университетов России в развитии отечественной науки, писал, что они были «показа-

телями движения науки в стране, центрами, к которым притягивались новые свежие силы и посредством которых наука приходила в действительное прикосновение с обществом»[35].

Права, полученные отечественными университетами в начале XIX в., помогли заложить прочную основу для развития научно-исследовательских работ. Они положили начало созданию системы вузовской науки.

Положительной стороной университетского Устава 1804 г., способствовавшей становлению исследовательской деятельности, было подчинение университету средних и низших учебных заведений учебного округа. Благодаря этому положению профессора могли привлекать учителей гимназий и училищ многих городов губерний к коллективным исследованиям и наблюдениям, к изучению естественных богатств региона[36]. Участие провинциальных учителей в изучении быта, нравов многочисленных народов, населяющих губернии учебных округов, создало весомые предпосылки для формирования краеведения в России. Несмотря на то что по Уставу 1835 г. университеты перестали быть центрами учебных округов и потеряли возможность руководить деятельностью провинциальных гимназий и уездных училищ, традиции, заложенные в первые три десятилетия, настолько укрепились, что и в последующие годы они продолжали координировать научную работу на местах. Так, в 30-х гг. в Казанском университете развернулись широкие исследования в области физики, в частности по метеорологии и магнетизму. Проведение наблюдений было возложено на преподавателей гимназий губернских городов — Симбирска, Саратова, Царицына, Оренбурга и др.[37] В 1840 г. Министерство народного просвещения согласилось с предложением попечителя Казанского учебного округа подключить все губернские гимназии России к научным исследованиям, связанным с изучением и освоением родного края. Особое внимание было обращено на сбор материалов по статистике, топографии, этнографии и истории. Полученные данные предлагалось направлять в университеты, а лучшие работы — публиковать в университетских изданиях[38].

Становление отечественных университетов как научных центров имело свои характерные особенности. Крупнейшим учебным и научным центром в первые годы XIX в. являлся Московский университет, который в 1805 г. отметил свое 50-летие. Новый импульс для расширения деятельности университет получил после утверждения в 1804 г. его первого устава. Была значительно увеличена учебно-научная база: более совершенным оборудованием пополнены кабинеты, лаборатории, расширена библиотека, созданы новые подразделения. В 1805 г. «для заведения Ботанического

сада» был приобретен Аптекарский огород Московского отделения Медико-хирургической академии[39]. Были открыты новые клиники, где обучение студентов совмещалось с исследованиями в медицинской области. Особую ценность представлял Музей натуральной истории, снискавший мировую известность благодаря богатейшим и уникальным коллекциям[40].

Отечественная война 1812 г., пожар Москвы причинили университету невосполнимый ущерб. Огонь уничтожил научные кабинеты и лаборатории, многочисленные коллекции, библиотеку и архив. Удалось спасти лишь часть имущества, вывезенную затем в Нижний Новгород.

После окончания Отечественной войны началось возрождение Московского университета. А.И. Герцен писал, что после 1812 г. для университета наступила новая эпоха[41]. К середине XIX в. Московский университет имел хорошо оборудованные кабинеты и научно-вспомогательные подразделения. В 1831 г. на Пресне была открыта университетская астрономическая обсерватория, которая впоследствии стала ведущим астрофизическим центром России. Здесь прошли научную подготовку известные астрофизики Ф.А. Бредихин, В.К. Цераский и др. В 1838 г. завершилось строительство химической лаборатории университета[42].

Имея хорошую учебно-научную базу, талантливых, инициативных профессоров, Московский университет уже в 30-е гг. занял ведущее положение в подготовке отечественных кадров и в развитии российской науки и культуры. И.А. Гончаров, обучавшийся в это время в университете, вспоминал: «Наш университет в Москве был святилищем не для одних нас, учащихся, но... и для всего общества. Образование, вынесенное из университета, ценилось выше всякого другого». И далее Гончаров отмечал, что университет открывал студенту «широкие ворота не в одну научную сферу, но и в самую жизнь. С учебной почвы он вступал на ученую»[43].

Успешное развитие научных исследований в Московском университете было обусловлено тесной связью с практическими потребностями государства. Уже в первом десятилетии XIX в., с утверждением в составе университета кафедры технологии, проф. И.А. Двигубский при чтении лекций увязывал теоретические знания с их практическим применением на производстве[44]. С нуждами растущей в России промышленности было связано проведение исследований в области механики, химии, физики, геологии и других отраслей знания.

Одной из форм организации научной работы в Московском университете являлась экспедиционная деятельность, результаты

которой способствовали росту производительных сил. В 1822 г. проф. Л.А. Иовский открыл каменноугольные месторождения в Тульской губернии (ныне Подмосковный угольный бассейн). В начале 1830-х гг. проф. Г.Е. Щуровский, занимаясь геологическими исследованиями Урала, впервые определил возраст Уральского хребта. Ему же принадлежит приоритет в разработке проблемы, связанной с колебаниями земной коры, что положило начало новой отрасли в геологии — геотектоники[45].

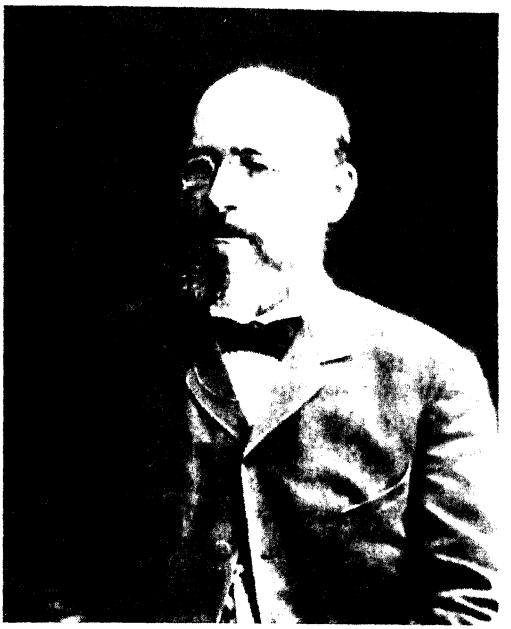
В первой половине XIX в. в Московском университете сформировалась материалистическая естественнонаучная школа, утвердившая новые методы исследований, основанные на экспериментах. Преемственность деятельности профессоров-естествоиспытателей университета подтверждалась трудами М.Я. Мудрова, Е.С. Мухина, И.Е. Дядьковского, К.Ф. Рулье, И.М. Сеченова, С.П. Боткина и многих других[46].

Университеты в Казани, Харькове, в Прибалтийских губерниях, а затем в Санкт-Петербурге, преодолевая трудности организационного периода, также становятся крупными центрами образования и науки.

В Харьковском университете усилиями проф. Т.Ф. Осиповского, воспитанника Петербургского педагогического института, его ученика А.Ф. Павловского был заложен фундамент широкого математического образования и теоретических исследований. Это научное направление сохранилось в университете на многие годы.

Казанский университет при содействии первого его попечителя акад. С.Я. Румовского стал центром исследований в области астрономии, математики, физики, востоковедения. Всемирную известность приобрели астрономические труды И.М. Симонова, метеорологические и физические исследования А.Я. Купфера и др. Воспитанником Казанского университета, а затем профессором и его ректором был Н.И. Лобачевский — создатель неевклидовой геометрии. Здесь в химической лаборатории начал свои классические разработки по химии платиновых металлов проф. К.К. Клаус. Развитие органической химии в России связано с именем Н.Н. Зинина, также воспитанника Казанского университета. Его работы указали путь к производству синтетических веществ. Деятельности проф. университета Х.Д. Френа обязано зарождение отечественного научного востоковедения. Более десяти лет он успешно занимался преподаванием и научной работой. Труды Френа были высоко оценены Петербургской Академией, избравшей его своим действительным членом. Став академиком, он возглавил школу востоковедов в России.

Научная деятельность высших учебных заведений Петербурга в первой половине XIX в. была связана с учеными Академии



Александр Михайлович Бутлеров

наук. В период становления столичного Педагогического института (1804) ученые Академии составили основное ядро его профессуры. Ими были заложены основы для развития тех научных направлений, которые они представляли в Академии. Но к середине века, по мере укрепления и развития Петербургского университета, основанного в 1819 г., начал происходить обратный процесс. Академия наук стала пополнять свой состав за счет профессоров высших учебных заведений, главным образом петербургских.

После пережитого в начале 20-х гг. XIX в. разгрома столичный университет сумел выйти из кризиса только в следующем десятилетии. Этому способствовало обновление его профессорского состава, когда в него влились молодые кадры, воспитанные на новейших достижениях отечественной и зарубежной науки.

К середине XIX в. в связи с расширением научной деятельности, с увеличением кадров профессорско-преподавательского состава создавались необходимые предпосылки для возникновения научных школ. Университеты, Медико-хирургическая академия и другие высшие учебные заведения дали путевки в жизнь целому ряду будущих выдающихся ученых и «звезд профессуры»: Н.И. Лобачевскому и П.Л Чебышеву, Н.Н. Зинину, А.М. Бутлерову и Д.И. Менделееву, Г.Е. Щуровскому и А.П. Богданову, А.Н. Пы-

пину и Ф.И. Буслаеву, М.М. Стасюлевичу, В.Д. Спасовичу и др. В Петербургском университете широкий размах приобрели исследования в области естественных и гуманитарных дисциплин. Подъем в физике был связан с трудами Э.Х. Ленца; в математике — Д.С. Чижова, В.Я. Буняковского, П.Л. Чебышева; в биологии — Г.П. Бонгарда, Н.П. Щеглова, Н.И. Железнова; в статистике — К.Ф. Германа, К.И. Арсеньева; в истории, филологии, литературе — Ф.Б. Графе, П.А. Плетнева, А.В. Никитенко.

Зарождение научных школ в Петербурге происходило при непосредственном участии Академии наук и столичных высших учебных заведений. Продолжая традиционные для Академии научные направления в области математики и механики, акад. М.В. Остроградский и В.Я. Буняковский создали отечественную математическую школу. Труды Остроградского и его учеников оказали заметное влияние на дальнейший ход математических исследований в отечественных университетах. Однако главой русской математической школы стал воспитанник Московского университета П.Л. Чебышев. Отличительной чертой этой научной школы было стремление увязать результаты теоретических изысканий с их практическим приложением. Видный ее представитель акад. А.М. Ляпунов подчеркивал: «П.Л. Чебышев и его последователи остаются постоянно на реальной почве, руководствуясь взглядом, что только те изыскания имеют цену, которые вызываются приложениями (научными или практическими), и только те теории действительно полезны, которые вытекают из рассмотрения частных случаев»[47].

В начале XIX в. благоприятные условия для прогресса образования и науки сложились в Прибалтийских губерниях России. В Дерпте и Вильно под воздействием общественности была возрождена жизнь университетов, которые стали связующим звеном между учеными Западной и Восточной Европы. Это обстоятельство содействовало их успешной работе. Кроме того, благодаря относительно автономному положению Остзейского края и расположению царского правительства к прибалтийскому дворянству Дерптский университет избежал прямого вмешательства в его дела со стороны наиболее реакционной части правящих кругов.

Когда в первые годы XIX в. Дерптский и Виленский университеты получили статус высших учебных заведений, они уже имели научные традиции, заложенные в XVI–XVIII вв. Лидирующее положение в Виленском университете занял медицинский факультет, который возглавил известный ученый, организатор науки и высшего образования проф. И.П. Франк. Развитие медицинских знаний способствовало прогрессу естественных наук в этом учеб-

ном заведении. В 1804 г. по инициативе проф. Л. Боянуса для практических занятий и научной работы при Виленском университете был создан Музей зоологии и анатомии животных. В первом десятилетии XIX в. он являлся лучшим в России. Авторитет медицинского факультета Виленского университета был настолько велик, что сюда для усовершенствования в науках и защиты диссертаций приезжали молодые ученые не только из высших учебных заведений России, но и из стран Западной Европы[48]. Химическая лаборатория университета стала центром пропаганды учения А.Л. Лавуазье. Астрономическая обсерватория, возглавлявшаяся проф. М. Почебутом и Я. Снядецким в 10-х гг. XIX в., явилась средоточием астрономо-геодезических исследований. Здесь было положено начало новому научному направлению — отечественной гравиметрии[49].

В становлении Дерптского университета, в определении его учебного и научного направления большую роль сыграл его первый ректор проф. Г.Ф. Паротт. Он удачно сочетал в себе качества большого ученого, хорошего организатора науки и высшего образования, талантливого педагога с передовыми просветительскими взглядами. Выполняя административные обязанности, Паротт успешно занимался экспериментальной и теоретической физикой. Его научные интересы в значительной степени повлияли на формирование исследовательских направлений в Дерптском университете: естественные дисциплины заняли лидирующее положение в работах профессорско-преподавательского состава.

Важную роль в подъеме научных исследований в Дерптском университете сыграла экспедиционная работа его профессоров, преподавателей и студентов. Они принимали участие в кругосветных плаваниях, проводили астрономо-геодезические исследования в Восточной Сибири и т. д.[50]

Росту научного авторитета Дерптского университета способствовала организация при нем так называемого «Профессорского института». Основанный в конце 20-х гг. XIX в. институт должен был за довольно короткий срок подготовить из воспитанников отечественных университетов достойное пополнение для центров образования и науки России. Успешному решению этой задачи содействовали хорошо оборудованные научные кабинеты и лаборатории университета — астрономическая обсерватория, ботанический сад, физический кабинет, анатомический театр, клиники, богатейшая библиотека и пр.

Профессорский институт просуществовал десять лет. Среди его выпускников было немало известных ученых и профессоров: Н.И. Пирогов, А.М. Филомафитский, братья С.С. и М.С. Куторги,

Д.М. Перевощиков, А.П. Савич и др. Н.И. Пирогов, отмечая заслугу Профессорского института в обновлении профессорско-преподавательского состава университетов России, подчеркнул, что качественный скачок в 30-х гг. «совершился посредством введения новых элементов, и то были не новые уставы, а свежие личности. Новое поколение профессоров подоспело разом и вовремя для замены отжившего»[51].

Почти одновременно с Профессорским институтом в Петербурге в 1829 г. был открыт Главный Педагогический институт, готовивший преподавателей высшей квалификации для университетов, гимназий и других учебных центров России. Ученые Петербургской Академии — химик Г.И. Гесс, физик Э.Х. Ленц и другие, совмещавшие научную работу с педагогической, обеспечили высокий уровень обучения. Из стен Главного Педагогического института вышли крупные деятели отечественной науки и культуры — Д.И. Менделеев, М.Ф. Спасский, Н.А. Добролюбов, А.И. Ходнев и др.

С увеличением числа отечественных профессоров в университетах и других высших учебных заведениях происходило изменение социального и национального состава интеллигенции в целом и научной, в частности. Обновление профессорского корпуса университетов повлияло на избрание российских ученых в Академию наук. Баланс между иностранными учеными и «природно русскими» к середине XIX в. начал уравниваться. Наука стала пополняться талантливыми российскими учеными.

Развитию научного потенциала в первой половине века в значительной мере содействовали специализированные высшие учебные заведения. Их возникновение было обусловлено дифференциацией науки, необходимостью совершенствования прикладных знаний, развитием отраслей народного хозяйства и потребностью в специалистах для них.

Специализированные учебные заведения, находившиеся в ведении министерств и ведомств, финансировались лучше, чем университеты и Академия наук. В их распоряжении имелись хорошо оборудованные лаборатории, кабинеты, библиотеки и т. д. Некоторые из них располагали необходимой издательской базой.

Так, основанная в последние годы XVIII в. в Петербурге Медико-хирургическая академия, состоявшая в ведении Военного министерства, в начале XIX в. стала превращаться в ведущий учебный и научный центр. Академия наук, переживавшая в этот период значительные трудности, установила с ней контакты, которые не прерывались в течение нескольких десятилетий. Профессора этого медицинского учебного заведения, видные естествоиспытатели — анатом и физиолог П.А. Загорский, физик В.В. Петров и

другие — стали действительными членами Петербургской Академии наук. Имея в своем распоряжении хорошо оборудованный Физический кабинет в Медико-хирургической академии, В.В. Петров открыл явление электрической дуги и доказал возможность ее практического использования для плавлении металла, освещения и т. д.

Средоточием подготовки специалистов широкого профиля для горной промышленности, а также для исследований в области геологии, химии, физики и других отраслей знания стал Горный институт, основанный еще в XVIII в.[52] Задачей этого института помимо преподавания горных наук являлось «усовершенствование сих знаний». Ведомственное подчинение Министерству финансов обеспечивало ему постоянные ассигнования, а контакты с Академией наук позволили поддерживать учебную и исследовательскую деятельность на высоком уровне. По постановке педагогического процесса, по научной значимости Горный институт стал «одним из первейших в государстве» высших учебных заведений и в 1806 г. был приравнен к отечественным университетам[53].

Развитие внешней и внутренней торговли, увеличение численности населения в городах страны вызвали рост транспортных коммуникаций, что в свою очередь потребовало от государства проектирования и строительства новых дорог, мостов и других инженерных сооружений. В 1809 г. в Петербурге был основан первый в России центр по подготовке специалистов инженерного профиля — Институт корпуса инженеров путей сообщения. Здесь вырабатывалась система отечественного инженерного и строительного образования, создавались проекты транспортных сообщений, формировались многие научные направления в области строительной механики, гидравлики, проектирования и эксплуатации железных и шоссейных дорог. На протяжении всего XIX в. институт оставался одним из ведущих в стране учебных заведений, где проводились исследования по многим инженерно-техническим направлениям.

Одним из звеньев системы, способствовавшей поднятию научного потенциала страны, являлись научные общества. Эта форма организации научной деятельности стала складываться в России во второй половине XVIII в., но в то время не получила широкого распространения. С ростом отечественных университетов и высших учебных заведений процесс организации научных обществ заметно активизировался.

Для научных обществ первой половины XIX в. характерна довольно четкая отраслевая специализация: создаются естественнонаучные, гуманитарные, технические, сельскохозяйственные и

другие объединения. Ясно вырисовываются два типа научных обществ — самостоятельные и находящиеся при университетах. Консолидируя известных ученых, студентов и всех любителей науки, научные общества становились центрами, где зарождались коллективные исследования.

Функции научных обществ были весьма разнообразны. Это объединение деятелей науки, заслушивание и обсуждение научных докладов, сбор коллекций, создание музеев и библиотек, участие в экспедиционной деятельности, организация публичных лекций, издание научных работ и журналов.

С самого момента основания научные общества привлекали к себе внимание общественности. Для многих они являлись единственной возможностью принять участие в интеллектуальной жизни страны, раскрыть свои способности.

Старейшим в России было Вольное экономическое общество (ВЭО), основанное в 1765 г.[54] Сочетание научного и прикладного направлений в деятельности ВЭО обеспечило ему популярность среди наиболее просвещенных сельских хозяев, а тесная связь с учеными поддерживала его жизнедеятельность. В XIX в. работа ВЭО заметно активизировалась. В некоторых районах России были открыты его отделения, призванные пропагандировать и внедрять в жизнь научные разработки в области промышленности и сельского хозяйства. Успешная деятельность общества в 20—40-е гг. связана с Н.С. Мордвиновым, прославленным адмиралом, выразителем идей наиболее просвещенной части русского дворянства. В течение 17 лет он, являясь президентом ВЭО, доказывал необходимость преодоления экономической отсталости России путем интенсификации промышленного производства, сельского хозяйства, кредитного дела. Мордвинов выступал за союз науки и промышленности, доказывал, что только общество, «соединенное взаимными выгодами и услугами ученых людей с фабрикантами и заводчиками», сможет «вывести из скудного положения государство»[55].

В первой половине XIX в. ВЭО стало центром разработки и распространения передовых экологических идей и достижений сельскохозяйственной науки, создания новых конструкций машин и механизмов. Популярности общества способствовало издание его трудов, многочисленных книг и брошюр, на страницах которых высказывались идеи о преимуществах вольнонаемного труда, о его большей производительности по сравнению с крепостным.

Прогресс дифференциации науки вызвал к жизни создание специализированных научных обществ. Так, выделение минера-



Дмитрий Иванович Менделеев

логии в качестве самостоятельной научной дисциплины привело к организации Минералогического общества. Оно было основано в 1817 г. в Петербурге для «усовершенствования и всеобщего распространения познаний о царстве природы», изучения минералогических богатств страны, чтобы «тем самым приносить пользу государству»[56]. Члены общества участвовали в экспедициях по многим регионам России. Особое внимание они уделяли просветительской работе — чтению публичных лекций по минералогии и смежным наукам. Лекции читались на русском языке и привлекали значительное число слушателей. Печатные издания Общества пользовались большой популярностью в России и в Западной Европе[57].

К середине XIX в. развитие науки достигло такого уровня, при котором дальнейший прогресс был немыслим без интеграции ученых нескольких специальностей, без проведения коллективных исследований. Стали зарождаться крупные научные общества, способные решать сложные комплексные проблемы. К числу таких объединений относится Русское географическое общество (РГО), учрежденное в 1845 г. С первых шагов РГО объединило многих видных ученых, отважных путешественников и энтузиастов изучения страны. П.П. Семенов-Тян-Шанский писал: «Общество никогда не представляло замкнутой корпорации, а широко открывало доступ в свою среду свободным деятелям, желающим принести свою лепту на пользу русского землеведения»[58]. С осно-

ванием Географического общества связано возникновение первых отечественных географических журналов на русском языке, где печатались статьи и материалы по различным областям географии, статистики, этнографии, сведения об экспедициях, отчеты о заседаниях Общества и т. д. Особенно широких масштабов деятельность РГО достигла во второй половине XIX в.

Большое число научных обществ в первой половине XIX в. было создано при отечественных университетах. Это объяснялось тем, что Устав 1804 г. предусматривал организацию подобных объединений. «К особому достоинству университета, — подчеркивалось в уставе, — относится составление в его недрах ученых обществ, как упражняющихся в словесности российской и древней, так и занимающихся распространением наук опытных и точных, основанных на достоверных началах»[59].

Достоинством научных организаций при университетах являлось то, что наряду с профессорами и преподавателями в их работе принимали участие студенты, которые получали здесь навыки исследовательской работы.

Наиболее благоприятные условия для работы научных обществ были в Московском университете, обладавшем достаточным числом профессоров, преподавателей и студентов, сложившимися научными направлениями и научными традициями. В 1805–1806 гг. при университете возникло несколько научных обществ: Истории и древностей российских, Испытателей природы, Соревнования медицинских и физических наук и др.[60].

Первым в России естественнонаучным университетским обществом стало Московское общество испытателей природы (МОИП). Пережив время подъемов и спадов, Общество продолжает свою деятельность и в наши дни. Устав МОИП, утвержденный в 1805 г., так определял его основную цель: изучение природы и естественных богатств страны «по части минералогии, ботаники, зоологии, земледелия и промышленности», открытие и освоение полезных ископаемых, «кои могут составить новую ветвь российской торговли»[61]. Столь обширная программа, предложенная учредителями Общества, привлекла не только профессоров и студентов университета, но и добровольных помощников, в том числе из провинции, интересовавшихся наукой.

Инициатором создания МОИП и бессменным его руководителем с 1805 по 1853 г. являлся профессор естественной истории Московского университета Г.И. Фишер фон Вальдгейм, при участии которого были собраны коллекции минералов, зоологические и ботанические коллекции, создана богатая научная библиотека. Члены Общества поддерживали контакты с зарубежными

корпорациями. Печатные издания Общества, выходившие преимущественно на иностранных языках, укрепляли его научных авторитет.

Успехи МОИП к середине XIX в. были признаны отечественными и зарубежными учеными. В приветствии по случаю 50-летия его основания отмечалось: «Едва ли есть одно ученое общество в целой Европе, которое бы не ценило и не уважало трудов Московского общества испытателей природы, столь полезных для науки, и потому не состояло бы с ним в беспрерывных сношениях, с особой готовностью делясь и обмениваясь взаимно своими трудами и естественными произведениями страны. Ему шлют дань уважения ученые знаменитости из других стран света, даже самых отдаленных, как Америка, Австралия и т.д. И не напрасно ценятся труды его всем светом столь высоко. Они приносят самые благоприятные плоды не только всем отраслям собственно науки и естествознания, но и всем научным отраслям практической деятельности человека»[62].

По мере становления отечественных университетов создавались научные объединения по тем отраслям знания, которые в данном учебном заведении получали наибольшее развитие.

Во втором десятилетии XIX в. начали появляться научные общества прикладного характера, ставящие своей целью разработку и внедрение в народное хозяйство технических достижений. Так, в 1818 г. в Москве было учреждено Общество сельского хозяйства для усовершенствования земледелия в России, для внедрения в жизнь более рациональной системы организации этой отрасли[63]. Вскоре деятельность этого Общества приобрела всероссийский масштаб. Центром его научной работы стала Земледельческая школа и соединенный с ней опытный хутор, где проводились экспериментальные исследования. Руководителем Земледельческой школы был профессор Московского университета М.Г. Павлов. В 1865 г. на основе этой школы была организована Петровская земледельческая и лесная академия (ныне — Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева)[64].

Деятельность научных обществ в России в первой половине XIX в. оказалась весьма плодотворной. Они превратились в очаги консолидации «ученых сил», способствующие росту научного потенциала России.

Заметную роль в поднятии уровня отечественной науки в рассматриваемый период сыграли ученые комитеты при министерствах и ведомствах. Привлекая к работе видных деятелей науки, они становились центрами концентрации «ученых сил» и превращались в «ученые средства» России.

Каждое научное, научно-административное и учебное заведение имело право объявлять конкурсные задачи, решение которых способствовало бы прогрессу науки и техники. Особенно значимыми для развития русской науки в XIX в. стало присуждение премий. В 1831 г. было положено начало наиболее престижным — Демидовским премиям, просуществовавшим до 1865 г. Они присуждались Академией наук за оригинальные сочинения в области естествознания, за новые открытия и изобретения, за труды по философии, юриспруденции, истории, литературе и т. д. Этими премиями были отмечены выдающиеся работы многих ученых отечественных университетов — Д.М. Перевощикова, М.В. Остроградского, П.Л. Чебышева и др. Демидовские премии способствовали оживлению научной деятельности и общественному признанию заслуг ученого сообщества[65].

Таким образом, первая половина XIX в. явилась важным периодом в развитии ведомств научных исследований. В орбиту этой деятельности были включены такие исследовательские центры, как Петербургская Академия наук, отечественные университеты, высшая профессиональная школа, научные общества, ученые комитеты. В этот период в основном сложилась система научных учреждений России и началось формирование национальных научных кадров.

* *
*

Во второй половине столетия, в условиях бурного развития экономики и невиданного дотоле оживления общественной, культурной и научной жизни, вызванного «оттепелью» и реформами 60-х гг., в системе «ученых сил» и «ученых средств» страны происходили серьезные количественные, а главное, качественные изменения.

В 50—70-х гг. одной из острейших проблем развития российской науки оставалась проблема формирования кадров ученых, думавших, говоривших и писавших по-русски, воспитанных в отечественных университетах и на традициях русской культуры. По убеждению многих ученых, необходимым элементом национальной культуры является наука, творческая работа ее творцов. Об этом не раз писали, в частности, исследователь Средней Азии П.П. Семенов-Тян-Шанский, геолог Г.Е. Щуровский, математик Н.В. Бугаев, биологи И.М. Сеченов и К.А. Тимирязев, минералог В.И. Вернадский и др. Вопросы, касавшиеся роли и задач науки в системе культуры и формировании кадров отечественных ученых, в течение 50—70-х гг. XIX в. неизменно ставились на съездах ученых разных специальностей и дебатировались в печати.

В конце 1869 г., выступая на II Всероссийском съезде естествоиспытателей и врачей, Г.Е. Щуровский обратил внимание на то, что «лишь в самое последнее время стали появляться выражения «русская наука» и «русское естествознание». Он связывал появление этих понятий и стоящих за ними явлений с такими факторами, как рост самосознания российского общества, подъем национальной культуры, развитие самой науки. Ученый подчеркнул, что «национальный вопрос по отношению к науке» возник тогда, «когда русская наука, осознав свою силу, обратилась к своему отечеству», и началась «та самая пора в жизни народа, когда и науки, и искусства, и литература получают по преимуществу «своенародный» характер и стараются быть выражением своего, родного». Осознание наукой своей «своенародности» — это прежде всего осознание национальных задач. Оно является необходимым следствием «умственной возмужалости каждого народа» и отнюдь не предполагает отчуждения науки какой-либо страны от общемирового научного прогресса. Более того, именно «национальное направление» работы ученых обеспечивает равноправное и полное участие каждого народа в развитии цивилизации. «Этим направлением, — утверждал Щуровский, — вносится в науку, в искусство, литературу тот самостоятельный взгляд, который открывает новые стороны и кладет на все особую печать»[66].

От создания «своенародной», отечественной науки зависела независимость России от иностранных ученых и специалистов, ее научно-технический суверенитет, ибо «без самостоятельного знания народ всегда будет играть роль сателлита другой страны не только в научном, но и в нравственном отношении»[67]. На это указывали ученые, литераторы, общественные деятели. Так, в начале 70-х гг. Ф.М. Достоевский писал о том, что для создания машин, облегчающих жизнь людей, подобных тем, какие изобретены в Англии или Германии, прежде всего нужна «наука самостоятельная, а не покупная, своя, а не выписанная, укоренившаяся и свободная»[68]. Не случайно вопрос о «своих собственных научных деятелях» и превращении высших учебных заведений и научных учреждений России в подлинные национальные учреждения в течение нескольких десятилетий находился в центре внимания образованного общества.

Для формирования национальных научных кадров России большое значение имели «оттепель» конца 50-х гг. и реформы первой половины 60-х гг. XIX в. Росла сеть высших школ, а вместе с этим увеличивалась доля ученых, «выращенных на родной почве» за счет молодежи «разных чинов». Немаловажную роль сыграло то, что время Великих реформ открыло перед начинающими учеными возможность стажироваться в лучших лабораториях Ев-

ропы и общаться с зарубежными коллегами. Только в первой половине 60-х гг. в зарубежных командировках побывало более 100 молодых ученых «для подготовки к профессорскому званию». Немало было и тех, кто обучался или стажировался за границей за свой собственный счет. По оценке И.М. Сеченова, не менее половины профессоров, работавших в высших учебных заведениях России в 60–70-х гг., «прошли серьезную научную школу на Западе». В 1894 г. К.А. Тимирязев отмечал, что они не просто принесли с собой «плоды европейской науки, но, что важнее всего, сумели привить их на родной земле, доказав в первый раз и в больших размерах, что и она может давать своих ученых деятелей, а не обречена на вечную зависимость от пришлых сил»[69].

Примерно к середине 70-х гг. в России уже сложились собственные «ученые силы». В 1875 г. более 80% профессоров высшей школы и до 70% действительных членов Академии наук были выпускниками отечественных высших учебных заведений[70]. В конце столетия процесс вытеснения иностранных ученых российскими пошел еще быстрее. На исходе 90-х гг. дипломы российских университетов и высших специальных училищ имел практически весь профессорско-преподавательский корпус страны, а среди академиков только четверо являлись воспитанниками зарубежных университетов. В конце 60-х — 70-е гг. впервые появились и начали проникать в общественное сознание термины «русский ученый», «отечественный ученый». Оценивая в 1883 г. итоги университетской науки, И.М. Сеченов писал, что только после того, как в России выросли свои научные кадры, ее наука приобрела подлинную самостоятельность, и лишь с этого времени вообще «можно говорить о русской науке как таковой»[71].

Во второй половине XIX в. Россия дала миру целую плеяду ученых, труды и открытия которых, по словам К.А. Тимирязева, «стали выдающимися на фоне зарождения наук в ту знаменательную эпоху» и во многом определили направление и темп научного прогресса в следующем столетии. Достаточно вспомнить Д.И. Менделеева, открывшего периодический закон химических элементов, и А.М. Бутлерова, сформулировавшего теорию химического строения, И.М. Сеченова, создавшего современное представление о физиологических основах высшей нервной деятельности, творца фагоцитарной теории И.И. Мечникова, основоположника эволюционной эмбриологии А.О. Ковалевского и создателя эволюционной палеонтологии В.О. Ковалевского, В.И. Вернадского, положившего начало генетической минералогии, и одного из творцов астрофизики Ф.А. Бредихина. В пореформенный период складывались и умножались отечественные «ученые силы», формировалось объединяющее их национальное и гражданское сознание,

общее для большинства, несмотря на значительный разброс политических пристрастий в их среде.

На процесс воспитания молодой российской научной интеллигенции, на формирование ее исследовательских интересов, нравственного облика и традиций общественного поведения большое влияние оказало поколение ученых, выдвинутых эпохой Великих реформ — ученых-«шестидесятников». Среди них были признанные лидеры естествознания того времени — А.М. Бутлеров, В.В. Докучаев, А.О. Ковалевский, Д.И. Менделеев, И.И. Мечников, И.М. Сеченов и др. К их числу принадлежали члены «химической дружины»: глава московских химиков-органиков В.В. Марковников, основоположник термохимии в России В.Ф. Лугинин, создатель отечественной агрохимии А.Н. Энгельгардт, руководитель русской школы физикохимиков Н.Н. Бекетов, замечательный исследователь и не менее замечательный композитор А.П. Бородин. К «шестидесятникам» принадлежал основатель русской школы физиков-экспериментаторов А.Г. Столетов и один из первых физиков-теоретиков России Н.А. Умов. Основное ядро ученых-«шестидесятников» составляли биологи-новаторы, материалисты по своим философским воззрениям, последователи и пропагандисты эволюционного учения, теории клеточного строения, сторонники широкого применения экспериментальных методов в биологии: А.Н. Бекетов — родоначальник исторического подхода к морфологии и географии растений, А.С. Фаминицын — создатель российской школы физиологии растений, Н.П. Вагнер — зоолог, энтомолог и известный писатель того времени, Ф.В. Овсянников — создатель сравнительной нейрогистологии и нейрофизиологии, А.П. Богданов — зоолог и антрополог, С.П. Боткин — глава русской школы клинической медицины. К «шестидесятникам» с гордостью относил себя и К.А. Тимирязев.

Одной из особенностей развития науки в 60-х гг. было то, что она, по наблюдениям современников, «широко вербовала своих адептов не из одних только университетов», а практически отовсюду. На волне растущего интереса к естествознанию талантливые молодые люди нередко оставляли офицерскую или чиновничью службу и «устремлялись за знаниями». В науку приходили люди, уже обладавшие определенным жизненным опытом, целеустремленные, сделавшие свой выбор по твердому убеждению.

Так, саперный офицер И.М. Сеченов оставил военную службу и поступил в Московский университет, чтобы, по его собственным словам, «изучать медицину и помогать ближнему». После стажировки в лабораториях Парижа, Гейдельберга и Вены, вернувшись на родину, он стал профессором Медико-хирургической

академии в Петербурге, а с 1851 г. — профессором Московского университета. Увлечение естественными науками заставило бросить военную службу А.Н. Бекетова, посвятившего всю свою дальнейшую жизнь ботаническим исследованиям и просвещению юношества. А.О. Ковалевский, выполняя волю отца, учился в Институте корпуса инженеров путей сообщения, и его ждала доходная по тем временам должность, однако в 1859 г. он покинул этот институт, поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, а затем завершил образование в Гейдельберге. А.О. Ковалевский несколько лет работал на морских биологических станциях Италии, вел исследование беспозвоночных, и, по воспоминаниям современников, «не раз продавал или закладывал часть своего незатейливого гардероба», чтобы приобретать экспериментальный материал и продолжать работу[72]. Не сразу нашел свой путь в науку его младший брат Владимир. Первоначальное образование он получил в привилегированном Училище правоведения; окончив его, служил в Департаменте герольдии Сената, но вскоре «уволился в отпуск» и «устремился за знаниями» за границу. В течение нескольких лет В.О. Ковалевский посещал крупнейшие центры научной и общественной жизни Европы. Увлекающийся и энергичный, он отдал дань освободительным идеям, а вернувшись в Россию, целиком посвятил себя работе по переводу и изданию естественнонаучной литературы. В конце 60-х гг. В.О. Ковалевский вновь уехал за границу, где всерьез занялся геологией и палеонтологией. За короткий срок он выполнил фундаментальное исследование по палеонтологической истории лошади и блестяще защитил диссертацию в Йене. Его труды уже тогда заслужили высокую оценку не только российских, но и зарубежных ученых, в частности Ч. Дарвина.

Будущий создатель отечественной агрохимии А.Н. Энгельгардт, окончив Михайловское артиллерийское училище, работал в Петербургском арсенале, где руководил отливкой пушек и заведовал химической лабораторией. В 1866 г. он ушел с военной службы, поступил на должность профессора в Петербургский сельскохозяйственный институт, здесь им была создана одна из лучших в стране химических лабораторий, которую быстро заполнила талантливая молодежь.

Другой артиллерийский офицер, участник обороны Севастополя В.Ф. Лугинин, бросил блестяще начинавшуюся военную карьеру, увлекся, как многие в то время, освободительными идеями и принял активное участие в демократическом движении. Тяга к естественным наукам привела его в университетские лаборатории Франции. Вернувшись на родину, он основал первую в России

термохимическую лабораторию, работа которой получила известность в научных кругах.

В 1859 г. из армии уволился выпускник Пажеского корпуса Г.Н. Потанин. По рекомендации президента Русского географического общества П.П. Семенова-Тян-Шанского он поступил в Петербургский университет, а затем посвятил свою жизнь исследованию Сибири. В конце столетия П.П. Семенов вспоминал, как в 1865 г. к нему явился молодой еще офицер и предложил послать его в экспедицию в Центральную Азию. «Это был, — писал он, — штабс-капитан Н.М. Пржевальский, занимавший до того скромное место заведующего военной школой в Царстве Польском»[73].

В 1867 г. оставил военную службу и поступил на естественное отделение Петербургского университета будущий исследователь Сибири и Центральной Азии, автор утвердившейся гипотезы о распространении материковых льдов в Европе, участник революционного движения и публицист П.А. Кропоткин.

Подобный путь в науку проделали в 60-х гг. многие, будь то прославленные ученые или оставшиеся безвестными труженики науки. Их призвала сама «эпоха реформ» с ее атмосферой духовного раскрепощения, когда образованное общество осознавало задачи, стоявшие перед страной, в том числе задачи развития науки и просвещения, а на историческую арену выходили силы, способные решить поставленные временем проблемы.

Время 60-х гг. сформировало идейный, общественный и профессионально-психологический облик ученых новой формации, повлияло на становление их научных интересов, мировоззрение и стиль мышления. Творческая жизнь многих из них стала фактом не только истории науки, но и социальной, культурной жизни России. Не случайно имена Сеченова, Мечникова, братьев Ковалевских или Менделеева стали символами эпохи наряду с именами Чернышевского, Добролюбова и Писарева, композиторов «Могучей кучки» или художников-передвижников.

Свой труд ученые-«шестидесятники» рассматривали как одну из форм общественного служения. Для них «производство» знаний, их распространение в обществе и воспитание «духа творчества» у учащейся молодежи было делом нравственного долга, а руководящим принципом деятельности исследователя они считали связь его работы с актуальными нуждами страны. Наука не для науки, а наука для общества — таков девиз ученых той знаменательной эпохи. «Цель науки, — утверждал биолог Н.П. Вагнер, — служить прогрессивному движению человеческого общества»[74], а химик Н.Н. Бекетов уточнял: «Задача науки в общем поступатель-

ном движении человечества — двоякая, она не только стремится к новым открытиям, расширяющим кругозор его, и накопляет знания, но она в то же время стремится распространить эти знания, дабы просветить возможно большие круги населения. Она не может ограничиться одной работой для науки, роль ее общественная»[75].

Отношение к науке как общественному служению не позволяло ни естествоиспытателям, ни гуманитариям замыкаться в свою узкопрофессиональную «скорлупу». Их научная деятельность, как правило, была чрезвычайно многогранной и, по существу, смыкалась с общественной. Большинство из них, будучи авторами научных открытий и основоположниками новых направлений исследований, являлись в то же время «людьми дела» — деятелями в широком понимании этого слова. Не случайно само понятие «деятель науки» именно в те годы стало приобретать социальный смысл и получило широкое распространение.

С именами многих «шестидесятников» связана перестройка работы высшей школы и становление оригинальных отечественных научных школ, создание новых исследовательских учреждений и научных обществ, организация крупных научных, научно-просветительных и научно-общественных предприятий — экспедиций, публичных лекций и высших курсов, выставок и музеев. С деятельностью Н.Н. Зинина, Д.И. Менделеева и Ф.Ф. Петрушевского связано создание и развертывание работы прославленного Русского физико-химического общества; А.Н. Бекетов стал организатором Петербургского общества естествоиспытателей; Л.С. Ценковский — основателем Общества естествоиспытателей в Одессе, а А.О. Ковалевский — в Киеве. К.Ф. Кесслер вошел в историю отечественной науки не только как крупный зоолог, но и как инициатор и организатор первых общероссийских съездов естествоиспытателей во второй половине 60-х — начале 70-х гг. Ярким примером ученого-организатора может служить зоолог и антрополог А.П. Богданов, обладавший, по отзывам коллег и последователей, «чуткой способностью постигать потребности своего времени и находить средства для их удовлетворения»[76]. Он был активным создателем Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, устроителем Этнографической, Политехнической и Антропологической выставок в 70-х гг., вызвавших большой общественный интерес и надолго оставшихся в памяти москвичей. Москва обязана ему наряду с другими учеными учреждением Политехнического музея и Зоологического сада — старейшего и крупнейшего в стране.

Итак, в 60-е гг. XIX в. началось формирование ученых принципиально нового типа, ставшего характерным для второй по-

ловины века. Они были не только исследователями или преподавателями, но и, как писал Д.Н. Анучин, «по преимуществу организаторами и общественными деятелями, обладающими искусством организовывать общественные силы для научных и образовательных целей»[77].

Во второй половине столетия существенно изменилась преподавательская деятельность ученых: они уже не просто передавали молодежи готовые знания, читая лекции, а «учили в лаборатории», воспитывали умение, а главное — стремление добывать новое. «Шестидесятники» и их преемники, воспринявшие идеи и принципы своих учителей, как правило, не ограничивали общение с учениками лишь кафедрой или лабораторией, а приглашали их на «журфиксы», вели, часто у себя на дому, кружки и семинарские занятия, снабжали слушателей специальной, далеко не всегда доступной им литературой, нередко принимали участие в их судьбе. Бывали случаи, когда профессора (например, А.Н. Бекетов, А.О. Ковалевский, А.С. Фаминицын, И.И. Шахматов) спасали своих студентов от политических преследований и публично выступали в их защиту, прятали их у себя на квартирах, добивались восстановления учащихся в университетах.

Профессора и преподаватели высшей школы пореформенной России составляли основной и самый многочисленный отряд ученых, играли заметную роль в культурной и общественной жизни страны. Их важнейшей заслугой, как отмечали современники, было «развитие научного духа» в российском обществе, воспитание «реального научного склада мышления».

Лучших ученых России того времени отличало, по словам В.И. Вернадского, «стремление к научной истине и этической правде». Одним из самых важных принципов они считали свободу научной мысли, ее независимость от политических и идеологических соображений, от пиетета перед признанными авторитетами, ибо наука «есть такая общечеловеческая задача, в которой не только личности, но и национальности должны исчезнуть, и начала олигархического существовать не может»[78]. О том, что наука по самой природе свободна и не терпит авторитаризма, писали тогда многие ученые.

Жизнь и труды ученых пореформенной России были неразрывно связаны с общественно-политическим, литературным и философским движениями того времени. Сердцевиной их многообразной научной и общественной деятельности, будь то организация новых научных или образовательных центров, преподавание или воспитание молодых научных кадров, являлось просветительство —

традиция, унаследованная от далеких и сравнительно недавних предшественников: М.В. Ломоносова и Н.И. Новикова, К.Ф. Рулье и Т.Н. Грановского.

Во второй половине XIX в. российская научная интеллигенция становится ощутимой культурной и общественной силой. Благодаря творческому характеру научного труда это был не только самый «информационно заряженный», но и наиболее активный слой «образованного класса».

Точных данных о численности «ученых сил» России того времени не существует. Современники, внимательно следившие за развитием научной деятельности в своих областях знания, отмечали последовательное увеличение числа математиков, естествоиспытателей, историков, филологов. Однако в своих выводах они базировались не на объективных данных или цифрах, а главным образом на собственных наблюдениях и косвенных свидетельствах. Например, И.М. Сеченов и К.А. Тимирязев считали показателем роста численности «работников в области естествознания» количественное увеличение научных обществ и рост числа участников съездов русских естествоиспытателей и врачей, собиравших на первых порах сотни, а в конце столетия уже тысячи «деятелей, заявивших о себе специальными трудами». Между тем значительный процент участников съездов составляли просто интересующиеся наукой люди — врачи, преподаватели гимназий и реальных училищ, офицеры, журналисты.

По данным официальной статистики определить численность работников науки трудно, так как переписи 80—90-х гг. объединяли их с другими «лицами свободных профессий». По существу, достоверными можно считать лишь данные о действительных членах Академии наук: в 60-х гг. XIX в. их насчитывалось 42 человека, в конце 90-х гг. — 46. Подавляющее большинство работников науки концентрировалось при высших учебных заведениях. Исследователь формирования российской интеллигенции В.Р. Лейкина-Свирская оценивала численность профессорско-преподавательского корпуса страны во второй половине XIX в. примерно в 3 тыс. человек[79]. По данным Г.И. Щетининой, количество профессоров и преподавателей в одних только университетах в 1875 г. составляло 387 человек, в 1881 г. оно выросло до 635, а в 1894 г. — до 1036[80].

Приведенные выше цифры охватывают достаточно обширный пласт научной интеллигенции, однако за его пределами остаются многие группы тружеников науки — лаборанты, препараторы, прозекторы и «ученые хранители» кабинетов и музеев, работавшие в Академии наук и высших учебных заведениях, наблюдатели и вычислители обсерваторий, сейсмических и магнитных,

опытных и биологических станций. Немало «ученых деятелей» трудилось в таких учреждениях, как Румянцевский, Политехнический, Российский Исторический музеи и Эрмитаж, в провинциальных музеях по изучению местного края. В целом общая численность научной интеллигенции, по-видимому, в полтора-два раза превышала численность ее высшего слоя — членов Академии наук и профессоров высшей школы. Работники науки были разбросаны по всей России. Их можно было встретить на агрономической службе у крупных помещиков и в научных подразделениях Сельскохозяйственного ученого комитета, в лабораториях нефтяных магнатов, частных и казенных промышленных предприятий, в Главном статистическом комитете и статистических учреждениях земств, в клиниках и больницах, библиотеках и архивах.

В.И. Вернадский утверждал, что исследовательская работа и научная деятельность могут успешно развиваться «лишь при наличии в стране, в обществе научной творческой мысли, людей, ею охваченных, с одной стороны, и благоприятных внешних обстоятельств — с другой»[81]. Внешние и внутренние обстоятельства пореформенной России отнюдь не являлись благоприятными для развития науки, однако налицо было главное — «ученые силы» — люди, охваченные научной творческой мыслью, и сложившаяся в этот период общественная и интеллектуальная среда, формировавшая «ученые силы» страны, постоянно их питавшая и от них практически неотделимая.

* *
*

Пореформенная эпоха внесла существенные изменения и в работу научных учреждений страны, в совершенствование и развитие ее «ученых средств».

Насущные нужды экономического и культурного развития России требовали расширения исследований во всех областях теоретического знания, в медицине, сельском хозяйстве и технике, а также увеличения численности научных учреждений, высших специальных училищ и университетов, научных обществ. Инициативы ученых и передовой общественности в этом направлении часто наталкивались на охранительные тенденции правительственной политики и противодействие властей. И тем не менее в это время число высших учебных заведений разного профиля и учреждений исследовательского характера существенно выросло; в университетских городах складывались научные центры и формировались отечественные научные школы.

Самым крупным и авторитетным научным центром России традиционно оставалась Петербургская Академия наук. Правда, «первенствующее ученое сословие» империи уже утратило былую главенствующую роль в ряде направлений научной работы: в организации и проведении экспедиционных исследований, разработке вопросов теоретической и технической физики, некоторых отраслей экспериментальной биологии. Причины коренились в архаичном строе Академии и ее учреждений. Эпоха реформ почти не затронула их. В течение всей второй половины столетия Академия продолжала жить по Уставу 1836 г., который жестко регламентировал номенклатуру дисциплин, изучающихся в ее стенах, состав научных подразделений, численность действительных членов и их распределение по кафедрам. Попытки ученых преобразовать жизнь и работу Академии, в частности изменить устав и расширить круг дисциплин, «назначенных к изучению», терпели неудачу. Научные подразделения Академии — ученые кабинеты и музеи, возникшие еще в XVIII в., были приспособлены для нужд описательного естествознания, между тем в науке о природе уже царил «его величество эксперимент».

И все же время брало свое. Состав, характер и направление работы учреждений Академии наук постепенно менялись, хотя и очень медленно. Ученые, приходившие сюда из университетов, приносили новые идеи и интересы, расширяли традиционную сферу ее занятий, а некоторым из них удавалось создавать исследовательские лаборатории. Так, Ф.В. Овсянников в 1864 г. организовал Физиологическую лабораторию, в 1890 г. А.С. Фаминицын создал Лабораторию анатомии и физиологии растений, А.О. Ковалевский в 1894 г. основал Особую зоологическую лабораторию по исследованию развития беспозвоночных. Глава московской астрофизической школы Ф.А. Бредихин внес свежую струю в работу Пулковской обсерватории, а главное, связал ее деятельность с работой университетских обсерваторий.

Во второй половине XIX в. пополнился список ученых комитетов при министерствах и ведомствах, задачей которых была организация научного обслуживания различных направлений деятельности государства: возникли Лесной и Горный комитеты (1860) при Министерстве государственных имуществ, Статистический комитет (1863) при Министерстве внутренних дел. Первоначально эти и подобные им учреждения выполняли в основном организационно-консультативные функции. Позднее, в конце века, в их составе стали создаваться исследовательские подразделения[82]. В 1882 г. создается Главный геологический комитет. Его основными задачами была организация геологического изучения

России и подготовка геологической карты всей ее территории. Сама постановка этих задач требовала сосредоточения в его составе ученых-специалистов и проведения не только научно-практических, но и научно-исследовательских работ. В Комитет вошли лучшие ученые-геологи: Г.П. Гельмерсен, А.П. Карпинский, И.В. Мушкетов, С.Н. Никитин, Е.С. Федоров, Ф.Н. Чернышев и др. В 1885 г. как самостоятельное научное учреждение оформилось Главное гидрографическое управление Морского министерства. Оно вело изучение морей и морских побережий, готовило их описание, издавало морские карты.

Значительную эволюцию пережил Сельскохозяйственный ученый комитет, созданный еще в 1837 г. В течение второй половины XIX в. в его составе возникла целая система специализированных бюро, в задачи которых входили постановка агрономических, почвенных, бактериологических, энтомологических, зоотехнических и прочих исследований, связанных с сельским хозяйством, консультации по предметам их ведения. Комитет создавал опытные поля и станции, руководил их работой. Он все больше и больше превращался в исследовательский центр в области сельского хозяйства. Не случайно в 1901 г. А.С. Фаминицын выступил с предложением преобразовать Комитет и создать на его базе Институт опытной агрономии.

В самом конце столетия, в 1893 г., по инициативе и при участии Д.И. Менделеева была учреждена Главная палата мер и весов, возглавившая метрологическую службу России. Она создавалась как «государственный научно-технический институт», включающий целый комплекс аналитических и контрольных лабораторий.

В 70–90-х гг. при казенных и частных промышленных предприятиях начали возникать физические, химические и механические лаборатории, испытательные станции и стенды. Например, на Обуховском заводе были созданы химическая и механическая лаборатории, где вел исследования известный металлург Д.К. Чернов; при Петербургском судостроительном заводе действовал «Опытовый бассейн», здесь проводились различные эксперименты при постройке судов. Во второй половине 90-х гг. были учреждены первые российские научно-исследовательские институты в современном понимании этого термина — Институт экспериментальной медицины для разработки вопросов медицинской микробиологии, эпидемиологии, иммунологии, физиологии, а также других отраслей научной медицины и Институт экспериментальной ветеринарии.

Ведущая роль в развитии науки в пореформенное время принадлежала высшей школе. Именно она во второй половине столе-

тия стала центром научной жизни страны. Потенциал российской науки, так же как и потенциал науки Англии, Германии или Франции, создавался в высшей школе. В течение 60–90-х гг. расширялась сеть учреждений высшего образования. При них возникали «ученые кабинеты» и лаборатории, обсерватории и клиники, а в самом конце столетия — исследовательские институты. В конце XIX в. в России действовали 57 государственных и 11 частных высших учебных заведений, включая университеты, технические, сельскохозяйственные, медицинские, художественные, музыкальные и коммерческие училища, духовные академии и Высшие женские курсы[53]. Среди них было 9 университетов.

Основная масса отраслевых вузов возникла в России в пореформенное время. Одни были преобразованы из средних учебных заведений, существовавших еще в первой половине XIX в. (Московское Техническое училище, Практический Технологический институт, Горный институт в Петербурге), другие учреждались вновь: Московская земледельческая и лесная академия, Харьковский технологический институт, Петербургский электротехнический институт и др. При большинстве из них создавались исследовательские лаборатории, на кафедрах развертывалась активная творческая работа. Значительную известность приобрели механическая лаборатория Н.Е. Жуковского в Московском Техническом училище, лаборатория Н.А. Белелюбского в Петербургском институте корпуса инженеров путей сообщения, химическая лаборатория А.Н. Энгельгардта в Петербургском земледельческом институте, Химическая лаборатория П.А. Ильенкова в Московской земледельческой академии.

В эти годы крупными научными центрами стали некоторые высшие учебные заведения, унаследованные от дореформенной России, например Горный институт, где трудились П.В. Еремеев, Н.И. Кокшаров, А.П. Карпинский, И.В. Мушкетов, внесшие важный вклад в разработку теоретических и практических вопросов геологии, минералогии и кристаллографии. Химическая лаборатория Медико-хирургической академии благодаря трудам Н.Н. Зинина, А.М. Бутлерова и их учеников стала базой для формирования одной из химических научных школ, известных не только в России, но и во всем мире. Лаборатория И.М. Сеченова в этой академии превратилась с центр исследовательской работы в различных областях научной медицины — физиологии, клинической медицины, фармакологии. Во второй половине XIX в. Медико-хирургическая академия представляла собой не только место сосредоточения важных исследований в области медицины, но и центр разработки фундаментальных теоретических проблем общей биологии.



Николай Николаевич Зинин

Университеты составляли около одной шестой от общего числа высших учебных заведений пореформенной России, однако именно они играли первенствующую роль в научной жизни страны. Здесь в основном складывались стабильные коллективы ученых и преподавателей, возникали научные кружки и общества, зарождались и развивались отечественные научные школы. В немалой степени этому способствовали некоторые особенности университетов как научно-образовательных центров, и прежде всего универсализм, обеспечивающий свободную циркуляцию научных идей как на межкафедральном, так и на межфакультетском уровнях, а также широкая общенаучная основа преподавания специальных предметов, в отличие от высших учебных заведений отраслевого профиля. Эти особенности не раз отмечали ученые и некоторые государственные деятели. С.Ю. Витте, например, считал университеты наиболее совершенной формой научной подготовки молодежи именно потому, что здесь «преподаются все научные категории знаний, которые в данный момент составляют достояние человечества»[84]. Не только профессора и преподаватели, но и студенты университетов постоянно находились в гуще научной жизни, в атмосфере передовых научных идей. Это не позволяло университетским ученым замыкаться в узкой сфере своей специальности, воспитывало у студентов широкий подход к анализу природных и общественных явлений, формировало необходимую интеллектуальную среду и, таким образом, говоря словами Вит-

те, превращало университеты в «лучший механизм для научного развития».

По свидетельству современников, во второй половине XIX в. российские университеты переживали свой «золотой век». Не только в 60–70-х гг., но и позднее, после введения реакционного университетского Устава 1884 г., научная деятельность здесь развивалась невиданно быстрыми темпами. Росло число университетских лабораторий, клиник, научных музеев и других «учено-вспомогательных учреждений», где все более активно проявлялась самостоятельная научная жизнь. Многие из них становились очагами зарождения и преемственного развития самобытных научных школ. И.М. Сеченов напрямую связывал формирование научных школ с созданием и развертыванием работы университетских лабораторий.

В Петербурге действовала знаменитая математическая школа во главе с П.Л. Чебышевым. В Москве сложилась школа математики и механики, которую создали Н.Д. Брашман и А.Ю. Давидов, а позднее возглавил Н.Е. Жуковский. Московский профессор А.Г. Столетов вошел в историю науки как создатель при старейшем университете России школы физиков-экспериментаторов. Самобытные астрономические исследования вели в обсерватории Казанского университета М.А. Ковальский и Д.И. Дубяго, а в университетской обсерватории в Москве — глава русской астрофизической школы Ф.А. Бредихин и В.К. Цераский.В Казанском университете сложились и успешно развивались прославленная химическая школа, основанная Н.Н. Зининым, и не менее известная физиологическая школа во главе с Н.О. Ковалевским.

Московский университет стал признанным центром разработки проблем эволюционной зоологии, которую развивали ученики и последователи К.Ф. Рулье — А.П. Богданов, Я.А. Борзенков, С.А. Усов и Н.А. Северцов; Петербургский университет — очагом формирования морфологической школы ботаники, основанной А.Н. Бекетовым. Заслуженной известностью пользовались университетские лингвистические школы: казанская во главе с И.А. Бодуэном де Куртенэ, московская, связанная с исследованиями Ф.Ф. Фортунатова и Ф.Е. Корша, петербургская, которую развивали А.А. Шахматов, И.И. Срезневский и И.В. Ягич. Московский университет прославили работы историков — М.П. Погодина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского.

Складывание научных школ — важнейший фактор, определивший во второй половине XIX в. первенствующее положение университетов в научной жизни России. Их формирование было также показателем развития научной деятельности и средств, обеспечивающих это развитие, т. е. потенциала отечественной науки.

«Школы могут существовать только там, — утверждал академик А.В. Никитенко, — где наука и искусство пустили глубокие корни и где они в состоянии разраститься в разные ветви»[85].

В развитии науки и научной деятельности во второй половине XIX в. большую роль играла общественная инициатива. Преобладающим типом научных учреждений, формировавшихся в то время, стали ученые общества, охватившие, как тогда говорили, «все доступные пределы науки». В середине столетия в стране действовало 20—25 обществ, к началу 80-х гг. их число выросло почти до 200, а к концу 90-х гг. достигло 340[86]. Правда, далеко не все из них имели чисто научный характер, многие решали научно-практические задачи, объединяя ученых-медиков и практикующих врачей, представителей технических наук и инженеров-практиков, ученых-биологов, агрономов и сельских хозяев.

Среди обществ, возникших во второй половине XIX в. и имевших право именоваться «учеными», примерно 20% представляли физико-математические и естественные науки. Работа многих из них получила всемирную известность. Это прежде всего крупные отраслевые объединения ученых, специализировавшихся в какой-либо области знаний. Таковы были, например, Русское физико-химическое общество, Московское математическое общество, Русское антропологическое общество, Русское астрономическое общество и др.

В научной жизни пореформенной России видную роль играли естествоведческие общества широкого профиля, объединявшие обширный круг различных дисциплин — от физико-математических и биологических до тех, которые тесно соприкасались с гуманитарно-общественными, таких, например, как антропология, этнография, статистика, социальная гигиена и т. п. Первое по времени возникновения и самое крупное из них — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, учрежденное в 1862 г. по инициативе Г.Е. Щуровского, А.П. Богданова и А.Ю. Давидова при Московском университете. Его деятельность была столь многообразна, а круг разрабатывавшихся научных проблем так широк, что его сравнивали с Академией наук.

В течение второй половины XIX в. подобные многопрофильные общества естествоиспытателей возникли при всех университетах России. Общества аналогичного типа были созданы и в ряде крупных городов, не являвшихся университетскими, в том числе в Екатеринбурге, Ярославле, Астрахани, Барнауле, Владивостоке. В основе их деятельности лежало изучение местного края. Многие из них выступали как организаторы исследования обширных регионов Центральной России, Поволжья, Западного

края. Некоторые распространяли свою деятельность далеко за пределы близлежащих областей, участвовали в изучении Туркестанского края и Тянь-Шаня, Крыма и Кавказа, Алтая и Сибири. Наличие специалистов разного профиля в составе обществ такого типа позволяло организовать разностороннее изучение краев и областей России, снаряжая геологические, флористические, фаунистические, антропологические, этнографические и прочие экспедиции. Полученные результаты не только помогали познавать страну, но давали материал для разработки фундаментальных проблем естествознания. Естественнонаучные общества, как универсальные, так и отраслевые, способствовали объединению научных сил и пропаганде достижений науки. Они основывали фонды для поддержки перспективных исследований, а нередко создавали научно-практические учреждения — кабинеты и лаборатории, наблюдательные и опытные станции, музеи — от крупных, подобных Политехническому в Москве, до местных, краеведческих.

Значительная группа научных обществ работала в области гуманитарных и общественных наук. Их общее число в конце столетия достигло 60. К этому времени насчитывалось до 10 юридических обществ и 6 филологических; свыше 30 объединяли ученых и любителей, занимающихся вопросами истории и археологии, в том числе и церковной[87]. Среди них — Московское археологическое общество, Русское историческое общество в Петербурге, Историческое общество Нестора-летописца в Киеве. Эти и подобные им общества видели свою задачу в установлении связей между историками или археологами, в организации исследований по истории культуры России или ее регионов. Так, Общество Нестора-летописца одной из первоочередных задач считало разработку «вопросов истории культуры вообще, поскольку это находится в связи с умственной культурой русского народа»[88]. В течение 80—90-х гг. было создано несколько обществ, сыгравших видную роль в развитии отечественной философской мысли: Психологическое общество, Русское общество экспериментальной психологии, Философское общество при Петербургском университете.

Самые многочисленные группы так называемых «научно-практических» обществ составляли объединения медиков и «сельскохозяйственных деятелей». На их долю приходилась в общей сложности примерно половина научно-общественных организаций пореформенной России. Особенно многочисленны были медицинские общества — универсальные, подобные Обществу русских врачей в память Н.И. Пирогова в Петербурге, московскому Медицинскому обществу или Медицинскому обществу на Кавказе, и спе-

циализированные, например общества хирургов, офтальмологов, психиатров, детских врачей и т.п., а также общества, формировавшиеся при медицинских факультетах университетов. С 1864 по 1894 г. было организовано свыше 100 медицинских обществ, работавших более чем в 70 городах России, причем не только в губернских, но и в уездных[89]. Большую роль в их создании и деятельности играла либеральная и демократическая общественность, в первую очередь земская.

Новым явлением в научной жизни страны, явившимся следствием развития промышленного производства, стало появление научно-технических обществ. Их было еще немного — до конца столетия возникло всего 6, и самое крупное из них — Русское техническое общество, созданное в Петербурге в 1866 г. Это многоотраслевое общество включало целый ряд специальных секций: металлургическую, химико-технологическую, электротехническую и др. Столь же многопрофильным было Политехническое общество, возникшее 10 лет спустя при Московском техническом училище. Эти общества объединяли представителей различных отраслей техники и содействовали развитию инженерной мысли, созывали съезды и развертывали свою издательскую деятельность; вели пропаганду технических знаний, устраивали выставки, проводили публичные лекции, учреждали училища и курсы при фабриках и заводах, выступали с проектами преобразования системы высшего и среднего технического образования. В 80—90-х гг. начали появляться более узкие профессиональные объединения представителей техники: общества горных инженеров, гражданских инженеров, инженеров-электриков, инженеров путей сообщения и т. п.[90]

Одна из характерных черт научно-общественного движения в пореформенной России — расширение сети научных обществ в провинции. В начале 60-х гг. министр народного просвещения А.В. Головнин сетовал на то, что большая часть научных обществ сосредоточена в столицах или Прибалтийских губерниях, «в остальных же частях России их почти вовсе нет»[91]. В 90-х гг. за пределами Петербурга и Москвы работало уже свыше двух третей всех научных обществ страны[92]. Большинство провинциальных научных обществ было невелико по количественному составу и ограничено в средствах. Тем не менее благодаря их усилиям во второй половине XIX в. был сделан важный шаг в области всестороннего исследования России. Кроме того, их работа вносила немалый вклад в формирование общего «банка научных фактов» — первоосновы научного знания.

Таким образом, научные общества разного профиля, типа и назначения, как столичные, так и провинциальные, разбросан-

ные по огромной территории страны, заметно стимулировали подъем научной деятельности и составляли немаловажную часть научного потенциала России.

* *
*

Развитие отечественной науки и формирование кадров отечественных ученых было бы невозможно без развертывания издания научной литературы на русском языке. Русская научная литература, самостоятельная и яркая по мысли, сложилась уже к середине столетия. Однако, по свидетельству современников, «на русском языке оригинальных научных книг было бесконечно мало»[93]. Недоставало не только оригинальной, но и переводной научной литературы, ибо в то время переводное издательство еще только начиналось. Острая нехватка специальной литературы и учебников на русском языке была, по мнению большинства ученых, серьезным препятствием для развития отечественной науки и просвещения. Не случайно в конце 60-х и в 70-е гг. эта проблема занимала чуть ли не первое место среди вопросов, которые обсуждались на неофициальных встречах ученых, собраниях научных обществ, на съездах. Роль научной русскоязычной литературы была чрезвычайно важна для создания необходимого языкового пространства, в котором российская, «своенародная» наука могла бы свободно функционировать и черпать импульсы для дальнейшего развития. Известный математик Н.В. Бугаев, выступая на IX съезде естествоиспытателей, подчеркнул, что наука «не выносит тех пут, которыми ее связывают чужой язык и чужая среда»[94].

Книги и журналы на русском языке, по мысли самих ученых, должны были «служить кафедрой для воспитания будущих научных деятелей», средством формирования интеллектуальной почвы, необходимой для роста науки. Физиолог Н.О. Ковалевский утверждал, что отечественная научная печать должна превратиться в «систематическую руководительницу научной мысли и научного опыта», способствовать «распространению естественных наук в массе образованных лиц, имеющих интерес к просвещению», но не имеющих доступа «к богатствам иностранной литературы»[95].

В пореформенный период существенно расширился круг читающей публики. Большое место в нем начали занимать новые потребители книг: врачи, агрономы и инженеры, чиновники и «городские обыватели разного состояния», промышленники и торговцы. Изменился и читательский спрос. Современники отмечали значительный интерес к «серьезной литературе» — к книгам по

естествознанию и математике, экономике и истории, праву и социологии, медицине, сельскому хозяйству и технологии. Об этом же свидетельствует и статистика. Если в первой половине столетия среди книжной продукции превалировала беллетристика, то в общем объеме изданий 80–90-х гг. она составляла лишь одну восьмую часть, а больше половины приходилось на литературу по различным областям науки, причем лидировали книги по естественным наукам и медицине[96].

У истоков издания научной литературы в России стояли «шестидесятники» — ученые и «идейные издатели», такие, как В.О. Ковалевский, Ф.Ф. Павленков, К.Т. Солдатенков и некоторые другие. Основным направлением их деятельности была пропаганда научных знаний. На первых порах, идя навстречу читающей публике, издатели сосредоточили свое внимание на переводе и публикации книг популярных зарубежных ученых — естествоиспытателей, философов, экономистов, историков. Переводные издания должны были удовлетворить книжный голод, связанный с дефицитом книг на русском языке, и познакомить российское общество с достижениями мировой науки.

Самым первым из издателей-«шестидесятников» был В.О. Ковалевский. Его издания пропагандировали научное понимание мира и популяризировали передовые идеи в естествознании. С 1864 г. и до конца 70-х гг. он выпустил в свет более 50 книг по физике, химии, астрономии, геологии, ботанике, зоологии и медицине. Среди них сочинения Л. Агассиса, Р. Вирхова, Т. Гексли, Ч. Дарвина, Ч. Ляйеля и других ученых, 6-томный труд А. Брэма «Иллюстрированная жизнь животных», учебные пособия и лекционные курсы зарубежных ученых по физиологии и гистологии, хирургии и фармакологии, химическому анализу. С переводных книг начинали свою деятельность и другие издатели научной литературы. В 60–70-х гг. Ф.Ф. Павленков напечатал на русском языке обширный труд А. Гано «Полный курс физики» и сочинение известного итальянского астронома А. Секки «Единство физических сил», опустив при этом богословские рассуждения автора. Большое внимание переводной литературе, преимущественно естественнонаучной, уделял петербургский издатель М.В. Вольф, опубликовавший в тот период нашумевшие книги «Происхождение видов» Ч. Дарвина и «Вращение жизни в природе» Я. Молешотта. Старинная московская фирма Глазуновых издала на русском языке сочинения Л. Бюхнера, Т. Гексли, Г. Гартвига и других естествоиспытателей.

В иной плоскости лежали интересы московского издателя К.Т. Солдатенкова. Он обратился к печатанию переводной лите-

ратуры гуманитарного профиля. Среди его изданий были фундаментальные труды историков М. Вебера, Э. Лависса и А. Рембо, Э. Гиббона и Т. Моммзена, многотомная «Библиотека экономистов», в которую вошли произведения Д. Рикардо, Ж. Сисмонди, А. Смита, Д. Юма и других классиков экономической мысли.

Переводная литература пользовалась большим спросом и быстро раскупалась. Это объяснялось не только отсутствием широкого книжного рынка или научным достоинством оригиналов, но и высоким качеством переводов, который обеспечивали российские ученые, отбиравшие сочинения своих европейских коллег для публикации, переводившие и редактировавшие их. Можно назвать десятки фамилий естествоиспытателей и гуманитариев, принимавших участие в становлении переводного книгоиздательства: это естествоиспытатели И.И. Мечников и И.М. Сеченов, Я.А. Борзенков и А.С. Усов, А.Н. Бекетов и В.В. Заленский, Д.И. Менделеев и Н.П. Вагнер, правовед В.Д. Спасович, экономист И.В. Вернадский, литературовед Ф.Е. Корш и многие другие.

В 70-е гг. на прилавках книжных магазинов все чаще стали появляться труды отечественных ученых. По мере того как росли собственные научные кадры, развивалась отечественная наука и повышался интерес читателей и издателей к трудам российских ученых, доля переводных работ среди научной продукции неуклонно снижалась. Если в 60-е и даже 70-е гг. труды зарубежных ученых на книжном рынке еще превалировали, то в 90-х гг. они составляли не более одной десятой всех изданий по различным отраслям и вопросам науки[97].

В последней четверти столетия в России возникли издательства, охотно печатавшие книги по естественнонаучным и гуманитарным дисциплинам, справочные издания и учебные руководства. Издание научной литературы для некоторых из них стало профилирующим направлением деятельности. Среди издателей были те, кого называли «идейными издателями», и те, в работе которых, по словам И.Д. Сытина, «идейное переплеталось с коммерческими целями», и те, кто просто считал издание научной литературы достаточно прибыльным и престижным делом. В 70—90-х гг. добрую славу «разносчиков знания» заслужили петербургские издатели Ф.Ф. Павленков, М.О. Вольф, А.Ф. Маркс, К.Л. Риккер и А.Ф. Девриен; московские — К.Т. Солдатенков, И.Д. Сытин, П.П. Сойкин.

Ф.Ф. Павленков, продолжая просветительские традиции «шестидесятников», до конца столетия выпустил в свет 250 различных изданий, примерно половину которых составляли труды по вопросам истории, социологии и права, разнообразные руковод-

ства и справочники. Большое культурное значение имели его прославленная «Биографическая библиотека. Жизнь замечательных людей» (190 томов) и «Научно-популярная библиотека для народа» (40 томов), знаменитый «Энциклопедический словарь», до появления которого, по оценке Н.А. Рубакина, «не было на русском языке ничего, ему равного и ценного»[98].

Петербургские предприниматели М.О. Вольф и А.Ф. Маркс издавали научную литературу разного профиля — по естествознанию и математике, истории и экономике, искусству и т. п., справочники и учебные пособия. Их продукция пользовалась широким спросом среди студенчества, у профессоров высших учебных заведений, преподавателей средней школы. Деятельность издательской фирмы К.Л. Риккера ориентировалась главным образом на литературу по медицине. Правда, иногда издатель выходил за пределы своих основных интересов и публиковал книги по сельскому хозяйству, географии, технологии и даже литературоведению. В частности, Риккер издал весьма популярную в то время фундаментальную «Всеобщую историю литературы». Специализированный характер имело издательство А.Ф. Девриена, выпускавшего в основном естественнонаучную литературу, книги по географии, лесному делу и сельскому хозяйству. В 90-х гг. он опубликован многотомную «Энциклопедию русского сельского хозяйства» и «Справочную книгу русского сельского хозяйства» — издания, не имевшие и, по отзывам специалистов, до сих пор не имеющие аналогов по глубине и разнообразию информации.

Крупнейшим книгоиздателем пореформенной Москвы был К.Т. Солдатенков — известный промышленник, благотворитель и меценат. Его издательская деятельность носила ярко выраженный просветительский характер, а книжный магазин, открытый на Лубянке, завоевал популярность у прогрессивной профессуры, студенчества и стал излюбленным местом встреч московских интеллектуалов. До 60% всей выпускаемой им книжной продукции составляла научная литература преимущественно гуманитарного характера. Солдатенков стремился познакомить российского читателя с лучшими достижениями человеческой мысли. Среди его изданий были «География» Страбона и сочинения Платона, «Анналы» Тацита и сочинения современных ему историков, социологов, экономистов, как зарубежных, так и отечественных, в частности труды Т.Н. Грановского, С.В. Ешевского, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, М.М. Ковалевского.

К последним десятилетиям XIX в. относится начало издательской деятельности другого известного «рыцаря книги» — И.Д. Сытина. До конца столетия он выпустил в свет серию научных и

научно-популярных изданий, в том числе книги ботаника А.Н. Бекетова, историка А.А. Кизеветтера, литературоведа П.Н. Сакулина, известного французского географа Э. Реклю. К этому же времени относятся первые шаги одного из самых крупных в России издателей естественнонаучной литературы — П.П. Сойкина. Он начал с печатания еженедельника «Природа и люди», на страницах которого публиковались описания путешествий, статьи по истории географических открытий, очерки о жизни и творчестве знаменитых путешественников, естествоиспытателей и изобретателей, краткие очерки по различным вопросам естествознания. Приложения к этому журналу составляли книги, представляющие собой настоящую библиотеку естественнонаучной литературы. В 1898 г. Сойкин начал издавать серию «Научная библиотека», в составе которой к 1902 г. увидели свет 11 серьезных монографий по различным вопросам естественных наук.

Предметом специальной заботы ученых во второй половине XIX в., особенно в 60–70-е гг., была периодическая научная печать на русском языке. В середине столетия вопрос о русскоязычных научных журналах, прежде всего в области естественных наук, стоял чрезвычайно остро. Если исторические, экономические или филологические общества печатали свои «повременные издания» на русском языке, то Академия наук и старейшие объединения естествоиспытателей по традиции, сложившейся еще в XVIII в., издавали журналы в основном на французском или немецком языках. В 1861 г. газета «Русский инвалид» сетовала: «До сих пор новости по физике не печатаются на русском языке... даже труды русских физиков печатаются по-французски или по-немецки в бюллетенях русской академии, да и то не все...»[99] Среди естественнонаучной периодики России преобладали разнообразные «Memoires», «Bulletins», «Beitrage» и тому подобные издания. Они пользовались известностью за границей и, безусловно, играли важную роль в укреплении международных связей российской науки. Однако сведения о достижениях и жизни науки, содержавшиеся в них, оставались недоступными большинству российского общества, особенно тем, кто трудился в провинции и был оторван от научной жизни столиц и университетских городов. Молодое, только еще формировавшееся научное сообщество России испытывало огромную нужду в периодике на родном языке.

Первым крупным объединением ученых, которое с самого начала своей издательской деятельности ориентировалось на российского читателя, было Русское географическое общество — год спустя после основания оно начало печатать на русском языке свои «Записки». В 1852 г. Академия наук стала издавать особый —

«русский» — периодический сборник. К 1855 г. увидело свет всего несколько выпусков, а затем издание прекратилось, так как у Императорской Академии наук не нашлось ни денежных средств, ни научных сил, ни даже технических исполнителей, чтобы его продолжить.

В 1854 г. группа членов Московского общества испытателей природы, объединившихся вокруг К.Ф. Рулье, приступила к изданию на русском языке «Вестника естественных наук». Журнал знакомил читателей с достижениями отечественного естествознания, публиковал общедоступные обзорные статьи, на его страницах обсуждались актуальные проблемы естествознания и пропагандировались передовые идеи науки. Он быстро завоевал репутацию лучшего естественнонаучного издания России. Его редактором был К.Ф. Рулье, а в работе принимали участие А.П. Богданов, Я.А. Борзенков, А.Н. Бекетов, Н.П. Вагнер, С.А. Рачинский, Н.А. Северцов, А.С. Усов. В 1860 г. печатание «Вестника» прекратилось: катастрофически не хватало средств, а главное, скончался К.Ф. Рулье, который, по всеобщему признанию, был «душой» этого издания.

Общественный подъем конца 50–60-х гг. вызвал оживление журналистики. По наблюдениям современников, журналы и газеты «возникали во множестве, как пузыри во время дождя», и так же быстро исчезали. Рождались и новые научные «повременные» издания, публиковавшиеся на русском языке. В 1857 г. петербургский издатель М.А. Хан начал выпускать «Библиотеку медицинских наук», которая выходила до 1865 г. Два года спустя, в 1859 г., Н.Н. Соколов и А.Н. Энгельгардт основали первый в России «Химический журнал» — периодическое издание, необходимое, по мнению его создателей, для развития химической науки. Журнал просуществовал всего два года, однако за этот срок он выполнил свою основную задачу: познакомил российского читателя с лучшими достижениями отечественных химиков и сблизил их между собой. С 1859 по 1861 г. на его страницах увидели свет работы Н.Н. Зинина, А.М. Бутлерова, Д.И. Менделеева, Н.Н. Бекетова, А.П. Бородина и самих основателей журнала.

В 1862 г. Академия наук стала издавать на русском языке «Записки» — своего рода официоз, где печатались годовые отчеты и извлечения из протоколов заседаний, а также статьи ее действительных членов, в частности математика П.Л. Чебышева, астрономов Д.М. Перевощикова и О.В. Струве, естествоиспытателя и путешественника А.Ф. Миддендорфа, филологов А.Н. Веселовского и Я.К. Грота, историка А.А. Куника.

В начале 60-х гг. старейшие российские университеты приступили к регулярному печатанию на родном языке своих «Известий» и «Ученых записок» (Московский университет издавал «Уче-

ные записки» с 1834 г., правда, нерегулярно), «Протоколов» и «Трудов». Эти издания выполняли весьма важную функцию: во-первых, способствовали консолидации специалистов разного профиля, работавших в одном научном учреждении; во-вторых, как писали тогда, «делали гласной для общества» жизнь и работу Академии наук, университетов и других высших учебных заведений.

Пионером научно-популярной периодики в России стал журнал «Вокруг света», издание которого продолжается в настоящее время. Он был основан в 1859 г. издателем М.О. Вольфом, сумевшим оперативно откликнуться на пробуждение интереса публики к общеобразовательной и научно-популярной литературе. «Вокруг света» редактировали А.Е. Разин и П.А. Ольшанский — талантливые журналисты и пропагандисты научного знания. На его страницах можно было встретить описания путешествий, увлекательные статьи по астрономии и физике, химии и биологии, геологии, географии и этнографии, жизнеописания прославленных ученых и путешественников. В первые же годы своего существования журнал, содержавший интересный, серьезный, но в то же время общедоступный научный материал, к тому же богато иллюстрированный, приобрел широкую популярность среди самых разных по возрасту и уровню образования читателей.

В 1863 г. уже упоминавшийся издатель М.А. Хан начал выпускать журнал «Самообразование» (с 1864 г. — «Иллюстрированный учено-литературный журнал»), просуществовавший до 1866 г. В нем печатались общеобразовательные статьи по всем разделам естествознания, преимущественно переводы и компиляции работ иностранных авторов. Он пользовался большим спросом, однако по своей популярности у читателя далеко уступал журналу «Вокруг света».

По мере развития отечественной науки все сильнее ощущалась нужда в собственной периодической печати. Проблема научной периодики на русском языке в течение всей второй половины столетия не сходила с повесток дня съездов естествоиспытателей и заседаний научных обществ. Задачи, которые ученые ставили перед научной периодикой, были обширными. Журналы, непериодические сборники, серии специальных брошюр и другие издания, содержавшие оперативную научную информацию, должны были, по их мнению, стать «организаторами» отечественной науки и объединять ее деятелей, разбросанных по России, знакомить ученых с достижениями их коллег, обеспечивать обмен идеями, «добытыми фактами», методикой и таким образом сделать труд научных работников действительно производительным. Одна из самых первоочередных задач состояла в том, чтобы «эмансипировать отечественную науку от иностранной прессы». В условиях

дефицита российских специальных журналов ученые были вынуждены не только дебютировать, но и долгие годы выступать практически только в иностранной печати. Их идеи и «добытые факты» нередко попадали в арсенал науки Германии или Франции значительно раньше, чем становились достоянием отечественной науки. Работы ученых России, «развеянные по белому свету во всех возможных журналах на всех европейских наречиях», оставались неизвестными на родине, а нередко вообще пропадали для науки, так как не могли пробиться сквозь фильтр, установленный «европейскими оракулами».

Заметный количественный рост научной периодики в России начался с конца 60-х гг. XIX в. и шел по нарастающей до конца столетия. Он происходил на фоне общего подъема прессы, характерного для этого времени. Если в течение первого пореформенного десятилетия научные журналы все еще тонули в массе новых общественно-политических и литературных журналов и газет, то в 70—90-х гг. периодическая печать во многом уже росла за счет научных и научно-образовательных изданий. С 1866 по 1894 г. число журналов, имевших непосредственное отношение к различным отраслям науки, выросло более, чем в 4 раза — с 91 до 388[100]. Среди научных изданий первенствующее место как по численности, так и по темпам роста занимали журналы «по естество-



Антропологическая выставка в Москве. Фрагмент экспозиции. 1879 г.

знанию, математике и их прикладным значениям». На их долю в 90-х гг. приходилось около 57% всех выпускавшихся научных изданий (230 из 406); доля журналов гуманитарного и обществоведческого профиля составляла примерно 39% (158)[101].

Наряду с количественным ростом расширялись тематические горизонты научной периодики и углублялась ее специализация, обусловленная процессом дифференциации в ряде научных отраслей. Появлялись все новые журналы, рассчитанные на узкие профессиональные группы ученых, особенно в области медицинских и технических наук, где процесс дифференциации шел особенно интенсивно.

Развитие научной периодики в России, как и в других странах, было тесно связано с расширением научной деятельности и количественным ростом высших учебных заведений, научных обществ, объединений ученых. Именно они выступали в качестве учредителей и издателей большинства выходивших в это время журналов. Высшие учебные заведения и научные общества, созданные в пореформенный период как в столицах, так и в провинции, почти сразу же после основания учреждали свои печатные органы. «Известия», «Ученые записки», «Труды», «Временники» и т. п. стали в это время непременным атрибутом деятельности практически всех университетов и крупных специальных училищ. Они печатали труды профессоров и преподавателей, отчеты по «ученым командировкам», диссертации и тексты пробных лекций, известия о работе кафедр и протоколы заседаний советов. Иногда на страницы журналов выносились животрепещущие вопросы, связанные с внутренней жизнью того или иного научного учреждения. Эти издания помогали преодолевать разобщенность факультетов и кафедр, разрушали замкнутость сложившихся профессиональных групп и способствовали формированию единого ученого братства, известной консолидации научной интеллигенции.

Научная периодика, сложившаяся в России на исходе XIX в., практически охватывала все направления научной мысли и научной деятельности, а ее структура, по существу, повторяла структуру сети научных учреждений и организаций, действовавших на территории страны. Книги и журналы по различным направлениям научного знания, представлявшие интерес для маститых ученых, студентов и просто образованных людей, обеспечивали широкую циркуляцию научных идей и объединяли деятелей науки между собой, давали обществу «пищу для ума» и связывали его с миром ученых. Эти издания способствовали росту отечественной науки, расширению ее потенциала и распространению научных знаний. Они сами становились одним из неотъемлемых элементов научного потенциала России, формирующим ее «ученые силы и

средства», создающим интеллектуальную и духовную среду, необходимую для ее воспроизводства и дальнейшего развития.

---

[1] Уставы Российской Академии наук. 1724–1999. М., 1999. С. 73.
[2] Там же. С. 74.
[3] Там же. С. 73.
[4] Там же. С. 76.
[5] Там же. С. 75.
[6] Там же.
[7] Там же. С. 79.
[8] Там же. С. 94–96.
[9] Там же. С. 117.
[10] Протоколы заседания Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. IV. СПб., 1911. С. 1057.
[11] Собрание актов торжественного заседания Имп. Санкт-Петербургской Академии наук, бывшего по случаю празднования столетия ее существования 29 декабря 1826 г. СПб., 1827.
[12] Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (далее — СПбФ АРАН). Ф. 1. Оп. 2 — 1826. § 68.
[13] История Академии наук СССР. Т. 2. М.;Л., 1964. С. 16.
[14] Уставы Российской Академии наук... С. 123.
[15] Собрание актов публичного собрания Имп. Санкт-Петербургской Академии наук, бывшего 29 декабря 1827г. СПб., 1828. С. 89.
[16] СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 2 — 1832. § 9, 14.
[17] Уставы Российской Академии наук. С. 105–134.
[18] Там же. С. 105, 109.
[19] Опись приложениям к представлению в Государственный совет о проектах уставов и штатов Имп. Академии наук и состоящих при ней музеев. СПб., 1866. Приложение 9. С. 11.
[20] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 — 1825. § 153.
[21] Отчет Имп. Санкт-Петербургской Академии наук за 1833 год, читанный в публичном собрании 29 декабря 1833 г. // Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1834. Ч. 2. № 4. С. 220.
[22] Опись приложениям к представлению в Государственный совет... С. 24.
[23] ЖМНП. 1834. Ч. 2. № 6. С. 430.
[24] История Академии наук СССР. Т. 2. С. 98.
[25] См.: *Струве В.* Об ученом значении Главной астрономической обсерватории // Санкт-Петербургские ведомости. 1839. 13 сент. С. 944.
[26] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 — 1820. § 136.
[27] Там же. Оп. 2 — 1818. § 289.
[28] Российская Академия наук. Персональный состав. Кн. I. М., 1999. С. 43.
[29] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 — 1830. § 417; Оп. 2 — 1833. § 356.
[30] Цит. по кн.: *Рыкачев М.А.* Исторический очерк Главной физической обсерватории за 50 лет ее деятельности. 1849–1899. Ч. 1. СПб., 1899. С. 195.
[31] Там же. С. 153.
[32] *Пирогов Н.И.* Университетский вопрос // Соч. Т. I. СПб., 1900. С. 128.

[33] ПСЗ-I. Т. 28. № 21498. § 1.
[34] Там же. § 28.
[35] *Тимирязев К.А.* Сочинения. Т. 7. М., 1938. С. 675.
[36] ПСЗ-I. Т. 28. № 21498. § 52.
[37] Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. II. СПб., 1866. С. 1.
[38] Там же. С. 472–473.
[39] ПСЗ-I. Т. 1. № 21696.
[40] Летопись Московского университета. М., 1979. С. 42.
[41] См.: *Герцен А.И.* Собр. соч. Т. 8. М., 1956. С. 106.
[42] Летопись Московского университета. С. 67.
[43] *Гончаров И.А.* Воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1946. С. 73, 74.
[44] Летопись Московского университета. С. 42.
[45] Там же. С. 52; Московский университет за 200 лет: Краткий исторический очерк. М., 1956. С. 40.
[46] См.: *Микулинский С.Р.* Развитие общих проблем биологии в России. Первая половина XIX в. М., 1961. С. 208–209.
[47] *Ляпунов А.М.* Жизнь и труды П.Л. Чебышева // Чебышев П.Л. Избранные материалы и труды. М.;Л., 1946. С. 20.
[48] История Вильнюсского университета (1579–1979). Вильнюс, 1979. С. 80.
[49] Роль Вильнюсского университета в развитии науки. Вильнюс, 1979. С. 47.
[50] Петербургская Академия наук в Эстонии. Таллин, 1978. С. 28.
[51] *Пирогов Н.И.* Из жизни московского студенчества 20-х годов XIX века // Московский университет в воспоминаниях современников. С. 23.
[52] ПСЗ-I. Т. 28. № 21132.
[53] Там же. Т. 29. № 22208.
[54] Там же. Т. 17. № 12502.
[55] Архив графов Мордвиновых. Т. 7. СПб., 1907. С. 154, 121.
[56] ПСЗ-I. Т. 34. № 26920.
[57] ЖМНП. 1851. Ч. 69. № 2. С. 79.
[58] *Семенов-Тян-Шанский П.П.* История полувековой деятельности Русского географического общества. 1845–1895. Ч. 1. СПб., 1896. С. 25.
[59] ПСЗ-I. Т. 28. № 21498. § 11.
[60] Летопись Московского университета. С. 37, 40.
[61] Сборник распоряжений... Т. I. С. 59.
[62] *Лившиц С.Ю.* Московское общество испытателей природы за 135 лет существования (1805–1940). М., 1940. С. 17.
[63] ПСЗ-I. Т. 34. № 27623.
[64] История естествознания в России. Т. I. Ч. 2. М., 1957. С. 267.
[65] См.: *Мезенин Н.А.* Лауреаты Демидовских премий. Л., 1987.
[66] Труды II съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве. М., 1869. С. 60.
[67] Труды V съезда русских естествоиспытателей и врачей в Варшаве. Варшава, 1876. С. 55.
[68] *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 21. М., 1885. С. 92.
[69] *Тимирязев К.А.* Соч. Т. VIII. М., 1938. С. 142.
[70] См.: *Щетинина Г.И.* Университеты в России и Устав 1884 г. М., 1975. С. 50; *Она же.* Состав Академии наук в России в последней четверти XIX в. // Вопр. истории. 1979. № 6. С. 173.

[71] *Сеченов И.М.* Собр. соч. Т. II. М., 1928.

[72] *Вырубов Г.Н.* Революционные воспоминания // Вестн. Европы. Кн. 2. 1913. С. 46.

[73] См.: *Семенов П.П.* История полувековой деятельности Имп. Русского географического общества. 1845–1895. СПб., 1896. С. 214.

[74] Второй съезд русских естествоиспытателей и врачей в Москве: Протоколы заседаний. М., 1870. С. 143.

[75] *Бекетов Н.Н.* Речи химика. СПб., 1908. С. 176.

[76] Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1-а. Д. 60. Л. 1.

[77] ЖМНП. 1896. Кн. 6. С. 58.

[78] *Семенов П.П.* Предисловие // Риттер К. Землеведение Азии. СПб., 1859. С. 1.

[79] См.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1970. С. 182.

[80] См.: *Щетинина Г.И.* Университеты в России и Устав 1884 г. ... С. 49, 169.

[81] *Вернадский В.И.* Труды по истории наук в России. М., 1988. С. 65–66.

[82] Подробнее о комитетах см.: *Бастракова М.С., Павлова Г.Е.* Наука: власть и общество // Очерки русской культуры XIX в. Т. 2. Власть и культура. М., 2000; *Миронов А.А.* Российская бюрократия и наука. Нижний Новгород, 2000; *Он же.* Ученые комитеты и советы министерств и ведомств России в XIX в. Нижний Новгород, 2000.

[83] См.: *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 354–368. Приложения.

[84] *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1991. С. 52.

[85] *Никитенко А.В.* Дневник: В 3 т. Т. III. М., 1956. С. 315.

[86] Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991 (Факсимильное издание Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Пг., 1898. С. 413–414).

[87] Там же. С. 412–414.

[88] ЖМНП. 1873. Кн. 165. Отд. 1. С. 22.

[89] Россия: Энциклопедический словарь. С. 414.

[90] Подробнее об этом см. очерк Л.В. Кошман «Профессиональное образование» в настоящем издании.

[91] Обзор деятельности Министерства народного просвещения и подведомственных ему учреждений в 1862, 1863 и 1864 годах. СПб., 1865. С. 59.

[92] Подсчеты автора на основе изучения местных материалов и составленной картотеки.

[93] Дневник IX съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве. Вып. X. М., 1894. Приложения.

[94] Там же.

[95] Труды IV съезда русских естествоиспытателей и врачей в Казани. Казань, 1874. С. 36, 38.

[96] Подсчитано по данным изданий: Россия: Энциклопедический словарь. С. 416–417; Книга в России. 1861, 1881. Т. I. М., 1988. С. 24.

[97] Там же.

[98] *Рубакин Н.А.* Из истории борьбы за права книги. Флорентий Федорович Павленков // Книга. Исследования и материалы. Сб. 9. М., 1964. С. 222.

[99] Русский инвалид. 1861. 17 авг.

[100] Россия: Энциклопедический словарь. С. 418.

[101] Там же.



Л.Б. Хорошилова

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

Женское образование очень чутко отражает изменения, происходящие в обществе, в частности в культуре, тогда как мужское образование, имея более длительную историю, давно отлилось в определенные четкие формы и меньше подвержено влиянию общественной жизни.

Переход от традиционной формы культуры (и, в частности, семьи, характерной для эпохи Средневековья) к новым формам культурной жизни в условиях индустриального общества непосредственно сказался и на подготовке девочек к будущей жизни. Изменялся мир, изменялся образ жизни, изменялся и быт — на работу на фабриках принимали женщин — фабрике безразличен и пол и возраст, она раскрывает свои двери для всякого равно: для женщины, мужчины, ребенка.

Фабричное производство, а также газовые печи, электрическое освещение, центральное отопление, прачечные и т. д. избавляли женщин от многих видов трудоемкой домашней работы или значительно облегчали ее, а школы и детские сады упрощали работу матери. Индустриализация устраняла потребность в семейной артели. С последней трети XVIII в. изменяется семья — традиционная ее

форма переживает кризис: муж и отец перестают быть единственными кормильцами. Статистика свидетельствует, что в ту эпоху начинает уменьшаться количество браков и увеличивается число разводов.

Девушки чаще стали задумываться о необходимости содержать самих себя — незамужних стало больше, в прошлое уходили большие патриархальные семьи, где они находили себе приют. Знание считалось привилегией мужчин, и потому получение женщинами образования обернулось более общей проблемой — проблемой места женщины в обществе, созданном и контролируемом мужчиной. Ведь и государственность, и общественная жизнь строилась для мужчин. Таким образом, женщина, претендуя на серьезное положение в сфере культуры, присваивала себе тем самым и часть «мужских ролей». Естественно, что практически весь XIX в. (за исключением, пожалуй, первой четверти) был отмечен борьбой женщины за «право на место в культуре»[1].

Женщина начинает играть непривычные роли — и это означает гораздо больше, чем просто изменение ее статуса в обществе: это говорит об изменении самого *общества*. Ведь не случайно, к примеру, связывали образованность матерей и деятельность их сыновей-декабристов. Итак, начало эмансипации женщин — это начало эмансипации общества вообще.

Другая сторона проблемы — подготовка женщины для вступления в новую жизнь. И здесь одним из главных социальнообразующих факторов становится образование. Именно в XIX в. реформирование школы начинает осознаваться обществом как необходимое составляющее социального переустройства.

Школа, как хорошо понимали современники, является объединяющим нацию элементом: она перемешивает сословия (заметим, именно образование позволяло попасть из низов в хорошее общество), соединяет их общностью культуры (ранее эту роль выполняло христианство), является базой национальной науки. Именно школа в условиях феодального строя, сохранившихся крепостнических отношений в руках государства становилась инструментом построения нового общества. Не затрагивая глубинных основ экономического и политического строя, государство сознательно *создавало общество*, выравнивая сословия, формируя новый тип социального поведения, создавая, наконец, новый облик матери. Похожие процессы, приведшие к приобретению школой особого статуса, происходили не только в России, но и в других странах. Таким образом, получение образования понималось не только как подготовка к профессиональной деятельности, но, прежде всего, и как воспитание, подготовка к жизни в обществе[2].

Итак, проблема женского образования в XIX в. — проблема очень емкая, она включает в себя не только непосредственно тему *обучения и воспитания* женщин, но гораздо большее число тем, затрагивающих самые разные стороны истории русского общества (от влияния уровня образованности на женскую судьбу и до вопросов трудоустройства и гигиены). К сожалению, многие аспекты данной проблемы еще не разработаны в достаточной степени, в связи с чем некоторые поставленные в работе вопросы остаются без ответа.

В дореволюционной историографии вопрос женского воспитания и образования занимал важное место. В последние годы оживился интерес к теме «женщина в культуре», обособились так называемые «гендерные исследования». Однако тема обучения и воспитания женщины в них потерялась. Исключение составляет подход, намеченный в книге А.Е. Иванова «Студенчество России в конце XIX — начале XX века. Социоисторическая судьба» (М., 1999, гл. «Женское образование»).

Заметим, что хронологические рамки очерка шире, чем собственно XIX в., — систематическое женское образование в России начинается еще в предыдущем веке.

И все же XVIII столетие — время мужского образования. Женщины, и прежде всего дворянки, до середины века могли получать образование лишь дома, да и то далеко не в каждой семье, родители готовы были учить свою *дочь:* для ее будущего, как им казалось, необходимости в этом не было. Образование, которое все же получали девочки, было весьма ограниченным: «...прадед не допускал мысли о воспитании детей; в те времена чада должны были удерживаться в черном теле в доме родителей, и он за порок считал, чтоб русские дворянки, его дочери, учились иностранным языкам», — вспоминала Е.А. Сабанеева. Однако при этом ее «бабушка много читала и много себя образовала. Она была замечательная женщина по уму и способностям, характер же ее и душевные силы приобрели особое мужество в этой борьбе с дикими предрассудками...»[3]

Таким образом, с одной стороны, объективные условия, а нередко и общественное мнение диктовали необходимость давать женщине образование, с другой — инерция сознания всячески противилась этому. Вспомним, что уже в конце XIX в. Лев Толстой «был против высшего образования женщин: женских курсов, университетов и пр. Он говорил, что женщина настоящая, как он понимает ее, — это мать и жена»[4] (хотя образ женщины, который он создавал в своих произведениях, противоречил реальным фактам его собственной жизни — Л. Толстой был женат на образованной по тем меркам женщине, заботился об образова-

нии своих дочерей и т. п.). Многие люди, ценившие образованных женщин, были тем не менее настроены против широкого женского образования — мешали стереотипы традиционного представления.

История образования в России имела свои особенности. Образование в нашей стране делало успехи в довольно короткий срок, и это послужило причиной многих издержек. Борьба же за получение женщиной достойного образования заняла практически весь XIX в. Наметим хронологические этапы женского образования в этот период.

Вторая половина XVIII — первая четверть XIX в. характеризуются возникновением, с одной стороны, сословной, привилегированной школы, а с другой — профессиональной (для сирот, детей недостаточных сословий). Учебных заведений в это время существует крайне мало. Однако постепенно привычной становится мысль о необходимости просвещения любой дворянки.

К середине XIX в. появляется и становится достаточно массовым учебным заведением женская гимназия и прогимназия — школа бессословная, доступная для всех. В это время на смену мысли о *специфике* женского образования приходит идея равенства полов, применения единых принципов воспитания для мальчиков и девочек, которые становятся знаменем демократической педагогики.

В этот же период важнейшей общественной задачей является уже *высшее* женское образование. Правда, вплоть до 1917 г. этот вопрос практически разрешен не был.

Такова самая общая схема развития женского образования в России. Переходя к более подробному рассмотрению нашей проблемы, заметим, что ее хронологические и тематические рамки предопределяют сложность структуры очерка — сочетание хронологического и тематического принципов изложения.

* *
*

Как и многие другие культурные установления, женское образование в России начиналось «сверху». Не случайно именно в правление императрицы Екатерины II, ценившей образованность и в себе, и в других, возникают первые учебные заведения для девочек. Екатерина II и И.И. Бецкой, по мнению одного из историков педагогики, видели «сущность умственного развития в умении общаться в свете — "людскости", говорить на иностранных языках. Нравственной силы образованию не приписывали, разнообразные науки и знания считали чем-то в роде духовной, блестящей одежды»[5].

Еще в 1763 г. Бецкой составил «Генеральный план императорского Московского Воспитательного дома» для детей обоего пола и всех сословий[6]. Здесь кроме приюта они получали начальное или даже среднее образование и профессию, доставлявшую им в будущем кусок хлеба.

Первое же государственное сугубо женское училище — Воспитательное общество благородных девиц (Смольный институт) — было основано Указом от 5 мая 1764 г. «Для пользы государства, — говорилось в указе, — учреждены разные воспитательные училища благородного юношества; равное имея попечение о девицах, восхотели мы учредить такое же воспитание...» Родители, согласно екатерининской любимой идее воспитания новой породы людей, обязывались не брать из училища детей до окончания курса, чтобы не портить их влиянием семьи. С 1764 по 1796 г. Смольный институт окончило 1316 девушек — дворянок и мещанок[7].

В 1766 г. был принят Указ об учреждении народных училищ без разделения классов для девочек и мальчиков (всего в 1786 г. в столице в народных училищах училось 12 595 девочек — в 13 раз меньше, чем мальчиков). Так было положено начало системе женского образования. Именно «благодаря Екатерине II в русской семье впервые появилась образованная женщина и внесла в это последнее убежище дедовских предрассудков струю свежего воздуха и света». То были смолянки, которые «привносили в незнакомую и часто совершенно дикую жизнь высокий нравственный склад и живые умственные интересы»[8]. Мысль о необходимости образования для девочек постепенно утверждалась в обществе[9].

После кончины Екатерины II заботы о женском образовании приняла на себя жена нового императора Мария Федоровна. Помимо уже существовавшего Смольного института при ней учреждаются Воспитательный дом (1797), Мещанское училище (1797), Училище ордена св. Екатерины (1798) и многие другие. Складывается целая система благотворительных учреждений и женских учебных заведений, которая получила название *Ведомство учреждений императрицы Марии*. Оно включало также приюты, больницы, богадельни, вдовьи, инвалидные, странноприимные дома[10].

Роль императрицы Марии Федоровны в распространении женского образования в России поистине неоценима. Она посвятила всю свою жизнь и подчинила весь ее уклад работе в своем Ведомстве: вела обширную переписку, писала тексты уставов, планы и инструкции по устройству отдельных учреждений, следила за всем — за подбором кадров, порядком приема и выпуска воспитанниц, а нередко и за их дальнейшей судьбой. Ей в полной мере была присуща ответственность и добросовестность. Не задаваясь широ-



Императрица Мария Федоровна

кими планами, Мария Федоровна все, за что бралась, доводила до конца[11].

Непосредственное управление женскими учебными заведениями осуществляли местные советы, состоявшие из лиц, назначаемых императрицей (в их задачу входило рассмотрение прошений о приеме воспитанниц, назначение и увольнение должностных лиц, материальная ответственность, контроль над учебной и хозяйственной частью).

Ведомство учреждений Марии Федоровны благополучно просуществовало до 1917 г. во многом благодаря тому, что все учебные заведения были материально обеспечены (на их содержание шли проценты с завещанных капиталов). Авторитет Марии Федоровны привлекал пожертвования членов царской семьи, дворянских и купеческих обществ, частные пожертвования[12]. (Кроме того, Ведомство получало отчисления от различных налогов.)

В 1828 г., после смерти Марии Федоровны, было организовано IV Отделение собственной Ее Императорского Величества канцелярии, на которое было возложено заведование всеми учреждениями императрицы Марии, отошедшими под «непосредственное и особое покровительство» императора Николая I и императрицы Александры Федоровны. В 1853 г. появляется официальное название этого отделения — «Ведомство учреждений императрицы Марии, состоящих под непосредственным их Импера-

торских Величеств покровительством»[13]. Общие принципы, заложенные Марией Федоровной, оставались, хотя непосредственный, патриархальный характер управления, существовавший при ней, почти бесследно исчез.

Само отношение к женскому образованию у Марии Федоровны было принципиально иным, чем в екатерининскую эпоху: это было обусловлено, с одной стороны, уже некоторым накопленным опытом в этом вопросе, а с другой — новой эпохой, диктовавшей менее умозрительный и менее схематичный, но более реалистичный подход к решению данной проблемы. Главной целью образования девочек провозглашалась необходимость воспитания «добрых супруг, хороших матерей и хороших хозяек» — задачи узкие, но более реалистичные и направленные на практическую связь с жизнью.

Наиболее пристальное внимание обращалось на образование дворянок. Самое знаменитое женское учебное заведение в России XIX в. — это, без сомнения, Смольный институт. Большинство других институтов благородных девиц и мещанских училищ были основаны по его образцу, допускались лишь некоторые изменения. В Смольный приезжали инспектора и начальницы других учебных заведений перенимать опыт[14].

Императрица Мария, собственноручно составив учебный план для училищ Ведомства, изменила некоторые екатерининские установления. Так, по ее убеждению, нельзя извлечь пользы от учения в раннем возрасте, и потому в институты стали принимать девочек в возрасте 8–9 лет (вместо прежних 5–6). А чтобы институтское воспитание не отчуждало ребенка от семьи, «императрица старалась по возможности установить семейные отношения между воспитанницами и начальницами», поскольку считала «семейные начала выше всего в воспитании»[15]. Мария Федоровна предписывала начальницам и классным дамам внимательно следить буквально за каждой воспитанницей, они должны были заменять девочкам матерей. Именно этот, патриархальный, подход в наибольшей степени отвечал русским традициям воспитания[16]. И в общественном сознании в это время утверждается представление о важности воспитания и образования детей, в котором главную роль играет семья, особенно мать. Роль матери всегда осознавалась как важнейшая, но теперь она получает более глубокое осмысление, находя выражение и в философских трактатах, и в государственных документах, и, наконец, в поэзии (в стихотворении Г.Р. Державина «К матери, которая сама воспитывает детей своих», посвященном Т.В. Юсуповой, читаем: «*Являя благородны чувства, / Не судишь ты страстей людских, / Обняв науки и искусства, / Воспитываешь чад своих*»[17]).

Интересно в этом плане свидетельство писательницы Лидии Чарской (Чуриловой), выпускницы Павловского института благородных девиц уже в конце XIX в. Она рассказала о материнском напутствии, даваемом Maman (начальницей института) в день выпуска: «Те, у кого есть родители, думайте о том, чтобы доставить им как можно больше приятного в совместной жизни с ними... Помните, что первое назначение ваше — быть хорошими семьянинками и приносить посильную помощь близким...»[18] Главное, по мнению Maman, что следовало воплотить в своей жизни, — это быть хорошей матерью. Ориентация на семью при получении образования в институте была основной и сохранялась на протяжении всего времени существования института.

Но при всем этом повседневная дисциплина отличалась строгостью, все подчинялось жесткому расписанию, «институтки были не властны ни в одном действии, ни в одной минуте...»[19]

Учебный курс при Марии Федоровне изменился: было отменено преподавание архитектуры и геральдики, вводилась логика, увеличилось количество уроков по Закону Божию. Особое внимание традиционно обращалось на изучение новых языков. Если при Екатерине II классные дамы были француженки, то теперь их заменили немки. Отныне и навсегда *немецкий тип образования* восторжествовал над французским[20], несмотря на то что именно французский по-прежнему оставался основным языком образованного общества в течение длительного периода. «В то время (в начале 60-х г. — *Л. Х.*) знание французского языка облагораживало и возвышало каждого во мнении общества»[21], — писала современница.

Исследователь педагогики В.М. Кларин пишет: «Из-за сохранившейся до начала 70-х гг. XIX в. государственно-территориальной раздробленности Германия значительно отстает в своем социально-экономическом росте от других западноевропейских стран. Но именно эта ее историческая специфика ведет к острому противоборству разнородных общественных сил в процессе выработки содержания и форм школьного образования»[22]. Немецкие общественные деятели и ученые именно во всеобщей единой школе видели существенное условие достижения общегерманского единства, социального и культурного развития немецкой нации. И в России в середине — второй половине XIX в. школа выполняет подобные функции, являясь важнейшим объединяющим нацию фактором. Именно школа, педагогика традиционно притягивает силы одаренных людей, которые не могли найти в России иного общественного поприща для своей деятельности. Россия и Германия схожи в области сознательного строительства новой

культуры, которая является цементирующим элементом в создании нации.

В начале XIX в. большие возможности для получения образования открываются и перед дочерьми купцов и мещан. Верная практическому подходу, Мария Федоровна писала: «...признаюсь, что вижу большие неудобства в смешении благородных девиц с мещанскими... Приобретение талантов и приятных для общества искусств, которое существенно в воспитании благородной девицы, становится не только вредным, но и пагубным для мещанки, ибо ставит ее вне своего круга... Я откинула от этого воспитания все, что клонится к блеску, я направила его единственно к совершенному знанию нашей религии и нравственности, к наукам, необходимым для ремесленника»[23]. Этот подход был, пожалуй, единственно честным: девушек-дворянок и мещанок ждало, конечно же, разное будущее, и соответственно готовиться к нему они должны были по-разному. В инструкциях начальнице Московского Екатерининского училища Мария Федоровна писала: «...надо стараться, чтобы воспитанницы привыкли к мысли о бедности, многие из них будут жить в деревне, у некоторых есть родители, не получившие хорошего воспитания, но нужно приучаться жить с людьми всякого рода»[24].

Женские учебные заведения Ведомства Марии были закрытыми и сословными учреждениями. Императрица придавала большое значение точному распределению воспитанниц в различные учебные заведения, согласно чину отцов. На «благородную половину» Смольного института не принимались дочери, отцы которых, имея дворянский титул, владели профессией, считавшейся недостойной высокого происхождения (например, известен случай, когда при наборе в институт отказали дочери скульптора[25]).

Мещанское отделение Смольного института принимало в два раза меньше воспитанниц, чем дворянское. Учебная программа этого отделения включала в основном те же предметы, которые преподавались благородным девицам, но при этом больше часов здесь отводилось изучению рукоделия. В целом, по мнению императрицы, в мещанском отделении следовало ограничиться сообщением воспитанницам «основательного знания нашего языка, хорошо на нем изъясняться, правильно писать, дать им совершенное познание религии, обучить их арифметике, чтобы они могли вести приходно-расходные книги, выучить их рукоделиям и дать им сведения по хозяйству»[26].

Но сама жизнь вносила коррективы в Высочайшие планы. В провинции резкое сословное разделение на дворянское и мещанское отделения практически не соблюдалось. Когда по образцу Смольного во многих городах открываются институты благород-

ных девиц, немалые средства на них выделяет российское купечество, и их дочери, естественно, занимают места на школьных скамьях. Так процесс образования объективно ведет к смешению сословий.

Например, в Одесский институт благородных девиц, открытый в 1806 г., на казенное содержание принимались дочери дворян, военных и гражданских чиновников Херсонской и Екатеринославской, Таврической и Бессарабской губерний. Но пансионерками могли быть также и дочери купцов I и II гильдий. Плата за обучение была довольно высокой по сравнению с другими провинциальными институтами. В 1817 г. в Одессе открывается (за счет города) еще и женское училище, предназначенное для «дочерей недостаточных дворян, купцов, мещан и других свободных состояний»[27]. Учебная программа училища в основном соответствовала институтскому курсу, с той лишь разницей, что больше времени отводилось здесь занятиям рукоделием.

В 1812 г. в Харькове на пожертвования дворян был основан институт благородных девиц. О характере образования, которое здесь получали девушки, можно судить по его уставу: в случае необходимости, говорилось в нем, «воспитанницы могли снискивать себе пропитание». Устав предписывал принимать в институт детей не только дворян, но и чиновников и купцов.

Павловский институт (вначале — женское отделение Военно-сиротского дома, основанного Павлом I) принимал дочерей высших военных чинов. Преимуществом при приеме пользовались круглые сироты. Здесь было отделение для детей низших армейских чинов, куда зачислялись девочки до 11 лет, воспитывавшиеся до достижения ими 16 лет. Уже к 12 годам они «присматривались к работе на поварне и приучались к разным подробностям домашнего хозяйства»[28].

Заметим, что после войны 1812 г. в учебных заведениях обязательно отводилось определенное число мест исключительно для дочерей военных: резко увеличилось число сирот, а из-за материальных трудностей многие военные были не в состоянии дать достойное образование своим дочерям. Родители нередко отдавали своих детей в учебные заведения (особенно на казенный счет), чтобы обеспечить их будущее. Е. Водовозова, многочисленная семья которой была бедна, вспоминала: «...для богатых девушек, может быть, больше ничего и не надо, как только заботиться о своей нравственности, но мне, бедной девушке, очень даже не вредно подумывать о том, чтобы запастись знанием»[29].

В мещанских отделениях институтов после 1814 г. большинство воспитанниц было детьми личных дворян, военных и граж-

данских чиновников. В 1842 г. мещанские отделения институтов получают самостоятельный статус училищ. Так, на базе мещанского отделения при Смольном институте было образовано Александровское училище (славившееся впоследствии хорошо поставленным преподаванием русского языка и правописания). При таких училищах в 1848 г. организуются педагогические классы, выпускницы которых впоследствии легко могли найти себе места гувернанток в помещичьих семьях[30].

Организация учебного процесса во всех женских учебных заведениях была примерно одинакова. Прием проводился обычно в начале августа. Перед набором совет каждого учебного заведения извещал о числе вакансий и о правилах приема. В местных советах принимали прошения от родителей о помещении их детей на казенное содержание или же своекоштными пансионерками. Для казеннокоштных воспитанниц определялось число мест согласно штатному расписанию учебного заведения. Пансионерками могли приниматься девушки и сверх того. Если же число кандидаток превышало число свободных мест, то вопрос решался баллотировкой[31].

Как уже было сказано, воспитанницы принимались как на казенное содержание, так и за определенную плату. Наиболее высокая плата была в Смольном — 350 руб. в год. В губернских институтах благородных девиц плата была ниже, в пределах 150–250 руб. в год. Она равнялась 150–200 руб. в столичных мещанских училищах и 100–130 руб. — в провинциальных. В начальных учебных заведениях (например, в училищах солдатских дочерей полков лейб-гвардии) за обучение пансионерок платили 35 руб. в год[32].

Бедность «давала первейшее право на призрение при приеме, особенно бездостаточных сирот, отца и матери лишенных»[33]. Прием в Смольный институт рассматривался как награда за заслуги родителей.

Во всех учебных женских заведениях курс составлял шесть лет, кроме Смольного (девять лет) и Павловского (семь лет) институтов. Девочки принимались с 8–12 лет. Воспитанницы институтов делились на «возрасты» — классы, которые в свою очередь могли делиться на отделения в зависимости от способностей питомиц. В каждом классе учились по два года.

В Смольном институте ученицы разных классов отличались цветом одежды: ученицы младших классов носили коричневые платья — цвета кофе («кофейный класс»), более старшие — голубые и серые, а самые старшие одевались в белое.

Учебная программа в младших классах включала Закон Божий, чтение и письмо на русском, французском и немецком языках, четыре правила арифметики, природоведение, рисование,

танцы, музыкальные уроки, рукоделие. Девочки старшего возраста изучали Закон Божий[34], чистописание, русский язык и литературу, французский язык и литературу, немецкий язык и литературу, риторику, логику, алгебру и геометрию, физику, историю, географию, естественную историю, занимались музыкой, рисованием, танцами.

Каждый урок длился около часа, в день проводилось 4—5 уроков. Наибольшее количество часов по программе отводилось изучению иностранных языков — 4,5 часа в неделю; гуманитарным наукам, русскому языку и литературе, географии и истории — по 3 часа в неделю; алгебре, геометрии и физике — по 1,5 часа, как и рисованию. Пением, музыкой, танцами и гимнастическими упражнениями занимались в свободное от занятий время.

Воспитанницы изучали также домоводство и рукоделие. Их учили вышивать (в том числе и золотом), кроить, шить, вязать, делать искусственные цветы. Для некоторых в будущем это становилось ремеслом, которым можно было зарабатывать себе на жизнь и помогать семье. Немалое значение имела и выработка правильного, красивого почерка. Переписывание бумаг также могло стать немаловажной статьей дохода[35].

Институтки музицировали, играли на арфе, клавикордах, пели. В Петербурге их возили в музеи, Эрмитаж и Академию художеств. Для них устраивались балы, балетные постановки, музыкальные вечера. Еще при Екатерине II был установлен следующий порядок: в Смольном после окончания учебного года и в день рождения императрицы устраивались собрания, на которые приглашался весь двор. В большом зале института воспитанницы демонстрировали свои способности в музыке, танцах, пении.

Учебники печатались в типографии при Смольном институте, авторами их нередко являлись сами преподаватели. Как учебные пособия использовались «История государства Российского» Н.М. Карамзина, «Всеобщая география» И.А. Гейма (ректора Московского университета), «Сокращенная и всеобщая география» Каменецкого. Выпускались буквари и азбуки для учениц младших классов на русском и иностранных языках, книги античных авторов. Непременной принадлежностью классных комнат были глобусы, карты, словари, атласы[36]. Институты нередко имели собственные библиотеки.

В конце учебного года проводились экзамены на основании программы и изданных билетов по каждому из учебных предметов. Ученицы получали оценки в форме баллов, высшей оценкой было 12 баллов. После сдачи экзаменов готовились списки воспитанниц, фамилии располагались в зависимости от полученных

баллов. Церемония вручения наград проходила при общем собрании учениц «в целях постоянного возбуждения соревнования между воспитанницами»[37].

Награды за отличное учение раздавались в виде шифров, золотых и серебряных медалей. Имена воспитанниц, удостоенных шифров, неизменно отмечались золотыми буквами на мраморной доске, которая помещалась в парадном зале института[38]. Получение шифра давало право на пенсию, которую воспитанницы главного, Смольного института могли получать до выхода замуж. При выпуске из института кроме аттестатов выдавались и денежные награды.

Каникулы проходили с конца июня и до 1 августа, когда в большинстве учебных заведений начинался учебный год и новый прием воспитанниц. Родители могли навещать детей в определенные дни и часы, но обязательно в присутствии классных дам.

Напомним, что императрица Мария Федоровна стремилась к практической постановке дела и точному выполнению задуманного. Одной из главнейших своих задач она считала дальнейшее устройство судеб воспитанниц своих учреждений. Большинство из них, не имея достаточных материальных средств, во время учения находилось на казенном обеспечении. Впоследствии им часто приходилось трудиться, чтобы обеспечить себя и свою семью. Профессиональный характер образования, свойственный многим начальным и средним учебным заведениям Ведомства, помогал решению этой задачи: педагогические классы, рукодельные, фельдшерские и повивальные училища готовили девушек к реальным трудностям жизни.

* *
*

С 30-х гг. XIX в. в губернских городах (особенно — на юго-западе России) уже регулярно открываются женские учебные заведения. Женские учебные заведения в западных губерниях Российской империи использовались правительством для политических целей: когда по распоряжению Николая I в 1837 г. в Белостоке был основан женский институт, было предписано «начальницам и всем классным дамам быть непременно русскими, *иначе цель не достигнется*» (курсив мой. — *Л. Х.*). Большинство воспитанниц здесь составляли дочери дворян Виленской, Гродненской, Минской, Ковенской губерний ($^4/_5$ учениц от общего числа), остальные — дочери чиновников русского происхождения[39].

К началу 50-х гг. по всей империи насчитывалось около сорока институтов: Харьковский, Полтавский, Одесский, Тамбов-

ский, Киевский, Казанский Родионовский, Белостокский, Астраханский, Саратовский Мариинский, Нижегородский Мариинский институты благородных девиц, Керчинский Кушниковский институт, Александринский институт воспитания девиц, Закавказский девичий институт в Тифлисе, Девичий институт Восточной Сибири в Иркутске, Донской Мариинский институт в Новочеркасске и др. Большинство женских учебных заведений в провинции — это именно институты благородных девиц. Их основывали для нужд местного дворянства и за его счет при содействии генерал-губернаторов. Почти во все институты допускались в качестве казеннокоштных воспитанниц дочери купцов, что не разрешалось в столичных институтах. Открывались также институты и училища, в которых кроме дворянских детей воспитывались дочери мещан, священнослужителей, представителей национальных меньшинств.

В столицах в это время действовали следующие мещанские и городские училища: Александровское, Елизаветинское училища, Мариинский институт и Воспитательный дом в Петербурге, Пансион при Гатчинском сиротском доме, Воспитательный дом, Александровское и Елизаветинское училища в Москве; в провинции: Елизаветинское училище в Симбирске, Киевское училище графини Левашевой, Оренбургское девичье училище, Высшее отделение Тобольской Мариинской школы. В столицах существовали начальные и профессиональные учебные заведения: в Петербурге и Моск-



На занятиях рисования в женской школе

ве — Александринский, Гатчинский сиротские дома, Николаевские сиротские институты, повивальные училища, педагогические классы при Александровских училищах; в Петербурге — Малолетнее отделение Московского воспитательного дома, училище для глухонемых, детские приюты, школы Женского патриотического общества, училища для солдатских дочерей полков лейб-гвардии; в Москве с 1837 г. — школы Благотворительного общества.

Образование, которое получали девушки в институтах, часто подвергалось насмешкам. В демократической публицистике сложилась традиция отрицательного отношения к закрытым учебным заведениям. Но, как отмечает современник, гимназий в то время не существовало, да и потом их было недостаточно; кроме того, открывались они для приходящих учеников, а как должны были получать образование те, кто жил в деревне?[40]

Особенно много насмешек вызывал обычай институток «обожать» — находить себе не просто предмет восхищения, но и подражания. «Массовые кумиры как образец для подражания — явление довольно новое, — пишет исследователь культуры Н. Ломакин. — В России они появлялись с конца восемнадцатого века, с приходом сентиментальных романов... Образец из романа или из фильма, с эстрады или со сцены нужен тогда, когда традиционные модели формирования личности слабеют или терпят крах. Эту дилемму — традиция или книжки — хорошо сформулировал Фамусов, сказавший о Софье: "Всю ночь читает небылицы, / И вот плоды от этих книг! / Не надобно иного образца, / Когда в глазах пример отца"»[41]. И действительно, раньше русская девушка не имела перед глазами иного примера, чем ее собственная мать. Но в начале XIX в. пушкинская Татьяна Ларина и тысячи других образованных девушек искали идеал в героинях французских романов. Таким образом, «обожание» можно понимать и как сентиментальное преклонение, которое приводит к уничижению собственной личности, и как сознательный выбор такого идеала, на который следовало равняться и до которого нужно было расти.

Обычай *обожать* продержался долго: «..."обожание", процветавшее еще недавно в женских учебных заведениях, выходило как раз тогда из моды»[42], — писала о 80-х гг. В. Харузина, учившаяся в женской гимназии Софьи Фишер. Но в институтах, по свидетельству Л. Чарской, *обожать* продолжали и в 90-е гг., ибо институты по своей природе были особенно консервативны. Это по-прежнему был особый, свой, замкнутый мир, менее других подверженный изменениям.

Атмосфера в учебном заведении во многом зависела от личности начальницы и от состава учителей. Выпускница института Вера Фигнер вспоминала о своем учении: «Начальница института

была Сусанна Александровна Мертваго, старая, серьезная и добрая дама, ценившая в воспитанницах только ум и способности. При ней институтские нравы совершенно изменились: ложный светский блеск, господствовавший при ее предшественнице, исчез. Та отличала хорошеньких, имела фавориток и держала салон, в котором ее любимицы из старших классов обучались на практике "хорошим манерам" и светской болтовне. При Сусанне Александровне культ красоты и грации прекратился; институтки перестали заниматься наружностью и выходили из учебного заведения почти пуританками»[43].

Девушкам, воспитанным в институтах благородных девиц, были свойственны некие особые общие черты. Вот как характеризует свою родственницу та же Вера Фигнер: «Тетя была типичная институтка старого времени: наивная, несколько восторженная и совершенно безыдейная»[44].

Насмешки над воспитанницами институтов благородных девиц понятны, если учитывать ту конкретную историческую ситуацию, в которой они существовали. Институтки получали образование, культивировавшее женское начало. Именно этот упор на особенности женской психики, которая во главу угла ставила *семью*, во многом противоречила новым современным тенденциям, когда на повестке дня стояли уже другие проблемы и демократическая публицистика провозглашала другой идеал женщины — стриженую общественную деятельницу с папироской в губах[45].

Современная исследовательница пишет: «Само определение, название или термин "институтка", получивший уничижительный смысл, сегодня нуждается в пересмотре, в возвращении ему изначального содержания, соответствующего реальности. Выпускница института благородных девиц знала немецкий, французский или английский, музицировала, обладала известной суммой познаний в медицине, могла в любом обществе служить эталоном хорошего тона и воспитания. Многие из них ушли в первую мировую войну на фронт сестрами милосердия»[46].

Немало воспитанниц поступали в институт достаточно развитыми и уже подготовленными. Интерес к предмету во многом зависел и от личности учителя. Преподаватель, по мнению бывшей воспитанницы одного из институтов, должен был хорошо владеть своим предметом, уметь вызвать к нему интерес, быть справедливым по отношению к ученицам, иметь широкую и бескорыстную натуру[47].

Существуют объективные свидетельства о довольно высоком уровне образования в Екатерининском институте, где «помимо обычного набора знаний и навыков, необходимых дворянской

девушке (языки, музыка, танцы, этикет, рисование), они получали знания естественных и гуманитарных наук, не уступавшие по объему мужским пансионам того времени»[48]. Некоторые институты особенно славились хорошей постановкой преподавания отдельных предметов: так, выпускницы Екатерининского блистали знанием французского, отличались в сочинениях на русском языке, в Николаевском сиротском институте прекрасно преподавался немецкий[49].

Учителя, работавшие в женских учебных заведениях, нередко были по-настоящему патриотами своего дела: «жалованье учащим было скудное, но императрица Мария Федоровна своей любезностью и вниманием умела привлекать в них лучших преподавателей... все они были воодушевлены духом императрицы, одно имя которой вселяло в них какое-то религиозное веяние к долгу»[50]. Здесь нередко преподавали выпускники университетов и педагогических институтов, люди, часто имевшие профессорские звания. Среди них П.П. Гулак-Артемовский — популярный украинский поэт, почетный член и профессор Харьковского университета, инспектор и преподаватель Харьковского и Полтавского институтов благородных девиц; Н.В. Гоголь преподавал историю в Патриотическом институте; проф. И.П. Шульгин — учитель истории в Смольном и Киевском институтах; К.Д. Ушинский служил инспектором Смольного (где по его инициативе была введена система одногодичных классов).

Вера Фигнер писала: «Что дало мне шестилетнее пребывание в институте? Культурную выправку, и, как во всяком закрытом учебном заведении, совместная жизнь со многими, находящимися в одинаковом положении, развила во мне чувство товарищества, потребность в нем, а правильный ход учения и твердый распорядок дня приучили к известного рода дисциплине. Если до школы я училась охотно, то институт воспитал вдобавок привычку к умственной работе... В 1869 году я вышла из института; вышла живой, веселой, шаловливой девушкой, хрупкой с виду, но здоровой духовно и физически, не заморенной затворничеством, в котором провела 6 лет, но с знанием жизни и людей только по романам и повестям, которые читала»[51]. Это мнение представляется достаточно точным; его разделяли многие думающие современники.

Подводя итоги, приведем общую оценку институтов благородных девиц, данную А.Д. Галаховым — выпускником Московского университета, долго занимавшимся педагогикой и преподававшим в разных институтах: каждая девушка «встречала там чистоту, порядок, дисциплину, приучалась к правильному распре-

делению времени, к слушанию и приготовлению уроков, к общему для всех уставу, к понятию о долге. Отношение девиц к окружающим изменялось: в каждой воспитаннице они видели себе ровню по обязанности и занятиям. Даже обращение с прислугой было совершенно иное: институтка говорила ей *вы*, а не *ты*, просила ее о чем-нибудь, а не требовала, не смела сердиться или выговаривать»[52]. Не случайно и смертность воспитанниц в институтах была крайне низкой — связано это было с тем, что повсюду царила чистота, опрятность; комнаты прекрасно вентилировались, жизнь носила регулярный и налаженный характер, «строго соблюдалось время для сна и еды»[53].

Какая разница с тем, что дочь помещиков средней руки обыкновенно видела у себя дома! Душные, жарко натопленные помещения, жирная, обильная пища, не слишком чистая обстановка... Возвращаясь домой, институтка привносила в жизнь своей семьи новые навыки и обыкновения. По свидетельствам современников, средняя выпускница института (т. е. бедная дворянка), как правило, выходила замуж за мелкого чиновника или армейского офицера — человека, много ниже ее по уровню образования. И тогда в довольно неблагоприятных условиях именно она должна была сохранить все то хорошее, что было получено ею в институте, и дать достойное воспитание своим детям...

* *
*

Осознавая себя матерью *всех* своих подданных, императрица Мария Федоровна немало сил отдавала попечению о незаконнорожденных[54], сиротах и бедных всех чинов. И подлинное попечение заключалось не в том, чтобы накормить их, а в том, чтобы научить их добывать хлеб. Ее пример во многом способствовал развитию благотворительности в России.

В 1802 г. в Гатчине Мария Федоровна открыла Сиротский дом. Здесь девочки получали начальное образование, затем их переводили в воспитательные дома. Начальное образование давали также и в детских приютах, которые основывались в Ведомстве с 30-х гг. XIX в. для присмотра за детьми, чьи матери вынуждены были работать.

В 1808 г. в Петербурге был учрежден Дом трудолюбия с целью дать образование и «возможности девицам содержать себя трудами»[55]. Обучение здесь первоначально ограничивалось начальным образованием и занятиями рукоделием. Сюда принимались дочери офицеров, гражданских чиновников и разночинцев. В 1825 г.

Дом трудолюбия открылся и в Москве, а в 1829 г. — в Симбирске. После окончания 6-летнего курса воспитанницы могли работать гувернантками.

Именно в Ведомстве учреждений императрицы Марии Федоровны было положено начало подготовке в массовом порядке гувернанток, домашних наставниц — педагогика постепенно становилась женской профессией. При воспитательных домах образовывались «классы наставниц», закончив которые, девушки получали звание домашней учительницы.

В 1803 г. Мария Федоровна учредила и для выпускниц институтов специальные классы *пепиньер* (питомник, рассадник, *франц.*), где девушек готовили к педагогической деятельности (они становились учительницами, гувернантками или классными дамами). Постепенно пепиньеры были основаны во всех институтах Ведомства, как в столицах, так и в губерниях, что помогало кроме всего прочего разрешить проблему педагогических кадров[56]. Для многих женщин получение статуса гувернантки сыграло большую роль: «Дочь бедных родителей, окончив курс в институте, шла в гувернантки, — это было почти единственное средство заработка для женщины того времени»[57], — писала о 60-х гг. XIX в. Е. Водовозова.

Тема профессии гувернантки в России требует особого внимания. Как мы уже говорили, Россию не миновала общая судьба стран, переживавших промышленный переворот: традиционная семья начинала испытывать кризис. Росло число девушек, которые не могли выйти замуж или найти пристанище в семье родственников из-за сокращения числа больших патриархальных семей. Вера Харузина, о которой мы упоминали выше, писала о своей родной тетке, жившей в их доме: «Но куда ей было идти? Ей было 40 лет, и она всю жизнь работала и не боялась труда. Но устроиться самостоятельно, как я думаю, тогда было невозможно девушке, и не молодой»[58]. Патриархальных семей становилось все меньше, и потому должность гувернантки и домашней учительницы становилась неплохим выходом. С другой стороны, хорошая образованная гувернантка играла огромную роль в воспитании ребенка.

Положение девушек-гувернанток и отношение к ним в России и в Западной Европе нашло свое отражение в художественных произведениях. Столь типичный, в частности, для английской литературы образ гувернантки — очаровательной, уверенной в себе девушки, не характерен для русской литературы. Это вполне закономерно: положение работающей женщины в Англии и женщины в России оставалось разным. И не случайно Шарлотта Бронте создала образ гувернантки Джен Эйр, пленявший вообра-

жение девушек на протяжении чуть ли не двухсот лет. Русская литература, напротив, представляла читателям или комический образ воспитательницы (А.П. Чехов «Дочь Альбиона»), или жалкий (А.П. Чехов «Размазня», В.Г. Перов «Приезд гувернантки в купеческий дом») — именно так, как он формировался в сознании общества.

Между тем воспоминания свидетельствуют о том, что среди них встречалось много умных, добрых и образованных девушек, оказавших большое влияние на своих питомцев, которые вспоминали их с благодарностью. Часть гувернанток в русских домах были иностранками (например, француженка у А. Керн, немки у Е. Андреевой-Бальмонт и В. Харузиной)[59], часть — выпускницами российских институтов благородных девиц.

* *
*

Как уже говорилось, не в привычках императрицы Марии Федоровны было бросать на произвол судьбы своих воспитанниц: опекунские советы помогали выпускницам и в трудоустройстве. Одни становились учительницами рукоделия, музыки и пения, портнихами, белошвейками, акушерками, гувернантками, классными дамами; другие, не проявившие особенных способностей, поступали в специально сформированные сельские колонии, где им предоставлялись земельные наделы и инвентарь[60].



Домашний секретарь

В сельских местностях в Ведомстве императрицы Марии открывались начальные школы для детей обоего пола с 10 до 15 лет.

Можно с уверенностью констатировать, что Ведомство учреждений императрицы Марии Федоровны задавало тон в организации женского образования в России практически до середины XIX в.

Пример ее неустанной деятельности вызывал многочисленные подражания. Уже в 1812 г. возникло Петербургское женское патриотическое общество. Оно заботилось, помимо прочего, об организации на окраинах столицы детских школ, которые «содействовали развитию грамотности и профессиональной грамотности и профессионального образования среди женского населения»[61]. Здесь главным было обучение профессии, а общеобразовательные предметы занимали второстепенное место.

В 1837 г. в подражание Петербургскому женскому патриотическому обществу было учреждено Московское. По уставу оно было обязано открывать частные школы для бедных девочек во всех частях Москвы. В этом обществе содержалось 20 воспитанниц. Им полагался обед, платье, обувь. Несколько пансионерок содержались с платой от благодетелей по 200 руб. ассигнациями в год. Обучали здесь русской грамоте, Закону Божию, началам арифметики, рукоделию. У каждой школы имелась попечительница из числа знатных московских дам, а также надзирательница с помощницами[62].

В 1842 г. уже существовало 7 таких школ. К штату общества были причислены богатые купцы, которые снабжали школьниц обувью, письменными принадлежностями или просто деньгами — по 1 тыс. руб. в год[63].

Крупные образованные промышленники заботились о том, чтобы кадры пополнялись обученными, подготовленными рабочими, и заводили фабричные школы. К этому подталкивали их не только насущные потребности производства, но и знакомство во время путешествий с постановкой образования за границей и сознание долга перед своей страной и народом. Такими предпринимателями были братья Прохоровы. Т.В. Прохоров (один из владельцев Трехгорной мануфактуры) любил повторять слова Г. Лейбница: «преобразование человеческого рода совершается с преобразованием молодого поколения». Он решил пополнять свою фабрику рабочими, получившими правильное обучение с детства, и для этого в 1816 г. основал при ней ремесленную школу. С 1830 г. (холерный год, осиротивший многих детей) сюда стали принимать и девочек. Эта традиция осталась навсегда. В начале 1840-х гг. на фабрике была создана и особая женская профессиональная школа.

Со временем в фабричных школах набор преподаваемых предметов расширялся, в 80-е годы в них были введены химия и физика, рисование и черчение[64].

Прохоровские школы послужили примером для остальных школ. В 1840–1850-х гг. в Московской губернии при фабриках и заводах насчитывалось уже 34 школы, и правительственные инструкции ссылались на опыт Трехгорной мануфактуры, представляя ее образцовой[65].

По общественной инициативе возникали ремесленные школы для девушек. В 1870 г. в газете «Современная жизнь» (редактор Н.П. Гиляров-Платонов) была объявлена подписка, сборы от которой предназначались для организации учебного заведения. По подписке было собрано 1500 руб. Провозглашалась цель: «избавить детей недостаточного слоя общества от злоупотреблений модных мастерских, губящих их нравственно и физически, и взамен дать им гуманное и, по возможности, правильное воспитание и образование, обучив при этом обязательно одному или нескольким ремеслам». Для сбора дополнительных средств были даны также благотворительный концерт и спектакль. Борьба с нуждой за существование школы велась постоянно. Сначала данное учебное учреждение функционировало как начальная народная школа для приходящих с классами рукоделия. Она отличалась теплой атмосферой, царившей здесь, гуманным отношением к питомицам, хорошим их содержанием, заботой о добросовестном преподавании как научных предметов, так и ремесел. В 1874 г. состоялся ее первый выпуск. В 1887 г. в школе насчитывалось 95 учеников.

Школа для девушек выпускала мастериц, которые могли зарабатывать кройкой и шитьем. За 18 лет здесь обучилось ремеслу 800 человек. Известно, что 11 из них стали преподавать в других школах и приютах, а трое открыли свое собственное дело[66].

В последней четверти XIX в. с постройкой ткацких, прядильных фабрик все больше привлекался женский труд. При фабриках возникают воскресные бесплатные классы для женщин. В 1898 г. Товарищество Прохоровых открыло такие бесплатные классы, оборудовав их всем необходимым[67].

* *
*

Реформа образования, проведенная правительством Александра I, традиционно была ориентирована прежде всего на мужчин. В 1804 г. был принят Устав, согласно которому все учебные заведения Российской империи делились на гимназии, уездные и

приходские училища. Они относились к Министерству народного просвещения и состояли первоначально под общим управлением университетов.

Визитаторы университетов — Московского, Харьковского, Петербургского — отмечали положительные сдвиги в деле образования в городах, где почетными смотрителями были «просвещенные дворяне»[68]. Впрочем, даже самые образованные люди эпохи все еще продолжали размышлять о необходимости женского образования. «...Управление в науках и словесности есть ли необходимая принадлежность женщин? Не охладит ли любовь и словесность в женщине любви супружеской?» — спрашивал издатель «Вестника Европы» М.Т. Каченовский (1811).

Сами женщины не разделяли этого мнения и уже в 1812–1816 гг. ходили на лекции профессоров Московского университета — А.Ф. Мерзлякова о русской словесности и П.И. Страхова по физике. В 1823 г. на лекциях проф. Шерера (читавшихся на немецком языке) по физике, химии и минералогии из 30 слушателей 10 были женщины.

Приводимая таблица дает представление о числе учившихся женщин в соотношении с показателями мужского образования:

«Ведомость, составленная по последним донесениям в Деп. Мин. нар. просвещения» в 1809 г.[69]

Московский округ / *Губерния*	*Учителя*	*Учащиеся*		*Всего*
		мужчины	*женщины*	
Московская		2890	257	3147
Смоленская		454	22	476
Рязанская		557	32	589
Вологодская		369	—	369
Владимирская		492	12	504
Ярославская		507	26	533
Тверская		929	36	965
Костромская		202	—	202
Калужская		693	109	802
Тульская		293	—	293
ВСЕГО:	*590*	*7404*	*494*	*7898*
Виленский округ	743	15 569	1793	17 362
Дерптский округ	383	3536	1079	4615
Харьковский округ	259	5439	250	5689
Казанский округ	167	3212	42	3254
С.-Петербургский округ	401	6297	1488	7785
ВСЕГО:	*2543*	*48 843*	*5640*	*50 483*

Спустя 15 лет, в 1824 г., в учебных заведениях обучалось уже около 12 тыс. девушек. В этот период возникла массовая для того времени школа, дававшая образование тысячам детей.

И все же в первой четверти XIX в. основные успехи в деле женского образования были достигнуты в учреждениях Ведомства Марии Федоровны. В николаевскую эпоху происходят значительные изменения. Возникают новые учебные заведения и развиваются старые, правда, происходит это под государственной опекой и в условиях жесткой регламентации. Если общая политика правительства была направлена на сохранение сословных различий, то развитие образования объективно способствовало стиранию границ между ними.

Мы полагаем, таким образом, что николаевская эпоха в нашей теме осталась недооцененной. В 60-е гг., с одной стороны, ощутим дух свободы, а с другой — слишком сильна идеологизация образования. Школа, как и все другие общественные институты, становится ареной борьбы между лагерем «реакционным» и «демократическим», в то время как сама природа школьного образования требует спокойной обстановки. Видный общественный деятель П.А. Кропоткин некогда заметил: «Прежде всего нигилизм объявляет войну так называемой условной лжи культурной жизни». В. Живов комментирует это замечание: «Это антицивилизационное противостояние выражалось в преобразованиях поведения и одежды, формах речи и жилища, сфере сексуальных отношений (брака, фиктивного брака, сожительства) и еде»[70]. Резко выраженное общественное противостояние незамедлительно находило отражение в школе...

* *
*

В 1844 г. был учрежден Комитет по пересмотру женских учебных заведений. Николай I постановил рассмотреть уставы женских учебных заведений и учебные программы с тем, чтобы «учебная часть в них, особенно в губернских институтах, была более соизмеряема с состоянием учащихся, а сии последние более приготовлялись к будущему их назначению»[71]. Местным властям предписывалось открывать женские школы в тех населенных пунктах, где было не менее 25 девочек соответствующего возраста. Но этот благой план в жизнь последовательно претворен не был.

Все женские учебные заведения делились на четыре разряда. Для каждого была подобрана своя программа, соответственно назначению воспитывавшихся там девиц.

1-й разряд включал Смольный и Патриотический институты в Петербурге, училища св. Екатерины в Москве и все губернские институты благородных девиц. Во 2-й разряд входили Павловский институт, Александровские училища в Петербурге и Москве, дома трудолюбия в Петербурге, Москве, Симбирске, институты в Астрахани и Иркутске (в основе образования — иностранные языки, причем в учебных заведениях 2-го разряда сравнительно с 1-м преподавание искусств и ремесел было расширено за счет наук). К 3-му разряду относились школы Патриотического общества и школы Человеколюбивого общества в Петербурге и Москве, городское училище в Одессе и др. (главное внимание здесь уделялось рукоделию и женским ремеслам, русский язык и арифметика преподавались в небольшом объеме). 4-й разряд включал специализированные заведения, к которым принадлежали детские приюты и некоторые другие учебно-воспитательные заведения.

Во главе Комитета был поставлен принц П.Г. Ольденбургский. В «Наставлении для образования воспитанниц» им были изложены общие начала воспитания и образования в женских учебных заведениях. Он считал, что среди отечественных учебных учреждений именно женские занимают наиболее значимое место, так как в них воспитываются будущие матери семейств, «от направления умов и степени образования которых зависит нравственное и умственное направление будущего поколения»[72]. Женское воспитание, по его мнению, имеет двоякую цель: воспитанница учится для себя как будущий член общества и для того, чтобы быть наставницей своих детей или тех, кого она будет учить.

Особое внимание Ольденбургский уделял изучению русского языка, предписывая «не увлекаться умственными теориями, примеряться к возрасту девиц, излагая все преподаваемое кратко, ясно и занимательно»[73]. Более того, предлагалось прививать девушкам любовь к наукам, чтобы «они по выходе из заведения могли усовершенствовать себя далее». Принц Ольденбургский одним из первых обратил внимание на физическое воспитание девочек, введя в программу гимнастику.

Важнейшим направлением женского образования, как и прежде в Мариинских учебных заведениях, оставалась подготовка к педагогической деятельности. При Александровских училищах в Петербурге и Москве были организованы педагогические классы для воспитанниц, успешно окончивших общий курс. Изъявившие желание оставались в училище еще на два года.

Кроме обычных школьных предметов, по которым давались более углубленные знания, в классах были специальные предметы, имевшие отношение к педагогике. Помимо освоения теоретических знаний, ученицы должны были вести уроки у млад-

ших воспитанниц под руководством опытных преподавателей. Воспитанниц педагогических классов называли кандидатками. Желавших попасть в их число было много, при каждом наборе производился тщательный их отбор.

Выпускницам присваивалось звание наставниц и выдавались дипломы. Они получали материальное пособие, в том числе и деньги на экипировку. При трудоустройстве на инспектрис училищ возлагалась обязанность предварительно ознакомиться со всеми условиями жизни и быта той или иной семьи, в которой девушке предстояло работать[74]. Необходимость зарабатывать себе на жизнь, а часто и помогать близким делала труд учительницы или гувернантки привлекательным для девушек разного сословного происхождения.

К середине XIX в. практически во всех уездных городах России имелись приходские училища, в которых обучались девочки, но число их было незначительно.

Что касается элементарного образования, то в государственной деревне по Уставу 1828 г. крестьянки могли учиться в приходских училищах (женских отделениях при них). За девочек взималась плата большая, чем за мальчиков[75]. Помещичьи крестьянки могли получать образование, как провозглашал Указ 1804 г., в школах, которые было позволено основывать их владельцам в своих поместьях. Большинство крестьянок, разумеется, оставались неграмотными. В государственной деревне в 30-е гг. были учреждены волостные школы, в которых обучались элементарной грамоте три года. С 1844 г. эти школы было разрешено посещать и девочкам. Кроме грамоты они учились здесь и рукоделию. В 1863 г. во всех низших учебных заведениях проходило обучение около 160 тыс. девочек.

Вопрос о грамотности крестьянок поднимался в обществе неоднократно. Одним из первых, кто привлек к нему внимание, был воспитанник Московского университета, секретарь Московского общества сельского хозяйства С.А. Маслов. По его мнению, обучение крестьянских девочек грамоте в конце концов привело бы ко всеобщей грамотности. За свой труд Маслов получил Золотую медаль Вольного экономического общества.

* *
*

Духовные женские училища, где бесплатно могли получать образование дочери духовных лиц, делились на епархиальные и Мариинские. Женские епархиальные училища начали открываться с 30-х гг. XIX в. Это были полузакрытые учебные заведения,

главным источником содержания которых являлись различные сборы с церквей и монастырей.

В 1854 г. открываются епархиальные училища в Ярославле, Казани, Иркутске. Всего в течение 20 лет было открыто 22 женских трехгодичных духовных училища. Здесь в течение трех лет дочери духовенства изучали Закон Божий, церковное пение, русскую грамматику, российскую и всеобщую историю, географию, арифметику, каллиграфию, рисование узоров для шитья и другие виды рукоделия, а также учились воспитывать детей, ухаживать за больными, разбираться в лекарствах и свойствах лекарственных растений[76]. При каждом училище имелся огород и сад, скотный двор и птичник — девушек готовили к роли жен священников, и они должны были хорошо уметь вести хозяйство, помогать мужу в его пастырской деятельности.

Дети других сословий, учившиеся здесь на пансионе, должны были платить вдвое больше, чем дети духовенства.

К концу XIX в. существовало более 60 женских епархиальных училищ, где насчитывалось 13 тыс. девушек[77]. Срок обучения в них был увеличен до 6 классов, программа приближалась к женским гимназиям. Необязательными предметами, которые оплачивались отдельно, были новые языки, музыка и рисование. Окончившие училище получали звание домашней учительницы.

Открывались особые школы при монастырях, содержавшиеся на их счет, — так называемые «воспитательные отделения для призрения беспомощных девочек». В конце 50-х гг. таких школ при монастырях было открыто 30, каждая из них опекала от 40 до 60 учениц.

В начале XIX в. в большом количестве появляются и частные пансионы, подведомственные Министерству народного просвещения. В печати можно было видеть объявления такого рода: «Дано позволение учителю немецкого языка при Черниговском училище Кневлеру завести пансион для детей *женского пола*. Учебные предметы в сем пансионе: языки российский, французский и немецкий, арифметика, география, история, мифология, эстетика, рисование, разные рукоделия и музыка. За обучение и содержание каждая воспитанница платит 250 руб., а за учение без стола 100 рублей в год»[78]. Частные учебные заведения для девочек открывались известными богачами для детей бедняков[79].

Большинство частных пансионов содержали иностранцы — женские пансионы в основном содержались французами. И поэтому в 1811 г. указ Министерства народного просвещения предписывал обязательное обучение русскому языку в частных пансионах, чем прежде нередко пренебрегали.

В 1830-е гг. число частных училищ и пансионов для девиц значительно возросло. В Петербурге в начале 20-х гг. XIX в. их было 22, а уже в 1828 г. — 45 (государственных мужских гимназий в это же время существовало только 4). Учебная программа в женских частных пансионах приближалась к программе государственных учебных заведений. С 1833 г. частные пансионы более не открывались.

* *
*

Традиционно многие девушки получали образование дома — это было правилом и в XVIII в., так продолжалось и до 1917 г.

В состоятельных семьях первоначальное образование в основном давалось детям именно гувернантками. Впрочем, не только образование, но и воспитание; нередко именно они закладывали и основы мировоззрения детей. О своей гувернантке-немке с любовью вспоминала Вера Харузина: «...как чувствовалось уважение к маленькой личности... Задача воспитания заключалась в том, чтобы сделать детей пригодными к дальнейшей жизни, чтобы они были полезны другим и чтобы они были вооружены для борьбы жизни»[80]. Лучшие из иностранных гувернанток не только открывали своим воспитанницам мир других народов, но и учили их веротерпимости, уважению к ценностям других культур.

Набор преподаваемых предметов часто был ограниченным: «Дочери воспитывались дома по-старинному. Главное внимание было обращено на французский язык, музыку и танцы»[81], — вспоминает Т.А. Кузминская.

Вот как обучалась девушка из среднеобеспеченной культурной дворянской семьи: французский, Закон Божий и музыку преподавала детям сама мать; русский, арифметику и чистописание — кантонист или учитель кантонистской школы, «но с манерами очень благородными и уменьем держать себя с большим достоинством»; немецкому языку учил немец. Постепенно список предметов расширялся, в него включалось рисование, ботаника, минералогия, литература, география и всеобщая история[82].

Е.А. Нарышкина, родившаяся в аристократической семье, пишет: «...я уже умела бегло читать и писать по-русски и по-французски с 4-летнего возраста, а спустя год выучилась тому же по-английски с моей гувернанткой... Вместе с уроками священной истории по книжкам г-жи Зонтаг обучалась первым двум правилам арифметики, составляя сложение и вычитание из служивших нам вместо цифр шоколадинок, которые я после урока съедала».

Семья Нарышкиной, как и многие другие богатые семьи, наняла в качестве учителя для дочери выпускника университета (с развитием системы университетского образования статус отечественных выпускников повышался). С прибытием К. Васильева, продолжает Нарышкина, «начались более систематические уроки. Он был редкий учитель, все, чему я выучилась с ним, осталось на всю жизнь основанием последующих приобретенных знаний. Он читал нам свой собственный курс по всем предметам и умел возбудить в нас интерес к ним»[83].

В начале XX в. еще немалое количество девочек получали образование дома, с приходящими учителями. Мать Е.А. Андреевой-Бальмонт, происходившая из купеческого сословия, пеклась об образовании своих дочерей, к которым приглашала на дом лучших преподавателей московских гимназий и женских институтов. Русской словесностью будущая мемуаристка занималась с вчерашним студентом В.А. Лебедевым. «...Со временем уроки литературы у Лебедева делались все интереснее, — читаем в "Воспоминаниях" Андреевой-Бальмонт. — Они состояли в том, что Лебедев приносил мне из своей библиотеки тех русских авторов, которых я должна была систематически изучать. И я читала классиков от Ломоносова до Толстого. На уроке мы разбирали какой-нибудь роман или поэму. Я рассказывала вкратце содержание прочитанной вещи и о своем впечатлении от нее. При этом Лебедев своими вопросами незаметно наводил меня на разные заключения и обобщения...»[84]

Многие женщины, не довольствуясь подготовкой, полученной в детстве, занимались самообразованием, будучи уже женами и матерями. Они продуманно подбирали для себя книги, следили за новинками в литературе и искусстве. Именно такой образ женщины рисует Вера Фигнер, описывая свою мать, имевшую шестерых детей и деспотического мужа: она «в детстве не получила образования, но путем самостоятельной работы над собой достигла высокого духовного развития и была интеллигентным человеком в лучшем смысле этого слова»[85]. Некоторые девушки, даже получив неплохое образование, чувствовали необходимость в дальнейшем учении. Не вступая в конфликт с общественным мнением, они использовали любой удобный случай для продолжения занятий и становились по-настоящему образованными людьми.

Вот как, описывая семейную жизнь, говорит о своей образцовой жене М. Дмитриев, питомец Московского университета: «Мы выезжали редко, потому что для нас довольно было и нас самих. Я не помню, чтобы мы когда-нибудь скучали, особенно с Анною Федоровною, которая имела столько запаса в своем уме и

просвещении. Меняться мыслями в разговорах о разных предметах мысли было для нас истинным наслаждением: самые противоречия наводили нас на заключения, которые без того не представились бы сами собою!.. Она читала много, и по большей части книги, вызывающие на размышления и расширяющие область мысли. В них искала она, во-первых, упражнения своей умственной деятельности, во-вторых, и пользы...»[86]

* *
*

Недостатки образования и воспитания, которые получали российские девочки, резко обнаружились после Крымской войны (1853—1856). Общество смутно осознавало, что во многом решение современных проблем связано с образованием матери[87], которая прежде всего сама должна стать другой, чтобы готовить своего ребенка к *новым условиям* жизни, новым условиям социализации[88].

В преддверии освободительной эпохи много сделала для образования женщин и привлечения их к общественной деятельности великая княгиня Екатерина Павловна и питомец Московского университета хирург Н.И. Пирогов.

Эпоха Великих реформ настоятельно диктовала необходимость допустить женщин к сознательному участию в общественной жизни. Без этого общество в целом не могло бы сделать следующего шага в заданном реформами направлении.

Назрела потребность в преобразовании системы закрытых женских учебных заведений: «мысль о новом роде женских училищ как бы витала в воздухе»[89]. Инициатива в создании открытых и бессословных женских училищ принадлежала Н.А. Вышнеградскому[90] — профессору педагогики в Главном Педагогическом институте, инспектору Павловского института. Он разработал и осуществил проект открытых женских училищ, выступая сторонником среднего бессословного женского образования[91].

Вышнеградским был разработан проект устройства училища «для приходящих девиц». Главный совет постановил открыть это заведение на следующих началах: «1) Училище состоит под покровительством государыни императрицы Марии Александровны и именуется Мариинское женское училище, согласно с общим порядком управления женскими учебными заведениями подчиняется Главному совету. 2) Ближайшее заведование училищем вверяется особому попечителю, назначенному Его Императорским Величеством, а для непосредственного наблюдения за обучением девиц определя-

ется начальник и главная надзирательница... 3) К обучению допускаются девицы всех свободных состояний от 9 до 13 лет. 4) Комплект учащихся определяется в 250 девиц, с дозволением принимать и большее число по способам помещения и средствам»[92]. Устав, принятый окончательно в 1862 г., действовал до 1918 г.

В 1858 г. в Петербурге, на углу Троицкого переулка и Невского проспекта, открылось первое 7-классное женское училище (Мариинское) «для приходящих девиц». Начальником училища стал Н.А. Вышнеградский. Устроенное как первое, образцовое, под покровительством императрицы Марии Александровны, оно подчинялось Главному совету (во главе которого стоял П.Г. Ольденбургский).

Через четыре дня в училище поступило уже 162 девушки, $^2/_3$ от общего числа принадлежали к «привилегированным сословиям», они были более заинтересованы в образовании, лучше понимая его необходимость. Около 70% из них (97 девочек) были из дворянского и чиновничьего сословий, 8% (12) — из духовного, 14% (21) — из купцов, 7% (30) — из мещанок и одна крестьянка. Через месяц воспитанниц было уже 250[93]. В начале XX в. соотношение стало иным: по данным 1908 г. примерно из 4500 учениц около 1790 составляли дворянки и из «служилого» класса, 972 — дочери купцов, 126 — из духовного звания, 749 — дочери мещан, 710 — крестьян, 215 — иностранные подданные[94].

Итак, новая школа строилась на принципах всесословности и открытости. Здесь учились дети разных вероисповеданий. Учебно-воспитательная работа велась согласно «Правилам внутреннего распорядка», разработанным Вышнеградским. Он предлагал не требовать метрических свидетельств при поступлении, что открывало бы доступ «незаконнорожденным»[95] — поистине важнейший гуманный акт, положивший конец средневековому установлению. Учебная программа в училище была почти такой же, как и в мужских гимназиях, и включала все те же предметы, за исключением древних языков. Годовая плата составляла 25 руб.

«Большой наплыв детей в новооткрытое училище и сочувствие к нему населения послужили основанием к открытию... новых училищ на тех же началах, и вскоре представилась необходимость учредить подобные же училища не только в столицах, но и в губернских городах»[96].

К началу 1861 г. в Ведомстве императрицы Марии было открыто еще десять подобных училищ, и в 1867 г. их насчитывалось уже 25. В обществе эти училища сразу стали называть гимназиями, но официально так они начали именоваться с 1862 г. — для отличия их от низших училищ.

Вся деятельность гимназий освящалось авторитетом императрицы Марии Александровны, которая уделяла большое внимание женским образовательным учреждениям. И все же женские гимназии содержались почти исключительно на общественные и частные средства, правительственные субсидии составляли в среднем от одной до трех тыс. в год на каждую. Для примера скажем, что содержание одного мужского среднего учебного заведения обходилось в 31 194 руб. в год, женского — в 20 648 руб.; образование одного мальчика — 134 руб., девочки — 103 руб. Доля государства в содержании мужского учебного заведения составляла почти 60%, в то время как женского всего лишь около 12%[97]. Как мы уже говорили, образование для женщины, по мнению и правительства, и общества, было необходимо самое минимальное, и большинство девочек училось дома или не училось вообще.

24 мая 1870 г. было упорядочено положение о женских гимназиях (1-й разряд) и прогимназиях (2-й разряд) Министерства народного просвещения (традиционно находившихся под Высочайшим покровительством императрицы)[98]. Гимназии должны были состоять из семи классов с годичным курсом обучения для каждого, для приготовляющихся к педагогической деятельности мог быть учреждаем еще восьмой дополнительный класс с годичным, а где возможно — двухгодичным курсом учения. Кроме основ педагогики в гимназиях преподавалась гигиена, большое значение придавалось естественным наукам, изучению отечественной литературы и истории. По постановке своего учебного курса эти гимназии приближались к мужским гимназиям, женские прогимназии — к уездным училищам.

Часть женских гимназий получала средства от Главного совета женских учебных заведений и состояла в Ведомстве императрицы Марии, а учрежденные и содержавшиеся на пожертвования земств, обществ и частных лиц, а также на пособия от правительства находились в ведомстве Министерства народного просвещения. Обучение являлось платным.

Женские прогимназии были трехклассными (при годичном курсе каждого класса). При этом оговаривалось, что там, где есть возможность, они могли иметь и большее число классов. Губернатор по званию своему считался почетным попечителем всех находящихся в губернии гимназий и прогимназий. Непосредственное управление этими учебными заведениями было доверено начальницам.

Учебно-воспитательная работа в гимназиях подчинялась «Правилам внутреннего распорядка», выработанным Вышнеградским

еще в 1859 г. Важнейшей их чертой было и то, что они подняли авторитет учителя, сделали именно его центральной фигурой в классе, а не классную даму, как прежде.

Предметы делились на обязательные и необязательные. К обязательным в трехклассных прогимназиях относились Закон Божий, русский язык, русская история и география, арифметика, чистописание, рукоделие. В курсе женских гимназий обязательными были Закон Божий, русский язык, арифметика и основания геометрии, география, история, а также «главнейшие понятия по естественной истории и физике с присовокуплением сведений, относящихся к домашнему хозяйству и гигиене», чистописание, рукоделие, гимнастика.

Награжденные по окончании курса общего учения женских гимназий медалями, золотыми или серебряными, а сверх того и прослушавшие специальный курс дополнительного класса приобретали звание домашних наставниц. Ученицы, не удостоенные медалей, но получившие одобрительный аттестат об окончании полного общего курса в гимназии и окончившие особый специальный курс в дополнительном классе, пользовались правами домашних учительниц. Выпускницам, не получившим медали, но окончившим общий курс гимназии, предоставлялось право на звание учительниц народных училищ.

Всего к 1911 г. было открыто 35 Мариинских женских гимназий, в которых училось 16 тыс. учениц. Гимназий Министерства народного просвещения было гораздо больше, и их число быстрее увеличивалось — в 1880 г. существовало 79 гимназий и 164 прогимназии, в 1887 г. — соответственно 106 и 180, в 1909 г. — их общее число составляло уже 958.

Приведем сводную таблицу средних учебных заведений на 1882 г.[99]:

Женские учебные заведения		*Мужские учебные заведения*	
гимназии и прогимназии	259	гимназии и прогимназии	200
институты	27	реальные училища	69
духовные училища	48	духовные семинарии	53
частные пансионы	61	кадетские корпуса	18
		частные пансионы	26
Всего:	*395*		*366*

С 1872 г. открываются частные женские гимназии, обладавшие теми же правами, подчинявшиеся тем же правилам и придерживавшиеся тех же программ, что и государственные. Пла-

та за обучение в частных женских гимназиях была высокой. Лучшие из них имели такой же курс обучения, как и мужские. Диплом об окончании гимназий давали только казенные учебные заведения, и потому ученицы частных гимназий должны были сдавать экзамены при казенных.

В 70-х гг. существовало 23 частные гимназии, причем наибольшее число их было в Петербурге (7), и среди них — аристократическое заведение княжны Оболенской, где в основном учились дети высокопоставленных и богатых родителей. Выпускница этой гимназии Ариадна Тыркова писала, что здесь «царил дружеский дух и между девочками, и в отношениях со старшими»[100]. Любопытен рассказ Ариадны о ее ближайших подругах — аристократке Вере Чертковой, чьи родители относились к придворным кругам, Надюше Крупской — дочери вдовы чиновника, жившей в бедности, и Лиде Давыдовой из семьи, принадлежавшей к артистической богеме. Гимназическая, школьная жизнь способствовала смешению сословий и консолидации общества. Где еще, как не в гимназии, могли встретиться и подружиться девочки столь разные и по происхождению, и по социальному статусу, и по благосостоянию?

В целом оценка, которую давали гимназиям современники — педагоги, публицисты, общественные деятели, выпускницы и их родители, — была высокой. «Эти учебно-воспитательные женские заведения, организованные на самобытных русских началах, согласно тем требованиям, которые предъявляются к русским девицам как правительством, так и семейною и общественной русской жизнью, дают учащимся в них то воспитание, которое основано на религиозно-нравственных началах, и то умственное развитие и образование, которое необходимо для ожидающих их обязанностей как членов семьи и общества... вполне понятна та любовь, с которой относятся ученицы к воспитавшему их заведению, и те чувства уважения их родителей, которыми они проникнуты к этим учреждениям, дающим им возможность воспитывать и образовывать своих дочерей»[101], — писал В.В. Григорьев. Эта длинная цитата содержит глубокую и всестороннюю характеристику гимназического образования. Особое внимание обращалось на важнейшую сторону воспитания — *нравственность*. «Наше нравственное воспитание зиждилось на религиозном так сильно, что говорить о них раздельно не приходится»[102], — вспоминала В. Харузина. Так было повсюду — начиная с начальной школы, заканчивая институтом благородных девиц: день начинался с молитвы, расписание занятий соответствовало религиозным праздникам.

В общем, можно утверждать, что в гимназиях девушки получали прочные знания. И в старости, уже бабушками, бывшие гимназистки помнили назубок выученное в далекой юности[103]. Образованная современная женщина той эпохи — это именно *выпускница гимназии*. В отличие от институтов, которые своей задачей ставили подготовку воспитанниц в первую очередь к семейной жизни, гимназии давали более широкую и разностороннюю подготовку, учили опираться в жизни на себя и свои знания. Выпускницы гимназий были европейски образованными людьми. Они знали родной язык и литературу, владели одним-двумя иностранными языками, были знакомы с достижениями мировой культуры. Полученный багаж давал им возможность прекрасно ориентироваться в современном мире, заниматься дальнейшим самообразованием.

К концу первой половины века старейший институт благородных девиц — Смольный, вплоть до второй половины XIX в. являвшийся образцом для женских учебных заведений, и по объему, и по характеру даваемого в нем образования сильно отставал от женских гимназий. Лишь в 1905–1907 гг. его программа была приравнена к программе Мариинских женских гимназий (когда была принята «Нормальная учебная табель»)[104].

* *
*

В 60–70-е гг. наблюдается быстрый подъем женского образования. Причиной тому были целесообразная организация женских учебных заведений, вполне удовлетворяющая желаниям родителей, многочисленность училищ, дававших полную возможность всем воспитывать и обучать своих детей.

Современники полагали, что не чем иным, как своевременностью их открытия, всесословностью состава учащихся, доступностью по цене обучения, большим вниманием семьи к школе, внутренним строем заведения в смысле истинно христианского и гуманного направления, этот успех объяснить нельзя. «Русская женская гимназия не нуждается в коренных преобразованиях. Ею все довольны, а если раздаются недовольные голоса со стороны родителей, то только за позднейшие нововведения, да за то, что она начинает утрачивать свой первоначальный гуманно-семейный характер»[105], — писал петербургский преподаватель, географ Д.Д. Семенов. Существенных перемен требует лишь санитарное состояние женских гимназий. В классе должно быть не больше 30–40 учениц, и всех следует обеспечить горячим завтраком, полагал он.

Знаменитой на всю Россию была так называемая «Таганцевская гимназия» в Петербурге, называвшаяся так по имени директрисы Л.С. Таганцевой. В этой гимназии училось множество детей из аристократических семей. Одна из ее воспитанниц, кн. Лидия Васильчикова, вспоминала: «В десятилетнем возрасте я поступила в Таганцевскую гимназию. Преподавание было в ней поставлено прекрасно, и у нее по каждой специальности были превосходные учителя с самых маленьких классов». В эмиграции, спустя десятилетия, Васильчикова писала о русской школе: «...с тех пор как мои дети учились во французских лицеях, я могу судить о французской системе и скажу, что она не может сравниться с нашей»[106]. Об этом же говорит и журналистка и общественная деятельница Ариадна Тыркова: «Не знаю, по свойству ли русского характера, или благодаря идейному подъему эпохи, но русская интеллигенция 70-х годов создала такие школы, которые в некоторых отношениях до сих пор могут служить образцами для западных педагогов»[107].

* *
*

В Москве существовало немало замечательных учебных заведений, о которых оставили воспоминания их питомицы. Одной из лучших считалась Арсеньевская гимназия: «В семидесятых годах прошлого века двумя выдающимися педагогами того времени — Софьей Александровной Арсеньевой и Львом Ивановичем Поливановым — были учреждены в Москве в районе Пречистенки две гимназии — Арсеньевская и Поливановская. Связь между этими школами была самая тесная; если сыновья учились у Поливанова, дочерей отдавали к Арсеньевой. Преподаватели были в большинстве случаев общие, почти все учащиеся знали друг друга, и начиная с 6-го класса между ними возникали юношеские романы»[108]. Обучавшиеся в разных учебных заведениях мальчики и девочки вырастали тем не менее в уверенности о равенстве получаемого ими образования. Подрастало поколение женщин, пользовавшееся такой же доступностью среднего образования, как и мужчины, и это прочно «успело уже вкорениться в наши нравы»[109], пишет историк женского образования.

Единственная в России женская *классическая* гимназия была создана Софьей Фишер (бывшей гувернанткой сыновей кн. Шаховского) в 1872 г. в Москве. Кроме основательного знания древних языков и классической древности в сравнении с мужской гимназией в этом учебном заведении было усилено преподавание новых языков (программа обучения в женских гимназиях Ведом-

ства императрицы Марии была намного легче). В классической гимназии учились дочь М.Н. Каткова Наталья, дочь попечителя Московского учебного округа кн. А.П. Ширинского-Шихматова. Как показывают подсчеты современной исследовательницы, в 1872–1875 гг. дворянки составляли 73,5%, а в 1901–1902 гг. — 38,5%[110].

Здесь все было одухотворено личностью Софьи Фишер, «все светло, красиво, приветливо, всюду образцовая чистота и порядок. Я иду — нет, я бегу в гимназию...»[111]

Барышни ставили греческие трагедии на языке оригинала (на некоторых представлениях присутствовали высочайшие гости — вел. кн. Сергей Александрович и вел. кн. Елизавета Федоровна). «...Некоторое время перед отъездом за границу я преподавал в Женской классической гимназии С.Н. Фишер, — вспоминал историк Н.И. Кареев. — С Софьей Николаевной я познакомился еще будучи гимназистом... Это была женщина умная, сама научилась классическим языкам, проявила большую энергию и организаторский талант»[112].

Гимназии нередко открывались на средства меценатов, купеческих и дворянских обществ. В их числе была Мариинская гимназия в Твери, торжественное открытие которой почтили император и императрица. Попечительский совет гимназии возглавляла супруга военного губернатора А.А. Баранова. В гимназии выделялись бесплатные вакансии для детей беднейших чиновников, не имевших возможности дать своим дочерям хорошее образование, да и сама плата была дифференцированной — 30 руб. для достаточных родителей и 15 руб. — для бедных[113].

В 1882 г. в начальных школах Европейской России обучалось всего 362 тыс. девочек. В 1892 г. в ведомстве Министерства народного просвещения было 233 женские гимназии и прогимназии, в Ведомстве императрицы Марии — 31 (всего 264). В них училось 72 тыс. девушек. Кроме того, существовало еще 56 частных учебных заведений со средним общеобразовательным курсом, 30 женских институтов и 40 епархиальных училищ[114].

Менялось время, менялись сами девочки, их видение мира, их мировоззрение: они становились все более активными, больше размышляли об окружающей их действительности. Прошли те годы, когда их мир ограничивался только домом; рамки семьи стали тесными для них. Делая обзор гимназических журналов, издаваемых девушками-гимназистками, современница пишет: «...почти все произведения проникнуты каким-то пессимизмом, но зато отрадно отметить идейность, какою отличалось все написанное в журнале», видно, как они стремятся к «кипучей полезной деятельности»[115].

Часто родители, давая детям хорошее образование, лучшее, чем то, которое получили сами, надеялись, что они продолжат их дело, но уже на новом, обогащенном знаниями уровне («поставят их на высоту современных требований», как заметила Е. Андреева-Бальмонт). Но образование нередко рождало в юных душах отвлеченные, неопределенные мечтания. Нежелание повторять судьбу родителей и невозможность найти себе место в реальной жизни часто приводили к поломанным судьбам. Разрыв между поколениями отцов и детей к концу века стал обычным явлением.

Юная девушка вдруг узнавала, что замужество для нее «вовсе не обязательно, что быть старой девой не смешно и не позорно. Позорно быть "самкой" и ограничиваться интересами кухни, детской и спальней. Я узнала... что для женщины теперь открывается много путей деятельности. *Главное в жизни — учиться, приобретать знания, только это дает самостоятельность и равноправие.* Маргарита приводила мне в пример математика Софью Ковалевскую, с которой она недавно познакомилась, ее друга химика Юлию Всеволодовну Лермонтову, математика и физика Елизавету Федоровну Литвинову, юриста Анну Михайловну Евреинову. Маргарита рассказывала мне, как все они боролись, чтобы получить высшее женское образование, хотя все они были привилегированного дворянского сословия, дочери богатых культурных помещиков (курсив мой. — *Л. Х.*)»[116].



Зал в гимназии Софии Фишер в Москве

Путь девушки, предполагавший разрыв со своей семьей, становился все более и более привычным. Какие-нибудь десять лет назад принятие подобного решения было почти невозможным — выбор новых путей в жизни, отличных от традиционных, давался нелегко. Вера Фигнер вспоминала один эпизод из своей институтской жизни: в начале 60-х гг. вместе с ней училась Ольга Сидорова, которая «отличалась замечательной красотой и феноменальной памятью... Она хотела учиться; изучение природы влекло ее, а родители втягивали ее в светскую жизнь. Недовольная окружающей средой, она блистала в Самаре на балах и не могла, не решалась порвать с родными и перестроить свою жизнь... Сидорова простудилась на балу, быть может, умышленно, схватила воспаление легких и умерла, когда ей было 19 лет»[117]. Для начала 60-х уход из семьи для дворянской девушки был шагом столь решительным, более того, авантюрным, что решались на него крайне редко. Прошло время, и этот путь выбрали многие девушки, которых не устраивала судьба их матерей.

* *
*

Жизнь все настойчивее диктовала необходимость изменения привычного внутреннего состояния и внешнего облика женщины. Все чаще женщины оставались вне семьи и были вынуждены работать. Да и производство предоставляло им гораздо больше возможностей для этого. С одной стороны, это нарушало прежний устоявшийся для многих семей уклад жизни, порождало психологические и иные неудобства, а с другой — нередко задевало интересы работавших мужчин или создавало для них известные трудности.

Во второй половине XIX в. «образ делового человека становится притягательным и для женщин, борющихся за свои права. Они стараются ни в чем не отставать от мужчин, несмотря на правовые ограничения, устремляются в сферу науки, образования, здравоохранения, искусства... В деловой женщине XIX в. нет и тени стяжательства, тем не менее она шокировала публику самим фактом участия в общественной жизни, а также иногда и экстравагантностью поведения»[118].

Высочайшее повеление 14 января 1871 г. называет те виды деятельности, где женщины могут приносить пользу обществу и обеспечить себя в жизни: «1) всеми мерами содействовать распространению и преуспеянию правильно устроенных отдельно для женщин курсов акушерских наук и привлечению на оные как можно более слушательниц для того, чтобы дать возможность

наибольшему числу женщин приискивать себе акушерские занятия во всех частях государства, столь скудно еще наделенных представительницами этой необходимой отрасли; 2) ввиду пользы, приносимой госпитальной деятельностью сестер милосердия, разрешать женщинам занятия фельдшерские и по оспопрививанию, а также аптекарские в женских лечебных заведениях; 3) поощрять женщин на поприще воспитательном, где они уже ныне занимают должности учительниц в начальных школах и низших классах женских гимназий... 4) допускать женщин: а) по телеграфному ведомству к занятию мест сигналистов и телеграфистов и б) по счетной части и в женских заведениях Ведомства Четвертого отделения Его Имп. Величества Канцелярии по непосредственному смотрению Его Высочества Главноуправляющего сим отделением»[119].

Разумеется, в наиболее традиционном ключе лежало воспитание и обучение детей. Новым в этой области было воспитание детей *дошкольного возраста*. В Петербурге в 1871 г. было учреждено Фребелевское общество (названное по имени немца Фребеля, инициатора этой идеи). Общество учреждалось по инициативе двух деятельниц — Н.К. Задлер и Е.А. Вертер, окончивших курс семинарии для учительниц и детских садовниц в Германии и при самом деятельном участии И.И. Паульсена. Здесь девушки проходили полный курс обучения, здесь же был открыт образцовый детский сад для подготовки нянь и «детских садовниц». Кроме того, этот детский сад служил для пропаганды самой идеи правильного дошкольного воспитания. Общество активно поддерживало идею детских садов: устраивались публичные лекции, посвященные вопросам воспитания детей, публиковались статьи в периодической печати.

Все это привело к тому, что уже через год, в 1872 г., были учреждены педагогические курсы для подготовки детских садовниц, школы для обучения нянь, два бесплатных народных детских сада, которые в зимнее время посещало до 120 детей, а также летний детский сад. Здесь ежедневно в течение трех летних месяцев находилось более 1000 детей из неимущих сословий. Летние выезды детского сада на дачу были новинкой. Дети вместе отдыхали на природе — купались в речке, устраивали походы в лес и в поле.

Как уже говорилось выше, в России были открыты учительские семинарии при воспитательных домах для подготовки начальных учителей, существовали педагогические отделения и классы. Еще в 1859 г. при женских училищах были образованы более традиционные одногодичные, впоследствии двухгодичные педагоги-

ческие отделения. Воспитанницы, окончившие их, получали диплом и звание домашних наставниц. К.Д. Ушинский составил особую «Программу по педагогике для специальных классов женских учебных заведений»: полгода отводилось на теоретические занятия и полгода — на практику в приготовительных и 1—3-м классах гимназий. В 1915 г. в педагогических классах обучалось более 20 тыс. воспитанниц.

В 1863 г. по проекту Вышнеградского на базе педагогических классов были образованы Педагогические курсы, на которых давались и серьезные научные знания. Это дало толчок развитию высшего женского образования — на базе курсов уже в 1903 г. в Петербурге был открыт женский Педагогический институт (подчинявшийся Ведомству учреждений императрицы Марии) с двумя отделениями — физико-математическим и словесно-историческим. В первый же год сюда поступило 1030 девушек.

По-прежнему существовали профессионально ориентированные медицинские учебные отделения при больницах и родовспомогательных заведениях, а также школы для обучения повивальных бабок, фельдшериц и сестер милосердия. Были и другие учебные заведения, где женщины могли овладеть какой-либо профессией.

Приведем полный перечень учебных заведений, в которых женщины могли получить специальное образование в Петербурге в 1882 г.: Педагогические курсы петербургских женских гимназий; Педагогические курсы вел. кн. Екатерины Михайловны; Земская женская школа; Специальные курсы Фребелевского общества; Курсы сельских учительниц-садовниц Воспитательного дома; Училище нянь при Воспитательном доме; Театральное училище; Консерватория; Рисовальная школа; Реальное женское училище; Ремесленная школа; Курсы стенографии; Практические курсы бухгалтерии и счетоводства; Телеграфная школа; Курсы для приготовления учительниц гимнастики[120]; Училище для фельдшериц и сиделок дамского лазаретного комитета; Училище фельдшериц при Воспитательном доме; Школа фельдшериц при Общине св. Георгия; Фельдшерские курсы для сестер милосердия Покровской общины; Училище для повивальных бабок при Калинкинской больнице; Родовспомогательное заведение Воспитательного дома; Повивальный институт с родовым госпиталем; Повивальная школа при Мариинском родовспомогательном доме[121].

Еще одна возможность для девочек получить специальное профессиональное образование — театральные училища Петербурга и Москвы, подчиненные Министерству императорского двора. Эти училища имели балетное и драматическое отделения. Основной упор в них делался на преподавание специальности.

Гражданская жена Некрасова А. Панаева получила образование в казенном театральном училище в Петербурге в 20-е гг. В своих воспоминаниях она рисует нравы училища, в частности пишет: «...программа наук в школе была хорошая, но учение плохое»[122]; задачей учениц театральных училищ было овладеть профессией, а не изучить науки.

В балетное училище принимались дети от девяти до одиннадцати лет после медицинского осмотра, определявшего их пригодность для занятий хореографией. Ежегодно принималось 60—70 девочек, бывших на полном казенном иждивении. Домой ученицы отпускались только на летние каникулы. Во время своего пребывания в школе иногда они выступали на сцене.

В балетной школе было пять классов с семилетним курсом; преподавали здесь не только танцы, но и общие предметы, наравне с обычными школами. По окончании балетной школы в 17—18 лет ученицы зачислялись в труппы императорских театров.

По воспоминаниям Матильды Кшесинской, Императорское театральное училище в Петербурге помещалось в здании на Театральной улице. На одном этаже располагались воспитанники, на другом — воспитанницы. В каждом этаже были свои обширные репетиционные залы, классы и дортуары с высокими потолками и огромными окнами. Во втором этаже помещался маленький школьный театр с несколькими рядами кресел. Там происходили школьные выпускные спектакли[123].

Даже на самое короткое расстояние воспитанницы выезжали в знаменитых «зеленых каретах», огромных старомодных и наглухо закрытых от посторонних взглядов, вызывая любопытство прохожих. Эти выезды стали городской достопримечательностью.

Образование осознавалось женщинами как средство почувствовать себя свободной — и во внешнем, и во внутреннем своем проявлении. «...Воспитание для меня представляется значительным и дорогим, потому что оно велось в духе свободы. Свободу эту могла давать только самостоятельность, а ее надо было развивать в себе»[124], — вспоминает В. Харузина.

* *
*

Интерес в обществе к проблемам женского образования, активное участие общественности в развитии разных типов школ и училищ для женщин, внимание правительства к этой сфере народного образования, несомненно, дали известные результаты. Всеобщая перепись населения 1897 г. фиксирует достаточно точно реальное состояние женского образования к концу XIX в. В городах

доля грамотных женщин составляла в целом 35,6% (в Европейской России — 38,3%, в Сибири — 28,3). Грамотных мужчин в городах было более 50%. В университетах обучалось 0,01% женщин, специальное и высшее техническое образование получило 0,001% женщин, специальное среднее — 0,02, общее среднее — 0,8%[125]. Таким образом, наибольшее число женщин получили среднее (общее и специальное) образование.

Статистика малоутешительная, но явление и не должно быть преобладающим, чтобы определить тенденцию в целом. Среднее образование для женщин в общественном мнении перестало быть чем-то ненужным и нереальным.

Итак, главный акцент в вопросе женского обучения был перенесен на борьбу за высшее образование. Характерно начало одной из статей, вышедших в 1885 г.: «...сейчас оспаривают не необходимость образования для женщин, а только цель, систему и метод его»[126]. Начинают создаваться кружки для сбора подписей о допущении женщин в университеты. В 1861–1862 гг. под большим общественным давлением Петербургский университет открыл двери для женщин. Здесь начали учение К.И. Корсини, М.А. Богданова, А.И. Блюммер и Н.П. Суслова. Но случившиеся вскоре студенческие беспорядки послужили предлогом лишить их этой возможности.

Когда в 1863 г. Министерство народного просвещения послало запрос университетам о возможности допущения женщин на лекции, Московский и Дерптский университеты ответили отказом; Казанский, Петербургский, Харьковский и Киевский, напротив, сочли это вполне возможным.

Женские курсы вызывали у властей настороженное к себе отношение. Да и в общественном мнении складывался весьма непривлекательный образ «нигилисток». Газета «Весть» за 1864 г. (№ 46) писала: «...большинство нигилисток лишены женской грации и не имеют нужды намеренно культивировать дурные манеры, они безвкусно и грязно одеты, редко моют руки и никогда не чистят ногти, часто носят очки, стригут и бреют волосы. Они читают почти исключительно Фейербаха и Бюхнера, презирают искусство, обращаются к молодым людям на "ты", не стесняются в выражениях, живут самостоятельно или в фаланстерах и говорят более всего об эксплуатации труда, абсурдности институции семьи и брака и об анатомии». Подобные рассуждения можно найти у Н. Лескова (на что обращает внимание Р. Кирсанова): «...сидеть с вашими стриженными, грязношеими барышнями и слушать их бесконечные сказки про белого бычка, да склонять от безделья слово "труд" мне наскучило» (*«На ножах»*)[127].

Со стороны государства какой-либо отклик на призывы общественности организовать высшее женское учебное заведение отсутствовал: на просьбу содействовать высшему женскому образованию, обращенную к Совету Московского университета, ответа не было. Министр народного просвещения в 1868 г., отвечая на обращение инициативной группы, откровенно писал: «Важнейшая и естественная обязанность женщины — воспитание и образование детей — не нуждается собственно в университетских курсах»[128].

Но, несмотря на все препятствия, цель была достигнута: усилиями А.П. Философовой, М.В. Трубниковой и Н.В. Стасовой были учреждены общеобразовательные женские курсы — Владимирские, Аларчинские в Петербурге, Лубянские в Москве. Позже подобные курсы были открыты в Киеве. История женских курсов не написана, да и написать ее непросто: не имея традиций, эти учебные заведения то открывались, то закрывались, их учебные программы непрерывно менялись, преобразовывались, путь их был крайне извилистым. И все же вокруг них сложился некий устойчивый «культурный» миф: например, одно только выражение *Бестужевские курсы* даже далеким от истории людям говорит так много...

На женских учебных курсах девушкам давалось дополнительное образование, которое назвать высшим в первое время, конечно же, было нельзя. Профессор Н.И. Кареев, читавший историю, сделал следующий вывод: «...слушательницы курсов были на первых порах подготовлены к научным занятиям заметно меньше, а потому больше, чем студенты, напоминали школьниц, но мало-помалу это различие сгладилось, так что "курсистки" начала XX века уже были настоящими студентками»[129].

Лубянские (по месту обитания) курсы были открыты в 1869 г. в Москве при 2-й Московской гимназии под названием «Публичные курсы для женщин по программе классических гимназий Мин. нар. просвещения». Сначала программа чтения была довольно узкой, но в 1870 г. она расширилась за счет лекций по химии, а в 1871 г. — по математике, физике и астрономии. В 1873 г. курсы были преобразованы в физико-математический факультет с двумя отделениями — математическим и естественным с 4-летним обучением[130]. Лубянские курсы просуществовали недолго: «в течение десяти лет курсы эти тихо, без шума продолжали вести свое дело на свои маленькие средства, не пользуясь во все время никаким вспомоществованием со стороны правительства, кроме дарового помещения, и только изредка прибегали к поддержке небольшого кружка лиц»[131].

В Петербурге открылись аналогичные Владимирские курсы, где читались русская словесность, всеобщая история, русская история, ботаника, анатомия и физиология человека, зоология, химия неорганическая и органическая, физика и геология, причем профессорские программы отдавались на санкционирование в III Отделение. Два года — с 1871 по 1873 г. — читались лекции по государственному и уголовному праву. Преподавание курсовых предметов было рассчитано в целом на два года. Но так как аудитория была «слишком подвижна по составу и разнообразна по уровню подготовки», пришлось ограничиться только чтением лекций, что в общем было характерно для курсов той эпохи[132]. Материалы, посвященные истории женских курсов, показывают, насколько неопределенным и бесформенным было их существование: руководители их и преподаватели вместе со слушательницами буквально нащупывали почву, пытаясь определить, чему именно и в каком объеме можно здесь преподавать и что готова воспринять аудитория.

Несмотря на серьезные недостатки этих курсов, налицо была и существенная польза от них. Они давали основательную общеобразовательную подготовку, сократили срок обучения женщин, уезжающих за границу с целью продолжить образование, а главное — начинали примирять правительство и общество с мыслью о высшем женском образовании.

В 1873 г. правительство уже по собственному почину учредило смешанную комиссию для решения вопроса о высшем женском образовании из членов IV Отделения Собственной Ее Императорского Величества канцелярии, Министерства народного просвещения. Статс-секретарем комиссии стал И.Д. Делянов.

Члены комиссии решили, избегая задевающего общественное мнение названия *университет*, учредить высшие учебные *курсы*. В 1876 г. согласно Высочайшему повелению Министерству внутренних дел было предоставлено право разрешать открытие Высших женских курсов в университетских городах. Впрочем, МВД этим правом явно не злоупотребляло.

Общественному мнению было легче всего примириться с педагогическим и медицинским женским высшим образованием, поскольку именно медицина и педагогика являлись более традиционными женскими занятиями.

И действительно, наиболее впечатляющих успехов женщины добились в получении медицинского образования. Большое значение имел успех «блистательной практики» врачебных женских курсов, учрежденных в 1872 г. при Петербургской Медико-хирургической академии, заслуживших полную и глубокую симпатию в русском обществе[133].

Предыстория медицинского высшего образования в России такова. Еще в 1867 г. за границей медицину изучали Н.П. Суслова и М.А. Бокова, которые стали первыми женщинами-врачами в России. Их пример стал заразительным — число русских женщин, получавших образование за рубежом, увеличивалось.

Правительство относилось к этой практике враждебно, усматривая в ней антиправительственный и к тому же нарушающий общественную мораль оттенок. Например, Н. Суслова, никогда не участвовавшая в политическом движении, тем не менее по возвращении на Родину сразу же попала под надзор полиции. Наконец в 1872 г. женщины были допущены к занятиям в Военно-медицинской академии, при которой в качестве опыта были открыты Женские врачебные курсы.

Вначале на медицинских курсах предполагался ограниченный объем изучаемых предметов, но профессора Медицинской академии, «увлекаемые рвением и успехами в занятиях слушательниц», неуклонно расширяли рамки программы. Таким образом курсы выросли в солидное медицинское учреждение.

Военное министерство выделило женским курсам 12 тыс. руб. на устройство специализированных кабинетов и лабораторий, а в 1874 г. было решено выплачивать ежегодные субсидии курсам в размере 8200 руб. в год. Работе курсов сочувствовал и военный министр Д.А. Милютин, и начальник Академии Н.И. Козлов. И их надежды оправдались. Первые женщины-врачи, получившие ме-



Члены Общины Красного Креста в Бухаресте. 1877 г.

дицинское образование в Академии, П.Н. Тарновская, А.Н. Шибанова, Р.А. Павловская, Ю.И. Заволжская, были участницами русско-турецкой войны. Они и проложили дорогу будущим женщинам-врачам. Подготовленные женщины с медицинских курсов отправлялись по собственному почину на войну и проявляли себя там наилучшим образом. В 1878 г. полевой военно-медицинский инспектор ходатайствовал даже «о награждении участвовавших в войне слушательниц женских курсов, не в пример другим, орденом св. Станислава 3-й ст., с мечами и другими знаками отличия»[134]. «Таким образом, там, где предполагалось иметь только "ученых акушерок", явилась "женщина-врач"». В сознании же русского общества женщине впервые было присвоено звание врача наравне с мужчиной гораздо раньше, чем это было сделано официально.

В 1877 г. конференция преподавателей курсов постановила: подвергать слушательниц одинаковым со студентами-медиками испытаниям на получение права врачебной практики (кроме тех случаев, когда это было «несовместимо с требованиями приличия и женской стыдливости»). Первое время женщины-врачи не имели прав, предоставленных врачам-мужчинам, хотя и практиковали в больницах, клиниках, земствах наравне с ними. Причем «земства особенно охотно принимали на службу женщин-врачей», так как «первые же опыты земской службы» «дали с несомненностью доказательства безусловного преимущества женщин перед мужчинами» в земской практике[135].

В 1887 г. медицинские курсы были закрыты. Всего за время своего существования они подготовили 600 женщин-врачей. Преемником медицинских курсов стал открытый в Петербурге в 1897 г. Женский медицинский институт, приравненный в 1904 г. к медицинским факультетам университетов и содержавшийся на счет государственной казны. Окончившие институт получали права лекаря (врача) и право получения ученой степени доктора медицины. Наконец, в 1897 г. женщина-врач получила равные права с мужчинами на врачебную деятельность и государственную службу (по-прежнему кроме прав по чинопроизводству).

Открывшиеся в 1872 г. Высшие женские курсы В.И. Герье в Москве уже отличались университетским характером преподавания. Русская и всеобщая литература, всеобщая и русская история, история цивилизации, история искусства — таков был объем преподавания, и неудивительно, что Лубянские курсы посещало все меньше слушательниц, поскольку словесно-исторические предметы преподавались на курсах Герье гораздо глубже. На курсах Герье читали лекции профессора Московского университета, которые составляли педагогический совет. Сначала курсы были рас-

считаны на два года, затем срок обучения был увеличен до трех, а для желающих — до четырех лет. Курсистки платили в год 50 руб. В 1872 г. на курсах Герье училось 70 женщин, в 1884 г. — 256.

В 1876 г. Высшие женские курсы, подобные курсам Герье, были открыты в Казани; занятия проходили по вечерам в помещении Казанского университета. Обучалось здесь 545 женщин. Открывшиеся в 1878 г. в Киеве женские курсы имели два отделения — словесно-историческое и физико-математическое — и отличались большим числом необязательных предметов. Обучались на них более 700 слушательниц, 350 из которых прослушали полный курс.

А в 1878 г. в Петербурге открываются знаменитые Бестужевские курсы, созданные по проекту профессора-историка К.Н. Бестужева-Рюмина. В комитет Общества для доставления средств Высшим женским курсам вошли Н.В. Стасова, В.П. Тарновская, О.А. Мордвинова, А.Я. Герд, А.П. Философова, А.Н. Анненская, С.В. Ковалевская, а профессора А.Н. Бекетов и К.Н. Бестужев-Рюмин были выбраны его почетными членами. На курсы принимали девушек, окончивших женские гимназии и другие средние учебные заведения, дающие право на звание учителя. Их окончание не давало никаких прав, зато здесь преподавали все лучшие профессора Петербургского университета, причем многие из них читали дополнительные лекции, некоторые даже не получая за это жалованья. Лекции, как и повсюду на курсах, читались вечерами. Бестужевские курсы имели три факультета: словесно-исторический, физико-математический и специальный математический. В 1906 г. был добавлен еще один факультет — юридический.

Высшие женские курсы в Петербурге окончили более двух тысяч слушательниц.

Открывались все новые и новые Высшие женские курсы — политехнические, агрономические, архитектурные, строительные, инженерные. В 1912 г. на Высших женских курсах Российской империи всего обучалось 6500 человек.

Если Московские и Казанские курсы, как замечали современники, не вполне соответствовали историко-филологическому факультету университетов, то Бестужевские (как и Киевские) признавались наиболее приближенными к университетскому характеру образования, и не случайно нередко их так и называли — женский университет.

Высшее женское образование с трудом прокладывало себе дорогу: запреты и отмены запретов, ограничения, частичные разрешения и т. п. замедляли, но не могли остановить его развитие. В 1886 г. Министерство народного просвещения предписывало пре-

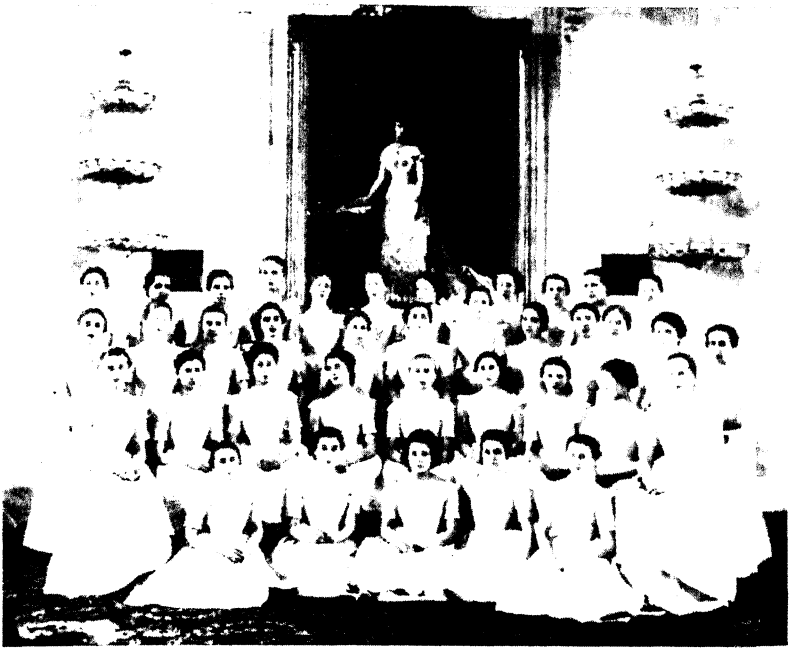
кратить прием слушательниц на все женские курсы, объясняя эту меру необходимостью кардинально решать вопрос о женском образовании. Когда в 1889 г. прием на Петербургские курсы был возобновлен, организация их была уже иной: во главе курсов стоял директор, назначаемый министерством; из учебной программы исключались естественная история, гистология и физиология человека и животных; оставалось два отделения, а число слушательниц сокращалось до 400 человек.

В 1900 г. вновь открылись курсы в Москве, а в 1906 г. — в Казани.

Последняя треть XIX в. — новая эпоха в истории женщины в России. В очередной раз сменился типаж современной «передовой» женщины. Конечно, в молодости всем вообще свойственно стремление к свободе, к утверждению своего права выбора модели поведения, отказа от предопределенности. «Ах, этот аргумент: "как все". Моя душа не хотела с ним примириться»[136], — вспоминала Вера Харузина.

В 80–90-е гг. представление о свободе для женщин становится иным, нежели раньше. Женщины уже многого добились, и, может быть, поэтому и их поведение, и их внешний облик не были столь вызывающими, как в 60-е гг. Свойственная середине века идеологизация женского образования постепенно снижается. Если в 60-е гг. уже сам внешний вид девушек бросал вызов окружающим (стриженые, очкастые нигилистки), то теперь в аудитории пришли девушки другого внешнего облика, других устремлений[137]. И действительно, «кризис элитарной культуры давал возможность эту проблему решить, дискредитировав старую благовоспитанность и утвердив новую модель поведения; это обусловило и *агрессивность ее внедрения,* и включенность ее как части в "кодекс" правил "новых людей"»[138], — пишет В. Живов (курсив мой. — *Л. Х.*).

В соответствии с новыми условиями изменился и состав учащихся. «Стать даже просто вольнослушательницей далось мне не без труда, — вспоминала Е. Андреева-Бальмонт. — Мать переживала, но нигилизм отжил свое время, эти курсы посещаются девушками из хороших семей, там учатся, а не занимаются, как раньше, политикой и пропагандой... Ни стриженых, ни курящих не было. Такая же публика, как на публичных лекциях, на концертах. Одеты, как я, кто победнее, кто побогаче, но все в прическах. Некоторые сидели на лекциях в шляпах и перчатках. Были там и пожилые, и молодые. После лекций и в антрактах, между сменяющимися профессорами, я прислушивалась к разговорам. Самые обыкновенные...»[139] Подобным образом описывает свое



Выпускной класс смолянок накануне Февральской революции

впечатление от курсов Герье Вера Харузина: «Слишком пугали многих родителей того времени типы курсисток-нигилисток с остриженными короткими волосами, в синих очках и с пледом на плечах — полное отрицание женственности, по крайней мере, вовне»[140]. Но облик курсисток был уже иным.

Девушки совершенно иначе стали оценивать героинь недавнего прошлого. Вот свидетельство одной из них — молодой, умной, образованной: «Впоследствии в моей юности я встретила у моих старших сестер всех этих умных и замечательных женщин (кроме С. Ковалевской, умершей в 1891 году). Все они были уже старые, некрасивые, стриженые, курили, одевались в какие-то серые балахоны. *Я не хотела быть похожей на них* (курсив мой. — *Л. Х.*»[141]

Софья Ковалевская, первая русская женщина-профессор математики, славилась в молодости редкостной красотой. Но, сознательно лишая женственности и свой облик, и свое поведение, и свой образ жизни, очень скоро она бесследно утратила ее, и в день своего триумфа, когда ее избрали членом-корреспондентом Российской Академии наук (случай небывалый!), она ощутила нестерпимую горечь, особенно остро почувствовав свое одиночество и нереализованную женскую судьбу...

Тема женской судьбы нередко поднималась на страницах публицистических статей и художественных произведений: «Жила-была барышня... Да на свою беду прочитала она повесть одного писателя, который ей сказал: отбрось это счастье и ищи большего, красивого!.. И стало барышне скучно, и показалось ей, что ей суждена иная доля, лучшая... Но барышня не знала, как ей подойти к этой лучшей доле. Она думала, что писатель, который разбудил в ней тоску по иной жизни, должен это знать... Ну, она написала ему трогательное письмо, где умоляла спасти ее от среды, от пошлости и т. д. и спрашивала "что делать?" А писатель... определил ее на акушерские курсы!.. И всю молодость... была на побегушках у вашего общего блага... Все куда-то надо было сходить, отправить, встретить... и стыдно было думать о себе, и стыдно было любить... и стыдно сказать, что любишь... А жизнь-то и утекла, как песок, меж пальцев!»[142]

Борьба за свои права, за женскую эмансипацию захватывала настолько, что забывалась цель, ради которой она велась. И теперь мы пользуемся своими правами во многом благодаря этим героическим женщинам, приносившим в жертву столь многое.

Университеты по-прежнему были закрыты для женщин, а существовавшие курсы не удовлетворяли всем потребностям. Так, в 1904 г. в Женский медицинский институт было принято 900 прошений, на петербургские Высшие женские курсы подано 1230 прошений, а принято 550 человек. На московских Высших женских курсах в 1905 г. отказано в приеме 850 женщинам. В 1906 г. женщин допустили в университеты в качестве вольнослушательниц, однако вскоре и эта полумера была запрещена. Те женщины, которым удалось прорваться на университетские скамьи во время революции 1905–1907 гг., получили разрешение закончить курс обучения, но впредь, даже вольнослушательницами, они в университеты не допускались.

Необходимо отметить, что профессора неизменно поддерживали стремление женщин к получению высшего образования. Казанский комитет профессоров, например, неоднократно обращался в Министерство народного просвещения с просьбой о пособии на организацию женских курсов, но просьба эта неизменно отклонялась.

В 1911 г. был принят закон об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений, т. е. женщины допускались в университеты для сдачи экзаменов за полный университетский курс. Так медленно, шаг за шагом государство все же сдавало свои позиции. В 1912 г. Государственная дума провела закон о допущении женщин в адвокатуру.

* *
*

В воздухе витало ожидание перемен, хорошо ощущавшееся современниками. Показательны в этом отношении воспоминания Е.А. Андреевой-Бальмонт. Она пишет: мать «требовала от нас именно теперь, когда мы подросли, особенно серьезного отношения к занятиям. Когда она вручала нам деньги в маленьком конвертике (50 рублей за 10 уроков для оплаты учителей), то говорила нам всегда, что не жалеет денег на преподавателей, что нам, по всей вероятности, придется всем зарабатывать на свою жизнь и поэтому необходимо приобрести знания. Она была очень довольна, когда Маша, подготовленная дома, успешно сдала экзамены на домашнюю учительницу при Министерстве народного просвещения и получила диплом, дававший ей право преподавать не только в начальных школах, но и в гимназиях»[143]. А ведь речь идет о матери, давшей каждой из своих дочерей приданое в 100 тыс. рублей. Сравним эту ситуацию с началом века, когда об обеспеченных выпускницах институтов говорилось, что профессия гувернантки им в жизни не пригодится. Еще так недавно русский дворянин заявлял: «...мои дочери не пойдут в гувернантки, они не бесприданницы; придет время, повезу их в Москву, найдутся женихи для них»[144].

* *
*

Итак, с конца XVIII и до начала XX в. продолжалась борьба женщины за образование. Было многое достигнуто, хотя каждый шаг давался непросто. Но сопротивление общества и государства оказалось столь сильным, что и к 1917 г. права учиться в университете женщины так и не получили.

В декабре 1912 — январе 1913 г. в Петербурге происходил Всероссийский съезд по женскому образованию, созванный Российской лигой равноправия женщин. На съезде обсуждались вопросы женского образования — начального, среднего и высшего, а также совместного обучения в высших учебных заведениях. Выступая на съезде, журналистка и общественная деятельница А.В. Тыркова произнесла речь, в которой прозвучали такие слова: «...внутренний рост женского "я" требует нового сознания женственности. Ведь не утрачивать свою женственность, а только расширять и освобождать ее хочет новая женщина... В общественном строе, созданном мужчинами, много делалось для ограждения достоинства и интересов другого пола. Поэтому современная женщина

часто вынуждена не только брать на себя защиту своих потребностей и прав, но и делать это с той резкостью, которая родится от длительного непризнания этих прав»[145].

Женское образование — великое завоевание XIX в., показатель возросшей культуры общества. Именно образование давало женщинам возможность самим зарабатывать свой хлеб, а вместе с этим и самим распоряжаться своей судьбой — сознательно выбрать долю жены, матери семейства, воспитывать детей или же быть свободной от этого.

---

[1] *Лотман Ю.М.* Женское образование в XVIII — начале XIX века // Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 75.

[2] Философия, культура и образование. Круглый стол // Вопр. философии. 1999. № 3. С. 4 и др.

[3] *Сабанеева Е.А.* Воспоминания о былом // История жизни благородной женщины. М., 1996. С. 363.

[4] *Кузминская Т.А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. М., 1986. С. 277–278.

[5] *Григорьев В.В.* Исторический очерк русской школы. М., 1900. С. 240.

[6] См.: *Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б.* «Золотой век» Екатерины и образование // Педагогика. 1999. № 1. С. 71.

[7] См.: *Лихачева Е.* Материалы для истории женского образования в России. Т. 1. СПб., 1890. С. 152.

[8] *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. II. СПб., 1905. С. 317.

[9] Об училищах для девиц в уездных городах. М., 1859. С. 28.

[10] Автор выражает благодарность Т.Ю. Грибковой за использованные материалы из ее дипломной работы «Женские учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии» (М., 1996. МГУ. Исторический ф-т. Научный руководитель — канд. истор. наук Л.В. Кошман).

[11] См.: *Лихачева Е.* Материалы для истории женского образования в России. Т. 2. СПб., 1891. С. 13.

[12] См., например: Северный вестник, 1804. № X. С. 317–321; 1805. № IV. С. 100–104; Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1805–1812. № VIII–XXXIII; и др.

[13] *Селезнев И.Я.* 50-летие IV Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии: Хроника Ведомства учреждений императрицы Марии. 1828–1878. СПб., 1879. С. 195.

[14] См.: *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764–1914 гг. Т. 1. СПб., 1914. С. 620.

[15] *Григорьев В.В.* Указ. соч. С. 246, 319.

[16] См.: *Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б.* Воспитание в Московском университете в первой четверти XIX века // Педагогика. 2000. № 2.

[17] *Державин Г.Р.* Соч. Ч. III. СПб., 1808.

[18] *Чарская Л.* Записки институтки. СПб., 1996. С. 272.

[19] *Долгомостьева М.* Институтки // Эпоха. 1864. № 10. С. 4.

[20] Уже в начале XX в. о своих гувернантках-*немках*, которые сыграли немалую роль в становлении их личности, вспоминали Екатерина Андреева-Бальмонт

и Вера Харузина. Последняя прямо отмечала, что «в семье высоко ценилось немецкое образование и воспитание» (*Харузина В.Н.* Прошлое. М., 1999. С. 44). Вера Николаевна Харузина — первая русская женщина-профессор этнографии.

[21] *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. Т. I. М., 1964. С. 413.

[22] См.: *Кларин В.М.* Ново-гуманистическая гимназия: становление, историческая судьба // Педагогика. 1999. № 8. С. 93 и др.

[23] *Лихачева Е.* Материалы для истории... Т. 2. С. 25.

[24] ЦИАМ. Ф. 239. Оп. 1. Д. 1. С. 9.

[25] См.: *Лихачева Е.* Материалы для истории... Т. 2. С. 54.

[26] Там же. С. 48.

[27] Устав женских учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии. СПб., 1855. Приложение к № 82.

[28] *Шумигорский Е.С.* Павловский институт (1798–1898): Краткий исторический очерк. СПб., 1898. С. 10.

[29] *Водовозова Е.В.* Указ. соч. С. 433.

[30] *Галахов А.Д.* Записки человека. М., 1999. С. 119–120.

[31] Историческая записка о московских училищах ордена св. Екатерины и Александровском. СПб., 1875. С. 161.

[32] Там же. № 3.

[33] Там же. № 66.

[34] «Наше воспитание отличалось строго религиозным характером», — вспоминала Е.В. Водовозова (Указ. соч. С. 463).

[35] См.: *Галахов А.Д.* Указ. соч. С. 119–120.

[36] См.: *Черепнин Н.П.* Указ. соч. С. 122.

[37] Устав женских учебных заведений... № 128.

[38] Историческая записка о московских училищах... С. 136.

[39] Устав женских учебных заведений... Приложение к № 82.

[40] См.: *Галахов А.Д.* Указ. соч. С. 137–138.

[41] *Ломакин Н.* Эволюция героини // Эксперт. 1999. № 9. 8 марта. С. 60.

[42] *Харузина В.* Указ. соч. С. 445.

[43] *Фигнер В.* Запечатленный труд: В 2 т. Т. 1. М., 1933. С. 41.

[44] Там же. С. 39.

[45] Показателен пример Лидии Чарской. Ее книги при советской власти были просто-напросто запрещены. Впрочем, еще и до 1917 г. демократическая публицистика жестоко критиковала ее книги. Между тем в них нет ничего политического, кроме нескольких страниц, посвященных обожанию царской семьи. Цензура могла бы их просто вырезать, как это и делалось со множеством других книг, но не с книгами Чарской. Ибо все их существо — богатый интимный мир чувств, резко выраженная индивидуальность — оказывалось враждебным не только критике советской, но и дореволюционной народнической.

[46] *Коваленко С.* Феномен Лидии Чарской // Чарская Л. Записки институтки. М., 1993. С. 378–379.

[47] См.: *Бельская А.Н.* Очерки институтской жизни былого времени (из воспоминаний институтки) // Заря. 1870. № 8. С. 116.

[48] *Житомирская С.В.* А.О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие // Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 583.

[49] См.: *Галахов А.Д.* Указ. соч. С. 131–133.

[50] *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 1. М., 1955. С. 175.

[51] *Фигнер В.* Указ. соч. С. 44–45, 52.

[52] *Галахов А.Д.* Указ. соч. С. 138–139.

[53] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 420.

[54] Что было очень важно: императрица подавала пример цивилизованного отношения к этим детям. Это были, конечно, лишь первые шаги.

[55] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 420.

[56] Устав женских учебных заведений... Приложение к № 82. С. 9–12.

[57] *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 413.

[58] *Харузина В.* Указ. соч. С. 194, см. также: *Кузминская Т.А.* Указ. соч. С. 277–278.

[59] Лев Толстой выписал для троих старших детей гувернантку — англичанку 19 лет, дочь садовника Виндзорского дворца, которая перестроила всю их жизнь, прививая им любовь к труду, приучив к ежедневному мытью в ванной и т. п. «Любовь, выросшая в наших душах друг к другу и оставшаяся там навсегда, была не английская и не русская, а общечеловеческая и на всю жизнь связала нас с ней», — вспоминала ее воспитанница (см.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания. М., 1980. С. 40–41). Эта чудесная девушка осуществила в жизни то, что в романе Ш. Бронте удалось Джен Эйр: она вышла замуж за молодого князя Мачутадзе, который вопреки воле своих родителей женился на бедной иностранке.

[60] Благотворительная Россия. История государственной и частной благотворительности в России. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1901. С. 59.

[61] Там же. С. 187.

[62] Воспоминания графа М.В. Толстого // Русский архив. 1881. Т. II (1). С. 102.

[63] Там же. С. 114–115.

[64] Прохоровы. Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры. 1799–1915 гг. М., 1996. С. 57–58.

[65] См.: *Кошман Л.В.* Фабричные школы в России в первой половине XIX в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1976. № 2. С. 16–28.

[66] См.: *Алябьева О.* Возникновение и развитие женских ремесленных школ Общества распространения технических знаний. М., 1888. С. 1–7.

[67] Прохоровы. Материалы к истории... С. 209–211.

[68] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 73. Ед. хр. 1461. Л. 19.

[69] Периодическое сочинение... 1809. № XXIII. С. 264–325.

[70] *Живов В.* Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции // Новое литературное обозрение. 1999. № 37.

[71] *Селезнев И.Я.* Указ. соч. С. 65–66.

[72] Там же. С. 15. Прим.

[73] Там же. С. 16. Прим.

[74] См.: *Захарченко М.М.* Исторический очерк педагогических классов С.-Петербургского Александровского института. 1848–1898. СПб., 1898. С. 36.

[75] Историческое обозрение 50-летия деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. Т. 2. СПб., 1888. С. 62–63.

[76] См.: *Корсунский И.Н.* Судьбы нашей общеобразовательной школы в царствование императора Николая Павловича // Душеполезное чтение. 1891. № 8–9.

[77] Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901. С. 7.

[78] Периодическое сочинение... 1805. № XI. С. 434.

[79] Там же. 1807. № XX. С. 277.

[80] *Харузина В.* Указ. соч. С. 53.

[81] *Кузминская Т.А.* Указ. соч. С. 44.

[82] Воспоминания Марии Александровны Паткуль, рожденной маркизы де Траверсе, за три четверти XIX века. СПб., 1903. С. 10.

[83] *Нарышкина Е.А.* Мои воспоминания. СПб., 1906. С. 22–23.

[84] *Андреева-Бальмонт Е.А.* Воспоминания. М., 1996. С. 166, 169.

[85] *Фигнер В.* Указ. соч. С. 53. В связи с этим обратим особое внимание на женские журналы, число которых росло с начала XIX в. Среди них были и издания, говорившие о модах, стиле жизни и т. п. («Дамский журнал», «Гирлянда», «Модный вестник»), но были и другие — поднимавшие социальные, педагогические, общекультурные проблемы («Женское образование», «Семья и школа»). Эта тема требует специального рассмотрения.

[86] *Дмитриев М.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 281.

[87] См.: *Семенов Д.Д.* Нуждаются ли наши женские гимназии в преобразовании и в каком именно? // Вестн. воспитания. 1892. № 3. С. 22.

[88] См.: *Бестужев-Лада И.В.* Выступление на круглом столе «Философия, культура и образование» // Вопр. философии. 1999. № 3.

[89] *Чумиков А.* К вопросу об основании женских гимназий в России. 1856–1858 // Русская старина. 1888. № 4. С. 278.

[90] До открытия первого «училища для приходящих девиц» без различия сословий и вероисповеданий в Петербурге для горожан существовало два женских приходских училища — Благовещенское и Воздвиженское, насчитывавшие всего 76 учениц (см.: *Семенов Д.Д.* Указ. соч. // Вестн. воспитания. 1892. № 3. С. 22).

[91] См.: *Скворцов И.В.* Прошлое и настоящее женских гимназий. 1858–1908. СПб., 1912. С. 245.

[92] *Селезнев И.Я.* Указ. соч. С. 245.

[93] См.: *Семенов Д.Д.* Указ. соч. // Вестн. воспитания. 1892. № 3. С. 20.

[94] См.: *Скворцов И.В.* Указ. соч. С. 9.

[95] *Малиновский Н.П.* Очерки по истории женского среднего образования в России // Русская школа. 1914. № 9–10. С. 135.

[96] *Григорьев В.В.* Указ. соч. С. 547.

[97] *Семенов Д.Д.* Указ. соч. // Вестн. воспитания. 1892. № 3. С. 23.

[98] Сб. постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 4. СПб., 1871.

[99] См.: *Песковский М.* Образование женщин у нас и за границей // Русская мысль. 1886. № 7. С. 70.

[100] *Тыркова-Вильямс А.* Воспоминания. То, чего бóльше не будет. М., 1998. С. 97.

[101] *Григорьев В.В.* Указ. соч. С. 549.

[102] *Харузина В.* Указ. соч. С. 129.

[103] См.: *Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б.* Уроки старинных мемуаров // Университет и школа. 1999. № 1.

[104] См.: *Лапчинская В.П.* Вышнеградский и его роль в развитии женского образования в России (1821–1872 гг.) // Советская школа. 1962. № 6. С. 116.

[105] *Семенов Д.Д.* Указ. соч. // Вестн. воспитания. 1892. № 3. С. 26.

[106] Исчезнувшая Россия. Воспоминания княгини Лидии Леонидовны Васильчиковой. 1886–1919. СПб., 1995. С. 22–23.

[107] *Тыркова-Вильямс А.В.* Указ. соч. С. 95.

[108] *Аксакова-Сиверс Т.А.* Гимназические годы // Московский альбом. Воспоминания о Москве и москвичах XIX–XX веков. М., 1997. С. 214.

[109] См.: *Песковский М.* Указ. соч. С. 71.

[110] См.: *Христофорова Н.В.* Женские гимназии в России // Педагогика. 1998. № 4. С. 89.

[111] *Харузина В.* Указ. соч. С. 425, 433.
[112] *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. М., 1990. С. 143.
[113] См.: *Христофорова Н.В.* Указ. соч. С. 83.
[114] *Семенов Д.Д.* Указ. соч. // Вестн. воспитания. 1892. № 3. С. 21.
[115] *Скворцова С.* Духовная жизнь гимназисток по литературным журналам, издававшимся гимназистками // Вестн. воспитания. 1886. № 6. С. 124.
[116] *Андреева-Бальмонт Е.А.* Указ. соч. С. 173.
[117] *Фигнер В.*Указ. соч. С. 44–45.
[118] Очерки по истории мировой культуры. М., 1997. С. 301.
[119] *Григорьев В.В.* Указ. соч. С. 561.
[120] В начале XX в. «гимнастика для девочек прочно вошла в круг образовательных предметов» (*Андреева-Бальмонт Е.А.* Указ. соч. С. 174).
[121] См.: *Песковский М.Л.* Очерк истории высшего женского образования в России (за двадцать лет) // Наблюдатель. 1882. Апрель. С. 75.
[122] *Панаева А.Я.* Воспоминания. М., 1986. С. 45, 55–56.
[123] См.: *Кшесинская М.* Воспоминания. М., 1992. С. 21–23.
[124] *Харузина В.* Указ. соч. С. 52.
[125] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Общий свод данных / Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. 1. СПб., 1905. С. XVII–XVIII.
[126] *Тарасов И.Т.* Об образовании женщин // Временник Демидовского юридического лицея. М., 1885. Кн. 36. С. 29.
[127] Цит. по: *Кирсанова Р.* Синий чулок // Родина. 1998. № 1. С. 64.
[128] *Песковский М.Л.* Очерк истории высшего женского образования в России (за двадцать лет). С. 83.
[129] *Кареев Н.* Прожитое и пережитое. С. 180.
[130] *Песковский М.Л.* Очерк истории высшего женского образования в России (за двадцать лет).С. 91–92.
[131] *Гиляров-Платонов Н.П.* Университетский вопрос. СПб., 1903. С. 176; см. также: *Песковский М.Л.* Очерк истории высшего женского образования в России (за двадцать лет). С. 86.
[132] Там же. С. 87–89.
[133] Там же. С. 92–93.
[134] Там же. Май. С. 164–166.
[135] См.: *Песковский М.Л.* Основы организации высшего образования женщин // Русская мысль. 1887. Январь. С. 150.
[136] *Харузина В.* Указ. соч. С. 51.
[137] См.: *Андреева-Бальмонт Е.А.* Указ. соч. С. 229.
[138] *Живов В.* Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции.
[139] *Андреева-Бальмонт Е.А.* Указ. соч. С. 229–230.
[140] *Харузина В.* Указ. соч. С. 399.
[141] *Андреева-Бальмонт Е.А.* Указ. соч. С. 174.
[142] Цит. по: *Могильнер М.* Мифология «подпольного человека». М., 1999. С. 200.
[143] *Андреева-Бальмонт Е.А.* Указ. соч. С. 165.
[144] *Сабанеева Е.* Указ. соч. С. 363.
[145] *Тыркова А.В.* Изменение женской психологии за последние сто лет. Речь на I Всероссийском съезде по образованию женщин // Тр. Всероссийского съезда по образованию женщин, организованного «Российской лигой равноправия женщин». Т. 1. СПб., 1914. С. 2.



В.А. Федоров

ДУХОВНАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ШКОЛА

Первые духовные школы в России были заведены еще при Петре I. К 1725 г. действовало 11 духовных семинарий. В 1740 г. — 17 и, кроме того, существовало еще две духовные академии (в Москве и Киеве). В царствование Екатерины II было открыто всего 5 семинарий. К концу XVIII в. в России было 4 академии (Московская, Киевская, Петербургская и Казанская) и 46 семинарий[1].

Семинарии рассматривались как основное звено подготовки духовных кадров. Однако они не могли дать достаточного количества обученных для священнического служения лиц, ибо для увеличения достаточного числа духовных семинарий не хватало кадров подготовленных преподавателей. С этой целью по Указу от 6 мая 1788 г. при Александро-Невской лавре в Петербурге была учреждена Главная духовная семинария (в 1797 г. получила статус академии), в которую предписывалось посылать из старших (богословских и философских) классов духовных семинарий по два лучших семинариста, «надежных в благонравии, поведении и учении, и лучшего перед другими понятия», а потом отправить их в те же семинарии уже в качестве преподавателей. Расходы по обучению и содержанию семинари-

стов должно было нести пославшее их духовное учебное заведение[2]. В числе первых 30 отобранных для этой цели лучших семинаристов оказался и направленный из Владимирской семинарии М.М. Сперанский.

31 октября 1798 г. был издан первый Устав духовных академий. Он предусматривал преподавание в академиях «полной системы философии и богословия», «высшего красноречия», древнееврейского (по книгам Ветхого Завета), древнегреческого и латинского языков, а из новых — французского и немецкого, а также преподавание российской, всеобщей и церковной истории, физики и математики. Подтверждалось правило, согласно которому из каждой семинарии следовало посылать двух лучших учеников в Петербургскую духовную академию[3].

Духовное образование к этому времени приобрело строго сословный характер: в семинарии и академии принимали только сыновей из семей духовенства, а их индивидуальные интересы и способности в расчет не принимались. Поповский сын обязательно должен был пройти весь курс в семинарии, сколько бы времени на это ни потребовалось. Часто бывало, что неспособных или ленивых из года в год оставляли в прежнем классе, так что в одном классе находились ученики в возрасте от 12 до 20 лет.

Современники и историки духовной школы рисуют неприглядную картину состояния духовных учебных заведений на рубеже XVIII–XIX вв., жизни и быта учеников духовных школ. В семинариях в то время ограничивались преподаванием Закона Божия, обучением чтению и письму, церковному пению, элементарными сведениями по богословию, но более всего «зубрили латынь и греческий» и «упражнялись» в составлении проповедей. Священного Писания (Библии) не изучали и не читали, да и сама Библия находилась в семинарской библиотеке обычно в единственном экземпляре. Преподавание было пронизано мертвой схоластикой и канцелярщиной. «Педагогические меры, — пишет историк духовной школы Н.Ф. Белявский, — состояли только в наказаниях, которые поражают своей жестокостью: розги, палки, пощечины, битье линейками, дранье за волосы были единственными средствами поощрения. Под влиянием такой школы и вырабатывался тот бурсацкий тип, во имя которого всякая чувствительность, нежность нравственного чувства, совестливость преследовались как бабьи черты, недостойные порядочного бурсака». Немногим лучше было положение и учителя, который мог «за послабление» «подвергнуться равномерному наказанию, как и об учениках показано»[4].

Духовные семинарии терпели крайний недостаток во всем. Их учителя из-за скудной оплаты труда стремились давать частные уроки. На содержание казеннокоштных семинаристов, по свидетельству того же автора, «падали такие крохи, что, кроме ржаного хлеба, пустых щей, приправленных конопляным маслом, сухой каши, гороха и кваса, им не приходилось лакомиться другими блюдами». Школьные здания, особенно в провинции, по недостатку средств не ремонтировались и плохо отапливались. Бывшие семинаристы вспоминали о «страшном холоде», который они испытывали в неотапливаемых классах, служивших и столовыми и спальнями, с разбитыми окнами, разломанными дверями, когда во время суровых зимних дней семинаристы «сбивались в кучу вокруг тлеющего очага, согревая другу друга своими телами, завернувшись в жалкие одежды».

Нелегко приходилось и своекоштным семинаристам, жившим в снимаемых ими «углах» частных квартир обычно где-нибудь на окраине города в такой тесноте и грязи, что это приводило «в изумление» видавшую виды тогдашнюю полицию. Случалось, семинаристу выпадала удача — и тогда он мог заработать себе на кусок хлеба обучением грамоте детей какого-нибудь купца или чиновника, получая в качестве «платы» остатки обеда с хозяйского стола. «Менее удачливые кормились милостыней, распевая "духовные канты" под окнами городских жителей, попрошайничеством, а то и мелкими кражами в садах и огородах»[5].

В начале XIX в. в контексте проводившихся Александром I либеральных преобразований была проведена и реформа системы духовного образования, поставившая задачу — устранить негативные ее стороны, придать единство и преемственность всех степеней духовных учебных заведений и программ обучения. Вместе с тем преследовалась и важная цель повышения общеобразовательного уровня духовно-учебных заведений, а в академиях — и развития богословия.

29 ноября 1807 г. был учрежден Комитет об усовершенствовании духовных училищ, в который вошли митрополит Петербургский Амвросий (Подобедов), назначенный его председателем, обер-прокурор Синода А.Н. Голицын, духовник царя протопресвитер Сергий Краснопевков, обер-священник армии и флота Иоанн Державин и статс-секретарь М.М. Сперанский, который стал, по отзывам современников, «душой» этого Комитета. Сперанский, сам прошедший все ступени духовного образования, великолепно знал все его недостатки и стоявшие перед ним проблемы.

26 июня 1808 г. Комитет представил императору «Доклад о усовершенствовании духовных училищ», текст которого написал



Михаил Десницкий

Сперанский. Сперанский глубоко проанализировал недостатки духовного образования и определил основные направления его реформы. Доклад был положен в основу законодательных актов о реформе духовной школы[6]. Главный недостаток предшествовавшей духовной школы Сперанский видел в отсутствии преемственности в образовании и «чрезмерном засильи латинского языка». Духовное образование, указывал он, призвано сформировать «просвещенных и благочестивых служителей церкви». Требовался «не просто знаток священных текстов, механически их воспроизводящий, а богослов, толкователь, понимающий потаенный смысл Св. Писания». Духовная школа должна была способствовать и подготовке высокообразованных представителей церковной иерархии, чему придавалось государственное значение. Предполагалось, что основательные богословские познания станут важным фактором при определении на высокие духовные должности[7].

Утвержденный императором доклад и изданные в тот же день указы определяли учебную, воспитательную и административную функции духовных школ, а также устанавливали источники их материального обеспечения. Подобно созданной в 1803–1804 гг.

4-ступенчатой системе светских школ и университетов, устанавливались 4 ступени и духовно-учебных заведений: приходские школы; уездные училища; семинарии; академии. По аналогии со светской школой вводилась окружная система организации и духовного просвещения: создавались 4 учебных округа во главе с духовными академиями — Санкт-Петербургской, Московской, Киевской и Казанской. Каждая епархия округа должна была иметь одну семинарию, 10 уездных и 30 приходских школ, т. е. вся система духовных учебных заведений должна была включать 4 академии, 36 семинарий, 360 уездных и 1080 приходских училищ.

Образование учебно-духовных округов из-за недостатка преподавательских кадров, особенно в академиях, потребовало длительного времени: сначала (в 1809 г.) был создан Санкт-Петербургский округ, в 1814 г. — Московский, в 1819 г. — Киевский и в 1842 г. — Казанский. До образования Киевского и Казанского округов их духовные учебные заведения временно находились в составе Санкт-Петербургского и Московского учебных округов.

Уставы 1808—1814 гг. предусматривали преподавание следующих дисциплин на различных ступенях духовной школы.

Приходские школы (с двухгодичным обучением) основывались на принципах общего начального образования. В них принимались преимущественно дети духовенства (в возрасте 6—8 лет), но допускался и прием детей из податных сословий (преимущественно из крестьян). Курс обучения в этих школах состоял из «чистописания по-русски», освоения четырех правил арифметики и начал русской грамматики, краткого церковного катехизиса и «нотного пения». В уездных духовных училищах с 6-летним сроком обучения положено было «окончить» арифметику и русскую грамматику, изучить церковный катехизис «в более пространном виде»; кроме того, вводились «в кратком виде» курс священной истории (изложение основных библейских событий), русской истории и географии, начальное обучение «классическим» языкам — латинскому и греческому, а также «устав церковный» и «нотное пение». Окончившие уездные духовные училища получали право занимать должности церковнослужителей (причетников) в приходе и поступать для дальнейшего обучения в духовные семинарии.

В семинариях устанавливался 6-летний срок обучения, который состоял из трех двухгодичных «классов» (или отделений) — низшего (риторики), среднего (философии) и высшего (богословия). В программу семинарского образования входили расширенные курсы латинского, греческого и древнееврейского языков и (факультативно) новых — французского и немецкого; из общеобразовательных дисциплин — математика (включая алгебру и гео-

метрию), география, российская и всеобщая история, теоретическая и опытная физика, история философских систем; в комплекс богословских предметов входили: Священное Писание, герменевтика (толкование канонических текстов), гомилетика (теория проповеди), догматическое, нравственное и пастырское богословие, церковная история и церковная археология. В поволжских и сибирских семинариях, готовивших в основном миссионерские кадры, преподавание классических древних языков заменялось обучением языкам народов Поволжья и Сибири, в семинариях западных епархий вводилось преподавание польского языка, а в семинариях Юга России — языков народов Кавказа.

Выпускники духовных семинарий по степени своих успехов подразделялись на три разряда. Лучшим семинаристам присваивался первый разряд; они получали звание «студент» и могли продолжить свое образование в духовной академии или стать священниками второклассной церкви, а также преподавателями в епархиальных духовных училищах. Выпускник, определенный по своим успехам во второй разряд, мог претендовать на место священника церкви третьего разряда, преподавателя приходской школы или поступить в Медико-хирургическую академию. Тот, кому присваивался третий разряд, поступал на службу священником или дьяконом в церковь четвертого разряда. Однако выпускники второго и третьего разрядов в дальнейшем могли пройти переэкзаменовку и повысить свой статус[8].

Обучение в духовных академиях проходило в течение четырех лет с разделением на два «класса» — философский и богословский. Программа академического образования отличалась широким набором как богословских, так и общеобразовательных дисциплин. В комплекс богословских дисциплин входили догматическое (каноническое) и церковное право, апологетика (учение «апологетов» — защитников христианства II и III вв.), патристика (или патрология — творения св. отцов церкви IV–V вв.), библеистика (толкование Библии) и литургика (церковное богослужение), а в состав общеобразовательных — высшая математика (теоретическая и прикладная), углубленные курсы теоретической и прикладной физики, «метафизика» (учение о невещественном, духовном мире), «философская история во всем ее пространстве», этика и эстетика, церковная история и церковная археология, древняя история, более основательное изучение латинского, греческого и древнееврейского языков, а из новых — французский и немецкий. Главная задача духовных академий заключалась в подготовке преподавателей духовных семинарий и настоятелей городских приходов, а также кадров для занятия адми-

нистративных церковных должностей и миссионеров. Особо отличившихся выпускников оставляли для преподавания в тех же академиях. В начале XIX в. некоторые из окончивших духовные академии стали профессорами университетов.

Каждая духовная академия имела свой профиль. Преподавание в Петербургской Академии во многом носило светский характер и приближалось к университетскому. В ее обширной библиотеке были почти все произведения западноевропейских просветителей XVIII — начала XIX в.: Вольтера, Руссо, Дидро, Д'Аламбера, Монтескье, немецких философов и английских экономистов. Солидная разработка богословия велась в Московской и Киевской академиях. Восстановленная в 1842 г. Казанская духовная академия готовила преимущественно кадры миссионеров и весьма компетентных в различных «расколоучениях» богословов-полемистов.

Духовные академии являлись крупными научными центрами, в которых разрабатывались проблемы богословия, истории Церкви, церковной археологии и церковного права. По этим направлениям готовились солидные научные труды, защищались и публиковались магистерские и докторские диссертации. Духовные академии сотрудничали с университетами.

В отличие от западноевропейских университетов в российских (за исключением Виленского) не было богословских факультетов. Против включения в состав университетов богословских факультетов еще в XVIII в. выступили иерархи Русской Православной Церкви, доказывавшие, что подготовка образованного духовенства — прерогатива не светских, а духовных учебных заведений. В России роль богословских факультетов играли духовные академии, непосредственно подчиненные Святейшему Синоду. В связи с этим попытка в 1819 г. министра духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицына ввести в Московском университете богословский факультет, натолкнувшись на сопротивление Синода, потерпела неудачу. Вместе с тем, по Уставу 1804 г., в Московском университете (на нравственно-политическом отделении) в качестве общеобразовательных дисциплин преподавались нравственное богословие, церковное право и история Православной Церкви. Такое положение сохранялось и последующими университетскими уставами (1835, 1863 и 1884 гг.).

Следует отметить, что в первой половине XIX в. в российских университетах (особенно в Московском) свыше трети студентов, а также и профессорско-преподавательского состава являлись выходцами из духовной среды, получив первоначальное образование в духовных семинариях.

Центральным органом управления всей системой духовных учебных заведений стала учрежденная 26 июня 1808 г. при Святейшем Синоде, но независимая от него Комиссия духовных училищ. В нее вошли почти все члены временного Комитета об усовершенствовании духовных училищ (за исключением умершего накануне Сергия Краснопевкова, которого заменил новый царский духовник П.В. Криницкий) и, кроме того, представители от профессуры духовных академий. Составленная из высокообразованных, компетентных и авторитетных лиц Комиссия являла собой своеобразное «ученое общество при Синоде», являлась как бы «особым министерством духовного просвещения». На нее была возложена задача составления уставов духовных академий и семинарий и проведение реформы в жизнь. Комиссия издавала постановления и инструкции по духовному учебному ведомству, разрабатывала учебные планы и программы. «Период существования Комиссии, — отмечал Н.Ф. Белявский, — был лучшим временем духовной школы»[9]. Тон ее работы задавал М.М. Сперанский. К началу 1809 г. он написал общее введение ко всем уставам с изложением общих начал духовного учебного образования и основную часть устава духовных академий.

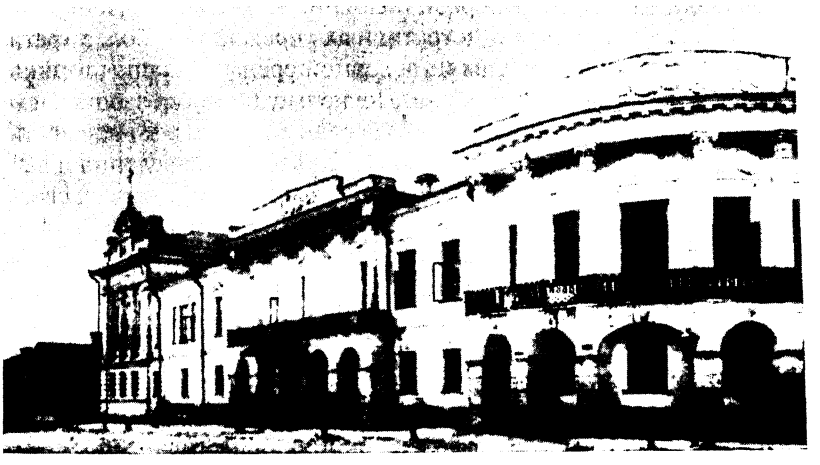
Сперанский придавал большое значение общеобразовательным дисциплинам в духовных учебных заведениях, стараясь по уровню знаний этих дисциплин приблизить их к светским. «Духовный пастырь, назначенный быть всем и вся, должен обладать широким развитием, — указывал он, — одна духовная выучка образует только ремесленника своего служения». Главным недостатком прежнего преподавания в духовных учебных заведениях считал он зубрежку и схоластику, требовал развивать у учащихся «самостоятельность в суждениях». «Лучший наставник не тот, кто блистательно говорит и сам изъясняет, но тот, кто заставляет учащихся размышлять и разъяснять. Посему все методы обучения должны быть основаны на собственных упражнениях юношества; учитель должен помогать развитию ума». Эти принципы Сперанского нашли свое отражение в тексте Указа от 26 июня 1808 г.

Кроме классных занятий большое внимание в семинариях уделялось сочинениям, которые учащиеся писали дома. Затем эти сочинения читались на занятиях и подвергались строгой критике со стороны товарищей «сочинителя». Преподаватель должен был добиваться того, чтобы «самые посредственные ученики» приобретали навык писать «грамотно и связно»[10]. Лучшие сочинения выдвигались для «публичного их чтения» на «учено-литературных вечерах».

На старших курсах организовывались и «ученые диспуты». «Для этих диспутов устраивалась особая кафедра. На ней два места — для "возражающего" и "отвечающего". На боковых сторонах этой кафедры были помещены изображения из мифологии и древней истории: с одной стороны, например, великолепный храм Минервы с латинскими стихами; с другой — Диогенова бочка с надписью о мудрости, почивающей на мягком ложе, а с третьей — горящий светильник как символ просвещенных наставников. Участвовавшие в диспутах облекались в особое платье — длинные белые хитоны с крыльями, выступали в венках и с ветвями в руках. Семинарские певчие и музыканты готовили к увеселению публики разные канты и другие пьесы». Городские жители охотно посещали эти диспуты. Они мало понимали, что говорилось и читалось, но, как отмечали современники, высокопарные рассуждения вызывали у них «благоговейный страх перед семинарской ученостью»[11].

В начале 1809 г. от занятий в Комиссии Сперанский был отвлечен Александром I для разработки Плана государственного преобразования России. Обязанности Сперанского в Комиссии продолжил его однокашник по Петербургской Академии Феофилакт (Русанов), который завершил составление академического устава. К 1812 г. уставы духовных учебных заведений практически были подготовлены, но утверждение их задержалось в связи с Отечественной войной 1812 г. Они были утверждены лишь 30 августа 1814 г.[12]

На завершающем этапе работы Комиссии (проведение реформы в жизнь) решающую роль сыграл ректор Петербургской



Женское епархиальное училище в Ярославле

Академии Филарет (Дроздов), впоследствии митрополит Московский. Исследователь духовного образования в России И.А. Чистович писал о нем: «В 1814 г. во всех постановлениях и распоряжениях Комиссии духовных училищ Филарет принимал самое живое и деятельное участие. В это горячее время Филарет, можно сказать, нес на своих плечах все это дело и в одно и то же время представлял обширнейшие и сложнейшие проекты, просматривал и дополнял уставы, подготовлял учебные заведения к преобразованию и наблюдал за преобразованиями их, организовывал порядок классных занятий в академиях и семинариях, составлял конспекты богословских наук для академий и семинарий, рассматривал программы академических и семинарских преподавателей, выбирал и рекомендовал учебники и держал в руках все нити учебных дел в России»[13].

Реформа 1808–1814 гг. значительно улучшала работу учебной части. Это проявилось в заметном подъеме духовного образования, в становлении отечественного богословия, патристики, церковной истории и церковного права. В это время были сделаны первые шаги по пути «оживления веры». Для этого создавались доступные «толкования», проповеди, катехизисы на русском языке[14].

Реформа способствовала увеличению контингента преподавателей, в которых так нуждалась духовная школа, повышению их профессионального уровня. Преподавательский состав семинарий отныне формировался преимущественно из выпускников духовных академий, а в уездных училищах работали выпускники семинарий. Духовная школа дала также немало образованных людей для возраставшего в первой половине XIX в. контингента чиновников светских административных учреждений: более трети из них составляли выходцы из духовной среды — воспитанники духовных академий и семинарий. Поскольку реформа вводила новый порядок назначения и перевода священников в зависимости от ступени оконченного ими духовного учебного заведения и выданного аттестата, она изменила и отношение духовенства к своему профессиональному образованию. После реформы 1808–1814 гг. и принятых твердых требований для определения на духовные должности лиц со специальным духовным образованием духовенство убедилось, что чем солиднее получит оно такое образование, тем более благоприятными станут перспективы для духовной карьеры. Важным стимулом служили и льготы для окончивших семинарии, а тем более академии. Закон давал право занимать священнические места только окончившим полный курс семинарии. При этом на места определялись строго «по ступеням,

каждому разряду учеников присвоенным», т. е. «лучшие по успехам» выпускники семинарий получали и более выгодные священнические места.

Конечно, все проблемы решить не удалось. В первую очередь это относилось к расширению сети духовных учебных заведений. К началу учебно-духовной реформы в России существовало 3 духовные академии (Московская, Киевская и Петербургская; Казанская временно была переведена на положение семинарии), 35 семинарий и 76 уездных училищ с 25 тыс. учащихся. К концу царствования Александра I насчитывалось 3 академии, вместо планируемых 56 семинарий действовали 39, из предполагавшихся 360 уездных духовных училищ открылось 128, а численность приходских школ вместо предусмотренных 1080 составила лишь 170. Впоследствии, вплоть до конца XIX в., численность духовных учебных заведений и обучавшихся в них не претерпела существенных изменений (см. таблицу).

Численность духовных учебных заведений и обучавшихся в них в 1808–1894 гг. (за исключением церковно-приходских школ)*

Годы	Академии	Семинарии	Уездные училища	Всего	Учащиеся			Итого
					академий	семинарий	уездных училищ	
1808	3	36	76	115	303	20 018	4619	24 940
1861	4	50	185	239	338	15 065	27 871	43 274
1881	4	53	183	240	803	14 800	30 024	45 627
1894	4	56	186	246	901	18 749	30 869	50 519

* Таблица составлена по: *Преображенский И.В.* Отечественная церковь по статистическим данным с 1840/41 г. по 1890/91 г. СПб., 1901. С.162, 168; Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901. С. 559, 682–687; *Титлинов Б.В.* Духовная школа в России в XIX веке. Вильна, 1908. С. 73, 104.

Усиление в последнее пятилетие царствования Александра I реакционного правительственного курса почти не коснулось духовного образования. В духовной школе продолжала сохраняться и относительная свобода преподавания, предусмотренная реформой 1808–1814 гг. Однако предпринимались попытки «принять-ся» и за духовную школу. В этом направлении пробовал действовать «первоприсутствующий» в Синоде митрополит Серафим (Глаголевский) — «человек без широкого ума и дарований», как отзывались о нем современники. А.С. Шишков, назначенный в 1824 г.

министром народного просвещения (после отставки А.Н. Голицына), также хотел изменить «заразительные правила» 1808–1814 гг., но встретил противодействие со стороны влиятельного митрополита Московского Филарета.

При Николае I система духовного образования подверглась существенным изменениям. Они проводились в контексте реакционной политики в просвещении и печати — в направлении усиления над ними надзора и регламентации. 1 марта 1839 г. был опубликован Устав Духовно-учебного управления Святейшего Синода. Вводилась новая система управления духовным образованием. Упразднялась независимая от Синода Комиссия духовных училищ. Вместо нее учреждался Училищный комитет Синода в качестве его подразделения, и вся система духовного образования отдавалась под полный и бесконтрольный надзор обер-прокурора Святейшего Синода[15].

В 1840 г. вводится новая программа семинарского преподавания. Решено было «потеснить» общеобразовательные предметы, и в первую очередь философию. Устав предписывал исключить из программ духовных семинарий все «светские познания», дабы все преподавание было «проницаемо духом церковным». Из изучаемых в семинарии текстов латинских писателей потребовали изъять «места, проникнутые духом языческого мира», а из античной поэзии — произведения, «в которых преобладает страсть и чувствительность». Рекомендовалось «остерегать» от них «юные умы; пусть они пленяются словом Писания и с тем вместе пропитываются его духом». На греческом языке дозволялось читать только творения отцов церкви, а при изучении новых языков надлежало удерживаться от чтения светских сочинений, а также и от сочинений, написанных в духе иноверия. В преподавании гражданской истории следовало «избегать усиленного критицизма, неосмотрительного политического направления, порождающего в незрелых умах наклонность к мечтанию судить о том, что не должно подчиняться их суждениям»[16].

В семинариях резко сокращался объем общеобразовательных дисциплин, упразднялась философия. Когда Николаю I доложили, что в духовных учебных заведениях преподается философия, он воскликнул: «Как? У духовных есть философия, эта нечестивая, безбожная, мятежная наука? Изгнать ее!» Преподавание философии сохранялось в сильно сокращенном виде лишь в духовных академиях, а в семинариях этот предмет был заменен курсами логики и психологии.

По изданной в 1840 г. программе семинарского преподавания в качестве наиболее важных предметов стали пастырское бо-

гословие и гомилетика. Однако вводились и новые предметы, важные, по мнению Николая I, для будущих пастырей церковных приходов: агрономия и медицина, дабы окончившие семинарию при выполнении своих священнических обязанностей могли оказывать элементарную медицинскую помощь на селе, давать сельским прихожанам полезные советы по агрономии. В 1843 г. из духовных семинарий были отобраны 58 «отличных по наукам и благонравию» учеников и направлены в Горыгорецкую агрономическую школу (в Белоруссии), где они должны были пройти трехгодичный курс агрономии с тем, чтобы преподавать этот предмет в семинариях. В 1845 г. в семинариях, где был введен курс агрономии, этому предмету обучались 4821 человек, а через год — уже 6864[17]. В 1843 г. в семинариях были введены курсы педагогики, а для обладавших способностями к рисованию — иконописание.

В связи с тем что численность оканчивавших духовные семинарии превосходила наличие вакантных священнических мест в приходах, в 1842 г. Николай I разрешил принимать выпускников семинарий на государственную службу, отменив существовавшие ограничения. В 1850 г. были приняты меры к ограничению контингента обучающихся в духовных семинариях. В 1850 г. распоряжением Святейшего Синода отменяется обязательное обучение сыновей духовенства в духовных школах, открывая им доступ в светские школы[18].

Быт семинаристов оставался традиционно таковым, как и в конце XVIII – начале XIX в. Неимущие (казеннокоштные) семинаристы размещались в казенных общежитиях (бурсах). Распорядок в семинарии был следующим. Семинаристов поднимали в 6 часов утра, в 7 часов — молитва и затем завтрак, до 9 часов — подготовка к урокам, с 9 до 12 часов — уроки, с 12 до двух пополудни — обед, после обеда — отдых или прогулка, с 6 до 8 часов вечера — «домашние упражнения», в 9 часов — ужин и в 10 часов — отход ко сну.

В воскресные и праздничные дни все семинаристы непременно должны были быть в церкви на богослужении. Свободное время они могли проводить за чтением книг, но лишь тех, которые были разрешены начальством, строго за этим следившим. Рекомендовалось на досуге заниматься пением духовного содержания. Отлучаться из общежития можно было только с разрешения начальства. На время каникул — рождественских (с 24 декабря по 7 января), пасхальных (Страстная неделя перед Пасхой и Светлая после нее) и летних (с 15 июля до 1 сентября) — своекоштных семинаристов отпускали к родителям.

Надзор за соблюдением всех предписанных правил возлагался на инспектора семинарии, в помощь которому назначались «благонамеренные» семинаристы из старших классов. Инспектор надзирал и за поведением своекоштных семинаристов, живших на частных квартирах: регулярно посещал их, следил, не читают ли они запрещенные книги и не заняты ли «недозволенными развлечениями».

В начале царствования Александра II в связи с подготовкой ряда реформ в социальной, административной, судебной и образовательной сферах был поставлен вопрос и о проведении реформы системы духовного образования. Подготовка и проведение реформ проходили в обстановке общественно-политического подъема в стране. В прессе того времени, духовной и светской, оживленно обсуждались насущные проблемы всех сторон жизни России, в том числе и проблемы положения Русской Православной Церкви, проведения назревших реформ, и не в последнюю очередь — реформы духовного образования.

Среди многочисленной литературы начала 60-х гг. о положении духовенства и состоянии духовной школы особенно горячий отклик получило вышедшее в 1862 г. автобиографическое произведение «Очерки бурсы» Н.Г. Помяловского, бывшего воспитанника духовной школы. В нем писатель с беспощадной прямотой раскрыл бездушную и жестокую атмосферу системы образования и воспитания в духовных училищах.

Первые шаги к подготовке учебно-духовной реформы были предприняты уже в конце 50-х гг. В 1858 г. с целью ознакомления с состоянием духовных учебных заведений на местах Александр II посетил Ярославскую, Вологодскую, Нижегородскую и Литовскую православные духовные семинарии. Одновременно от ректоров духовных академий и семинарий потребовали «мнения» о необходимых преобразованиях в системе духовных учебных заведений. В 1859 г. на основе присланных ими сведений был составлен Общий свод, для рассмотрения которого и подготовки проекта реформы по повелению императора учреждался специальный Комитет при Синоде.

Подготовка проекта проходила сложную бюрократическую процедуру. Он разрабатывался в Комитете более трех лет и в 1863 г. был разослан по епархиям для обсуждения. Изучение и обсуждение его на местах заняло еще три года. Для выработки окончательного варианта проекта 19 марта 1866 г. был учрежден под председательством митрополита Киевского Арсения новый Комитет при Синоде в составе ректоров духовных академий и университетов, а также четырех протоиереев. Для подготовки окончательного варианта

проекта Комитету потребовалось еще более года. Наконец 14 мая 1867 г. представленный императору проект Устава о духовных училищах был утвержден и получил силу закона[19].

Согласно уставу, отныне в духовные учебные заведения разрешалось принимать детей всех сословий, в том числе и податных. Духовные семинарии получали определенную автономию в решении своих внутренних дел. Существенно расширялось преподавание общеобразовательных дисциплин. Упразднялось деление на главные и второстепенные предметы. Преподавание стало более тесно соприкасаться с жизнью. Программа обучения в семинарии приближалась к гимназической, тем самым выпускникам семинарий облегчалось поступление в университеты. Устав запрещал применять к семинаристам практиковавшиеся ранее телесные наказания, а также и такие, как «стояние на ногах в классе, совершение земных поклонов, стояние на коленях во время совершения утренней и вечерней молитв, обеда и ужина, оставление после уроков», назначение в виде наказания «физических работ». Но были оставлены в качестве мер наказания «голодный стол» (хлеб и вода на несколько дней) и «карцер».

При 6-летнем сроке обучения в семинарии первые два года семинаристы находились на «казенном содержании», а в течение последующих четырех лет казенное содержание предусматривалось лишь для тех, кто дал обязательство по окончании духовного учебного заведения избрать стезю священнического служения. «Достойным» семинаристам (хорошо успевающим и «примерного



Нижегородская семинария

поведения») выплачивалась стипендия в размере 90 руб. в год. Предоставление окончившим семинарии права поступать в университеты привело к тому, что «семинаристы устремились в университеты», число поступающих в духовные академии снизилось. Уменьшение желающих по окончании семинарии идти в священники явилось «тревожным симптомом». Кроме того, «само духовенство все чаще пользовалось правом обучать своих сыновей в гимназиях, чтобы обеспечить им светскую карьеру и избавить от стесненного положения приходского священника или учителя семинарии и духовного училища»[20]. В связи с этим в 1871 г. вновь был введен запрет окончившим семинарии поступать в университеты.

14 мая 1867 г. Александр II подписал также Положение об Учебном комитете при Святейшем Синоде, который заменил Духовно-учебное управление Синода.

В 1867 г. началась подготовка нового устава духовных академий. Синод обратился к духовным академиям с предписанием прислать предложения на этот счет. Присланные ими «докладные записки» были переданы на изучение особой Комиссии, готовившей устав. Важную роль в разработке устава сыграл член этой Комиссии известный ученый-богослов, литовский архиепископ (впоследствии митрополит) Макарий (Булгаков), который отстаивал необходимость предоставления духовной школе «свободного и правильного развития» в соответствии с требованиями времени. 30 мая 1869 г. устав был утвержден императором[21].

Особенное внимание обращалось на развитие богословских наук. Отныне в духовную академию могли поступать лица всех сословий, обязательно православного исповедания, с представлением свидетельства (аттестата) об окончании духовной семинарии или классической гимназии. Большое значение устав придавал развитию «высшего образования для просвещенного служения Церкви», что способствовало повышению уровня преподавания в академиях богословской науки. Существенно расширялась программа преподавания. Была введена специализация обучения по трем отделениям (или факультетам): богословскому, церковно-историческому и церковно-практическому, при этом во втором и третьем отделениях «небогословские науки» получили преобладание над «богословскими».

Все предметы подразделялись на общеобразовательные («общеобязательные») и специальные («отделенские»). К первым относились: Священное Писание; введение в богословие; философия (сюда же входили логика, психология и метафизика); история философии; педагогика; один из древних языков (по выбору сту-

дента) и литература на нем; один из современных европейских языков (французский, немецкий или английский). Они преподавались на всех трех отделениях.

На богословском отделении изучались: догматика и история догматов; нравственное богословие; сравнительное богословие; патристика; древнееврейский язык; библейская история.

На церковно-историческом отделении специальными предметами были: библейская история Ветхого и Нового Завета; всеобщая церковная история; история Русской Церкви; история и обличение русского раскола; всеобщая светская история; русская история.

На церковно-практическом отделении преподавались следующие специальные дисциплины: пастырское богословие; гомилетика; история проповеди в Православной Церкви и на Западе; церковная археология; литургика; церковное право; теоретическое литературоведение (история русской литературы с обзором важнейших произведений зарубежной литературы); русский и другие славянские языки. Устав разрешал вводить и дополнительные предметы.

Все обучение в академиях было рассчитано на 4 года. В течение трех лет студенты проходили полный курс как общеобразовательных, так и специальных дисциплин. По успешном окончании III курса каждый из них представлял «квалифицированную работу», на основании которой ему присваивалась степень кандидата богословия. На IV курс академии допускались лишь получившие все отличные оценки на заключительном экзамене III курса. На последнем курсе студенты под руководством профессоров готовились к преподавательской деятельности в семинариях. При этом им предоставлялось право выбора предмета, по которому они специализировались и который впоследствии преподавали в семинариях. Одновременно на IV курсе студент сдавал магистерские экзамены и готовил магистерскую диссертацию, после публичной защиты которой получал ученую степень магистра богословия. Ученая степень доктора богословия присуждалась после защиты докторской диссертации и при условии, что соискатель уже имел ученую степень магистра богословия.

По Уставу 1869 г., духовные академии получали новые штаты преподавателей, а их жалованье приравнивалось к университетскому (согласно университетскому Уставу 1863 г.). В каждой академии предусматривалось наличие 9 ординарных и 9 экстраординарных профессоров, 8 доцентов и 3 преподавателя современных иностранных языков. Академия могла иметь и приват-доцентов (число их не устанавливалось) на положении внештатных преподавателей. Для получения должности экстраординарного про-

фессора достаточно было диплома магистра богословия, а ординарного — доктора богословия.

Новый устав предоставлял академиям значительную самостоятельность — право выбора ректора, профессуры (тайным голосованием). Теперь ректором мог быть и представитель белого духовенства, хотя предпочтение отдавалось лицу в монашеском звании. Ректора, его помощников (ассистентов), инспектора и профессоров после их избрания утверждал в должности Синод.

Вопросы управления академией, обучения и воспитания студентов находились в ведении Академического совета, хозяйственная часть — в ведении Правления академии. Богословские предметы преподавали только духовные лица, а общеобразовательные могли преподавать и светские профессора, что способствовало появлению в духовных академиях светской профессуры. Академии получали право устраивать публичные чтения своих профессоров, основывать ученые общества, публиковать научные труды и источники, которые не подвергались, как ранее, цензуре.

Хотя уставы 1867–1869 гг. предоставляли право поступать в духовные учебные заведения лицам из всех сословий, однако представители не из духовной среды составляли всего 8%.

Контрреформы в царствование Александра III затронули и духовную школу. В начале 80-х гг. были изданы новые уставы учебных заведений (во «исправление» уставов 1867–1869 гг.), преследовавшие цель — ликвидацию автономии духовных академий и семинарий, усиление надзора за студентами академий и семинаристами. Для этого имелись свои причины. Новые веяния 60–70-х гг. не обошли и духовные учебные заведения. Власти с тревогой отмечали участие в народническом движении студентов духовных академий и семинаристов старших курсов. Беспокоили и факты «нигилизма» и даже «атеизма», замеченные среди учащихся духовных школ. У студентов академий и семинаристов находили «крамольную» литературу социалистического и атеистического содержания. Еще в начале 60-х гг. министр народного просвещения А.В. Головнин в одной из «всеподданнейших записок» царю писал: «Духовные школы дали нам известных нигилистов, которые старались распространять самые безобразные, крайние учения»[22]. Это отмечал несколько позднее и митрополит Московский Иннокентий (Вениаминов). В своем трактате «Несколько мыслей касательно воспитания духовного юношества» он с тревогой писал: «Дети поступают в [духовные] училища благонравными, а из училища выходят с испорченною нравственностью и совсем не с молитвенным духом. В духовных академиях у нас появились

уже вольнодумцы и даже безбожники... и этот злой дух проявляется уже и в семинаристах»[23].

В 1882 г. был учрежден новый Комитет для обсуждения уставов духовных учебных заведений. К концу 1883 г. он представил на обсуждение Синода подготовленный им проект Устава православных духовных академий. После обсуждений и внесенных дополнений и исправлений проект 20 апреля 1884 г. был утвержден императором[24]. Устав 1884 г. (или, как его называли, «антиустав») ставил целью не столько научное образование будущего духовенства и учителей русской церкви, сколько подготовку политически и конфессионально благонадежного церковно-административного персонала, который должен был к тому же поставлять преподавателей для духовных учебных заведений низшего звена. Устав отменял выборность ректоров и инспекторов, которые снова стали назначаться Святейшим Синодом. Усиливалась зависимость академий от Синода и архиереев, в епархиях которых находились академии. С 1884 г. ректорами академий могли быть только «ученые монахи» (лица монашеского звания, имевшие ученые степени). Отныне кандидатуры на преподавательские должности не выбирались, а представлялись епархиальным архиереем и утверждались Синодом. С 1884 г. вводились три категории ученых степеней магистра и доктора: богословия, церковной истории и канонического права. В 1889 г. были изданы особые правила, увеличивавшие права Синода в вопросах утверждения в этих ученых степенях. Отменялись публичные диспуты при защите магистерских и докторских диссертаций. Ужесточение духовной цензуры привело к снижению теоретического уровня богословских исследований. Существенно сужалась компетенция академических советов духовных академий и усиливалась их зависимость от епархиальных архиереев. Отменялось распределение дисциплин по трем специализациям.

22 августа 1884 г. был утвержден и новый устав духовных семинарий[25]. Он также отменял введенную в 1867 г. выборность ректора и инспектора семинарий, в учебную программу вводились новые богословские предметы: библейская история, история русского раскола, сравнительное богословие, апологетика. На философском курсе обзор философских учений заменяется краткой философией и дидактикой. За счет сокращения философии и математики увеличивается курс по русской литературе и расширяется преподавание церковного пения. Изучение новых европейских языков становится факультативным.

Необходимо подчеркнуть, что все реформы (как и контрреформы) в системе духовного образования проводились по иници-

ативе не духовной, а *светской* власти, от которой Русская Православная Церковь находилась практически в полной зависимости.

Несмотря на неблагоприятные явления в жизни православной духовной школы, обусловленные изменениями в политическом курсе российского самодержавия, заслуги ее в развитии культуры и вообще в духовной жизни страны того времени несомненны.

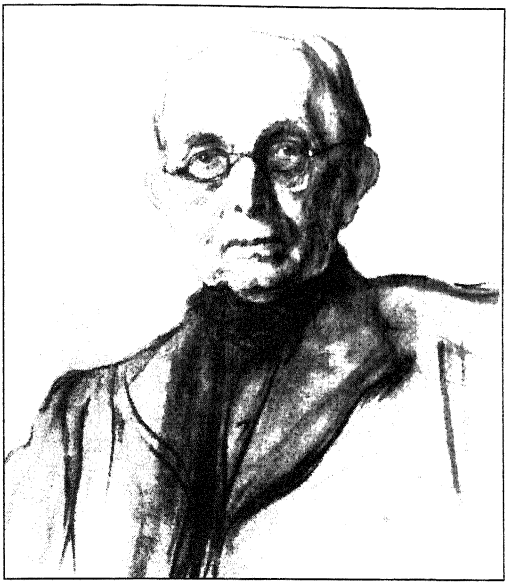
Наиболее значительные успехи были достигнуты в высшем духовном образовании, представленном духовными академиями. За исследуемое столетие численность студентов в них увеличилась в 3 раза и достигла свыше 900 человек. Академии превратились в крупные центры подготовки педагогических кадров для системы духовного просвещения и развития русского богословия. Они являлись важными (и фактически единственными) центрами разработки богословских наук в России. Академии публиковали фундаментальные исследования, имели свои периодические издания.

Ведущее место в этом плане занимала Московская духовная академия, особенно в области патрологии, русской церковной истории, догматического богословия, канонического права и истории духовной литературы, а также апологетики и религиозной философии. Академия издавала свой журнал — «Богословский вестник».

В Петербургской духовной академии проводились фундаментальные исследования в области догматического богословия, канонического права, истории первых веков христианской церкви, византинологии. С 1821 г. академия издавала богословский журнал «Христианское чтение», в котором публиковались переводы творений отцов церкви, церковно-исторические и богословские сочинения, труды византийских историков, а также античных философов.

В Киевской академии успешно разрабатывались проблемы литургики, гомилетики, сравнительного богословия, истории западных церквей.

Особенностью Казанской духовной академии было ее Миссионерское отделение, на котором преподавались восточные языки, этнография, история ислама, буддизма, миссионерское дело. Много внимания уделялось изучению старообрядчества. Выпускники академии просвещали народы Поволжья и Сибири, а также вели миссионерскую деятельность за пределами России — в Северной Америке, Корее, Японии, Китае. В издаваемом академией журнале «Православный собеседник» печатались материалы деяний вселенских и поместных соборов, памятники древнерусской литературы (например, «Стоглав», произведения Иосифа Волоцкого, Максима Грека). Профессора академии переводили на восточные языки книги Ветхого и Нового Завета, Православный



Константин Петрович Победоносцев

катехизис, богослужебные руководства для русских миссионеров, направляемых в восточные страны.

В системе высшего духовного образования трудились выдающиеся ученые-богословы и историки церкви. Среди них особенно выделялись: ректор Московской духовной академии, богослов и историк церкви протоиерей А.В. Горский, чьи блестящие лекции были так же популярны, как и лекции по русской истории В.О. Ключевского; профессор Петербургской духовной академии В.В. Болотов, которого называли «гордостью русской науки»; профессор Казанской духовной академии П.В. Знаменский — автор многих учебников и глубоких исследований по истории русской церкви; профессор Казанской духовной академии крупный ученый в области церковного права И.С. Бердников.

Некоторые университетские профессора преподавали и в духовных академиях: так, профессор Казанского университета А.П. Щапов одновременно был и профессором Казанской духовной академии, В.О. Ключевский свой курс русской истории читал и в Московской духовной академии.

Духовная школа занимала солидное место в общей системе образования в России. Так, за 1837–1891 гг. православные духовные учебные заведения окончили около 3 млн человек, из них почти 29 тыс. — духовные академии, 850,5 тыс. — семинарии и до

2 млн человек — епархиальные училища[26]. Система духовного образования подготовила не только большой контингент церковных пастырей и видных церковных деятелей, но и трудившихся на «светском поприще» — в политике, науке, литературе и искусстве.

Воспитанниками духовной школы были известные государственные деятели и и крупные ученые-гуманитарии М.М. Сперанский, А.П. Щапов, М. Соловьев и В.О. Ключевский, общественные деятели и публицисты-демократы Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов, писатели Н.Г. Помяловский, Н.Н. Златовратский, Д.Н. Мамин-Сибиряк, художники братья А.М. и В.М. Васнецовы и др.

---

[1] См.: *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. М., 1996. С. 394–397.

[2] ПСЗ-I. Т. 22. № 16 669.

[3] ПСЗ-I. Т. 25. № 18726.

[4] *Белявский Ф.Н.* О реформе средней школы: Краткий очерк прошлого средней духовной школы. Вып. 1. СПб., 1907. С. 32.

[5] Там же. С. 35.

[6] ПСЗ-I. Т. 30. № 23. С. 122, 123, 124.

[7] См.: *Вишленкова Е.А.* Духовная школа в России первой четверти XIX века. Казань, 1988. С. 55–56.

[8] Там же. С. 56.

[9] *Белявский Ф.Н.* Указ. соч. С. 40.

[10] ПСЗ-I. Т. 30. № 23. С. 122.

[11] *Белявский Ф.Н.* Указ. соч. С. 45.

[12] ПСЗ-I. Т. 32. № 25 673–25 676.

[13] *Чистович И.А.* Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине XIX века. Комитет духовных училищ. СПб., 1894. С. 143.

[14] *Вишленкова Е.А.* Указ. соч. С. 72.

[15] ПСЗ-II. Т. 6. № 1270.

[16] *Белявский Ф.Н.* Указ. соч. С. 60–61.

[17] Русское православие: вехи истории: Сб. ст. М., 1989. С. 335.

[18] См.: *Смолич И.К.* Указ. соч. С. 430.

[19] ПСЗ-II. Т. 42. № 44 570.

[20] *Смолич И.К.* Указ. соч. С. 471.

[21] ПСЗ-II. Т. 44. № 47 154.

[22] *Стаферова Е.Л.* Министерство народного просвещения при А.В. Головнине (1861–1866). Канд. дис. (рукопись; защищена в МГУ в 1998 г.). М., 1998. С. 38.

[23] *Барсуков И.* Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. М., 1883. С. 383.

[24] ПСЗ-III. Т. 4. № 2160.

[25] Там же. № 2401.

[26] См.: *Преображенский И.В.* Указ. соч. С. 177.



О.В. Андреева

КНИЖНОЕ ДЕЛО

Книга на всем протяжении своего бытования являлась неотъемлемым фактором, фундаментом культуры. Однако лишь в XIX столетии она стала действительно мощным средством трансляции социальной информации, рычагом прогресса.

Развитие книги и книжного дела в России в XIX в. опиралось на опыт и практику предшествующего периода. В XVIII в. была нарушена государственная и церковная монополия на печать. Благодаря издательской деятельности Академии наук, Московского университета, выдающегося просветителя Н.И. Новикова изменилась тематика русской книги, расширилась география ее производства и распространения. Книга начинает чутко реагировать на изменения в общественной жизни. В последней четверти XVIII в. зарождаются новые формы и методы книгоиздания и книжной торговли. Несмотря на то что тиражи книг все еще оставались небольшими и цена их была высока, в столицах и в провинции формируется вкус к чтению. Вместе с тем основная масса населения России попрежнему оставалась за пределами сферы распространения книги. Образованные и просто грамотные люди составляли в конечном счете не-

значительный читательский потенциал. Процесс демократизации книги представляет собой основное направление развития книжного дела в XIX в.

Книга — уникальное общественное явление, ибо ее развитие определяется как идеологией, так и экономикой. Кроме того, книжное дело на стадии книгопечатания — это область культуры, которая, как ни одна другая, тесно связана с техникой, технологией, промышленностью. Именно в процессе производства, т. е. полиграфического исполнения издания, рождается единство формы и содержания книги. Как историко-культурный феномен книга отражает состояние духовной и материальной культуры общества, создавшего ее. Именно эти три составляющие книжного дела и являются предметом нашего рассмотрения.

Начало XIX в. вносит новые черты в развитие книжного дела России. Первые шаги, предпринятые Александром I при восшествии в 1801 г. на престол, выразили его намерения успокоить общественное мнение и отменить наиболее одиозные распоряжения Павла I, вызывавшие всеобщее недовольство. Александр стремился как бы отъединиться от той эпохи, когда «в рабстве ползали и люди и печать»[1]. Одним из первых стало распоряжение императора от 31 марта 1801 г. о распечатывании закрытых в 1796 г. вольных типографий и об отмене запрета на ввоз из-за границы книг и нот. В 1802 г. был обнародован указ, разрешавший открытие типографий во всех городах империи и печатание книг на всех языках.

Реформы начала столетия, и в первую очередь цензурный Устав 1804 г., благотворно сказались на состоянии книгопечатания[2]. Возрастает роль частного книгопроизводства в общественной жизни. Многие вольные типографии становятся своеобразными культурными центрами, вокруг которых группируется новая, нередко уже разночинная интеллигенция. В дополнение к существующим столичным типографиям быстро открывается ряд новых — И. Глазунова, А. Плюшара и др. К 1808 г. в Петербурге действуют 11 частных типографий, среди которых есть печатающие книги не только на русском, но и на всех европейских и на восточных языках[3]. Еще более интенсивно вольные типографии создаются в Москве. Среди них — первоклассная, учрежденная на европейский манер типография Н.С. Всеволожского. Одновременно растет число казенных типографий — при Коммерц-коллегии, департаментах военного министерства и внешней торговли.

Одна за другой в 1801—1805 гг. открываются типографии в провинции — в Уфе, Рязани, Пензе, Калуге, Пскове, Казани, Петрозаводске[4]. В 1807 г. был издан высочайший рескрипт об от-

крытии типографий во всех губернских городах и о выделении государственных субсидий уже существующим[5]. Правда, в первой четверти XIX в. типографии работали отнюдь не во всех губерниях, а имеющиеся служили почти исключительно для казенных нужд и располагали одним, редко двумя печатными станами. Сведения об общем количестве печатных заведений в России начала века разноречивы. А.А. Зайцевой подсчитано, что на 1810 г. только в ведении Министерства народного просвещения находилось 75 типографий, а общее их число приближалось к 90[6].

В 1825 г. в стране работало 88 бумажных фабрик, куда пришел паровой двигатель. В 1818 г. на Петергофской бумажной фабрике внедряются первые в России отечественные бумагоделательные машины. Получило развитие словолитное дело. В 20-е гг. особо выделялась московская словолитня А.И. Рене-Семена, где количество матриц превышало 4 тыс. К середине века центром снабжения всей России шрифтами, наборными орнаментами и политипажами становится словолитня Ж. Ревильона (Петербург).

Техника типографского набора продолжала оставаться ручной, однако и в эту сферу начинают проникать элементы рационализации и механизации. Увеличение тиражей потребовало введения стереотипии, позволяющей получать копии наборных печатных форм. Началась и механизация печатного процесса. Вначале скоропечатные машины приобретались за границей, а с 1828–1829 гг. они начали изготавливаться Александровской мануфактурой (первая из них появилась в петербургской типографии Н.И. Греча). Усовершенствованию и удешевлению печатного производства способствовало распространение литографии. Первые русские литографские заведения появились в 1816–1818 гг. в Астрахани и Петербурге — при Военно-топографском депо Главного штаба и при МИДе[7]. С этого времени производство становится в полном смысле слова полиграфическим: печатная продукция размножается несколькими способами (высоким — типографским, плоским — литографским, глубоким — металлографским).

Эти и другие усовершенствования способствовали ускорению и удешевлению производства, а значит, увеличению тиражей и снижению цены на книгу. Вместе с тем необходимо учитывать, что в первой половине столетия база промышленной революции в полиграфии лишь складывалась; набор, отливка литер, иллюстрационные процессы выполнялись по-прежнему вручную. Технические новшества коснулись пока только массовых видов печатной продукции, и в первую очередь периодики. К тому же отечественное оборудование оставалось дороже иностранного, и нередко владельцы типографий предпочитали выписывать его из-за границы[8].

Уже в 1802 г. Н.М. Карамзин отмечает появление нового читателя: «Самые бедные люди подписываются, и самые безграмотные желают знать, что пишут из чужих земель». Мода на библиотеки, характерная для XVIII в., сменяется модой на чтение. «Я знаю дворян, — продолжает писатель, — которые имеют ежегодного дохода не более 500 рублей, но собирают... библиотечки, радуются ими... читают каждую книгу несколько раз и перечитывают с новым удовольствием»[9]. Определяющее воздействие на интеллектуально-культурную жизнь эпохи в первые десятилетия XIX в. продолжает оказывать книга иностранная — оригинальная, затем переводная.

В издательском репертуаре первой половины столетия особое место занимала гуманитарная литература. Через нее происходило формирование общественного сознания, она удовлетворяла нарастающий интерес читательской аудитории к социальным проблемам. Сочинения французских просветителей, английских политэкономов, которые в XVIII в. были известны в России в оригиналах, теперь интенсивно переводятся на русский язык, а следовательно, включаются в более широкую орбиту бытования. Переиздается ранее запрещенное 5-томное Собрание сочинений Вольтера. Под покровительством заигрывавшего с либерализмом Александра I в казенных типографиях за государственный счет выходят произведения западных философов, экономистов, социологов, юристов — А. Смита, Дж. Бентама, Ч. Беккариа, Ш. Делольма, Ш. Монтескье. Издаются книги К.И. Арсеньева «Российская статистика» и А.П. Куницына «Право естественное», в которых ставится вопрос о необходимости отмены крепостного права. Публикуются тексты европейских конституций.

Исторической вехой в развитии экономической мысли в России стало издание в 1802–1806 гг. первого русского перевода труда А. Смита «Исследование свойства и причин богатства народов», в 4 томах. В дальнейшем последовали новые переводы и упрощенные изложения этой книги. Увлечение социальными науками было характерно для светского общества: «Царство блестящего дилетантизма по всем предметам и вопросам, выдвинутым вперед европейской жизнью, никогда уже потом не достигало у нас до таких обширных размеров, какими оно могло похвастаться в промежутке времени от 1815 по 1825 год»[10].

Деятельность Общества истории и древностей российских, Румянцевского кружка способствовала повышению интереса к всеобщей и отечественной истории. В 1818 г. русский читатель познакомился с первыми 8 томами «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Беспримерным был успех этого сочине-

ния: 3 тыс. экз. разошлись в 25 дней, в ближайшее десятилетие вышло еще несколько изданий. Писатель «прорубил окно» в прошлое: «Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную»[11]. Печатались книги, посвященные Франции, Греции, Римской империи. Постоянным спросом пользовались биографическая литература, учебники по русской истории С.Н. Глинки, Н.А. Полевого, М.Н. Погодина. Выпускалось немало азбук, словарей, хрестоматий по русскому и иностранным языкам. Значительной оставалась потребность в книге религиозно-этической, которая давала читателям традиционную систему идей и взглядов на мир, определяла нравственные нормы поведения христианина.

Расширяется репертуар естественнонаучной книги. Хотя в среднем она составляла не более 15% выходившей в свет издательской продукции, ее значение глубже количественных показателей. Первая половина XIX в. знаменуется серьезными успехами российской науки, в первую очередь университетской, в области математики, физики, биологии, химии. Появляются крупные отечественные и переводные сочинения, широко практикуется издание диссертаций. Публикуются ставшие классическими учебники для начального обучения, такие, как «Арифметика» К. Меморского, и фундаментальные труды, стоявшие выше многих аналогичных зарубежных руководств, типа 13-томной «Ручной математической энциклопедии» Д.М. Перевощикова. Популярны были книги по географии, о путешествиях по Европе, Азии, Америке, с описанием «занимательных и необыкновенных предметов в природе и жизни человеческой». Печатаются адресные книги городов, путеводители, планы, указатели дорог, что отвечало активизации русской жизни. Интерес читателей вызывают практические пособия по сельскому хозяйству[12]. Увеличилась потребность в медицинской литературе. Лучшие книги зарубежных ученых были переизданы на языке оригинала или переведены на русский. Основной упор делался на популяризацию медицинских знаний, на издание лечебников.

Более трети всей издательской продукции первой половины столетия падало на художественную литературу. Наиболее охотно читатель покупал «ужасные», «забавные», «чувствительные», «сатирические», «моральные» романы, выходившие небольшими изящными томиками объемом до 200–250 страниц. В начале века популярностью пользовались сочинения Н.М. Карамзина, В.Т. Нарежного, П.И. Шаликова, А.Е. Измайлова, но более половины названий составляли переводные романы, которые давали русскому читателю то, что пока не могла дать национальная словесность. Современник отмечал: «Англия, Германия, Франция едва успева-

ют блеснуть каким-нибудь произведением умов своих и талантов; едва рецензент подаст о них понятие, как уже неусыпные переводчики наши перетаскивают оное на язык русский...»[13] Чаще всего переводились произведения Жанлис, Радклиф, Дюкре-Дюмениля, Лафонтена, Коцебу[14]. Вызывали споры сочинения де Сталь, Шатобриана. Во второй четверти XIX в. произведения русских писателей вытесняют зарубежные. Литературный процесс 1830–1840-х гг. дает богатейшие возможности для издания отечественной поэзии, беллетристики, критики.

Читательская аудитория была еще довольно узка: обычным остается традиционный тираж 1200 экз. Цена книг высока, она могла достигать 5–10 руб.[15] Однако тиражи популярных книг, таких, как произведения М.Н. Загоскина, Ф.В. Булгарина, В.Т. Нарежного, исчислялись несколькими тысячами. Знаменитый роман Булгарина «Иван Выжигин» за два года разошелся тиражом 7 тыс. экз. Вошло в практику быстрое переиздание книг, имевших коммерческий успех. Первое издание романа Загоскина «Рославлев» вышло тиражом 4800 экз., и скоро потребовались еще три издания[16].

В 1830-е гг. в области беллетристики происходит отчетливый сдвиг читательских вкусов в сторону прозы, а в рамках прозы — в пользу романов. В основе этого изменения лежало становление нового читателя. В условиях упадка и оскудения дворянства уходил в прошлое прежний потребитель книги — барин-аристократ, и в орбиту книжности вовлекались новые социальные слои населения, со своими вкусами и пристрастиями. Формировавшееся «среднее сословие», еще недавно ограничивавшееся чтением лубка и календарей, не было подготовлено к восприятию серьезной литературы и жаждало развлекательного чтения. Любимцами публики были А.А. Бестужев-Марлинский, Барон Брамбеус (О.И. Сенковский), Н.В. Кукольник, В.Г. Бенедиктов. Шумным успехом пользовались исторические, авантюрные романы.

Пушкинская эпоха стала временем расцвета литературных альманахов и сборников. «Альманахи сделались представителями нашей словесности. По ним со временем станут судить о ее движении и успехах»[17], — свидетельствовал А.С. Пушкин. Лучшие альманахи издавались К.Ф. Рылеевым и А.А. Бестужевым («Полярная звезда»), А.А. Дельвигом («Северные цветы»), В.Ф. Одоевским и В.К. Кюхельбекером («Мнемозина»). На страницах этих изящных малоформатных иллюстрированных книг — целая россыпь имен русских писателей и поэтов. Мода на альманахи держалась два десятилетия, к середине века их издание сошло на нет.

В первые десятилетия XIX в. в повседневном обиходе оставалась и рукописная, «альбомная» традиция. Еще до выхода в свет

литературные произведения ходили в списках. Более того, читатель стремился скопировать уже вышедшую в типографии книгу, нередко любовно воспроизводя все ее типографские элементы (известны, например, многочисленные рукописные подражания популярному изданию «Евгения Онегина»). В первой четверти XIX в. еще более живучей оставалась древняя письменная традиция в крестьянской, особенно старообрядческой среде, где рукописная книга имела сакральное значение и передавалась из поколения в поколение. Печать проникает сюда крайне медленно в виде лубочной продукции (см. ниже).

В начале XIX в. профессиональный состав русских книжников еще не был четко дифференцирован. В роли издателей выступали организации, книготорговцы, сами авторы, переводчики, составители сборников, а также лица, приобретавшие права на рукописи. Ведущее же место среди издателей занимали владельцы типографий. Книжной торговлей, по сложившейся традиции, занимались типографы и переплетчики, а книготорговцы в свою очередь являлись издателями, библиотекарями, библиографами, причем зачастую нельзя определить, какое из занятий являлось основным, а какое — дополнительным, подсобным. Такое положение во многом предопределялось тем, что положение работников книжного дела оставалось крайне неустойчивым. Поскольку, например, существовать на доходы от типографии было практически невозможно, их владельцы заводили книжные лавки и платные читальни, стремились сами издавать доходные книги[18].



Лавка книготорговца

В 30–40-е гг. в сфере книгоиздания и книготорговли возникает и укрепляется капиталистическое предпринимательство. Выделяются основные действующие лица процесса производства и распространения: автор, получающий гонорар; издатель, принимающий на себя издержки производства и извлекающий прибыль из издания; типограф, выполняющий заказ на изготовление тиража; книгопродавец, реализующий печатную продукцию и получающий торговую прибыль.

Среди издателей и книготорговцев первой половины XIX в. традиционно выделяются книжники-культуртрегеры и книжники-коммерсанты[19]. Первая группа представлена именами П.П. Бекетова, Н.П. Румянцева, для которых важна была не прибыль от издания, а его культурная ценность. Такие издатели не жалели средств на художественно-типографские работы. Характерно, что меценаты не порождали династий: с их смертью, отходом от дел или разорением прекращалось и их предприятие. Гораздо более многочисленной была группа книжников-профессионалов, представлявших коммерческое направление в книжном деле, — Глазуновы, Плюшары, Кольчугины, Базуновы и многие другие. Эти два типа различались не только по характеру и направлению деятельности, но часто и по происхождению. Богатый аристократ-меценат имел хорошее, а иногда блестящее образование, в то время как профессионалы — чаще всего выходцы из средних и низших сословий — обычно начинали свой путь с ученичества и упорным трудом выбивались на самостоятельную дорогу. Конечно, на практике не было столь четкого разграничения: множество русских издателей и книготорговцев, таких, как С.И. Селивановский, В.А. Плавильщиков, А.Ф. Смирдин, не могли не думать о прибыльности своего дела, и в то же время их предприятия служили центрами культурной жизни. К тому же будем иметь в виду, что на данном поприще было трудно разбогатеть, и тот, кто становился книжником, делал это из особой любви к книге, литературе.

Крупнейший издатель некоммерческого направления в первой четверти XIX в. — П.П. Бекетов, предприятие которого существовало с 1801 по 1811 г. В одном флигеле его дома на Кузнецком мосту располагались типография и словолитня, в другом — книжная лавка, ставшая клубом московских литераторов и знати. Унаследованное состояние давало Бекетову творческую свободу. Выпущенные им книги отличались превосходной редакторской подготовкой, художественными приложениями, подобранными со вкусом иллюстрациями и типографскими украшениями. В его научных изданиях образцово выполнены чертежи, палеографические изображения, факсимиле. Хорошо зная и любя русскую исто-

рию и словесность, Бекетов первым из русских издателей стал активно и целенаправленно знакомить русское общество с творчеством современников. Тщательно и с любовью были изданы им сочинения И.Ф. Богдановича, В.А. Жуковского, Н.М. Карамзина, В.Л. Пушкина, Н.И. Гнедича и многих других. Легендарным стало очаровательное малоформатное издание «Душеньки» Богдановича, которое еще до выпуска в продажу почти все погибло во время французского нашествия[20].

Замечательное издательское предприятие было организовано меценатом и просветителем гр. Н.П. Румянцевым. Еще в молодые годы он заинтересовался прошлым России и, выйдя в 1814 г. в отставку, стал страстным собирателем редких книг и рукописей. Румянцев организует и финансирует исследование и публикацию источников по русской и славянской истории. Вокруг него формируется своеобразное научное объединение — Румянцевский кружок, «ученая дружина», куда вошли историки, палеографы, библиографы Н.Н. Бантыш-Каменский, митрополит Евгений (Е.А. Болховитинов), К.Ф. Калайдович, П.М. Строев, А.Х. Востоков и др. Члены кружка обследовали более ста русских и зарубежных книго- и архивохранилищ, где обнаружили и скопировали огромное количество ранее неизвестных науке документов. Именно одной из румянцевских экспедиций был обнаружен «Изборник Святослава» 1073 г. — вторая по древности датированная русская рукопись. На все научные предприятия Н.П. Румянцевым была потрачена колоссальная сумма более чем в 1 млн руб., и примерно пятая ее часть была вложена в издательскую деятельность. При непосредственном участии графа было напечатано фундаментальное «Собрание государственных грамот и договоров», куда вошло более тысячи документов XIII–XVII вв., опубликованы памятники русской и славянских литератур.

Н.П. Румянцев придавал большое значение внешнему виду изданий кружка. Его книги выделялись строгой торжественностью и внушительностью, многие были снабжены факсимильными воспроизведениями. Печатались они в лучших русских и зарубежных типографиях. Конечно, подобные издания не могли пользоваться большим покупательским спросом, и Румянцев широко практиковал бесплатное снабжение ими библиотек, научных учреждений, ученых.

Существовали в России издатели, которые, начав заниматься книжным делом, не становились чистыми предпринимателями, но бескорыстно служили литературе.

Поэт-дилетант И.В. Сленин пришел к книжному делу «по страсти к литературе» и в 1813 г. совместно с братом открыл в

петербургском Гостином дворе книжную лавку. Постепенно лавка становится литературным салоном, местом встреч лучших представителей общественной мысли, будущих декабристов. Даже после разгрома восстания в ней продавались произведения К.Ф. Рылеева[21]. При материальной поддержке Сленина выходили альманахи; он выпустил второе издание карамзинской «Истории государства Российского», купив право на него за 75 тыс. руб. На выгодных условиях им были изданы первые пять глав «Евгения Онегина», поэмы А.С. Пушкина[22].

Один из лучших типографов своего времени — С.И. Селивановский, образованный самоучка из крепостных крестьян, который благодаря своей энергии и предприимчивости организовал крупнейшее в Москве предприятие печати. Селивановский был близок со многими учеными и литераторами, декабристами. Он выпустил первое Собрание сочинений Н.М. Карамзина, сочинения В.А. Жуковского, К.Ф. Рылеева. Это был типограф-художник: разработанные и отлитые им шрифты служили образцом для других словолитен. Именно у него печатались важнейшие труды Румянцевского кружка, требовавшие особого искусства (знаменитыми стали цветные факсимильные воспроизведения древнерусских почерков)[23].

В Петербурге 1830-х гг. лучшими считались типография и словолитня Плюшаров. При основателе династии А.И. Плюшаре фирма прославилась богато иллюстрированными изданиями, такими, как «Галерея гравированных портретов генералов... 1812 года» (1813) с превосходными литографиями А.О. Орловского, «Живописное путешествие от Москвы до китайской границы» (1819) с раскрашенными от руки гравюрами, альбомы видов Петербурга. Это были дорогие библиофильские издания ценой 100—350 руб. А.И. Плюшар — первый российский книжник европейского масштаба. Хороший рисовальщик и литограф, он сам отливал шрифты, был издателем, типографом и книгопродавцем. Магазин под названием «Французский литературный салон Александра Плюшара» в центре Петербурга стал средоточием художественно-культурной жизни столицы. Его сын А.А. Плюшар поддержал уровень, достигнутый фирмой. На мануфактурной выставке 1832 г. типография была удостоена серебряной медали. Самым известным его изданием стал «Энциклопедический лексикон», названный современниками «левиафановским». Редактировали его Н.И. Греч и О.И. Сенковский; к сотрудничеству были привлечены крупнейшие ученые и литераторы. Вышло лишь 17 томов «Лексикона» из намеченных 40; издание затянулось на много лет, что привело к сокращению, а затем и к полному прекращению подписки. Плюшар вынужден

был объявить себя несостоятельным, лишился типографии. В 40–50-е гг. ему удалось поправить свои дела выпуском иллюстрированных сочинений, сборников и журналов по вопросам искусства, которые сохранили красоту и изящество его стиля[24].

Эпоху в истории русской книги составила деятельность выдающегося издателя-просветителя А.Ф. Смирдина. Он воплощал в себе многие ипостаси: был прекрасным библиографом, крупнейшим в России 1830–1840-х гг. издателем и книгопродавцем, владел самой большой библиотекой для чтения, хорошей типографией. Смирдин выпускал книги самой разнообразной тематики: труды по истории, философии, филологии, географии, но главное — он был теснейшим образом связан с русской литературой, систематически издавая произведения отечественных писателей и щедро оплачивая их труд. Ему принадлежат знаменитые слова: «...дотоле не умру, пока не напечатаю всех русских классиков». Недаром В.Г. Белинский писал о «смирдинском» периоде русской словесности, называя Смирдина его «главою и распорядителем»: «Всё от него и всё к нему; он одобряет и ободряет юные и дряхлые таланты очаровательным звоном ходячей монеты; он дает направление и указывает путь этим гениям и полугениям, не дает им лениться, словом, производит в нашей литературе жизнь и деятельность»[25]. Смирдинский период совпал с «золотым веком» русской словесности. Смирдин стремился сотрудничать с самыми разными писателями. Он издавал сочинения Пушкина, Гоголя, Жуковского, Вяземского — и в то же время их литературных врагов: Булгарина и Сенковского, графоманов Хвостова и Шишкова. Смирдина невозможно оценить по достоинству, если не учитывать, что ему была глубоко присуща объединительная идея. Сам получивший скудное образование, писавший с ошибками, он преклонялся перед литературой и литераторами.

В 30-е гг. Смирдина знала и ценила вся читающая Россия. Огромен был размах его книгоиздательской деятельности: он издал книг более чем на 3 млн руб. серебром, или примерно на 10 млн ассигнациями[26]. Его издания отличались удобным форматом, хорошей бумагой, тщательностью корректуры, четким шрифтом.

Впервые в русской печати Смирдин ввел постоянную полистную оплату авторского труда. Знаменитым писателям он выплачивал огромные гонорары. Пушкин, которого Смирдин боготворил, получал у него по червонцу за строку. По подсчету Н.П. Смирнова-Сокольского, из общей суммы заработанных литературным трудом денег около половины поэт получил от Смирдина[27]. Своей издательской политикой Смирдин вызывал к жизни новые труды. Некоторые сочинения были написаны в расчете на его содей-

ствие, как, например, «Картина человека» проф. Галича, за которую автор впоследствии получил Демидовскую премию[28].

Неутомимая и многогранная деятельность Смирдина на ниве русской культуры окончилась печально. С 40-х гг. на фоне общеэкономического кризиса проявились признаки застоя книгоиздания и книжной торговли. Проходила смена эпох в литературе, ужесточалась цензура, обострялась конкуренция среди издателей и книгопродавцев, многие разорялись. Трагедия Смирдина заключалась не в его ошибках, а в том, что он опередил свое время — преувеличил интерес русского читателя к книге и переоценил емкость книжного рынка. Покупатель, особенно в провинции, предпочитал авторским изданиям журнальные публикации. Смирдина начали преследовать финансовые неудачи, он испытывал трудности со сбытом готовой продукции. Положение усугублялось тем, что, будучи человеком «честным, добрым, простодушным» (П.В. Анненков), А.Ф. Смирдин безгранично доверял своим сотрудникам — пресловутым «триумвирам» Н.И. Гречу, Ф.В. Булгарину и О.И. Сенковскому, которые «владели его карманом, как арендой»[29]. В сентябре 1857 г., за три месяца до 50-летия его деятельности, «libraire gentilhomme» — благородный книжник, как называл его Пушкин, — скончался в нищете.

Во многом благодаря Смирдину в 30-е гг. в русском литературно-книжном деле происходит институционализация авторского гонорара. Тип писателя-аристократа, пишущего для собственного удовольствия и не стремящегося к материальному вознаграждению, становится, скорее, курьезным исключением. Исчезает и другой тип — поэт, который творит по заказу двора или мецената и рассчитывает на милость: доходную должность, повышение в чине, орден, подарок или, возможно, денежную оплату. Сходила на нет практика выделения субсидий от казны или Кабинета, которые получали некоторые писатели и журналисты, издатели и книгопродавцы на конкретные проекты.

Огромная роль в превращении писательского труда в профессию принадлежит Пушкину, который был одним из первых русских писателей-профессионалов. Последовательно отстаивая свои материальные интересы, он, занимавший в русской литературе центральное место, служил всему своему цеху. Пословицей стала фраза Пушкина: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать», которая отражает новые условия развития словесности в России. Занятие литературой из любительского досуга становится «отраслью честной промышленности», а ее продукт — предназначенные для печати произведения — своеобразным товаром со своей ценой. Сам поэт в 1836 г. так констатировал это принци-



Александр Филиппович Смирдин

пиальное изменение: «Литература стала у нас значительной отраслью промышленности лишь за последние двадцать лет или около того. До тех пор на нее смотрели только как на изящное аристократическое занятие»[30].

Новые социально-экономические условия пореформенной России повлекли за собой быстрый рост издательского дела. Развитие просвещения и культуры, оживление общественной жизни, буржуазная эволюция экономики страны — все это требовало значительного расширения выпуска книг и периодики и соответственно увеличения числа полиграфических предприятий. В 1865 г. было издано 1863, а два года спустя — уже 3388 названий книг; количество выпущенных в России непериодических изданий в 1860–1880-х гг. выросло в 5 с лишним раз. Неуклонно растет число печатных заведений: в 1861 г. в стране имелось 164 типографии, а в 1894 г. — 1315[31].

Развитие российского книгопечатания в пореформенное время тесно связано с эволюцией полиграфической техники. Подлинным переворотом в печати стало внедрение ротационных машин, которые по своей производительности превосходили обыкновенные плоскопечатные в 8–10 раз. Первая в России ротация была установлена в 1878 г. в типографии газеты «Новое время» в Петербурге, а к началу XX в. в крупных типографиях их имелось уже несколько десятков. Хотя механизация печатного дела проходила главным образом на основе зарубежного оборудования, получило развитие отечественное полиграфическое машиностроение. Наиболее крупным предприятием являлся Петербургский машиностроительный завод И.А. Гольдберга, основанный в 1864 г., ко-

торый за 13 лет выпустил 300 различных машин. В конце 60-х — начале 70-х гг. во всех крупных типографских заведениях устанавливаются паровые двигатели. Позднее механизировали одну из наиболее трудоемких операций в полиграфии — изготовление наборной формы, — а также брошюровочно-переплетные и отделочные процессы. Все это свидетельствует о завершении промышленного переворота в книгопечатании. Типографская мануфактура превратилась в фабричное производство.

Общественный подъем 60–70-х гг. сказался на разнообразии читательских запросов и как следствие — на репертуаре издаваемых книг. «Железнодорожная строительная горячка, оживленный интерес к фабричной промышленности, возникавшие чуть не каждый день проекты новых заводов — все это вызвало огромный спрос на книги по всем отраслям технологии и инженерных наук»[32]. По свидетельству Н.В. Шелгунова, «в шестидесятых годах точно чудом каким-то создался внезапно совсем новый небывалый читатель с общественным чувством, общественными мыслями и интересами, желавший думать об общественных делах, желавший научиться тому, что он хотел знать»[33]. Некоторое ослабление цензурного гнета позволило книгоизданию ответить на эти запросы. Стремительно повышается интерес к книгам экономической, общественно-политической и научной тематики. Средний тираж естественнонаучной книги вырос с 1200 экз. в 1869 г. до 2500 экз. в 1876 г.[34] Отдельными изданиями выходят сочинения Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева, Н.Г. Чернышевского, Н.И. Пирогова, Д.И. Менделеева, К.Д. Ушинского. Издательства печатают произведения западноевропейских экономистов, философов, естествоиспытателей — Ч. Дарвина, Т. Гексли, К. Фохта, Я. Молешотта, Ф. Шлоссера. Демократическая идея популяризации науки, подхваченная многими издателями, воплощалась по двум направлениям: с одной стороны — издание познавательной литературы, доступной широким массам (Ф.Ф. Павленков, П. П. Сойкин, В.В. Битнер); с другой — публикация монографий (М.О. Вольф, В.О. Ковалевский, О.Н. Попова, М. и С. Сабашниковы).

К 1890-м гг. по общему числу выпускаемых изданий Россия отставала лишь от Франции и Германии, при этом в несколько раз уступая им в количестве названий на душу населения. В 1895 г. на русском языке вышло 8728 названий книг (ср.: в 1814 г. — 234 названия)[35].

В середине века зарождается демократическое «идейное» книжное дело. Важнейшую роль в становлении неподцензурной печати сыграли А.И. Герцен и Н.П. Огарев, основавшие Вольную русскую типографию (1853–1865, Лондон; 1865–1872, Женева). Кроме

периодики («Полярная звезда», «Колокол», «Общее вече») они выпускали и книги. Впервые были переизданы «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, «Думы» К.Ф. Рылеева и др. Тесная связь Герцена с корреспондентами на родине позволяла ему откликаться на актуальные события. Доставка и распространение в России герценовских изданий были сопряжены с большим риском. Их маскировали под переплетами других книг, доставляли в ящиках с двойным дном и т. п.[36] Некоторые книготорговцы, сочувствовавшие революционным идеям, помогали распространять заграничные издания[37]. В радикально настроенной среде начали создаваться нелегальные типографии. Первый такой опыт принадлежит студентам Московского университета (1859–1861)[38]. В Петербурге действовали типографии «Великоросса», «Карманная типография» П.Д. Баллода и др. Подпольное книгоиздание было налажено обществом «Земля и воля», которое издавало книги и за границей — в Лондоне, Лейпциге, Штутгарте, Женеве. Эти и другие тайные организации печатали прокламации, листовки, брошюры. В начале 70-х гг. активную издательскую деятельность в Петербурге и Цюрихе (затем в Женеве) вел «Кружок чайковцев». Со второй половины 70-х гг., по мере развития движения рабочих, появляются их нелегальные типографии, а с 80-х гг. — тайные печатные заведения марксистов, социал-демократов. В целях конспирации нелегальные издания нередко публиковались под вымышленными названиями, имели фиктивные выходные сведения и снабжались пометами об одобрении цензурой. Печатная продукция, выпущенная революционными организациями, по своему объему была незаметна на книжном рынке (да и распространялась чаще всего минуя рынок). Но она сыграла немалую роль в подготовке и ускорении серьезных общественных процессов.

В 60–70-е гг. действовали и легальные «идейные» издательства Н.А. Серно-Соловьевича, И.П. Огрызко, Н.Л. Тиблена, О.И. Бакста, Н.П. Полякова и др. Полицейские преследования — аресты, ссылки, конфискации, штрафы, судебные процессы — не позволяли им широко развернуть дело.

Под влиянием революционных идей начинал в 1886 г. свою издательскую деятельность Ф.Ф. Павленков. Однако будучи убежденным демократом-просветителем, он сумел отойти от «крайнего» направления и превратил свое предприятие в крупную финансово-устойчивую фирму. Павленков выпускал художественные, учебные, научно-популярные книги. Особой известностью пользовалась его серия «Жизнь замечательных людей» (вышло более 200 биографий тиражом свыше 1,5 млн экз.); семь изданий выдержал его однотомный «Энциклопедический словарь», который Н.А. Рубакин назвал «маленькой народной энциклопедией»[39].

К демократическому направлению в книгоиздании принадлежал К.Т. Солдатенков — один из богатейших людей России, промышленник-меценат. Его взгляды сложились под влиянием кружка Т.Н. Грановского. Русская культура обязана Солдатенкову изданием многих отечественных и переводных фундаментальных трудов, прежде всего в области гуманитарных наук, а также памятников мировой и русской классики. Солдатенков ориентировался на разночинную интеллигенцию и продавал свои книги иной раз ниже себестоимости[40].

Книгоиздательская деятельность в провинции была сосредоточена в городах, прежде всего в губернских столицах. С 1855 по 1881 г. она в целом выросла в 13 раз (185 и 2401 названий соответственно), хотя в общероссийском книжном репертуаре провинциальная продукция составляла лишь около трети[41]. Наибольшее развитие книгоиздание получило в университетских городах, крупных «культурных гнездах» — Казани, Харькове, Одессе. Слабее оно было налажено в таких губернских центрах, как Ярославль, Воронеж, Саратов, Нижний Новгород. Преобладала же масса небольших провинциальных городов губернского значения, в которых местное книгоиздание было развито крайне слабо[42].

Неотрывным элементом отечественной книжной культуры стала лубочная продукция, на протяжении веков служившая духовной пищей народа. Центром производства лубка была Москва, где еще с середины XVIII в. имелась крупная фабрика купца Ахметьева, на которой работали главным образом крестьяне из подмосковных сел. В XIX в., с внедрением литографии, лубочное производство принимает большой размах. Известен целый ряд крупных печатных заведений: А.В. Морозова, А.А. Абрамова, Е.Я. Яковлева, П.Н. Шарапова, И.А. Голышева (в слободе Мстера Владимирской губернии).

Владельцы лубочных заведений привлекали жителей окрестных деревень, обычно женщин и подростков, которые за ничтожную плату грубо и примитивно расцвечивали лубки «по носам». Как правило, применялись 4–5 ярких красок, без смешения[43]. Благодаря такой «штучной» технике не было двух одинаково раскрашенных лубков. В Мстере с открытием литографии Голышева раскраска — «цвVетка» — стала господствующим промыслом населения. Внедрение хромолитографии в 1880-е гг. изменило внешний облик лубка. Краски стали более разнообразными, рисунок исполнялся профессиональными мастерами. Но вместе с тем утратились наивность и оригинальность лубочных картинок, составлявшие их своеобразие и прелесть. В последние десятилетия века лубок все более сближается с профессиональным искусством, утрачивая свою самобытность и народный характер[44].

Исследователи русского лубка отмечают исключительное разнообразие его тематики: «Здесь найдете олицетворенными догмат, молитву, четью, нравоучение, притчу, сказку, пословицу, песню, словом, все, что пришлось по духу, нраву и вкусу нашего простолюдина, что усвоилось его понятию, что составляет предмет ведения, назидания, обличения, утешения и любопытства миллионов»[45]. В лубке печатались иллюстрации к сказкам и басням, забавные листы-картинки с текстом, часто стихотворным[46]. Широкое распространение получили исторические листы, изображающие события прошлой и современной жизни: картины из жизни Петра I, А.В. Суворова, листы, прославляющие подвиги воинов в 1812 г. («Русский ратник Гвоздила и милицей-мужик Долбила»)[47], в обороне Севастополя, в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Большой популярностью пользовались портреты членов царской семьи, а также виды русских и иностранных городов. С давних времен народ любил сатирические, шутовские картины, которые высмеивали человеческие слабости — скупость, лень, неверность, глупость, мотовство, щегольство и т. п. В военное время печатались карикатуры на врагов. Большая группа лубочной продукции представляла собой картины духовного, религиозно-нравственного содержания — притчи, жития святых, картины из Библии. Выпускались назидательные лубки («Жизнь и пути праведника», «Пьянство — злейший враг»). Во многих крестьянских избах наряду с иконами или вместо них хранились картины с изображением Христа, Богородицы, святых. Подобная продукция печаталась и в типографиях монастырей — Киево-Печерского, Почаевского,





Титульные листы популярных в народе книг

Соловецкого. С середины столетия появляется еще одна группа картин — иллюстрации к известным литературным произведениям: «Юрию Милославскому» М.Н. Загоскина, стихотворениям А.В. Кольцова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, произведениям Н.В. Гоголя, А.К. Толстого, а также иллюстрированные тексты русских народных песен и романсов («Не брани меня, родная...», «Куда ты, друг мой, уезжаешь на тот погибельный Кавказ...»). Позже картины этого рода снабжаются нотами. Упомянем также календари и предсказания (к примеру, картина «Соломон» со 100 изречениями). Наконец, необходимо отметить агитационные лубки, которые выпускались по заказу правительства с целью убедить население в пользе какого-либо мероприятия[48].

Лубочная книга родилась из лубочной картины. Текст, которым непременно снабжался каждый гравированный лубок, стал прообразом лубочной книги.

В середине XIX в. начинается интенсивный процесс образования особых предприятий, сыгравших важную роль в формировании круга чтения народных масс. Появляется категория издателей, характерной особенностью которых являлось то, что они обычно были выходцами из той же среды, что и их читатели, и хорошо знали запросы потребителей лубочной литературы. Эти издатели не задавались целью просвещать, учить мужика — их единственной задачей было угодить его вкусу и выгодно продать свою продукцию. Даже крупнейшие из них иногда до конца жизни оставались малограмотными. Число издателей-лубочников велико. В 1860–1890-е гг. работало более 100 предприятий такого рода. Главными центрами производства и оптовой торговли лубочной книгой стали Москва, Петербург и Киев. Крупнейшие фирмы: П.Н. Шарапова, Е.А. Губанова, И.А. Морозова, А.И. Манухина, С.И. Леухина, Г.Т. Бриллиантова, позднее И.Д. Сытина — сосредоточивались в Москве на Никольской улице.

Лубочная продукция отличалась дешевизной, поскольку техника производства и организация труда были просты и патриархальны: практически отсутствовали корректура и гонорары, расходы на распространение оставались незначительными. Обычный тираж лубочной книжки составлял 20–50 тыс. экз., но иногда он мог доходить и до 100 тыс. Календари же печатались по 200, 300 и даже 600 тыс. экз. С 1880-х гг. крупнейшим лубочником России стал И.Д. Сытин. В 1895 г. им было выпущено 116 названий лубочных книг общим тиражом 1 236 700 экз.[49] Принимая во внимание число издательств, огромные тиражи и большое количество переизданий, можно утверждать, что книжный рынок был заполнен лубочной литературой, интересной и желанной народу.

Репертуар русской лубочной книги отличался большим многообразием, но в нем можно выделить три основных направления. Первое — духовно-нравоучительная литература: жития, «праздники», назидательные проповеди. На ее выпуске специализировались петербургские издатели Апраксина рынка. Второе, более обширное направление, — художественные произведения. Требования к «литературе Никольской улицы» выполнялись издателями неукоснительно: кричащее заглавие, занимательный сюжет с поучительным элементом, яркие картинки, пестрая «сорочка» (обложка). По словам Сытина, «в моде были только три типа повестей: очень страшное, или очень жалостливое, или очень смешное»[50].

Среди писателей-«подворотников» были люди по-своему талантливые, но часто опустившиеся, которые поставляли подобную продукцию за мизерную плату, а иногда за угощение. «Народный роман, народная повесть создавались, так сказать, в литературном подполье, куда никогда не проникал луч света и куда никто из настоящих писателей даже не заглядывал»[51]. Для привлечения покупателей авторы бесцеремонно переделывали произведения известных писателей, снабжая их хлесткими заглавиями. Так, Е.А. Губанов издал обработанный отрывок из эпопеи П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» под названием «Пещера в лесу, или Труп мертвеца». Переделки гоголевской «Страшной мести» выходили как «Три ночи у гроба», «Страшный колдун», «Кровавое мщение», а «Тараса Бульбы» — как «Тарас-Черномор» и «Приключения казацкого атамана Урвана».

К этой же группе лубочных книг относятся произведения, которые восходят к рыцарским и авантюрным романам и связаны с традиционной житийной литературой и фольклором. Со второй половины XVIII в. пользовались народной любовью «Повесть о Бове Королевиче», выдержавшая с 1760 по 1917 г. более 200 изданий, «История о храбром рыцаре Францыле Венециане и о прекрасной королевне Ренцывене», «Повесть о славном воре Ваньке Каине», «Сказка о Еруслане Лазаревиче», «Повесть о приключениях английского Милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фридерики Луизы», с легкой руки Н.А. Некрасова названного «милордом глупым».

Еще одно, третье направление лубочной литературы — «обиходные» книги, т.е. комплекс, включающий всевозможные гороскопы, сонники и оракулы[52], гадательные книги, письмовники, песенники[53], сборники анекдотов, самоучители[54], псевдоисторические произведения[55], «восстановители здоровья», а также календари, часто бывшие для неискушенного читателя единственным источником сведений о мире, лечебники[56]. Едва ли не поло-

вину подобной издательской продукции составляли популярные «альбомы любви и наслаждений»[57]. Эти издания были рассчитаны главным образом на городскую мещанскую среду. Хотя «лакейская» литература стоила значительно дороже деревенской лубочной книжки, она пользовалась неизменным спросом.

XIX век породил либерально-народническую традицию снисходительного и даже презрительного отношения к лубочной книге, идущую от Н.А. Некрасова, Н.К. Михайловского, Л.Н. Толстого. Словосочетание «манухины-леухины» стало символом низкопробной издательской продукции. Отмечая известную трафаретность, безграмотность текстов, небрежность полиграфического исполнения лубка, нельзя не признать его несомненное обаяние, соответствие народному вкусу. Лубочная литература обладала притягательной силой для простого читателя, она импонировала ему своей близостью к фольклору, фантастичностью, патриотизмом. Его воображение пленялось рассказами о подвигах и приключениях, о «высоких чувствованиях». Лубочная книга формировала в народе привычку к чтению, создавала условия и предпосылки для книжного просвещения.

С 60-х гг. расширяется общественная и частная просветительная инициатива. Зарождается так называемая «народная книга», издаваемая правительством и интеллигенцией для «низового читателя», в первую очередь крестьянства, преследующая образовательные, нравственно-назидательные цели. Разворачивают свою деятельность комитеты и общества грамотности, комиссии народных чтений. Они выпускали дешевые издания русских классиков, учебную литературу. Религиозная книга издавалась Обществом распространения полезных книг, некоторыми духовными журналами, Библейским обществом. В 1862 г. попытку издания литературы для народа предпринял Н. А. Некрасов, начав выпуск серии «Красные книжки» (вышли только две — стихотворения самого поэта). Последовали этому примеру и некоторые издательские фирмы, например «Товарищество общественной пользы» (1862), «Народные издания» И.В. Фандер Флита и А.Г. Кочетова (1872), «Народная библиотека» В.Н. Маракуева (1852).

Эти и подобные им попытки вытеснить лубочную литературу не имели большого успеха по нескольким причинам. Прежде всего интеллигенция плохо знала народ и его запросы; как уже отмечалось, она свысока относилась к традиционной литературе. Между тем, по глубокому наблюдению Ф.М. Достоевского, от книги народ требовал не только серьезного, поучительного, «но еще более — занимательного, — такого, что противоречило его суровой и однообразной действительности». Народный читатель отвергал написанное «барами»[58]. Неудача опытов по созданию об-

щедоступной книги заключалась и в ее сравнительно высокой цене, неброском оформлении, а также в неумении довести ее до потребителя.

Эти недостатки были учтены издательством «Посредник», организованным в 1884 г. по инициативе Л. Н. Толстого. Издательству бесплатно передали свои произведения Д.В. Григорович, В.Г. Короленко, А.П. Чехов. Книги оформлялись рисунками И.Е. Репина, Н.Н. Ге, В.И. Сурикова, А.Д. Кившенко. «Посредник» боролся с лубочной книгой на ее «поле». Он усвоил ее внешний вид — постоянный формат, красочную картинку на обложке, крупный шрифт. Книги имели спрос, так как были написаны простым языком, стоили дешево (1—5 коп., причем цена на обложке не проставлялась, что было важно для офеней). Причина успеха лежала и в сотрудничестве с И.Д. Сытиным, который взял на себя производство и распространение книг.

Деятельность «Посредника» вызвала подражания. По аналогичному пути пошли А.М. Калмыкова, В.Я. Муринов, М.М. Ледерле, И.В. Жиркова и др. Прекращение авторских прав на произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.В. Кольцова дало возможность «пустить» их в народ по баснословно низкой цене[59]. К концу века соотношение лубочных и народных книг меняется. Если в 1887 г. удельный вес лубочной литературы в ее совокупном объеме составлял по числу названий 65,5 и по тиражам 55,4%, то в 1895 г. — соответственно 24,5 и 33,2%[60].

С середины XIX в. в России появляются издатели новой формации, которые развернули дело на настоящей коммерческой основе. Они стремились овладеть книжным рынком, диктовать свои цены, размеры скидок, правила торговли. Среди выдающихся издателей второй половины столетия — М.О. Вольф. Известно высказывание о нем Н.С. Лескова: «Маврикий Единственный — царь русской книги. Его армия разбросана от Якутска до Варшавы, от Риги до Ташкента, в его руках судьба литературы»[61]. Вольф изучал книжное дело в лучших фирмах Польши, Франции, Германии, затем у Я.А. Исакова в Петербурге. Он издал свыше 150 книг на польском языке, имевших большой успех в Литве и Польше. В 1853 г. Вольф открывает собственный магазин, в 1856 г. — типографию, а в 1858 г. приобретает словолитню Ревильона. В 1853 г. он выпускает свою первую русскую книгу и энергично разворачивает дело. Являясь, по его собственным словам, врагом тенденции в книгоиздании, Вольф стремился охватить все стороны жизни, нащупать и заполнить имеющиеся пробелы, издавать и «предметы необходимости», и «предметы роскоши». Всего им было выпущено более 5 тыс. названий книг.

М.О. Вольф напечатал ряд капитальных научных сочинений (переводных и оригинальных) по точным, прикладным и естественным наукам, философии, истории, в том числе 18-томную «Всемирную историю» Ф. Шлоссера, произведения Ч. Дарвина. Он издал множество книг русских и зарубежных писателей. Его большой заслугой следует признать публикацию второго издания 4-томного «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, значительно дополненного по рукописям автора. Первым в России Вольф стал выпускать по подписке дорогие «роскошные» художественные издания de luxe — «Библию» и «Божественную комедию» Данте с иллюстрациями Г. Доре, «Фауста» И.В. Гёте, «Волшебные сказки» Ш. Перро, «Молитвослов» с рисунками акад. Ф. Солнцева, «Картинные галереи Европы» и др.

Большое место в деятельности Вольфа занимало издание изящных и красивых детских книг, которых он выпустил несколько сотен. Это были книги самого разнообразного содержания — от книг-картинок до серьезных сочинений. Правда, несмотря на то что Вольф предпринял издание дешевых серий — «Розовой» и «Зеленой библиотек», — большинство книг оставались недоступны для среднего обывателя из-за высокой цены.

М.О. Вольф был осторожным издателем, не идущим на неоправданный риск, и в то же время он не только отвечал на покупательский спрос, но и активно воздействовал на его формирование, стремился вызвать интерес к своим книгам. Вольф не являлся ни меценатом, ни «идейным» издателем, однако неверно было бы представлять его как коммерсанта, пекущегося только о прибыли. Он упорно доводил до конца свое «дорогое детище» — убыточное многотомное издание «Живописная Россия». Не раз он имел неприятности с цензурой, а выпуск антинигилистского романа Н.С. Лескова «Некуда» можно назвать актом гражданской смелости (после его выхода и издатель и писатель стали получать анонимные угрожающие письма).

Многие приемы работы Вольфа воспринял А.Ф. Маркс — один из крупнейших русских издателей. Он также прошел школу ученичества в солидных немецких фирмах, затем у петербургского книгопродавца Ф.А. Битепажа и у Вольфа. В 1870 г. Маркс начинает издание еженедельного иллюстрированного журнала для семейного чтения «Нива», ориентируясь на среду, перспективную в качестве читательской аудитории, — на российского «бюргера». Журнал имел широкую программу. Основное место в нем отводилось популярным современным авторам, позднее появились произведения А.П. Чехова, Н.С. Лескова, Л.Н. Толстого, И.А. Бунина, Д.С. Мережковского и других крупных писателей. Всего за первые



Иван Дмитриевич Сытин

30 лет на страницах журнала и его приложений было напечатано около 1500 романов, повестей и рассказов, примерно 1000 стихотворений, свыше 2000 биографий, почти 800 исторических очерков[62].

Жесточайшая конкуренция и борьба за читателя привели Маркса к идее «премирования» подписчиков бесплатными приложениями — сначала в виде художественных репродукций, а затем — собраний сочинений лучших отечественных и зарубежных авторов[63]. В качестве приложений давались парижские моды с выкройками, рисунки для рукоделия, карты железных дорог и т. п. Гратификация, впервые так широко примененная в русской издательской практике, резко повысила подписку на журнал. Ежегодный тираж «Нивы» достиг небывалой цифры — 250 тыс. экз. Из приложений составлялись домашние библиотеки по всей стране, в том числе людьми, которые ранее не были покупателями книг, а тем более многотомных собраний сочинений. «Ниву» — первый массовый всесословный журнал — можно было найти не только в семьях интеллигенции и августейших особ, но и в домах рабочих и крестьян[64].

Книгоиздательство Маркса носило универсальный характер. Он выпускал книги по естествознанию, истории, искусству, гео-

графические атласы, издал ряд подарочных иллюстрированных книг крупного формата («Потерянный и возвращенный рай» Дж. Мильтона, «Фауст» И.В. Гёте, «Мертвые души» Н.В. Гоголя, «История искусств» П.П. Гнедича и др.). Особенно широко Маркс выпускал художественную литературу. Им было приобретено право на издание сочинений многих русских писателей. Хотя специалисты отмечают не всегда высокий уровень редакционной подготовки изданий Маркса (в них встречались искажения, пропуски), его заслугой стал планомерный массовый выпуск сравнительно дешевых книг писателей классиков и современников[65].

Основателем характерной монополистической фирмы газетного, книгоиздательского и книготоргового дела был А.С. Суворин. Крестьянский сын, провинциальный учитель, затем журналист, писатель, драматург, он начал издательскую деятельность печатанием популярного «Русского календаря». Еще в конце 60-х гг., почувствовав большие возможности книжного дела в России, он сказал М.О. Вольфу: «Будь у меня капитал, я бы наводнил книжный рынок огромным числом книг... ведь теперь, после освобождения крестьян, для русской книги открывается огромное поле...»[66] В 1876 г. Суворин приобрел газету «Новое время», затем он становится владельцем типографии и книжного магазина (впоследствии открывает магазины в крупнейших городах России и в Софии, а также сеть киосков на железных дорогах).

Беспримерный успех у разночинного читателя — «большой публики маленьких кошельков» (В.Г. Авсеенко) — имела предпринятая Сувориным в 80-е гг. общедоступная серия «Дешевая библиотека». В нее вошли произведения русских и зарубежных авторов, античных классиков. Аккуратно изданные книжки карманного формата с цветными обложками стоили от 8 до 40 коп. и выходили большими тиражами. До 1900 г. было напечатано 4 млн экз. книг «Дешевой библиотеки»; 300 из 400 выпущенных за это время Сувориным изданий приходилось на долю данной серии[67]. Громким событием стало издание 10-томного Собрания сочинений А.С. Пушкина ценой в полтора рубля, которое Суворин сумел первым выпустить в 1887 г., после окончания 50-летнего срока действия авторских прав. За один день было продано 10 тыс. экз.[68]

Доход от «Дешевой библиотеки» позволял Суворину издавать самую разнообразную литературу — от Шопенгауэра до кулинарных книг. Он печатал исторические сочинения, мемуары, художественную литературу, книги по искусству, впервые начал выпускать адресно-справочные издания типа «Вся Россия», «Весь Петербург», «Вся Москва», которые не уступали зарубежным аналогам. Будучи страстным библиофилом, собравшим большую кол-

лекцию редких книг и гравюр, Суворин предпринял выпуск ряда дорогих библиофильских изданий. В 1888 г. он печатает первое подцензурное факсимильное воспроизведение книги А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» 1790 г. Книга стала настоящим прорывом: несмотря на то что она вышла тиражом всего 99 экз. и стоила 25–60 руб. в зависимости от формата и бумаги, ее общественное значение было велико.

Масштабность и противоречивость личности Суворина как бы проявлялись в его издательском репертуаре. В нем профессионализм сочетался с дилетантством, и, подобно любому дилетанту, он делал только то, что его занимало в данный момент, часто полагаясь на интуицию[69]. Консервативные политические позиции Суворина не оставляли равнодушными современников: его называли «двуликим Янусом», «Наполеоном русского книжного дела». Но несомненно, что наряду с А.Ф. Марксом Суворин очень много сделал для пропаганды и распространения отечественной и зарубежной литературы.

Крупнейшим предпринимателем-книжником дореволюционной России был И.Д. Сытин. Сын крестьянина, он начал свою карьеру традиционно, «мальчиком» в лавке московского купца-лубочника, а уже через десять лет, в 1876 г., заводит собственную литографию и специализируется на издании лубочных картин, а затем и книг. Вышедший из низов, Сытин прекрасно знал народные вкусы и умел их удовлетворять. Он привлек тысячи офеней-коробейников и к началу XX в. стал монополистом в издании и торговле народными книгами. Обладая «гибкостью ума и души» (М. Горький), Сытин сочетал в своей деятельности трезвый коммерческий расчет с просветительской идеей. Он говорил, что его мечта — «чтобы народ имел доступную по цене, понятную, здоровую, полезную книгу»[70]. В деле выпуска народных книг Сытин сотрудничал с издательством «Посредник» Л.Н. Толстого и В.Г. Черткова, с Харьковским обществом распространения грамотности, с Комитетом грамотности в Петербурге, с Объединением библиотекарей. Вся Россия знала его как «народного издателя»[71]. Он выпускал календари, практические руководства для крестьян и кустарей, детские книжки и наглядные пособия, религиозную литературу. Расширяя рынок народной книги, Сытин содействовал демократизации культуры, стремился сделать достоянием широких масс и лучшие произведения русской литературы, и достижения научной мысли, облекая их в популярную форму. Став крупнейшим издателем учебной книги, он привлек к созданию букварей и учебников лучших педагогов и ученых. Без В.П. Вахтерова, Н.В. Тулупова, Н.А. Рубакина Сытин не смог бы осуществить

свою просветительскую программу. Выпущенный им «Букварь» А.А. Брайковского был настолько популярен, что переиздавался с дополнениями и изменениями в течение 35 лет, а «Русский букварь» В.П. Вахтерова выдержал 118 изданий.

Далеко не все издаваемое Сытиным отличалось высоким качеством. Ему мешал недостаток образования, известная стихийность, часто он поддавался соблазну чисто коммерческого расчета, печатая огромными тиражами на самой дешевой бумаге всевозможные сонники, оракулы, псевдопатриотические лубки и тому подобную продукцию, но именно она давала большую прибыль, которая шла на издание предельно дешевых «культурных» книг, отличавшихся высоким уровнем полиграфического исполнения. Выпущенные им дешевыми массовыми изданиями Собрания сочинений Гоголя, Пушкина, Толстого, Чехова и других писателей были изданы аккуратно и красиво.

Созданное в 1893 г. акционерное «Товарищество печатания, издательства и книжной торговли И.Д. Сытина» может служить классическим примером монополизации в русском книжном деле[72]. Наделенный выдающимся организаторским талантом, Сытин сумел создать высокоэффективное предприятие, которое из года в год наращивало выпуск книжной, газетной, журнальной, листовой продукции.

Успехи в области естествознания и техники, развитие наук и искусств, все большая дифференциация знаний закономерно приводили к появлению наряду с универсальными специализированных издательств. Специализация редко бывала стопроцентной, чаще всего издатели сосредоточивались на двух-трех в основном смежных областях. Такая политика позволяла, не рискуя капиталами и ориентируясь на узкий сегмент книжного рынка, усилить свои позиции в конкурентной борьбе. Благодаря специализированным фирмам последовательно заполнялись пробелы в книжном репертуаре, более тонко и точно удовлетворялись запросы различных групп читателей.

С 1861 г. действовало крупнейшее издательство медицинской литературы К.Л. Риккера, которое выпускало также книги по техническим, естественным наукам, специальные календари, журналы, газету. А.Ф. Девриен с 1872 г. специализировался на сельскохозяйственной, естественнонаучной и детской книге. Литературу по военному делу выпускал В.А. Березовский (с 1879 г.), книги по изобразительному искусству — И. Н. Кнебель (с 1895 г.), изданием учебников для средней школы занималась фирма братьев Салаевых — В.В. Думнова (существовала с 1828 г.), детских книг — А. Д. Ступин (с 1882 г.). Крупнейшим частным карто-

графическим издательством владел А. А. Ильин (с 1859 г.). С целью выпуска «Энциклопедического словаря» в 1889 г. было образовано совместное немецко-российское издательство Ф. А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В историю русской культуры вписано имя крупнейшего издателя нотно-музыкальной литературы П. И. Юргенсона (с 1861 г.) — мецената и друга многих композиторов. Замечательные образцы научной книги как естественного, так и гуманитарного направления дало издательство М. и С. Сабашниковых (с 1891 г.).

Начиная с 80—90-х гг. усиливается процесс монополизации в книжном деле. Особенно высокой была степень концентрации производства в полиграфии. Так, на долю шести крупнейших предприятий в 1894 г. приходилось 43, а в 1898 г. — 52,4% всей печатной продукции, выпущенной в Москве[73]. Существовало два вида капиталистических объединений: торговые дома (товарищества полные и товарищества по вере) и акционерные компании (паевые товарищества). Последние стали преобладающей организационной формой в книжном деле[74]. Несмотря на то что в общем финансово-промышленном потенциале России их роль была ничтожна, отрасль отличалась от прочих характером своей продукции, что вызывало особое внимание к ней со стороны властей — цензуры, администрации, полиции. Правительство проводило дискриминационную политику по отношению к книжному делу. Так, например, типографии и литографии считались не торговыми (т. е. коммерческими) предприятиями, а относились к так называемым «художественным» заведениям, не связанным с хозяйственной деятельностью. Юридическая неполноправность владельцев печатных заведений лишала их возможности получения банковского кредита, котировки акций на фондовой бирже; их векселя принимались банками ограниченно[75]. В аналогичном положении находились издатели и книготорговцы.

В 1883 г. большая группа деятелей книжного дела, заинтересованных в повышении престижа своей профессии, инициировала создание Русского общества книгопродавцев и издателей (РОКИ). Оно поставило себе целью облегчение взаимных деловых сношений, представительство перед властями, устройство центрального книжного склада, справочного бюро и т. п.[76] Общество издавало журнал «Книжный вестник», несколько раз выступало перед правительством с разными предложениями, но особого успеха не имело, поскольку страдало от борьбы между издателями и книготорговцами, между крупными и мелкими, столичными и провинциальными, петербургскими и московскими книжниками. РОКИ не сумело стать влиятельным корпоративным объединением, так

же как и созданное в 1895 г. Русское общество деятелей печатного дела. Не оставил заметных следов в области организации книжного рынка и Первый съезд русских деятелей по печатному делу (1895). Предпринимались шаги и в области подготовки издательских кадров: с 1884 г. в Петербурге действовала школа печатного дела Русского технического общества, позже была открыта школа при типографии «Нового времени», а с 1895 г. действовали торговые классы РОКИ. Однако отсутствие солидарности, косность и апатия основной массы русских книжников, неразработанность законодательства, отсутствие правовой защиты, цензурный и налоговый гнет — все это сводило на нет попытки лучших представителей книжного дела обрести профессиональное самосознание.

Настоящим парадом достижений в области книги конца XIX в. стала Первая Всероссийская выставка печатного дела, организованная в 1895 г. Русским техническим обществом. На ней были представлены все отрасли современной полиграфической промышленности: граверное, словолитное и переплетное дело, бумажное производство, печать и набор, оформление книги, профессиональные школы. В экспозиции участвовали крупнейшие издатели, типографы, книготорговцы, библиофилы со своими коллекциями, художники книги, библиотеки. Общественным событием ее делали лекции и дискуссии по проблемам книжного дела[77]. Она стала не только «праздником типографского станка», но и еще одним шагом к осознанию русскими деятелями книги своих прав и общественного предназначения.

* *
*

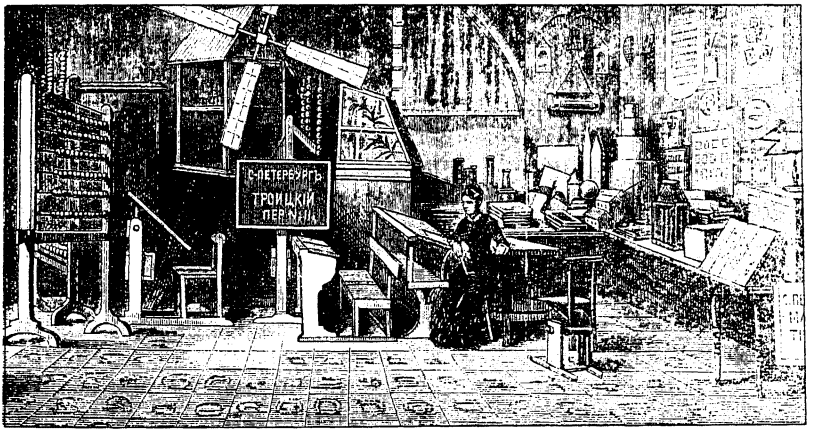
В конце XVIII в. благодаря неутомимой деятельности Н.И. Новикова русская книжная торговля достигла значительных успехов. В Москве число книжных лавок возросло до двадцати. Они отличались высоким по тому времени уровнем обслуживания. После разгрома книжного дела Новикова в начале 90-х гг. его товарищи и ученики продолжали торговлю уже не с прежним размахом. Первое десятилетие XIX в. для московских книжников было «восстановительным», а после войны 1812 г. многим и вовсе пришлось начинать с нуля.

Расцвет книжной торговли, как и издательский, падает на 1830-е гг., когда в России насчитывалось более 100 частных книжных лавок[78], заполненных покупателями, среди которых «стали показываться аристократы и люди высшей администрации, до того времени в руки не бравшие русских книг, зимою появля-

лись в значительном числе помещики, покупавшие за раз на большую сумму книг»[79]. Начинает предъявлять устойчивый спрос на книгу разночинное население.

В Москве центр книжной торговли после 1812 г. от Спасского моста на Красной площади переместился на Никольскую улицу, к Заиконоспасскому монастырю. Второй центр находился на Кузнецком мосту, где располагались преимущественно иностранные книготорговцы[80]. Книжные развалы размещались на Сухаревском и Смоленском рынках, у ворот Китай-города на Старой площади. В Петербурге русские книгопродавцы открывали свои лавки в Гостином дворе и его окрестностях, а иностранцы — на Невском проспекте, в 1-й Адмиралтейской части и на Васильевском острове.

Книжная торговля первых десятилетий XIX в. носила в целом патриархальный характер. Большинство книгопродавцев выходили из низов и начинали свой путь с «мальчиков» в книжных лавках. Часто малообразованные и малокультурные, они пользовались примитивными приемами работы. У дверей лавок стояли зазывалы, в торговых рядах шла торговля из «шкапчиков», ларей, рундуков, будок. О «закоснелом невежестве» русских книгопродавцев писали современники[81]. В дворянской среде большей популярностью пользовались заведения иностранцев, преимущественно французов, в которых был организован предварительный заказ на книги и, как правило, велась торговля картинами, антиквариатом, музыкальными инструментами[82]. К тому же широкое распространение иностранных языков делало устойчивым спрос на зарубежные издания. В начале века многие иностранные кни-



Выставка-продажа учебных пособий

готорговцы Петербурга держали при книжных лавках платные кабинеты и библиотеки для чтения в расчете на расширение круга клиентов. Эти «cabinets de lecture» посещались культурной элитой. Обычно они открывались в аристократических частях города и отличались тщательным подбором книг на нескольких языках[83]. После 1812 г. стали открываться русские библиотеки-читальни, самой значительной из которых была библиотека В.А. Плавильщикова — А.Ф. Смирдина, сыгравшая значительную роль в истории русской культуры[84].

Немало русских книгопродавцев успешно соперничало с иностранцами, удельный вес которых на книжном рынке с течением времени уменьшился. В Москве с 1813 г. университетскую книжную лавку арендовал А.С. Ширяев. Он занимался и издательской деятельностью, собрал уникальную библиотеку старопечатных книг, впоследствии приобретенную Академией наук, и издал ее каталог. Ширяев был членом нескольких научных обществ, комиссионером многих организаций, занимался благотворительностью. Именно в лавке А.С. Ширяева начал свою деятельность 13-летний А.Ф. Смирдин и по его рекомендации поступил приказчиком к В.А. Плавильщикову в Петербурге. Их деловые связи не прекращались и в последующие годы[85].

Значительное место в русской культуре первой четверти XIX в. занял В.А. Плавильщиков. В 1815 г. он открыл в Петербурге первую русскую библиотеку для чтения при магазине, которой писатели могли пользоваться бесплатно. (Интересно, что его магазин был первым в России отапливаемым книготорговым заведением. До этого продажа книг велась в холодных лабазах, что снижало число покупателей, особенно зимой.) Современники ценили в нем честного коммерсанта, преданного литературе: «его магазин представляет тихий кабинет Муз, где собирались Ученые и Литераторы делать выправки, выписки и взаимно совещаться...»[86]

Типичный для большинства русских книготорговцев путь от ученика в книжной лавке и разъездного ярмарочного агента до владельца собственного предприятия в Гостином дворе прошел И.Т. Лисенков. Его лавку любили посещать Н.И. Гнедич, А.С. Пушкин, И.А. Крылов, Ф.В. Булгарин и многие другие литераторы. Он занимался также издательской деятельностью, наиболее известное его издание — «Илиада» Гомера в переводе друга Лисенкова Н.И. Гнедича[87].

Характерна и карьера самого крупного петербургского книгопродавца-издателя 40–50-х гг. Я.А. Исакова. Он начинал «мальчиком» у торговца старыми книгами и, приобретя в рассрочку лавку своего покойного хозяина, постепенно расширил дело. Его особой

заслугой стала организация широкой торговли иностранными книгами. Он заводил связи с зарубежными фирмами, держал в Париже постоянного представителя и значительно снизил цены, что позволило ему успешно конкурировать с книгопродавцами-иностранцами. При магазине им была открыта библиотека для чтения иностранных книг с бесплатным пользованием для постоянных покупателей. Магазин Я.А. Исакова славился образцовой постановкой дела, он стал школой для таких книжников, как М.О. Вольф, Ф.А. Битепаж, братья Мартыновы[88].

Переворот в русской книжной торговле связан с именем А.Ф. Смирдина. С юных лет служивший в московских и петербургских книжных лавках, в 1825 г. он унаследовал дело своего хозяина и учителя В.А. Плавильщикова и смог, расширив предприятие, стать крупнейшим книгопродавцем своего времени. Деятельность Смирдина способствовала созданию Всероссийского книжного рынка. Благодаря ему не только столичный, но и провинциальный читатель получил недорогие и добротные издания.

А.Ф. Смирдин во многом был новатором, осуществив целый ряд нововведений. Так, первым в России он ввел широкую торговлю книгами по почте, практиковал продажу по предварительным заказам и подписным абонементам, широко применял рекламу, впервые организовал книжные лотереи[89]. Смирдин пользовался исключительным уважением в профессиональной среде, он предоставлял книгопродавцам большие скидки, давал кредиты, практиковал обмен своих изданий на чужие. В его лавке можно было купить практически любую книгу, изданную в то время на русском языке. Библиотека и книжная лавка Смирдина являлись центром литературного Петербурга. Когда в 1831 г. он перевел ее на Невский проспект, где до того царили иностранные книгопродавцы, это событие было с восторгом встречено общественностью: «...наконец, и русская наша литература вошла в честь и из подвалов переселилась в чертоги»[90].

В провинции книгораспространение развивалось медленно. В начале XIX в. лишь в нескольких крупных городах велась стационарная торговля. Книги — лубочная продукция, духовная литература, буквари, подержанные издания — большей частью продавались вместе с москательным и бакалейным товаром, однако вопреки мнению о том, что торговля книгами представляла собой лишь побочный промысел купцов, установлено немало имен провинциальных книготорговцев первой половины XIX в., для которых это было делом жизни. В начале века в Туле успехом у населения пользовалось предприятие И.И., С.И. и Н.И. Титовых. Они поддерживали постоянные связи с Москвой и Петербургом,

выписывали столичные журналы[91]. Настоящими подвижниками были энергичные казанские книготорговцы Г.И. и А.Г. Мясниковы, которые получали книги от крупных отечественных издателей и книготорговцев, выезжали на ярмарки[92]. В Казани работала также лавка И.В. Дубровина, в Саратове — Костякова[93]. В 1825–1840 гг. книжная торговля появляется в ряде губернских городов — Одессе (Григорьев), Киеве (С.И. Литов), Орле (П.И. Полевой), Курске (Д.И. Полевой), Воронеже (Кашин), Туле (Туров)[94]. Большую роль в снабжении книгами русской провинции играли ярмарки, куда столичные книгопродавцы посылали своих доверенных.

Еще в конце XVIII в. наметился повышенный интерес любителей древностей к редким изданиям. Многие книгопродавцы первой половины XIX в. наряду с новыми торговали подержанными книгами. С начала века выделяются два направления букинистики — торговля антикварной и подержанной книгой. Каждое из них вырабатывало свои методы, имело свой ассортимент, цели, потребителя. Антиквării считались «аристократами» книжного рынка в отличие от «старинщиков», «хламовщиков», «маклеров»[95]. Развитие букинистической торговли стимулировалось относительной дороговизной книги в России. Букинисты, торгуя дешевыми подержанными изданиями и остатками новых тиражей, открывали доступ к книге неимущим слоям населения[96].

Среди первых русских антикваров значительной фигурой был И.Ф. Ферапонтов, который с конца XVIII в. торговал старинными рукописными и печатными книгами в лавке у Спасских ворот. Известные собиратели русских древностей обязаны Ферапонтову ценнейшими приобретениями. Профессора Московского университета, коллекционеры А.И. Мусин-Пушкин, Ф.А. Толстой, П.П. Бекетов с его помощью обогащали свои собрания и вели научные исследования. И.Ф. Ферапонтов, «собирая древности с невероятной ревностью, нередко сам покупал дорогою ценою», и «нет ни единой печатной книги до времени Петра Великого, которой бы Ферапонтов не имел в руках своих»[97].

Около века просуществовала династия московских книгопродавцев-букинистов Кольчугиных. Н.Н. Кольчугин, выходец из крестьян, стал приказчиком, доверенным лицом и комиссионером Н.И. Новикова. Наивысшего расцвета фирма достигла при И.Г. Кольчугине, начавшем самостоятельную торговлю в 1835 г. Среди его постоянных клиентов были С.Т. Аксаков, В.Г. Белинский, Н.В. Гоголь, московские коллекционеры. Наряду с новинками доверенные покупатели могли приобрести у него сатирические журналы Н.И. Новикова, запретные «Думы» К.Ф. Рылеева и даже «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. У Кольчугина состо-

яли на жалованье «стрелки́», которые скупали книги по домам и базарам, а вечером приносили их хозяину. Особую известность он приобрел, торгуя подержанными учебниками: «На кольчугинских книжках вся бедная Москва выучилась»[98], — говорили с благодарностью.

К известным московским антикварам относились Большаковы. Сын крепостного, торговавший вначале кожей, Т.Ф. Большаков пристрастился к древней книге уже в зрелом возрасте и стал превосходным ее знатоком. Старопечатную книгу он знал «по годам, по месяцам, по числам, по шрифту, очертаниям букв, заставицам, по именам творцов и издателей, по изысканиям ученых»[99]. Среди его посетителей «в маленькой конурке в стене Китай-города у Ильинских» бывали П.М. Строев, К.Ф. Калайдович, А.С. Уваров, В.М. Ундольский, И.М. Снегирев, И.И. Срезневский, М.П. Погодин. За свою деятельность Т.Ф. Большаков получил звание корреспондента Московского университета и Императорской Публичной библиотеки, стал комиссионером Румянцевского музея и членом ученых обществ. Его сын и продолжатель С.Т. Большаков расширил дело, открыл букинистические лавки в нескольких городах. Он отдал много сил разысканию древних книг и рукописей в усадьбах, монастырях, скитах, на ярмарках. Большакову русская культура обязана открытием и сохранением памятника древнерусской книжности — «Архангельского евангелия» (1092).

Антиквары-букинисты первой половины XIX в., как правило, выходили из старообрядческой среды. Это объясняло их нелюбовь к книгам гражданской печати[100]. В лавках таких торговцев продавались не только рукописные и старопечатные книги, но и предметы старины и «древлего благочестия»[101].

Старые книги можно было приобрести в Москве помимо книжных лавок «почти повсюду, где только можно прижаться»: около университета «холодные» букинисты торговали научной книгой, у решетки Александровского сада — лубочными изданиями, в Охотном ряду «одолжали охотнорядцев на прочет»[102]. Были знамениты развалы у Китайгородской стены, где книги лежали «в палатках, на щитах, на земле, на разостланной мешковине или на покоробленных листах фанеры»[103]. Торговали в обеих столицах и мешочники, перекинув через плечи так называемую «рубашку», или «сорочку». Их специализацией было обслуживание на дому профессуры, библиофилов. Они выполняли заказы на редкие книги, поставляли запрещенные политические или порнографические издания, не гнушались и «темной», украденной из типографии продукцией[104]. Наибольшей же популярностью у любителей пользовались рынки и вербные базары, где порой можно было

сделать ценные приобретения. На Сухаревском толкучем рынке, за палатками букинистов, прямо на мостовой раскладывали свой товар «земляники», торгующие «розбитью», «разнобоем» и «липой»[105]. В Петербурге рыночная книготорговля с 1810-х гг. вплоть до пожара 1862 г. сосредоточивалась на оживленном Апраксином дворе[106].

Рыночная книжная торговля представляла собой особый мир, со своими нравами и обычаями[107]. Нередок здесь был обман покупателя, в частности фальсификация, когда в неполные издания вкладывались листы из других книг, исправлялось количество томов на титульных листах, книга снабжалась чужой обложкой, «старилась» при помощи специальной технологии. Рыночные торговцы выработали своеобразные приемы и методы торговли («вязка», торговля «сходу», «на пуды», «на выбор», «в придачу», «в подторжку»)[108], свой профессиональный жаргон[109].

Перемены в экономической и социально-политической жизни страны не могли не сказаться на общем состоянии книжной торговли в пореформенный период. Некоторое ослабление цензуры и рост выпуска разнообразной печатной продукции, с одной стороны, и повышение покупательной способности населения, активизация спроса на книгу, с другой — все это способствовало увеличению емкости книжного рынка. Одним из существенных факторов, оказавших прямое влияние на книгораспространение, был бурный рост железнодорожной сети. Прежде дороговизна и сезонность гужевого транспорта сдерживали развитие провинциальной торговли, удорожали книгу. Немалое значение имел и тот факт, что книжная торговля являлась одним из источников накопления капитала в издательской промышленности. Многие крупнейшие предприниматели начинали с продажи книг и лишь впоследствии переходили к книгоизданию.

Характерной особенностью русской книжной торговли второй половины столетия было сосуществование разных укладов, исключительное многообразие типов предприятий. Продажа велась: в магазинах и лавках новой книги, смешанных и антикварных; в книжных ларях и на книжных складах; в редакциях газет и журналов; при типографиях; в библиотеках; в магазинах канцелярских принадлежностей и игрушек; в табачных лавках и аптеках. Кроме того, торговля книгами осуществлялась лицами, не имеющими стационарного заведения, — путем разноски и рассылки по каталогам. Продолжали свое существование старые фирмы, с теми же патриархальными приемами, «какими они были сто лет тому назад: та же невозмутимая рутина, то же допотопное счетоводство, то же халатное отношение к публике, как и в лоскутных

рядах старого московского рынка»[110]. Постепенно, однако, определяющей фигурой становится предприниматель нового типа, способный обеспечить максимальную прибыль и выдержать усиливающуюся конкуренцию. Он использует рациональные приемы ведения торговли, внедряет систему бухгалтерского учета, привлекает на службу образованных работников, пользуется услугами библиографов, ученых. Чтобы не оказаться вытесненными с рынка, многие «патриархальные» фирмы — Базуновы, Заикины, Глазуновы — перенимали капиталистические методы хозяйствования, приспосабливались к меняющимся условиям.

В 60-е гг. возникло такое явление, как «идейные» книжные магазины, организованные революционно настроенными народниками. Книжная торговля рассматривалась ими как способ пропаганды своих взглядов, как вид общественного служения и гражданского долга. Самым известным был магазин, открытый одним из руководителей «Земли и воли» Н.А. Серно-Соловьевичем, в котором работали его товарищи — литераторы, ученые, переводчики. Отвергнув общественные предрассудки, за прилавок встала А.Н. Энгельгардт — первая русская женщина-книгопродавец. После ареста Серно-Соловьевича его дело продолжил А.А. Черкесов. Немногим более года просуществовал магазин землевольца Е.П. Печаткина (вместе с женской переплетной мастерской и издательской конторой он составлял систему легального и нелегального распространения революционной литературы).

Ведущую роль в торговле книгами в 70-е гг. играл М.О. Вольф — книготорговец европейского размаха и культуры. Его принципиальной установкой был как можно более полный и универсальный книготорговый ассортимент. «...Если правда, что в литературе все роды хороши, кроме скучного, то в книжной торговле хороши все направления, кроме вредного. Поэтому мы задали себе задачу энциклопедическую, чтобы в магазинах наших были книги на все вкусы...»[111] У Вольфа можно было приобрести любую отечественную и иностранную новинку: его магазин представлял до 100 тыс. названий[112]. Современники говорили: «В Публичную пойдешь — не найдешь, к Вольфу заглянешь — достанешь». Десятки служащих ежедневно отправляли посылки с книгами по всей стране. В среднем ежегодно он обслуживал 45 тыс. провинциальных клиентов[113].

М.О. Вольф ориентировался на состоятельного образованного покупателя. Среди его постоянных клиентов были государственные деятели, высшее чиновничество, великие князья. «Маврикиева каморка», как называли кабинет Вольфа, была излюбленным местом встреч писателей, профессуры.

Он был прекрасным психологом и новатором в области использования разнообразных пропагандистских приемов, считал

элементом рекламы интерьер и витрины магазина, активно рекламировал свои книги в печати. Вольф регулярно публиковал каталоги, однако в отличие от традиционных монументальных росписей они преследовали чисто практические цели. Книготорговая деятельность Вольфа была тесно связана с его издательской работой. В своих магазинах и через журналы он организовывал изучение спроса покупателей; многочисленные торговые корреспонденты сообщали о расходимости его изданий.

В пореформенное время наблюдалось заметное расширение провинциальной книготорговой сети. Потребность в книге нарастала по всей стране, и книжная торговля наряду с библиотеками способствовала пробуждению умственной жизни и росту культуры в провинции. В 1862 г. вне столиц имелось 43 книготорговых предприятия, в 1868 г. — уже 224, в 1874 г. — 611[114]. Однако во многих городах России состояние книготорговли оставалось плачевным. Удаленность от книжных центров, дороговизна и сложность доставки книг, отсутствие библиографической информации делали книгу малодоступной на большей части территории страны. Книжная торговля концентрировалась главным образом в губернских городах. В 1887 г. на 12 губерний Кавказа приходилось 46 книжных лавок, в Сибири и Средней Азии последних было всего 6. Во всей Олонецкой губернии в 1890 г. имелась одна книжная лавка, в Уфимской и Оренбургской — по две. Лишь в трех губерниях насчитывалось от 30 до 40 лавок, а более 50 имелось только в Петербургской и Московской[115].

В 1865 г. было установлено беспошлинное содержание книжных магазинов в нестоличных городах и селах[116]. Результаты узаконения льгот книгопродавцам сказались далеко не сразу, однако рост популярности книги в различных слоях общества и выгоды беспошлинной торговли способствовали оживлению книготорговой деятельности в провинциальной России[117]. Количество стационарных книготорговых заведений возросло за 15 лет (с 1866 по 1881 г.) более чем в 4 раза[118].

В последней четверти XIX в. получили развитие провинциальные книготорговые фирмы, которые по своим оборотам не уступали столичным. Одним из крупнейших русских книготорговцев стал выдающийся просветитель П.И. Макушин. В 1873 г. он открыл в Томске первый за Уралом книжный магазин и библиотеку. До проведения Транссибирской магистрали он ежегодно отправлял обозы за книгами в Нижний Новгород, Москву и Петербург. В магазине была широко представлена литература по всем отраслям знаний. Только иногородних покупателей насчитывалось 5 тыс. Чтобы приблизить книгу к народу, Макушин открывал

книжные лавки в селах, на базарах, на лесосплаве, на железной дороге. Были организованы магазины в Омске, Красноярске, Иркутске, налажена рекламно-библиографическая работа. П.И. Макушин вел большую общественно-просветительскую, благотворительную деятельность. Около 600 тыс. руб. было направлено им на организацию сотен народных библиотек, музея, больницы и аптеки для бедных[119].

Долгое время единственным каналом распространения книги в деревне были офени — самобытное явление русской культуры[120]. Офенский промысел ведет свое начало с XV–XVI вв., однако включение в торговлю лубочных картин и книжек падает на конец XVII — начало XVIII в. Наиболее развит он был во Владимирской губернии (одно из названий офеней — суздальцы[121]). Были офени костромские, тверские, ярославские, псковские. Для большинства офеней их занятие являлось отхожим промыслом. Обычно они отправлялись в путь ранней осенью и возвращались к Пасхе. Бедные ходебщики носили свой короб на спине или возили на ручной тележке и санках, более состоятельные выезжали на лошадях. Разбогатевшие офени-предприниматели нанимали «приказчиков». Были офени, которые богатели настолько, что становились купцами второй гильдии, имели до 100 тыс. руб. капитала, приобретали собственные дома. Создавались и офенские артели с паевым капиталом. По современным оценкам, в 1860–1870-х гг. действовало несколько десятков тысяч офеней[122].

Офени покупали товар в центрах производства лубочной продукции — Москве, Мстере, где проводилось 4 ярмарки в год. Часто товар отпускался в кредит (для мелких офеней он был невелик — «по шаткой их совести»), под залог телеги, самовара или в обмен на хлеб, мед, сено, холст, дрова и пр. Обычно ассортимент офеней составляли не только книги и картины, но и иконы, производством которых славилась Владимирская губерния, и «красный товар». В пути они нередко покупали и перепродавали или обменивали свой товар на местный[123].

Труд офеней был тяжел и опасен, иногда им доводилось за сезон пройти пешком с коробом на спине тысячи верст. Они обходили не только центральные губернии, но и направлялись на север, на Украину, Дон, Кавказ, в Сибирь, Туркестан и даже на Дальний Восток. Известны случаи, когда они достигали Аляски, Турции, Сербии, Болгарии, Румынии.

Офени были желанными гостями в любой деревне. С особым нетерпением их ждали в глухих уголках, где они выполняли функцию разносчиков новостей. Прекрасно зная народные вкусы, офени продавали только те традиционные книги и картины, в сбыте

которых были уверены. Иногда они распространяли свой товар безденежно, путем натурального обмена, за угощение и ночлег. Приходилось торговать и на небольших ярмарках, где офени арендовали палатки, раскладывали свой товар на земле, развешивали картины на веревках. Устраивались «лубочные комедии», раешные представления, в которых давались пояснения к картинам.

Офени были особой «кастой» русского крестьянства. Образ жизни и профессия делали их развитыми, сметливыми, хитрыми, расторопными. Они часто выступали в роли посредников, комиссионеров, сводников. Даже неграмотные офени отлично вели свои счета, чутьем угадывали и знали книгу. Щеголеватый внешний вид, жестикуляция и прежде всего свой искусственный плутовской язык выделяли их среди крестьянского населения. Этот язык, приспособленный для сокрытия «коммерческих тайн», возник в конце XVII в. и передавался из поколения в поколение[124].

Расцвет офенского промысла, развивавшегося более полутораста лет, приходится на первую половину века. В пореформенный период, особенно в 1880–1890-е гг., он начинает падать, что было вызвано рядом объективных причин. С развитием сети железных дорог облегчается доступ книги в уездные города и в крупные села, где появляются стационарные книжные лавки, с которыми офени не могли конкурировать. Усилились административные их притеснения[125]. Негативно сказывалась на офенском промысле и активизация издательской деятельности земств и народнической интеллигенции, пытавшейся дать крестьянству дешевую книгу, а также рост грамотности сельского населения, уже не довольствовавшегося традиционным чтением. Развитие товарно-денежных отношений снизило роль офеней как посредников в меновой торговле. Они принесли неоспоримую пользу русскому просвещению, будучи «кровеносным сосудом народной грамотности»[126]. Новое время вытеснило офеней, но они остались неотъемлемой частью русской народной книжной и бытовой культуры.

Особая роль в распространении книги в деревне принадлежит земским книжным складам. Их организация преследовала две цели — снабжение земских школ и библиотек писчебумажными принадлежностями и книгами, купленными со значительной скидкой, и торговлю в деревне общедоступными народными изданиями. Первые уездные книжные склады были открыты в Тотьме, Соликамске (1871) и Уржуме (1872), первые губернские появились в Твери (1877) и Харькове (1879)[127]. К 1897 г. количество книжных складов достигает 77, а еще через 6 лет — 132[128]. К концу века только в пяти из 34 земских губерний не имелось ни одного книжного склада[129].

Книга оставалась основным, а подчас и единственным проводником знаний в народе, поэтому земская интеллигенция, привлеченная к работе складов, видела свою задачу в облегчении доступа населения к книге. В целях содействия систематическому чтению склады распространяли рекомендательные списки литературы[130]. Один из крупнейших губернских складов, Саратовский, начав с продажи учебников и письменных принадлежностей, со временем стал выполнять функции культурно-просветительного центра: формировал библиотеки (школьные, народные, учительские), подбирал литературу для публичных чтений, организовал артель книгонош и книговозов[131]. К продаже книг привлекались книгоноши из крестьян; издания давали в кредит и на комиссию сельским учителям, агрономам, врачам, фельдшерам, даже чиновникам и священникам. Для торговли использовались разные возможности: продажа велась при школах, в амбулаториях, в витринах, на базарах и ярмарках, при чайных. Некоторые амбулатории практиковали бесплатную раздачу больным книг по гигиене и медицине[132]. Склады торговали не только учебниками для сельских школ, но и изданиями русской классики, детскими и дешевыми народными книгами. Они сотрудничали с комитетами грамотности, с крупными книжными магазинами, оптовыми складами, издательствами («Посредник», Ф.Ф. Павленков, Д.И. Тихомиров и др.)[133].

Более активному развитию земской книжной торговли препятствовали всевозможные законодательные ограничения, поскольку правительство с известным подозрением относилось к этой сфере деятельности земств. Книжным складам дозволялось торговать только теми изданиями, которые были апробированы Министерством народного просвещения, и только благодаря специальному ходатайству губернской земской управы в отдельных случаях им разрешалась продажа всех цензурованных книг[134].

Букинистическая торговля во второй половине XIX в. выходит на новый уровень. С 80-х гг. в России работают крупные антикварные фирмы, которые ведут дело с размахом, достигают высокой культуры торговли. Если ранее эта деятельность почти не приносила прибыли, то теперь появляются рентабельные предприятия. За счет вовлечения в оборот редких книг XVIII–XIX вв. расширяется букинистический ассортимент. Антиквары поддерживают тесные связи с библиофилами, покупают крупные личные библиотеки. Многие из них занимаются библиографической деятельностью — выпускают каталоги редких изданий, рассылают списки имеющихся в наличии и разыскиваемых книг. Эти антикварные каталоги имеют огромное историко-культурное значение, поскольку среди описанных в них изданий встречаются книги,

давно исчезнувшие с букинистического рынка и отсутствующие в библиотеках.

Постепенно снижается роль рыночной торговли. На первый план выходят предприятия капиталистического типа — антикварные магазины, оборудованные по-европейски, с большим штатом и товарооборотом. В Петербурге центром букинистической торговли становится Литейный проспект, в Москве открываются магазины не только на традиционной Никольской улице и в Китай-городе, но и на Кузнецком мосту. В отличие от полуграмотных букинистов-«старинщиков» первой половины века крупнейшие антиквары нового времени, как правило, получают неплохое образование. Они пользуются уважением в профессиональной среде, становятся учредителями и членами книговедческих обществ, комиссионерами научных учреждений, библиотек и музеев. Лучшие из них имели деловые связи с зарубежными антикварами, выполняли заказы иностранных библиотек.

Современники отмечали разницу между петербургскими и московскими букинистами. Первые в своей массе были «аристократичнее», обладали внешним лоском, в то время как «отличительной чертой старого московского книжника была грубость, доходившая до озорства»[135]. Да и букинистический рынок Петербурга как интеллектуального центра страны всегда считался богаче московского. К тому же высшее чиновничество было подвержено частым перемещениям по службе, и переезды сопровождались продажей книжных собраний[136].

Среди петербургских антикваров второй половины XIX в. приобрел известность И.Г. Мартынов, который первым открыл в 1874 г. магазин под вывеской «Антиквар». Он получил хорошее образование, знал иностранные языки. Сферой своей деятельности Мартынов избрал обслуживание узкого круга богатых коллекционеров, что и привело его в конечном итоге к разорению. В отличие от И.Г. Мартынова потомственный букинист, внучатый племянник А.Ф. Смирдина В.И. Клочков не стремился торговать только редкими изданиями, его задачей было всемерное ускорение оборачиваемости товара. Его магазин на Литейном проспекте славился широтой ассортимента, оперативностью информации покупателей. При распродаже купленных библиотек Клочков практиковал проведение своеобразных аукционов. Сотни выпущенных им каталогов расходились не только в столицах, но и в провинции и способствовали привлечению на российский букинистический рынок местных изданий[137].

Типично московским букинистом был А.А. Астапов. Он ориентировался преимущественно на торговлю ходовыми изданиями, но вместе с тем приобретал и редкости. Несмотря на свою малооб-

разованность и ограниченность книжных знаний, Астапов был искренне предан книге, а его лавка служила клубом для библиофилов. На склоне лет, прекратив торговлю, этот «последний из могикан старого книжного мира» до конца жизни неизменно находился в своей бывшей лавке, «служа... почетной его реликвией»[138].

Выдающимся деятелем дореволюционной русской букинистики был П.П. Шибанов. Его отец, самарский антиквар-старообрядец П.В. Шибанов, с детских лет привлекал сына к своим поездкам по Волге в поисках древних рукописей и старопечатных книг. После переезда в Москву и смерти отца П.П. Шибанов продолжил его дело. Энергичный и предприимчивый, он не только расширил торговлю, но и изменил ее характер и стал активно работать с книгой гражданской печати, а также с архивными материалами. Через его руки прошло множество библиотек и коллекций. Среди людей, обращавшихся в «Антикварную книжную торговлю П.П. Шибанова», были ученые, библиографы, библиофилы от скромных провинциалов до великих князей. П.П. Шибанов выпустил десятки каталогов, предпринял издание журнала «Библиографические записки». Обладая глубочайшими познаниями и опытом в области антикварной книги, он имел непререкаемый авторитет среди букинистов и библиофилов.

Букинисты составляли едва ли не самую большую по численности категорию книгопродавцев дореволюционной России.



Букинисты

Русская букинистическая торговля, как она сложилась на протяжении XIX столетия, — это своеобразный мир, в котором уживались знание книги и любовь к ней со страстью к легкой наживе, азартная погоня за редкостями с тонким расчетом. Благодаря самоотверженности этих книжников, которые часто едва сводили концы с концами, было сохранено множество ценнейших памятников русской истории и культуры, их стараниями обогащались книжные фонды музеев, казенные и частные библиотеки.

* *
*

В XIX в. книга не раз меняла свой облик в зависимости от эволюции полиграфической техники, требований рынка, смены художественных стилей, наконец, моды. Само понятие искусства книги приобретает новое значение. Связь между искусством и книгопроизводством становится более выраженной, чем в предшествующий период.

В книге начала века на первое место выдвигается не украшение, а иллюстрация, связанная с содержанием, с идеей. Книга этой эпохи оформлена строго и сдержанно. Для нее характерна простая серая, затем цветная — синяя, оранжевая, розовая, малиновая — обложка, рассчитанная на то, что владелец облечет книгу в изящный переплет. Фронтисписная гравюра служит как бы декоративной увертюрой к книге. Титульный лист строг и просторен. Во всех изобразительных элементах имеются стилистические признаки классицизма — мифологические и античные сюжеты, амуры, колчаны, мечи, лиры, стрелы и т. д.[139] Шрифты А. Семена, И. Шнора, П.П. Бекетова, «как стройный ажур, плетут свое металлическое кружево на холодноватых, часто голубых страницах»[140].

В книге первой трети XIX в. господствующую роль играла гравюра на меди — резцом или офортом. Классическая резцовая гравюра достигла своего расцвета в творчестве Н.И. Уткина, удостоенного звания «гравера Его Императорского Величества». В книжной графике специализируются превосходные мастера — С.Ф. Галактионов, И.В. Ческий, А.Г. Ухтомский, И. Сандерс.

К лучшим образцам издательско-полиграфического искусства этого времени относятся книги, выпущенные П.П. Бекетовым, С.И. Селивановским, Н.П. Румянцевым, который, публикуя издания строго научного содержания, считал, что они должны служить «сколько для пользы, столько и для славы», и не жалел издержек, «только бы соблюдена была вся чистота и красота тиснения»[141].

Стиль русского издательского ампира сходит на нет к 1820-м гг. Ему на смену приходит романтизм, который в книжном искусстве проявился в новом, более округлом и насыщенном краской шрифте, более декоративной обложке с выразительным орнаментом.

Пушкинская эпоха требовала от книги простоты и благородства. Этот подход в полной мере выразился в изданиях поэтов и альманахах, многие из которых могут считаться образцами книжного искусства. А.С. Пушкин считал, что истинный вкус — в соразмерности и сообразности. Известна его забота об «исправности и чистоте» издания «Евгения Онегина». «...Вся эта пестрота безобразна»[142], — писал он. Одним из замечательных памятников издательского мастерства этого периода стало миниатюрное издание «Евгения Онегина», напечатанное на средства И.И. Глазунова в лучшей российской типографии — Экспедиции заготовления государственных бумаг. Вышедший вскоре после смерти поэта, весь тираж в 5000 экз. был распродан в течение недели.

С 30-х гг. в России появляются библиофильские «роскошные» издания[143]. Одними из первых русских изданий такого рода можно считать «Пестрые сказки» В.Ф. Одоевского (1833) и «Тарантас» В.А. Соллогуба (1845). В 1855 г. Экспедиция заготовления государственных бумаг выпустила самую маленькую наборную книгу дореволюционной России, названную «жемчужиной русского полиграфического искусства»[144], — «Басни» И.А. Крылова.

Во втором десятилетии XIX в. в России стала известна литография. Новая техника сразу нашла себе применение в книге, поскольку она была выгодным и удобным способом воспроизведения как иллюстраций, так и текста. Первоначально в этой технике печатались нотные издания, географические карты, модные картинки. Преимущества литографии — легкость, простота приемов, быстрота исполнения — увлекла живописцев, рисовальщиков, граверов.

Будучи живописнее и ближе к рисунку с натуры, чем гравюра, литография содействовала распространению реалистической иллюстрации в русской книге. В технике литографии выпускались альбомы, альманахи, детские книги, журналы, лубочные картинки, реклама. К лучшим литографированным изданиям XIX в. относится альбом «Собрание видов Санкт-Петербурга и его окрестностей» (1821—1824), в подготовке которого участвовали К.П. и А.П. Брюлловы, К.П. Беггров, С.Ф. Галактионов и др. Уникальны по замыслу и исполнению 432 выпуска «Русского художественного листка» (1851—1862), издававшиеся в разных техниках В.Ф. Тиммом. Литография как нельзя лучше подошла к иллюстрированию книг бытового жанра. С рисунками В.Ф. Тимма

выходят «Очерки русских нравов» Ф.В. Булгарина (1843), альбом П.А. Федотова «Сцены из повседневной жизни» (1857). В 1867 г. был издан «Альбом видов и сцен из русской жизни. Автографы московских художников» с иллюстрациями А.К. Саврасова, В.Г. Перова, В.Е. Маковского.

Новое дыхание обретает гравюра на дереве. Обращение к ней в эпоху романтизма и подъема в русской живописи не случайно: ксилография, особенно торцовая гравюра, обладает богатыми изобразительными возможностями. Она дает эффект контрастности, насыщенного черного и ярко-белого цветов. Органично включая иллюстрацию в наборное поле, типографы сделали ее составной частью страницы. Немаловажны и экономические преимущества ксилографии: доска выдерживала большие тиражи и позволяла печатать одновременно текст и иллюстрации.

Подлинно национальная ксилографическая иллюстрация 40-х гг. поднимает русское книжное искусство на новую высоту. Расцвет ее связан с именами художников А.А. Агина, В.Ф. Тимма, П.А. Федотова, Т.Г. Шевченко, граверов К.К. Клодта (основателя первой ксилографической мастерской в Петербурге) и Е.Е. Бернардского. Благодаря иллюстрациям талантливого и плодовитого жанриста В.Ф. Тимма прославилась книга И.П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею» (Т. 1–3. 1840–1841), которую В.Г. Белинский счел «примечательнейшим явлением типографского мира»[145]. Художник оказался здесь поистине конгениален автору. Рисунки и виньетки Тимма непринужденны, легки, юмористичны, они органично вкрапливаются в страницы и являются примером сочетания реализма и декоративной красоты печатного листа. По словам Н.В. Кукольника, «литография, гравирование на камне и на дереве нанесли последний удар по резцу, притупили его и обратили в бесполезное, безнужное оружие, в маску древней трагедии»[146].

В 40-е гг. меняется внешний вид книги. Она становится демократичнее во всех своих элементах. Используется более тонкая и менее тщательно выделанная бумага, что делает издания дешевле и даже легче на вес. Вводятся не такие гармоничные, но броские контрастные, жирные шрифты, которые позже вошли в моду в печатной рекламе. Книга обильно декорируется инициалами, виньетками, заставками, концовками. «Бывшие раньше строго прямолинейными строчки заглавия теперь гнутся подобно гирляндам, образуют кайму или рамку для виньетки»[147]. Обложка теряет простоту, она иллюстрирована, порой перегружена изобразительными элементами. Яркий пример — обложка к первому тому «Мертвых душ» (1842), автором композиции которой был сам Н.В. Гоголь.

«Аристократическая» классицистская книга как бы меняет свою форму и «идет далее в костюме формирующегося буржуа и провинциального помещика»[148]. Подчеркивая различие книжного стиля 20-х и 40-х гг., А.А. Сидоров приводит в пример виньетку А. Семена (1818), на которой у типографских касс изображены амуры, и более поздний политипаж, где за наборным делом представлены уже вполне реальные рабочие[149].

Процесс демократизации русской книги затронул и переплетное искусство. Кожаный переплет уступает место издательскому картонажу с литографированной сюжетной картинкой. Появляются новые переплетные материалы, в первую очередь коленкор, который с 40-х гг. практически вытеснил из употребления остальные. Его применение позволило изготовлять прочные, дешевые и красивые переплеты. Коленкор с одинаковым успехом использовался в производстве как массовой книги, так и дорогих подарочных изданий[150].

Новые слои покупателей, вышедшие на арену в пореформенное время, нуждались в недорогой книге. Благодаря усовершенствованию полиграфической техники, развитию бумажного производства и широкому распространению литографии печатная продукция дешевеет и приобретает более демократичный облик. К тому же умонастроения 60–70-х гг., изменение эстетических вку-



Продажа гравюр в лавке И. Дациаро в Москве

сов порождают утилитарный взгляд на книгу: в общественном мнении утверждается примат содержания над формой. Дорогие и нарядные издания вызывают раздражение. Формируются новые требования к типографскому набору и верстке. На первый план выдвигается принцип экономичности: книга имеет маленькие поля, формат ее становится больше, благодаря чему увеличивается емкость печатного листа. Издатели пользуются более убористыми шрифтами, печатают текст в два столбца. По меткому выражению исследователя, это был «эстетический нигилизм» в книге[151].

С 60–70-х гг. в книжном деле наблюдается процесс стандартизации и унификации печатно-наборных приемов, что в значительной мере объясняется развитием полиграфической техники и ростом количества типографий в России. Продукция М.О. Вольфа, А.С. Суворина, А.Ф. Маркса, некоторых других имела свои черты, однако в целом, при общем улучшении качества книги, можно отметить сходство изданий, выпущенных разными предприятиями. С одной стороны, мы видим разнообразие полиграфических приемов, с другой — однообразие в их применении.

Важным фактором, оказавшим большое влияние на искусство русской книги второй половины XIX в., было ее участие в осуществлении демократической просветительской программы. Книга, журнал, печатная графика быстро находили отклик у массового читателя, участвовали в формировании его мировоззрения и вкуса гораздо более активно, чем любой другой вид искусства. «Дидактическая эпоха» (В. Набоков) с ее морализаторской направленностью широко применяла в книге иллюстрацию как наиболее активный способ интерпретации текста. Это нарушило существовавшую до тех пор гармоническую соразмерность всех элементов книги. Изменилось соотношение между ее наборно-типографской частью и «рисованной», изобразительной. В эпоху, когда господствовал стиль, известный в настоящее время как «эклектика», или «историзм», иллюстрация занимала гораздо больше места в книге и порой подчиняла себе всю ее типографику[152].

Во второй половине столетия получает распространение техника многоцветной литографии — хромолитография, позволяющая добиться сочности красок, декоративности изображения. Она с одинаковым успехом использовалась и в дорогих художественных изданиях, таких, как «Древности Российского государства» с 508 иллюстрациями Ф.Г. Солнцева (1849–1853) или «Охота в Беловежской пуще» с рисунками М.А. Зичи (по-видимому, 1861 г.), и в дешевой массовой продукции.

Увеличение объема печатной продукции потребовало ее дифференциации по типам, прежде всего для ориентации покупате-

лей при выборе книг. Бумажная обложка стала в какой-то мере выполнять рекламную функцию. Складываются характерные приемы художественно-полиграфического оформления научной и беллетристической литературы, детских книг, альманахов, журналов и т. д.

В 80–90-е гг. в оформлении русской книги проявляются новые тенденции. Наблюдается явное тяготение к красочности изданий. Господствовавшая наборная обложка сменяется яркой, рисованной, орнаментированной, с эффектными заголовками. В практику входит выпуск подарочных изданий de luxe, явно испытывающих влияние «эстетики кошелька», — крупного формата, на мелованной бумаге, с большим количеством иллюстраций и прочих элементов оформления. Шедевром полиграфического искусства и одной из самых дорогих по изготовлению русских книг стало издание «Византийские эмали», выпущенное в 1892–1894 гг. на средства коллекционера А.В. Звенигородского и посвященное описанию его собрания[153].

В последние десятилетия XIX в. в связи с появлением фотографии на смену гравюре и литографии приходит художественная репродукция — воспроизведение оригинального произведения искусства средствами фотомеханики — цинкография, фототипия, гелиогравюра, фотолитография. Появление фотомеханической репродукции способствовало выходу многочисленных изданий по



У книжного склада губернского земства

искусству. Их выпускали М.О. Вольф, А.С. Суворин, А.Ф. Маркс, Община св. Евгении, Общество поощрения художников и др. Примером великолепно выполненных фототипией репродукций может служить «Полное собрание гравюр Рембрандта» (1890), подготовленное Д.А. Ровинским.

В конце XIX в. на арену выступает книга, ориентированная на эстетику XVIII — начала XIX столетия, и это связано с общим духом переоценки ценностей в искусстве и миросозерцании рубежа веков. Члены творческого объединения «Мир искусства» А.Н. Бенуа, Л.С. Бакст, М.В. Добужинский, Е.Е. Лансере, К.А. Сомов и другие стали известны и как выдающиеся художники книги. Модерн поднял русское книжное искусство на качественно новый уровень. Основой художественного образа книги стало единство и взаимодополняемость всех ее элементов — полосы набора, шрифта, виньеток, переплета, бумаги. В лучших образцах художникам и издателям удавалось достичь гармонии трех составляющих издания: текста литературного произведения, художественного оформления и полиграфического исполнения. Но основные успехи в области нового искусства книги принадлежат уже следующему столетию.

Русская книга XIX в. прошла путь от строгой классицистской уравновешенности и лапидарности через романтическое изящество и избыточную декоративность, через относительное падение книжного искусства, через «буржуазную» пышность и безвкусие к ампирным реминисценциям модерна. Круг как бы замкнулся.

В XIX в. достижения в области того, что современники называли «(типо)графическими искусствами», огромны. Был создан целый ряд книг, представляющих собой памятники издательско-полиграфической культуры, в которых результат деятельности резчика пунсонов, словолитчика, наборщика, метранпажа, печатника, художника, гравера стал произведением творчества. Вместе с тем движение от индивидуального к типичному в книге привело к некоторому ее обезличиванию.

* *
*

Русская книга эволюционировала в XIX в. от аристократической «вещи для немногих» до привычного предмета в постоянном обиходе человека. Она приобретала все более важное социально-культурное значение, прочно входила в жизнь всех слоев населения России. XIX столетие стало веком демократизации книги, что выразилось в ее радикальном удешевлении, беспрецедентном

росте объемов выпуска, тончайшей дифференциации спроса и предложения, расширении каналов распространения. Издатели чутко улавливали вкусы и нарождающиеся потребности читателя и последовательно заполняли лакуны книжного рынка. Лучшие из них не были просто посредниками между автором и читателем — они активно влияли на спрос, формировали новую тематику, типы книг; они открывали новые имена, давали возможность творить писателям, ученым.

Русское книжное дело предшествующих эпох существовало преимущественно на государственной основе. В XIX в. наступает время расцвета частной инициативы. Эта область деятельности требовала от людей, занятых в ней, не только организаторского и коммерческого таланта, но и известного подвижничества, веры в важность своей культуртрегерской миссии. Возрос престиж профессии книжника.

XIX век наглядно показал неразрывную связь прогресса в экономике и активизации духовной жизни страны с производством и распространением печатной продукции. Книга выступила и предпосылкой и продуктом развития народного хозяйства, образования, науки, искусства, литературы. Ярко проявилась ее роль в общественной жизни и политической борьбе. К началу XX в. книжное дело России пришло как важнейшая составная часть национальной культуры.

---

[1] *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М., 1974. С. 196.

[2] Подробнее о цензурном законодательстве см.: *Жирков Г.В.* Век официальной цензуры // Очерки русской культуры. Т. 2. Власть и культура. М., 2000.

[3] См.: *Зайцева А. А.* Книгопечатание в России на рубеже XVIII и XIX вв. // Книга в России до середины XIX в. Л., 1978. С. 189.

[4] См.: *Семенников В.П.* Литературная и книгопечатная деятельность в провинции в конце XVIII и в начале XIX в. // Русский библиофил. 1911. № 6. С. 19.

[5] ПСЗ-I. Т. 29. № 22579.

[6] См.: *Зайцева А.А.* Указ. соч. С. 190.

[7] См.: *Коростин А.Ф.* Начало литографии в России. М., 1943. С. 4, 73.

[8] См., напр.: *Лисовский Н.М.* Краткий очерк столетней деятельности типографий Глазуновых в связи с развитием их книгоиздательства: 1803–1903. СПб., 1903. С. 9.

[9] *Карамзин Н.М.* О книжной торговле и любви ко чтению в России // Вестн. Европы. 1802. № 9. С. 58–59.

[10] *Анненков П.В.* Александр Сергеевич Пушкин в александровскую эпоху. 1799–1826. СПб., 1874. С. 86–87.

[11] *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М., 1976. С. 239.

[12] Один из активных популяризаторов его рационального ведения, литератор и переводчик В.А. Левшин, был так известен, что удостоился упоминания в «Евгении Онегине» («Вы, школы Левшина птенцы»).

[13] Аглая. 1810. Ч. 12. С. 261.

[14] Критика с иронией относилась к увлечению публики сентиментально-моральными и готическими романами, «коцебятиной», по резкому выражению князя Д.П. Горчакова.

[15] Роман И.И. Лажечникова, выпущенный в 1835 г., стоил 20 руб. (см.: *Гессен С.* Книгоиздатель Александр Пушкин: Литературные доходы Пушкина. Л., 1930. С. 136), при том, что месячное жалованье среднего чиновника редко превышало 50–60 руб. (см.: *Аникин А.В.* Муза и мамона: Социально-экономические мотивы у Пушкина. М., 1989. С. 180.).

[16] См.: *Гессен С.* Указ. соч. С. 144–145.

[17] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т.VII. М., 1958. С. 49.

[18] См.: *Клейменова Р.Н.* Книжная Москва первой половины XIX в. М., 1991. С.70,94; *Кондакова Т.И.* К истории формирования понятия «издатель» // Книга в России до середины XIX в. С. 178, 182; *Куфаев М.Н.* История русской книги в XIX веке. Л., 1927. С. 93; *Орлов Б.П.* Полиграфическая промышленность Москвы: Очерк развития до 1917 г. М., 1953. С. 116.

[19] См.: *Поршнев Г.И.* История книжной торговли в России // Книжная торговля: Пособие для работников книжного дела / Под ред. М.В. Муратова и Н.Н. Накорякова. М.;Л., 1925. С.98.

[20] См.: *Симони П.К.* П.П. Бекетов. Биографические о нем сведения, его литературная, собирательская и учено-археологическая деятельность. Издательство и типография // Старые годы. 1908. Март. С. 160–165; Апрель. С. 221–234; *Дмитриев М.А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869.

[21] См.: *Измайлов А.Е.* Сленина лавка // Рус. архив. 1864. № 7–8. С. 1003–1004; *Люблинский С.Б.* Книжная лавка И.В. Сленина // Книга: Исслед. и матлы. М., 1975. Сб. 30. С. 177–185.

[22] В 1824 г. поэт пишет П.А.Вяземскому: «Сленин предлагает мне за "Онегина", сколько я хочу. Какова Русь, да она в самом деле в Европе — а я думал, что это ошибка географов» (*Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 9. М., 1977. С. 90–91).

[23] См.: *Кононович С.С.* Типографщик Селивановский // Книга: Исслед. и мат-лы. Сб. 23. М., 1972. С. 100–123; *Любавин М.* Издатель и типограф Семен Селивановский // Альманах библиофила. Вып. 10. М., 1981. С. 142–155.

[24] См.: *Андерсон В.* Семейство Плюшар — типографы // Русский библиофил. 1911. № 1. С. 23–43.

[25] *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. М., 1953. С. 98.

[26] См.: *Кишкин Л.С.* Честный, добрый, простодушный..: Труды и дни Александра Филипповича Смирдина. М., 1995. С. 7.

[27] Там же. С. 20.

[28] См.: *Плаксин В.Т.* Голос за прошедшее // Сборник литературных статей, посвященных русским писателям памяти покойного А.Ф. Смирдина. Т. 1. СПб., 1858. С. 316–317.

[29] *Никитенко А.В.* Моя повесть о самом себе. Т. 1. СПб., 1904. С. 244.

[30] *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. М., 1978. С. 301 (подлинник по-французски).

[31] См.: *Орлов Б.П.* Указ. соч. С. 165–166; 400 лет русского книгопечатания. Т. 1. М., 1964. С. 366; *Лисовский Н.М.* Печатное дело // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. LIV. СПб., 1899. С. 420.

[32] *Либрович С.Ф.* На книжном посту: Воспоминания, записки, документы. Пг.; М., 1916. С. 433.

[33] *Шелгунов Н.В.* Воспоминания // Шелгунов Н.В., Шелгунова А.П., Михайлов М.Л. Воспоминания. Т. 1. М., 1967. С. 113.

[34] См.: *Куфаев М.Н.* Указ. соч. С. 179; *Муратов М.В.* Книжное дело в России в XIX и XX вв.: Очерк истории книгоиздательства и книготорговли. 1800–1917. М.;Л., 1931. С. 106.

[35] См.: *Павленков Л.Н.* Книжное дело и периодические издания в России в 1895 году // Исторический вестн. 1896. № 10. С. 361. *Куфаев М.Н.* Указ. соч. С. 343–350 (табл.).

[36] См.: *Гинзбург Б.С.* Распространение изданий Вольной русской типографии в конце 1850-х — начале 1860-х годов: (По материалам III Отделения и другим данным) // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1960. С. 335–361.

[37] См., напр.: *Власенко Т.С.* Тайные записки арестанта // Из истории общественно-политического движения в России XIX в. М., 1967. С. 147.

[38] См.: *Хотяков Я.И.* Первенец русского вольного книгопечатания // Книга: Исслед. и мат-лы. Сб. 4. М., 1961. С. 330–334.

[39] См.: *Рассудовская Н.М.* Издатель Ф.Ф. Павленков: Очерк жизни и деятельности. М., 1960.

[40] См.: *Толстяков А.П.* Люди мысли и добра: Русские издатели К.Т. Солдатенков и Н.П. Поляков. М., 1984.

[41] Книга в России. 1861–1881. Т. 2. М., 1990. С. 141.

[42] Там же. С. 146.

[43] См.: *Голышев И.А.* Лубочные старинные народные картинки. Владимир, 1870. С. 15.

[44] Термин «лубочный» начал приобретать оценочное значение именно в XIX в., когда производство лубка стало выгодным промыслом и огромные тиражи сказались на качестве этой продукции. Понятие «лубочный» стали применять по отношению ко всему грубому, неизящному, дурно исполненному. В XX в. с исчезновением самого явления общеупотребительными стали значения «несовершенный», «неряшливый», «уродливый», «безвкусный», «аляповатый», «яркий», «китчевый».

[45] *Снегирев И.М.* Лубочные картинки русского народа в Московском мире. М., 1861. С. 28.

[46] Напр., шуточная роспись приданому: «Два полотенца из дубового поленца, на ноги столярные башмаки, да штукатурные чулки; одеяло алого цвета, а как ляжешь спать, так его нету...»

[47] Множество картинок, выпущенных во время и после Отечественной войны 1812 г., рисованные И.И. Теребеневым, А.Г. Венециановым и другими художниками, стали первыми «серийными» лубками (см., напр.: «Казаки неприятеля побеждают, царственный град Москву от врагов очищают», «Алчные французы, кровожаждущие тигры, наше имение похищают, из печки кушанье таскают и жадную утробу свою насыщают»).

[48] Напр., в 1810-е гг. на фабрике Ахметьева было напечатано 50 тыс. экз. картины о необходимости оспопрививания. Приведем ее текст: «Ах вы девушки-подружки/поглядитятка на чуду/на рябого то Филатку/ека рожа та дурная/ека

харя та рябая/щоки бледные рябые/тараканы знать кусали/и глаза ево косые/ знать то куры исклевали/ — Вы красавицы молодки/перестаньте вы смеяться/ надо мною забавляться/тому мать с отцом виною/что так страшен я собою/ коровью оспу бы привили/то здоровья б не лишили/меня наносная згубила/ всей дародности лишила».

[49] Русская мысль. 1895. Ноябрь. С. 578–582.

[50] *Сытин И.Д.* Страницы пережитого // Жизнь для книги. М., 1978. С. 53.

[51] Там же. С. 51.

[52] Напр.: «Новый оракул и чародей, предсказывающий будущее по предложенным вопросам с присовокуплением легчайшего способа гадать на картах, бобах и кофе».

[53] Сюда входили песни святочные, свадебные, подблюдные, любовные, рекрутские, разбойничьи, воровские, цыганские романсы, арии из опер, частушки.

[54] Напр.: «Искусство сделаться даровитым писателем стихов и прозы», «Искусство сделаться замечательным художником посредством новооткрытого зеркала», «Практические уроки играть в карты и не проигрывать».

[55] Напр.: «Как жили-были наши предки славяне», «Как солдат спас Петра Великого».

[56] Напр.: «Русский лечебник д-ра Лаевского, который вылечил 34 000 человек», «Верное средство для ращения волос и для воспроизведения их на черепах самых лысых».

[57] Напр.: «Ключ к женскому сердцу, или Вернейшее средство покорить самое неприступное сердце. Составлено дон-Фердинандом, покорителем 473 женских сердец и благополучно скончавшегося на руках 474 обожательницы; от роду ему 97 лет, 3 месяца, 9 дней, 5 часов и 3 1/2 минуты», «Роль мущины в свете. Учитель молодых людей изысканным манерам, грациозным движениям, элегантному обращению, светской вежливости и наружному блеску, составляющих главную принадлежность образованного человека в среде аристократического общества», «Руководство к выбору жен», «Тактика волокиты», «Что нравится женщине в пожилом и некрасивом мущине».

[58] *Достоевский Ф. М.* Книжность и грамотность: Статья вторая // Полн. собр. соч. Т. 9. СПб., 1895. С. 108–151.

[59] «По рассказам офеней-книгонош, раньше поволжские крестьяне весьма падки были до покупки разных книжонок с заглавиями «позабористее», — теперь они стали меньше обращать внимания на названия, выбирая «что поскладнее»... Теперь книгоноши хорошо торгуют изданиями книжного склада «Посредника», дешевыми отдельными брошюрами сочинений Пушкина и др.» (Библиографические записки. 1892. № 12. С. 908).

[60] *Муратов М.В.* Указ. соч. С. 202–203 (табл.).

[61] Цит. по: *Либрович С.Ф.* Указ. соч. С. 6.

[62] См.: *Динерштейн Е.А.* «Фабрикант» читателей: А.Ф. Маркс. М., 1986. С. 49.

[63] Конечно, приложения не были в полном смысле слова бесплатными. Маркс как расчетливый предприниматель добился главного — увеличения числа подписчиков, и цена на журнал, повышенная незаметно для читателей, не только покрывала все расходы, но и давала значительную прибыль.

[64] О значении премий-репродукций писал историк искусства П.П. Гнедич: «В медвежьих углах и захолустьях, где скверный московский лубок является предметом роскоши, премия «Нивы» была своего рода откровением... Это были оригиналы, по которым дети учились рисовать, — это была школа для

целого подрастающего поколения» (*Гнедич П.* Художественные издания Маркса // Нива. 1904. № 50. С. 1008).

[65] А.Ф. Маркс говорил: «Я всегда держался такого правила — вместо того, чтобы издать две тысячи экземпляров по пятнадцати рублей, я издавал пять тысяч по семи. И редко ошибался в расчете. Если бы даже мое пятнадцатирублевое издание все разошлось с успехом, — я более был бы счастлив, распространив ту же книгу в двойном количестве экземпляров, но по цене вдвое более дешевой» (там же).

[66] Цит. по: *Либрович С.Ф.* Указ. соч. С. 123–124.

[67] Краткий очерк издательской деятельности Алексея Сергеевича Суворина и развития принадлежащей ему типографии «Нового времени». СПб., 1900. С. 9.

[68] Книга в России / Под ред. В.Я. Адарюкова и А.А. Сидорова. Ч. 2. М., 1925. С. 474.

[69] См.: *Динерштейн Е.А.* Издательская деятельность А.С. Суворина // Книга. Исслед. и мат-лы. Сб. 48. М., 1984. С. 116.

[70] *Сытин И.Д.* Указ. соч. С. 130.

[71] А.П. Чехов писал А.С. Суворину: «На днях я был у Сытина и знакомился с его делом. Интересно в высшей степени. Это настоящее народное дело. Пожалуй, это единственная в России издательская фирма, где русским духом пахнет и мужика-покупателя не толкают в шею, Сытин — умный человек и рассказывает интересно. Когда случится вам быть в Москве, то побываем у него на складе, и в типографии, и в помещении, где ночуют покупатели...» (*Чехов А.П.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 11. М., 1964. С. 37–39).

[72] В отличие от многих издателей, деятельность которых ограничивалась так называемым «горизонтальным комбинированием производства», т. е. только областью книгоиздания, выпуска журнальной продукции, полиграфии, фирма И.Д. Сытина была построена на вертикальном комбинировании производства. «Товарищество» владело паями бумагоделательных предприятий, типографиями, сетью книжных магазинов и складов, выпускало множество видов печатной продукции, рассчитанной на разные категории читателей (*Динерштейн Е.А.* И.Д. Сытин в нашей памяти // Сытинские чтения: Сб. науч. конфер. Вып. 1. М., 1991. С. 4).

[73] См.: *Орлов Б. П.* Указ. соч. С. 200.

[74] См.: *Динерштейн Е.А.* Акционерные компании в издательском деле пореформенной России // Книга. Исслед. и мат-лы. Сб. 63. М., 1991. С. 86–87.

[75] Лишь в 1900 г. паи «Товарищества И.Д. Сытина» были допущены к биржевой котировке в Москве. Современник свидетельствовал: «Легче учесть вексель праздного человека, нежели владельца, даже крупного, печатного заведения» (Графические искусства и бумажная промышленность. 1898. № 1. С. 3).

[76] Устав Русского общества книгопродавцев и издателей. СПб., 1883.

[77] Обзор Первой Всероссийской выставки печатного дела: Бюллетень. 1895. № 1–34.

[78] См.: *Клейменова Р.Н.* Указ. соч. С. 172.

[79] *Лисовский Н.М.* Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за 100 лет: 1782–1882. СПб., 1903. С.62.

[80] См.: *Мартынова-Понятовская Н.Г.* Материалы к истории французской книжной торговли в Москве // Сб. Публ. б-ки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 1. М., 1928. С.113–131; Вып. 2. М., 1929. С.153–180.

[81] См.: *Жихарев С.П.* Записки современника. М.; Л., 1955. С. 182–183.

[82] См.: *Зайцева А.А.* Иностранные книготорговцы в С.-Петербурге в конце XVIII — начале XIX в. // Книготорговое и библиотечное дело в России в XVII — первой половине XIX в. Л., 1981. С. 60.

[83] См.: *Зайцева А.* «Кабинеты для чтения» в Санкт-Петербурге конца XVIII — начала XIX века // Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI — XIX вв. Л., 1979. С. 40–41.

[84] См.: *Аблов Н.Н.* «Росписи книг» библиотеки издателя пушкинской эпохи А.Ф.Смирдина. Ее библиографическое значение и история // Сов. библиография. 1940. № 1. С. 59–77; *Кишкин Л.С.* Чехословацкие находки. М., 1985.

[85] См.: *Клейменова Р.Н.* Указ. соч. С. 176–180.

[86] *Булгарин Ф.* Воспоминания о добром книгопродавце, московском купце Василье Алексеевиче Плавильщикове // Сочинения Ф. Булгарина. Ч. 1. СПб., 1830. С. 135–136; см. также: Некрология В.А. Плавильщикова // Отечественные записки. 1823. № 41. С. 448.

[87] См.: *Лисенков И.Т.* Воспоминания в прошедшем времени о книгопродавцах и авторах // Материалы для истории русской книжной торговли. СПб., 1879; *Пыляев М.И.* Замечательные чудаки и оригиналы. СПб., 1898. С. 352; *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л., 1975. С. 224.

[88] Современник свидетельствовал: «Вы не встретите раздушенных и разряженных в пух франтов-приказчиков, но зато найдете учтивую и радушную прислугу, поставляющую себе за удовольствие исполнять всякое требование, всякий даже каприз ваш» (Ведомости Санкт-Петербургской полиции. 1840. № 46); см. также: *Симони П.* Материалы по истории книжной торговли. Ч. 2. Я.А. Исаков и его ученики // Книжная биржа. 1907. Январь.

[89] Бывший приказчик Смирдина Н.Г. Овсянников писал, что лотереи принесли «громадную пользу движению книжной торговли и книжному рынку», так как «вербовали новых читателей и покупателей» (*Овсянников Н.Г.* Воспоминания старого книгопродавца // Материалы для истории русской книжной торговли. С. 15).

[90] Северная пчела. 1831. № 286. С. 3.

[91] См.: *Глаголева О.Е.* Книжная торговля в Тульской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в. // Русские книги и библиотеки в XVI — первой половине XIX в. Л., 1983. С. 153–156.

[92] См.: *Парамонова Н.Б.* Г.И. и А.Г. Мясниковы — книготорговцы русской провинции первой половины XIX в. // Книга в России XVII — начала XIX в. Л., 1989. С. 72–79.

[93] 400 лет русского книгопечатания. Т. 1. С. 293.

[94] Северная пчела. 1844. № 199.

[95] См.: *Тараканова О.Л.* К истории термина «антикварная книга» в дореволюционной России // Букинистическая торговля и история книги: Межвед. сб. науч. тр. Вып. 4. М., 1995. С. 129–130.

[96] Характерно, что позднее букинисты, особенно провинциальные, практиковали выдачу книг «на прочет». Плата взималась «смотря по состоянию читателя». Этот метод торговли был популярным среди простонародья: он был выгоднее, чем приобретение книги, к тому же такие покупатели не были удовлетворены ассортиментом книг в бесплатных библиотеках и читальнях и просто стеснялись их посещать (см.: *Пудовина Е.* История книжной торговли в России конца XIX — начала XX в. // Книжное дело. 1944. № 2. С. 37).

[97] *Калайдович К.* Известие о древностях славяно-русских и об Игнатие Ферапонтовиче Ферапонтове, первом собирателе оных // Материалы для истории русской книжной торговли. С. 76.

[98] См.: *Симони П.К.* Книжная торговля в Москве XVIII–XIX столетий: Московские книгопродавцы Кольчугины в их книготорговой деятельности и бытовой обстановке. Л., 1927. С. 47–48.

[99] *Безсонов Т.* Тихон Федорович Большаков // День. 1863. № 52. С. 131.

[100] По воспоминаниям П.П. Шибанова, его отец, старый букинист, огорчился, когда он начал ими торговать: «Сын у меня оказался пустой человек, гражданизмом занялся» (*Шибанов П.П.* Антикварная книжная торговля в России // Книжная торговля: Пособие для работников книжного дела. С. 206.).

[101] *Мельгунов С.* Встречи // Голос минувшего. 1923. № 1. С. 219–220.

[102] *Астапов А.А.* Воспоминания старого букиниста // Библиографические записки. 1892. № 3. С. 223.

[103] *Ашукин Н.* Книжный торг // Красная нива. 1925. № 42. С. 1013.

[104] См.: *Лазаревский И.И.* Среди коллекционеров. СПб., 1914. С. 59; *Набоков В.В.* Дар. М., 1990. С. 235.

[105] *Иванов Е.П.* Меткое московское слово. М., 1982. С. 59.

[106] Яркие образы книготорговцев Апраксина рынка см. в воспоминаниях Н.И. Свешникова: Петербургские книгопродавцы-апраксинцы и букинисты // Исторический вестн. 1897. № 7. С. 81–98; № 8. С. 399–426; Воспоминания пропащего человека / Сост., вступ. ст., комментарии А.И. Рейтблата. М., 1996.

[107] См.: *Первов П.* Сухаревский книжный торг в Москве // Библиографические известия. 1915. № 3–4. С. 117–119.

[108] См.: *Тараканова О.Л.* Антикварная книга. М., 1996. С. 11.

[109] Напр., долго не продающиеся книги назывались «черствые ребята», «мерзлые кочерыжки», «запеканы»; красивая, но неинтересная книга — «красавица»; толстая неходовая книга — «слон»; фальсифицированная книга — «липа», «книга с начинкой», «ряженая книга».

[110] Книгопродавцы в бегах // Дело. 1876. № 2. С. 189.

[111] Отчет М.О. Вольфа за десять лет работы. СПб., 1866. С. 2.

[112] См.: *Либрович С.Ф.* Указ. соч. С. 455.

[113] Там же. С. 477.

[114] 400 лет русского книгопечатания. Т. 1. С. 421.

[115] См.: *Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике: Факты, цифры, наблюдения. М., 1895. С. 26–27.

[116] ПСЗ-II. Т. 40. Отд. 1. № 41779.

[117] См.: *Шпак А.П.* К вопросу о появлении в провинции прогрессивных книготорговых заведений в 60–70-е гг. XIX в. // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX в.: Сб. тр. Л.,1986. Вып. 2. С. 75–84.

[118] Книга в России. 1861–1881. Т. 1. М., 1988. С. 33.

[119] Полвека на просвещение Сибири. Томск, 1923; *Фельдман Е.* Первый книжный магазин в Сибири // Сов. кн. торговля. 1963. № 2. С. 44–45; *Сталева Т.* Сибирский просветитель Петр Макушин. Томск, 1990; *Григорьев Ю.В.* Выдающийся русский меценат Петр Иванович Макушин (1844–1926) // Книга. Исслед. и мат-лы. М., 1994. Сб. 68. С. 269–281; Книга в России. 1861–1881. Т. 2. С. 194–195.

[120] Об офенском промысле и обычаях оставил много свидетельств И.А. Голышев, бывший крепостной крестьянин, основатель литографии в Мстере. См., напр.: *Голышев И.А.* Офени — торгаши Владимирской губернии и их искусственный язык // Живописное обозрение. 1874. № 6. С. 93–96; № 13. С. 207; № 15. С. 232–234. См. также: *Воронина Т.А.* Русский лубок 20–60-х гг. XIX в.: Производство, бытование, тематика. М., 1993.

[121] Офеней называли также коробейниками, коробочниками, картинщиками, сумарями, щепетильниками, кантюжниками; их самоназвание — масыки.

[122] См.: *Горшков Ю.А.* Торговля народными изданиями и концентрация торгового капитала в лубочном книжном деле пореформенной России (1860–1870-е гг.) // Книжное дело в России во второй половине XIX в. Л., 1983. С. 110.

[123] См.: *Муратов М.В.* Указ. соч. С.120.

[124] Еще в XIX в. были составлены словари офенского (аманского) языка. Распространенный также среди мошенников, конокрадов, профессиональных нищих, по-видимому, именно он стал основой воровских языков и некоторых современных профессиональных жаргонов (см.: *Тихонравов К.Н.* Офени Владимирской губернии и словарь искусственного их языка. // Владимирский сборник. М., 1857. С. 22–27; *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1978. С. 30; Воровской язык // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. 7. СПб., 1892. С. 202; *Чалидзе В.* Уголовная Россия. М., 1990. С. 89).

[125] Согласно правилам 1865 г. о разносной книжной торговле, они должны были в каждом уезде получать промысловые свидетельства. Следующим ударом по офеням стало постановление правительства 1881 г., по которому разрешение на торговлю стало выдаваться губернатором, а не исправником. Произвол уездных властей сменился произволом и бюрократией губернского центра. Революционное движение 70–80-х гг. возбудило подозрения против офеней. Им предписывалось иметь свидетельство о политической благонадежности (см.: *Муратов М.В.* Указ. соч. С. 121).

[126] Homo novus. [*Кугель А.Р.*] Заметки кстати // Обзор Первой Всероссийской выставки печатного дела. 1895. № 14. С.8.

[127] См.: *Кудрявцев П.Ф.* Об устройстве книжных складов при земских учреждениях вообще и врачебных амбулаториях в частности. Пенза, 1899. С. 8; *Муратов М.В.* Указ. соч. С. 155.

[128] См.: *Веселовский Б.Б.* История земства за 40 лет. Т. I. СПб., 1909. С. 555.

[129] См.: *Кудрявцев П.Ф.* Указ. соч. С. 6.

[130] См.: *Чехов Н.В.* Земские книжные склады, их организация и просветительская деятельность. М.,[1905]. С. 5.

[131] Книжный склад Саратовского земства // Вестн. книгопродавцев. 1901. № 2. С. 21–22.

[132] См.: *Кудрявцев П.Ф.* Указ. соч. С. 6, 26; *Вахтеров В.П.* Книжные склады в провинции. М., 1894. С.8; *Говоров А.А.* История книжной торговли в СССР. М., 1976. С. 199.

[133] Отдельные склады настолько энергично разворачивали свою работу, что становились весьма успешными коммерческими предприятиями. Оборот Елисаветградского склада, в 1895 г. составивший всего 8 руб. 81 коп., увеличивался ежегодно в 20 раз и в 1898 г. достиг 12 378 руб. Одесский склад, начинавший свою торговлю в 1897 г. на пожертвованные 3 руб., довел продажу книг до 6 тыс. руб. в год и имел 8 отделений в пригородных селах (Последние сведения о провинциальных книжных складах // Вестн. книгопродавцев. 1901. № 10. С. 147; *Кудрявцев П.Ф.* Указ. соч. С. 10.).

[134] См.: *Кудрявцев П.Ф.* Указ соч. С. 15.

[135] См.: *Шибанов П.П.* Указ. соч. С. 235.

[136] См.: *Шилов Ф.Г.* Торговля старой книгой до революции и теперь / Публикация, вступление и прим. О.В. Андреевой // Проблемы источниковедения истории книги. Вып. 2. М., 1998. С. 144.

[137] См.: *Шибанов П.П.* Указ. соч. С. 225–227; *Шилов Ф.Г.* В.И. Клочков и Н.М. Волков // Альманах библиофила. Л., 1929. С. 261–276; *Шиндина А.Б.* Петербургский букинист В.И. Клочков и его библиофильское окружение // История библиотек в России: Исслед., мат-лы, док. Вып. 1. СПб., 1996. С. 135–154.

[138] *Шибанов П.П.* Указ. соч. С. 238–241; *Бухгейм Л.Э.* Афанасий Афанасьевич Астапов // Библиографические известия. 1918. № 1–2. С. 53–33.

[139] См.: *Верещагин В.А.* Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий (1720–1870): Библиогр. опыт. СПб., 1898. С. XXVIII.

[140] *Сидоров А.А.* Искусство русской книги // Книга в России. Т. 2. С. 167.

[141] Цит. по: *Гарелин Н.Ф.* Русское научное издательство в начале XIX века (Румянцовская эпоха) // Там же. С. 37.

[142] Цит. по: *Сидоров А.А.* История оформления русской книги. 2-е изд., испр. и доп. М., 1964. С. 221–222.

[143] В рассматриваемый период понятие типографской роскоши отличалось от современного и означало мастерство типографа.

[144] Размеры ее составляют 29×22 мм, на странице площадью около 6 мм^2 помещается до 500 знаков. Книга набрана специально созданным для нее отлитым из серебра шрифтом. По микроскопичности шрифта это издание превзошло выпущенную в 1827 г. А. Дидо книгу «Максимы» Ларошфуко (*Тараканова О.Л.* Антикварная книга. М., 1996. С. 77; *Сидоров А.А.* Книга — печать — искусство // Пятьсот лет после Гутенберга. М., 1968. С. 342).

[145] Цит. по: *Сидоров А.А.* История оформления русской книги. С. 264.

[146] Цит. по: Книга в России. Т. 2. С. 93.

[147] *Сидоров А.А.* Искусство русской книги. С. 160.

[148] *Куфаев М.Н.* Указ. соч. С. 75.

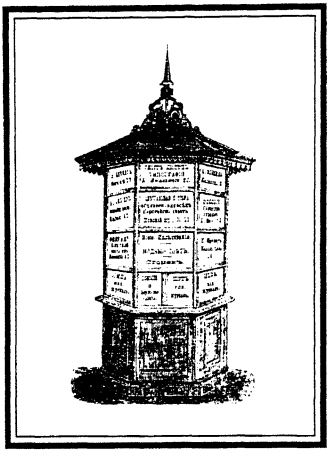
[149] См.: *Сидоров А.А.* Искусство русской книги. С. 233.

[150] См.: *Тараканова О.Л.* Антикварная книга. С. 88–89.

[151] См.: *Розанов И.Н.* Книга и люди в XIX веке // Книга в России. Т. 2. С. 468.

[152] Книга в России. 1861–1881. Т. 3. М., 1991. С. 87–88.

[153] Книга заключена в богатый футляр и шелковую (или парчовую) суперобложку. Белый шагреневый переплет украшен тиснением, инкрустацией и эмалью. Иллюстрации выполнены в технике хромолитографии. Книга изготавливалась в России, Германии и Франции по индивидуальным заказам, в украшениях использовано червонное золото. Современники называли «Византийские эмали» «книгой в княжеском уборе», «русским чудом», «истинным художественным событием». Издание обошлось Звенигородскому в 120 тыс. руб., оно не поступало в продажу и было разослано коронованным особам, известным ученым и в книгохранилища мира. Случайно попавшие на рынок экземпляры продавались по 1000 руб. золотом (Обзор Первой Всероссийской выставки печатного дела. 1895. № 20. С. 2; *Стасов В.В.* История книги «Византийские эмали». СПб., 1898; *Тараканова О.Л.* Антикварная книга. С. 238–240).



Л.Д. Дергачева

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

Эволюция прессы в XIX в.

Периодическая печать как элемент культуры играла большую роль в русском обществе XIX в.[1] Ее деятельность была многообразна, но наиболее ярко проявила себя пресса при формировании информационного пространства, распространении просвещения и в качестве средства политической борьбы. Периодика России накопила большой опыт в течение всего предшествующего времени. XIX век, особенно вторая его половина, стал для нее новым этапом развития, обретением зрелости. Он отмечен не только небывалым количественным ростом периодических изданий: если за весь XVIII в. в России разновременно выходило 119 наименований, то за XIX в. — 2 713[2]. Шло развитие отраслевого компонента журналистики, интенсивное размежевание ее по идейным направлениям. С начала столетия стало оформляться законодательство о цензуре, определявшее условия функционирования печати. Периодика заняла важное место в общественной жизни.

В XIX в. не сразу возникли новые терминологические обозначения, необходимые для прессы. Первоначально использовались те, которые появились в предшествующее столе-

тие. По мере развития журналистики они уточнялись, рождались и новые спецификации. Самый общий термин «повременная печать», применявшийся в XVIII в. ко всем формам периодики, раскрывал своеобразие прессы как явления. Он зафиксировал ее главный признак — выход в свет через определенные промежутки времени, хотя в XVIII в. этот принцип и не всегда строго соблюдался. В понятие прессы включали журналы, газеты, альманахи, периодические сборники, труды, бюллетени. Термин «повременная печать» применялся и в XIX в., но постепенно он был заменен на более современный — «периодическая печать». Дифференциация всех близких по смыслу понятий журналистики приходится на середину XIX в.

Состояние прессы в эпоху Павла I историки оценивали негативно: «К началу XIX в. русская журналистика представляла собой нечто крайне жалкое, ничтожное и забитое. Да и могло ли быть иначе, если в последние десять лет царствования Екатерины II и во все время царствования Павла русская печать испытывала одни лишь унижения»[3]. В результате этого XIX в. получил очень небольшое наследство. В 1801 г. в стране выходили две газеты («Санкт-Петербургские ведомости» (1728–1917) и «Московские ведомости» (1756–1917), четыре журнала и пять сборников[4]. Из этих изданий шесть прекратили свое существование уже в 1801 г. В провинции периодических органов вообще не было. Но уже за первую четверть XIX в. пресса выросла до 42, а к 1850 г. — до 125 названий[5]. Появились издания разного типа, вида и форм, различной отраслевой направленности. Эволюция ее типологической структуры происходила под влиянием многих факторов, но более всего зависела от политических и экономических преобразований, численности и уровня грамотности населения, изменений в социальной структуре общества.

В типологической системе прессы в первой половине века, если исходить из издательской принадлежности, центральное место занимала официальная печать — правительственная, ведомственная, местных органов власти. К такому типу изданий относились «Санкт-Петербургский журнал» (1804–1809), издававшийся Министерством внутренних дел, «Журнал мануфактур и торговли» (СПб., 1825–1866), орган Министерства финансов, «Журнал Министерства народного просвещения» (СПб., 1834–1917), «Губернские ведомости», существовавшие при губернских правлениях, и т. п. Сектор частной периодики по своим масштабам был значительно меньше.

Развитие литературы, науки и других областей культуры способствовало быстрому росту числа изданий и самой широкой их

специализации. Представление об этом дают уже названия некоторых новых журналов и газет, созданных в первой половине века: «Друг просвещения» (1804–1806), «Военно-медицинский журнал» (СПб.–М.; издается с 1823 г. до настоящего времени), «Горный журнал» (М.; издается с 1825 г. до настоящего времени), «Литературная газета» (СПб., 1830–1831), «Отчеты Русского географического общества» (СПб., 1845–1911). Сектор научной и специальной периодики в XIX в. оказался самым развивающимся: 1805 г. — 8 изданий, 1855г. — 61, 1900 г. — 508[6]. Она издавалась министерствами и ведомствами, высшими и средними учебными заведениями, научными обществами. Особенно много изданий выпускали крупнейшие научные центры — академические и университетские. Показательна в этом отношении деятельность Российской Академии[7]. Областью ее научных интересов было языкознание, история, география, славяноведение. В первой половине века Академия публиковала «Сочинения и переводы, издаваемые Императорской Российской Академией» (СПб., 1805–1823), «Известия Российской Академии» (1815–1828), ежегодник «Повременное издание Российской Академии» (1829–1832), «Краткие записки...» (1834–1835), «Труды Российской Академии» (1840–1842). Первая половина столетия отмечена появлением специальных повременных изданий по истории. Это явилось результатом деятельности Общества истории и древностей российских при Московском университете: «Записки» и «Труды» 1815–1837 гг., «Русский исторический сборник» (1837–1844), одно из лучших исторических изданий — «Чтения в Обществе истории и древностей российских» (1846–1848, 1858–1918). Постепенно формировался блок изданий, посвященных искусству. В 1806–1807 гг. выходило одно из первых музыкальных периодических изданий — «Журнал отечественной музыки» (М.), в 1807 г. издавался «Журнал изящных искусств» (М.), в 1847–1878гг. — музыкально-театральный ежемесячник «Музыкальный свет» (СПб.). Получает развитие медицинская и педагогическая пресса.

Журналистика ориентировалась на запросы отдельных слоев и групп читательской аудитории. Появилась периодика, адресованная женщинам, например, «Дамский журнал» (М., 1823–1833) помещал переводы сентиментальных французских повестей. Первый в России журнал для детей «Детское чтение для сердца и разума» был издан в 1785 г. В XIX в. этой категории читателей уделялось специальное внимание, учитывались особенности разных возрастных групп. На детей младшего и среднего возраста были рассчитаны 154 книги «Детского музеума» (СПб., 1815–1829), иллюстрированные изображениями животных, растений,

минералов, одежды разных народов, а также журнал «Звездочка» (СПб., 1842–1863), «Журнал для детей» (СПб., 1851–1865). Молодежь уже в начале века имела свой журнал «Друг юношества» (М., 1807–1815).

Типологическое разнообразие прессы к середине столетия выросло настолько, что позволяет говорить о соответствии ее практически всем информационным запросам общества.

Преобладающей формой периодических изданий в XVIII в. были сборники и литературные альманахи. Последние стали необычайно популярны примерно в 1823–1835 гг. Они выходили в большом числе, печатали произведения лучших отечественных литераторов, адресовались первоначально элите, а затем более широкому кругу читателей. Альманахи «Северные цветы» (СПб., 1825–1832) и легальный орган декабристов «Полярная звезда» (СПб., 1823–1825), издававшийся А.А. Бестужевым и К.Ф. Рылеевым, объединяли лучших прозаиков и поэтов: А.С. Пушкина, Е.А. Боратынского, А.С. Грибоедова, В.А. Жуковского. В середине 30-х гг. альманах был сменен толстым журналом.

Ведущими формами периодической печати XIX в. стали газеты и журналы. Обе формы не были новыми. Первая в России печатная газета «Ведомости» появилась в 1703 г., а первый журнал «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в «Ведомостях» — приложение к «Санкт-Петербургским ведомостям» — в 1827 г. Однако только в XIX столетии российские газеты и журналы приобрели современный вид, вобрав в себя постепенно все основные признаки этих форм. Современники четко формулировали их главные отличительные черты. «Девиз газеты есть новость, девиз журнала — основательность новостей»[8], — писал Н.А. Полевой. Соотношение этих двух форм постепенно менялось. Первая половина века отмечена главенством журнала.

В начале XIX в., когда история журнала современного типа только зарождалась, чаще всего встречался моножурнал, который создавался одним лицом и заполнялся обычно его же произведениями. Но развитие журнала в качестве особой формы периодики происходило быстро. Содержательно в первой половине столетия он эволюционировал от литературного к энциклопедическому. Об этом свидетельствуют структурные изменения трех крупнейших изданий. Уже «Вестник Европы» (М., 1802–1830) наряду с художественно-критическими проблемами обсуждал и общественно-политические. Он во многом определил тип толстых журналов XIX в. «Вестник Европы» имел два отдела: 1-й — литература и смесь, 2-й — политика. «Московский телеграф» (1825–1834), продолжая линию

на отход от чисто литературного журнала, создает отделы изящной словесности, науки и искусства, критики и библиографии, известий и смесь. «Библиотека для чтения» (СПб., 1834–1865) имеет в своей структуре уже традиционные для своего времени отделы русской словесности, иностранной словесности, науки и художеств, промышленности и сельского хозяйства, критики, литературную летопись, смесь.

Хотя в первой половине века газет в сравнении с журналами издавалось меньше и по значению они стояли на втором плане, этот период был для них очень важным: именно в это время они складываются как тип издания: формируются их специфические черты в отношении содержания, периодичности, характера информации, жанров, внешних особенностей. По мере увеличения числа газет наблюдается их дифференциация: оформляются группы литературных, общественно-политических и отраслевых изданий. Во втором десятилетии появляются первые газеты в провинции. В содержании газет все больше места отводится промышленной информации. С конца 30-х гг. делаются неоднократные попытки издания промышленных газет. Несмотря на препятствия, чинимые властями, создаются частные газеты.

Жанровая палитра прессы в первой половине века была уже достаточно разнообразной: статья, памфлет, годовое обозрение литературы и политики, театральная рецензия, заметка. Именно в этот период появились некоторые из ее жанровых разновидностей. Например, родоначальником интервью считается Н.М. Карамзин, но подлинный расцвет эта форма переживает в пореформенное время. Газета «Северная пчела» (СПб., 1825–1864) впервые ввела в журнальную практику фельетоны, которые еженедельно писал Ф.В. Булгарин.

Важной вехой в эволюции журналистики стали изменения периодичности изданий, а также размеров журнальных и газетных площадей. Основная масса журналов выходила ежемесячно («Библиотека для чтения», «Отечественные записки» (СПб., 1839–1884), некоторые — два раза в месяц («Вестник Европы», «Московский телеграф») или еженедельно («Сын отечества». СПб., 1812–1844; 1847–1852). Ежедневных изданий было мало даже среди крупных газет. Первыми с такой периодичностью стали выходить «Санкт-Петербургские ведомости» (с 1800 г.). Газеты могли печататься два или три раза в неделю, один раз в пять дней («Литературная газета»). Основная часть «Губернских ведомостей» в 30–50-е гг. издавалась еженедельно. Но и для журнальных и для газетных форм был заметен прогресс в этом отношении. Так, «Труды Вольного экономического общества» до 20-х гг. выходили по од-



Николай Алексеевич Полевой

ному тому в год, а в 1842–1862 гг. — от двух до двенадцати томов в год. Ежедневной с 1831 г. стала «Северная пчела» (ранее издавалась три раза в неделю). «Московские ведомости» до 1842 г. печатались два, затем три раза в неделю, а с 1859 г. — ежедневно.

Газеты демонстрировали также наращивание площади номера: «Санкт-Петербургские ведомости» до 1805 г. — 4 доли листа, потом 2 д. л.; «Московские ведомости» до 1837 г. — 4 д. л., далее — лист малый. Однако в информационных объемах прессы наблюдались большие колебания. Например, в эпоху реакции 1848–1855 гг., когда произошел резкий спад в журналистской деятельности, формат многих изданий уменьшился. Даже «значительнейшая газета прежней эпохи «Северная пчела» выходила небольшой четвертушкой скверной бумаги, разделенной на три столбца»[9].

Для России с ее огромной территорией, длительным процессом формирования провинциальной прессы и большим спросом на столичные издания во всех уголках страны существенным был вопрос распространения периодики. В первой половине века главную роль в решении этой проблемы играла подписка. Например, на «Московские ведомости» она принималась в университетской типографии, на Московском, Малороссийском и Казанском почтамтах. Розничную продажу устраивали только тогда, когда газета печатала официальные документы особой важности. Доставку прессы подписчикам осуществляла почта. Подписная цена была зна-

чительной. За научные журналы платили меньше. Один том «Трудов Вольного экономического общества» оценивался в 2–4 руб. серебром. За «Ученые записки Казанского университета» (1834–1861) в год платили 30–35 руб. ассигнациями, а с 1840 г. — 8 руб. 60 коп. серебром. Литературные издания обходились дороже. Подписная цена «Библиотеки для чтения» в 30-е гг. — 50 руб. — считалась невысокой[10].

В результате нередко часть тиража не расходилась, и ее рассылали бесплатно. Подобные трудности хронически испытывал журнал «Украинский вестник» (Харьков, 1816–1819). В 1816 г. из 350 экз. тиража этого издания более половины разослали даром. Но и в последующие годы не было соответствия между тиражом и числом подписчиков[11]. Хотя на газеты подписная цена была меньше, но и на них было непросто найти достаточное число подписчиков, особенно в провинции. Распространению «Харьковских известий» (1817–1823) пытался помочь университет, обращавшийся с просьбой о выписке газеты «ко всем официальным покровителям просвещения: губернаторам, архиереям, предводителям дворянства, смотрителям и директорам»[12]. В конце концов из-за недостатка подписчиков газета прекратила свое существование. Трудности с распространением испытывали и столичные издания. В 40-е гг. по подписке обычно расходилось не более 300 экз. — около половины тиража[13] — «Трудов Вольного экономического общества».

Читатели нередко прибегали к подписке в складчину. Помощь в распространении прессы оказывали также платные библиотеки. Иногда они даже бывали специализированными. Так, в Казани в 30–40-х гг. А.Г. Мясников открыл при своем книжном магазине библиотеку для чтения периодических изданий, где была представлена почти вся отечественная периодика (петербургские и московские газеты, журналы «Современник» (СПб., 1836–1866), «Сын отечества», «Северный архив» (СПб., 1822–1828), «Казанский вестник» (1821–1833), «Заволжский муравей» (Казань, 1832–1834) и др.)[14].

Поскольку подписка являлась основным каналом распространения прессы, по ней можно судить о тиражах изданий, хотя, как правило, полностью оба показателя не совпадали. Журнальная периодика издавалась числом от нескольких сотен до нескольких тысяч экземпляров. Подтверждение этому находим в высказываниях современников: «...журнал, имеющий пять тысяч подписчиков, есть редкость неслыханная» (В.Г. Белинский)[15], «у Пушкина семьсот подписчиков, немного» (А.Н. Карамзин)[16]. Скромными были тиражи провинциальных журналов. Калужская «Урания» в 1804 г. насчитывала всего 139 подписчиков. Число подпис-

чиков журнала «Казанский вестник» на протяжении 20-х гг. уменьшилось с 500 до 200[17]. Самые большие тиражи имели издания на пике своей популярности: «Библиотека для чтения» — до 7 тыс. экз., «Отечественные записки» в 1840 г. — 4 тыс., «Современник» в 1848 г. — 3,1 тыс. экз. Для газет первой половины века 2–3 тыс. подписчиков были показателем известного успеха издания. Тиражи «Московских ведомостей», колебавшиеся в пределах 6–9 тыс., считались большими. Провинциальные газеты начинали с малого числа подписчиков (у «Казанских известий» (1811–1820) в год основания их было всего 136), но со временем их число увеличивалось.

Достоверность, полнота содержания периодических органов, особенно газет, всегда во многом зависят от состояния источников информации. Вплоть до 60-х гг. такими источниками в журналистике служили казенные издания, заявления официальных представителей министерств и ведомств, заграничная пресса. В провинции широко пользовались перепечатками из столичной периодики, тем более что этого требовала власть. В 1818 г. министр народного просвещения А.Н. Голицын настоятельно советовал «Харьковским известиям» в связи с заимствованиями ими политических новостей из варшавских изданий: «...лучше почерпать сии известия из газет и журналов, издаваемых в Санкт-Петербурге»[18]. С начала 50-х гг. огромную роль в систематическом снабжении прессы более надежной и полной информацией сыграло появление собственных корреспондентов. До этого времени в отечественной журналистике такого понятия не существовало. Впервые спецкор появился в 1851 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» при редакторе А.Н. Очкине для освещения лондонской всемирной выставки — это было так необычно, что шесть месяцев об этом торжественно оповещался читатель[19].

Важным фактором развития журналистики являлось состояние технической базы. В первой четверти XIX в. она оказалась явно слабой. Из-за небольших тиражей выпуск периодики стоил очень дорого и часто не окупал себя. Но постепенно положение изменялось. Росло число типографий. С 17 в начале века до 34 в 30-х гг. увеличилось их число при губернских правлениях, что позволило правительству приступить к изданию «Губернских ведомостей». Одновременно шла замена устаревшего оборудования и шрифтов. К числу лучших относились типографии Московского университета, Академии наук. С середины 30-х гг. они стали закупать новейшие скоропечатные машины, использование которых уменьшало — почти вдвое[20] — производственные затраты.

Выпуск газеты или журнала требовал больших средств. Источниками финансирования официальной прессы были поступления от казны и ведомств. Частные органы печати получали деньги от учредителей, издателей, пожертвования от меценатов. Обе группы изданий использовали подписку. С самого начала века проявилось стремление к самоокупаемости периодики. Одним из способов решения этой задачи стало установление такой высокой подписной цены, которая обеспечивала бы доход даже при самых неблагоприятных обстоятельствах. Уже упоминавшийся «Украинский вестник», рассылая бесплатно из-за нехватки подписчиков часть своего тиража, ухитрялся тем не менее получать доход. В 1817 г. его издержки составили 4,6 тыс. руб., от подписчиков было собрано 5,3 тыс. руб.[21] Другой путь получения дохода — публикация объявлений — для подавляющей части прессы очень долго оставался закрытым. В 30-е гг. частные объявления разрешалось печатать только в столичных «Ведомостях», а в 40-х гг. еще и в «Русском инвалиде» (СПб., 1813–1917), «Литературной газете» (СПб., 1840–1849), «Одесском вестнике» (1827–1893) и «Губернских ведомостях».

Доход от некоторых изданий в первой половине XIX в. составлял значительную сумму. «Вестник Европы» давал до 6 тыс. руб. в год[22]. «Русский инвалид» в 20-е гг. ежегодно приносил издателю 40–60 тыс. руб. ассигнациями. Деньги эти шли в пользу инвалидов[23]. Имевший огромный успех альманах «Полярная звезда» доставил от 1,5 тыс. до 2 тыс. руб. чистой прибыли[24]. Одним из первых журналов, который стал систематически окупаться, был «Сын отечества» Н.И. Греча. Постепенно формировалось представление о преимуществах организации журналистики на коммерческой основе. «Эта перемена (от убыточного издания к доходному. — *Л. Д.*) была полезна и публике, и литературе: редакторы журналов сделались зависимыми от читателей...Издатели получили возможность награждать существенно своих сотрудников»[25]. Признаком коммерциализации стало появление конкуренции. О ее внешних проявлениях А.С. Пушкин писал П.В. Нащокину в январе 1836 г.: «Денежные обстоятельства мои плохи — я принужден был приняться за журнал. Не ведаю, как еще пойдет. Смирдин уже предлагает мне 15 000, чтобы я от своего предприятия отступился»[26].

В 30–40-х гг. использование периодики как доходного предприятия становится привычным делом. Одним из первых крупных и успешных коммерческих предприятий в журналистике была «Библиотека для чтения». Как только она стала приносить убытки, А.Ф. Смирдин передал ее в 1848 г. книгопродавцу В.П. Печаткину. А.С. Пушкин, приступая к изданию «Современника», рас-

считывал расплатиться с первоочередными долгами, надеясь на получение 25 тыс. руб. ассигнациями годового дохода. Правда, надежды издателя не оправдались. В эту сумму обошлись только расходы на бумагу, типографские работы и гонорар авторам: журнал плохо расходился. Н.А. Полевой признавался в письме брату: «Я думал, что издание «Русского вестника» (СПб., 1841–1844. — *Л. Д.*) даст хоть некоторые средства, хоть облегчит платежи на время»[27].

В первой половине XIX в. журналистика сделала еще один важный шаг в своем развитии: она стала профессией. Об этом свидетельствовало формировавшееся представление о предназначении и профессиональных качествах людей, работавших в прессе. «Журналист — поставщик и слуга публики»[28], «человек умный, ловкий, сметливый, деятельный — качества, составляющие необходимое условие журналиста; ученость здесь не мешает, но не составляет необходимого условия журналиста, для которого в этом отношении гораздо важнее, гораздо необходимее универсальность образования, хотя бы и поверхностная, многосторонность познаний, хотя бы и верхоглядных, энциклопедизм, хотя бы и мелкий»[29].

В среде дворян литературным трудом занимались в просветительских целях или же он был предметом личных увлечений, что допускалось, но без вознаграждения. Для разночинцев журналистика являлась средством продвижения по социальной лестнице. В результате в силу разных причин, но обе группы поставляли кадры для прессы.

Для местной прессы типичной была фигура сотрудника из ссыльных. Среди них было немало талантливых литераторов и ученых. А.И. Герцен в конце 30-х гг. редактировал «Прибавления» к «Владимирским губернским ведомостям». К этому времени журнал «Телескоп» (М., 1831–1836) уже опубликовал его первый очерк «Гофман». «Саратовские губернские ведомости» в 1848–1850 гг. редактировал сосланный в Саратов известный историк, профессор Киевского университета, один из организаторов Кирилло-Мефодиевского общества Н.И. Костомаров. Так что профессиональная когорта журналистов рекрутировалась из людей, принадлежавших к разным социальным слоям, с разным уровнем образования, разными взглядами и убеждениями.

Из этой постепенно складывавшейся профессиональной общности можно выделить группу деятелей прессы, которые пользовались наибольшей известностью в первой половине XIX в. Все они в той или иной степени обладали талантом, публицистическим и организаторским. Как и в любой другой профессии, роль

талантов была особой: их достижения определяли вектор движения журналистики, им подражали, на них равнялись в профессиональном плане.

Начало века ознаменовалось активным участием в периодической печати писателя и историка Н.М. Карамзина. Он утвердил новый для России тип издания — литературный альманах «Аглая» (М., 1794–1795), основал первый частный литературно-политический журнал «Вестник Европы», по образцу которого строились во многом толстые журналы XIX в.

Важную роль в развитии отечественной прессы сыграл писатель и историк Н.А. Полевой. Сын курского купца, самоучка, не получивший систематического образования, с 1817 г. он начал печататься, переехал в Москву, где в течение десяти лет издавал и редактировал «Московский телеграф» — «первый образец европейского журнала»[30]. Это издание имело хороший литературный отдел, содержало разнообразную информацию о науке и политике. В «Телеграфе» подвергались строгой оценке все литературные явления. Н. Полевой сам признавал позднее: «...первый я сделал из критики постоянную часть журнала русского, первый обратил критику на все важнейшие современные предметы»[31]. Журнал Полевого был запрещен, что сильно повлияло на издателя. Он отказался от своих либеральных воззрений, правда, писать продолжал, но уже в духе теории официальной народности. Современники высоко оценили его профессионализм. В.Г. Белинский написал о Полевом: «...он владел тайной журнального дела, был одарен для него страшной способностью. Он постиг вполне значение журнала как зеркала современности... "Московский телеграф" был решительно лучшим журналом в России от начала журналистики». Полевой «воспитал своим журналом несколько юных поколений и сделался вечным образцом журналиста»[32].

Центральной фигурой демократической журналистики стал В.Г. Белинский. Исключенный из Московского университета в 1832 г. за свои прогрессивные взгляды, он связал свою жизнь с прессой, сотрудничал в «Телескопе», после его закрытия — в философском журнале «Московский наблюдатель» (1835–1839), а в 1839–1848 гг. — в «Отечественных записках» и «Современнике». Выдающийся литературный критик и публицист, Белинский превратил «Отечественные записки» в самый популярный журнал 40-х гг., демократический по содержанию, политически заостренный, полемический по характеру. Перейдя из-за противоречий с издателем в «Современник» в 1846 г., Белинский идейно возглавил этот журнал и придал ему революционно-демократическую направленность.

К числу талантливых публицистов консервативного направления относились М.П. Погодин и О.И. Сенковский, профессора Московского и Петербургского университетов. С 1834 г. Сенковский — редактор «Библиотеки для чтения», широко известный читающей публике под псевдонимом Барон Брамбеус. Разносторонне одаренный человек, блестящий организатор, он добился того, что его журнал читали по всей России. В 30-х гг. О.И. Сенковский, Н.И. Греч и Ф.В. Булгарин составили триумвират, печально прославившийся своей борьбой с «Современником» Пушкина, с писателями натуральной школы и защитой теории официальной народности.

Н.И. Греч и Ф.В. Булгарин были одними из самых известных литераторов и журналистов 20—40-х гг. Булгарин выпускал первый специальный журнал по истории, географии и статистике России «Северный архив», журнал «Литературные листки» (СПб., 1823—1824), первый отечественный театральный альманах «Русская Талия» (СПб., 1825). Он вместе с Гречем создал и редактировал первую частную газету с политическим отделом «Северная пчела». Этот крайне официозный орган был самой популярной газетой вплоть до второй половины 40-х гг., судя по тиражу (от 1,5 до 9 тыс. экз. в разные годы), превышавшему тираж любой другой газеты). Позднее она потеряла популярность из-за значительных изменений в читательской аудитории. Булгарин и Греч принадлежали к той части издателей и литераторов, которые стремились к коммерческому успеху прессы. В этих целях они старались соответствовать вкусам самых нетребовательных читателей, руководствуясь сформулированными Булгариным принципами: «большинство публики любит легкое», «заглавие иногда и даже часто заменяет дело» и т. п.[33] Но зато в число их читателей вовлекались более демократические слои населения.

Очень долго воевал с Булгариным, Гречем и Сенковским издатель «Сельского чтения» (СПб., 1843—1848) литератор В.Ф. Одоевский. Расцвет его деятельности пришелся на 30—40-е гг. Он сыграл большую роль в обосновании и распространении самых прогрессивных идей о прессе: был сторонником свободы мысли, свободы печати, высоко оценивал общественную роль периодики.

Внешним признаком профессионализации журналистики стал переход к гонорарной системе оплаты труда. Единичные случаи такого рода относятся к началу века. За редактирование «Вестника Европы» в 1802—1803 гг. Н.М. Карамзин получал 3 тыс. руб. в год. Этот факт расценивается как первый случай такой оплаты. Данная сумма была сравнима с годовым жалованьем президента Российской Академии (3,6 тыс. руб. в 1818 г.)[34]. Авторский гонорар впер-

вые в России ввели издатели «Полярной звезды» А.А. Бестужев и К.Ф. Рылеев[35]. Систематическое вознаграждение за журналистский труд стало практиковаться в 1830-х гг. издателем А.Ф. Смирдиным. В журналах формировались стабильные ставки оплаты. Поэт Д.В. Давыдов сообщал А.С. Пушкину в марте 1836 г.: «Смирдин давал мне по 300 руб. за печатный лист»[36]. В качестве издателя «Современника» Пушкин информировал одного из авторов: «За лист печатный я плачу по 200 руб. Не войдем ли мы и в торговые сношения?»[37]

В первой половине века профессиональные кадры, т. е. лица, живущие на литературные доходы, были немногочисленны (в 30–40-е гг. 20–30 человек)[38]. Среди них — А.С. Пушкин, Н.И. Греч, Н.А. Полевой, В.Г. Белинский. Не случайно свое прошение об открытии нового издания (31 декабря 1835 г.) Пушкин аргументировал так: «Отказавшись от участия во всех наших журналах, я лишился и своих доходов. Издание таковой Review доставило бы мне вновь независимость, а вместе и способ продолжать труды, мною начатые»[39]. Примерно в таком же положении в 1836 г. оказался и Белинский: с закрытием журнала «Телескоп» он был вынужден больше года жить на средства друзей. В основном на гонорары могли прожить редакторы и сотрудники редакций. Их доход был стабильнее и выше, чем у авторов: например, А.Ф. Смирдин платил редакторам «Библиотеки для чтения» 15 тыс. руб. ассигнациями в год. Белинский в «Телескопе» получал 3 тыс. руб.[40], а в первой половине 40-х гг. за руководство отделом критики и библиографии «Отечественных записок» — 5 тыс. руб. в год. В эту сумму входил гонорар за его статьи и рецензии[41]. Редакторы «Трудов Вольного экономического общества» в 50-х гг. зарабатывали 1800 руб. в год плюс 25 коп. за каждый подписной и по 1 руб. за каждый экземпляр, проданный по подписке сверх 3 тыс. В эти годы общество выделяло ежегодно 2,5 тыс. руб. для вознаграждения авторов, которым давали 100 руб. ассигнациями за печатный лист[42]. Уже в 30–40-х гг. оплата труда была дифференцированной. Известным авторам платили выше средних сумм. Например, у Смирдина гонорар знаменитых писателей составлял до тысячи рублей за печатный лист.

Все более четко определялись фигуры учредителя, издателя, редактора, их роль и место в журналистском деле. Учредитель был инициатором того или иного издания. Под издателем подразумевался владелец периодического органа. Но это понятие включало и обязанности «печатника», т. е. ответственность «за исправный выход книжек, за их типографическое достоинство, за хорошую и честно выполняемую плату сотрудникам журнала»[43]. Редактору



Николай Иванович Греч

отводилась главная роль в определении характера и содержания издания. В XVIII в. все эти обязанности чаще всего совмещались одним лицом. В XIX в. активно шел процесс разделения функций. В 1802 г. учредителем «Вестника Европы» стал книгопродавец, один из арендаторов типографии Московского университета И.В. Попов. Как издатель он оставил за собой заведование материальной частью, а редактором пригласил Н.М. Карамзина. Эта схема прослеживается затем во многих органах прессы. Учредив «Библиотеку для чтения», А.Ф. Смирдин взял на себя финансово-хозяйственные дела, назначив О.И. Сенковского редактором с неограниченными полномочиями.

На протяжении всего XIX в. в журналистике существовало явление аренды изданий. В первой половине века к ней часто прибегали из-за трудностей с открытием нового периодического органа. Отношения арендатора с владельцем складывались по-разному: от всестороннего контроля со стороны владельца за деятельностью арендатора до полного невмешательства в дела издания. Арендатор обычно становился редактором, и поэтому с явлением аренды могло быть связано резкое изменение направления журнала или газеты.

Среднестатистический срок жизни одного периодического издания за два века существования отечественной прессы невелик — 9,29 года, по подсчетам Н.М. Лисовского. И хотя наблюдалась

тенденция к удлинению в среднем жизни отдельного издания, из 2,7 тыс. периодических органов, выходивших в XIX столетии в разные годы, только три смогли просуществовать на всем его протяжении. Этот факт настолько нетипичен для российской прессы, что на нем стоит остановиться особо. Речь идет о газетах «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости» и журнале «Труды Вольного экономического общества». Из других изданий по длительности существования с ними сопоставима газета «Русский инвалид», но она возникла уже в XIX в.

В международной практике такого рода факты не являются исключением. Стабильно функционировавшими на протяжении XIX столетия изданиями были газета «Таймс» в Англии (с 1785 г.), «Нью-Йорк пост» в США (с 1801 г.) и др. Русские газеты уступали им по многим параметрам. Например, тираж «Таймс» в период Крымской войны составлял 52 тыс. экз., а «Московских ведомостей» — 2 тыс. экз.[44] Но в целом факт долгожительства изданий свидетельствовал о том, что российская пресса развивалась в общем русле с мировой журналистикой.

Названные издания, вокруг которых в информационном поле рождались и исчезали все новые журналы и газеты, оставались постоянно в строю. Они знаменовали связи с традициями предшествующего времени и превратились в своеобразный стержень, поддерживавший систему прессы, которая в XIX в. продолжала свое формирование. В этом плане издания-долгожители, прежде всего газеты, правомерно рассматривать как ведущие издания. Само определение «ведущий» в русском языке соответствует понятию «лидер», «руководитель». В отечественной историографии в их число справедливо зачисляют издания, наиболее сильно влиявшие на общественное мнение. Но лидеров можно выделять и по другим критериям. Феномен долгожительства указывает на умение не просто приспосабливаться, но изменяться согласно требованиям времени. Вновь возникавшие в XIX в. издания вольно или невольно равнялись на давно существующие периодические органы. Прежде всего это относилось к первой половине столетия: «Петербургские» и «Московские» ведомости отличались известной консервативностью и не претерпели особых изменений в программе и оформлении на протяжении первой четверти XIX в., они оказывали значительное влияние на новые газеты, которые предпринимались по их образцу[45].

Важным фактором стабильности газет-долгожителей, особенно в первой половине века, была их принадлежность к наиболее устойчивой группе — официальных и справочных изданий. Средняя долговечность последних составляла 19 лет, в то время как научных — 8,2, политических, общественных и литературных —

6,3 года[46]. Обе газеты были ведомственными: «Санкт-Петербургские ведомости» принадлежали Академии наук, «Московские ведомости» — Московскому университету. Академия и университет подчинялись Министерству народного просвещения. В силу принадлежности государственной системе издающие учреждения демонстрировали явную приверженность официальной идеологии.

Ведомственная принадлежность определяла характер и направление газет : учрежденные как официальные издания, они публиковали на своих страницах правительственные указы, известия о придворных празднествах и приемах, зарубежную политическую информацию. Через «Санкт-Петербургские ведомости» обнародовались важнейшие правительственные документы, например обвинительные материалы по делу декабристов (№ 58 от 20 июля 1826 г.). С 1826 г. «Санкт-Петербургские ведомости» стали монополистом в публикации сообщений политического характера[47]. «Московские ведомости» в 1810 г. исходатайствовали привилегию печатать высочайшие и сенатские указы, рескрипты, реляции, что поддерживало официальный статус газеты. Кроме того, официальный характер «Ведомостей» проявлялся в тенденциозном изложении фактов.

Даже сдавая свою газету в аренду, университет строго следил за ней, она не подвергалась общей цензуре, ответственность за нее несло университетское начальство[48]. Очевидно, именно на это обстоятельство намекал Н.Г. Чернышевский, когда писал, что ее редактор «должен был бороться со множеством затруднений, от которых избавлены были другие редакторы, стоявшие в положении, более независимом от постоянных вмешательств, препятствующих улучшениям»[49]. В связи с таким надзором «Московские ведомости» сохраняли официальные позиции практически всю первую половину века.

Издававшее «Труды» Императорское Вольное экономическое общество было учреждено в 1765 г. в Петербурге крупными землевладельцами в качестве независимой от правительственных ведомств организации, но входившее в его название слово «императорское» и характер его связей с высшей властью свидетельствовали о лояльности общества. Еще при его основании Екатерина II приняла общество «в особливое наше покровительство». Его права и привилегии, полученные в XVIII в., были подтверждены рескриптами Николая I и Александра II. В число членов общества входили лица, принадлежавшие к царской фамилии. Они стали «ближайшими его покровителями и ходатаями перед престолом монаршим»[50]. От «Трудов Вольного экономического общества» гарантий благонамеренности не требовалось в силу специфики содержания. В них не ставились политические вопросы. Тем не ме-

нее общество строго следило за содержанием статей, «так как без того могут появляться между ними такие, которые неудобно допустить в изданиях, выходящих в свет от имени ученого общества». Такие отношения между обществом и его журналом были закреплены специальными правилами (февраль 1857 г.): «Издание трудов и «Экономических записок» состоит как в литературном и ученом, так и в материальном отношении под контролем Совета общества»[51]. Вольное экономическое общество определяло структуру, периодичность трудов, характер материалов, назначало редакторов, принимало подписку, финансировало издание. Их редактором, как правило, становился секретарь общества, хотя иногда приглашались и посторонние лица. Все это обеспечивало абсолютную благонадежность данного издания.

Выживанию всех трех периодических органов помогали цензурные условия. Академия наук, по Уставу 1803 г., получила право подвергать цензуре свои издания: из среды академиков избирался цензор, в обязанности которого входил просмотр произведений, представленных для печати, на предмет содержания в них «противного правлению и закону»[52]. По цензурному Уставу 1804 г., цензура поручалась Министерству народного просвещения, при университетах были созданы цензурные комитеты. Наличие цензуры внутри учреждений, которым принадлежали газеты, отличало условия их существования и облегчало отношения с данным институтом в первой четверти XIX в. Вольное экономическое общество, согласно Уставу 1804 г., также имело право издавать сочинения за собственной цензурой, причем другие общества такой привилегией не пользовались.

Но не только благонамеренный характер обеих газет и журнала способствовал тому, что в первой половине века они не исчезли с журналистской арены. Этому помогло и то обстоятельство, что данные издания являлись собственностью крупнейших научных учреждений. Академия наук и Московский университет в представлении не нуждаются. Вольное экономическое общество также относилось к числу самых авторитетных. Из шести научных обществ, возникших в XVIII в., только оно одно дожило до конца XIX столетия. Принадлежность периодических органов этим организациям облегчало и их финансовое положение. Доходы от этих изданий поступали их владельцам, которые разными способами оказывали им материальную помощь. Например, Вольное экономическое общество покрывало значительную часть расходов на «Труды» за счет своего бюджета. Важнейшей составляющей последнего были субсидии из казны, получаемые им в течение всего столетия сначала в размере 5 тыс., а с 1825 г. — 10 тыс. руб. Долгой жизни «Трудов» общества также во многом способствовал нере-

гулярный характер публикаций. Здесь с XVIII в. сложился принцип печатать «Труды» «по мере накопления материалов и смотря по средствам общества».

* *
*

Отмена в 1861 г. крепостного права отделила феодальную Россию от новой, модернизирующейся страны, в которой быстрыми темпами шло развитие промышленности, торговли, железных дорог, ширилось общественное движение, демократизировалась культура. Вторая половина XIX в. оказалась очень важным этапом и в эволюции периодики. Пресса чутко отреагировала на поворот правительственной политики после смерти Николая I: «Приготовления к реформам, отвечавшим духу времени, беспрепятственное разрешение новых изданий и призыв, обращенный к обществу, оказать свое содействие правительству, дали периодической печати новую жизнь»[53]. 1855 год стал точкой отсчета этой новой жизни. Быстрое развитие прессы нашло свое отражение в интенсивном численном росте изданий со 125 в 1850 г. до тысячи в 1900 г. Одновременно происходит стабилизация темпов развития прессы. В первой половине века она развивалась неравномерно. Самые большие численные прибавления пришлись на начало века, 1820–1824, 1835–1839, 1855–1859 гг. С 1860 г. на весь пореформенный период темпы роста периодики установились примерно на одном уровне — в пределах 3–5% с небольшими колебаниями[54]. Стабильность темпов развития свидетельствовала о сложившейся в обществе большой потребности в периодической печати. Хотя условия существования органов прессы во второй половине века оставались сложными и основная их масса была недолговечной, исчезнувшие издания замещались новыми, и в большем числе. Очевидно, что насыщение прессой к концу столетия еще не наступило и что в XX в. Россию ждал ее дальнейший активный рост. В этом отношении XIX в. являлся важным, но не законченным этапом развития периодической печати.

Несмотря на такие видимые достижения, Россия отставала от крупных мировых держав. Вся мировая пресса к началу XX в. насчитывала около 60 тыс. изданий. И если на долю России приходилась, таким образом, $^1/_{60}$ ее часть, то на долю США — $^1/_3$ (свыше 21 тыс. периодических органов в 1900 г., из них свыше 2 тыс. газет)[55] и половина — на долю Европы. К этому времени в Германии выходило 7 тыс., в Англии 5 тыс., во Франции и Австрии по 4 тыс. периодических изданий. В странах же, которые уступали

России по числу органов прессы, было значительно меньше населения. Норвегия имела при 2-миллионном населении 400 периодических изданий, Швеция при 5-миллионном населении — 350 и т. д.[56] Напомним, что к концу XIX в. в России проживало 129 млн человек.

Термин «периодические издания» в 1865 г. получил официальное разъяснение. По уставу о цензуре и печати, к ним были отнесены:

1) газеты и журналы, выходившие отдельными номерами, листами и книгами;
2) сборники новых, оригинальных или переводных сочинений или статей разных авторов под общим заглавием, издаваемые более двух раз в год;
3) приложения к ним, не имевшие права распространения отдельно от подписного издания.

Руководствуясь этими разъяснениями, Главное управление по делам печати при Министерстве внутренних дел систематически составляло списки российской периодики.

Эпоха модернизации выдвинула новые информационные требования. Для их удовлетворения было необходимо дальнейшее развитие типологической системы, усложнение структуры периодической печати. Официальная пресса продолжала занимать в пореформенные десятилетия прочные позиции, пользуясь поддержкой власти. В 1860 г. она пополнилась новой группой изданий — церковными газетами «Епархиальные ведомости». В условиях возросшей общественной инициативы набирала темпы развития частная пресса. Только новых частных газет вышло в 1856–1858 гг. — 4; 1859–1860 гг. — 12; 1862–1863 гг. — 20[57]. Численный рост сопровождался переделом информационного пространства в пользу частновладельческой периодики. Она начала активно основываться в столицах и на местах, появилась в крупных регионах. Например, с 1860 г. в Сибири стала издаваться первая частная газета «Амур» (Иркутск, 1860–1862).

В переломную эпоху возросла роль общественно-политической прессы. В журналах этого профиля текущая информация давалась в форме публицистики. Но и научные, и художественные, и другие произведения также затрагивали важнейшие общественные вопросы. Центральное место в газетной печати пореформенного периода заняла общественно-политическая четырехполосная ежедневная газета с литературным и справочным отделами. В 1895 г. насчитывалось 93 таких издания[58].

По-прежнему активно развивающейся группой оставалась научная и специальная пресса. Так, военная периодика выросла с 15 названий в 1861 г. до 54 в 1901, т. е. более чем в три раза[59]. В из-

дании отраслевой печати все большее место занимают частные лица и общественные организации. Становятся широко известными корпоративные издания — обществ врачей, естествоиспытателей, Русского географического общества и т. д. Продолжают возникать новые узкоотраслевые органы прессы: «Вестник математических наук» (Вильно, 1861–1862), первый в России журнал физико-математического профиля, «Вопросы философии и психологии» (М., 1889–1918), «Семья и школа» (СПб., 1871–1888) и др. Историческая периодика второй половины столетия насчитывала уже несколько десятков названий. Ее основой были специальные исторические журналы «Русский архив» (М., 1863–1917), «Русская старина» (СПб., 1870–1918), «Древняя и новая Россия» (СПб., 1875–1881), «Исторический вестник» (СПб., 1880–1917). Очень много изданий в виде трудов и записок выпускали губернские архивные и археографические комиссии. Усиливавшийся интерес к истории своего края привел к появлению «Кавказской старины» (Тифлис, 1872–1873), «Киевской старины» (1882–1906). Резко расширилась публикаторская деятельность исторических обществ. Многие из них имели свои издания: «Сборник Русского исторического общества» (СПб., 1867–1916), «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» (1878–1929), «Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца» (Киев, 1879–1914), «Вестник Общества ревнителей военных знаний» (СПб., 1899–1915).

Расширился блок периодических органов, посвященных различным сферам культуры. События литературной, музыкальной жизни освещали журнал «Театр и искусство» (СПб., 1897–1918), газета «Театр и жизнь» (М., 1884–1893), «Русская музыкальная газета» (СПб., 1894–1918). С 1859 г. стал выходить первый в России специальный журнал «Архитектурный вестник» (СПб., 1859–1861).

Большой популярностью пользовались сатирические издания с карикатурами: «Искра» (СПб., 1859–1873), «Будильник» (СПб.;М., 1865–1917), «Стрекоза» (СПб., 1875–1908).

Сильно выросшая численно пореформенная пресса дает возможность выделить в ней новые типологические группы: информационную, коммерческую, массовую и т. д. Резкое повышение спроса на оперативную торгово-промышленную информацию вызвало к жизни небольшие газеты — справочные листки и рекламную печать. Издания этого типа первыми потеснили в провинции монополию официальной печати в лице «Губернских ведомостей». Появились серьезные коммерческие газеты «Николаевский вестник» (Николаев,1865–1885), «Биржевые ведомости» (СПб., 1880–1917).

Периодика, рассчитанная на массового читателя, представлена в пореформенный период изданиями разного вида. На тех, кто

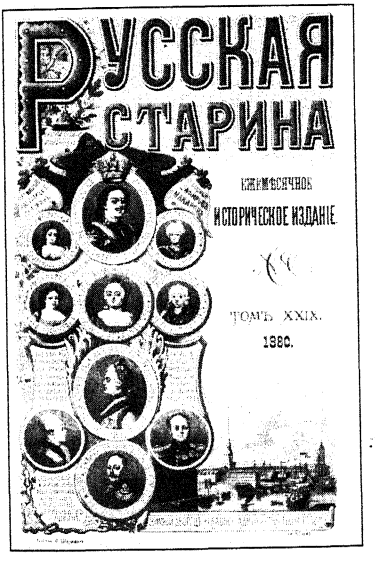
стремился получить не систематические знания, а просто интересную или сенсационную информацию, был ориентирован выпуск тонких журналов с иллюстрациями. Особое распространение они получили в последней трети XIX в. как журналы для семейного чтения. Первым из них по времени создания был журнал «Всемирная иллюстрация» (СПб., 1869–1898), а наиболее известным и популярным — «Нива» (СПб., 1870–1918). Менее известны «Пчела» (СПб., 1875–1878), «Кругозор» (СПб., 1876–1878), «Северная звезда» (СПб., 1877–1878), «Родина» (СПб., 1879–1917). Сопровождение текста иллюстрациями в этих изданиях облегчало восприятие материала. Содержание было многотемным: злободневная, оперативная информация соседствовала с литературной и научно-популярной. Эти издания отличались стремлением отмежеваться от политики, активно предлагая читателю беллетристику. Ключевое место здесь занимал исторический роман, в отличие от толстого журнала, где преобладал «проблемный» роман на современные темы.

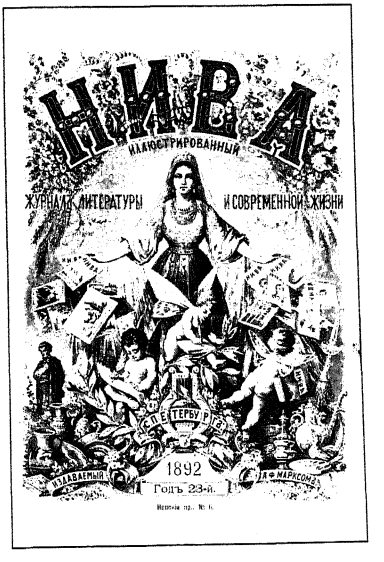
Продолжила свое развитие пресса, адресованная женской, детской и юношеской аудитории. Журналы «Модный магазин» (СПб., 1862–1883), «Модный свет» (СПб., 1868–1916) кроме статей по домоводству, моде, рукоделию включали также светскую и театральную хронику. Существовали журналы для дошкольников и младших школьников: «Детское чтение» (СПб.;М., 1869–1906), «Игрушечка» (СПб., 1880–1912). Современники тепло вспоминали эти издания: «Также интересовался я биографиями, помещенными в журнале «Игрушечка», который мне выписывали. С этого времени в своих играх я стал воображать себя то путешественником в неизведанных странах, то великим изобретателем»[60], — писал Валерий Брюсов. Для детей среднего и старшего возраста предназначались «Детский отдых» (М., 1881–1907), «Родник» (СПб., 1882–1917), для юношества — «Мир Божий» (СПб., 1892–1906). Такая периодика выпускалась и в провинции: «Детский музыкальный мирок» (Одесса, 1887–1888), «Дитя» (Киев, 1898–1904).

Демократические процессы в обществе усилили внимание прессы к низшим социальным слоям. На читателя из народной среды теперь был рассчитан широкий круг изданий, таких, например, как журналы «Грамотей» (СПб., 1861–1876), «Воскресный досуг» (СПб., 1863–1872), «Мирской вестник» (СПб., 1863–1885). Появляются «народные», «ремесленные» газеты. Возникает и «бульварная» пресса. Все эти издания старались быть доступными своему читателю и по содержанию, и по цене.

Инициатором нового типа органов печати иногда выступает провинция. Так, с середины 50-х гг. широкое распространение по всем губерниям получили возникшие в Воронеже «Памятные книжки» с материалами об экономике, культуре, быте края.

В России XIX в. сильные позиции продолжала занимать традиционная культура. Она опиралась на устную крестьянскую культуру и православие, на развитую, сохранившуюся с прежних столетий инфраструктуру: храмы, монастыри, духовные школы[61]. Периодика появилась в русской культуре как инновационное средство. Но она была взята на вооружение и широко использована и в сфере традиционной, церковной культуры. Среди издателей религиозной прессы прежде всего нужно назвать духовные академии: Петербургскую, Московскую, Казанскую, Киевскую. При них обычно выпускались церковные журналы, сборники, такие, как «Христианское чтение» (СПб., 1821–1917), «Воскресное чтение» (Киев, 1837–1912), «Творения святых отцов» (М., 1843–1893). Издателями могли выступать духовные общества. Например, церковные проблемы ставились на страницах журнала «Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения» (1863–1894). В пореформенный период церковная пресса росла особенно быстро. Казанская духовная академия начала издавать «Православный собеседник» (1855–1917), Киевская — свои труды (1860–1917) и «Руководство для сельских пастырей» (1860–1917). В Петербурге





Титульные листы журналов

появились «Духовная беседа» (1858–1876), «Дух христианина» (1862–1865) и «Странник» (1860–1917), в Москве — «Православное обозрение» (1860–1891), «Душеполезное чтение» (1860–1917). В 1860 г. была основана официальная газета православной церкви «Епархиальные ведомости», издававшаяся в отдельных епархиях при духовных семинариях. Содержание официальной части этих газет составляли распоряжения церковного руководства, отчеты, списки священников и т. п. В неофициальной части публиковались материалы по истории церкви, этнографии, фольклору, истории отдельных церквей. К концу XIX в. пресса религиозной направленности насчитывала более 500 названий.

Появились периодические издания, объединявшие светскую и церковную тематику. В этом отношении интересна аналитическая по характеру газета «Современные известия» (М., 1867–1887), которую выпускал Н.П. Гиляров-Платонов. Особенности ее тематики объяснялись биографией издателя[62]. В изданиях типа «Современных известий» светские и религиозные начала соприкасались, обнаруживая взаимодействие этих двух культурных пластов.

Во второй половине XIX в. в арсенале журналистов было много жанров: статьи, отчеты, репортажи, интервью, фельетоны, рассказы, очерки, сообщения. В 1856 г. в газете «Северная пчела» ее редактор П. Усов опубликовал первую передовую статью. Жанр передовой статьи быстро завоевал прочные позиции, поскольку пресса в рассматриваемый период активно включилась в обсуждение важнейших политических проблем. Большим успехом у читающей публики пользовались передовые, написанные М.Н. Катковым: они отличались сравнительно небольшим объемом, резкостью, смелостью суждений и комментариев, что было ново и необычно на страницах газет[63].

Приоритетной формой отечественной прессы в пореформенное время стала газета. Массовый читательский спрос на нее, предпочтение ее журналу отчетливо демонстрирует пример издательской деятельности Одессы середины 90-х гг., где журналы закрывались через один-два года в отличие от газет, благополучно существовавших здесь в течение многих лет. «Практичные одесситы, — объясняли краеведы, — очень деятельно поддерживающие свои газеты, холодно относятся к более солидным периодическим изданиям»[64]. Для газет перестали применяться названия «ведомости» и «журнал», имевшие ранее хождение наряду с термином «газета». Это свидетельствовало об окончательном оформлении последней как самостоятельной формы.

Выдвижение газеты на первый план диктовали изменения, происходившие во всех областях жизни в связи с реформами 60–

70-х гг. Развитие капиталистической экономики, ускорение темпов общественного развития требовали сообразного информационного обеспечения. Газета, сосредоточенная на освещении текущих событий и отличавшаяся оперативностью и злободневностью, более всего соответствовала новым требованиям. В связи с этим число газет стало резко расти. В 1860 г. их насчитывалось 105 названий, в 1870 г. — 170, в 1880 г. — 213, в 1891 г. — 296[65].

Во второй половине столетия заметно повышается периодичность изданий, причем не только отдельных органов печати, но и целых их групп. Особенно важным этот вопрос был для газетной периодики, так как оперативность являлась для нее типологической чертой. В частности, с 60-х гг. на двух-, четырехразовый выход в неделю перешло большинство «Губернских ведомостей». К концу века в 10 раз выросло число ежедневных газет[66]. Они, как правило, печатались большим форматом на четырех и более (от 6 до 10) листах. Новым явлением для столичных и местных газет стало распространение вечерних выпусков. Более частый и регулярный выпуск номеров был характерен и для журнальной периодики. Рост периодичности прессы явился важным фактором общественного, в том числе и культурного, развития. Усиливая возможности периодики в отражении быстро меняющегося мира, он способствовал нарастанию скорости обмена информацией и на этой основе более интенсивному развитию новых процессов в обществе.

Обновление страны в пореформенный период поставило перед журналистикой новые задачи, одна из которых заключалась в создании образа стремительно преображавшейся эпохи. Ее выполнению помогало применение новых технических средств. Достоверность сообщений подкреплялась использованием фотографии. Повышению оперативности способствовали рост сети железных дорог и новых средств связи. С появлением телеграфа и телефонных линий (первая в 1888 г. между Петербургом и Москвой) новости стали поступать в течение 6—8 часов. Интенсификация информационных процессов привела к созданию специальных центров по сбору и распространению информации для прессы. В ее структуре появились телеграфные агентства. Зарождение в России службы новостей в качестве самостоятельного аппарата связано с возникновением в 1866 г. первого национального Русского телеграфного агентства (РТА) газетного предпринимателя К.В. Трубникова[67]. Дальнейшее расширение информационной службы приходится на 70—80-е гг., когда создаются Международное и Северное телеграфные агентства. В 1894 г. основано Российское телеграфное агентство, носившее полуофициальный характер. Эти учреждения способствовали росту оперативности и увеличению объема информации, что в первую очередь оживило местную печать.

Воронежские газеты «Дон» (1868–1915) и «Воронежский телеграф» (1869–1918) в 80-е гг. подтверждали, что получение телеграмм от Северного телеграфного агентства ускорило публикацию новостей[68].

Характерным для второй половины XIX в. явлением стала профессиональная специализация журналистов. Выделились обозреватели, репортеры, хроникеры, собкоры, спецкоры. Журналист-газетчик нарабатывал иные приемы в своей деятельности, чем сотрудник журнала. Повсеместное распространение получил институт собственных корреспондентов, став неотъемлемым элементом периодической печати. Ему придавалось очень большое значение. Реклама одесских газет на 1891 г. специально отмечала: «Одесский вестник» «имеет собкоров во всех более или менее значительных пунктах края и за границей»; «Новороссийский телеграф» (Одесса, 1869–1903) имеет постоянных корреспондентов «в Париже, Лондоне, Вене, Константинополе, Петербурге, Москве и Варшаве». Такое внимание к корреспондентскому корпусу не случайно. Собкоры обеспечивали опережение конкурентов в сообщении новостей: «Столичные корреспонденты «Новороссийского телеграфа» доставляют важнейшие новости по внутренним вопросам ежедневно. Сообщения столичных корреспондентов печатаются в «Новороссийском телеграфе» одновременно с телеграммами и во всяком случае 2–3 днями раньше появления их в других одесских газетах, где они появляются уже в виде перепечаток из столичных изданий»[69].

Информационные процессы второй половины века выдвинули требование максимального приближения прессы к потребителю. На рубеже 50–60-х гг. печать, особенно журнальная, из-за высоких подписных цен оставалась недоступной для широких слоев населения. Положение стало меняться с 1865 г., когда власти разрешили продажу периодики в розницу. Доступности приобретения периодических изданий способствовали также снижение подписной стоимости и сложившийся в рассматриваемый период разброс цен на издания. С 60-х гг. развивалась так называемая «малая пресса», рассчитанная на полуобразованного читателя: «Петербургский листок» (1864–1917), «Современные известия», «Свет» (СПб., 1882–1917) и др. Она стоила вдвое дешевле, чем газеты для состоятельной публики. В 90-е гг. цены на газеты колебались в среднем от 7 до 12 руб. в год. В конце века получило распространение издание газет в двух ценовых вариантах: дорогом и дешевом. Так печатались, например, «Биржевые ведомости» в 90-х гг. Подписка на них стоила соответственно 25 и 4 руб. в год. Выпуск периодических изданий приобретал все больший размах, о чем свидетельствовал рост тиражей. В среднем они теперь составля-

ли 3–5 тыс. экз. для толстого журнала, до 50 тыс. для тонкого и до 25 тыс. для газет[70]. Однако применительно к конкретным изданиям наблюдались резкие расхождения в этих цифрах. В 80-х гг., например, воронежская газета «Дон» печаталась тиражом 300–500 экз., а петербургская «Свет» — до 70 тыс.

В стране выросло число типографий, а повысившаяся тиражность прессы позволила снизить затраты на ее производство. Но вопрос о технической базе сохранял свою актуальность. Интересным свидетельством в этом отношении является история с арендатором «Санкт-Петербургских ведомостей» В.Ф. Коршем, который навлек неудовольствие властей нападками на политику Министерства просвещения и мог потерять газету. Его контракт с Академией наук был продлен только после покупки им за свой счет для академической типографии печатной машины стоимостью 20 тыс. руб.[71]

В пореформенное время расширились источники финансирования журналистики. Казна субсидировала официальные издания. Некоторые частные органы прессы также были связаны финансовыми узами с государством. Сильную поддержку прессе оказывали археографические и губернские статистические комитеты. Большое участие в финансировании своих изданий принимали общества, в частности Вольное экономическое общество, которое в 1864–1865 гг. брало на себя до 50% расходов на «Труды»[72]. Заметным явлением в России стало меценатство, также доставлявшее немалые средства для прессы. С 90-х гг. частнокапиталистические вложения в периодику начинают преобладать над казенными субсидиями. Укреплению финансового положения газет способствовало снятие в 1862 г. ограничений с печатания частных объявлений и разрешение (с 1865 г.) розничной продажи. Ведомственные издания получали большие доходы за счет системы обязательных публикаций. Для частных газет роль платных объявлений особенно резко возросла в последнее десятилетие XIX в., когда их размещение на страницах издания приносило сотни тысяч рублей.

Начиная со второй половины столетия периодическая печать является объектом капиталистического предпринимательства[73].

На коммерческую основу становится информационная служба. Телеграфные агентства собирают информацию через свои отделения в разных городах и странах, печатают бюллетени телеграмм и распространяют их за определенную плату. Во второй половине века издавать периодику было выгоднее и надежнее, чем книги. Поэтому нередко книгоиздатели стремились печатать также журналы (например, Н.Л. Тиблен, М.О. Вольф).

В издании периодики центральное место стали занимать вопросы прибыли, издательских издержек и рентабельности. Однако

наряду с предпринимателями-миллионерами, такими, как А.С. Суворин, Н.И. Пастухов, видевшими главную цель в извлечении максимального дохода из издательского дела, в прессе трудились подлинные подвижники, для которых коммерческая сторона была второстепенной. По свидетельству современников, неоднократно вкладывали свои средства в издания Н.А. Некрасов и редактор «Русского архива» П.И. Бартенев.

Коммерциализация прессы способствовала развитию демократических процессов в обществе, так как доходность издания во многом зависела от массовости читателя. Издатели стремились привлечь к периодическим изданиям все более широкие слои населения, которые, таким образом, получали доступ к общественно значимой информации.

Усилившаяся социальная мобильность сделала профессию журналиста одной из самых демократических. В прессе работали выходцы из всех слоев населения, хотя основными поставщиками кадров были дворяне и разночинцы. В 60–80-х гг. произошла окончательная профессионализация литературы и издательской деятельности. Внешне это нашло свое выражение в распространении гонорарной системы во всех сферах журналистики и быстром повышении ставок примерно в полтора раза в период с конца 50-х — начала 70-х гг. Однако по-прежнему на литературный заработок могли существовать только редакторы, другие сотрудники редакций и авторы из числа самых известных писателей. За редактирование журнала «Гражданин» (СПб., 1872–1914) Ф.М. Достоевский получал 3 тыс. руб. в год, Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов за редакционную работу — 5–6 тыс. руб., редактор «Нивы» В.П. Клюшников — 6 тыс. руб. Гораздо меньшими были ставки сотрудников в провинциальной печати. Например, за редактирование газеты «Воронежский телеграф» Н.Ф. Бунакову в 1869 г. платили 75 руб. в месяц[74]. По словам В.Г. Короленко, провинциальный журналист «не только жил, чтобы писать, но еще и служил для той же цели»[75].

Положение основной массы авторов в прессе было очень сложным. К финансовым прибавлялись трудности, связанные с резким политическим размежеванием периодики. Обычной стала практика публикаций в данном издании произведений тех авторов, взгляды которых совпадали с направлением этого органа печати. Журналисты отзывались о своей работе без особого восторга, так как они должны были «писать не тогда, когда хочется, а к известному дню и часу, и не то, что хочется, а что ближе, словом, были в положении поденщиков (в газетах) и штучников (в журналах)»[76].

Вторая половина столетия изобилует именами крупных, талантливых редакторов, часто выполнявших одновременно и обязанности издателя.

Н.А. Некрасов был редактором-издателем журналов «Современник» (1847–1866) и «Отечественные записки» (1868–1877). Редакторский опыт, поразительная работоспособность, принципиальность помогали ему на протяжении тридцати лет в условиях жесточайшей цензуры выпускать передовые революционно-демократические издания, объединив в них пропаганду прогрессивных идей с публикацией высокохудожественных литературных произведений. Некрасов привлек к участию в своих журналах выдающихся писателей и публицистов самых разных общественно-политических воззрений: А.И. Герцена, И.А. Гончарова, А.Н. Островского, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого. По словам сотрудника «Современника» П.М. Ковалевского, «умнее, проницательнее, умелее его в сношениях с писателями и читателями не было никого»[77].

Журналы «Русское слово» (СПб., 1859–1866) и «Дело» (СПб., 1866–1888) выпускал известный публицист, революционер-демократ Г.Е. Благосветлов. Его отличало умение подбирать талантливых сотрудников (Д.И. Писарев, Н.В. Шелгунов), добиваться целостности издания, четкого идеологического направления.

Широко известен своей литературно-издательской деятельностью И.С. Аксаков. Он редактировал несколько изданий — газеты «Парус» (М., 1859), «День» (М., 1861–1865), «Москва» (1867–1868), которые снискали популярность благодаря его незаурядному литературному таланту, стремлению занять независимую позицию по отношению к официальному мнению, выступлениям в защиту свободы совести и слова. Будучи одним из идеологов славянофильства, И.С. Аксаков через свои издания пропагандировал идейные позиции этого направления.

Крупнейшие публицисты были кумирами для своих современников. К их числу в первую очередь относились представители демократического направления в журналистике. Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов в разное время возглавляли литературно-критический отдел «Современника». Их статьи определяли позицию ведущего журнала той эпохи. О большом общественном значении деятельности Добролюбова можно судить уже по тому факту, что на его кончину откликнулись все крупные журналы вне зависимости от их направления. В 60–90-х гг. таким же заслуженным авторитетом пользовалась журналистская деятельность М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.К. Михайловского, П.Л. Лаврова, Н.В. Успенского, Н.Н. Златовратского.

Широко известными становились профессионалы «малой прессы». Особенной популярностью пользовались репортеры, так как именно репортаж был одним из важнейших жанров этого типа периодики. «Первым репортером Москвы» называли Н.И. Пастухова. С 1881 г. он начал издавать известный «Московский листок» (1881–1918). В этой газете сотрудничал знаменитый «король репортажа» В.А. Гиляровский, писавший под псевдонимом Дядя Гиляй. Он был хорошо знаком с жизнью самых низов общества, и его материалы привлекали читателей своей достоверностью. Живо обрисованные портреты современников, множество интересных деталей отличали его очерки о нравах и обычаях Москвы. Прославленным журналистом стал Н.Н. Животов. Оперативный репортер, он нанимался на самые различные работы, чтобы изучить и потом правдиво описать жизнь и быт городских обывателей.

Немало выдающихся деятелей периодики дала провинция. Во второй половине века почти в каждом из губернских городов можно было найти такого подвижника — редактора местной газеты, который одновременно являлся и секретарем статистического комитета, и активным автором. В Нижнем Новгороде — это А.С. Гациский, в Казани — Н.Я. Агафонов, в Перми — Д.Д. Смышляев, в Саратове — А.Ф. Леопольдов. По-прежнему в число местных журналистов входило много ссыльных. В «Иркутских губернских ведомостях» в середине века сотрудничали декабристы и петрашевцы, а редактором этой газеты в 1857–1859 гг. являлся петрашевец, выпускник Петербургского университета Н.А. Спешнев. Сам М.В. Буташевич-Петрашевский в 60-е гг. стал публицистом иркутской газеты «Амур». Ссыльный поэт В.И. Соколовский — первый редактор «Вологодских губернских ведомостей». В «Туркестанских ведомостях» в 70-х гг. сотрудничал участник каракозовского кружка, отданный в солдаты одного из местных батальонов Д.Л. Иванов, впоследствии известный ученый-геолог. Ссыльные, будучи не просто высокообразованными сотрудниками, но в большинстве своем имевшие прогрессивные взгляды, заметно влияли на направление изданий, и прежде всего на направление официозных «Губернских ведомостей». Для примера сошлемся на появление в редактируемой Н.А. Спешневым газете разоблачительных материалов в адрес местной администрации, которые даже послужили поводом для выговора министра внутренних дел[78].

Перечисленные имена далеко не исчерпывают списка талантливых деятелей журналистики. Интерес к своей специальности, профессионализм при широте идейно-политических взглядов позволяли им достаточно четко и полно отражать всю палитру общественных настроений.



Владимир Алексеевич Гиляровский

В отличие от дореформенного времени, когда среди издателей преобладали литераторы, теперь основное место в этой когорте заняли предприниматели. Сохранялось и арендаторство. При этом фигура редактора стала более независимой от владельца издания в выработке и поддержании основного направления периодического органа. Новый редактор мог полностью изменить образ журнала или газеты, так, например, Н.А. Некрасов преобразил характер «Отечественных записок», арендуя журнал у А.А. Краевского. Важное значение в этот период приобрели редакции, создававшиеся в крупных изданиях. Их возникновение вело к перераспределению функций между ведущими сотрудниками. Но центральной фигурой по-прежнему оставался редактор, который в этих условиях обычно оставлял за собой общее руководство печатным органом.

Редакторы провинциальных изданий в своей работе сталкивались со многими трудностями. Судя по высказываниям редактора газеты «Байкал» (Кяхта, 1897–1899), их волновали «ограниченность числа подписчиков и своих материальных средств, вольное и невольное соединение в одном лице обязанностей редактора-издателя, секретаря, хроникера, корректора, переписчика, а иногда и разносчика (в Кяхте) газеты»[79].

Соединение обязанностей одним лицом иногда было обусловлено не объективными обстоятельствами, а особенностями его характера и отношением к делу. Показательной в этом плане и

одновременно уникальной фигурой был П.И. Бартенев. Он вошел в историю отечественной прессы как основатель и издатель первого в России исторического журнала «Русский архив». Журнал ввел в научный оборот большой комплекс документов XVIII–XIX вв., и это было заслугой одного человека: «Он (Бартенев. — *Л. Д.*) сам собирал материал для журнала, сам подготовлял его к печати, редактировал, снабжал примечаниями, сам писал заметки и рецензии, сам корректировал каждую книжку... все 50 лет журнала проведены им одним — пример единственный у нас, да, кажется, весьма редкий и во всем мире»[80].

Три издания-долгожителя: «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости» и «Труды Вольного экономического общества» — смогли выжить в новых условиях и даже остались в первых рядах пореформенной прессы. Газетам пришлось для этого кардинально изменить свое положение. Будучи юридически собственностью Академии наук и Московского университета, фактически они стали независимыми частными изданиями. Это давало возможность более гибко реагировать на общественные требования, сформировать собственное направление издания, более успешно вести поиск своего читателя. Каждый редактор действовал исходя из собственных взглядов.

Редактором «Московских ведомостей» в 1851–1855 и 1863–1887 гг. был М.Н. Катков. Его политические взгляды претерпели эволюцию от либерализма к активной консервативной позиции в начале 60-х, что при личных качествах Каткова вызывало недоверие к его убеждениям: «большая запутанность слова при большой сбивчивости мысли и сомнительной искренности» (П.А. Валуев)[81]. Однако он, без сомнения,один из самых ярких публицистов и издателей. Его называют идеологом пореформенного самодержавия[82]. В эпоху реформ издания Каткова — «Московские ведомости» и приложение к ним «Современная летопись» (1863–1871) — энергично критиковали проводившиеся преобразования, в 80-е гг. поддерживали правительство по важнейшим политическим и экономическим вопросам (рабочему, контрреформам). Характерна реакция «Московских ведомостей» на студенческие выступления: избиение студентов Московского университета[83] «молодцами в белых передниках с мясницкими ножами у пояса» газета трактовала как «изъявление народных чувств»[84].

Однако обычный официозный орган вряд ли вызвал бы у читателей повышенный интерес. Катков же придал своей газете оппозиционный оттенок, что было в духе времени. Но политика самодержавия подвергалась в ней критике с самых консервативных позиций. Так редактор, сохраняя проправительственную ориен-

тацию «Московских ведомостей», в то же время приобретал симпатии целого слоя читателей — консервативного дворянства — и вызывал интерес даже тех людей, которые не разделяли его взглядов. «В это время (начало 60-х гг. — *Л. Д.*) Катков действительно владел умами и сердцами многих. Никто лучше его не выражал то, что чувствовали мы все... Получение каждого номера «Московских ведомостей» было событием, и передовые статьи читались нарасхват»[85]. С приходом Каткова тираж газеты поднялся с 6 тыс. в 1862 г. до 12 тыс. в 1865—1866 гг.[86] Ее популярность росла и в 70-е гг., когда, оставаясь защитницей интересов помещичьего сословия, она превратилась также в глашатая крупного промышленного капитала. Современники очень высоко оценивали Каткова-журналиста: «Влияние его, достигавшее особой силы в периоды совпадения тех или других его мнений с намерениями и видами правительства, объясняется в значительной степени публицистическим его талантом, а также свободой, с которой он, в противоположность многим другим писателям, мог высказывать свои взгляды»[87].

Положение «Московских ведомостей» оказалось фактически привилегированным: сказалась поддержка со стороны властей в двух главных вопросах — финансовом и цензурном. Скрытой формой субсидии редактору-издателю являлись казенные объявления, дававшие основной доход. Номера газеты рассылались в пакетах редакции непосредственно подписчикам, минуя почтовый департамент. Катков имел право на получение иностранных газет без вмешательства цензуры Министерства иностранных дел, что было важно для оперативного обновления политической информации. В случаях трений с цензурой Каткову было разрешено обращаться за поддержкой к царю. В январе 1865 г. Комитет министров особым решением за подписью Александра II рекомендовал П.А. Валуеву оказывать катковским «Московским ведомостям» «возможные облегчения в применении цензурных правил»[88].

Однако решающую роль в сохранении издания играли профессиональные качества редактора: публицистический талант, умение находить читателей в новых социальных группах. Газета, возглавлявшая в 60—80-е гг. охранительную прессу, после смерти издателя в 1887 г. перестала играть активную политическую роль.

«Санкт-Петербургские ведомости» в 1863—1874 гг. перешли в руки В.Ф. Корша, который к этому времени стал опытным журналистом. За время редактирования «Московских ведомостей» в 1856—1862 гг. он сумел поднять читательский интерес к ним и за счет изменения направления официозного органа, и за счет повышения его оперативности (с 1859 г. газета выходит ежедневно) и злободневности (с 1862 г. в ней одной из первых в русской жур-

налистике стали систематически печататься передовые). Корш превращал свои издания в органы либерального направления, что было созвучно реформаторским устремлениям эпохи.

«Санкт-Петербургские ведомости» были лишены как финансовой, так и цензурной поддержки. Активные нападки издания Корша на политику Министерства народного просвещения навлекли неудовольствие властей, и, несмотря на продление его контракта с Академией на аренду газеты до 1878 г., в 1875 г. «Санкт-Петербургские ведомости» были переданы в юрисдикцию Министерства просвещения. С этого времени петербургская газета резко повернула вправо и сохраняла это направление до конца столетия. Как и в случае с «Московскими ведомостями», профессиональный талант редактора сыграл решающую роль. С уходом Корша «Петербургские ведомости» утратили приобретенную при нем популярность. Ставший в 1883 г. ее редактором В.Г. Авсеенко попытался восстановить былой авторитет газеты. Для этого он значительно отступал от прежней консервативной программы, приглашал к сотрудничеству видных писателей. Тем не менее интерес к изданию не повысился, о чем свидетельствовал ее небольшой тираж (не более 2 тыс. экз.).

Но, потеряв прежнюю популярность, обе газеты не прекратили своего существования в 90-е гг. Причина тому, очевидно, ведомственная принадлежность и охранительные позиции.

«Труды Вольного экономического общества» — третий «долгожитель», далекие от политики, отличались и во второй половине века стабильностью. Их программа в этот период была несколько расширена. Но даже в 1870—1889 гг., когда «Труды» пять раз пытались внести изменения в свою программу, каждый раз «выяснялось стремление сделать их выразителем деятельности самого Общества»[89]. По такой программе, принятой в 1889 г., они и выходили до конца столетия, меняя лишь свою периодичность (24 книги в год в 1863—1870 гг. и 12 — с 1871 г.).

Территория периодики. Историки русской культуры отмечают характерную черту, присущую ей с XVIII в., — дипольность территориального развития: параллельное и самостоятельное существование в ней столичного и провинциального секторов[90]. Топографические изменения в российской периодике наметились со второй половины 1780-х гг., когда появились периодические издания вне столичных городов. Первый провинциальный журнал «Уединенный пошехонец» (Ярославль), основанный в 1786 г., выходил только в течение двух лет. Затем в 1789—1791 гг. в Тобольске печатался журнал «Иртыш, превращавшийся в Иппокрену».

Его редактор П.П. Сумароков позднее, в 1793–1794 гг., выпускал журнал «Библиотека ученая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей» (Тобольск). Есть сведения, что в течение 1788 г. выходила первая в России местная газета «Тамбовские известия», основанная поэтом Г.Р. Державиным в годы его пребывания в Тамбове на посту губернатора[91]. В 1804 г. в Калуге появился издававшийся Г.К. Зельницким журнал «Урания», который как бы в продолжение сложившейся в XVIII в. традиции тоже просуществовал недолго — один год. В нем помещались историко-географические статьи издателя, переводы, басни, педагогические статьи. С закрытием «Урании» в издании провинциальной прессы опять наступил перерыв, а по существу, закончился начальный период ее жизни.

XIX столетие четко выявляет дипольность в качестве характерной черты журналистики: наряду с давно существовавшей столичной прессой укореняется провинциальная периодика. Она получает более широкое развитие, а с возникновением в конце 30-х гг. «Губернских ведомостей» начинает свое формирование уже как система. Но основными центрами сосредоточения прессы по-прежнему оставались Петербург и Москва[92]. За период с 1703 по 1894 г. включительно возникло разновременно в Петербурге и Москве 1600, а в провинции 765 изданий[93]. Рост столичной прессы в первой половине XIX в. сильно опережал регионы, и только с конца 30-х гг. их численные показатели стали сближаться. Взаимодействие этих двух секторов в информационном пространстве России было продолжено и в XX в., что еще раз подтверждает большую значимость топографического фактора в эволюции российской периодики.

Петербург и Москва были основными центрами не только производства, но и распространения прессы (см. табл. 1), так как здесь концентрировалась подавляющая часть грамотного и состоятельного населения. Но наиболее известные издания, особенно газеты (в первой половине века «Северная почта» (СПб., 1809–1819), «Русский инвалид»), находили себе читателей и в провинции. Редактор «Московских ведомостей» в 1824–1841 гг. П.И. Шаликов в одном из своих отчетов указывал, что столичная подписка на эту газету составляла «менее четвертой части противу иногородних подписчиков»[94]. В 30–40-е гг. круг изданий, распространяемых вне столиц, расширяется. Здесь читают «Отечественные записки», «Сын отечества», «Библиотеку для чтения». Последний журнал В.Г. Белинский охарактеризовал в 1836 г. как «журнал провинциальный... он издается для провинции и силен одной провинцией»[95].

Таблица 1

Число периодических изданий в столичных городах России и в провинции в первой половине XIX в.[96]

Годы	Санкт-Петербург и Москва	Провинция	Всего
1810	28	—	28
1820	24	2	26
1830	40	6	46
1840	59	51	110
1850	71	54	125

Первая четверть XIX в. явилась важнейшим этапом в развитии региональной прессы: с 1811 г. она начала функционировать в непрерывном режиме. Отправной точкой нового этапа служит появление в 1811 г. еженедельной газеты «Казанские известия». С этого времени ежегодно в каком-либо из провинциальных городов выходило хотя бы одно издание — публикация периодики вне столиц стала явлением постоянным. Во втором десятилетии за пределами Петербурга и Москвы были основаны периодические органы двенадцати названий. На протяжении всего этого периода существовали «Казанские известия», дававшие политическую, научную и литературную информацию[97]. Местная пресса первой четверти XIX в., в целом немногочисленная, сосредоточивалась в европейской части России и была тесно связана с характером внутренней политики Александра I. Ее количественный рост наблюдался в либеральный период его царствования, достиг максимума в 1816–1817 гг. и стал снижаться с переходом на консервативные позиции. В результате в 1826 г. провинциальная пресса вернулась к исходному уровню.

Хотя во второй четверти XIX в. число изданий в регионах росло, этот процесс был невелик по масштабам и носил случайный характер. Принципиально важным событием, отражавшим иные тенденции в эволюции региональной прессы, явилось одновременное учреждение с 1838 г. в 42 городах «Губернских ведомостей». Территориальное расширение периодики в России всегда шло под воздействием двух факторов: стихийности и регулирующего государственного начала. Последнее проявляло себя ранее эпизодически и касалось отдельных изданий. Впервые государство выступило инициатором централизованного создания мощной группы периодических органов. Вторжение государства в дело организации печати было характерным для политики бюрократизации управления Николая I, отражало его стремление расширить

влияние официальной идеологии в обществе через ведомственные периодические органы на местах.

Ведомости открывались в административных центрах губерний. Будучи казенными по типу изданиями, они находились под надзором губернатора. Газета состояла из двух частей. В официальной части публиковались правительственные распоряжения, предписания местной администрации, казенные объявления; в неофициальной — сведения об экономике, образовании, истории края, фольклоре. Сеть «Губернских ведомостей» практически сложилась в рамках XIX в. К концу 70-х гг. выходило 76 газет данного типа. В XX в. возникло только 5 новых изданий[98]. Создание «Губернских ведомостей» кардинально изменило общую картину отечественной периодики. С этого времени можно говорить об окончательном укоренении в ней провинциального компонента, так как его новый сектор — губернские газеты — был не только многочисленным, но и устойчивым в силу своего официального характера. Соотношение столичных и провинциальных газет изменилось в пользу последних: с начала века разновременно было издано 29 названий газет в центре и 14 — в регионах, а с 1838 по 1847 г. соответственно 21 и 49[99]. С созданием «Ведомостей» в культурном пространстве почти всех губерний появился постоянный источник оперативной информации. Присущий ранее местной периодике элемент топографической случайности возникновения был сильно ограничен. Создается значительный потенциал для распространения культуры в провинции.

Весь последующий период, начиная с 1838 г. и до середины 50-х гг., оказался довольно стабильным для провинциальной периодики. Среднее число выпускаемых в год изданий менялось мало, зато возникавшие органы прессы обычно существовали дольше, чем в первые десятилетия XIX в. Рост числа изданий был медленным, но без срывов. Подавляющая часть провинциальной прессы принадлежала различным ведомствам.

Особое место в топографии российской журналистики занимали провинциальные университетские города. В первой половине XIX в. университеты существовали в Дерпте, Казани, Харькове, Киеве. В этих центрах сосредоточилось значительное число периодических изданий, они лидировали до 1837 г. в открытии новых органов: из 28 в них возникли 16[100]. Интенсивность журналистской деятельности внутри городов менялась на протяжении XIX в. До 1833 г. больше всего новых изданий появилось в Харькове (7 из 12). В последующие годы по этому показателю лидировал Киев. Подобная роль университетских городов объяс-

нялась существовавшими здесь лучшими, чем в других периферийных центрах, условиями для прессы. По университетскому Уставу 1804 г., каждый университет должен был иметь типографию и «собственную цензуру для всех издаваемых членами его и вокруг его печатаемых сочинений»[101]. И то и другое облегчало издание периодики. Кроме того, в университетских городах был больший, чем в других местах, кадровый и читательский потенциал. Это обусловливалось прежде всего сложившейся в них инфраструктурой культуры, и в частности просвещения. Здесь существовали начальные школы грамоты, уездные и приходские училища, частные пансионы, гимназии; действовали научные общества врачей, археологии, истории, этнографии, физико-математические и т. д., при которых обычно возникала научная периодика. Пресса пользовалась поддержкой со стороны университетов. Например, «Харьковским известиям» было разрешено помещать на своих страницах сведения об изменениях в университете, о его учебном округе и подведомственных ему ученых обществах, что расширяло информационную базу газеты. Университетские профессора сотрудничали с журналами.

С появлением в прессе провинциального компонента в России стала складываться единая система журналистики. Факты говорят о возникновении связей, взаимодействия между центральной и местной прессой с первой половины столетия. Провинция пополняла столичную прессу новыми кадрами. Один из ярких примеров — Н.А. Полевой, который начал свою журналистскую деятельность, живя в Курске, но целиком посвятил себя ей с переездом в Москву в 1820 г. Другой известный журналист и писатель, П.И. Мельников-Печерский, в 40-е гг. был редактором «Нижегородских губернских ведомостей», а с 1859 г., после перевода его на службу в Петербург, стал сотрудничать в «Московских ведомостях», «Русском вестнике» (М.;СПб., 1856–1906), издавал газету «Русский дневник» (СПб., 1859).

Связи местной и центральной прессы проявлялись во взаимных перепечатках. Столичная периодика на протяжении всего столетия служила источником сведений для региональной. Однако имело место и обратное явление. В первой половине века в этом отношении выделялась одесская пресса. Во время войны с Турцией в 1828 г. губернатор гр. М.С. Воронцов, пользуясь близостью театра военных действий и пребыванием в Одессе императорской фамилии, выхлопотал разрешение помещать в «Одесском вестнике» все известия из армии, хотя бы в редакционном извлечении. «Бывало, танцуешь на балу, — рассказывал один из сотрудников газеты, — вдруг курьер из армии; редактор отзывает в сторону и

просит составить «известие», тут же в уголку набросаешь его по-французски или по-русски, смотря по надобности, через час в антракте между танцами поправишь корректуру и готово; утром оно едет на почтовых и в Москву и за границу»[102]. Эта газета и позже служила источником информации. Превратившись в редакторство А.Г. Тройницкого в 1834–1857 гг. в одну из лучших в провинции, «с 50-х гг. она в числе немногих русских газет имела своих специальных корреспондентов в Париже, Нью-Йорке, Афинах, Марселе, Константинополе, Болгарии, во многих русских городах, ее материалами пользовались не только провинциальные, но и столичные газеты»[103].

* *
*

Средоточием периодики и во второй половине XIX в. оставались Петербург и Москва, где ежегодно выпускалась в свет примерно половина всех российских изданий (см. табл. 2). Петербург сохранял свое первенство в соревновании с Москвой вплоть до конца столетия. В 1894 г. здесь выходило 304, а в Москве — 116 органов прессы.

Таблица 2

Число периодических изданий в столичных городах России и в провинции во второй половине XIX в.

Годы	Санкт-Петербург и Москва	Провинция	Всего
1860	136	80	216
1870	166	174	340
1880	238	245	483
1890	349	348	697
1894	420	394	814
1900	483	519	1002

Периферийная периодическая печать в рассматриваемый период развивается более ускоренными темпами. Если в 1838–1855 гг. в различных регионах ежегодно прибавлялось одно-два новых издания, то с 1856 г. — от 3 до 24 в отдельные годы. К концу века местная периодическая печать стала достаточно многочисленной и в целом более устойчивой в сравнении со столичной. За XIX столетие в Петербурге и Москве прекратили существование 74% всех возникших до 1894 г. органов прессы, в то время как на периферии — 48%[104].

Средоточием периодики в провинции по-прежнему оставались университетские города (новые университеты открылись в Одессе и Томске в 1865 и 1888 гг. соответственно). Хотя они отставали от других губернских центров по общему числу разновременно возникших в 1864–1900 гг. органов прессы (соответственно 266 и 482 издания), принимая во внимание малочисленность выделенной группы городов с университетами, правомерно говорить об их ведущей роли в формировании провинциальной периодики и во второй половине столетия. Это подтверждается и числом органов прессы, издававшихся в них в отдельные годы: в 1894 г. в Киеве — 34, в Одессе — 22, в Харькове и Казани — по 20. В других губернских городах в эти годы в среднем выходило от пяти до семи изданий. Причина такого положения оставалась прежней: университетские города развивались как значительные культурные центры.

Но в пореформенное время разветвленная сеть культурных учреждений появилась не только в университетских центрах. Среди губернских городов выделялся Воронеж, занимавший ключевое региональное положение в Центральном Черноземье. По словам В.Д. Богучарского, с конца 70-х гг. за ним закрепилась слава «интеллигентного города». Правда, высших учебных заведений здесь не было[105], однако сеть средних учебных заведений оказалась весьма широкой. К 1892 г. в Воронеже работали одна мужская и две женские гимназии, две прогимназии, реальное училище, кадетский корпус, уездное, железнодорожное, духовное, фельдшерское, епархиальное училища, учительская и духовная семинарии, до сорока городских школ и училищ. Такой просвещенческий потенциал объясняет устойчивое существование в Воронеже прессы не только общего, но и научного характера. В начале 90-х гг. здесь кроме губернских и епархиальных ведомостей издавались две большие частные газеты «Дон» и «Воронежский телеграф» и два специальных журнала — «Филологические записки» (1860–1917), в то время единственное в России издание такого рода, и «Медицинская беседа» (1887–1906).

Вопросы, связанные с трудностями развития прессы в регионах, обсуждались прежде всего на ее собственных страницах. Только в 60-х гг. нижегородская печать несколько раз обращалась к этой теме[106]. Актуальной оставалась проблема взаимосвязи столичной и провинциальной прессы. Редактор «Нижегородских губернских ведомостей» сетовал на то, что столицы отнимают у провинции ее лучшие силы. Но это мнение не было обоснованным, так как наблюдался и обратный процесс оттока журналистов из столиц в

губернии. Например, редактор «Нижегородских ведомостей» А.С. Гациский получил начальный литературный опыт в Петербурге в «Искре», редактор «Туркестанских ведомостей» 70-х гг. Н.А. Маев до того работал в столичной прессе, как и А.П. Романович, который пришел в эту же газету с опытом работы в «Кронштадтском вестнике» (1861–1917) и «Морском сборнике» (СПб.; М., издается с 1848 г. до настоящего времени). Активно сотрудничал в провинциальной печати с 80-х гг. В.Г. Короленко, уже опубликовавший к тому времени свой первый рассказ в журнале «Слово» (СПб., 1878–1881).

Постепенно складывавшаяся общность круга авторов стала важным показателем взаимосвязей центральной и местной периодики. Сотрудники провинциальных изданий печатались в столичной прессе, к примеру, тот же А.С. Гациский публиковался в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Московских ведомостях», «Судебном вестнике» (СПб., 1866–1877), «Неделе» (СПб., 1866–1901) и др. Провинциальные авторы участвовали в обсуждении общероссийских проблем, но в основном темами их публикаций была жизнь вне столиц, история и современное состояние культуры в своих регионах. Тесные связи налаживались и между провинциальными изданиями.

В свою очередь местной прессе удавалось привлекать к сотрудничеству выдающихся деятелей культуры и науки, публиковавшихся в столичной печати. Об этом красноречиво свидетельствует перечень авторов «Туркестанских ведомостей» 70–80-х гг.: Н.А. Северцов, Н.В. Мушкетов, А.П. Федченко, В.П. Наливкин, В.В. Бартольд. В частных газетах Воронежа и Орла в те же годы печатались И.С. Тургенев, Н.С. Лесков, И.А. Бунин, Л.Н. Андреев, а в «Филологических записках» — известные ученые А.А. Потебня, Я.К. Грот, В.И. Даль[107]. Выходившие в 1893г. в Одессе четыре ежедневные газеты «между своими сотрудниками считали целый ряд известных столичных литераторов»[108].

Местные органы периодики пользовались доверием столичных изданий как источник информации: факты, взятые из «Губернских ведомостей», приводятся, например, в статьях Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова[109].

Свидетельством возросшего интереса центра к провинциальной печати явилась дискуссия 70-х гг. Положение периодики на местах стало основным предметом обсуждения, в котором приняли участие региональные и столичные (журналы «Дело», «Отечественные записки» и «Неделя») органы. Дискуссия показала, что общественное мнение представляет местную периодику полноправным элементом российской культуры. В общественном созна-

нии укрепилась мысль, что журналистика развивается как живой организм, два основных элемента которого — столичный и провинциальный — должны взаимодействовать.

К концу столетия территория прессы выглядела по-иному, чем в первые десятилетия. Преодолевается чрезмерная концентрация ее в столицах, соотношение с местной периодикой примерно одинаковое. Пространство прессы растет. Она издается во всех губернских городах, во всех крупных регионах. Основная ее часть сосредоточивалась на европейской территории, что соответствовало демографической ситуации. По переписи 1897 г., здесь проживало 74% всех граждан России, 75 — городского и 80% всего грамотного населения страны. Однако и в других крупных регионах за вторую половину столетия сложились многочисленные группы периодики, так, в Сибири в 1894 г. выходило 43, на Кавказе — 28 изданий[110].

Пресса в общественно-политической и культурной жизни. Современные исследователи связывают общественную роль прессы со становлением гражданского общества. Под этим понятием подразумевается «сфера реализации различных (политических, экономических, культурных) общественных интересов, не связанных с деятельностью государства»[111]. Эта сфера предполагает создание негосударственных структур.

Гражданское общество имеет свой независимый механизм воздействия на власть. В такой механизм включаются три элемента, организованные самим обществом: негосударственные объединения граждан, независимые средства информации и общественное мнение. Вторая и третья составляющие тесно связаны с прессой. Периодика в качестве самостоятельного института гражданского общества наделяется двумя функциями: во-первых, она должна выступать инструментом контроля над действиями власти и, во-вторых, отражая интересы разных социальных групп, формировать независимое от власти общественное мнение.

Позиции государства в России традиционно сильны на протяжении всей ее истории, и говорить о формировании здесь гражданского общества довольно трудно. Судьба российской периодической печати всегда очень сильно зависела от законодательных и административных мер власти, старавшейся держать прессу под контролем.

Тем не менее пресса XIX в. стремилась выполнять свою функцию отражения общественного мнения. В этом плане из существовавших двух групп изданий: 1) казенных и 2) частных и корпоративных — особый интерес представляла вторая, так как при

всех трудностях ее существования в русском абсолютистском государстве частная пресса никогда не была непосредственным рупором официальной власти.

Частный сектор в журналистике своими корнями уходит в XVIII в. Его история начинается с создания в 1759 г. ежемесячника А.П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела». Первыми из частных изданий в XIX в. были основаны журналы «Вестник Европы» в столице и «Урания» в провинции, а из газет — «Казанские известия»[112]. Причем на протяжении первых двух десятилетий в столицах расширялась сеть главным образом официальных газет, а в провинции — частных.

Государство своей политикой препятствовало свободному развитию частной прессы. В первой половине XIX в. на открытие частного журнала или газеты требовалось разрешение правительства, при этом вводились жесткие ограничения. По предписанию министра просвещения А.Н. Голицына 1818 г. «издателем мог выступить человек, не только абсолютно благонамеренный, но уже имеющий большую известность в ученых и литературных кругах, причем вопрос о новом периодическом издании решал сам министр»[113]. Очень показательны в этом отношении резолюции Николая I на ходатайствах об основании новых органов прессы: «Отнюдь не дозволять» (о дешевых журналах), «Повременить» (о научном журнале Харьковского университета), «И без того много» (о «Русском сборнике»). В итоге циркуляром от 1 октября 1836 г. вообще запрещалось подавать представления о разрешении новых периодических изданий[114]. Этот документ был действительным вплоть до смерти Николая I. Запретительная политика в отношении частной прессы была усилена в провинции с открытием «Губернских ведомостей».

Наряду с репрессивными мерами такого рода существовала практика передачи возникших по частной инициативе изданий в ведение официальных организаций. Она стала особенно типичной для первых двух десятилетий XIX в. Так, «Казанские известия» в 1811 г. отошли Казанскому университету. Предпринимались меры к передаче в 1812 г. «Харьковского еженедельника» местному университету[115]. Фактически подчинялись Астраханской гимназии с 1813 г. «Восточные известия». В 1816 г. Александровский комитет о раненых взял на себя руководство газетой «Русский инвалид».

Довольно распространенной была система финансовой поддержки частных периодических изданий из казны и со стороны членов императорской фамилии. Правительственную субсидию получал журнал И. Мартынова «Северный вестник» (СПб., 1804—1805). На создание «Русского инвалида» члены императорской фамилии выделили 1,4 тыс. руб. в фонд издателя, чиновника юстиц-

коллегии П. Пезаровиуса и позднее не раз авансировали его. Определенная сумма была передана и журналу «Сын отечества»: как сообщал министр просвещения А.Н. Голицын попечителю Петербургского округа С.С. Уварову в январе 1817 г., императором «сделано Гречу первоначально на сие издание вспоможение»[116]. Такого же рода факты находим в истории «Северной пчелы»: шеф корпуса жандармов А.Х. Бенкендорф лично контролировал деятельность газеты и снабжал Булгарина деньгами[117]. Подобная практика распространялась и на прессу общественных и научных организаций, например на «Труды Вольного экономического общества».

В ряде случаев передача частных периодических органов в ведомство учреждений и казенная финансовая поддержка определялись экономическими мотивами: официальные организации имели больше возможностей для финансирования печати, когда накопление капиталов шло медленными темпами, а пресса еще только училась быть доходным предприятием. Но в основном поддержка государства порождалась не стремлением дать выход общественным настроениям, а заботой о расширении идеологической опоры самодержавной власти, об облегчении контроля над частными и корпоративными изданиями. Вследствие противодействия со стороны власти частной и общественной инициативе господствующее положение в информационном пространстве в первой половине века занимала казенная журналистика.

Государство прибегало и к методам прямого воздействия на печать — к цензуре, что сильно затрудняло выполнение прессой своих гражданских функций. Однако на протяжении всего столетия периодика противопоставляла цензурным условиям свое упорное стремление обсуждать острые общественные вопросы. Благоприятные в этом отношении условия она получила в первые годы XIX в.: Устав о цензуре 1804 г. давал право рассматривать политические темы.

1800–1810 гг. интересны той четкостью, с которой было выражено в прессе политическое направление. «Вестник Европы» уже в 1802–1803 гг. вынес острые социальные проблемы на свои страницы, создав специальный отдел «Политика». Это издание было более политическим, чем литературным: публицистика занимала в нем три четверти каждой книжки[118]. Политическое содержание имел журнал «Гений времен» (СПб., 1807–1809).

Однако очень скоро проявилось стремление правительства сделать политику исключительно своей прерогативой. Для прессы это означало ограничение на ее страницах комментируемой и анализируемой политической информации. Началась борьба за сохранение государством монополии на ее публикацию. С начала вто-

рого десятилетия журналистика попадает под двойную цензуру — Министерства просвещения и учрежденного в 1811 г. Министерства полиции. Цензурные стеснения сузили и без того скромные возможности прессы. Острые общественные темы если и попадали на ее страницы, то в крайне урезанном виде. В начале 20-х гг. частная пресса теряет право на какое бы то ни было освещение общественно-политической жизни страны, а зарубежную политическую информацию она могла давать с большими ограничениями[119].

Тем не менее журналистика первой четверти XIX в. поднимала проблемы представительного правления, крепостничества, свободы печати, гласности, хотя делалось это в очень осторожной форме, часто на материале других стран, с большими надеждами на то, что эти вопросы решит самодержавие. Характерным было отсутствие конкретики в обсуждении политических тем, провозглашение высоких идей без предложений реального механизма их воплощения в жизнь.

В прессе наметилось размежевание. К прогрессивным органам относились «Периодическое издание Общества любителей словесности» (СПб., 1804), «Журнал российской словесности» (СПб., 1805), «Санкт-Петербургский вестник» (1812), «Дух журналов» (СПб., 1815–1820), а также издания, в которых печатались декабристы и близкие к ним авторы: «Сын отечества» (в 1816–1825 гг.), «Соревнователь просвещения и благотворения» (СПб., 1818–1825), «Невский зритель» (СПб., 1820–1821). Консервативное крыло представляли «Северный вестник», «Русский вестник» С.Н. Глинки (М., 1808–1824), «Чтение в Беседе любителей русского слова» адмирала А.С. Шишкова (СПб., 1811–1816), «Демокрит» (СПб., 1815), «Вестник Европы» М.Т. Каченовского, занявший с 1815 г. косные позиции в литературе. Противостояние либеральной и консервативной прессы проявлялось в спорах о языке, об идеях французской философии и др.

После декабристского восстания 1825 г. с наступлением николаевской реакции политика вообще была изгнана из прессы. В 1826 г. цензоры получили предписание следить за тем, чтобы в газеты не попадали статьи с оценкой «политических видов его величества», допускалось сообщения политического характера перепечатывать из «Санкт-Петербургских ведомостей»[120]. Устав 1828 г. поставил прессу под полный контроль государства, запретил любые суждения о распоряжениях правительства. Помимо этого, в 30–70-е гг. «было принято более трехсот (в среднем по восемь в год) разного рода распоряжений уточняющего характера, относящихся к вопросам цензорской редакции авторского текста»[121]. Правительство строго следило за «Губернскими ведомостями».

10 марта 1838 г. появился секретный циркуляр Министерства внутренних дел, который требовал от губернаторов «наблюдать с особенным тщанием, чтобы сии известия не заключали в себе никаких могущих произвести напрасную тревогу в умах или же нелепые или неприличные толки и известия, как, например, о неповиновении помещикам и другим законным властям, о покушении крестьян или дворовых на жизнь своих господ, о жестоком обращении помещиков с крестьянами»[122].

Общественно-политические пристрастия надолго перешли в сферу чисто литературных мнений. Единственная из частных изданий газета «Северная пчела» имела право помещать политические известия только потому, что ее издателем был Ф.В. Булгарин, известный своими связями с III Отделением. После прекращения выхода в 1831 г. «Литературной газеты» А.С. Пушкин не раз хлопотал об издании журнала, в котором бы печатались политические российские и заграничные новости, однако получил разрешение только на чисто литературное издание — «Современник». В таких условиях журналистике приходилось идти на разные ухищрения для того, чтобы выразить свою общественную позицию. Пушкин использовал в этих целях исторические материалы, которые позволяли затронуть в его журнале вопросы современного развития России, старался связать художественный материал с общественной проблематикой. Публицистичность изданию придавал документальный материал (очерки, мемуары, письма), а в статьях самого Пушкина — пересказ содержания и цитирование анализируемых книг, представляемая хроника событий. «Путешествие в Арзрум», «Александр Радищев», «Джон Теннер», напечатанные в «Современнике», рассматриваются в литературоведении как политическая проза.

Однако эти издательские ухищрения далеко не всегда удачно заканчивались для Пушкина. Он постоянно сталкивался с противодействием цензуры. Так, в первой книжке подверглись правке парижские письма А.И. Тургенева. Цензурный комитет в связи с этим объяснял, что «признал себя не вправе дозволить г. цензору Крылову одобрить к напечатанию в оном предметы, могущие подать повод к политическим суждениям»[123]. Пушкину оставалось лишь мрачно шутить: «...бедный Тургенев! все политические комеражи его остановлены. Даже имя Фиески и всех министров вымараны»[124]. Этот пример типичен для отношений, сложившихся в первой половине XIX в. между властью и частной прессой. Он говорит о том, что в условиях политической системы того времени неофициальная журналистика имела крайне ограниченные возможности для того, чтобы быть рупором общества. В первой поло-

вине века она им и не стала. Пушкин констатировал: «...наша общественная жизнь — грустная вещь», — и в подтверждение своих слов на первое место из аргументов поставил «отсутствие общественного мнения»[125].

В таких условиях ареной общественной борьбы в 30-х — начале 50-х гг. стала литература. К этому времени она играла в русской культуре особую роль, заняв традиционное место церкви как хранительницы истины[126]. Превратившись в духовного лидера, русская литература подняла значение прессы, в пространстве которой шли обмен мнениями, полемика, поиск единомышленников. Наиболее прогрессивным изданием после 1825 г. стал журнал «Московский телеграф». Здесь пропагандировались идеи романтизма, понимаемого как свобода мысли и творчества. Журнал был закрыт после нескольких столкновений с цензурой по требованию министра просвещения Уварова. В этот же период усиливается влияние на общественное мнение консервативных журналистов Греча, Булгарина, Сенковского. «Северная пчела» и «Библиотека для чтения» порицали Гоголя, Грибоедова, нападали на критические отделы журналов «Молва» (М., 1831—1836), «Телескоп», «Современник». Против них, в свою очередь, боролись «Литературная газета», «Телескоп» и «Современник» — они разоблачали полицейскую роль триумвирата, выступали против насаждения вульгарных вкусов в литературе. В 30-е гг. Москва на десятилетие «отвоевала» у Петербурга ведущую роль в периодике. Белинский писал: «Совсем другое зрелище представляют московские журналы настоящего времени. В них можно заметить и мысль, и какие-то порывы благородные и чуждые внешних расчетов, большое усердие к делу»[127].

В середине 30-х гг. Белинский сформулировал принципиальные требования к прессе с учетом ее общественной роли: «Физиономия и характер журнала состоят в его направлении, его мнении, его господствующем учении, которого он должен быть органом»[128]. Эти принципы он воплощал в своей деятельности. Во многом с его именем связано появление в 40-х гг. демократического направления в периодике: «Отечественные записки» (с участием Белинского в 1839—1846), затем с 1847 г. — «Современник». Хотя по-прежнему периодика не имела возможности открыто высказываться на политические темы и полемика в ней принимала форму литературных обсуждений, идеологическая природа борьбы стала очень заметной. Публикуемые литературные произведения носили острую социальную направленность, в критических отделах журналов часто встречались политические рассуждения. Поэтому литераторы, придававшие политический характер свое-

му творчеству, оказывались тесно связанными с журналистикой.

В сфере культуры периодика и в XVIII в. занимала не последнее место. Рост периодической печати способствовал расширению культурного пространства, изменению в нем соотношения традиционной и инновационной культуры. Пресса являлась частью последней. Численное преобладание столичной периодики долгое время поддерживало в провинции более длительное существование и даже господство традиционной культуры. Однако уже в первой половине XIX в. пресса стала играть большую роль в расширении представлений о мире разных слоев населения, подрывая патриархальную замкнутость провинциалов.

Первая половина века оставалась временем широкого распространения в среде складывавшейся интеллигенции идей Просвещения. Пресса использовалась для их обсуждения и пропаганды. В этот период для журналистики были приоритетными просветительские задачи. Именно в распространении знаний пресса проявила себя наиболее активно из-за сложностей, блокировавших ее деятельность в политической сфере. Типичным примером может служить «Современник» — литературный журнал, включавший тем не менее большое число научных и научно-популярных статей по математике, истории, этнографии, экономике. Пресса этого времени развивалась в тесной связи с отдельными отраслями науки, в частности с историей: «до второй трети XIX в. журналистика и наука существовали безраздельно как единая сфера литературной деятельности, включая искусство историописания»[129].

Местная журналистика оказывала большое влияние на эволюцию светской культуры в самых разных направлениях. Создание газеты или журнала в любом регионе приводило к концентрации местных культурных сил, росту их профессионализма. В Астрахани разрешение на издание еженедельника «Восточные известия» в 1813 г. получил кружок интеллигенции, участником которого был и издатель газеты — учитель местной гимназии И. Вейсгопфен. «Казанские известия» возникли по инициативе нескольких молодых преподавателей Казанского университета. Развитию искусства способствовал, например, выпуск специальных органов типа «Азиатского музыкального журнала», в котором тиражировались ноты песен разных народностей.

Сознавая важность прессы как средства распространения художественных произведений, многие литературные деятели стали создателями периодических органов печати. Издателем журнала «Русский вестник» являлся писатель С.Н. Глинка. Поэт К.Ф. Рылеев и прозаик А.А. Бестужев основали альманах «Полярная звезда», литературный критик Н.И. Надеждин — журнал «Телескоп», дра-

матург Ф.А. Кони — театральный журнал. В свою очередь профессионализация литературы была тесно связана с периодикой.

Важное место заняла пресса, в том числе и местная, в развитии литературного творчества. Многие журналы и даже газеты являлись серьезными литературными органами. Пресса сообщала свежие новости гуманитарных наук и зарубежных литератур, знакомила читателей с критикой, библиографией, давала образцы новых жанров — лирической поэзии, сатирических поэм, очерков.

Параллельно с развитием прессы развивалась и ее читательская аудитория[130]. Во многом этот процесс определялся сословным характером общества и уровнем грамотности населения. В первой половине столетия темпы социального и культурного развития России, в том числе в образовательной сфере, были невысоки. К концу XVIII в. потенциальная аудитория читателей насчитывала примерно 12 тыс. человек[131]. И хотя за несколько десятилетий она многократно возросла, но и к началу 60-х гг. не превышала 1 млн[132]. Читатели же, которые постоянно следили за прессой, составляли только часть потенциальной аудитории. Выделение потребителя прессы из остальной читательской массы правомерно. Чтобы систематически обращаться к периодике, мало знать грамоту, следовало выработать привычку к постоянному, а не эпизодическому чтению, уметь разбираться в общественно-политической обстановке. Читатели газет и журналов рекрутировались из разных социальных слоев: помещиков, чиновников, купцов, духовенства, немногочисленных грамотных в мещанской среде, а также получивших хорошее домашнее воспитание женщин. Периодика завоевала в этот период прочные позиции у читателей. Газеты пользовались постоянным вниманием чиновников и провинциальных помещиков, а с середины 30-х гг. после основания ставшей популярной «Библиотеки для чтения» чтение журналов даже преобладало над чтением книг.

К числу постоянных и очень активных читателей периодики относились студенты и учащиеся разных учебных заведений. Они следили за широким кругом изданий. Московские студенты 20—40-х гг. впоследствии в своих воспоминаниях неоднократно рассказывали, как в трактирах и кофейнях кроме завтрака и обеда они получали «Московские ведомости», «Северную пчелу», «Московский телеграф», «Русского инвалида», «Дамский журнал», «Отечественные записки», «Московского наблюдателя» (1835—1839)[133]. Прессу читали в кадетских корпусах и в гимназиях. Специфическую читательскую среду с особыми вкусами составляли мелкие городские чиновники, ремесленники, купцы, разночинцы, большое распространение среди которых получил «Сын отечества» Греча.

Грамотными в основной своей массе были священнослужители, предпочитавшие в рассматриваемый период духовную литературу. Но и среди них встречались читатели светских журналов. Провинциальный священник И.С. Беллюстин в конце 40-х гг. выписывал «Современник», «Отечественные записки», «Библиотеку для чтения», «Телескоп», газеты. Он критиковал Белинского, Краевского, Некрасова, называя их «сеятелями зла», — критиковал, но читал[134]. Этот нетипичный сам по себе факт свидетельствует об изменении отношения к прессе и постепенном формировании ее постоянного читателя.

Тягу к прессе в демократических кругах отмечал Н.М. Карамзин: «Правда, что еще многие дворяне, и даже в хорошем состоянии, не берут газет, но зато купцы, мещане любят уже читать их. Самые бедные люди подписываются, и самые безграмотные желают знать, что пишут из чужих земель»[135]. Периодика, идя навстречу этому читателю, начинает печатать доступные для него издания типа «Чтения для солдат» (СПб., 1847–1915).

Уровень читательских запросов поляризовался. С одной стороны, уже в начале века встречается активный потребитель серьезной журнальной литературы. Вольнослушатель Петербургского педагогического института Н.И. Греч вспоминал: «Мы, тогдашние юноши, с жадностию пожирали "Вестник Европы" и не могли дождаться прихода московской почты с красненькими книжками. Мы учили наизусть статьи Карамзина, бредили ими во сне... Одного недоставало в "Вестнике Европы" — критики литературной, без которой журнал не журнал»[136]. С другой — широкие читательские круги демонстрировали более скромные запросы. Не привыкшая к серьезному чтению публика не поддержала журнал «Мнемозина» (М., 1824–1825), где помещались статьи философско-теоретического характера и печатались Пушкин, Языков, Грибоедов. Журнал прекратился на четвертой книге. В 30-е гг. подобные трудности переживал «Современник» — его тираж упал с 2,4 тыс. в первом и втором томах до 1,2 тыс. в третьем и 700 экз. в четвертом. После смерти Пушкина на квартире поэта осталось 109 полных комплектов журнала — это при том, что в нем печатались «Скупой рыцарь», «Капитанская дочка», «Путешествие в Арзрум», «Нос», «Коляска», стихи самого Пушкина, В.А. Жуковского, Ф.И. Тютчева, А.В. Кольцова и т. д. Кроме того, подписка на него стоила вдвое дешевле, чем на «Библиотеку для чтения». Литературоведы комментируют эти факты однозначно: содержание «Современника» отличалось такой умственной зрелостью, таким высоким художественным уровнем, что журнал не смог найти достаточно широкой аудитории[137].

Тем не менее влияние прессы на формирование общественного сознания было значительным. Местные писатели впитывали в себя новые литературные веяния, а читатели проявляли интерес к художественным исканиям, отражавшимся в периодике. Читателя увлекали связанные с литературой идеологические споры о языке, путях исторического развития России, о нигилизме и т. д. В 40-е гг. отечественная журналистика отражала широкий спектр общественных настроений. Поэтому даже опосредованно выраженная социально-политическая позиция периодики способствовала гражданственному воспитанию общества, пробуждению и росту гражданского самосознания. Четкое представление об этом сформировалось у учащейся молодежи: «Пять раз хаживали студенты в кофейные спрашивать, получены ли "Отечественные записки"; тяжелый номер рвали из рук в руки. "Есть Белинского статья? — Есть" — и она поглощалась с лихорадочным сочувствием... и трех-четырех верований, уважений как не бывало»[138].

* *
*

Крымская война 1853—1856 гг. стала отражением глобального кризиса экономики России и политики самодержавия. Правительство было вынуждено допустить общество к обсуждению путей выхода страны из кризиса и перспектив ее развития. В период подготовки и проведения либеральных реформ были облегчены условия существования прессы. С 50-х гг. позволено создавать частные периодические органы, в них допускается критика отдельных злоупотреблений чиновников не самого высокого ранга. На рубеже 50—60-х гг. частные издания получают право печатать политические статьи. Изменения условий функционирования печати юридически закреплены в 1865 г. «Временными правилами о печати». Механизм управления прессой усложнился. Введены экономические рычаги давления, на газеты и журналы разрешалось налагать административные взыскания. От предварительной цензуры освобождались столичные ежедневные газеты и журналы; она была сохранена в отношении иллюстрированных, сатирических изданий и всей провинциальной печати. Однако это ограниченное освобождение явилось таким новшеством, что министр внутренних дел П.А. Валуев даже отметил в своем дневнике 4 сентября 1865 г.: «Сегодня вышли в первый раз в Петербурге две газеты без цензурного просмотра: "Санкт-Петербургские ведомости" и "Голос"»[139].

Цензурные преследования существовали даже в период реформ 60—70-х гг. Прежде всего они были направлены против

демократической прессы. В 1866 г. по личному распоряжению царя закрыты «Современник» и «Русское слово». Но под ударом могли оказаться органы и либеральные, и даже охранительного направления. Например, «Московские ведомости» в 1866 г. приостанавливались на два месяца, в 1870 г. они получили предупреждение. Под строгое наблюдение попали и официозные органы. С 1838 по 1905 г. только в Полном собрании законов печатается более 30 актов, регулирующих издание «Губернских ведомостей», не считая секретных рекомендаций[140]. Правительство старалось держать под контролем источники информации: до 1866 г. периодические издания не имели права получать прямым путем политические телеграммы из-за границы.

По-прежнему непросто получить разрешение на открытие газеты или журнала. В.Г. Короленко писал о 60–70-х гг.: «...высшая администрация того времени смотрела на провинциальную газету как на праздную затею, совершенно излишнюю и, пожалуй, вредную, причиняющую сверхсметные беспокойства цензурному ведомству. Поэтому добиться права на издание частной газеты в провинции в то время было почти невозможно»[141]. Подтверждением этих слов служит история создания А.Н. Чудиновым газеты в Орле. Он добивался дозволения на ее выпуск два года, но вместо большой газеты в 1873 г. получил разрешение только на издание «Орловского справочного листка». Очень долго по этой причине не было частных газет в ряде губернских центров. Например, в Курске она появилась только в декабре 1892 г. («Курянин»), а в Тамбове — лишь в 1908 г. Но существование издания часто оказывалось недолговечным. Типична судьба упоминавшейся газеты «Амур», которая из-за вмешательства в ее дела генерал-губернатора Восточной Сибири и придирок цензуры прекратила свое существование через два года после открытия.

Местная печать, за исключением двух реакционных газет — «Киевлянина» (1864–1918) и «Южного края» (Харьков, 1880–1919) — оставалась в подчинении цензуры, что создавало для нее различные сложности. В частности, ограничивался ее доступ к источникам информации. Как свидетельствует история «Нижегородского справочного ярмарочного листка» (1865–1870), для отдела политических известий провинциальные газеты должны были довольствоваться заимствованиями таковых из официальных петербургских изданий. В 1869–1871 гг. каждый номер частной газеты «Дон» (Воронеж) в рукописи было приказано возить на просмотр цензору в Москву. И этот случай не единственный.

В 80-е гг. с наступлением реакции положение прессы ухудшилось из-за введения Временных правил 1882 г. Совещание че-

тырех министров теперь имело право прекратить любое издание, лишить издателя и редактора права деятельности, если она признавалась вредной. Преследования обрушились на демократическую прессу: перестали выходить «Отечественные записки», «Дело». Легально продолжали издаваться только журналы и газеты либерального, либерально-народнического и консервативного направлений.

В общественной жизни пореформенной эпохи на первое место выдвинулись политические вопросы. В связи с этим в содержании прессы произошло смещение приоритетов. Задачи воспитания и просвещения отходят на второй план. Журналы, по характеру преимущественно литературные, все больше политизируются. Политическая составляющая особенно велика была у газет. Периодика используется как общественная трибуна, как средство идейно-политической борьбы. Ориентируя читателей в сложной мозаике противоречивых социальных процессов, она содействует их политическому просвещению, формированию начал политической культуры в обществе.

Общественное движение второй половины XIX в., широкое по своим масштабам и разнообразное по организационным формам, делилось на несколько направлений. Понимая, сколь велико влияние прессы на общественное сознание, представители основных течений старались иметь в руках периодические органы, выражавшие их задачи и взгляды.

Пресса выступила носителем охранительной идеологии, революционно-демократического мировоззрения шестидесятников, народничества семидесятников, идей либерального народничества и марксизма 80–90-х гг. Систематизация изданий по идейным признакам отражает всю сложность общественной жизни того времени.

Охранительный лагерь представляли официальные газеты и журналы, церковная пресса, бульварная периодика, многие частные издания («Русский вестник» с 1863 г., «Гражданин»). Консервативные издания, поддерживая политику царизма, осуждали реформы, которые, по их мнению, подрывали устои патриархальной России, поместный уклад и дворянство. В либеральную прессу входили славянофильские органы: журналы «Русская беседа» (М., 1856–1860), «Заря» (СПб., 1869–1872), газеты «Молва» (М., 1857), «День», «Русь» (М., 1880–1886), а также крупные и известные издания типа «Вестник Европы», «Русская мысль» (М., 1880–1918), «Мир Божий». Либеральная печать приветствовала отмену крепостного права, буржуазные реформы, требовала ослабления цензуры, созыва Земского собора как совещательного

органа при царе, осуждала крестьянские выступления. К революционно-демократической группе относилось немало популярных изданий: это журналы «Русское слово», «Современник» Н.А. Некрасова, «Отечественные записки», «Искра» В.С. Курочкина, «Дело», газеты «Народная летопись» (СПб., 1865), «Очерки» (СПб., 1863). Народники выпускали «Русское богатство» (СПб., 1876–1918), «Северный вестник» (СПб., 1885–1898), «Неделю» (с 1874 г.). В 90-е гг. появляется марксистская пресса — журналы «Новое слово», «Начало», «Жизнь». Демократическая журналистика выступала против самодержавия с обличительных позиций, защищая интересы крестьянства, проводя идею революции и свержения властей. Издания нередко меняли свое направление, превращаясь из либерального в революционно-демократическое (как «Отечественные записки» с 1867 г.), из народнического в марксистское (как «Новое слово»).

Жесткие цензурные условия породили печать, неподвластную самодержавию. Еще до реформы А.И. Герцен и Н.П. Огарев за границей создали свободную русскую прессу. В 1857 г. начала выходить первая русская революционная газета «Колокол» (Лондон; Женева, 1857–1867). Она получала основную информацию от многочисленных добровольных корреспондентов из разных социальных слоев, издавалась большим тиражом — в 2,5–3 тыс. экз., распространялась в России. В ней печатались материалы о положении народа, об общественной борьбе в России, о произволе властей. В 70–80-е гг. за рубежом появилась революционная народническая периодика. Выход в 1861 г. трех листков «Великорусса», изданных одноименным комитетом, ознаменовал возникновение нелегальной прессы в России. Росло общественно-освободительное движение, росла и подпольная печать: выходят два номера газеты «Свобода», органа «Земли и воли» (1863), народнические газеты «Начало» (СПб., 1878), «Земля и воля» (СПб., 1878–1879), зарубежные и нелегальные марксистские издания (с конца 80-х гг.). Эти издания печатались небольшими тиражами, у них был невелик объем информационной площади и короткий срок жизни, но они имели достаточно широкое распространение. С их страниц звучала беспощадная критика в адрес самодержавия, здесь публиковались секретные правительственные документы, материалы о революционном движении, хроника арестов и т. д.

Своеобразной формой изложения своей гражданской позиции являлись так называемые «авторские издания», где автор, редактор и издатель выступали в одном лице. Известный с XVIII в. тип моноиздания теперь имел новое целевое назначение — высказывать независимые идеи, представлять свою систему взглядов. В

1876–1881 гг. Ф.М. Достоевский издавал «Дневник писателя» (СПб.) как журнал одного автора, в котором обнародовал свои философские, политические и исторические воззрения. В 1876–1877 гг. в Одессе выходили «Записки гражданина» О.М. Лернера. Известный публицист С.Ф. Шарапов основал газету «Русское дело» (М., 1886–1890), на страницах которой вел борьбу с политикой С.Ю. Витте, за что газета была закрыта, а автор понес большой финансовый ущерб. Существование этой специфической формы периодики в годы и реформ и контрреформ показало, что во второй половине века появилось больше возможностей для отражения взглядов и мнений, не совпадающих с официальными.

Неотъемлемым качеством прессы является ее влияние на людские умы. В пореформенное время это влияние резко возросло. Сформировался массовый постоянный читатель периодики, хотя такое понятие, как «массовый читатель», было для России довольно условным, если вспомнить о неграмотности населения и о сравнительно небольших тиражах даже самых популярных изданий. Тем не менее аудитория толстых журналов только за два десятилетия после отмены крепостного права выросла на одну треть, а аудитория газет — более чем в три раза[142]. Один из самых авторитетных исследователей проблем чтения, Н.А. Рубакин, утверждал, что читателей поставляли «все слои населения, все профессии»[143]. Число читателей намного превышало число подписчиков. По подсчетам историков, читатели «Отечественных записок», например, в 1877 г. составляли 100 тыс. при 8 тыс. подписавшихся на журнал, так как один экземпляр читали несколько человек, а в библиотеке — не менее тридцати[144]. Эти выводы подтверждает статистика Публичной библиотеки в Петербурге за 1863–1906 гг., в которой на первом месте по количеству требований всегда стояла российская периодика — 30–40% выдач, аналогичные данные по губерниям на 1888–1892 гг. — 31–55%[145]. Таким образом, есть основание говорить о воздействии прессы на массовое сознание населения.

Эпоха реформ создала более благоприятные условия для обсуждения политических и экономических проблем, что не замедлило сказаться на типе читателя. «В 60-х гг. точно чудом создался внезапно совсем новый, небывалый читатель с общественными чувствами, общественными мыслями и интересами, желавший думать об общественных делах»[146]. Особое явление в это время представляли издания Вольной типографии Герцена. Их читали даже в придворных кругах и аристократических салонах. Общественная активность 60–70-х гг. затронула практически все социальные слои. После трагических событий 1 марта 1881 г. — убий-

ства Александра II — в стране воцарилась реакция. Однако и в 80–90-е гг. публицистика оставалась важным фактором гражданской жизни. У наиболее известных крупных изданий складывалась постоянная аудитория. Думающий, образованный, с высокими гражданскими идеалами читатель «Отечественных записок» сильно отличался от невзыскательного подписчика «Нивы» и «Нового времени» (СПб., 1868–1917) А.С. Суворина. Но заметной особенностью читательских запросов в 80–90-х гг. стал уход общественных интересов на второй план. Изучая в середине 90-х гг. библиотечного читателя, Н.А. Рубакин сделал обоснованный вывод о том, что «в журналах главным образом читается беллетристика, а не статьи, дающие журналу "направление"»[147].

Тем не менее во второй половине XIX в. влияние прогрессивной прессы на читательские круги было сильным. Об этом говорит тот факт, что на протяжении нескольких десятилетий лидерами периодики и наиболее популярными в обществе оставались демократические и либеральные издания: «Современник» во второй половине 50-х гг.; «Русское слово», либеральные газеты «Голос» (СПб., 1863–1884), «Санкт-Петербургские ведомости» (при В.Ф. Корше) в 60-е гг., «Отечественные записки», «Дело» и «Вестник Европы» — в 70-е. В 80–90-е гг. после закрытия демократических журналов на первое место выходят либерально-оппозиционные «Вестник Европы» и «Русская мысль».

В пореформенную эпоху, как и до нее, наибольшее число читателей прессы было среди учащейся молодежи. Ее привлекали в первую очередь издания А.И. Герцена, радикальные журналы «Современник» и «Русское слово», «Отечественные записки» и «Дело», в 70-х гг. — нелегальная пресса. Молодое поколение впитывало антиправительственные идеи, созвучные его бунтарским настроениям. Со второй половины 50-х гг. появляются полулегальные и нелегальные кружки и общества, основную часть участников которых составляет разночинная молодежь. Здесь пользовались повышенным спросом подпольные издания, призывающие к борьбе с самодержавием.

Демократическая периодика сыграла огромную роль в становлении политических убеждений юношества. Высказывание студента Петербургского университета Л.Ф. Пантелеева о «Современнике»: «Многие быстро усваивали его идеи»[148] — можно отнести ко всей передовой прессе. Революционно-демократические издания, особенно нелегальные, способствовали широкому распространению нигилизма в 60-е — начале 70-х гг., коренным изменениям общественного сознания, примирению его с крайними методами борьбы. Радикальная журналистика обостряла конфликт

власти и общества, углубляла разрыв между сословиями, что могло нарушить мирный ход модернизации России. Но к такому повороту массовых настроений подталкивала и сама политическая система страны, при которой полностью отсутствовали легитимные возможности для защиты прав народа.

Одной из самых многочисленных составляющих аудитории прессы оставалась интеллигенция. Об этом свидетельствовала огромная читательская почта передовых журналов.

Если в 60-е гг. дворянство отдавало предпочтение демократическим изданиям, то в дальнейшем их интерес сосредоточился на либеральной и консервативной периодике. Одним из самых популярных в этой среде оставалась «Библиотека для чтения».

Все большим вниманием пользуется пресса среди мелкого и среднего чиновничества, купцов и мещан, сельских священников. Наиболее читаемыми здесь являются «Нива», «Родина», дешевые газеты «Свет», «Сын отечества» (СПб., 1862–1901). Священники наряду с этими изданиями читают духовные журналы — «Русский паломник» (СПб., 1885–1917), «Руководство для сельских пастырей». Приобщаются к регулярному чтению газет и широкие слои городского населения — приказчики, слуги. Развитие индустриальной сферы экономики приводит к появлению потребителей печатной продукции в среде рабочих. Грамотный читатель из низов в 50–60-х гг. читал «уличные листки», а позднее — свою «малую прессу»: газеты «Санкт-Петербургский листок», «Московский листок», «Новости дня» (М., 1883–1906), журнал «Развлечение» (М., 1859–1918).

Особенностью российской журналистики XIX в. было распространение ее в основном в городах и практически отторжение от нее сельского населения. Периодика не стала обязательным элементом культурно-бытовой жизни крестьян по причине низкого уровня грамотности и благосостояния последних. «Наши крестьяне еще никаких газет не выписывают», — писал в 1893 г. М.И. Ожегов, поэт, крестьянин Вятской губернии, в ответ на анкету Н.А. Рубакина[149]. Однако с 80-х гг. периодика начинает проникать и в деревню, и прежде всего газета — более доступная по содержанию и цене. Данные по отдельным губерниям свидетельствовали, что самыми читаемыми у крестьян были еженедельная правительственная газета «Сельский вестник» (СПб., 1881–1917), «Русское слово», «Сын отечества», «Московский листок». У «Сельского вестника» появилось даже довольно много подписчиков: в 1881 г. — 1 тыс., в 1900 — 70 тыс. Крестьяне хвалили это издание за то, что «в нем все есть, со всех концов нашей Руси пишется и

что тебе надо: проповеди, о царе-батюшке, о нашей земле, об урожаях, ценах, о торговле, о законах, а также и происшествия печатаются»[150].

Вся вторая половина XIX в. демонстрировала стремительное расширение читательской аудитории прессы. С развитием экономики, урбанизации, ростом грамотности, «вырывавших» граждан из патриархального быта, периодика проникала во все более демократические слои населения. И все же крестьянство оставалась тем огромным анклавом, который прессе предстояло осваивать уже в XX в.. Органы периодики всевозможных направлений преследовали разные, а часто прямо противоположные цели, что делало их влияние на читателей крайне противоречивым. Вектором многопланового воздействия печати было политическое поведение граждан. Однако разнонаправленные влияния периодических изданий во второй половине XIX в., очевидно, уравновешивались, так как революционного взрыва не произошло.

В пореформенную эпоху в стране зарождаются структуры, свойственные гражданскому обществу. С этим связана и специфика функционирования прессы второй половины XIX в.: в условиях самодержавной России, где отсутствовали политические партии, парламент и были слабо развиты общественные организации, периодика играла важнейшую роль среди формирующихся элементов гражданского общества и отчасти возмещала отсутствие других механизмов контроля и воздействия на власть. Она становится активным участником информационного управления обществом. Один из демократических журналов в середине 60-х гг. назвал периодическую печать проводником между местными властями и населением и подчеркнул ее роль в обеспечении открытости политики, проводимой на местах: «Распоряжения, производившиеся до настоящего времени путем канцелярской переписки и облеченные глубокой тайной, в наши дни получают такой гласный характер, что даже епархиальное начальство не в силах противиться этому общему движению»[151]. Эта сторона деятельности прессы была очень важной, так как ее подключение к процессу управления делало его более массовым и подрывало монополию государственных институтов.

Пореформенную периодику в целом, конечно, нельзя назвать независимой. Однако отдельные издания, четко придерживавшиеся избранного политического направления, заслуживают этого определения. К их числу относились центральные демократические органы. Но такие издания встречались и в провинции. Например, «Современник» в 60-е гг. подчеркивал «полнейшую независимость мнения вместе с необыкновенной строгостью в

преследовании главной цели» у «Вестника Юго-Западной и Западной России»[152]. С критикой действий власти выступали не только подпольные издания, но и органы легальной печати, в том числе, что особенно важно, и провинциальные. Газеты публиковали сведения о произволе местной администрации, выступали в защиту политических ссыльных, против высокого налогообложения крестьян (в частности, газета «Амур»), выясняли причины социальных бедствий, например самарского голода 1873 г. («Камско-Волжская газета». Казань, 1872–1874). Периодические издания Центрально-Черноземного региона много писали о социальных противоречиях в деревне, разорении мелких хозяев, в первую очередь из-за малоземелья. Знакомство с подобными материалами центральной и местной прессы дает основание говорить об отдельных проявлениях общественного контроля над властью.

Важнейшая составляющая механизмов гражданского общества — общественное мнение. Уже в самом начале эпохи реформ дальновидные представители высшей бюрократии осознали необходимость существования общественного мнения и невозможность противодействовать его появлению. В связи с предпринятым чиновниками расследованием (вопреки запрету правительства) публикации в газете «Весть» (СПб., 1863–1870) адреса московского дворянства министр внутренних дел П.А. Валуев записал в своем дневнике 17 января 1865 г.: «...эти господа стараются изобрести средство помешать графам Орловым-Давыдовым высказывать,



Чтение в крестьянской семье

хотя и неловко, и неточно, и неуместно, часть того, что думает и ощущает Россия. Напрасные старания. Волна поднялась среди моря и идет к берегу. Ее остановить нельзя»[153].

Усилия цензуры были направлены на то, чтобы получить хорошо отфильтрованное общественное мнение, приемлемое для властей. Несмотря на это, периодическая печать находила возможности отражать царящие в обществе настроения. Через нее шло давление на государственную политику, и в отдельных случаях мнение прессы учитывалось в правительственных действиях. Целый ряд событий свидетельствует о том, что журналистика становилась субъектом политической жизни. Так, с помощью печати общество смогло убедить царизм в неизбежности отмены крепостного права. Во многом под давлением общественного мнения, отражавшегося и в прессе, власть решилась на изменения в цензурной политике. Не менее велика его роль и в период ближневосточного кризиса 70-х гг.: Александр II и большая часть правительственных чиновников стремились к дипломатическим методам решения конфликта, а русское общество поддерживало восставших болгар и призывало оказать им действенную помощь, не исключая военную. Это был самый яркий пример ощутимого и внушительного нажима со стороны общественности на политику правительства за всю историю XIX в.

Широкий интерес печати вызвала стачка 1885 г. на Морозовской мануфактуре. Газета «Новое время» писала: «Вывод "Московских новостей": надо, чтобы отношения рабочих и хозяев нормировались правительством, т. е. тот самый вывод, который другими словами высказало большинство печати»[154]. Сами события 1885 г. и реакция на них общества заставили правительство сразу же по окончании судебного процесса над участниками стачки принять Закон от 3 июня 1886 г., регулировавший взаимоотношения фабрикантов и рабочих. Таким образом, самодержавию становится все труднее игнорировать общественное мнение, которое находило свое отражение на страницах периодической печати.

В свою очередь официальные круги хорошо осознавали значение прессы как средства идеологического воздействия на общество. Об этом свидетельствуют изменения в практике финансовой поддержки ими печати: она становится более избирательной, направляется на влиятельные издания (газеты «Голос» Краевского, «Московские ведомости» Каткова). Самодержавие училось использовать печатное слово для нейтрализации антиправительственных влияний. Откровенно пишет об этом в своем дневнике 11 ноября 1883 г. П.А. Валуев: «Два министра (внутренних дел и народ-

ного просвещения) соединили силы, чтобы создать в руках нового издателя «Санкт-Петербургских ведомостей» если не вполне официальный орган печати, то, по крайней мере, приличную и для правительства безвредную газету»[155]. По инициативе властей в 70-х — начале 80-х гг. в противовес революционной пропаганде начинают выходить специальные «народные» газеты «Сельская беседа» (СПб., 1878–1882; для крестьян и рабочих) и «Луч» (СПб., 1880–1896; для мещан).

В таких условиях становилось невозможным тотальное удушение периодической печати. Оно принесло бы власть имущим гораздо больше минусов, чем выгод. Пресса это осознавала, что объясняет ее большую активность в пореформенный период в сравнении с первой половиной века. Несмотря на преследования и запреты, печать продолжала обсуждение острейших проблем российской действительности. Это помогало ей на протяжении 60–90-х гг. оставаться силой, оказывающей влияние на политическую жизнь страны.

Пресса была носителем новых идей и мнений не только в сфере политики, но и в сфере культуры, воспитывала вкусы публики, печатая высокохудожественные произведения, литературные обзоры, театральные рецензии. Отдельные издания объединяли читателей на основе литературно-эстетических программ. Диалог о культуре, который продолжался на протяжении всей пореформенной эпохи между разными по направлению изданиями, также приобретал воспитательный характер. Демократическая печать выступала за необходимые культурные заимствования и синтез культур, за культурные преобразования, повышающие статус страны. Консервативная печать видела возможность достижения тех же целей на путях консервации культурных традиций. Журналистика тем самым стремилась пробудить в своих читателях уважительное отношение к разным составным частям культурного процесса, подвести их к пониманию того, что при формировании культурного базиса в нем должны были найти свое место новаторские и традиционные, заимствованные и национальные элементы.

Будучи важным слагаемым культуры, периодика второй половины века продолжала развиваться в тесном контакте с другими ее сферами. Огромная роль ее в развитии литературы определялась тем, что основная часть художественных и публицистических произведений первоначально публиковалась в прессе и не многие из них выходили отдельным изданием. Большое культурное значение в 70-е гг. приобрело новое направление в деятельности ряда журналов («Грамотей», «Чтение для народа» (СПб., 1886–

1889), которые выпускали значительными тиражами дешевые книги — перепечатки своих публикаций. В начале 80-х гг. «Мирской толк» (М., 1879–1884), «Луч» и другие журналы стали выдавать книги своим подписчикам в качестве бесплатного приложения. Эти книги составляли основу личных библиотек среднеобразованных читателей.

В этих условиях писатели и поэты нередко сочетали литературную деятельность с журналистской и наоборот. Примеров тому множество, включая широко известные и уже полузабытые сегодня имена. Профессиональные литераторы, как правило, были тесно связаны с определенным периодическим изданием. Публицист и критик Д.И. Писарев сотрудничал в «Русском слове», публицист и социолог В.В. Берви и поэт С.Я. Надсон — в «Отечественных записках», поэт П.В. Шумахер — в журнале «Искра», критик А.Л. Волынский заведовал отделом в «Северном вестнике». Сотрудничество в прессе могло составлять основу литературной деятельности, что характерно, например, для В.П. Буренина или писателя П.В. Засодимского, в течение тридцати лет печатавшего свои произведения в журнале «Детское чтение». Активно занимались журналистской деятельностью писатели В.М. Дорошевич, А.В. Амфитеатров, В.П. Клюшников, поэт В.С. Курочкин и многие другие.

Те же процессы шли на местах. Например, писатели Казани в 1872 г. объединились для издания «Камско-Волжской газеты». Региональная периодика играла важную организующую роль. Как свидетельствовали современники, «провинция наша всегда отличалась избытком усердных литературных работников. Но они, эти труженики, часто не знали, за что и как следует приняться, куда направить свои работы. Они нуждались в руководителе и организаторе, каковым и являлись в эти времена (с 60-х гг. — *Л. Д.*) редакторы «Губернских ведомостей» и секретари статистических комитетов»[156].

Сильной стороной местной прессы являлось краеведение, в котором заметное место занимала всесторонняя информация о культурной жизни регионов, включавшая сведения о просвещении и образовании, нравственных проблемах и духовном облике граждан, их повседневном быте и т. д.[157] Краеведческие материалы носили неполитический характер и потому не создавали сложностей редактору, в то же время к ним проявляли постоянный интерес читатели. Все это приводило к тому, что краеведческая тематика на страницах губернских изданий оставалась центральной на протяжении всего столетия. «Отечествоведение» составляло силь-

ную сторону деятельности провинциальной периодики в XIX в., а сегодня во многом определяет ее значение как исторического источника.

К концу века наметился новый этап в развитии культуры и участия в этом процессе периодики. Пресса обратилась к новым эстетическим концепциям и стилям. Она поддержала рождение эстетики модерна в литературе и искусстве. На рубеже двух веков сложилась новая журналистика, в создании которой приняли участие Андрей Белый, В.Я. Брюсов, А. А. Блок, М.А. Волошин и другие выдающиеся поэты. Начало этому процессу положило превращение с 1891г. журнала «Северный вестник» в орган символистов и основание журнала «Мир искусства» (СПб., 1898/99–1904) — первого художественного органа нового направления, возглавляемого С.П. Дягилевым и А.Н. Бенуа. Эта периодика «явилась опытным полем для теорий и практики «нового искусства», стремившегося завоевать сознание современников»[158].

Модернизация России вызывала быстрые и радикальные перемены в стране. Необходимость адаптации к новым условиям требовала объективной и полной информации о преобразованиях в разных сферах жизни, ее осмысления и выработки новых мировоззренческих принципов и соответствующих моделей поведения. Периодическая печать хорошо осознавала свою роль в переломную эпоху, четко формулировала стоящие перед ней актуальные информационные задачи. «...Для читающей публики, — писал известный публицист-демократ Н. Николадзе, — имеет серьезное значение только та печать, которая знакомит с событиями современности и руководит публикой в понимании вопросов и явлений жизни»[159].

В рамках активно развивавшегося процесса перехода от аграрного общества к индустриальному постепенно складывался тип культуры, ориентированный на социальную коммуникативность. Посильный вклад в этот глобальный процесс вносила и периодика. Для огромной страны, какой была Россия, при всем своеобразии ее составных частей всегда было важным обеспечить дистанционные культурные связи. Эта задача стала наиболее актуальной во второй половине XIX в., когда наметился подъем провинциальной культурной жизни, в состав России вошли Кавказ, Средняя Азия, Приамурье, находившиеся на разных уровнях развития и имевшие свои культурные особенности. Пресса в этих условиях проявила себя как эффективный инструмент культурной коммуникации. Об этом в конце века писал В.Г. Короленко: «Россия так необъятна вширь, что всякая государственная идея, как бы живо она ни сознавалась в центрах, рискует замереть прежде, чем дой-

ти до окраин... И вот почему всякий очаг живой местной мысли, который пытается провести в своем уголке общую идею, общие сведения, который направляет дремлющее внимание далекого захолустья на те же предметы, о которых думают и говорят в центрах общей жизни отечества, который будит гражданские интересы и чувства, направляя их на вопросы общего блага, является прежде всего могучим органом объединения и развития»[160].

Одинаково успешно эти коммуникативные связи обеспечивала и столичная, и местная пресса. Губернские города с середины века превращались в информационные центры своих регионов. Вспоминая Н.П. Сокальского, редактора «Одесского вестника» 1859–1871 гг., современники особо ставили ему в заслугу то, что он «превратил эту небольшую газету, расходившуюся в то время в 600 экз., в ежедневную газету большого формата с 3 тыс. подписчиков, чем приручил... десятки близлежащих городов и тысячи местечек и деревень ежедневно получать умственную пищу из Одессы»[161]. Периодика широко информировала читателей о политической и культурной жизни не только России, но и зарубежных стран, формируя общие подходы к восприятию всех сторон жизни, в том числе и культурной. Это рождало чувство общности провинции со столицей, укрепляло связи центра и регионов, давало ощущение единой родины.

Пресса принимала участие в формировании интеллигенции как особого социального слоя. Отражая представления, миропонимание разных социальных групп, она влияла на их взаимоотношения, помогала преодолению глубокого раскола в обществе. Превратившаяся в разветвленную информационную систему периодика проникала в самые широкие слои населения и способствовала складыванию внесословной культурной общности, так как читательские пристрастия и интересы часто выходили за рамки сословных делений. В этом плане периодическая печать, как и культура в целом, выполняла свою определенную миссию. Но задачи такого рода слишком масштабны для одного столетия. В XIX в. вне влияния журналистики оставалась самая многочисленная часть населения — крестьянство. Перед периодикой открывалось широкое поле деятельности. Динамизм, присущий всей русской культуре и нашедший отражение в необыкновенной выживаемости прессы в жестких условиях пореформенной России, в высоких темпах ее развития, давал надежду на успешное продвижение в решении этих задач в новом, двадцатом столетии.

[1] В очерке речь пойдет о русскоязычной прессе.

[2] Диаграммы Н.М. Лисовского, касающиеся русской периодической печати. СПб., 1913. С. 2 и 8.

[3] *Максимов А.Г.* «Московский Меркурий», 1803 // Сб. ст. по истории и статистике русской периодической печати. 1703–1903. СПб., 1903. С. 39.

[4] Труды Вольного экономического общества (СПб., 1765–1917); «Мой досуг, или Уединение» (СПб., 1801); «Иппокрена, или Утехи любословия» (М., 1799–1801); «Политический журнал» (М., 1790–1830); «Приношение религии» (М., 1798, 1801); «Журнал правоведения» (М., 1800–1801); «Академические сочинения» (СПб., 1801); «Правдолюбец» (СПб., 1801); «Утренняя заря» (М., 1800–1808).

[5] Диаграммы Н.М. Лисовского... С. 5.

[6] Там же.

[7] Создана в 1783г.; в 1841г. преобразована в Отделение русского языка и литературы Академии наук.

[8] Московский телеграф. 1831. № 1.

[9] *Венгеров С.А.* Ежедневная печать конца дореформенной эпохи // Сб. ст. по истории и статистике русской периодической печати. 1703–1903. С. 101.

[10] История русской журналистики XVIII–XIX вв. / Под ред. А.В. Западова. М., 1973. С. 161.

[11] 1817 г. — 500 экз. и 297 человек, 1818 г. — 400 экз. и 244 человека, 1819 г. — 350 экз. и 253 человека.

[12] *С.Р[усова].* Харьковская журналистика начала настоящего столетия // Киевская старина. 1892. Т. 38. С. 184–185.

[13] См.: *Ходнев А.И.* История Имп. Вольного экономического общества с 1765 до 1865г. СПб., 1865. С. 122. О судьбе специальных изданий, которые не находили большого сбыта, можно судить по истории Российской Академии. Небольшую часть их тиража Академия рассылала зарубежным корреспондентам или по губернским библиотекам, остальные годами лежали на складе, пока не погибли от пожара в 1841г. Нереализованные экземпляры «Журнала Министерства внутренних дел» распродавались в 1838–1842 гг. в скобяных лавках на оберточную бумагу (см.: *Файнштейн М.Ш.* Издательское дело Российской Академии // Книга в России. XVI — сер. XIX в. Мат-лы и исслед. Л., 1990. С. 178; *Мохначева М.П.* Журналистика и историографическая традиция в России 30 — 70-х гг. XIX в. М., 1999. С. 127).

[14] Книга в России XVII — нач. XIX в. Проблемы создания и распространения. Л., 1989. С. 76–78.

[15] *Белинский В.Г.* Ничто о ничем // Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. М., 1976. С. 253.

[16] Ал.Н. Карамзин — А.Н. Карамзину. 1 октября 1836г. // Последний год жизни Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники. М., 1988. С. 273.

[17] 400 лет русского книгопечатания. Т. 1. М., 1964. С. 294, 302.

[18] *С.Р[усова].* Указ. соч. С. 177.

[19] См.: *Есин Б.И.* Русская дореволюционная газета. 1702–1917: Краткий очерк. М., 1971. С. 26.

[20] См.: *Зайцева А.А.* Книгопечатание в России на рубеже XVIII и XIX вв. // Книга в России до середины XIX в. Л., 1978. С. 193.

[21] В 1818 г. соответствующие цифры 3,8 тыс. и 4,4 тыс. руб., в 1819 г. — 3,8 тыс. и 4,6 тыс. руб. // С.Р[усова]. Указ. соч. С. 185.

[22] 400 лет русского книгопечатания. Т. 1. С. 284.

[23] См.: *Вертинский Н.С.* Газета в России и СССР. М.;Л., 1931. С. 33.

[24] Общественное движение в России в первой половине XIX в. СПб., 1905. С. 242.

[25] *Греч Н.И.* Чтения о русском языке. Ч. 2. СПб., 1840. С. 391.

[26] Последний год жизни Пушкина. С. 54.

[27] *Полевой Н.А.* Записки. СПб., 1888. С. 545.

[28] *Вяземский П.Я.* Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1974. С. 149.

[29] *Белинский В.Г.* Ничто о ничем. С. 225–226.

[30] *Пятковский А.П.* Из истории нашего литературного и общественного развития. Ч. 2. СПб., 1889. С. 336.

[31] *Полевой Н.А.* Очерки русской литературы. Ч. 1. СПб., 1839. С. XIV.

[32] *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 9. М., 1955. С. 693; Т. 11. М., 1956. С. 120.

[33] См.: *Есин Б.И.* История русской журналистики XIX в. М., 1989. С. 38.

[34] См.: *Коломинов В.В., Файнштейн М.Ш.* Храм муз словесных. Л., 1986. С. 57.

[35] См.: *Левкович Я.* Судьба альманаха «Звездочка» // «Звездочка». Фототипическое изд. М., 1981. С. 12.

[36] Последний год жизни Пушкина. С. 62.

[37] Там же. С. 70.

[38] Книга в России. 1861–1881. Т. 3. М., 1991. С. 29.

[39] Современник. Литературный журнал А.С. Пушкина. 1836–1837. Избр. страницы. М., 1988. С. 6.

[40] Последний год жизни Пушкина. С. 303.

[41] 400 лет русского книгопечатания. Т. 1. С. 274.

[42] См.: *Ходнев А.И.* Указ. соч. С. 103, 118.

[43] *Белинский В.Г.* Ничто о ничем. С. 226.

[44] Советская историческая энциклопедия. Т. 11. М., 1968. С. 535.

[45] См.: *Станько А.И.* Русские газеты первой половины XIX в. Ростов-на-Дону, 1969. С. 8.

[46] Диаграммы Н.М. Лисовского... С. 8, 5.

[47] См.: *Березина В.Г.* Русская журналистика второй четверти XIX в. (1826–1839 гг.). Л., 1965. С.4.

[48] См.: *Клейменова Р.Н.* Книжная Москва первой половины XIX в. М., 1991. С. 56.

[49] Несмотря на это, Е.Ф. Коршу в 1843–1848 гг. удалось сделать «Московские ведомости», по словам Чернышевского, «лучшей из наших газет» (см.: *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 4. М., 1948. С. 864).

[50] *Ходнев А.И.* Указ. соч. С. 12, VIII.

[51] Там же. С. 112, 116.

[52] *Комков Г.Д.* и др. Академия наук СССР: Краткий исторический очерк. Т. 1. 1724–1917. М., 1977. С. 160.

[53] *Лисовский Н.М.* Периодическая печать в России // Сб. ст. по истории и статистике русской периодической печати. 1703–1903. С. 19.

[54] Темпы вычислены по соотношению числа изданий в каждом следующем пятилетии в сравнении с предшествующим исходя из данных в кн.: Диаграммы Н.М. Лисовского... С. 5.

[55] Печать зарубежных стран. М., 1962. С. 321.

[56] См.: *Мижуев П.Г.* Несколько слов по поводу статистики периодической печати в России и за границей // Сб. ст. по истории и статистике русской периодической печати. 1703–1903. С. 32–33.

[57] См.: *Ухалов Е.С.* История русской журналистики XIX в. Ч. 2. М., 1971. С. 4.

[58] См.: *Есин Б.И.* Русская газета и газетное дело в России. Задачи и теоретико-методологические принципы изучения. М., 1981. С. 24.

[59] Отечественная история с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. Т. 1. М., 1994. С. 421.

[60] *Брюсов В.* Из моей жизни. М., 1994. С. 103.

[61] Например, губернский город Владимир на Клязьме с населением 28,3 тыс. человек в 1897г. имел 20 учебных заведений, 8 типографий и около 40 православных церквей, два монастыря.

[62] Н.П. Гиляров-Платонов по окончании Московской духовной академии там преподавал. Его позиция по вопросам старообрядчества послужила причиной увольнения из академии и из духовного звания. Славянофил по общественным взглядам, философ Гиляров сочетал в своем творчестве светскую и религиозную тематику, оставил труды по богословию, лингвистике, экономике. «Он был единственный публицист, осторожно, умно и со знанием дела касавшийся в газете вопросов веры и церкви и тем сближавший общество с областью, считающейся как бы монополией одних духовных журналов, которые обращаются только в кругу духовенства» (*Шаховской Н.В.* Н.П. Гиляров-Платонов. М., 1899. С. XXXIX).

[63] См.: *Есин Б.И.* Русская дореволюционная газета. 1702–1917: Краткий очерк. С. 31.

[64] Одесса. 1794–1894. Вып. 2. Одесса, 1895. С. 699.

[65] Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. VII а. СПб., 1892. С. 805.

[66] С 7 в 1860 г. до 70 в 1891 г. (Там же. С. 805).

[67] См.: *Есин Б.И.* Русская газета и газетное дело в России. С. 47.

[68] См.: *Антюхин Г.В.* Печатное слово России. Воронеж, 1993. С. 110.

[69] Одесса и ее окрестности. Путеводитель В.И. Коханского. Одесса, 1891. С. 196, 194.

[70] Книга в России. 1861–1881. Т. 3. С. 33.

[71] Обозначившиеся к 70-м гг. трудности с типографским оборудованием, на замену которого у Академии не хватало средств, приводили в условиях возросшего тиража изданий к систематическим опозданиям его части на почту, что вызывало недовольство подписчиков.

[72] См.: *Ходнев А.И.* Указ. соч. С. 122.

[73] Отношения прессы и капитала рассмотрены в работах: *Лаверычев В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861–1900. М., 1974; *Боханов А.Н.* Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1984; *Летенков Э.В.* «Литературная промышленность» России конца XIX — начала XX в. Л., 1988; и др.

[74] Книга в России. 1861–1881. Т. 3. С. 38.

[75] *Короленко В.Г.* Из истории областной печати // Сб. в память А.С. Гациского. Нижний Новгород, 1897. С. 24.

[76] *Кривенко С.Н.* Из литературных воспоминаний // Исторический вестн. 1890. № 2. С. 266.

[77] Литературное наследство. Т. 49. Н.А. Некрасов. I. М., 1946. С.108.

[78] Русская периодическая печать. 1702–1894: Справочник. М., 1959. С. 258.

[79] Байкал. 1989. № 22. Цит. по: Становление и развитие местной печати России. Воронеж, 1985. С. 49.

[80] *Брюсов В.* Из моей жизни. С. 49.

[81] См.: *Валуев П.А.* Дневник. Т. 1. М., 1961. С. 307.

[82] Подробнее см.: *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия. М., 1978.

[83] Московские студенты вышли на улицу для встречи студентов Киевского университета, высланных в 1878 г. за протест против необоснованного ареста одного из их товарищей.

[84] *Юровский В.Е.* Газета либеральной интеллигенции «Русские ведомости» // Вопр. истории. 1997. № 1. С. 150.

[85] [*Шереметев С.*] Московские воспоминания 60-х гг. М., 1900. С. 15–16.

[86] Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. 2. Л., 1965. С.45.

[87] Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. XIV а. СПб., 1895. С. 733.

[88] *Валуев П.А.* Дневник. Т. 2. М., 1961. С. 443.

[89] Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. XXXIII а. СПб., 1901. С. 958.

[90] См.: *Сущий С.Я., Дружинин А.Г.* Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону, 1994. С. 443.

[91] См.: *Авдошенко Е.В.* Поэт Г.Р. Державин в Тамбове. Тамбов, 1962. С. 42–46.

[92] Между двумя столицами до 1806 г. существовал паритет в количестве изданий (на 1806 г. по 15). Однако позже петербургская периодика становится более многочисленной.

[93] Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 419.

[94] *Клейменова Р.Н.* Книжная Москва первой половины XIX в. С. 56.

[95] *Белинский В.Г.* Ничто о ничем. С. 230.

[96] Диаграммы Н.М. Лисовского... С.5.

[97] Кроме них в Казани в первой четверти века появились «Труды Казанского общества любителей отечественной словесности» (1815). Закрытые в 1820 г. «Казанские известия» получили продолжение в лице ежемесячника Казанского университета «Казанский вестник» (1821–1833). В 1813–1817гг. были основаны еженедельник «Восточные известия» (Астрахань, 1813–1815), издававшийся дважды в год «Азиатский музыкальный журнал» (Астрахань, 1816–1818), «Российское еженедельное издание» (Рига, 1816), «Друг россиян» (Орел, 1816), «Отечественный памятник» (Орел;Могилев, 1817) издателя Фердинанта Орля-Ошменца. Как центр провинциальной периодики выделялся Харьков. В первой четверти века здесь издавались «Харьковский еженедельник» книгопродавца Лангнера (1812), ежемесячные журналы «Харьковский демокрит» (1816) и «Украинский вестник» (1816–1819), «Труды Общества наук, состоящего при Императорском Харьковском университете» (1817), «Украинский домовод» (1817) издателя В. Пильгера. Харьковский университет издавал в 1824–1825 гг. дважды в месяц «Украинский журнал».

[98] Уральские областные (1903), Елисаветпольские (1904), Ферганские (1907), Эриванские (1907), Холмские (1913).

[99] Подсчитано по: *Станько А.И.* Русские газеты первой половины XIX в. С. 194–201.

[100] Здесь и далее о прессе университетских городов подсчитано по: *Лисовский Н.М.* Русская периодическая печать. 1703–1900. Пг., 1915.

[101] 400 лет русского книгопечатания. Т. 1. С. 283.

[102] Одесса. 1794–1894. С. 592.

[103] 400 лет русского книгопечатания. Т. 1. С. 312.

[104] Россия: Энциклопедический словарь. С. 419.

[105] В пореформенное время неоднократно ставился вопрос об основании в Воронеже университета, но он так и не был решен до 1918 г. (см.: *Карпачев М.Д.* Основание Воронежского университета // Отечественная история. 1998. № 5. С. 77)

[106] Нижегородский справочный листок. 1865. № 9, 11, 24; Нижегородские губернские ведомости. 1869. № 3, 4, 39.

[107] См.: *Антюхин Г.В.* Печатное слово России. С. 135, 163–164.

[108] Одесса. 1794–1894. Вып. 2. С. 601.

[109] Становление и развитие местной печати России. С. 29.

[110] Диаграммы Н.М. Лисовского... С. 7.

[111] *Шкаратан О.И., Гуренко Е.К.* От этакратизма к становлению гражданского общества // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 3. С. 155.

[112] В литературе существуют разногласия по поводу того, куда отнести «Московские ученые ведомости», которые выпускал в 1805–1807 гг. профессор Московского университета И.Ф. Буле, и «Гений времени» Ф. Шредера и Н.И. Греча (1807–1809) — к журналам или газетам. «Казанские ведомости» бесспорно зачисляют в группу последних.

[113] *Березина В.Г.* Русская журналистика первой четверти XIX в. Л., 1965. С. 17.

[114] См.: *Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И.* Сквозь «умственные» плотины. М., 1986. С. 263–265.

[115] Правление университета было против, но пока вопрос с ним обсуждался, издание прекратило свое существование в том же 1812 г.

[116] *Кубалов И.* Эпизод из журналистской деятельности Н.И. Греча // Сб. ст. по истории и статистике русской периодической печати. С. 61.

[117] История русской журналистики XVIII–XIX вв. С. 158.

[118] См.: *Ухалов Е.С.* История русской журналистики XIX в. Ч. 1. М., 1968. С. 20.

[119] См.: *Березина В.Г.* Русская журналистика первой четверти XIX в. С. 54.

[120] См.: *Березина В.Г.* Русская журналистика второй четверти XIX в. С.4.

[121] *Мохначева М.П.* Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII–XIX вв. М., 1998. С. 139.

[122] *Дейч Г.М.* «Губернские ведомости» как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 9. Л., 1978. С. 242 .

[123] М.А. Дондуков-Корсаков — С.С. Уварову. 25 марта 1836 г. // Последний год жизни Пушкина. С. 68.

[124] А.С. Пушкин — П.А. Вяземскому. Не ранее 17 марта 1836 г. // Там же. С. 67.

[125] А.С. Пушкин — П.Я. Чаадаеву. 19 октября 1836 г. // Там же. С. 299.

[126] См.: *Лотман Ю.М.* Архаисты-просветители // Из истории русской культуры XIX в.: Сб. очерков. Т. 5. М., 1996. С. 420.

[127] *Белинский В.Г.* Ничто о ничем. С. 251.

[128] Там же. С. 253.

[129] *Мохначева М.П.* Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII–XIX вв. С. 85.

[130] О читателе XIX в. см.: *Гинзбург Б.С.* Отношение читательских кругов России к статьям «Колокола» (1857–1861 гг.) // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1963; История русского читателя: Сб. научных трудов. Вып. 1–3. Л., 1973–1979; Книга в России. 1861–1881. Т. 3; Книга в России. 1881–1895. СПб., 1997; *Рейтблат А.* От Бовы к Бальмонту. М., 1991; Чтение в дореволюционной России. Вып. 1–2: Сб. научных трудов. М., 1992–1995.

[131] См.: *Севастьянов А.Н.* Книга — читатель — литература // Книга в России XVII — нач. XIX в. С. 164.

[132] См.: *Рейтблат А.* Указ. соч. С. 10.

[133] См.: *Галахов А.Д.* Литературная кофейня в Москве в 1830–1840 гг. // Русская старина. 1886. № 4. С. 182; *Мурзакевич Н.Н.* Записки // Там же. 1887. № 2. С. 268.

[134] Чтение в дореволюционной России. С. 100–104.

[135] *Карамзин Н.М.* О книжной торговле и любви к чтению в России // Избр. статьи и письма. М., 1982. С. 98.

[136] *Греч Н.И.* Указ. соч. С. 366.

[137] См.: *Гиллельсон М.И.* Пушкинский «Современник» // Современник. Литературный журнал, издаваемый Ал-м Пушкиным. Факсим. изд. Т. 1. М., 1987. С. 33.

[138] *Герцен А.И.* Былое и думы. Т. 1. М., 1963. С. 108.

[139] *Валуев П.А.* Дневник. Т. 2. С. 66.

[140] См.: *Дейч Г.М.* Указ. соч. С. 239.

[141] Сборник в память А.С. Гацискаго. С. 15.

[142] Книга в России. 1861–1881. Т. 3. С. 74.

[143] *Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике. Факты, цифры и наблюдения. СПб., 1895. С. 91.

[144] См.: *Рейтблат А.* Указ. соч. С. 41.

[145] Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX в. 1890–1904 гг. Социал-демократические и общедемократические издания. М., 1981. С. 66–67; *Рубакин Н.А.* Указ. соч. С. 107.

[146] *Шелгунов Н.В.* Воспоминания. Цит. по: *Рейтблат А.* Указ. соч. С. 18.

[147] *Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике. С. 107.

[148] *Пантелеев Л.Ф.* Воспоминания. М., 1958. С. 161.

[149] См.: *Ожегов М.И.* Характеристика своего народа // Чтение в дореволюционной России. Вып. 1. С. 138.

[150] *Рейтблат А.* Указ. соч. С. 123–124.

[151] *В.С. [В.А. Слепцов].* Губернская пресса // Современник. 1869. № 9. С. 48.

[152] Там же. С. 43.

[153] *Валуев П.А.* Дневник . Т. 2. С. 15.

[154] Новое время. 1885. 21 января. С.2.

[155] *Валуев П.А.* Дневник 1877–1884. Пг., 1919. С. 245.

[156] *Агафонов Н.Я.* Воспоминания об А.С. Гацискомъ // Сб. в память А.С. Гацискаго. С. 44.

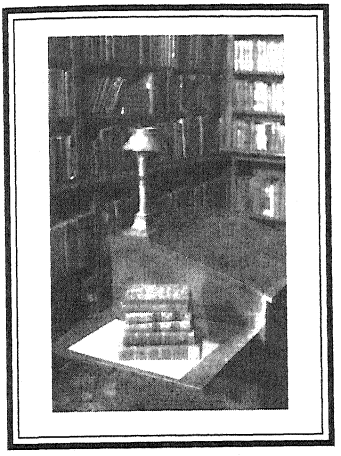
[157] Для примера см.: *Бердова О.В.* Культурная жизнь Костромы и Костромской губернии по материалам местной периодической печати конца XIX — начала XX в.: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1998.

[158] Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX в. 1890–1904. Социал-демократические и общедемократические издания. С. 53.

[159] Тифлисский вестник. 1876. № 18.

[160] Сборник в память А.С. Гацискаго. С. 27–28.

[161] Одесса. 1794–1894. Вып. 2. С. 600.



З.В. Гришина,
В.П. Пушков

БИБЛИОТЕКИ. НАКОПЛЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КНИЖНЫХ БОГАТСТВ

Библиотеки — собрания книг и их хранилища — составляют один из важнейших элементов письменной культуры и существуют в мире с глубокой древности. Аккумулируя в себе культурный опыт, они выступают в роли хранителей национальной памяти и интеллекта, обеспечивают связь поколений, неразрывность историко-культурного процесса.

Любовь к книге — характерная черта традиционной русской культуры. Свойственная Средневековью сакральность письменного слова как такового усиливалась благодаря особенностям культурного пространства России: огромная протяженность земель, неразвитость и нерегулярность путей сообщения обусловили большую социокоммуникативную роль печатного слова.

Книги собирали и хранили в монастырях, при княжеских, царских и боярских дворах. Из XVI в. дошли до нас сведения о библиотеке Ивана Грозного, от XVII столетия остались книжные собрания патриарха Никона, боярина Артамона Матвеева. В XVIII в., наряду с крупными личными собраниями, такими, как библиотека Я.В. Брюса и др., начали создаваться книжные хранилища при научно-культурных центрах, открытые для посторонней публики. Ста-

рейшая из них, библиотека Академии наук в Петербурге, начала складываться еще до основания Академии, в 1712 г. Среди первых в России «ведомственных» библиотек выделялись библиотеки Московского университета (1756), Вольного экономического общества (1766), Морского корпуса (1769)[1]. Рубеж XVIII и XIX вв. ознаменовался инициативами по созданию национальной публичной библиотеки со статусом самостоятельного культурного учреждения. В продолжение XIX в. совместными усилиями государственных учреждений, общественных организаций и частных лиц появились сотни новых книгохранилищ, и по уровню библиотечного дела Россия не уступала ведущим державам мира.

Этот поступательный процесс достаточно четко делится на два периода — до и после отмены крепостного права. В первой половине века прогресс библиотечного дела стимулировался деятельностью правительства по расширению сети народного просвещения, ростом слоя разночинной интеллигенции и обострением чувства национального самосознания российского общества после Отечественной войны 1812 г. Основным направлением библиотечного строительства в пореформенный период стало обеспечение демократизации просвещения путем создания общественных и народных библиотек, воспитания сознательного читателя, массового «потребителя» печатной продукции.

В первой половине XIX в. наиболее актуальным направлением стало создание библиотек, доступных широкой публике. Первые подобные попытки предпринимались в XVIII в., но инициативы эти были крайне эпизодичны и неустойчивы[2]. Всего в продолжение XVIII в. существовало не более десяти общедоступных книгохранилищ. Лишь с XIX в. в России начинается систематическое устройство публичных библиотек[3].

Старейшая в стране Императорская Публичная библиотека (ныне Российская национальная библиотека в Петербурге) была основана по повелению Екатерины II «для употребления всех и каждого» 16 мая 1795 г.[4], но акт ее торжественного открытия для читателей состоялся лишь 2 января 1814 г. Библиотека возникла на базе книжной коллекции польских аристократов, братьев Андрея и Иосифа Залуцких (Залусских) — военного трофея А.В. Суворова периода третьего раздела Польши, последовавшего за капитуляцией Варшавы в октябре 1794 г. Коллекция включала в себя 400 тыс. томов редких книг, в том числе особо ценимых библиофилами первопечатных изданий и рукописей. В Петербург, в ведение Кабинета ее императорского величества, прибыло около 250 тыс. томов[5].

Разбор и каталогизация книг начались еще в царствование Екатерины II. В это же время закладывается и новое отдельное

здание на углу Невского проспекта и Садовой (по проекту архитекторов Е.Т. Соколова и Л. Руска). В 1801 г. его строительство было завершено, а в следующем году состоялся переезд туда книжного собрания. В 1805 г. фонды библиотеки пополнились вывезенным из Франции собранием рукописей П.Л. Дубровского, размещенным в специальных шкафах, изготовленных по проекту А.Н. Воронихина. Но лишь позднее, с 1808 г., процесс превращения коллекции редких книг и рукописей в национальную библиотеку обрел должный размах. Началось систематическое пополнение фондов библиотеки, и через два года в них насчитывалось более 150 тыс. книг по различным отраслям знаний на латыни, немецком, французском и польском языках, свыше 750 печатных изданий XV в. (инкунабулы), около 12 тыс. экз. рукописей, десятки папок, связок и свертков эстампов, гравюр, портретов, карт[6].

Библиотека регулярно комплектовалась книгами на русском языке. Обязательные экземпляры поступали из Святейшего Синода, Академии наук, цензурных комитетов, Главного управления училищ, Петербургской, Московской синодальных и Киево-Печерской типографий. С 1812 г. библиотека начала регулярно получать газеты — «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости», «Академические ведомости», «Северную почту», «Казанские известия», «Литовский курьер»[7]. Уже в 1820 г., имея 300 тыс. книг и 11 тыс. рукописей, Публичная библиотека по количеству фондов заняла 4-е место среди крупнейших европейских библиотек, уступая только Парижской Королевской библиотеке, Придворной библиотеке в Мюнхене, Императорской библиотеке в Вене и оставив позади многие знаменитые библиотеки, в том числе Библиотеку Британского музея в Лондоне[8].

Еще до официального открытия библиотеки, в 1813 г., начал складываться фонд «особого хранения» по примеру Ватиканской библиотеки — для книг и рукописей, не подлежащих открытому доступу публики. Руководство библиотеки считало необходимым собирать и хранить «крамольные» издания как материалы к «истории ума человеческого» и в качестве писаний, в которых проявились «не только польза, но и самые злоупотребления»[9].

Изначально в библиотеке стали складываться коллекции с особо полным подбором книг по определенным темам. В 1813 г. возникла идея комплектования фондов всеми материалами, относящимися к Отечественной войне 1812 г.[10] Собирание иностранных изданий о войне подтолкнуло к мысли о расширении круга тем. В 1817 г. известный ученый Ф.П. Аделунг выступил в печати с предложением организовать русский национальный музей, в котором были бы представлены все иностранные книги о

России. Его поддержал собиратель книг и рукописей о России Б.-Г. Вихман. Впоследствии коллекция иностранных книг о России (Rossica) стала одним из самых полных и интересных разделов Публичной библиотеки.

В 1817 г. книгохранилище пополнилось собранием редких славянских книг и рукописей, приобретенным у «почетного библиотекаря» П.К. Фролова, в 1830 г. — старопечатными книгами и рукописями гр. Ф.А. Толстого. Большое количество печатных, рукописных и изобразительных материалов библиотека получала в подарок. Среди дарителей встречаются имена мореплавателей И.Ф. Крузенштерна и Ф.П. Литке, писателей Г.Р. Державина, Д.И. Языкова, генерала А.А. Жомини, декабристов А.И. Тургенева, С.Г.Волконского, В.К.Кюхельбекера[11].

Библиотека недаром называлась императорской. Правительство активно участвовало в комплектовании ее фондов, особенно иностранными книгами. Несколько раз сюда передавались собрания эрмитажной библиотеки, основу которой составляли книги Екатерины II, включая купленную ею библиотеку Вольтера. Александр I и Николай I неоднократно пересылали в Публичную библиотеку книги, полученные в дар от иностранных правительств, учреждений и частных лиц. Сюда же поступили военные трофеи русско-турецкой войны 1828–1829 гг. — рукописи из Ардебина, из мечети Ахмедие в Абхазии. В октябре 1829 г. Николай I передал в библиотеку 18 книг, привезенных в подарок персидским принцем Хосров-Мирзой с целью смягчить дипломатический кризис, вызванный гибелью в Тегеране русского посла А.С. Грибоедова. Среди них — творения знаменитых персидских поэтов Фирдоуси («Шахнаме»), Саади, Хафиза, Навои, Джами[12].

В 1831 г. фонды библиотеки пополнились редкими и ценными изданиями и рукописями из упраздненной Полоцкой иезуитской академии, а в 1832–1833 гг. — из Варшавской публичной библиотеки и Варшавского общества любителей наук и из личных библиотек польских магнатов[13].

Правительство субсидировало покупки нескольких частных собраний, состоящих по преимуществу из иностранных книг: гр. С.К. Вязмитинова, кн. Д.И. Лобанова-Ростовского, П.К. Сухтелена, часть библиотеки бывшего посланника в Риме А.Я. Италинского. Библиотека регулярно пополнялась китайскими рукописями и книгами. На их закупку через духовную миссию в Китае разрешалось ежегодно тратить от 500 до 1000 руб.[14]

Со времени своего возникновения Публичная библиотека служила притягательным центром интеллектуального общения во многом благодаря людям, осуществлявшим ее организационную

и текущую деятельность. При управлявшем Кабинетом Екатерины II В.С. Попове, в ведение которого поступило книжное собрание братьев Залуцких, разбором, инвентаризацией, каталогизацией фондов занимались известные библиографы — М.И. Антоновский, Ф.Ф. Енгельбах, Х.Н. Рейнгардт, А.С. Струговщиков. В начале 1800 г. первый директор библиотеки, он же одновременно президент Академии художеств М.Г. Шуазель-Гуффье уступил свои посты гр. А.С. Строганову. Страстный любитель искусств и библиофил, Строганов сам владел одной из крупнейших частных художественных коллекций, и его личная библиотека по числу редких изданий считалась одной из ценнейших в Европе[15]. С 1808 г. пост помощника директора библиотеки занял А.Н. Оленин, который возглавлял ее коллектив после смерти Строганова в 1811 г. вплоть до 1843 г. Президент Академии художеств, историк, палеограф, знаток и коллекционер древнерусских рукописей, хозяин салона, где собирались художники, ученые, литераторы, он много сделал для становления российской национальной библиотеки.

В это время с библиотекой сотрудничали выдающиеся деятели культуры. В разные годы здесь служили поэт и переводчик И.И. Гнедич, лингвист А.Х. Востоков, эллинисты Д.П. Попов, М.С. Куторга, востоковеды У.Д. Френ, И.Ф. Готвальд, М.Ф. Броссе и многие другие. С 1812 по 1833 г. пост помощника директора занимал близкий друг А.Н. Оленина, попечитель Петербургского учебного округа, основатель Петербургского университета С.С. Уваров[16].

Сотрудником библиотеки был и замечательный «книжник», основоположник русской библиографии В.С. Сопиков. Вместе со знаменитым баснописцем И.А. Крыловым он получил в непосредственное ведение книги русского отделения. Сопиков занимался обслуживанием читателей, составлением каталогов, учетом и поиском непоступивших в Публичную библиотеку изданий, благодаря чему ее фонды отличались завидной полнотой. С его именем связано начало систематического учета читательского спроса, изучения и формирования читательских интересов. Впервые в отчете библиотеки за 1816 г. появились развернутые сведения о количестве посетителей с подробным перечислением использованных ими книг по различным отраслям знаний: в этом году «прочитано более трех тысяч печатных книг на девяти разных языках, а посетителей, которые занимались сим чтением или деланием из книг нужных выписок, было без малого четыреста особ»[17]. «Библиотека имела удовольствие видеть в одной просторной зале чтения собрание людей почти всех состояний. Здесь за читальными столами сидели духовные разных христианских исповеданий и даже учи-

тели веры нынешних евреев; много находилось военных, чиновников, особливо ж молодых людей, приготовляющихся к дальнейшим трудам на поприще воинской славы; еще приметнее было число чиновников, в особенности же тех, кои продолжают службу в департаментах гг. министров; далее видны были воспитанники разных казенных и некоторых частных учебных заведений, наконец, примечались в числе читателей люди, которые по охоте к чтению оставляли торговлю и некоторые другие промыслы». Библиотекари отмечали, что «между читателями последнего года, так как и предыдущих двух лет, всего более оказывалось любителей словесных наук. Подле образцовых творений Омера [Гомера], Вергилия, Горация, Цицерона, Лонгина лежали на читальных столах счастливые им подражания или лучшие собственные образцы новейших писателей, которых высокий ум в сочетании со здравой ученостью родил невиданные проекты французской и нашей отечественной словесности... Довольно указать... имена Ломоносова, Державина, Дмитриева, Озерова, Карамзина, Жуковского, Муравьева, Крылова, которых сочинения не выходили из рук читателей». Большим спросом пользовались книги по истории: наряду с классическими трудами античных авторов «всего чаще читали описание подвигов наших героев, наипаче тех, которые прославились в последнюю войну». Не менее популярны были и книги о путешествиях, «дневные записи славнейших российских путешественников: Палласа, Лепехина, Крузенштерна, Лисянского, Головина, Рикорда». Из отчета библиотеки мы узнаем, что среди современных философов читательский спрос, наряду с Х.Г. Вольфом и Ш. Бонне выделял И. Канта[18].

Уже сами перечни наиболее читаемой литературы по различным отраслям знаний играли роль своеобразных «рекомендательных указателей». Огромным вкладом библиотеки в распространение и популяризацию литературы явилось издание многотомного труда В.С. Сопикова «Опыт российской библиографии»[19], — выдающегося памятника книжного дела в России.

В начале 30-х гг. XIX в. директор библиотеки А.Н. Оленин развил перед публикой свои принципы обслуживания читателей — делать ставку на специалистов, таких, как профессор Петербургского университета статистик К.И. Арсеньев, историк А.И. Михайловский-Данилевский, создавая им все возможные бытовые условия — тепло, освещенность, быстрый и квалифицированный подбор книг по интересующей их тематике. «Дилетантов», привлекаемых возможностью чтения ежедневных газет, как это практиковалось в Парижской библиотеке, быстро «выжили» запрещением выдавать в читальный зал свежие «Санкт-Петербургские ведомости». В то же время Императорская Публичная библиотека не требовала



Алексей Николаевич Оленин

от посетителей особых рекомендаций-поручительств — обязательного условия Библиотеки Британского музея, держась таким образом посередине «между расточительною и шумною свободой Королевской Публичной библиотеки в Париже и себялюбивым порядком лондонских библиотек»[20].

В связи с длительным капитальным ремонтом здания и эпидемией холеры 1831 г. Публичная библиотека оказалась почти закрытой в течение нескольких лет. Тем не менее до начала 40-х гг. в среднем ее посещало около 30—50 читателей ежедневно. Постоянных читателей, в том числе иностранцев, насчитывалось приблизительно 630 человек, которым в год выдавалось до 4,5 тыс. книг. Библиотеку осматривали и особые гости — Александр I и Николай I, великие князья, грузинские царевичи, иностранные принцы, генералы, члены посольств, иностранные путешественники. В 1829 г. в библиотеке побывал выдающийся немецкий ученый А. Гумбольдт.

Всего с момента открытия Публичной библиотеки до начала 1843 г. было выдано 15 738 читательских билетов и 92 693 тома книг[21].

Директорство М.А. Корфа (1849—1861) ознаменовалось подъемом и обновлением деятельности библиотеки[22]. В 40—50-е гг.

здесь велась каталогизация рукописей, эстампов, книг на русском и иностранных языках, шло пополнение ее фондов новыми собраниями редких книг, рукописей и гравюр, полученных в дар и купленных на государственные средства. Всего с 1850 по 1862 г. библиотека получила 94,5 тыс. томов как отдельными книгами, так и целыми коллекциями[23]. Производилась систематическая покупка книг с целью пополнить разделы библиотеки литературой, отражающей последние достижения современной науки, расширялись отделы художественной литературы, восточных языков, технических, юридических, математических, естественных наук. Другим направлением было усиление национальной ориентированности в комплектовании: приобретались издания о России на всех языках и все, что печаталось на церковно-славянском и русском языках. К 1863 г. отдел «Rossica» насчитывал 30 тыс. томов[24]. Всего в фондах хранилось около 85 тыс. томов печатных книг, 30 тыс. рукописей, 65 тыс. гравюр и эстампов[25].

Особую ценность в новых поступлениях представляли пожертвованные верхотурским купцом С.Ф. Соловьевым богатейшие собрания старопечатных книг на церковно-славянском языке и книг XVIII–XIX вв., изданных в типографиях старообрядцев и униатов. Другими важными коллекциями, поступившими в это время, были купленное за 150 тыс. руб. «древлехранилище» М.П. Погодина, собрание восточных рукописей кн. Д.И. Долгорукова, книжное собрание академика Ф.П. Аделунга, собрание лубочных картинок от В.И. Даля, бумаги М.М. Сперанского. В это время в библиотеке появился «готический зал» («кабинет Фауста») для хранения инкунабул. Его устроил архитектор-библиотекарь В.И. Собольщиков по проекту академика И.И. Горностаева.

В 1859 г. библиотека единовременно получила 150 тыс. руб. на строительство и оборудование читального зала в новом корпусе. Закладка корпуса состоялась 29 ноября 1860 г., а 4 ноября 1862 г. читальный зал открыл свои двери. В 50-е гг. увеличился бюджет библиотеки. Выделялись и «чрезвычайные» государственные пособия на покупку книг. Библиотека сама зарабатывала средства на продаже дублетов.

Библиотека в начале 50-х гг. вновь начала привлекать читателей. Многолетний ее сотрудник В.В. Стасов вспоминал, что, когда он еще гостем пришел в библиотеку в 1845 г., «читальная зала была мрачна и пустынна не менее других зал; лишь кое-где лепились около столов одинокие читатели, похожие на бедных сирот...» Во время директорства М.А. Корфа начались «живые изменения», вызвавшие приток читателей, и в 1855 г. В.В. Стасов увидел «похорошевшую» библиотеку, которую «все узнали, заинтересовались

ею и хлынули туда толпой». «И это началось особенно с тех пор, когда вдруг вышло позволение оставаться там до самого вечера и заниматься при огне, и в то же время стало известно, что доступ в библиотеку очень упрощен, а она сама стала пристально следить за новыми произведениями научной литературы и тысячами покупать все новые примечательные книги»[26]. 1 декабря 1851 г. произошло утверждение новых «Правил для посетителей». Читальный зал стал работать ежедневно с 10 утра до 9 вечера, по воскресеньям и праздничным дням — с 12 до 3 часов пополудни. Читательский билет выдавался бесплатно сроком на один год. За 50-е гг. количество читателей и посещений библиотеки возросло в 4 раза[27]. По выражению библиотекаря В.И. Собольщикова, читатели являлись подлинными хозяевами библиотеки, открывшей «свободный доступ людям всех состояний, всех степеней образованности». В его воспоминаниях читаем: «В читальной зале иногда возле офицера, рассматривающего карту местности и углубившегося в соображения о различных движениях войск во время известного сражения, сидит старообрядец, доискивающийся доказательств непогрешимости употребляемого им перстосложения, а с ним рядом естествоиспытатель, рассматривая фотографические снимки с микроскопических явлений природы, созерцает необъятные ее силы»[28].

Большой наплыв посетителей вызывали постоянные выставки в залах библиотеки — экспозиция палимпсестов (рукописей на пергаменте со стертым первоначальным текстом, восстановленным химическими средствами), греческих текстов на папирусе, автографов знаменитостей, средневековых рукописей на церковнославянском, латыни, французском и других языках с миниатюрами X–XVI вв., восточных манускриптов, редких книг, переплетов, эстампов.

Большинство читателей библиотеки составляли воспитанники средних и высших учебных заведений и представители различных слоев петербургской интеллигенции. В середине XIX в. здесь занимались Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев, А.Н. Пыпин. Выдающиеся общественные деятели, члены редколлегий популярных общественно-политических журналов, они пристально следили за работой библиотеки, регулярно публиковали рецензии на ее отчеты. Их привлекали высокий научный уровень состояния фондов и каталогов, отношение к читателям, которые могли здесь не только найти необходимую информацию, но и обрести круг общения с единомышленниками, место обсуждения животрепещущих социально-политических проблем. В целом Петербургская Публичная библиотека сыграла роль одного из круп-

нейших центров подготовки общественного подъема конца 50-х — начала 60-х гг. За полвека с небольшим она превратилась в один из главных культурных центров страны.

В Москве на протяжении всего дореформенного времени роль публичной библиотеки выполняла библиотека Московского университета. Ко времени наполеоновского нашествия в ней насчитывалось свыше 20 тыс. томов, а в ее фондах хранились достаточно редкие книги, издания университетской типографии, дарения И.И. Шувалова, А.А. Засецкого, П.Г. Демидова, Е.Р. Дашковой, А.А. Урусова, профессоров И.М. Шадена, Х.А. Шлецера. О важности библиотеки в структуре Московского университета в первой половине XIX в. говорит тот факт, что библиотекари избирались из профессоров, их помощники — из адъюнктов или магистров, а писцы — из числа студентов. Должность библиотекаря исполняли профессора Х.А. Чеботарев, И.А. Гейм, М.С. Ивашковский, Е.Ф. Корш, А.В. Рихтер. Совет университета закупал книги по представленным факультетами спискам, много книг дарилось преподавателями. В 1804 г. начался обмен литературой с Геттингенским университетом. С 1814 г. библиотека стала регулярно выписывать русские и иностранные периодические издания[29].

Большая часть библиотеки сгорела в пожаре 1812 г. На просьбу Московского университета о пожертвованиях откликнулись Академия наук, Медико-хирургическая академия, Дерптский, Казанский, Харьковский университеты, П.Г. Демидов, Ф.И. Янкович де Мириево, купец А.Д. Грачев. В 1817 г. поступил крупный дар из Кабинета Александра I, в 1818 г. состоялась покупка библиотеки баварского профессора Молля. В ежегодном бюджете библиотеки на покупку книг выделялась 1 тыс. руб. К 1826 г. она насчитывала около 30 тыс. томов.

Для студентов устраивались отдельные учебные библиотеки. Одну из таких библиотек создал профессор Н.Н. Сандунов вместо погибшей в пожаре 1812 г. Профессор Е.О. Мухин в 1816 г. организовал учебную библиотеку для медиков, которую обслуживали сами студенты (в 1827 г. она влилась в общую студенческую библиотеку)[30]. Личная библиотека самого Е.О. Мухина также была широко открыта для его студентов. Доктор медицины М.Я. Мудров по заявкам учащихся, которые они делали в специально заведенной им для этого тетради, выписывал новые заграничные издания. При этом студенты далеко не всегда компенсировали ему расходы на свои заказы[31]. Впоследствии университетская библиотека обогатилась редкими изданиями книг о путешествиях и собраниями карт, полученными в подарок от Николая I и Я.Е. Арсеньева. В 1844 г. Е.Ф. Муравьева передала в библиотеку книжное

собрание мужа, попечителя университета М.Н. Муравьева. В 1851 г. фабрикант Я.П. Гарелин подарил библиотеке несколько древнерусских рукописей и альбомов по архитектуре, в 1853 г. Ф.Ф. Вигель передал около 4 тыс. гравюр и рисунков. Дары библиотеке делали книготорговец О. Хрусталев, профессора И.М. Снегирев, П.И. Страхов. Ценными приобретениями стали купленные в 30–40-х гг. собрания А.И. Тургенева, И.В. Франка, О.М. Бодянского.

Библиотекарь Московского университета профессор Ф.Ф. Рейс разработал систему каталогизации библиотеки, которая существенно облегчила задачу обслуживания читателей. Первоначально книги выдавались на дом профессорам и студентам, однако, после того как в 1848 г. обнаружилась огромная задолженность воспитанников по возврату книг (более 10 тыс. экземпляров!), выдача им литературы на дом была воспрещена[32].

К середине 50-х гг. фонд библиотеки Московского университета насчитывал более 73 тыс. сочинений и 115,5 тыс. томов.

Процесс создания публичных библиотек в губернских городах шел медленно. В первой трети XIX в. в России возникло лишь несколько провинциальных публичных библиотек. В самом начале века была основана Тифлисская библиотека, получившая статус публичной в 1846 г. К 1812 г. восходит история Псковской публичной библиотеки, когда в память о своем пребывании в Великих Луках канцлер гр. Н.П. Румянцев подарил городу часть своего книжного собрания. В 1815 г. на базе «фундаментальной ученической» и «продажной» библиотек Казанской гимназии возникла первая в городе публичная библиотека[33].

К 30-м гг. относится в высшей степени характерная для того времени попытка широкого внедрения общественного почина в библиотечное дело бюрократическими методами. От имени Вольного экономического общества его президент, гр. Н.С. Мордвинов, обратился к министру внутренних дел с обширным посланием, призывавшим к заведению в губерниях публичных библиотек, «в которых бы все жители оных могли пользоваться чтением книг, выходящих на русском языке, и в коих могли бы составляться общие подписки на получение российских литературных и ученых газет и журналов». С возникновением этих новых учреждений, продолжал граф, не только «возродится в городах наших дух общественности и взаимных советов у жителей», но и «откроется большой сбыт для хороших сочинений по части наук и промышленности», появится место, куда смогут посылать свои проекты и рассуждения «сочинители, изобретатели машин и усовершенствованных способов промышленности и предприниматели разных нововведений», а также «откроется возможность через места сии

собирать разные статистические сведения...»[34] Министр внутренних дел А.А. Закревский поручил губернаторам обсудить это предложение с предводителями дворянства, директорами гимназий и книголюбами, а также обратился к издателям журналов и известным литераторам с циркулярным письмом о пожертвованиях на библиотеки книгами. И вскоре из многих губернских городов стали поступать официальные сообщения об открытии публичных библиотек, общее число которых к 1835 г. достигло 20, а к 1857 — 49. Одной из первых, еще в 1830 г., возникла Одесская публичная библиотека, хранившая книжное собрание Славянского благотворительного общества Кирилла и Мефодия. В 1832 г. возникла Иркутская городская публичная библиотека. Хорошую подборку старых журналов имела основанная в 1836 г. Тамбовская публичная библиотека. На открытии подобных книгохранилищ во Владимире и Вятке в 1837 г. с речами выступал А.И. Герцен (его выступления были опубликованы в газетах)[35].

В 40—50-е гг. география публичных библиотек еще более расширилась, захватив самые глухие места. Так, в 1846 г. ктитор А.И. Чихалев устроил библиотеку для чтения при церкви села Знаменки Ковровского уезда Владимирской губернии, а несколько позднее крестьянин села Иванищевского Шадринского уезда Пермской губернии А.Н. Зыряков (член Русского географического общества!) основал свою библиотеку[36]. В Симбирске с 1846 г. существовала Карамзинская публичная библиотека[37]. При Смоленском статистическом комитете была открыта общественная библиотека (с 1856 г.), а в Самаре по инициативе редакции «Губернских ведомостей» — кабинет для чтения (с 1858 г.). В уездном центре Смоленской губернии — Сычевках — весной 1860 г. при уездном училище стала работать библиотека для чтения из 600 книг на русском и французском языках, собранная почетным смотрителем училища Г.Н. Геннади[38].

К сожалению, реально функционировало намного меньше книгохранилищ, чем значилось в официальных отчетах. Во многом типичной представляется судьба Нижегородской губернской публичной библиотеки, которая неоднократно переводилась из одного помещения в другое, но так и не заработала. В 1846 г. губернатор нашел ее в «недвижимом положении», не изменившемся и в последующие годы. Практически одновременно с публичной в Нижнем Новгороде возникла и частная библиотека П. Мелединa с книжным фондом в 8 тыс. томов, но и она влачила жалкое существование, имея всего 7 годовых подписчиков[39]. Также и в других городах библиотеки хотя и считались открытыми в 30—40-е гг., на самом

деле или вовсе не открывались, или быстро угасали после официального открытия, или превращались в хранилище книг, будучи доступными очень узкому кругу читателей.

Гораздо успешнее в первой половине XIX в. развивалась сеть частновладельческих коммерческих библиотек, создававшихся, как правило, при книготорговых магазинах и издательских фирмах, уходящих корнями в XVIII в.

По наблюдениям В.О. Ключевского, во второй половине XVIII в. платных коммерческих библиотек и «кабинетов для чтения» в Москве насчитывалось 26[40]. В XIX в. среди библиотек при типографиях и книжных магазинах наибольшей популярностью пользовались библиотеки С.И. Селивановского, Глазуновых, Салаевых, Улитиных.

«Энциклопедический лексикон» А.А. Плюшара 1830-х гг. определяет «библиотеки для чтения» как «частные книгохранилища, откуда за месячную плату или под другим условием можно получать напрокат по нескольку книг для прочтения с обязанностью возвратить их хозяину»[41]. Поскольку владельцы подобных заведений были заинтересованы в торговой рекламе своих предприятий, то достаточно регулярно выпускали в свет хорошо изданные каталоги с точным обозначением местонахождения библиотек. По этим источникам можно проследить преемственность владельцев коммерческих библиотек и изменение их топографии.

Слава основателя первой в России библиотеки для чтения принадлежит известному книготорговцу В.А. Плавильщикову[42]. Почти все петербургские литераторы пользовались этой библиотекой совершенно бесплатно, причем даже после смерти В.А. Плавильщикова в 1823 г., что было оговорено в его завещании. Тем же документом ловкому и энергичному приказчику Плавильщикова А.Ф. Смирдину предлагалось сделать следующий выбор: или получить весьма крупную сумму денег от распродажи книг хозяина, или взять на себя всю торговлю, но с условием оплаты немалых долгов Плавильщикова. А.Ф. Смирдин без колебаний выбрал последнее и вскоре не только расплатился с кредиторами, но перевел свою библиотеку и торговлю из довольно скромного дома у Синего моста в великолепно отделанное помещение со шкафами из красного дерева в бельэтаже дома Петропавловской церкви. По единодушному мнению читателей, столь роскошного магазина «ни до Смирдина, ни после у русских книгопродавцев не было»[43]. Переезд состоялся в феврале 1832 г. Новоселье прошло в кругу самых знаменитых литераторов, которые подарили гостеприимному хозяину свои новые произведения, позднее

изданные А.Ф. Смирдиным в альманахе «Новоселье» за 1833 г. Миниатюрная виньетка на заглавном листе изображала празднование этого торжественного события[44]. Библиотека и магазин А.Ф. Смирдина стали своего рода пен-клубом, где постоянно встречались и обсуждали литературные дела все самые известные писатели того времени. Под руководством ведущего отечественного библиографа того времени В.Г. Анастасевича был издан прекрасный каталог смирдинской библиотеки[45], где относительно каждой из почти 10 тыс. книг указывались не только место и год издания, но и типография.

Известный книготорговец, владелец типографии и целой сети книготорговых предприятий, комиссионер Петербургской Академии наук купец И.П. Глазунов основал династию книгопродавцев и типографов. В 1823 г. одновременно в Москве и Петербурге вышел «Реестр российским книгам, составляющим библиотеку для чтения в Санкт-Петербурге, по Мещанской улице, против самого ломбарда, в доме санкт-петербургского купца Ивана Глазунова, под № 34» и «...в Москве, на Никольской улице, подле Синодальной типографии и Ремесленной управы, в доме санкт-петербургского купца Ивана Глазунова под № 2»[46].

Не менее известные книгопродавцы братья Улитины с гордостью писали на своих каталогах, что их «фирма существует с 1830 года». В 1845 г. в Москве вышла «Роспись русским книгам, находящимся в библиотеке для чтения Н.Н. Улитина, напротив фасада присутственных мест, в доме действительной статской советницы Курманалеевой»[47].

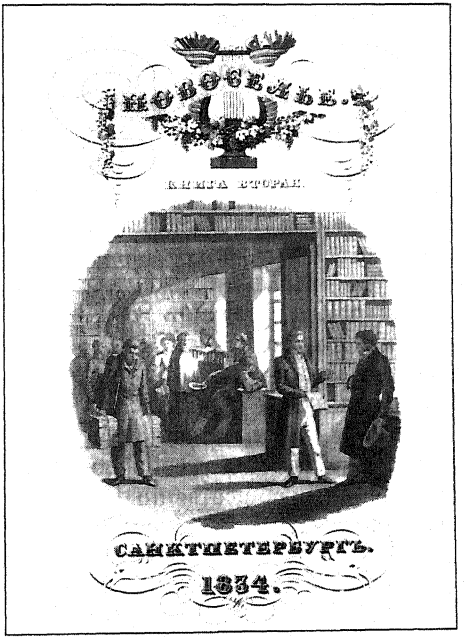
В 1860 г. книготорговец А. Черепин открыл при своем книжном магазине в Москве библиотеку и «кабинет для чтения». За год число абонентов библиотеки составило 380 человек, получивших на руки 33 316 книг. Читальня имела за это время 2800 посетителей. В отчете библиотеки, помещенном газетой «Московские ведомости», сообщалось, что преобладающий интерес читателей вызывали беллетристика и «текущие» общественно-политические журналы (14,5 тыс. книговыдач), что наибольшей популярностью пользовался журнал «Современник», а в области научной литературы спрашивались, в основном, исторические (1192 книговыдачи), литературоведческие (546), естественнонаучные (529), географические (281) издания[48]. Среди писателей лидировали И.С. Тургенев и И.А. Гончаров.

Всего в начале 60-х гг. в Москве 6 из 18 книжных магазинов имели читальни, существовало также 3 самостоятельных «кабинета для чтения».

* *
*

Общественный подъем рубежа 50–60-х гг., демократизация всех сторон общественной жизни страны, поиски контактов интеллигенции с народной средой повысили интерес к выявлению «обратной связи» в отношениях между «производителями» культурных ценностей и их «потребителями». Была сформулирована программа целенаправленного изучения читательского спроса, реализованная в деятельности некоторых, в основном общественных, библиотек. Одновременно мощную динамику приобрела библиографическая деятельность, призванная стимулировать и направлять читательский спрос. Увеличилось количество общих библиографий, распространился тип научной библиографии, возникло несколько собственно библиографических периодических изданий.

Видное место в процессе разработки научной библиографии принадлежит В.И. Межову[49]. После выхода в свет в 1865 г. его указателя «Крестьянский вопрос в России» Межов создал более 100 библиографических указателей по русской истории, археологии, искусству, географии, статистике, экономике, языкознанию, педагогике и другим отраслям знания. Ему принадлежит



Титульный лист сборника «Новоселье»

несколько «персональных» библиографий, в том числе первая крупная «Пушкиниана», «региональных» указателей, таких, как «Туркестанский сборник», «Сибирская библиография», «Библиография Азии»[50], на долгое время определивших эталонный уровень библиографического материала по актуальности и широте тематики, оперативности выполнения, гармоничному сочетанию научной объективности и личностной позиции.

Важным механизмом популяризации книги в пореформенной России являлась библиографическая периодика. Большинство библиографических изданий тех лет не ограничивалось беспристрастным аннотированием книжно-журнальной продукции. Приметой времени стало участие деятелей освободительного движения в редакциях таких журналов. В «Книжном вестнике» (1860–1867), например, сотрудничали Н.С. Курочкин, Д.Н. Ножин, Н.К. Михайловский[51], радикально-демократическую линию в библиографии продолжил журнал П.Л. Лаврова «Библиограф» (1869). В народническом «Знании» (1870–1877) регулярно печатались библиографические указатели, цель которых состояла в пропаганде прогрессивных научных изданий среди широкой читающей публики[52]. Московский журнал «Критическое обозрение» (1879–1883) популяризировал литературу материалистического, позитивистского и даже марксистского направления.

Распространение народнических взглядов в среде интеллигенции способствовало серьезному изучению крестьянской жизни библиофилами. Выдающимся памятником библиографии народнического направления служит аннотированный указатель «Обычное право»[53], составленный Е.И.Якушкиным, сыном декабриста И.Д.Якушкина.

Популярность аннотированных указателей в 70–90-х гг. свидетельствовала прежде всего о демократизации библиографии и вместе с тем отражала более высокий научный потенциал библиографов, работа которых приближалась к уровню историографической. Одновременно увеличился диапазон воздействия библиографических работ. Появились рекомендательные книжные указатели, рассчитанные на самые неискушенные круги читателей, а также на образованных людей, непосредственно соприкасающихся с народными массами. Крупными событиями в истории книжного дела стали выпуски указателей популярной литературы «Что читать народу»[54], подготовленные общественными деятелями в области начального образования на основе собственного опыта. Не менее показательна для пореформенной эпохи интенсивная многоплановая деятельность выдающегося библиофила и библиографа Н.А. Рубакина, который пытался одновременно решить задачу и изучения и формирования читательского спроса.

Все эти факторы сильно повлияли на активизацию и демократизацию библиотечного дела в пореформенный период. Расширяется сеть провинциальных публичных, общественных и ведомственных библиотек, возникают новые формы работы. При этом возрастает культурообразующая роль крупнейших столичных публичных библиотек.

В 60—90-е гг. переживает расцвет Петербургская Публичная библиотека. Она становится настоящим флагманом библиотечного дела в России. Ее книжный фонд вырос с 850 тыс. томов в 1863 до 1,5 млн томов к середине 90-х гг.[55], пополняясь за счет поступления обязательных экземпляров, регулярных закупок и дарений.

Многие поколения общественных деятелей, участников революционного движения — А.И.Герцен, П.Л.Лавров, П.А.Кропоткин, народовольцы, чернопередельцы, социал-демократы — направляли в адрес библиотеки материалы по истории освободительного движения в России и за рубежом[56], которые попадали как в ее основной фонд, так и в «спецхран».

Публичная библиотека весомо влияла на формирование мировоззрения целых поколений столичной интеллигенции, представителей провинциальной молодежи, стекавшейся в Петербург за знаниями. В конце 60-х гг. в Петербурге обучалось 4,5 тыс. студентов, и более трети их являлись читателями «публички». К концу XIX в. почти 45% столичного студенчества занималось в библиотеке. В 1865—1874 гг. библиотекой пользовались в среднем 80% студентов Петербургского университета[57]. В пореформенный период среди ее читателей неуклонно увеличивалась доля инженеров и техников, топографов, агрономов, медиков, профессоров и преподавателей учебных заведений, домашних учителей, в то время как количество чиновников снижалось — с 22% на рубеже 50—60-х гг. до 10% к концу XIX в. До 18% возрос удельный вес женщин-читательниц — слушательниц Петербургских Высших женских курсов, учительниц, врачей, фельдшериц, сестер милосердия, актрис, художниц[58]. Читателями библиотеки являлись известные общественные деятели, ученые, писатели, художники и композиторы, в том числе К.А. Тимирязев, В.И. Вернадский, В.Г. Короленко, Л.Н. Толстой, А.М. Горький, И.Н. Крамской, И.Е. Репин, В.М. Васнецов, А.П. Бородин, М.П. Мусоргский, Н.А. Римский-Корсаков.

Петербургская Публичная библиотека 60—90-х гг. отличалась высочайшим уровнем статистической отчетности, позволяющей проследить важнейшие параметры социологии культурного процесса пореформенной России. Наибольшую ценность представляет информация о читательском спросе и особенно ежегодные «ранжированные списки» наиболее популярных журналов и газет с указанием

числа требований на них[59], позволяющие зримо представить вектор общественного мнения в среде столичной интеллигенции.

Крупнейшим событием в истории библиотечного дела в России пореформенного времени стало создание в Москве второй по значимости публичной библиотеки — Румянцевской.

Библиотека Московского университета оставалась доступной для посторонних читателей вплоть до 1861 г. Но уже с 1856 г. в связи с резким увеличением количества студентов и вольнослушателей университета выполнять миссию публичной библиотеки ей становилось все труднее. Одновременно обострился вопрос о судьбе Румянцевского музея в Петербурге.

Основатель этого музея — известный дипломат, председатель Государственного совета, канцлер гр. Н.П. Румянцев (1751–1826) — завещал свое богатейшее собрание книг и художественных произведений государству «на благое просвещение». Его библиотека насчитывала около 29 тыс. томов книг, 5 тыс. рукописей[60] и размещалась вместе с другими коллекциями в двух домах в Адмиралтейской части Петербурга. Указ о создании музея был подписан в 1828 г., и в 1831 г. он открылся. Первые три десятка лет, когда музей находился в ведении Императорской Публичной библиотеки, ему приходилось отдавать много сил борьбе с заброшенностью и безденежьем. В 1861 г. директор музея, помощник директора Публичной библиотеки В.Ф. Одоевский добился решения о переводе собрания Румянцева в Москву, с тем чтобы оно положило здесь основание городской публичной библиотеки и публичного музея. Румянцевское собрание разместили в бывшем доме П.Е. Пашкова. Знаменитый дом (ныне одно из зданий Российской государственной библиотеки), занимаемый когда-то университетским Благородным пансионом, Дворянским институтом, 4-й московской гимназией, подвергся основательной реконструкции перед тем, как принять книжные и музейные сокровища. По Положению, утвержденному 1 июля 1862 г., особое значение придавалось книжному собранию, а директору вменялось в обязанность «наблюдать, чтобы в московский публичный музеум доставлялось по одному экземпляру всего, что в России печатается, гравируется и литографируется», и создавать необходимые условия для научных работ посетителей[61]. После перевода Румянцевского музея в Москву его возглавил Н.И. Исаков, попечитель Московского учебного округа, участник обороны Севастополя. В.Ф. Одоевский состоял почетным членом музея до своей смерти в 1869 г.

Читальный зал Румянцевского музея открылся в январе 1863 г. «По Высочайшему повелению» библиотека получила 5 тыс. томов дублетных экземпляров книг из Зимнего дворца, свыше 20 тыс.



Николай Петрович Румянцев

листов гравюр, в том числе работы А. Дюрера, а также картины, вазы, скульптуры и другие предметы для украшения интерьеров музея и библиотеки. Всего из Петербурга в Москву перевезли 28 512 томов, а в 1864 г. в библиотеке Румянцевского музея находилось уже 124 тыс. томов, из которых свыше 67 тыс. составляли дарения[62]. В этом же году в фонды библиотеки поступили редкие книги от В.А. Кокорева, П.И. Савостьянова, митрополита Московского Филарета. При содействии профессора С.В. Ешевского библиотека приобрела большую коллекцию масонских рукописей и книг, принадлежавших гр. С.Т. Ланскому, собрание славянских рукописей XVI–XVIII вв. с большим разделом старообрядческих полемических сочинений Т.Ф. Большакова.

В библиотеку Румянцевского музея было передано книжное собрание А.С. Норова, купленное за 14 тыс. руб. на средства государственного казначейства. Библиотека Норова отличалась превосходным подбором и редкостью книг. Философский раздел коллекции украшало редчайшее Полное собрание сочинений Джордано Бруно с автографом автора на одном из экземпляров. Большую ценность представляли книги по истории России и северных народов, по математике и астрономии, включая первые издания сочинений Тихо Браге, Коперника, Кеплера, греческие и славянские рукописи, прекрасная подборка Эльзевиров, не уступав-

шая по качеству и количеству собранию Императорской Публичной библиотеки, значительная коллекция других первопечатных книг — Альдов, Джиунти, Джолито, Бодони, Дидо и др.[63]

В 1865 г. библиотека получила в дар от П.А. Муханова собрание подлинных древнецерковных грамот и актов исторического и юридического характера[64]. Кн. В.А. Черкасский передал полное собрание материалов о подготовке крестьянской реформы 1861 г. В 1866 г. было приобретено замечательное собрание славянских рукописей XV–XVIII вв. библиографа В.М. Ундольского и коллекция библиотекаря И.Я. Лукашевича, ценная многочисленными редкими материалами по истории Украины. Ценнейшее книжное собрание, состоящее из 6 тыс. томов, подарил библиотеке В.Ф. Одоевский. Отличавшееся необычайным разнообразием, оно включало книги по медицине (особенно по психиатрии), технологии, истории, теории музыки, социологии и филантропии, философии, богословию и мистике[65].

Иркутский купец А.Л. Родионов при посредстве генерального консула в Китае К.А. Скачкова приобрел для библиотеки прекрасное собрание, состоящее из 1115 китайских и 57 маньчжурских книг — сочинений XV–XVI вв. — «золотого века» китайской литературы, собрания ксилографий, книг о России[66]. Десять лет спустя музей получил и собственные рукописи К.А. Скачкова, его библиотеку, насчитывающую около 3 тыс. томов на китайском и европейских языках, прекрасные пособия для изучения Дальнего Востока.

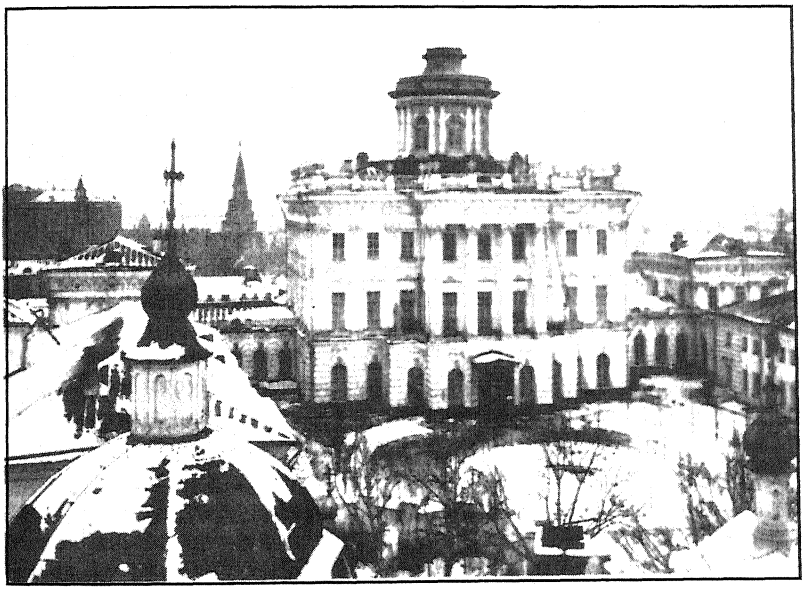
Значительный вклад в становление фондов библиотеки Румянцевского музея внесли библиотекари Е.Ф. Корш, А.Е. Викторов, Д.П. Лебедев. А.Е. Викторов состоял хранителем рукописей и старопечатных книг в 1862–1883 гг. «Полевой» археограф и выдающийся исследователь, он на собственные средства изъездил всю Россию, посещая библиотеки правительственных учреждений, монастырей и частных лиц с целью пополнения собраний музея. Был налажен систематический обмен дублетами с Петербургской духовной академией, Императорской Публичной библиотекой. Сменивший А.Е. Викторова на посту руководителя Рукописного отделения библиотеки Д.П. Лебедев (1883–1891) продолжил деятельность своего предшественника.

В 70–90-е гг. в Рукописное собрание музея поступили коллекции старопечатных книг А.Ф. Вельтмана, Олонецкой духовной семинарии, архивы государственных и общественных деятелей, профессоров, писателей, в том числе Л.Н. Толстого. После московских торжеств 1880 г. в связи с открытием памятника А.С. Пушкину на Страстной площади библиотека стала обладательницей бесценного собрания автографов поэта, переданного

его потомками. В 1897 г. фонды библиотеки обогатились коллекцией изобразительных материалов сенатора Д.А. Ровинского, которая включала в себя 181 том в лист большого формата и 4 папки портретов русских государственных деятелей и деятелей культуры в гравюрах, литографиях, лубочных картинах[67].

Денежные средства библиотеки Румянцевского музея складывались из процентов с капитала в 90 тыс. руб., полученных за проданные дома в Петербурге, государственного пособия, ежегодных взносов Московской городской думы, редакции газеты «Московские ведомости» и К.Т. Солдатенкова. Крупные денежные суммы поступали от В.А. Кокорева, А.И. Кошелева, пожертвовавшего на покупку книг 25 тыс. руб. В счет этой суммы была приобретена часть библиотеки С.Д. Полторацкого, более 7 тыс. томов сочинений по журналистике и библиографии[68].

Сложнее обстояло дело с обслуживанием читателей. В 1863 г. в читальном зале библиотеки Румянцевского музея имелось лишь 20 читательских мест. Но главная беда заключалась в отсутствии в библиотеке книг, постоянно спрашиваемых публикой. «Ни одна отрасль знания, ни один почти отдел литературы не представлены в ней сколько-нибудь удовлетворительным образом; а некоторые части, как, например, правоведение и политические науки, естествознание и медицина, отличаются такою бедностью, что не



Пашков дом, в котором размещалась Румянцевская библиотека

допускают и мысли ни о каких научных занятиях по их интересным вопросам»[69]. За трехлетие (1867–1869) число посетителей составило 12 262 человека, было удовлетворено 42 тыс. требований, или в среднем 14 тыс. в год. Библиотекарей охватывало отчаяние: «...никогда число читателей не будет здесь и на треть так велико, как в Петербурге; громадная масса служащих и учащихся составляет там главнейший прилив посетителей читальной залы, тогда как среди торгового, промышленного или отдыхающего населения Москвы этой-то именно массы не существует»[70]. Но уже в 1870 г. читальный зал увеличился до 50 мест; с 1873 г. он стал работать до 8 часов вечера, а не до обеда. Увеличилось количество современной научной литературы. И в 1873–1875 гг. было удовлетворено уже 82 675 читательских требований. Опасения сотрудников за судьбу библиотеки начали рассеиваться: «...мы смело можем сказать, что читальный наш зал стал для Москвы одною из живых, существеннейших потребностей и посещается тысячами благодарных читателей и читательниц, несмотря на крайне скромную свою обстановку»[71]. В 1876–1878 гг. было удовлетворено уже около 120 тыс. требований. Библиотекари писали о возрождающемся спросе на «документальные свидетельства эпохи... вследствие установившегося критического отношения к различным догматам и аксиомам» и необходимости, «чтобы такая же обширная и притом единственная в Москве *общественная* библиотека, какова наша, представляла возможность следить за этим движением, иначе она не будет отвечать своему назначению»[72].

В 1879–1882 гг. Румянцевская библиотека в среднем за год удовлетворяла 60 тыс. читательских требований. Периодическое расширение читального зала увеличивало «пропускную способность» библиотеки, и она все более брала на себя функцию одного из самых жизненно важных культурных центров Москвы.

К сожалению, небольшой обслуживающий персонал не справлялся с организацией сплошного статистического учета читательского спроса, но информация по социологии чтения постоянно присутствовала в ежегодных отчетах библиотеки. Особенно впечатляет постоянный рост количества женщин-читательниц. Во второй половине 1891 г. в читальный зал записалось 2017 человек, в том числе 188 (9,2%) женщин[73]. С 1896 по 1898 г. количество читателей увеличилось с 3 422 до 4 236, а доля женщин в нем — с 13 до 20%[74].

Библиотекой пользовались выдающиеся деятели русской культуры — Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, Д.И. Менделеев и многие другие.

Возглавлявший Румянцевскую библиотеку с 1893 г. профессор Московского университета Н.И. Стороженко придавал огром-

ное значение вопросам квалифицированного обслуживания читателей, видя в этом основной результат деятельности библиотеки. В 90-е гг. особенно оперативно проводилась каталогизация новых поступлений, разбирались старые «завалы» книг. В 1897 г. при активном участии помощника директора А.И. Калишевского в библиотеке была устроена «комната людей 40-х годов», где разместилась коллекция книг, рукописей, иконографических материалов об А.И. Герцене, Н.П. Огареве, Т.Н. Грановском, собранная с помощью их родственников писательницей Е.С. Некрасовой. Там хранились также и выдавались в пользование исследователям документы декабристов, материалы освободительного движения более поздних лет[75]. Активную роль сыграла Румянцевская библиотека в подготовке празднования 100-летнего юбилея А.С. Пушкина в Москве в 1899 г.

Характерным явлением для пореформенной культурной жизни стало превращение крупных частных библиотек в публичные.

В Москве из общедоступных книжных собраний наиболее ценной была Чертковская библиотека. Ее основатель А. Д. Чертков — известный общественный деятель и меценат, участник Отечественной войны 1812 г. — в течение всей жизни пополнял библиотеку, доставшуюся ему по наследству от деда — воронежского помещика С.И. Тевяшова, и собрал одну из наиболее значительных книжных коллекций по истории России. В 1838 г. им был составлен и опубликован справочник под названием «Всеобщая библиотека России, или Каталог книг для изучения нашего Отечества...» Кроме того, А.Д. Чертков располагал значительным рукописным собранием, коллекциями изобразительных материалов (портреты, планы и виды городов, монастырей, церквей) и древнерусских монет. Все эти сокровища размещались в особняке на Мясницкой улице. После смерти отца книги и музейное собрание наследовал Г.А. Чертков. Выполняя волю отца, он в 1863 г. открыл бесплатную Московскую городскую библиотеку. Чертковская библиотека до 1873 г. располагалась в специально пристроенном к дому флигеле. В эти годы Г.А. Чертков занимается систематизацией книжных фондов библиотеки по методике Британского музея и Императорской Публичной библиотеки в Петербурге. В 1873 г. он безвозмездно передал книгохранилище Москве, прося о соблюдении двух условий: чтобы городские власти подыскали для библиотеки отдельное подходящее помещение и обеспечили всем желающим свободный доступ к ее богатствам. В том же году специальная комиссия Московской городской думы приняла дар, описав и зарегистрировав 10 331 название сочинений в 17 622 томах, 4095 брошюр и 174 тетради с автографами писателей. В 1874 г. городские власти

согласовали с Г.А. Чертковым решение о размещении библиотеки в здании строящегося Исторического музея, временно же она была «штабелирована» в Публичном и Румянцевском музее на Знаменке[76].

Широкий отклик на благородную просветительскую инициативу основателей ценнейшего собрания повлек за собой постоянное пополнение Чертковской библиотеки дарениями и пожертвованиями, список которых ее сотрудник Елпидифор Барсов регулярно помещал в «Известиях Московской городской думы». Среди десятков дарителей можно было видеть помощника директора Императорской Публичной библиотеки А.Ф. Бычкова, директора Московского архива Министерства юстиции Н.В. Калачева, профессора Московского университета Ф.Е. Корша, самого Г.А. Черткова, а также попечителя городской Чертковской библиотеки П.Н. Батюшкова (он подарил редчайший экземпляр французского перевода знаменитой речи митрополита Платона, произнесенной на Соборной площади Кремля накануне вступления наполеоновских войск в Москву)[77].

В 80–90-е гг. при активной поддержке городского самоуправления наблюдается заметный рост общедоступных библиотек в Москве. Так, если на 1875 г. их насчитывалось 24, то в 90-е гг. — уже 40, а в самом начале XX в. — 56. Из них наиболее популярными были основанная в 1885 г. бесплатная Читальня им. И.С. Тургенева, созданная на средства В.А. Морозовой, и открытая в 1899 г. Библиотека-читальня им. А.С. Пушкина, попечительницей которой стала дочь великого поэта М.А. Гартунг-Пушкина.

По сведениям Главного управления по делам печати, в 1887 г. в России имелась 591 библиотека: 49 — в Московской губернии, 59 — в Петербургской, 32 — в Смоленской, 30 — в Курляндской, 22 — в Киевской, 18 — в Тверской, 17 — в Харьковской, 13 — в Саратовской, по 12 — в Ярославской и Рязанской губерниях, в остальных — менее десятка[78].

В провинции основным каналом приобщения народных масс к книжной культуре оставалась, естественно, школа. Начальное образование на селе после отмены крепостного права в 1861 г. развивалось устойчивыми темпами, однако закрепление и сохранение знаний было невозможно без внеклассного чтения, которое в значительной степени обеспечивалось развитием библиотечного дела на селе.

Общественные круги в 60-е гг. выдвинули идею создания народных библиотек в сельской местности. Первая народная библиотека в России открылась в селе Вязове Вольского уезда Саратовской губернии по инициативе члена Петербургского комитета



Александр Дмитриевич Чертков

грамотности А.П. Раева и местного священника[79]. Но пути решения проблемы народного чтения предлагались разные: одни ратовали за развитие церковных публичных библиотек, другие считали, что инициатива должна исходить от частных лиц и волостных правлений, а третьи рассчитывали на созданные в середине 60-х гг. земства. И если первые два направления не получили заметного развития, то земское движение, собравшись с силами, активно и последовательно занялось решением этой проблемы.

Первичной формой стало учреждение школьных библиотек, доступных также и всему взрослому населению. Практический опыт подсказывал земским деятелям, что без библиотечной поддержки расходы на школы становятся малоэффективными. Особенно широко школьные библиотеки стали развиваться с начала 80-х гг., когда к этому делу подключились губернские земства. Несколько позднее земства стали открывать отдельные народные библиотеки на принципах бесплатного пользования. Первым на этот путь встало уездное Усть-Сысольское земство, выделившее в 1872 г. 250 руб. на устройство читален в чайных. Следуя этому почину, Екатеринбургское земство в 1882 г. тратит уже 2100 руб. на открытие семи публичных народных библиотек (по 300 руб. на каждую)[80].

В 70–80-х гг. происходит заметное увеличение числа как школьных, так и народных библиотек, причем по методам своей работы они ничем не отличались от городских публичных библиотек. Еще большее оживление наблюдается в этом движении с на-

чала 90-х гг., когда к нему подключился Санкт-Петербургский комитет грамотности, разработавший принципиально выдержанный план земской библиотечной деятельности и собравший крупные средства для учреждения при помощи земских органов более 100 хорошо оборудованных библиотек с расходом 250 руб. на приобретение книг для каждой из них. Аналогичную деятельность развивали Московский, Харьковский и другие комитеты грамотности и просветительские общества. Так, в 1891 г. Петербургский комитет грамотности разослал более 50 тыс. экз. книг на сумму в 6 тыс. руб., Московский — 2,5 тыс. книг на 600 руб.[81] К этому времени относится и знаменитый почин Вятского земства, которое в 1894 г. по инициативе известного общественного деятеля А.П. Батуева выделило 15 тыс. руб. на организацию народных библиотек в каждом сельском обществе общим числом в 3 тыс. Эти «пятирублевые» библиотеки создали фундамент народно-библиотечного дела в обширном Вятском крае[82].

Поддерживая общественное движение, широко известный книгоиздатель, демократ, основатель серии «Жизнь замечательных людей» Ф.Ф. Павленков завещал все доходы от издательских прав на выпущенные им книги на создание в деревнях и селах 2 тыс. народных библиотек, получивших прозвание «павленковских». Механизм этого масштабного проекта, продолженного в XX в., состоял в следующем: если земские органы находили помещение, библиотекаря, 50 руб. денег и получали разрешение на открытие библиотеки, то фонд Павленкова высылал еще 50 руб. в поддержку[83]. В Сибири, где не было земств, П.И. Макушин основал специальный фонд для развития сельских народных библиотек. Нередко инициатива устройства библиотек исходила от самих крестьян, которые на волостном сходе назначали на это дело специальные сборы. Библиотекарями, как правило, становились народные учителя, и чаще всего совершенно безвозмездно.

С 1881 г. в России стали организовываться так называемые «уличные библиотеки для народа». Как правило, они устраивались священниками рядом с церквами и богадельнями. Технически такие библиотеки выглядели довольно оригинально: листы книги наклеивались с двух сторон на картон, покрывались лаком и заключались в легкую жестяную рамку, а затем нанизывались на проволоку, выходившую из прибитого к забору большого железного шкафа типа почтового ящика, конец же проволоки вешался на вбитый в забор гвоздь. На ночь эти «книги» запирались в шкаф. Особенно такие уличные библиотеки прижились в Саратове, где их насчитывалось 13, а самая большая располагалась у ограды архиерейского дома. Всего в губернском центре и двух уездных

городах — Вольске и Хвалынске — к концу 80-х гг. было выставлено 928 картонов с 7468 страницами книжного текста[84].

К сожалению, правительство не сразу подключилось к благому начинанию общественности и меценатов. Внося свою лепту, оно развернуло сеть попечительств о народной трезвости, которые или учреждали собственные бесплатные народные библиотеки, или выделяли с этой целью субсидии местным земствам, городам, сельским просветительским обществам и т. п.[85]

Но, с другой стороны, почувствовав подъем народно-библиотечного дела, правительство весьма грубо и безоговорочно поставило его под свой контроль. Об этом вполне определенно свидетельствуют утвержденные 15 мая 1890 г. «Правила о народных библиотеках и читальнях»: библиотека могла быть открыта только с разрешения местного губернатора, обладавшего правом отказать без объяснения причин; им же назначался особый «наблюдатель» и утверждалось «ответственное лицо», которое должно было быть в каждой библиотеке под надзором наблюдателя[86]. Помимо Министерства внутренних дел новое начинание стал опекать Ученый комитет Министерства народного просвещения, узурпировавший право на подбор литературы для бесплатных библиотек и читален. Например, автор и издательство должны были представить в Ученый комитет «ходатайство» с приложением двух экземпляров книги, в результате чего успех рекомендации начинал зависеть не столько от содержания книги, сколько от способности автора к саморекламе. Соответствующий порядок оказался так суров и громоздок, что подвергся критике даже со стороны журнала «Церковный вестник». Охранительные позиции Министерства народного просвещения имели своим итогом положение, при котором из всего объема книжного рынка в народных библиотеках использовалось не более 10% от списка названий — в основном книги религиозно-нравственного и назидательного характера. Книги по экономическим и политическим вопросам были практически полностью исключены. Кроме того, в народных библиотеках позволялось иметь издания только на русском языке, что ставило существенные препятствия на пути приобщения к знанию населения, говорившего на других языках[87].

Несмотря на все бюрократические препоны, движение общественности по созданию народных библиотек к началу XX в. достигло весьма впечатляющих масштабов. Харьковским обществом грамотности были составлены каталоги для различных видов библиотек стоимостью книг в 25, 50, 100 и 150 руб. Затем появились каталоги библиотек стоимостью книг в 400 и 800 руб. Изданное в 1895 г. «Руководство к устройству бесплатных народ-

ных библиотек и читален» до конца века выдержало четыре издания[88]. Хотя отсутствие статистики народных библиотек не позволяет указать их точное число, однако по подсчетам самих организаторов суммарное количество бесплатных народных библиотек-читален в земских губерниях составило более 10 тыс., а по всей России превышало 20 тыс. По некоторым губерниям их число приближалось к 1 тыс. (Вологодская — 897, Воронежская — 719, Пермская — 556). Интересно, что кое-где управление народной библиотекой находилось полностью в руках крестьян. Например, в селе Старое Славкино Петровского уезда Саратовской губернии ею управляло избираемое волостным сходом попечительство из грамотных крестьян обоего пола[89].

Практически неизученной остается такая любопытная форма функционирования печатного слова, как народные чтения, перенятая нашими просветителями из Европы и имеющая в основном городской характер. Их полезность обусловливалась тем, что они приобщали к культурно-просветительской работе и неграмотное население. Подобные чтения в европейских странах практиковались с XVIII в. и, как правило, сопровождались применением «волшебного фонаря»[90]. В России народные чтения стали практиковаться с 1863 г. Для их проведения требовалось разрешение попечителей учебных округов при согласовании с губернатором. В 1869 г. с целью отбора книг для народных чтений при Министерстве народного просвещения был образован Особый отдел, просуществовавший до 1901 г. и всячески тормозивший дело внешкольного образования. А с 1876 г. в течение четверти века действовали «Правила по устройству народных чтений», по которым читать перед народом имели право только лица, одобренные директорами народных училищ и губернаторами, причем почти 20 лет чтения запрещались в уездных городах, деревнях, а также на фабриках и заводах. В 1894 г. в результате уступок энергичным просьбам Тверского губернского земского собрания народные чтения было разрешено проводить и в сельской местности, однако только с санкции самого министра народного просвещения, который для принятия столь ответственного решения должен был посоветоваться с министром внутренних дел и обер-прокурором Святейшего Синода! Если же чтение разрешалось, то обязательно в присутствии «ответственного лица» из духовного или учебного ведомства. Чтец же должен был получить одобрение полиции, духовенства и представителя Министерства народного просвещения.

Показательно, что за 18 лет — с 1877 по 1895 г. — Ученый комитет разрешил к чтению всего-то лишь 136 брошюр из 287 «дозволенных», но и в распространении этих знаний (главным обра-

зом по гигиене и ветеринарии) существовала огромная потребность. Помимо столиц народные чтения проводились в десятках губернских и уездных городов — Астрахани, Владимире, Владивостоке, Владикавказе, Вологде, Воронеже, Вятке, Дорогобуже, Казани, Козлове, Кологриве, Коломне, Костроме, Нерехте, Нижнем Новгороде — всего в 56 городах, в том числе только в 18 уездных. В Тамбове с 1890 г. действовали городское и губернское общества по устройству народных чтений, и уже в 1892 г. вступило в строй специальное здание для народных чтений стоимостью 100 тыс. руб., получившее название «народного дворца», с читальным залом вместимостью 7 тыс. человек![91] В губернских городах на каждое чтение приходило от ста до тысячи человек (максимальная посещаемость была отмечена в Одессе). В Тамбове в 1895 г. на чтениях присутствовало 63 тыс. слушателей, а в Москве — 296 358 человек[92].

Общенациональные столичные и провинциальные публичные библиотеки, «библиотеки для чтения» при издательских домах, массовые народные библиотеки и народные чтения определяют эволюцию библиотечного строительства в XIX в. Вместе с тем на протяжении всего столетия развивались и другие типы книжных собраний.

Немалая роль в функционировании книжного дела принадлежала ведомственным книгохранилищам. Многие из них имели большое научное и культурное значение.

На протяжении всего XIX в. существовала и развивалась библиотека Московского отделения Архива Министерства иностранных дел. Официально учрежденная Указом Павла I от 29 июня 1796 г., она фактически вела свое начало от Посольского приказа, принявшего книги Стрелецкого приказа и иностранную литературу библиотеки А.С. Матвеева. Позднее это собрание дополнили книги, конфискованные у опальных вельмож.

Библиотека Государственного совета и законодательных учреждений в Петербурге представляла ценность для специалистов тем, что в ней откладывались постановления, распоряжения, печатные произведения, не поступающие в продажу и другие книгохранилища[93]. Основу ее собрания составили книги, купленные Александром I в Швейцарии для библиотеки Комиссии составления законов. Ее фонды существенно расширились поступлениями личных библиотек М.М. Сперанского, Д.Н. Блудова, П.И. Дегая, Ф.А. Бунге и других государственных деятелей. По богатству правоведческой литературы эта библиотека считалась второй в стране после Императорской Публичной. В начале XX в. ее книжные сокровища (около 40 тыс. томов) составили ядро библиотеки Государственной думы[94].

Особое книгохранилище имел Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Еще в 1843 г. он издал уникальный «Каталог книгам, рукописям и картам на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящихся в библиотеке Азиатского департамента», причем документы в нем были систематизированы «сообразно с понятиями китайцев о степени важности различных родов их сочинений».

На протяжении всего XIX в. видную роль в книжном деле играли библиотеки университетов и других высших учебных заведений.

Интересна история фондов библиотеки Казанского университета, основанного в 1805 г. Их базой послужило собрание книг и рукописей знаменитого государственного деятеля и мецената Г.А. Потемкина-Таврического, завещанное задуманному им Екатеринославскому университету. Вопреки воле дарителя, по указу Павла I коллекция поступила в Казанскую гимназию. Затем собрание Г.А. Потемкина, включавшее купленную им коллекцию знаменитого греческого духовного писателя и педагога Евгения Булгариса, перешло в библиотеку Казанского университета. В 1882 г. университет получил книжное собрание адмирала И.Ф. Крузенштерна и коллекцию восточных рукописей из Сибири В. Зимнякова. В начале XX в. библиотека Казанского университета располагала 276 тыс. томов[95].

В 20-х гг. одной из крупнейших университетских библиотек считалась библиотека Варшавского университета, созданная на основе книжного собрания Варшавского лицея. С момента открытия университета в 1817 г. она стала публичной для жителей Варшавы. После упразднения в 1833 г. университета в польской столице основная часть ее книжных фондов попала в Императорскую Публичную библиотеку в Петербурге. В библиотеке Главной школы в Варшаве, созданной вместо упраздненного университета, остались лишь польские книги[96].

Благодаря активной поддержке дворянства быстро расширялась библиотека Харьковского университета. В 1804 г., в год основания университета, один из инициаторов его создания, В.Н. Каразин, приобрел у академика Ф.П. Аделунга более 3 тыс. книг и коллекцию эстампов. Позже библиотека пополняется собраниями академика П.С. Палласа и профессора Б.С. Якоби, в качестве пожертвований поступают книги самого В.Н. Каразина, епископа Сулины, купца Хлапонина, профессора Каменского и др. Затем Харьковский университет получает библиотеку гр. А.К. Разумовского, собрание гр. Потоцких, книги Н.П. Румянцева, М.С. Воронцова. К началу XX в. в научной университетской библиотеке насчитывалось более 200 тыс., а в открытой с 1828 г. студенческой — более 17 тыс. книг[97].

Библиотека Петербургского университета стала формироваться вокруг небольшого книжного собрания Главного Педагогического института, преобразованного в университет в 1819 г. Помимо покупки литературы большую роль в формировании ее фондов сыграли пожертвования. Так, в 1844 г. почетный гражданин В.А. Пивоваров пожертвовал коллекцию рукописей и старопечатных книг, позже были получены собрания М.М. Стасюлевича, Н.Г. Помяловского, книги по статистике Янсона, библиотека академика Бунаковского. В 1866 г. японский наследный принц подарил библиотеке 3,5 тыс. книг на японском языке[98].

Библиотека Горного института в Петербурге своими корнями уходила в 70-е гг. XVIII в. Книгохранилище Института инженеров путей сообщения возникло с основанием самого института в 1809 г.; его ядро составили книги, закупленные в Париже с помощью российского посланника кн. А.Б. Куракина. В 1819—1828 гг. купец Золотарев пожертвовал огромную по тем временам сумму — 34 тыс. руб. — на приобретение книг для Императорской Военно-медицинской академии. Неплохая библиотека существовала при Академии художеств в Петербурге, основанной в середине XVIII в. И.И. Шуваловым. В 30-е гг. XIX в. туда поступила коллекция из 100 тыс. эстампов, вывезенных императором Николаем I из Варшавы[99]. Одно из крупнейших учебных книгохранилищ в Сибири (3 тыс. томов) сложилось при Омском кадетском корпусе.

Большую заботу проявляла общественность о формировании книгохранилищ неправительственных учебных заведений. Так, в библиотеку основанных в 1878 г. Петербургских Высших женских курсов вошли: библиотека кн. Салтыковых (5 тыс. томов книг конца XVIII — начала XIX в.), филологическая библиотека проф. И.А. Шляпкина, библиотека Н.К.Михайловского, собрание М.Я. Гольдштейна, Н.А.Никитенко, проф. Е.О.Романовского[100].

Самой удаленной из российских казенных библиотек следует признать основанное в начале XIX в. при Российско-Американской компании книгохранилище в г. Новоархангельске (ныне Ситка) на острове Баранова у берегов Аляски, которое еще в 1828 г. насчитывало до 1200 томов[101].

Во второй половине XIX в. библиотеки постепенно становятся нормой культурной жизни. Так, например, появляются библиотеки для отдыхающих на Кавказских Минеральных Водах, а в конце века — на железных дорогах (Сибирской, Пермской, Юго-Западной и др.)[102].

В течение XIX в. многие российские тюрьмы обзавелись библиотеками, значительная часть фондов которых состояла из книг заключенных. В местах ссылки (вплоть до Сахалина и Заполярья) также были определенные книжные собрания.

Интересный сюжет составляет история военных ведомственных библиотек. К концу XVIII в. большие частные собрания военной литературы имели А.В. Суворов, А.П. Ермолов, А.А. Аракчеев, Воронцовы, Шереметевы, Панины, Бибиковы, Вяземские, однако при официальных военных структурах библиотек практически не существовало. В качестве исключения можно назвать книжное собрание сухопутного Шляхетского корпуса и образованную в 1798 г. Медицинскую библиотеку Военного госпиталя в Петербурге[103].

В XIX в. проникновение книги в армейскую среду заметно усилилось. Почин был положен организацией библиотек при гвардейских полках. Так, на добровольные вычеты из офицерского годового жалованья были созданы журнальные библиотеки старейших полков — лейб-гвардии Семеновского (1810) и лейб-гвардии Преображенского (1811). Для поддержания инициативы император Александр I выделил 5 тыс. руб. и подарил этим библиотекам часть своих книг и карт. В армии инициатором библиотечного дела выступил А.А. Аракчеев. В 1817 г. для офицеров военных поселений Первой гренадерской дивизии он разработал специальные правила для «сих полезных заведений», по которым каждому полку единовременно выделялось по 1000 руб. на приобретение книг при обязательных вычетах из офицерского жалованья, чтобы дальнейшее содержание библиотек происходило «без расходов из казны». В последующие годы и во многих других полках аналогичным образом появились офицерские библиотеки, которые резко разнились своими размерами (от десятка до тысячи книг), причем чисто военная литература составляла меньшинство. С 1883 г. формирование этих книжных собраний стало регулироваться «Основным каталогом для войсковых офицерских библиотек», и на них начали выделять средства (например, 50 тыс. руб. на всю армию в 1886 г.). При этом из-за недостатка средств офицеры по-прежнему добровольно отдавали часть своего небольшого жалованья на приобретение книг.

По инициативе морских офицеров Черноморского и Балтийского флотов на добровольные вычеты 1% жалованья возникли получившие широкую известность Севастопольская (1821) и Кронштадтская (1832) морские библиотеки. Однако на военных кораблях судовых библиотек долгое время не было, хотя офицеры в заграничных плаваниях приобретали немало книг. Но с 1859 г., когда Морское министерство возглавил известный либерал вел. кн. Константин Николаевич, всякое судно, впервые отправлявшееся в иностранные воды, получало по 300 руб. на литературу для офицеров. Эта мера положительным образом сказалась на повышении общеобразовательного уровня морских командиров. Матросских же судовых библиотек русский флот не имел до начала XX в.[104]

Появление солдатских ротных библиотек можно датировать 1859 г., поскольку тогда стало специально выделяться по 10 коп. в год на каждого «нижнего чина» для обучения грамоте и приобретения книг, что самым положительным образом сказалось на повышении общего уровня грамотности народа. С 1879 г. состав таких солдатских читален строго регламентировался «Систематическим каталогом книг, одобренных к обращению в войсках», которым допускалась духовно-нравственная литература, беллетристика, книги по военному делу, естествознанию, истории, географии, сельскому хозяйству, гигиене, медицине и ветеринарии[105].

Ряд библиотек военного ведомства имел общенациональное значение. Одним из лучших военных книгохранилищ в Европе стала основанная в 1811 г. по инициативе генерал-адъютанта П.И. Волконского и А.А. Аракчеева библиотека Генерального и Главного штабов. Сначала П.И. Волконский купил для ее фондов в Париже 5 тыс. книг, после чего Александр I передал на ее содержание крупную сумму денег. Примеру императора последовали многие офицеры, а в 1816 г. в нее влилась библиотека Военно-топографического депо. Фонды этого книгохранилища расширились с приобретением в 1820 г. ценнейшего собрания историка Б.-Г. Вихмана о России, в 1822 г. — обширной библиотеки кн. А.Я. Лобанова-Ростовского, в 1831 г. — библиотеки кн. Чарторижских. Николай I передал в библиотеку Генерального штаба уникальное собрание гр. П.К. Сухтелена, включавшее 20 тыс. томов, — одну из лучших в мире военных библиотек того времени, а в 1864 г. была куплена известная коллекция И.П. Липранди, состоящая из 3 тыс. книг о Турции. Оказывая помощь братскому славянскому народу, библиотека Главного штаба в 1866 г. передала часть своих фондов Сербскому военному училищу. С 1875 г. она стала приобретать публичный характер, открыв свои сокровища для военнослужащих и ученых-исследователей. По количеству книг эта библиотека считалась второй в Петербурге после Императорской Публичной. Располагалась она в круглом зале под ротондой Главного штаба напротив Зимнего дворца. Среди реликвий этого книгохранилища находились военный устав с исправлениями Петра I и молитвенник, который был у него на груди в день Полтавской битвы. К великому сожалению, это крупное национальное книгохранилище сильно пострадало от разрушительного пожара 24 февраля 1900 г., когда огонь уничтожил 11,5 тыс. томов. После этого библиотека Генерального штаба на время прекратила самостоятельное существование[106].

Уникальным собранием сочинений на многих языках мира по мореходству, морских карт, лоций, регламентов и уставов

славилась Главная морская библиотека, существовавшая с 1805 г. при Гидрографическом управлении. В ее основу легли 215 книг Адмиралтейства, среди которых выделялись уникальные издания XV в. В 1805 г. адмирал П.В. Чичагов купил для библиотеки коллекцию более чем из 11 тыс. томов датского министра Бернсдорфа, а в следующем году Лев Ваксель подарил ей собрание редких книг[107].

Практически все научные и другие неправительственные общества, число которых в течение XIX в. составляло несколько сотен, имели свои книжные фонды. Остановимся лишь на наиболее примечательных из них.

Быстро стало уникальным собрание книг и карт основанного в 1845 г. Русского географического общества, составлявшее к началу XX в. до 75 тыс. изданий. Библиотека общества пополнялась в основном путем дарений и обмена его изданий. Из частных коллекций в него вошли библиотеки Левашова, А.А. Тилло, вел. кн. Константина Николаевича[108].

С 1779 г. библиотека Вольного экономического общества за плату 6 руб. в год стала доступной для всех желающих, т. е. обрела общественный характер. Вырученные таким образом деньги шли исключительно на покупку литературы. В 1830 г. при библиотеке открылась особая читальня со свободным доступом к десяткам периодических изданий. С 1836 г. книгохранилищем могли пользоваться все желающие бесплатно. Из частных дарений самый большой вклад в 2 тыс. книг библиотека получила в 1867 г. от действительного члена Вольного экономического общества, известного библиографа А.Н. Неустроева. С 1876 г., когда общество наладило издание «Земского ежегодника», библиотека стала получать массу земских публикаций. Таким образом земский отдел этого книгохранилища, собравший в начале XX в. более 50 тыс. публикаций, взял на себя роль крупнейшего центра земской литературы в стране. И естественно, в библиотеке отложился полный набор изданий самого общества[109].

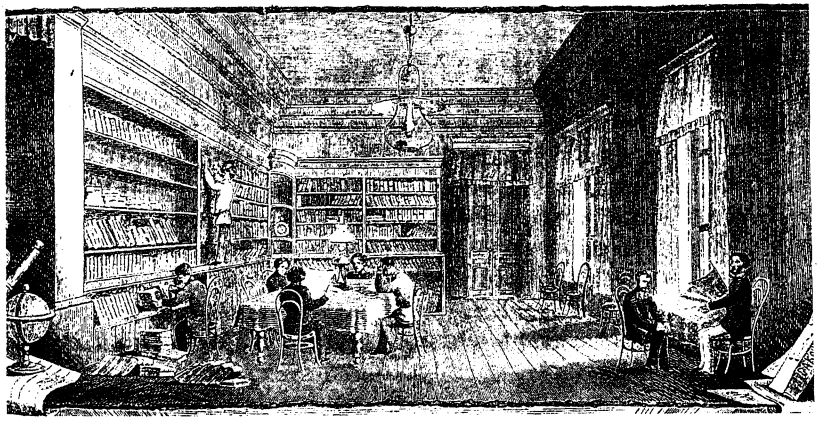
Библиотека Общества истории и древностей российских (1804) погибла вместе с библиотекой Московского университета в 1812 г., но уже на следующий год практически была восстановлена пожертвованиями И.Н. Шарского, А.И. Лобкова и др. Очень ценным книжным собранием владело Общество любителей древней письменности, для которого гр. С.Д. Шереметев передал приобретенные им Безсоновское собрание кунштов и богатое собрание рукописей кн. П.А. Вяземского[110]. Во второй половине XIX в. пользовались широкой известностью библиотеки основанного в 1866 г. Русского исторического общества, Человеколюбивого общества в Петербурге и Московского архитектурного общества. В 1896 г. открылась библиотека при Русском театральном обществе. Она существует до

сих пор, располагаясь в здании бывшей типографии Московского университета на Страстном бульваре.

Богатой коллекцией русской периодики с 1812 г. располагал Английский клуб[111].

В XIX в. сохраняли значение культурных сокровищниц библиотеки духовного ведомства — монастырские, церковные, духовных академий, семинарий. И хотя в течение столетия наиболее ценные свои реликвии эти первые отечественные книгохранилища передали в национальные, синодальные и научные библиотеки, в их веками формировавшихся фондах еще хранилось множество древних рукописей, старопечатных книг и документов.

Наиболее богатой и древней считалась Синодальная библиотека в Москве, основу которой заложили первые московские митрополиты; в дальнейшем, при патриархах Филарете и Иоасафе I, она заметно расширилась. При Иосафе I в нее было доставлено немало ценнейших рукописных памятников из Кирилло-Белозерского и Троице-Сергиева монастырей. Но самые большие приращения это книгохранилище получило в ходе эпопеи по «исправлению» богослужебных книг второй половины XVII в.: по распоряжению патриарха Никона ценные книги специально привозились из Святой Земли. В течение всего XVII в. вокруг Патриаршей библиотеки сосредоточивалась литературная деятельность. С упразднением патриаршества в 1721 г. библиотека была переименована в Синодальную. В 1722 г. вышел указ о присылке в Синод для снятия копий замечательных в историческом отношении рукописей из всех монастырей («для общаго известия»), в результате чего библиотека обогатилась списками ценнейших литературных, летописных и литургических памятников. В Оте-



В библиотеке

чественную войну 1812 г. своевременная эвакуация книжных сокровищ в Вологду спасла их от гибели, но тогда же библиотека утратила большую часть своего печатного собрания, неоправданно разделенного между Славяно-греко-латинской академией, Типографской и Императорской Публичной библиотеками, так что к концу XIX в. книгохранилище состояло практически из одних рукописей. Зато в 1834 г. коллекция библиотеки обогатилась уникальным памятником древнерусской культуры — «Изборником» кн. Святослава XI в., а в 1851 г. — рукописью патриарха Гермогена «О явлении Казанской иконы». Позже ее фонды пополнились ценнейшими «описными книгами» ряда кремлевских церквей, рукописями и печатными книгами Успенского собора, а в 1899 г. — обширным собранием документов Чудова монастыря[112].

В тесной связи с Синодальной состояла Московская типографская библиотека, возникшая во времена Ивана Грозного при Печатном Дворе на Никольской улице. В ней были представлены почти все столичные издания второй половины XVI–XVII в. — богослужебные книги, жития святых, законодательные памятники, азбуки и другие произведения. В конце XVIII в. библиотека пережила трудное время, когда даже издания Московской Синодальной типографии, при которой она состояла, поступали в нее нерегулярно; однако по специальному Указу 1827 г. образцы всей продукции синодальной печати стали поступать в ее фонды бесперебойно. Наиболее сложными для старинного книгохранилища оказались 1854 и 1879 гг., когда возникла серьезная угроза его ликвидации. Но библиотека сохранилась благодаря усилиям авторитетного Московского археологического общества, по инициативе которого была проведена реставрация одного из древнейших зданий Печатного Двора, а книжные фонды научно систематизированы и описаны. К концу XIX столетия помимо старопечатных книг в собрании числилось около 2 тыс. рукописей и документов. В помещении старинной правильни при библиотеке открылся уникальный Типографский музей с подлинным печатным станом XVII в. и походным печатным станом Петра I, образцами шрифтов, старопечатных изданий, а также типографскими принадлежностями[113].

Библиотеки духовных академий получили большое историко-культурное значение во второй половине XIX в., особенно после передачи в них в начале 50-х гг. рукописей и старопечатных книг из самых известных монастырских книгохранилищ.

Так, Московская духовная академия с момента своего создания в 1814 г. приобрела крупную библиотеку Славяно-греко-латинской академии и Троицкой Лаврской семинарии, а в 1859 г. — 236 рукописей из собрания Иосифо-Волоцкого монастыря. В 1854–

1863 гг. Московская консистория передала академии много конфискованных у старообрядцев рукописей и старопечатных книг. По завещанию археографа и историка К.И. Невоструева в библиотеку было передано около 3 тыс. старинных книг и документов. Ядром библиотеки Петербургской духовной академии стало собрание основанной еще в 1725 г. Петербургской семинарии. Сюда попали книги Феофана Прокоповича, коллекция книг и документов проф. Х.Ф. Маттеи (1812), библиотека бывшего Библейского общества (1859), богатое собрание Новгородского Софийского монастыря и немало рукописных памятников Кирилло-Белозерского монастыря. По размерам книжных фондов, насчитывавших к началу XX в. около 200 тыс. названий, это была крупнейшая из академических библиотек[114].

Библиотека при Казанской духовной академии (этот статус Казанская семинария получила в 1798 г.) в большей части сложилась из пожертвований духовных лиц. В нее вошло собрание митрополита Киевского Евгения Болховитинова. Наиболее ценной частью фондов библиотеки являлся полученный ею в 1855 г. уникальный по своему характеру архив Соловецкого монастыря, состоявший из 1515 рукописей и 83 старопечатных книг. В создании библиотеки Киевской духовной академии, существовавшей с 1819 г., также заметную роль играли частные лица. В ее фонде хранились собрания историографа Н.Н. Бантыш-Каменского, гр. И. Потоцкого, коллекция старинных рукописей известного библиографа Е.В. Барсова, историка М.А. Максимовича, Н.В. Закревского. Большую ценность составляло полученное из Киевской губернской казенной палаты собрание монастырских и церковных грамот. В 1874 г. по распоряжению Синода это книгохранилище обогатилось интереснейшим архивом Почаевской лавры[115].

Весьма ценные материалы, и прежде всего рукописные, встречались в книжных собраниях и многих духовных семинарий: Новгородской, Псковской (образована из библиотеки псковских епископов), Вологодской, Ярославской, Тверской (собрание Феофилакта Лопатинского), Нижегородской (рукописи архиепископа Иакова) и ряда других.

От книг Сергия Радонежского вела свою историю библиотека крупнейшего Троице-Сергиева монастыря. В 1747 г. часть ее книг, «за куриоз почитаемая», попала в Троицкую семинарию. По распоряжению одного из образованнейших людей своего времени митрополита Московского Платона рукописи и книги библиотеки были описаны в 1795 г. К 1873 г. она имела 200 рукописей и 7 тыс. печатных книг, а к началу XX в. — 15 тыс. сочинений в 20 тыс. томов[116].

Среди остальных монастырей сравнительно большими книжными и рукописными фондами располагали Иверский на Валдае, хранивший большое собрание актов по истории монастыря и деятельности патриарха Никона, Павло-Обнорский, Спасский в Ярославле, Троицкий в Калязине и Чудов монастырь в Московском Кремле. После передачи основной части своих рукописных богатств в Синодальную библиотеку книгохранилище главного государственного храма — Успенского — стало весьма скромным по размерам. В аналогичной ситуации оказались библиотеки основанного патриархом Никоном Новоиерусалимского монастыря, обладавшего 128 рукописями, и Иосифо-Волоцкого, где осталось всего 33 памятника, но это были очень ценные рукописные книги и синодики[117].

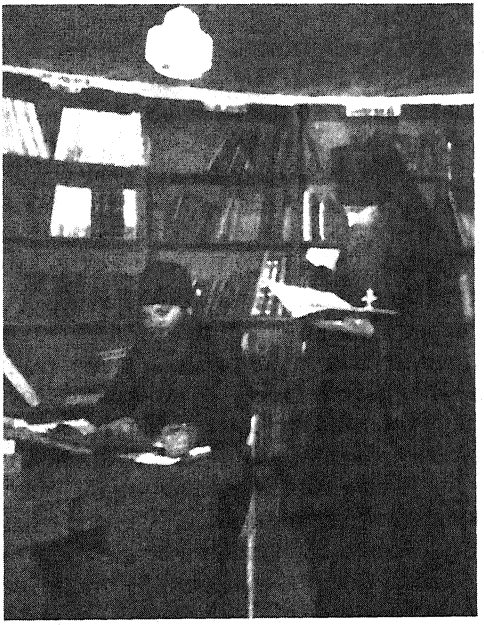
Значительный массив рукописных и старопечатных книг, актов по церковной истории хранила Епархиальная библиотека при Московском Высоко-Петровском монастыре, куда поступили книги упраздненного в XVIII в. Московского Моисеевского, Иосифо-Волоцкого, Угрешского, Перервинского, Суздальского Спасо-Евфимьего монастырей, Успенского девичьего монастыря из Владимирской епархии. Сюда попали также старопечатные книги Оптиной пустыни под Козельском, хранившиеся в Софийском соборе в Киеве библиотеки некоторых митрополитов (Варлама Ясинского, Тимофея Щербацкого и Евгения Болховитинова). В Епархиальной библиотеке находились также редкие старопечатные книги и документы, уцелевшие после разрушительных пожаров Киево-Печерской лавры 1718 и 1772 гг. В Высоко-Петровский монастырь попали также уникальные книжные коллекции Никольского единоверческого монастыря (библиотека А.И. Хлудова) и Рогожской старообрядческой общины.

По изначальной русской традиции, официально закрепленной Стоглавым собором 1551 г., обучение детей грамоте велось в православных храмах, многие из которых имели хорошие библиотеки не только с богослужебной литературой, но частично и со светской — азбуки и буквари. Особенно полны и разнообразны были соборные и храмовые собрания на русском Севере, где церкви долго входили в состав черносошных крестьянских общин. Например, к середине XIX в. Успенский собор в Великом Устюге располагал 525 печатными и 67 рукописными книгами.

По инициативе наиболее образованных священников создавались весьма внушительные публичные храмовые книгохранилища. Изданный в Петербурге в 1868 г. с помощью товарищества «Общественная польза» список книг церковных библиотек храма Св. Троицы Рязанской губ. Пронского уезда села Гулынок насчи-

тывал 466 названий. Составившие эту библиотеку книги были изданы в 1757–1868 гг., но две трети названий — это издания второй половины XIX в. — в основном нравоучительная литература, жития святых и произведения отцов церкви, многочисленные описания святых мест и паломничеств, а также атласы по библейской истории.

Из изданий XVIII в. обращает на себя внимание «Церковный словарь» (М., 1775) и «Дополнение к церковному словарю» (М., 1776), а также «Православное учение. Сочинение иеромонаха Платона» (1765). К началу XIX в. относятся «Изображение жизни и деяний Московского митрополита Платона» (1822) и «Житие Платона, митрополита Московского» (М., 1831). Собрание включало несколько годовых комплектов ряда церковных журналов. Интересно, что в книгохранилище храма Св. Троицы села Гулынок было не менее 10 изданий, посвященных старообрядчеству, в том числе «Житие протопопа Аввакума» (СПб., 1851). Примерно такое же число книг касалось чисто светских сюжетов. Это «Сельский календарь» П.Преображенского (М., 1864), «Как жить в обществе» (СПб., 1860) и «Беседы о новом устройстве быта крестьян» (СПб., 1861). Лишь очень немногие книги имелись в нескольких экземплярах, что косвенно может свидетельствовать об особой популярности таких произведений у церковной паствы. В максимальном



В монастырской библиотеке

количестве экземпляров оказались представлены «Указание пути в царстве небесные» (6) и полюбившиеся русскому народу со времени Средневековья «Творения Ефрема Сирина» (5). Важно отметить, что издание подобного каталога действующей приходской библиотеки было осуществлено из практических соображений, с целью облегчить прихожанам уездной церкви выбор литературы.

Уникальная роль в преемственности традиций книжного дела принадлежит старообрядцам. Благодаря староверам отечественная культура и наука сохранили бесценное сокровище — тысячи старопечатных книг, нередко с владельческими записями, по которым можно изучать историю каждого отдельного экземпляра — кто, когда и за какие деньги приобрел духовную книгу, куда она была отвезена, каких имела владельцев, в каких монастырях и храмах побывала в качестве вклада «на помин души». После известного «исправления» книг патриархом Никоном огромная масса находившихся в церквах богослужебных книг, изданных до 1653 г., была не просто административно выведена из оборота, но подверглась репрессиям и уничтожению. Раскольники спасли физическое существование этих книг и, кроме того, создали собственную оригинальную книжную культуру. В XIX в. ученые-археографы начали поиск, выявление и описание старообрядческих книжных собраний в самых отдаленных уголках России, корни которых уходили в глубь веков. В 1866 г. в Москве был издан «Каталог, или Библиотека Староверческой церкви, собранный тщанием Павла Любопытного в Санкт-Петербурге 1829 года»[118]. В 1874 г. известный библиограф, член Археографической комиссии Е.В. Барсов издал каталог одного из крупнейших центров отечественного старовериия в Олонецком крае у рек Выг и Лекса, ликвидированного в середине века по указу Николая I[119]. В каталоге дана характеристика 196 рукописям и 150 книгам, в том числе таким раритетам, как изданный в 1574 г. во Львове первопечатником Иваном Федоровым Апостол, Осьмигласник виленской печати 1582г., острожский Маргарит 1595 г.

Особую страницу в истории русской культуры представляют ценные частные библиотеки. В XIX в. систематически подобранные книжные собрания имелись практически во всех слоях российского общества, интерес к собиранию книг проявляли не только представители образованного дворянства и разночинной интеллигенции, но и чиновники, купцы, предприниматели, мещане и даже крестьяне.

Коллекциями, совмещающими в себе черты частных, государственных и ведомственных собраний, стали императорские библиотеки. Временем их возникновения следует считать 1715 г., когда было разобрано и систематизировано книжное собрание Пет-

ра I[120]. Однако его книги, как и собрания Петра III и Екатерины II, по воле их владельцев или наследников оказались в течение XVIII в. либо в составе эрмитажных книгохранилищ, либо в библиотеке Петербургской Академии наук. А полученная Александром I по завещанию Павла I большая, в 40 тыс. томов, библиотека, к сожалению, сгорела при пожаре Зимнего дворца 17—18 декабря 1837 г. (от нее остались лишь каталоги).

Александр I собирал свою библиотеку в Александровском дворце Царского Села. Литература поступала путем дарения от авторов и издателей (так называемый «поднос») и активно закупалась за границей. Так, в последнее десятилетие царствования Николая I в среднем за год на приобретение иностранных изданий расходовалось по 19 тыс. франков[121]. В эти годы в Царском Селе под названием «секретной» библиотеки сложился рукописный отдел императорских книжных собраний, включавший документы, переписку и мемуары членов царской семьи.

С 1845 г. к царским книжным сокровищам постепенно открывается доступ для исследователей (главным образом биографов и военных историков). Но лишь в 1861 г. императорские библиотеки в структуре Дворцового ведомства окончательно отделились в административном отношении от Эрмитажа, а основной стала библиотека царскосельского Александровского дворца[122].

В пореформенное время «собственные Его Императорского Величества библиотеки» регулярно передавали дублеты и случайные поступления в Императорскую Публичную библиотеку, Эрмитаж и книгохранилища научных обществ, вели обмен редкими и дорогими изданиями с зарубежными культурными центрами. Например, в 1882 г. Главной ученой библиотеке в Нью-Йорке были «пожалованы» издания «The Astor Library» и «Les Antiques du Bosphore Cimmerien»[123].

При Александре III библиотечные фонды существенно пополнились литературой по археологии, всеобщей и отечественной истории, с 90-х гг. велась подписка более чем на 70 периодических изданий[124].

Николай II получал книги через лучший столичный магазин Вольфа. Много литературы было поднесено ему в 1899 г. по случаю опубликования Верховного акта 12 августа 1898 г. об учреждении Международной Гаагской конференции мира (в том числе особая папка с иностранными газетными вырезками). В 1899 г. последний русский монарх приобрел ценную библиотеку Демидовых, состоящую в основном из духовных и философских книг на французском языке и литературы по горному делу (она была помещена в отдельных шкафах в Царском Селе)[125].

С конца XIX в. из комплекса дворцовых библиотек регулярно пополнялись лишь три: «библиотека государя императора», размещавшаяся частью в «собственных покоях», частью в так называемых «Новых залах» Зимнего дворцов, а также книгохранилища Царскосельского и Гатчинского дворцов (последнее было учреждено Александром III для русских и иностранных периодических изданий).

Остальные книжные собрания носили по преимуществу мемориальный характер и по возможности сохранялись в том виде, как были заведены их владельцами. Библиотека Александра II располагалась в Зимнем дворце («Старая библиотека») и царскосельском Александровском. На полях этих книг нередко встречаются собственноручные пометки и приписки монарха. Большая часть собрания Александра III была сосредоточена в Аничковом дворце, а также в царскосельском Александровском и Гатчинском[126].

Каждые две-три недели в трех больших витринах Царскосельского дворца готовились выставки книг, рисунков, альбомов, фотографий по поводу исторических событий, дней императорского дома и полковых праздников[127]. Библиотеки располагали ценнейшими карточными алфавитными каталогами портретов не только на отдельных листах, но и в альбомах и книгах. Кроме того, имелся «графический» каталог акварелей, гравюр, литографий, до книжных иллюстраций включительно!

Обширными книжными собраниями располагали в XIX в. крупные государственные чиновники — сенаторы Ф.А. Толстой, Н.П. Смирнов, Н. Бокачев[128].

Немало представителей известных дворянских родов веками собирали книги, рукописи, старинное оружие, монеты, картины, превращая свои «дворянские гнезда» в своеобразные историко-художественные музеи, в которых аккумулировался ум и талант предшествующих поколений.

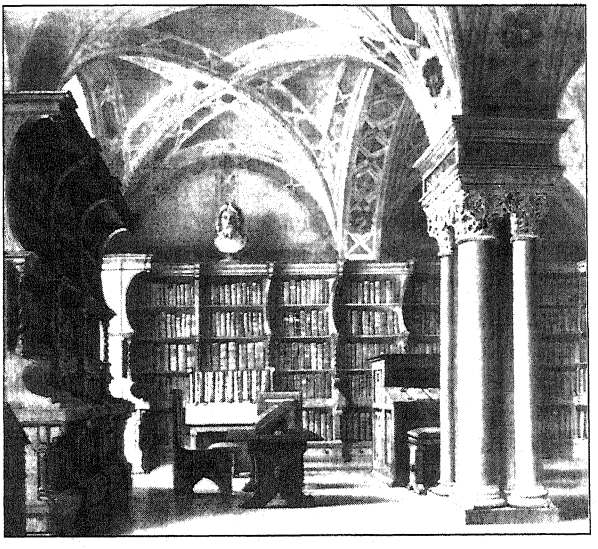
С XVII в. представители знаменитого рода Шереметевых имели библиотеки в Москве и Петербурге, в своих имениях в селах Михайловском и Остафьеве Подольского уезда Московской губернии и в селе Волочанове Волоколамского уезда.

Некоторые аристократы приобретали книги исключительно на иностранных языках. Одна из крупнейших такого рода коллекций, насчитывающая десятки тысяч томов, принадлежала кн. Юсуповым и располагалась в их подмосковном имении в Архангельском.

Министр народного просвещения С.С. Уваров в своем имении в селе Поречье Можайского уезда Московской губернии собрал библиотеку в 12 тыс. томов, состоящую главным образом из произведений классической литературы, книг по истории и редких

изданий. Библиотека по наследству перешла к его сыну — Алексею Сергеевичу — основателю Московского археологического общества. А.С. Уваров стал активно расширять ее приобретением рукописей и целых книжных собраний по русской истории, словесности, палеографии и археологии, а также по истории религий, богословию, философии, искусству. Помимо книг хранилище имело не менее 3 тыс. историко-литературных рукописей. В 1853 г. владелец имения за 25 тыс. руб. купил выдающееся собрание рукописей, оставшееся после смерти И.Н. Царского, затем часть рукописей из известных коллекций И.П. Сахарова, С.Д. Полторацкого. В результате столь целеустремленного собирательства библиотека А.С. Уварова достигла 100 тыс. томов и стала самой крупной в России после столичных национальных книгохранилищ; она занимала весь третий этаж усадебного дома в Поречье[129].

Пример российскому купечеству в деле собирания книг и других культурных ценностей продемонстрировала династия Демидовых. В самом начале века П.Г. Демидов пожертвовал Московскому университету, «Демидовскому лицею» (Ярославскому училищу высших наук) и предполагавшимся университетам в Тобольске и Киеве значительные книжные собрания. Он повсюду скупал редкие и дорогие издания на всех языках, особенно увлекаясь книгами по естественным наукам. Каталог своего собрания П.Г. Демидов составил собственноручно по лично им разработанной системе[130]. В прошении о принятии коллекции в дар он писал:



Библиотека Академии наук. Зал старинных книг

«Библиотеку, кабинет натуральной истории, минц-кабинет, содержащий в себе медали почти всех европейских государств, и собрание разных художественных редкостей, кои собирал я около 40 лет, предоставляю в пользу Московского университета». Коллекции эти занимали в университете три отдельных зала, получивших название Демидовских. К великому сожалению, все эти сокровища погибли в пожаре 1812 г.

В середине 40-х гг. большой общественный резонанс получила библиотека известного революционера М.В. Буташевича-Петрашевского, слившаяся с коллективной библиотекой организованного им кружка. Устроив складчину по 15—30 руб., М.В. Петрашевский через знакомых книготорговцев выписывал массу зарубежной печатной продукции. Книгами кружковской библиотеки пользовались все, кто посещал «пятницы» Петрашевского, в том числе выдающиеся русские литераторы М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский, А.Н. Плещеев[131].

Процесс демократизации культуры второй половины XIX в. затронул все стороны книжного дела. Изменился социальный состав библиофилов. Примерно с середины 50-х гг. ряды владельцев наследственных дворянских коллекций пополняют книголюбы-разночинцы — Г.Н. Геннади, М.Н. Лонгинов, М.Н. Полуденский, А.Н. Афанасьев, В.И. Касаткин, П.А. Ефремов, М.Л. Михайлов. Их личные библиотеки по большей части были открыты для исследователей русской литературы, культуры, общественной мысли. Люди прогрессивных, даже радикальных убеждений, библиофилы нового поколения считали «книжное дело» родом общественного служения. Они сотрудничали с руководителями Вольной русской типографии в Лондоне А.И. Герценом и И.П. Огаревым, предоставляя для публикации редкие и ценные материалы, организовывали небольшие библиотеки-читальни, составляли рекомендательные указатели книг[132].

Торгово-промышленное сословие выдвинуло в XIX в. блестящую плеяду библиофилов, создавших немало прекрасных книжных собраний[133]. Некоторые из них не только выступали в роли коллекционеров, но показали себя квалифицированными библиографами. Так, петербургский купец-библиофил Я.Ф. Березин-Ширяев, более полувека собиравший «листки» и книги, постепенно описывал свою коллекцию, издавая «Материалы для библиографии, или Обозрение русских и иностранных книг, находящихся в библиотеке любителя исторических наук и словесности». Страсть этого книговеда-самоучки к описанию старинных книг была так велика, что он откомментировал и опубликовал в 1868 г. каталог интересного собрания книжных редкостей, указов и эстампов XVIII в.,

принадлежавшего его коллеге — петербургскому первой гильдии купцу и потомственному почетному гражданину Ф.И. Сокурову[134].

Знаменитые собрания старопечатных книг и старообрядческих полемических сочинений составили московские купцы А.И. Хлудов, И.Н. Царский (приобретена гр. В.П. Орловым-Давыдовым), Ф.Ф. Мазурин, который в огромных сундуках скрывал от широкой публики свою ценнейшую коллекцию. Лишь по его завещанию она попала в архив Министерства иностранных дел и стала постепенно вводиться в научный оборот[135]. Его современник, широко известный московский торговец П.И. Щукин, наоборот, стремился придать своим коллекциям публичный характер, построив на Пресне специальный дом «в русском стиле» под свое музейное собрание и библиотеку[136]. Представитель известного купеческого рода А.П.Бахрушин составил значительное собрание так называемых «поморских листов», в которых излагаются страстные послания поморских староверов и представлены интересные родословные схемы многих лиц, по каким-то соображениям важных для старообрядцев[137].

Интересной коллекцией обладал знаменитый меценат и благотворитель К.Т. Солдатенков. Его библиотека состояла из обширного собрания книг исключительно на русском языке по истории, истории церкви, литературе и общественным наукам, среди которых выделялось собрание русских журналов. По его завещанию часть коллекции передавалась Москве (около 8 тыс. томов), а часть — Московскому Публичному и Румянцевскому музеям[138].

К концу XIX в. далеко за Уралом, в 5 верстах от Красноярска, в селе Таракановка, в отдельном большом доме находилась самая грандиозная из русских частных библиотек (не менее 100 тыс. томов), собранная сибирским золотопромышленником Г.В. Юдиным. Это книгохранилище имело литературу по всем отраслям знания на многих языках, а отдел рукописей насчитывал до 500 тыс. единиц хранения! Среди книг впечатляли прижизненные издания и книги иностранных авторов о России, сочинения по истории Сибири и Дальнего Востока. В Юдинское книгохранилище частично попали собрания историков М.Н. Погодина, М.И. Семевского. Библиотека была открыта для читателей. Нередко специалисты находили здесь материалы, которые не могли обнаружить даже в столичных библиотеках. Так, академик М.И. Сухомлинов, работая над изданием Собрания сочинений М.В. Ломоносова, обнаружил тут необходимые ему публикации[139]. Часто посещали библиотеку и политзаключенные, а в 1897 г. в ней занимался В.И. Ленин.

В целом на протяжении XIX в. библиофильство и книжное дело развивалось в России чрезвычайно динамично. Несмотря на

тяжелейшие потери, понесенные в период Отечественной войны 1812 г., книжные богатства непрерывно накапливались, систематизировались, описывались, изучались, становились доступными все большему числу специалистов и дилетантов. К концу века в России уверенно действовали, квалифицированно и на самом высоком уровне обслуживая массового читателя, две крупнейшие национальные библиотеки, несколько общественных публичных и ведомственных библиотек в обеих столицах, публичные библиотеки почти во всех губернских городах. Фонды государственных книгохранилищ систематически пополнялись ценными коллекциями частных собраний, регулярно комплектовались вновь издаваемой литературой. Непрерывно шел процесс демократизации книжного чтения, вовлечения в него широчайших слоев городского и сельского населения при активном и бескорыстном участии интеллигенции. Выходили библиографические справочники, популяризировавшие наиболее ценные современные издания. Появились исследования, поставившие задачу систематического изучения читателя и читательских интересов, обещавшие в дальнейшем синхронизацию и гармонизацию процесса создания и использования книги.

---

[1] См.: *Геннади Г.* Указатель библиотек в России. СПб., 1864.

[2] Еще в 1727 г. библиотекарь В.В. Куприянов ходатайствовал перед властями об открытии в Москве публичной библиотеки с предоставлением ему монопольного права торговли всеми видами полиграфической продукции и 20-летней аренды Печатного Двора. И хотя его прошение было удовлетворено, скорее всего, реализовано оно не было, поскольку никаких сведений о его библиотеке не имеется. В 1766 г. в Петербурге учреждается специальное общество для организации публичной библиотеки, но и ее открытие не состоялось. В годы царствования Екатерины II новгородский наместник Я.Е. Сиверс просил о выделении по 3 тыс. руб. на создание губернских библиотек в Новгороде, Пскове и Твери. Первым действительно открытым общедоступным книгохранилищем принято считать учрежденную в 1778 г. при Приказе общественного призрения Тульскую библиотеку. Чуть позже А. Рамбах открывает первую библиотеку для чтения в Москве. К концу XVIII в. относится учреждение общедоступной библиотеки при Успенском соборе в Костроме (1791) и Публичной библиотеки в Калуге (1794).

[3] Новый энциклопедический словарь. Т. 6. СПб., б/г. С. 541–542.

[4] *Голубева О.Д.* А.Н. Оленин. СПб., 1997. С. 26. Подробнее также см.: Императорская Публичная библиотека за сто лет. 1814–1914. СПб., 1914; История Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963.

[5] По Рижскому мирному договору 1921 г., материалы библиотеки Залуцких были возвращены Польше (см.: *Голубева О.Д.* Указ. соч. С. 163).

[6] Отчет в управлении Императорской Публичной библиотекой... за 1808, 1809, 1810, 1811 и 1812 годы. СПб., 1813. Табл. I.

[7] Там же. Табл. XIII.

[8] См.: *Голубева О.Д.* Указ. соч. С. 40–41.

[9] Там же. С. 43.

[10] У директора библиотеки А.Н. Оленина имелись личные мотивы такого решения: его старший сын погиб в Бородинском сражении.

[11] См.: *Голубева О.Д.* Указ. соч. С. 36–38.

[12] Там же. С. 45.

[13] Библиотеки Ржевусских, Сапег, Чарторыйских в Пулаве (Императорская Публичная библиотека в эпоху перехода в ведомство Министерства народного просвещения.СПб., 1863. С. 12).

[14] В 1822 г. были приобретены 3 редчайшие рукописные книги с цветными рисунками — изображениями представителей народностей Китая и близлежащих стран, ландшафтов Китая. Из Пекина в адрес библиотеки поступило 5 ящиков книг (см.: *Голубева О.Д.* Указ. соч. С. 46–48).

[15] См.: *Карнович Е.П.* Замечательное богатство частных лиц в России. СПб., 1874. С. 180.

[16] Получив в 1833 г. назначение на должность министра народного просвещения, С.С. Уваров уступил свое место в библиотеке гр. А.Г. Кушелеву-Безбородко (1833–1835), которого сменил в этой должности выдающийся писатель, библиофил и музыковед В.Ф. Одоевский (1835–1862).

[17] Отчет в управлении Императорской Публичной библиотекой... за 1816 г. СПб., 1817. С. 16–17.

[18] Там же. С. 23. С. 20–21.

[19] *Сопиков В.С.* Опыт российской библиографии. СПб., 1813–1816. Ч. 1–4; 1821. Ч. 5.

[20] *Голубева О.Д.* Указ. соч. СПб., 1997. С. 85.

[21] Там же. С. 86.

[22] Во время директорства А.Н. Оленина (1811–1843) и его преемника Д.П. Бутурлина (1843–1849) Императорская Публичная библиотека состояла в ведомстве Министерства народного просвещения. Директорство М.А. Корфа (1849–1861) вызвало перевод ее в ведение Министерства императорского двора. С 24 июля 1863 г. библиотека вернулась в ведение Министерства просвещения.

[23] Императорская Публичная библиотека в эпоху перехода в ведомство Министерства народного просвещения. СПб., 1863. С. 20.

[24] Там же. С. 21.

[25] Там же. С. 39.

[26] *Стасов В.В.* Воспоминания гостя библиотеки // Собр. соч. Т. 3. СПб., 1894. Ст. 1513, 1517, 1516.

[27] С 1112 читателей и 7720 посещений в 1850 г. до 4339 читателей и 33 469 посещений в 1862 г. (Императорская Публичная библиотека... С. 26).

[28] Там же. С. 58.

[29] См.: *Клейменова Р.Н.* Книжная Москва первой половины XIX в. М., 1991. С. 190.

[30] Там же. С. 195.

[31] Там же. С. 199.

[32] Там же. С. 193.

[33] См.: *Смирнов Н.П.* Библиографические материалы. Опись книг, брошюр и статей библиотеки сенатора Н.П. Смирнова. СПб., 1898. № 1945–2040.

[34] Энциклопедический лексикон А.А. Плюшара. Т. 5. СПб., 1836. С. 514–515.

[35] См.: *Смирнов Н.П.* Указ. соч. № 2003, 2028.

[36] См.: *Геннади Г.* Указ. соч. С. 3.

[37] Библиотека погибла в пожаре 1862 г., но была восстановлена путем массовых дарений, почин которым положили Александр II и великие князья (см.: *Смирнов Н.П.* Указ. соч. № 1986).

[38] См.: *Геннади Г.* Указ. соч. С. 3.

[39] Новый энциклопедический словарь. Т. 6. С. 542.

[40] Москва: Энциклопедия. М., 1997. С. 115.

[41] Энциклопедический лексикон А.А. Плюшара. Т. 5. С. 490.

[42] Одним из первых в Петербурге в 1818 г. в типографии В.А.Плавильщикова вышло описание его библиотеки (всего 3400 названий). Вскоре, в 1820 г., он же напечатал объемистую, в 518 страниц, «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки В.А. Плавильщикова», где перечислено около 9 тыс. названий.

[43] *Розанов И.Н.* Книга и люди в XIX веке // Книга в России. Ч. 2. XIX в. М.:Л., 1930. С.458.

[44] На рисунке изображены И.А.Крылов (сидит на месте хозяина), Н.И. Греч (стоит с бокалом в руках), литератор Хвостов, А.Ф. Смирдин, А.С. Пушкин, кн. А.А. Шаховской, Ф.В. Булгарин. Автором этой знаменитой виньетки по рисунку А.П. (?) Брюллова является известный гравер С.Ф. Галактионов (см.: *Адарюков В.Я.* Гравюра и литография в книге XIX в. // Книга в России. Ч. 2. XIX в. С. 376).

[45] Вплоть до конца XIX в. этот каталог оставался «настольной книгой для книготорговцев и библиографов» (см.: *Смирнов М.П.* Указ. соч. № 521, 523, 2723).

[46] Там же. № 2498.

[47] Впоследствии местоположение библиотеки менялось. Из «Третьего прибавления» к этой «Росписи» 1852 г. видно, что библиотека находится «в доме Карнович», а по «Пятому прибавлению» 1854 г. — «на Моховой против Императорского Московского университета в доме госпожи Бородиной» (Там же. № 2820).

[48] См.: *Клевенский М.М.* История библиотеки Московского публичного Румянцевского музея. 1862–1917 // История Государственной библиотеки им. Ленина. Т. 1. М., 1955. С. 20.

[49] В.И. Межов начинал свою творческую деятельность сотрудником Публичной библиотеки. Первые его библиографические указатели представляли собой слегка систематизированные регистрационные списки изданной и поступившей в библиотеку литературы и печатались в качестве приложений к журналам «Отечественные записки», «Русская беседа», «Журнал Министерства внутренних дел», в специальном библиографическом журнале «Книжный вестник» (см.: *Межов В.И.* Библиографический указатель изданных в России книг, отдельных листов, эстампов, нот, карт, планов и проч. и поступивших в Императорскую Публичную библиотеку. СПб., 1856–1857 и др.). Необходимость таких справочных библиографий появилась в 1855 г., когда одновременно удвоилось количество книжных поступлений в библиотеку (с 2098 в 1854 г. до 5584 в следующем) и Министерство народного просвещения прекратило официальную публикацию списков типографских изданий, как это практиковалось с 1837 г. (см.: *Фрадкина З.Л.* В.И. Межов (1830–1894). М., 1949. С. 5).

[50] *Межов В.И.* Pushkiniana. СПб., 1886; *Он же.* Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности. СПб., 1878–1888. Кн. 1–3. Т. 1–416; *Он же.* Сибирская библиография. Указатель книг и статей о Сибири на русском языке и одних только книг на иностранных языках за весь период книгопечатания. Т. 1–3. СПб., 1891–1892; *Он же.* Библиография Азии: Указатель книг и статей об Азии на русском языке и одних только книг на иностранных языках, касающихся отношений России к азиатским государствам. Издано на средства Ген. штаба. СПб., 1891–1894. Т. 1–2.

[51] См.: *Випер Е.Н.* Библиографический журнал «Книжный вестник» (1860–1867). Л., 1950.

[52] См.: *Ханукаева И.В.* Текущая библиографическая информация о новых книгах в народнической периодике 1870-х гг. (По материалам журнала «Знание») // Книжное дело и библиография в России второй половины XIX — начала XX в.: Сб. науч. тр. Л., 1980. С. 125–148.

[53] *Якушкин Е.И.* Обычное право: Материалы для библиографии обычного права. Вып. 1. Ярославль, 1875; Вып. 2. Ярославль, 1896; *Он же.* Обычное право русских инородцев: Материалы для библиографии обычного права // ЧОИДР. 1899. Кн. 3.

[54] Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения / Составлен учительницами частной женской воскресной школы: Х.Д. Алчевской, Е.Д. Гордеевой, А.П. Грищенко, З.И. Дашкевич, Л.И. Дашкевич, Л.Е. Ефимович, А.Д. Ивановой, М.А. Ивановой, А.М. Калмыковой, Н.П. Пенго, О.С. Рудневой и Е.И. Цветковой. СПб., 1884.

[55] См.: *Закс Б.* Несколько слов по статистике русского библиотечного дела // Библиотекарь. 1914. Вып. III.

[56] История Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963.С. 87–88, 97.

[57] Там же. С. 81.

[58] Там же. С. 129, 81.

[59] Подробнее см.: *Гришина З.В., Пушков В.П.* Источниковедческий анализ статистики чтения в Петербургской Публичной библиотеке (1863–1912 гг.) // История СССР. 1987. № 2. С. 121–135.

[60] См.: *Варб Е.* Одно из наших центральных просветительных учреждений. Очерки Румянцевского музея. М., 1898. С. 35.

[61] Там же. С. 40–41.

[62] Там же. С. 49.

[63] Там же. С. 54.

[64] Каталог актов XIV, XV, XVI и XVII веков, принесенных в дар Московскому публичному музею Павлом Александровичем Мухановым. СПб., 1865.

[65] См.: *Варб Е.* Указ. соч. С. 56.

[66] Там же. С. 56–57.

[67] Там же. С. 60.

[68] Там же. С. 39, 55.

[69] Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1867–1869 гг. М., 1871. С. 85.

[70] Там же. С. 101.

[71] Отчет... за 1873–1875 гг. М., 1877. С. 83.

[72] Отчет... за 1876–1878 гг. М., 1879. С. 115.

[73] Отчет... за 1889–1891 гг. М., 1892. С. 105.

[74] Отчет... за 1896 г. М., 1897. С. 23; Отчет... за 1897 г. М., 1898. С. 41; Отчет... за 1898 г. М., 1899. С. 24.

[75] См.: *Стефанович В.Н.* А.И. Калишевский: Очерк жизни и деятельности. 1863–1925. М., 1962. С. 15.

[76] См.: *Барсов Е.В.* Городская Чертковская библиотека // Изв. Московской городской думы. Вып. 1. М., 1878. С. 12–15; *Иваск У.Г.* Частные библиотеки в России. Ч. 2. СПб., 1912. № 1254.

[77] См.: *Барсов Е.В.* Указ. соч. С. 15. Много позднее основная часть книжного фонда Чертковской библиотеки легла в основу открытой в 1938 г. Государственной Исторической Публичной библиотеки, а коллекцию рукописей русских писателей в 1945 г. передали в Государственный литературный музей.

[78] См.: *Рубакин Н.А.* Этюды о русской публике. СПб., 1895. С. 36–37.

[79] Исторический обзор деятельности Харьковского общества распространения в народе грамотности. 1869–1909. М., 1911. С. 111.

[80] См.: *Серополько О.Н.* Народные библиотеки в России // Практическая школьная энциклопедия. М., 1912. С. 661.

[81] См.: *Вахтеров В.П.* Книжные склады в провинции // Русская мысль. 1894. № 1. С. 1, 2-й паг.

[82] См.: *Серополько О.Н.* Указ. соч. С. 662–663.

[83] Там же. С. 663; Народная энциклопедия. Т. X. М., 1912. С. 211.

[84] Саратовский край: Исторический очерк, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов, 1893. С. 351–352.

[85] См.: *Серополько О.Н.* Указ. соч. С. 664.

[86] Законы о библиотеках // Практическая и школьная энциклопедия. С. 745.

[87] См.: *Серополько О.Н.* Указ. соч. С. 663.

[88] Исторический обзор деятельности... С. 157.

[89] См.: *Серополько О.Н.* Указ. соч. С. 664, 667.

[90] Народные чтения // Народная энциклопедия. Т. X. С. 185.

[91] Там же. С. 186–190.

[92] Там же. С. 190.

[93] Каталог книг библиотеки Госсовета. СПб., 1877; и другие более поздние издания каталога этой библиотеки.

[94] Новый энциклопедический словарь. Т. 6. С. 523.

[95] Там же. С. 534.

[96] Там же. С. 533–534.

[97] Там же. С. 535.

[98] Там же. С. 536–537.

[99] Там же. С. 538–539.

[100] Там же. С. 539.

[101] См.: *Геннади Г.* Указ. соч. С. 3.

[102] См.: *Дарьер А.В.* Словарный указатель по книговедению. Л., 1924. С. 100.

[103] Военная энциклопедия. Т. 4. М., 1911. С. 536.

[104] Там же. С. 536–537, 540.

[105] Там же. С. 536.

[106] Там же. С. 573.

[107] Там же. С. 540.

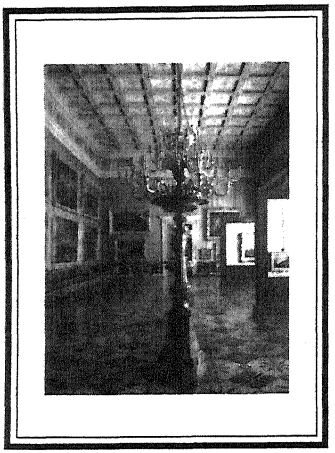
[108] Новый энциклопедический словарь. Т. 6. С. 540.

[109] Там же. С. 540–541.

[110] Там же. С. 541.

[111] См.: *Геннади Г.* Указ. соч. С. 3; *Смирнов Н.П.* Указ. соч. № 1995.

[112] Новый энциклопедический словарь. Т. 6. С. 524–525.
[113] Там же. С. 526–527.
[114] Там же. С. 527.
[115] Там же. С. 528–529
[116] Там же. С. 529–530.
[117] Там же. С. 530.
[118] См. также: *Смирнов Н.П.* Указ. соч. № 1794, 1796.
[119] См.: *Барсов Е.В.* Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке. СПб.(?), 1874.
[120] См.: *Щеглов В.В.* Собственные Его Императорского Величества библиотеки и арсеналы: Краткий исторический очерк. 1715–1915. Пг., 1917. С. 14.
[121] Там же. С. 51.
[122] Там же. С. 52, 60.
[123] Там же. С. 71.
[124] Там же. С. 72.
[125] Там же. С. 93.
[126] Там же. С. 87.
[127] Там же. С. 95.
[128] См.: *Калайдович К., Строев П.* Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке т. с., сенатора двора Е. И. В., действит. камергера, кавалера графа Федора Андреевича Толстого. М., 1825; *Строев П.* Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке... графа Ф.А. Толстого. М., 1829; Описи русских библиотек и библиографических изданий в исторической и археографической библиотеке Н. Бокачева. СПб., 1890; Библиографические материалы: Опись книг, брошюр и статей библиотеки сенатора Н.П. Смирнова. СПб., 1898.
[129] См.: *Иваск У.Г.* Частные библиотеки в России. С. 46–60.
[130] См.: *Ундольский В.* Павел Григорьевич Демидов и его славяно-русская библиотека // ЧОИДР. 1846. № 2.
[131] См.: *Егоров Б.Ф.* Петрашевцы. Л., 1988. С. 64.
[132] См.: *Равич Л.М.* Евгений Иванович Якушкин (1826–1905). М., 1989. С. 107.
[133] Очень крупные книжные собрания в провинции имели А.А. Титов в Ростове, И.А. Вахрамеев в Ярославле, П.Н. Тиханов в Брянске, Ф.М. Плюшкин в Пскове, Н.К. Михайловский в Нежине, П.Ф. Гамсон в Ржеве и др.
[134] Новый энциклопедический словарь. Т. 6. С. 481; *Смирнов Н.П.* Указ. соч. № 2237.
[135] См.: *Белов А.* Частные книгохранилища и музеи в Москве // Литературный вестник. СПб., 1901. Т. 1. Кн. 2. С. 143.
[136] Там же.
[137] Там же.
[138] См.: *Иваск У.Г.* Указ. соч. С. 46; Библиотека и Музей К.Т. Солдатенкова // Литературный вестн. 1901. Т. 2. Кн. 5.
[139] См.: *Смирнов Н.П.* Указ. соч. № 2261; *Иваск У.Г.* Указ. соч.; Книговедение: Энциклопедия. М., 1982. С. 622.



А.А. Сундиева

МУЗЕИ

Задача данного очерка — представить роль музейных учреждений в культурной жизни России XIX в. И хотя столетие — это всего лишь этап в 300-летней истории существования музеев, но именно в это время произошло формирование многочисленных коллекций и музейных собраний, возникли многие крупнейшие российские музеи, сам музей развился, прибрел многочисленные функции и возможности, стал играть значительную роль в культурных процессах, завоевал общественный авторитет.

Исторические источники и публикации по теме содержат множество разнообразных сведений по истории музейного дела России[1]. Вследствие этого актуально среди многочисленных идей и мнений проследить важнейшие тенденции, раскрыть основные процессы, выявить определенные закономерности. Задача введения в научный оборот новых исторических источников специально нами не ставилась. Обращение к первоисточникам происходило лишь тогда, когда какие-либо свидетельства вызывали сомнения и требовали перепроверки. Из колоссального фонда фактов, в соответствии с поставленной задачей, был произведен тща-

тельный отбор имен, событий и идей и крупным планом представлены наиболее яркие из них. Особое внимание уделялось появлению нового музея или новой группы музейных учреждений (как отзыв на потребности страны и времени), а также распространению музеев на территории России.

Археологи и этнографы давно обратили внимание на факт почтительного отношения человека к реликвиям, свойственного ему на всех этапах его развития начиная с глубокой древности[2]. Однако собственно музеи стали появляться в Западной Европе лишь в эпоху Нового времени (не ранее XV в.), ознаменовавшуюся развитием историзма в мышлении, его частичной секуляризацией, а также формированием нового, заинтересованного отношения общества к своему прошлому. Музей оказался той культурной формой[3], которая была необходима для собирания, интерпретации и хранения культурного опыта.

В России этот мировоззренческий этап пришелся на конец XVII в. Первым российским музеем стала основанная Петром I в 1714 г. Петербургская кунсткамера. Она представляла собой заимствованную форму очень распространенного в то время в Западной Европе музейного учреждения. Как писал В.Ф. Левинсон-Лессинг, Петровская кунсткамера повторила «характерные особенности княжеских и королевских кунсткамер XVII в. вплоть до отдельных мелких, но характерных черт — включение в состав собрания искусных произведений токарной работы», а также «черты тех ученых музеев, которые были зеркалом энциклопедических научных систем XVII века»[4]. Несколько десятилетий Кунсткамера оставалась единственным музеем в России, и требовалось время, чтобы нововведение адаптировалось, стало «своим», т. е. привычным, элементом жизни русского общества.

Параллельно с процессом адаптации новой музейной формы на протяжении всего XVIII столетия в России существовали и развивались формы, предшествовавшие появлению музеев. Многие виды человеческой деятельности предусматривают наличие хранилищ для материальных результатов труда или предметов, необходимых для его осуществления. Так, в научных учреждениях и учебных заведениях формируются коллекции и библиотеки, необходимые для разного рода исследований; в ризницах церквей и монастырей веками хранятся сакральные ценности, «диковинные» предметы, приносимые паломниками, а также дары, являвшиеся порой произведениями искусства; на военных и промышленных складах — готовая продукция, оружие и т. д. Процесс формирования некоторых таких хранилищ начался довольно рано, и с XIV в. его развитие в России уже можно проследить по исто-

рическим памятникам (Оружейная палата). Складывание этих ранних коллекций происходит стихийно. Но с течением времени, иногда меняя свое прямое предназначение (как, например, арсеналы), эти хранилища могли превращаться в протомузейные учреждения, т. е. учреждения, приобретавшие музейные функции: организация хранения, систематизация, учет, реставрация, изучение, демонстрация своих собраний. Условием превращения каждого того или иного хранилища или коллекции в собственно музей являлось осознание ценности сформировавшихся в них собраний и целесообразности их дальнейшего сохранения и использования.

К концу XVIII в. в России действовало уже несколько музейных учреждений: Петровская кунсткамера; Музей Императорской Академии художеств (1758), в которой впервые начали готовить профессиональные кадры для деятельности в области российского искусства; Императорский Эрмитаж (1764); Горный музей в Петербурге (1773); недолго существовавший Иркутский музеум (1782). К протомузейным учреждениям этого времени можно отнести также Цейхгауз Петропавловской крепости (1703); основанное в 1709 г. при Адмиралтействе хранилище моделей кораблей (Модель-камера); «Достопамятный зал» Петербургского арсенала (1756), где собирались предметы вооружения русской армии, ее знамена, ордена и медали; формировавшуюся с 1770 г. Модель-камеру Вольного экономического общества, с ее собранием сельскохозяйственных машин, моделей и механизмов; Палату редкого и образцового оружия при Тульском оружейном заводе (1775) и др. В это же время складывался ряд крупных частных коллекций, принадлежащих Я.В. Брюсу (в подмосковном имении Глинки), Д.М. Голицыну (в усадьбе Архангельское под Москвой), А.С. Строганову (в Петербурге), П.Б. Шереметеву (в усадьбе Кусково под Москвой и в Петербурге), И.И. Шувалову (в Петербурге) и др. Владельцы многих частных собраний (кн. Е.Р. Дашкова, кн. Н.Б. Юсупов, гр. А.К. Разумовский, гр. А.С. Строганов) охотно демонстрировали их интересующимся. Богатства, накопленные в частных собраниях XVIII в., в следующем столетии пополнят Эрмитаж и другие музеи, станут основой новых коллекций и частично сохранятся до наших дней.

Успехи обозначенного периода очевидны: в течение XVIII в. Россией был проделан путь, пройденный европейскими музеями за три с лишним столетия. Однако дифференциация культурной жизни в этот период была еще так незначительна, что музейное дело трудно выделить из общекультурных и даже политических процессов. Инициатива в организации музеев принадлежала представителям верховной власти. И хотя Петр I и Екатерина II были

энергичными и увлеченными коллекционерами, имевшими личные пристрастия, их музейная деятельность полностью подчинялась общим задачам политики в области культуры и просвещения. Первые немногочисленные музеи стали всего лишь «точками роста», одним из проявлений формирующейся культуры Нового времени. Отметим важный штрих: при Екатерине II, в 1788 г, три сотрудника Академии наук впервые были отмечены золотыми медалями за работу в музее: академик П.-С. Паллас, руководивший Кабинетом натуралиев Кунсткамеры, академик К. Г. Лаксман, награжденный «за музейную работу», и библиотекарь И.Г. Бакмейстер, составивший описание библиотеки[5].

* *
*

В XVIII в. музеев в России было еще так мало, что можно пересказать историю каждого. В XIX в. число музеев растет, и становится целесообразным говорить не столько о конкретном учреждении, сколько о тенденциях и процессах, которые привели к возникновению музейного мира как особой сферы культурной жизни.

На начало XIX в. приходится новый этап музейной истории России, для которого протомузейные формы уже не характерны. Общество начинает связывать решение определенных проблем именно с музеями. Музейная форма апробируется для решения различных культурных, научных, просветительских, воспитательных целей и постепенно завоевывает авторитет в общественном сознании. В первые годы нового столетия целая группа протомузейных учреждений почти одновременно преобразовалась в музеи. Так, в натуральных кабинетах и Модель-камере Вольного экономического общества, старейшего научного общества России, с 1770 г. стихийно накапливались модели машин и орудий сельскохозяйственного труда, минералогические, ботанические, зоологические, почвенные и прочие коллекции. Применялись они членами общества исключительно в научных целях. В 1803 г. кабинеты и коллекции общества были открыты для публики (раз в неделю) и стали именоваться музеем. С начала 1820-х гг. собрания музея стали формироваться более целенаправленно и использоваться для пропаганды усовершенствований сельскохозяйственных орудий и машин и распространения знаний.

Аналогичные процессы характерны для деятельности и других научных обществ, на базе коллекций которых возникали научные музеи[6]. Характерной чертой музеев, созданных при научных обществах, была четкая профилизация собраний, соответствие ха-

рактера этих собраний специализации тех или иных обществ, ограничение их рамками одной или немногих смежных профильных дисциплин. Развитие профильных дисциплин положительно сказывалось на совершенствовании принципов отбора для коллекции предметов музейного значения, их классификации и систематизации, на изучении и научной интерпретации собраний.

На рубеже XVIII–XIX вв. в учебных заведениях формируются необходимые для учебного процесса и исследовательских работ естественнонаучные коллекции, мюнц-кабинеты, кабинеты редкостей, собрание представляющих историческую ценность приборов и моделей механизмов. Устав Московского университета, принятый 5 ноября 1804 г. и послуживший образцом для утвержденных в тот же день уставов Харьковского и Казанского университетов, предусматривал в структуре университетов наличие ботанического сада, кабинета естественной истории, других кабинетов и лабораторий[7].

Многие университетские кабинеты образовались на базе частных коллекций, сложившихся еще в XVIII в., и по своему научному уровню отвечали мировым стандартам. «Минералогический кабинет» Демидовых был подарен Московскому университету в 1755 г.[8] Естественнонаучные коллекции П.Г. Демидова, собранные под руководством К. Линнея, являлись крупнейшими для второй половины XVIII в. На базе этих и других купленных или подаренных коллекций в 1791 г. был создан Музей натуральной истории. Его открытие стало крупным событием в научной жизни Москвы и важным условием для развития научной работы в университете. К сожалению, этот музей практически целиком погиб в 1812 г. Однако его удалось восстановить уже в первом послевоенном учебном году, в 1814-м, благодаря новым крупным дарениям Н.Н. Демидова, помощи научных обществ других университетов, преподавателей и бывших воспитанников Московского университета, путешественников и т. д. Действовавшее при университете Общество испытателей природы также передало музею свои коллекции[9].

При Казанском университете в 1804 г. сложился Кабинет естественной истории и минералов на базе поступившего в Казань частного собрания кн. Г.А. Потемкина-Таврического. В числе старейших университетских музеев — Зоологический музей Дерптского (Тартуского) университета (1822). А собрание слепков античной скульптуры и других памятников, используемых на занятиях по рисованию, филологии, истории искусств, начало формироваться в этом университете с 1803 г. В зоологических музеях материалы, организованные по систематическим принципам, иллюстрировали естественные системы животных, а музеи классичес-

кой древности были призваны служить художественному образованию и нравственно-эстетическому воспитанию студентов на лучших образцах мирового искусства. Стремление к наглядности в преподавании, к использованию опыта и эксперимента способствовало усилению роли университетских кабинетов и музеев в учебном процессе.

Развитие музеев и осознание их просветительских возможностей приводит в первой трети XIX в. к формированию целой сети естественнонаучных и исторических музеев при высших учебных заведениях и научных обществах. Схожие процессы перерастания протомузейных форм в музейные характерны не только для научной сферы, но и для коллекций, формировавшихся в учреждениях Дворцового или Военного ведомств.

Еще в 1709 г. при Адмиралтействе в Петербурге была основана Модель-камера, в которой сохранялись модели всех строящихся кораблей морского флота России. В 1805 г. по ходатайству адмирала П.В. Чичагова она была преобразована в Морской музей и открыта для публики. Его собрание включало уникальную коллекцию моделей русских кораблей, модельную мастерскую, библиотеку и кабинет редкостей, куда направлялись предметы «натуральной истории» и этнографии, привозимые из морских путешествий. В 1825 г. заведовать музеем был назначен морской офицер, будущий декабрист Н.А. Бестужев. К этому времени музей представлял собой своего рода кладовую, куда в беспорядке складывались все уникальные коллекции и ценные экспонаты. За несколько месяцев до ареста Бестужеву удалось систематизировать все коллекции, разобрать архив, составить указатель музейного собрания и отреставрировать часть моделей[10]. Но в 1827 г. музей был закрыт по распоряжению Николая I, который «наказал» его, как когда-то на Руси наказывали колокола, призывавшие к бунту. До 1860-х гг. музей просуществовал в виде закрытого хранилища моделей и вновь был открыт только в 1867 г. Приведенный пример типичен для первой половины XIX в. Для практического и научного использования коллекций, их дальнейшего сохранения и развития музей оказался оптимальной формой, но все еще как бы «неукоренившейся», к тому же зависимой от многих обстоятельств, в том числе и от позиции властей.

В начале нового XIX в. наступают важные качественные изменения в деятельности первого российского музея — Петровской кунсткамеры. За сто лет существования этого музея значительно вырос объем и расширился состав его собрания. Не только приобретенные еще Петром I анатомические и ряд естественнонаучных коллекций, но и другие разделы музея, лишь обозначив-

шиеся в XVIII в., к началу нового столетия уже имели серьезное научное значение. Среди них коллекции этнографических материалов и исторических памятников. Каждая группа материалов требовала своих методик хранения, исследования и экспонирования. Возникла настоятельная потребность в вычленении из единого музейного комплекса Кунсткамеры самостоятельных научных учреждений. Этот процесс, начало которому было положено созданием в 1818 г. (пока в составе Кунсткамеры) «восточного кабинета», полностью соответствовал наблюдавшемуся в то время процессу дифференциации научного знания, который благоприятно повлиял на развитие музеев и в России прошел почти на полвека раньше, чем в Европе. Академики, обращая внимание правительства на состояние Кунсткамеры, целенаправленно старались поднять уровень академических музеев, «чтобы они смогли соперничать с самыми знаменитыми заграничными музеями»[11]. Устав Академии наук 1836 г. административно закрепил все специальные музеи, возникшие на базе отделов Кунсткамеры: Зоологический, Ботанический, Минералогический, Этнографический, Азиатский, Египетский, а также Нумизматический кабинет. В XX в. они послужат основой для создания крупнейших научно-исследовательских институтов[12]. Музеи подчинялись Академии наук и были доступны для посещения прежде всего специалистам, более широкие просветительские задачи перед ними еще не стояли. В музеях работало 27 человек, в том числе 7 научных сотрудников[13]. Более ста лет в Кунсткамере не только собирались и изучались многочисленные коллекции, служившие основой научных знаний, но и поддерживался интерес к древностям и их сохранению, а также к собственно музею как научному учреждению. Деятельность Кунсткамеры немало способствовала росту авторитета музейных учреждений в России.

Со смертью Екатерины II в 1796 г. закончился первый период истории Эрмитажа, когда он являлся личной коллекцией императрицы, хотя и создавался из соображений государственного порядка. Именно на этом этапе определился характер собрания будущего музея. Картинная галерея, созданная Екатериной II, приобрела такое значение и достигла таких масштабов, что неизбежно должна была получить форму самостоятельного учреждения, пусть даже дворцового ведомства[14]. Начиная с 1770-х гг. в каждой иностранной книге, посвященной описанию путешествия в Россию, появляются сведения об Эрмитаже и в каждом путеводителе по Санкт-Петербургу помещаются его описания с указанием на возможность осмотра. Эрмитаж занял одно из первых мест в ряду достопримечательностей столицы, а помещение све-

дений о нем в книге, изданной на русском языке, отвечало назревшей общественной потребности[15]. В путеводителе И. Георги «Описание столичного города Санкт-Петербурга» сообщалось, что картинная галерея Эрмитажа «есть ныне одна из преимущественнейших галерей в Европе, как в рассуждении наиизящнейших работ славнейших мастеров всех школ и отменно прекрасных редких и драгоценных картин, так и в рассуждении многочисленности оных»[16]. В отсутствие двора картины можно было осмотреть в сопровождении камердинеров. По описи, составленной в 1797 г., общее число картин в Эрмитаже составляло 3996, гравюр — свыше 79 тыс., рисунков — 7 тыс., резных камней — 10 тыс.[17] А начиналось все с приобретения Екатериной II в 1764 г. коллекции И.Э. Гоцковского, насчитывавшей 225 картин.

В.Ф. Левинсон-Лессинг указывает на существование в начале XIX в. проекта передачи Эрмитажа в ведение учреждаемого Министерства народного просвещения[18]. Согласно этому проекту, все собрания редкостей, натуральные кабинеты и музеи, которые в это время еще не имели самостоятельности, а, как правило, являлись лишь структурными элементами различных учреждений или ведомств, относились к компетенции нового ведомства вместе с Академией наук, университетом и другими учреждениями. И хотя такой проект не прошел, примечателен сам факт рассмотрения Эрмитажа в одном ряду с серьезными и авторитетными учреждениями, «служащими для распространения наук». Эрмитаж и Оружейная палата остались в дворцовом ведомстве, но по каждому музею было издано специальное Положение.

Положением об Эрмитаже 1805 г. была утверждена его структура, которая сохранилась до 1853 г. Коллекции распределялись между пятью отделениями: 1) библиотека, резные камни, медали; 2) картины, бронза, изделия из мрамора; 3) эстампы; 4) рисунки; 5) экспонаты по натуральной истории (этот кабинет позднее был передан в Горный музей). Во главе отделений стояли ученые хранители. Опыт этой реорганизации вызвал интерес в Европе.

XIX век стал переломным моментом и в судьбе сокровищ Оружейной палаты. Начальник Кремлевской экспедиции П.С. Валуев, докладывая в 1805 г. Александру I о состоянии дел в Кремле, предлагает превратить Оружейную палату в национальный музей. Подобные идеи высказывались и ранее, в частности в середине XVIII в. первым директором Московского университета А.М. Аргамаковым[19]. В 1806 г. специальным указом документально закрепляется превращение Оружейной палаты в дворцовый музей, доступный для посещения[20]. В 1810 г. для него было построено специальное здание по проекту архитектора И.В. Еготова, а в

1807 г. вышел первый том книги А.Ф. Малиновского «Историческое описание древнего российского музея...»[21], явившей российские древности «перед целым светом». В книге давалась краткая историческая справка о сокровищнице великих князей и русских царей, включая Петра I. Основное место в ней занимали описание и история уникальных вещей Оружейной палаты[22].

Первая экспозиция музея открылась в 1814 г., после возвращения коллекций из Нижнего Новгорода и реставрации здания, пострадавшего во время войны 1812 г. В новом помещении было семь просторных выставочных залов, в которых демонстрировались государственные регалии, коронационная одежда, личные вещи царей, оружие и посольские дары, драгоценная посуда работы московских мастеров, сокровища Конюшенной казны, старинные экипажи. Эта экспозиция создавалась не как художественная, а как историческая, призванная наглядно демонстрировать прежде всего свидетельства могущества и силы дома Романовых, воспитывать верноподданнические взгляды и убеждения в непоколебимости царской власти, а также удовлетворять возросший в России интерес к отечественной истории.

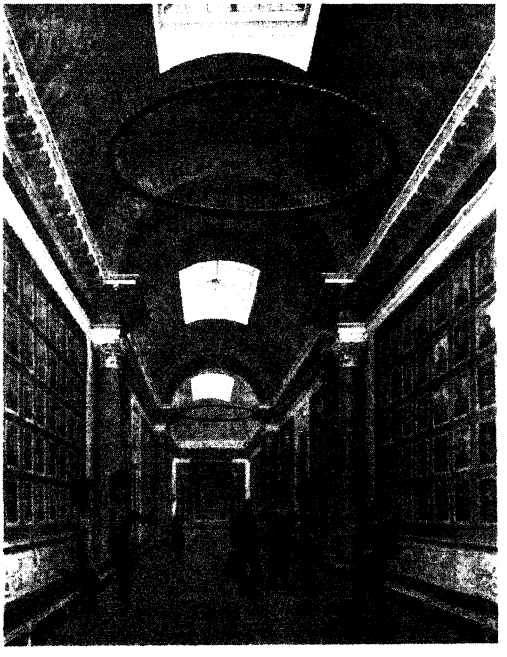
Однако влияние на современников и реальное значение веками собираемых произведений русского и зарубежного художественного ремесла оказалось много шире. Издатель «Русского вестника» С. Н. Глинка, приветствуя решение о строительстве нового здания для музея, делал акцент не на идеологии, а на этическом и культурном значении его коллекций: «...не только древние римляне хранили в священных сосудах драгоценный прах отцов, но даже и в диких странах благоговеют к памятникам праотеческим, которые, сближая прошедшее с настоящим и перенося мысль в будущее, усугубляют душевное наше бытие»[23]. Эти слова, сказанные почти двести лет назад, звучат вполне современно и свидетельствуют о понимании автором особой роли музеев в жизни общества.

Реорганизация музеев дворцового ведомства, и особенно проекты открытия их для публики, связаны с общим характером преобразовательной деятельности первых лет царствования Александра I[24] и утверждавшейся в Европе идеей общественного значения музея.

В России в конце XVIII в. можно было осмотреть Эрмитаж в отсутствие императора, раз в неделю становились доступными для посетителей коллекции Вольного экономического общества, раз в год открывалось для публики собрание Академии художеств[25]. В начале XIX в. допуск публики в Эрмитаж производился ежедневно по билетам, выдававшимся хранителем. До 1831 г. от посетителей требовалась лишь опрятная одежда, затем в течение

тридцати лет частная публика допускалась только во фраках и мундирах. Общее число посетителей было невелико, около 3–4 тыс. в год, что примерно соответствовало уровню посещения и других крупнейших европейских музеев: интерес к художественным памятникам прошлого ограничивался в 20–30-е гг. все еще очень узкими общественными кругами[26]. Наиболее постоянными посетителями музея стали художники. Эрмитаж был тесно связан с Академией художеств, а копирование картин входило в обязательную академическую подготовку. В 1852 г., после возведения нового здания с отдельным входом, Эрмитаж был превращен в публичный музей с бесплатным посещением.

Аналогичную эволюцию претерпевает и Оружейная палата. В XVIII в. она открывалась для посетителей «по случаю», порой не чаще одного-двух раз в год[27]. Указ 1806 г. узаконил частные посещения и частные пожертвования в музей. В 1826 г. издается «Указатель главнейших достопамятностей, сохраняемых в Мастерской и Оружейной палате», составленный П. Свиньиным. Путеводитель был карманным по форме и популярным по содержанию и предназначался не только специалистам и знатокам, но и обычному посетителю. С 1831 г., когда Оружейная палата получила



В военной галерее Зимнего дворца

статус самостоятельного учреждения во главе с директором, стало возможным при предъявлении удостоверения личности получить билет в музей на определенный сеанс. Здание не отапливалось, поэтому такие сеансы организовывались только летом. С 1852 г. экспозиция Оружейной палаты, разместившаяся в новом, специально выстроенном здании, круглогодично принимала посетителей три раза в неделю по бесплатным билетам, подписанным директором музея.

Многие идеи, определившие развитие музейного дела в России в XIX столетии, родились в революционной Франции. В 1793 г. двери Лувра были открыты и народ получил возможность увидеть шедевры. Тогда же широкую известность приобрел призыв художника Луи Давида, возглавившего Комитет музея, «раскрыть все богатства искусства перед животворным оком народа»[28]. В первые десятилетия XIX в. во многих европейских государствах, «освобождавшихся от тиранов», стали создаваться публичные музейные собрания на основе принадлежащих ранее царям и аристократии коллекций и предметов церковного происхождения. Процесс этот был необратим и потому признан властями де-факто. Создание публичных музеев стало одним из наиболее характерных явлений культуры XIX в.[29] А в странах, боровшихся за национальную независимость (например, в Польше), было осознано значение музеев как факторов становления национального самосознания и сформировалось убеждение, что от сохранения древностей и трофеев, от изучения прошлого во многом зависит будущее народов[30].

Все эти идеи оказали сильное влияние на Россию, для которой XIX век также стал временем становления национальных культурных форм, в том числе и в музейной сфере. Чувство национальной гордости, вызванное победоносным завершением Отечественной войны 1812 г., привело к осознанию общности с прошлым, пробудило широкий интерес к отечественной истории и памятникам древности[31], который постепенно стал неотъемлемой чертой русской культуры. К этому времени общество уже имело адаптированный к национальным условиям институт социальной памяти — музей. Как мы уже говорили, в XIX в. стали возникать не только отдельные музеи, но целые их группы, и прежде всего группы исторических музеев, а также появились многочисленные новаторские проекты.

Авторы двух таких проектов — Ф.П. Аделунг и Б.-Г. Вихман, служившие у Н.П. Румянцева в качестве библиотекарей. Видный государственный деятель, высокообразованный ученый и дипломат гр. Н.П. Румянцев объединил вокруг себя энтузиастов-исследователей, которым суждено было многое сделать для развития



Павел Петрович Свиньин

исторической науки, сбора, сохранения и издания памятников русской и славянской письменности. Многие члены кружка, в который входило более 50 человек, имели прямое или косвенное отношение к первым российским музеям. Финансирование деятельности кружка Румянцевым создало возможность коллективного решения проблем, связанных с научными изысканиями в области изучения памятников истории России. Члены кружка тесно сотрудничали с Н.М. Карамзиным во время его работы над «Историей государства Российского», и это сотрудничество вызывало, видимо, взаимный интерес. Благодаря коллективной деятельности составлялись коллекции гр. Румянцева и зародилась идея национального музея.

Проект, принадлежавший Ф.П. Аделунгу, был опубликован в журнале «Сын отечества». Призывая соотечественников оказать помощь в создании музея и приумножении его коллекций и определяя смысл понятия «национальный музей», Аделунг писал: «Сочинитель сей статьи разумеет под названием Национального Музея столь возможно полное собрание всех предметов, относящихся к Истории, состоянию и произведениям какой-либо земли и ее жителей»[32]. Предполагалось показать историю России с древнейших времен и этнографию населявших ее народов, природные

богатства страны, экономику, художественную культуру. Библиотека русских книг и собрание рукописей должны были входить составной частью в проектируемое учреждение. Два раза в неделю музей должен был открываться для публики, которую сопровождали бы, давая пояснения, смотрители отделов. Историк музейного дела Г.Л. Малицкий, исследовавший вопрос о зарождении национально-исторических музеев, отмечал, что столь широкой музейной программы не было в первой половине XIX в. не только в России, но и в Европе[33].

Проект Русского национального музея, составленный Б.-Г. Вихманом и опубликованный в том же журнале за 1821 г., также предусматривал создание учреждения самого широкого профиля. «Почему, спросит россиянин, недостает у нас поныне народного памятника, которым Государство и народ столь величественно могли бы увековечить свое бытие и воскресать в потомстве?»[34] Апеллируя к Александру I, он предлагал назвать музей «Александровским Отечественным музеем» (Alexandrinum).

В 1829 г. свой проект создания в Петербурге Отечественного музея предложил журналист и коллекционер П.П. Свиньин[35]. С 1816 г. он собирал «русский музеум», включавший картины, скульптуры, монеты, минералы, рукописи, книги, и с 1826 г. стал допускать публику осматривать свои коллекции. Но масштабный проект Отечественного музея, во многом повторявший предыдущие, был оставлен без внимания Николаем I после отрицательного заключения Академии наук, посчитавшей его трудноисполнимым. Со временем, в 1834 г., коллекции были проданы с аукциона.

Названные проекты, действительно, не могли быть осуществлены в то время, по крайней мере в рамках одного учреждения, которое являлось бы одновременно музеем, государственным историческим архивом, национальной библиотекой, выставкой достижения промышленности и т. д. Все это потребовало бы четкой координации в деятельности множества лиц, служб, ведомств и огромных финансовых затрат. Но для нас они интересны прежде всего как свидетельства осознания отдельными представителями культурной элиты необходимости сохранения реликвий отечественной истории и культуры и возможности использования этих богатств для просвещения народа. Обществу была предложена широкомасштабная программа изучения России. В проекте Б.-Г. Вихмана содержались также довольно подробные и квалифицированные рекомендации методов хранения, изучения, пополнения коллекций. Г.Л. Малицкий считал проекты начала века известным шагом в развитии музейной мысли[36].

На особое значение этих проектов указывал исследователь Г.И. Вздорнов, писавший, что «национальное самосознание рано

или поздно приводит к необходимости создания таких научных и общественных учреждений, которые бы утверждали значение данного народа в истории мировой культуры»[37]. Видимо, эта же тенденция привела к возникновению в первой половине XIX в. музеев не только в центре России, но и в ряде национальных районов страны. В 1812 г. литовский поэт и просветитель Д. Пошка собрал этнографический музей в Биотае. С 1834 г. формируется музей при рижском Обществе истории и древностей прибалтийских провинций (основа будущего городского музея в Риге в Домском соборе). Музей древностей при Киевском университете возник в 1835 г. Провинциальный музей Эстляндского литературного общества в Ревеле существует с 1842 г. Музеум древностей в Вильно был основан Археологической комиссией в 1855 г. Его ядром стал «кабинет редкостей», собранный крупным белорусским археологом и краеведом Е.П. Тышкевичем[38].

Хотя музеи создавались при научных обществах, не имевших политических целей, их ориентированность на древнюю национальную историю вызывала настороженность российских властей. Так, резолюция Николая I на проекте Виленского музеума древностей «Не вижу препятствий, но с должной разборчивостью» затормозила его создание на несколько лет[39]. После подавления восстания 1863 г. в Польше этот наиболее крупный и посещаемый музей Северо-Западного края был представлен как цитадель польского сепаратизма, его вынуждены были покинуть многие талантливые сотрудники, а часть экспонатов была передана в Румянцевский музей[40].

Румянцевский музей возник в 1831 г. после смерти гр. Н.П. Румянцева на основе коллекций, собранных членами его кружка и принятых в дар Николаем I. При его организации частично реализовались идеи Ф.П. Аделунга и Б.-Г. Вихмана. Это был один из первых публичных музеев (т. е. открытых для публики — раз в неделю — и специалистов), находившийся в ведении Министерства просвещения. Его собрание включало коллекцию редкостей, минералогический кабинет, мюнц-кабинет и библиотеку печатных книг и рукописей. Самой ценной являлась коллекция рукописей, относящихся ко всем периодам русской исторической жизни, — коллекция, собираемая долгие годы, «со страстью знатока и глубоким знанием искреннего ученого». Она была широко известна и востребована специалистами. Так, классические сочинения академика А.Х. Востокова, заложившего основы сравнительного славянского языкознания в России, опирались почти исключительно на собрание рукописей Румянцевского музея[41].

Но идеи и инициатива научной элиты, создавшей музей, в какой-то степени опередили свое время. Люди, бережно сохраняв-

шие собрание Н.П. Румянцева, не обладали его целеустремленностью, энергией и средствами, так необходимыми для жизни и развития любого музея. Государство также не оценило в должной мере огромный культурный потенциал коллекций. К счастью, музейная форма, более стабильная и устойчивая по сравнению с частной коллекцией, позволила сохраниться этому культурному комплексу и в дальнейшем послужила основой для одного из самых крупных и значимых музеев страны.

Процесс возникновения первых музеев тесно переплетался с зарождавшейся традицией мемориализации исторических объектов. Первые опыты в этой области относятся к XVIII в. и связаны с именем Петра I. Его личные вещи, регалии, оружие, инструменты и коллекции явились основой для создания «Императорского кабинета», вошедшего в 1729 в Петербургскую кунсткамеру. В 1723 г. по его же указу воздвигли защитную галерею с крышей для старейшей постройки Петербурга — Домика Петра I, сооруженного в 1703 г. В дальнейшем, на протяжении всего XVIII в., этот опыт не имел продолжения. Однако в начале XIX в. на фоне всеобщего интереса к отечественной истории возникает целый ряд мемориальных музеев и памятников. Так, в этот период Владимирский губернатор, поэт и историк И.М. Долгорукий на средства, собранные жителями Переславского уезда, построил каменное здание Петровского музея, увековечив место, где создавалась «потешная» флотилия. Музей торжественно открылся 1 августа 1803 г. В нем хранился редчайший экспонат — бот «Фортуна» (1692) из «потешной» флотилии Петра I. Предпринималась попытка создания Петровского музея в Воронеже. Проект такого музея и памятника утвердили в 1834 г., под музей было приобретено здание Цейхгауза, начался сбор материалов, но работы, продолжавшиеся до 1843 г., так и не были завершены[42]. Осуществить мечту воронежцам удалось лишь в 1894 г., когда в губернии произошли серьезные изменения в культурной и общественной жизни. К началу XIX в. относится также создание мемориального музея «Кутузовская изба» в Филях под Москвой, где 1 сентября 1812 г., накануне Бородинского сражения, проходил военный совет. Долгие годы этот дом сохранялся в неприкосновенности усилиями местных крестьян и инвалидов Отечественной войны. В 1825 г. в Таганроге был создан мемориальный музей Александра I, скоропостижно скончавшегося во время поездки по стране[43].

Одновременно с мемориальными музеями в России появлялись монументальные памятники, увековечивавшие исторические события и исторических деятелей. В 1809 г., к 100-летию Полтавского сражения, на месте, где оно происходило, был воздвиг-

нут памятник Славы, в ансамбле которого использовались некоторые реликвии Полтавской битвы. В 1818 г. в Москве на Красной площади открылся памятник К. Минину и Д. Пожарскому. Сооружение этого первого в Москве монумента — знаковое событие: недавнее освобождение города от французов вызывало ассоциации с событиями начала XVII в. и способствовало изменению взгляда на допетровскую историю русского государства.

Наряду с созданием новых памятников постепенно менялось отношение и к историческим и культурным объектам. Если до XVIII в. главную роль в их сохранении играли монастыри и церкви, то по мере роста музеев именно последние превращались в основные хранилища исторических памятников. Качественные изменения в отношении к древностям произошли еще с основания Кунсткамеры в 1710–1720 гг., когда начались их планомерные розыски для нового музея и зародилась научная археология[44].

Следующий скачок пришелся на начало XIX в., на период так называемого «археологического бума». В это время были найдены археологические предметы, до сих пор украшающие крупнейшие музеи страны[45]. Научные достижения в области археологии были связаны (в некоторой степени и взаимообусловлены) изменением эстетических приоритетов в обществе, усилением внимания к «художественной» стороне жизни. Рационализм XVIII в. с его «регистрационным подходом» к памятникам, при котором находки фиксировались и бесстрастно описывались, сменился более одухотворенным сентиментально-романтическим восприятием старины и русской истории. Изучение прошлого стало тесно переплетаться с изучением эстетики, истории, искусства. Интерес к античной культуре в русском обществе той поры был необычайно велик, и археологические памятники давали представление о фоне, на котором развивались ваяние и зодчество, поэзия и драма античной эпохи[46].

Изыскания в Причерноморье имели одно существенное отличие от всех, проводившихся ранее: исследователи начали широкое изучение археологических памятников, переходившее в систематические исследования. Раскопки дали огромное количество уникальных памятников и породили проблему их охраны. В XVIII в. ценные находки пересылались в Кунсткамеру, позднее в Эрмитаж. Масштабы новых открытий потребовали создания музеев в районе раскопок — в городах Причерноморья. Но возможности и потенциал музея в деле охраны памятников культуры раскрывались и постигались не сразу.

С 1806 г. существовало собрание древностей Черноморского гидрографического депо в г. Николаеве, где сохранялись находки из греческих городов-государств Пантикапея и Херсонеса. В

1811 г. был основан Феодосийский музей древностей, расположившийся в здании мечети. Инициатива в его основании принадлежала градоначальнику С. М. Броневскому[47]. В 1818 г. Александр I посетил Керчь, где в то время проводились раскопки, и благосклонно отнесся к идее организации музеев на Юге России. В 1823 г. керченский градоначальник И.А. Стемпковский, образованный и увлеченный человек, открывший знаменитый курган Куль-оба, подал новороссийскому генерал-губернатору М.С. Воронцову записку «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае», в которой обосновывал необходимость сохранения древностей, создания музеев и организации Общества любителей древностей. Воронцов поддержал эту программу, ходатайствовал перед императором о содействии в ее реализации и получил благосклонный ответ Александра I[48]. В 1825 г. был открыт музей в Одессе, в 1826 г. — создан Керченский музей древностей. В 1839 г. при Одесском обществе истории и древностей возник крупнейший археологический музей, в который позднее влились коллекции Николаевского депо и Одесского городского музея. Одесское общество истории и древностей возглавило раскопки на Юге России и работу по охране античных памятников. Обществу принадлежит также инициатива сохранения памятников мирового значения в Херсонесе, Пицунде, Судаке, Алуште, Аккермане, Феодосии, сохранение керченских курганов, а также первые (сер. XIX в.) попытки музейного показа памятников древности, ставшие прообразами широко распространенных ныне музеев-заповедников.

Таким образом, в течение короткого периода возникло пять археологических музеев в одном регионе, чего никогда ранее не бывало, причем основы коллекций закладывались крупнейшими специалистами, участвовавшими в изучении исторических памятников Причерноморья. Нельзя не отметить также, что в области изучения античности Россия ни в чем не уступала Европе. Российские исследователи были знакомы с достижениями классической археологии, зародившейся на Западе в конце XVIII в., работы И.А. Стемпковского и И.П. Бларамберга публиковались за рубежом, а у широкой публики возникла своеобразная мода на археологию, подпитываемая сообщениями об уникальных находках и научными публикациями в отечественных журналах.

Археологический бум вывел музеи за пределы столиц. Со второй четверти XIX в. они активно возникают и в других городах России. Кроме того, музейные формы все чаще стали использоваться в новых сферах общественной деятельности. К 1810–1820-м гг. относятся первые шаги в создании в России промышленных му-

зеев, оказавшихся необходимыми для развивающейся отечественной промышленности, заинтересованной в совершенствовании техники и подготовке специалистов. Так, при Департаменте мануфактур и внешней торговли Министерства финансов в 1811 г. в Петербурге был создан Мануфактурный музеум. Он не имел статуса общедоступного музея и существовал просто как хранилище машин и их моделей, образцов промышленных изделий для ознакомления владельцев предприятий с техническими новшествами. В Москве в 1820-е гг. в связи с попыткой создания Общества поощрения мануфактурной промышленности академиком И.Х. Гамелем был составлен Проект организации национального промышленного музея (подобно парижской Консерватории национальных искусств и ремесел — первого в мире промышленного музея, возникшего в 1793 г.). Этот проект не был реализован, но в Петербурге появился Мануфактурный совет, открылись Технологический институт и в 1829 г. — «1-я публичная выставка мануфактурных изделий». С этого времени промышленные выставки проводились регулярно, поочередно в Москве и Петербурге. Изделия, удостоенные на выставках наград, поступали в Мануфактурный музеум. С 1836 г. промышленные выставки проходили и в губернских городах, формируя основу будущих местных музеев. Этой же цели служили губернские выставки «произведений и изделий края», которые обычно организовывались в связи с обязательными поездками в провинцию императора и наследников престола. (Именно в результате работы такой выставки сложилось ядро будущего Вятского музея.)

Отечественные промышленные музеи отличались от парижского прототипа более прикладным характером деятельности, ориентацией на нужды развивающейся промышленности и повышением уровня культуры материального производства. Так, в Барнауле в 1823 г. к 100-летнему юбилею горной промышленности на Алтае возник музей, основной идеей которого был показ достижений отечественных механиков, работавших на местных заводах. В музее экспонировались минералогические, фаунистические, этнографические и археологические коллекции, но главными в экспозиции были модели рудников, заводов и машин, орудия труда и готовая продукция. Модели паровой машины И.И. Ползунова и механизмов изобретателя К.Д. Фролова сопровождались текстовыми пояснениями, когда и кем какая машина устроена, кем сделана модель. После отъезда организатора музея, доктора Ф.В. Геблера, коллекции рассеялись по многим учреждениям.

К 1840 г. относится первое упоминание о Нижнетагильском музее, открытом в 1841 г. по инициативе заводчиков Демидовых

в качестве «музеума естественной истории и древностей». Как свидетельствует название, он не был в полном смысле промышленным музеем, его коллекции носили, скорее, «смешанный» характер, что часто имело место в подобных нестоличных музеях. Но значительное место в его собрании занимали присылаемые заводскими конторами «замечательные образцы окончательных и черновых произведений металлургических продуктов, вновь открытых руд, огнеупорных материалов». Музей пополнялся также экспонатами заводских изделий с промышленных выставок, в которых участвовали заводы Нижнетагильского округа. Поэтому в 1891 г. он был переименован в «Горнозаводской музеум» Нижнетагильских и Луньевских заводов. Если возникновение исторических и археологических музеев явилось следствием «заинтересованного отношения к прошлому», то появившиеся промышленные музеи оказались необходимы для решения социальных и экономических задач настоящего. Дальнейшее развитие этой группы музеев во второй половине XIX в. отразило достижения технического прогресса в стране и смену способа производства.

Особенности художественного собирательства позволяли этому виду деятельности долгое время успешно развиваться в форме частного коллекционирования. В первой половине XIX в. собирательство получило в России широкое распространение, причем большие и ценные коллекции возникали как в столицах, так и в провинции, а их создателями и владельцами являлись представители уже не только аристократии, но и различных социальных групп — купечества, мещанства, духовенства. В 1840-е гг. никто не коллекционировал только рукописи или только монеты. В это время в литературе даже появился термин «палеологи», отражающий широту интересов людей, посвятивших себя изучению старины[49]. Коллекционеры еще не стремились ограничивать свои интересы, поэтому произведения живописи нередко встречались и там, где основной фонд составляли рукописи, монеты и другие редкости. Таким было, например, собрание П.Ф. Карабанова, где в двух больших залах его собственного дома в Москве наряду с коллекцией гравировальных и литографированных портретов русских деятелей, древними рукописями, собранием старинной русской утвари — чашами, кубками, блюдами и другими предметами гражданского обихода XV–XVIII вв. — находилась коллекция крестов, образов, икон. Таким было и собрание богатого московского купца А.И. Лобкова, приобретавшего и иконы, и рукописи, и картины. Но исследователи особенно выделяют собрания первого председателя Общества истории и древностей российских при Московском университете гр. С. Г. Строганова в

Петербурге и известного историка и писателя М.П. Погодина в Москве. Их коллекции выросли до таких значительных размеров и имели такую материальную и научную ценность, что ни одно сочинение о русских древностях середины XIX в. не обходилось без упоминания об этих собраниях и их владельцах[50].

Историки искусства считают, что примерно в 1840-е гг. оформилось представление об иконописи как о национальном искусстве, которое заслуживает глубокого и всестороннего исследования[51]. Постепенно иконы становятся объектами собирания и коллекционирования. К этому времени русские иконы хранились в Британском, Дрезденском, Геттингенском, Мюнхенском и Ватиканском музеях[52]. Важную роль хранителей старинных икон в России сыграли старообрядческие общины. Г.И. Вздорнов приводит сведения, согласно которым уже в конце XVII и начале XVIII в. видные представители старообрядческого движения специально собирали старые — дониконовские — иконы. В 1840-е гг. в связи с общим увлечением древностями целенаправленное собирательство старообрядцев получило новое качество — возникли частные старообрядческие коллекции иконописи, старообрядческие молельни и церкви постепенно превращались в своеобразные музеи[53]. Их владельцами становились, как правило, богатые купцы, собиравшие наряду с иконами рукописи и старопечатные книги. Таких коллекций насчитывалось немало в средней полосе России и на Волге. В старообрядческих коллекциях преобладали иконы Строгановской школы. Признание русской средневековой живописи как искусства национального прошлого, неразрывно связанного с настоящим, и стремление систематически открывать и изучать памятники этого вида живописи пришли несколько позже[54].

Постепенно собирание икон перестало быть особенностью только старообрядческого коллекционирования и начало входить в моду в кругах знати и привлекать внимание профессиональных живописцев. В 1856 г. при Академии художеств, имевшей музей, где выставлялись картины и скульптура только XVIII–XIX вв., возник Музей православного иконописания как подсобное собрание древних памятников, необходимое в учебных целях. Долгое время он был единственным музеем древнерусского искусства в Петербурге. Понадобилось немало личной инициативы и упорного труда первых руководителей музея, чтобы он стал нужным всем, кто интересовался художественным прошлым России.

Музеи Академии художеств, Эрмитаж, доступные для публики частные собрания способны были удовлетворить художественные интересы жителей столицы. Москва же не имела общественной картинной галереи и явно отставала в этом смысле от

крупнейших городов Европы. Собрание Оружейной палаты, демонстрируемое в новом здании с 1852 г., не воспринималось современниками как художественное. За два десятка лет обществу были предложены три проекта художественных музеев, ни один из которых не был поддержан властями и не был реализован.

Первый художественный музей слепков (копий) в Европе возник в 1827 г. (Германия, Бонн). А уже в 1831 г. за подписью кн. З.А. Волконской в России в журнале «Телескоп»[55] был опубликован проект музея такого же типа — эстетического. «В Москве проект о таком полезном учреждении... был принят с жаром... члены университета вообще были электризованы этой мыслью и изъявили готовность сделать пожертвования... Князь Голицын (Московский генерал-губернатор Д.В. Голицын. — *А. С.*) со своей стороны также ревностен к этому делу, и Погодин (М.П. Погодин, историк, издатель и коллекционер. — *А. С.*) находится с ним в частых сношениях по этой причине»[56], — писал А.В. Веневитинов, брат известного поэта, кн. В.Ф. Одоевскому, стараясь по просьбе З.А. Волконской и С. П. Шевырева привлечь его к пропаганде проекта в Петербурге. Музей был задуман с просветительскими целями как собрание гипсовых слепков с лучших образцов ваяния, начиная с египетского искусства и кончая современными авторами. Планировали создать при нем библиотеку, иметь коллекции живописных произведений и гравюр. З.А. Волконская взяла на себя изготовление и доставку копий. Предполагалось, что музей откроется при кафедре изящных искусств и археологии Московского университета и для него будет построено специальное здание. Эта идея была воплощена в жизнь И.В. Цветаевым только в 1912 г.

В 1836 г. художник А.С. Добровольский, преподававший в Московском художественном классе, выступил с предложением создать в городе публичную картинную галерею, которая существовала бы на взносы учредителей и пожертвования. К проекту благосклонно отнеслась художественная общественность, но в жизнь воплотить его не удалось[57].

В 1850 г. с проектом создания в Москве публичного художественного музея выступил архитектор и коллекционер Е.Д Тюрин, хорошо известный как автор Богоявленского (Елоховского) собора и реконструкции Московского университета. С самого начала своей собирательской деятельности (с 1820-х гг.) Тюрин мечтал о создании в Москве общедоступной картинной галереи. В 1840-е гг. он обладал уже неплохим собранием, которое демонстрировал друзьям и знакомым. К 1850-м гг. его коллекция включала более четырехсот «оригинальных картин всех известных школ Европы»[58]. В 1852 г. он открыл музей в своей квартире для пуб-

личного осмотра по воскресным дням. «Московские ведомости» писали, что «коллекция г. Тюрина, при своих необширных размерах, довольно разнообразна, что в ней есть вещи, действительно, весьма замечательные и что вообще она вполне заслужила публичности»[59]. Приобретенное властями собрание Е.Д. Тюрина могло бы стать основой городского музея. Однако неоднократные обращения к городским властям, а в 1856 г. и к императору не увенчались успехом, и картины были распроданы.

Несмотря на то что идеи создания самостоятельных художественных музеев или картинных галерей высказывались неоднократно, условия для их воплощения в первой половине века, видимо, еще не сложились.

Итак, к середине 50-х гг. в обеих столицах, во всех университетских городах и даже в далекой Сибири действовало несколько десятков музеев. Это были научные музеи Академии наук и научных обществ; учебные музеи при университетах и Академии художеств; общедоступные музеи в Петербурге (Румянцевский) и в провинции (Нерчинский, Барнаульский). Большинство музеев в столицах находилось в ведении Министерства императорского двора либо Министерства народного просвещения[60]. По содержанию, характеру деятельности и особенностям собраний среди них можно выделить музеи исторические, археологические, естественнонаучные, промышленные; определился художественный профиль Эрмитажа. В первой трети XIX в. появилось в два раза больше музеев, чем за все предшествующее столетие. Но процесс интеграции этой культурной формы в социальную практику и систему сознания российского общества еще не завершился, да и сама форма продолжала развиваться и наращивать свой потенциал. Музеи, как правило, еще не существовали в качестве самостоятельных учреждений, многие из них оказались недолговечными. Рождение и гибель музеев в основном зависели от деятельности конкретных людей. В культурной жизни того или иного города или региона они становились важным, ярким, но все еще «неукоренившимся» явлением. Однако постепенно организация музеев становилась привычной и достаточно престижной формой культурной деятельности. Во время «археологического бума» на Юге России в ней принимали участие даже крупные государственные чиновники. Многочисленные проекты создания национального музея также можно считать показателем формирующегося представления о музее как учреждении государственного и общенационального значения.

Необходимо отметить, что в рассматриваемый период появляются крупные научные публикации, основой для которых послужили музейные коллекции. Так, первые три тома 5-томного

издания «Древности Российского государства» составлены на материалах Оружейной палаты[61]. На основе Минералогического кабинета Кунсткамеры, дающего представление о минеральных богатствах России, академик В.М. Севергин создал в 1809 г. фундаментальный труд «Опыты минералогического землеописания государства Российского» (в 2 т). Директор Музея натуральной истории Московского университета Г.И. Фишер, используя материалы богатейшей коллекции насекомых, издал известную в свое время «Энтомографию» и т. д.

В это время уже существовали художественные журналы, а с 1820-х гг. на страницах общих журналов публикуются статьи, посвященные истории искусств. «Телескоп», «Отечественные записки» помещают материалы о российских музеях и частных коллекциях, в печати периодически обсуждаются все новые и новые музейные проекты. Издаваемый М.П. Погодиным в 1841–1856 гг. научно-литературный журнал «Москвитянин» был в значительной степени рассчитан на любителей старины. «Художественная газета» в 1838–1841 гг. печатала статьи, посвященные зарубежным музеям.

Еще не существовало музейного образования и соответствующих профессий. Часто, особенно в научных или частных музеях, собственно музейные коллекции, научный архив и библиотека составляли единый комплекс, хранителем которого являлся библиотекарь. При систематизации и экспонировании естественнонаучных коллекций использовались достижения и принципы систематизации этих наук. Например, Минеральный кабинет Горного кадетского корпуса к началу XIX в. насчитывал 30 000 образцов руд. Минералы содержались в стеклянных шкафах и были приведены в систематический порядок[62].

Создатели художественных музеев ориентировались на развивающуюся историю искусств, знакомились с трудами историка античного искусства И. Винкельмана. Так как система учета, хранения и демонстрации коллекций не имела ярко выраженной и осознанной музейной специфики, для руководства даже крупнейшими музеями требовалась не столько специальная, сколько общенаучная подготовка, эрудиция, знакомство с европейским опытом. Крупный государственный деятель и известный коллекционер Н.Б. Юсупов был директором императорских театров, управлял дворцовым стекольным и фарфоровым заводами, казенной шпалерной мануфактурой и занимался преобразованием Эрмитажа в дворцовый музей, а позднее руководил Оружейной палатой. В 1842 г. директором Оружейной палаты стал писатель М.Н. Загоскин, которого через десять лет сменил писатель и археолог А.Ф. Вельтман.

Превращение главных российских музеев в публичные и признание их коллекций национальным достоянием стало не только этапным событием для музейного дела, но и одним из важнейших общекультурных достижений, сокращавших разрыв между достигнутым уровнем духовной культуры и овладением культурными ценностями. Напомним, что доступными для посетителей к началу 1850-х гг. стали Оружейная палата, Эрмитаж, Царскосельский арсенал (1852) и Румянцевский музей. Некоторые ведомственные и частные музеи имели ограниченный доступ посетителей. Осуществилась публикация каталогов ряда крупных частных собраний[63]. Но в первой половине XIX в. музеи посещались лишь узким кругом образованной публики — учеными, студентами, художниками, военными, т. е. оставались в сфере элитарной культуры. Развитие и процветание музеев, как справедливо писал известный этнограф и музейный деятель Н.М. Могилянский, находящееся «в зависимости от общих условий и тенденций времени: широкого роста и демократизации просвещения, блестящего развития науки и особенно естествознания, огромного накопления материальных средств и роста городов и городской жизни», произойдет во второй половине века[64].

* *
*

В культурной жизни страны короткий период проведения реформ стал временем активной созидательной работы и практических действий. Музейное дело к концу 50-х — началу 60-х гг., как мы уже говорили, еще не сложилось в самостоятельную область культурной деятельности, имевшую устоявшиеся методы и четкую структуру. Но удивительные возможности музеев способствовать решению новых и многообразных социальных проблем, выдвигаемых временем, были реализованы.

Характерные приметы тех лет отчетливо проявились в ходе организации Румянцевского музея в Москве. Его директор кн. В.Ф. Одоевский, не находя средств на поддержание и развитие музея в Петербурге, но считая невозможным равнодушно смотреть на постепенный упадок вверенного ему учреждения, выступил с предложением о его переводе в Москву. Если в Петербурге уже действовали музеи Академии наук, Академии художеств, Эрмитаж, Императорская Публичная библиотека, то в Москве подобные учреждения отсутствовали. Попечитель Московского учебного округа Н.В. Исаков, давно стремившийся создать в Москве публичную библиотеку, воспользовался случаем и решительно

поддержал инициативу В.Ф. Одоевского. На волне культурных преобразований тех лет эту беспрецедентную акцию удалось провести. Правительство дало разрешение на перевод музея даже вопреки протестам петербургской профессуры. 23 мая 1861 г. открылся «Московский Публичный и Румянцевский музеумы» — учреждение, возникшее в результате совместного экспонирования румянцевского собрания с коллекциями Московского университета. Организация в музее отдела изящных искусств стала совершенно новым и чисто московским начинанием, воплотившим давнишнюю мечту москвичей — иметь в городе публичную картинную галерею. В отдел изящных искусств было передано более 200 картин из Эрмитажа, а император Александр II подарил музею картину А.А. Иванова «Явление Христа народу».

В Москве, особенно в первые годы, библиотечные фонды и коллекции быстро пополнялись. Если в Румянцевском собрании при переезде насчитывалось около 29 тыс. томов книг, то уже к 1864 г. их число составило 125 тыс.[65] В 1866 г. библиотеке музея было предоставлено право на получение обязательного экземпляра — право, благодаря которому со временем она превратилась в крупнейшую библиотеку страны. В 1867 г. правительство передало музею собрание русской живописи известного мецената и собирателя Ф.И. Прянишникова. Дальнейшие пополнения были не столь масштабными и шли в основном через Общество древнерусского искусства, созданное при музее, либо являлись нерегулярными частными пожертвованиями, которые, однако, скрупулезно учитывались в публиковавшихся отчетах музея.

Трудно переоценить то значение, которое имел Румянцевский музей для культурной жизни Москвы, получившей его в самый нужный момент максимальной востребованности обществом книги и научных знаний. Структура учреждения несколько раз менялась, но ее важнейшими составляющими всегда оставались следующие: ценнейшее отделение рукописей и славянских старопечатных книг; библиотека; отделение изящных искусств и древностей; этнографическое отделение (преобразованное позднее в Дашковский музей); минералогическое собрание (переданное в конце века в Геологический музей университета). В отделе рукописей ежегодно работало около 100 человек — ученые, студенты, лица духовного звания, старообрядцы. Библиотека имела читальный зал на 100—120 человек и была открыта ежедневно с 10 утра до 20 часов вечера. В 1867 г. было зафиксировано около 5000 посещений, а через 30 лет, в 1897, — 46 000[66].

Количество посетителей собственно музея указывается в отчетах только с 1870-х гг. Оно не сильно менялось за 20—30 последующих лет и составляло в год 35—40 тыс. Для 1000 человек его

залы были открыты бесплатно каждое воскресенье. Эти посетители осматривали коллекции самостоятельно, порой беспомощно блуждая по залам[67]. Группы учащихся посещали музей в специально назначенный день и осматривали его под руководством специалистов. Летом двери музея бесплатно открывались для туристов.

Штат постоянных сотрудников музея никогда не превышал 15–18 человек: директор, библиотекарь, хранители отделений, дежурные при читальном зале и т. д. Тем не менее он стал своеобразным центром притяжения культурных и научных сил. В разные годы в его библиотеке работали Ф.Е. и Е.Ф. Корш, Н.Ф. Федоров, Ю.В. Готье, а в отделе изящных искусств — К.К. Герц, И.В. Цветаев, Б.Р. Виппер, П.П. Муратов, Н.И. Романов и др. Причем известный как прекрасный переводчик и историк искусств Е.Ф. Корш, член литературного кружка Т.Н. Грановского, прослужил библиотекарем с 1862 по 1893 г., а затем до последних дней своей жизни (ум. в 1897 г.) состоял почетным членом музея.

В это же время происходят существенные изменения в деятельности военно-исторических музеев — старейших в нашей стране. Являясь до военных реформ 1860–1870-х гг. полузакрытыми учреждениями, служащими специальным или учебным целям, в 1860-е гг. они превращаются в общедоступные, обслуживающие как военную, так и гражданскую аудиторию. В Петербурге в 1867 г. открыл свои двери для широкой публики Морской музей имени Петра Великого[68]. Артиллерийское управление, реорганизовав «Достопамятный зал», создало Артиллерийский исторический музей, который был открыт для народа в 1889 г. Музеи как универсальная культурная форма и здесь оказались полезными: они сохраняли реликвии, активно пополняли свои коллекции и использовали их для пропаганды военно-исторических знаний и создания армии нового, буржуазного типа.

Музеи начали стихийно возникать и в воинских частях. Воинские соединения имели свои реликвии, свои библиотеки и даже художественные коллекции. Музеи, получившие в литературе название «полковых», стали формой сохранения этого специфического невоенного, но необходимого для офицеров имущества и культурных ценностей. Положение об офицерских собраниях 1881 г. узаконило и регламентировало их организацию. Массовое создание таких музеев придется на начало XX в. Но уже к концу XIX в. в России сложилась развитая сеть военно-исторических и воинских музеев, которые сыграли важную роль в развитии военно-исторической науки в России и пропаганде военных знаний, в образовании и воспитании личного состава[69].

Технический прогресс и экономические реформы вызывали потребность в пропаганде прикладных знаний, в дальнейшем совершенствовании техники, в знакомстве населения с техническими новинками и рациональными методами хозяйственной деятельности. Такой социальный заказ стимулировал появление новых специализированных групп музейных учреждений, возникавших при различных ведомствах.

В конце 1859 г., еще в ходе подготовки реформ, по докладу министра государственных имуществ был учрежден Сельскохозяйственный музей в Петербурге. Потребность в подобных музеях ощущалась давно, и попытки их создания предпринимались уже в первой половине века, но не получили развития: условия для их функционирования сложились лишь в пореформенное время. В 1855 г. на основе выросших коллекций Вольного экономического общества были созданы два музея: Музей моделей сельскохозяйственных орудий и машин и Музей прикладной естественной истории. Но в начале 60-х гг. они пришли в упадок. Такая судьба коллекций и музеев «при обществах» была естественной и закономерной. С одной стороны, на определенном этапе они перерастали рамки собраний «при обществах», с другой — их дальнейшее функционирование требовало специальной музейной работы. Музеи Вольного экономического общества были переданы в Сельскохозяйственный музей Петербурга, призванный пропагандировать сельскохозяйственные знания и прежде всего новую сельскохозяйственную технику. Ему выдавались ежегодные субсидии, для него были сделаны специальные приобретения за границей. Музей пользовался популярностью, и его активно посещали. Со временем возникли специализированные сельскохозяйственные музеи и в провинциальных городах.

В 1851 г. состоялась Лондонская Всемирная выставка, ставшая «свидетельством развивающегося культа машин и промышленности, который сказался на всей эпохе и наметил направление развития музейного дела»[70]. Действительно, уже в 1857 г. в Лондоне открылся Кенсингтонский музей прикладных знаний, ставший образцом для создания подобных учреждений во многих городах Западной Европы и России. Его отличали от предшественников — промышленных музеев, возникавших с конца XVIII в., — максимальная открытость для посетителя и активная пропаганда технических достижений.

Для Русского технического общества, возникшего в 1866 г., создание таких музеев являлось программным положением. Именно по инициативе этого общества в 1872 г. был открыт в Петербурге Музей прикладных знаний. Вопрос о создании музеев приклад-

ных знаний в Москве и Петербурге потребовал специального доклада министра финансов царю, рассмотрения вопроса на особом совещании министров, длительных дебатов. Программа их деятельности предусматривала пропаганду технических знаний среди населения, профессиональное обучение рабочих и была утверждена императором Александром II. Примечательно, что субсидия правительства, предоставляемая техническому отделу музея, предназначалась не на приобретение коллекций, а лишь на содержание штата сотрудников и на содержание помещения. В музее видели прежде всего действенный инструмент для распространения технических знаний и практических навыков среди «простого недостаточного класса».

В Москве подобное учреждение возникло почти одновременно. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии взяло на себя труд создания музея, доступного для самых широких слоев населения и пригодного для разнообразной просветительской деятельности. Один из руководителей общества, профессор Московского университета Г.Е. Щуровский, заявлял, что «знания из кабинета ученого должны поступать в массы народа и стать его умственным достоянием»[71]. Устроители видели задачу музея в распространении прикладных знаний, в развитии отечественной промышленности, профессионального образования и народного просвещения. Политехническая выставка 1872 г. дала материал, достаточный для организации такого учреждения — Политехнического музея. Заведование его основными отделами на общественных началах приняли на себя крупнейшие ученые. Объединившись вокруг музея, они оказывали всемерную поддержку изобретателям и вели научные исследования. Лаборатории были оборудованы современной аппаратурой, что позволяло не только демонстрировать опыты, но и проводить серьезные исследования и даже совершать открытия мирового значения («свеча Яблочкова» была изобретена в стенах музея).

Для посетителя была разработана система объяснительных надписей и введен экскурсионный метод осмотра экспонатов. Большое распространение и популярность приобрели проводившиеся в стенах музея циклы лекций-занятий по различным дисциплинам, сопровождавшиеся постановкой опытов. Некоторые опыты, например П.Н. Яблочкова, были поставлены впервые перед широкой аудиторией именно в Политехническом музее. Лекции по самым актуальным научным проблемам читали здесь виднейшие деятели науки и техники: Д.Н. Анучин, А.Н. Бекетов, Л.С. Берг, В.Р. Вильямс, А.И. Воейков, Н.Е. Жуковский, Д.И. Менделеев, А.Г. Столетов, К.А. Тимирязев и др. Так родилась традиция чтения

публичных лекций крупнейшей профессурой в стенах музея — традиция, продолжающаяся уже более ста лет. В начале XX в. в Политехническом музее вели свои постоянные занятия Высшие женские курсы, курсы для учительниц, Университет им. А.Л. Шанявского. Посещаемость музея постоянно возрастала. Если в 1873 г. в нем побывало 12 552 человека, то в 1883 г. — 112 328, а в 1903 — 131 440[72].

Мотивы сотрудничества ученых с музеем раскрывает высказывание К.А. Тимирязева: «Быть может, я увлекаюсь, преувеличивая значение этого явления, но при каждой новой встрече с ним (имеются в виду переполненные аудитории музея. — *А. С.*) мне представляется, что здесь в зачаточной форме, в микроскопических размерах, но все же проявляется начало расплаты того веками накопившегося долга, который наука, цивилизация рано или поздно должны же вернуть тем массам, на плечах которых они совершили и совершают свое торжественное шествие»[73].

Все годы своего существования вплоть до настоящего времени Политехнический музей сохранил свое значение промышленного музея. Наряду с ним распространенными типами промышленных музеев со временем стали музеи художественно-промышленных школ и училищ, готовившие кадры для художественной промышленности, и кустарные музеи, содействовавшие сохранению и развитию кустарных промыслов в новых условиях вытеснения кустарного производства фабричным.

Деятельность Политехнического музея убедительно доказывает, что во второй половине XIX в. определилась и получила серьезное развитие одна из важнейших социальных функций музейных учреждений — просветительская.

Просветительство и распространение знаний в народе стали лозунгом 60-х гг. В ответ на этот социальный заказ в 1860-е гг. начала формироваться группа музеев, специально ориентированных на педагогическую деятельность. Россию считают родиной педагогических музеев. Первым таким музеем был основанный в феврале 1864 г. в Петербурге Педагогический музей военно-учебных заведений. Реализация новаторского проекта именно в военной сфере не случайна, так как в военной области реформы проводились наиболее решительно и последовательно. А главным начальником военно-учебных заведений, осуществлявшим под руководством Д.А. Милютина реорганизацию системы военного образования и сближавшим ее с общегражданской, с 1863 г. был уже упоминавшийся генерал Н.В. Исаков. Он и стал непосредственным инициатором организации Педагогического музея, задумав его как просветительное учреждение широкого профиля и совсем не

ведомственного значения. В 1871 г. под музей выделили комплекс зданий в центре Петербурга, в так называемом «Соляном городке», а с 1875 г. он вошел в состав Музея прикладных знаний на правах педагогического отдела. Основу его коллекций составляли наглядные пособия и педагогическая литература.

Музей занимался производством дешевых наглядных пособий для школ, публиковал каталоги этих пособий и обозрения педагогической литературы, в нем устраивались народные чтения и публичные лекции, работали временные учительские курсы. На общественных началах здесь трудились около 400 добровольных помощников. В разные годы с музеем сотрудничали крупнейшие отечественные педагоги и ученые: К.Д. Ушинский, Н.А. Корф, И.М. Сеченов, П.Ф. Лесгафт, Л.Н. Модзалевский и др., обеспечившие высокий уровень и престиж учреждения. Позднее, в полувековой юбилей музея, его третий директор, З. Макшеев, отмечал важную особенность этой новой группы музейных учреждений: «Педагогические музеи вообще не должны иметь характер кунсткамер — перед ними в области коллекционирования лежит другая дорога. Следить за теоретическим и практическим движением в сфере обучения и воспитания, сосредоточивать у себя, по возможности, все заслуживающее внимание в деле наглядного обучения и, систематизируя этот материал, дать возможность современному педагогу без большой потери времени и труда ознакомиться с техническими средствами его профессии (приборами, картами, моделями, картинами и пр.) — вот задача педагогических музеев»[74]. Другой отличительной чертой педагогических музеев стало их обращение прежде всего к учителю, стремление стать его ближайшим помощником в сложном педагогическом деле.

В 1875 г. музей принял участие во Всемирной выставке в Париже, приуроченной к Географическому конгрессу, и получил за свои пособия множество наград, а конгресс выразил убеждение в необходимости создания подобных музеев во всех странах. И действительно, после 1875 г. такие музеи возникли во Франции, Бельгии, Англии, Германии и других государствах.

В 1890-е гг. появилась одна из разновидностей педагогических музеев — подвижные музеи наглядных пособий. Первый и наиболее крупный из них — Петербургский подвижной музей наглядных учебных пособий — был создан в 1892 г. по инициативе группы учителей. В 1893 гг. он открылся для широкого использования, но в полной мере проявил свои возможности только в 1894 г., получив поддержку и покровительство постоянной комиссии по техническому образованию Императорского Русского технического общества.

Большинство педагогических музеев имели коллекции, которые выдавались во временное пользование учебным заведениям, учителям, учащимся. Потребности школы в наглядных пособиях были так велики, а деятельность Петербургского музея настолько успешна, что идея организации подвижных музеев получила в стране большое и быстрое распространение. Примерно половина педагогических музеев в начале века имела подвижной характер[75]. Уже к концу века сложилась целая сеть музеев, обслуживающих многочисленные учебно-воспитательные учреждения, объединяющих в совместной работе большое число русских педагогов. Можно утверждать, что в период буржуазных реформ 1860-х гг., отвечая потребностям в демократическом переустройстве образования и обновления школы, появился тип музея, способный стать действенным средством такого переустройства.

Учебные музеи, созданные в начале века при университетах, в 1860-е гг. становились доступными для широкой публики, демонстрировали свои коллекции в ходе публичных лекций. Так, например, Зоологический музей Московского университета с 1866 г. был открыт раз в неделю. Около 30 лет (с 1863 по 1896 г.) им руководил профессор А.П. Богданов, чью роль в истории российской науки, культуры и музейного дела трудно переоценить. При нем фонды музея не просто выросли, но стали основой для самых серьезных научных исследований и широкой просветительной деятельности. На базе музея были организованы исследовательская лаборатория и кафедра зоологии. В нем было проведено разделение материалов на экспозиционные, учебные и научные, что стало новым словом в организации работы музея, который к концу века посещало около 8 тыс. человек в год. В течение 40 лет профессор Д.Н. Анучин был бессменным директором Музея антропологии Московского университета. Он же явился одним из организаторов Первой Всероссийской антропологической выставки 1879 г., на материалах которой возникли и университетский музей, и университетская кафедра антропологии. Д.Н. Анучиным в конце века был создан небольшой географический музей. В XIX в. предметные кабинеты и музеи при университетах отчасти выполняли роль научных кафедр. Тот факт, что в музеях университетов работали ведущие ученые своего времени, способствовал превращению университетов не только в крупнейшие учебные, но и в научные центры и, конечно, в свою очередь повышал авторитет самих музеев.

Одновременно с расширением сети музеев в 1860–1880-е гг. шел процесс создания крупных музеев общероссийского значения. Среди них особое место принадлежит Императорскому Россий-

скому историческому музею, претендовавшему на роль национального музея[76], дающего цельную картину исторического процесса и потому собирающего и хранящего все многообразие памятников, отражающих историю страны.

Огромное значение в деле создания национального исторического музея имела Этнографическая выставка 1867 г. в Москве, выявившая глубокий интерес населения к памятникам народов России и изучению истории страны. Инициатива в проведении выставки принадлежала Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии, возникшему в 1863 г. при Московском университете. Материалы с выставки поступили в Румянцевский музей и вместе с его коллекциями образовали Дашковский этнографический музей. Историк С. М. Соловьев в связи с открытием выставки писал: «Бывают в жизни народов времена, когда потребность самосознания становится одною из главных духовных потребностей. По всем признакам такое время, время зрелости, наступает для нашего народа; занятия отечественною историей и археологией получают важное значение, привлекают особенное сочувствие»[77].

Блистательно прошедшая этнографическая выставка породила мысль о проведении в 1872 г. в Москве политехнической вы-



Исторический музей в Москве

ставки, приуроченной к празднованию 200-летия со дня рождения Петра I. В ее историческом, Севастопольском, а также военном и морском отделах экспонировались военные реликвии и другие исторические памятники, в том числе из древлехранилищ монастырей. В среде устроителей Севастопольского отдела (а среди них были генерал А.А. Зеленый, полковник Н.И. Чепелевский, гр. А.С. Уваров, будущий начальник Артиллерийского музея Н.Е. Бранденбург) и зародилась мысль о создании Исторического музея[78]. Выставки имели такой успех, который учредители не могли и предположить, а ценность сформированных коллекций и выставочных материалов была столь велика, что невозможно было представить, чтобы все эти богатства стали объектами лишь временного показа. Н.И. Чепелевский в докладе наследнику цесаревичу отмечал, что исторические реликвии Севастопольского и других отделов должны быть сохранены навсегда и послужить основанием прочному учреждению — Русскому национальному музею[79].

В 1870-е гг. научная общественность уже не ограничивает свои усилия по организации музея обращением к императору или его наследнику: ведется конкретная организационная работа по его учреждению, а связанные с этим программные вопросы широко обсуждаются в печати. Так, многочисленные публикации о смысле и значении будущего музея появились в 1873 г. в газете «Голос». Мысль о несомненной полезности музеев и выставок трактуется в них как аксиома для всех образованных людей. Музеи рассматриваются не только как эффективное средство популяризации науки, перед ними ставится и задача — «вести науку вперед». Следует отметить еще одно важное заявление из программных статей: музей представляется их авторам как одно из самых «могущественных средств к достижению народного самосознания — высшей цели исторической науки»[80]. Предполагалось, что материалы будут экспонироваться таким образом, чтобы посетитель мог «наглядно переживать те исторические изменения, которым подвергалась жизнь русского народа»[81].

Создание национального музея исторического профиля — это и осмысление пути, пройденного Россией, предпринимаемое в момент выбора дальнейшего направления ее развития. Поэтому в ходе выработки программ для музея неизбежно сталкивались различные мнения и позиции. В связи с этим в 1874 г. была создана специальная Ученая комиссия для решения вопросов, связанных с определением облика музея, характера оформления залов, отбора экспонатов. В нее вошли крупнейшие историки: В.О. Ключевский, Д.И. Иловайский, К.Н. Бестужев-Рюмин, Ф.И. Буслаев, А.С. Уваров, в том числе имевшие опыт работы в Оружейной

палате И.Е. Забелин и С. М. Соловьев — в 1870-е гг. директор Оружейной палаты. Однако непосредственными создателями музея, а затем и его фактическими руководителями по праву считают гр. А.С. Уварова и И.Е. Забелина, которые участвовали не только в разработке научных программ, но и в решении всех сложных организационных проблем, возникавших в связи с учреждением музея и строительством здания.

В специально объявленном конкурсе проектов музейного здания победил проект В.О. Шервуда и А.А. Семенова, который и был утвержден в августе 1875 г. Примечательно, что строительством здания Исторического музея было положено начало обновлению всего исторического центра Москвы. В.О. Шервуду удалось добиться органической связи здания музея с окружающими его древними постройками, и прежде всего с собором Василия Блаженного.

Архитектурная отделка интерьеров музея менялась от зала к залу. Такая традиция сложилась еще в 1830-е гг.: интерьеры в музейных зданиях проектировались в стиле, соответствующем времени создания выставленных в них экспонатов. В первой половине XIX в. преобладало поэтическое восприятие эпохи, во второй половине столетия — научное[82]. Но А.С. Уваров и И.Е. Забелин единодушно считали главными героями музейной экспозиции выставляемые в ней подлинные памятники. Архитектурная отделка залов и их художественное убранство рассматривались как важный источник дополнительных сведений, и им придавали большое значение. Росписи и исторические картины принадлежали видным художникам второй половины XIX в.: В.М. Васнецову, Г.И. Семирадскому, И.К. Айвазовскому. Оформление первых 11 залов, открывшихся в 1883 г., было выполнено по проекту крупного московского зодчего А.П. Попова.

Первая экспозиция, составленная по единому научному плану, опиравшемуся на понимание общего хода исторического развития как закономерного процесса, стала новым словом в истории мирового музейного дела. Свыше 3000 экспонатов рассказывали об истории России до XII в. Материалы были систематизированы по географическому принципу, использовались модели, макеты, карты. Экспозиция получила одобрительную оценку современников. У музея появилась и была осознана современниками своя особая область специализации внутри исторической науки — быть «вещественным выразителем и отобразителем тысячелетней истории русского народа во всех ее видоизменениях и бытовых положениях»[83].

После 1883 г. шло быстрое количественное пополнение музейных фондов в основном за счет привлечения в дар частных

коллекций. В 1886 г. основной фонд Исторического музея составлял уже 15 тыс. единиц. Уникальным поступлением стало в 1905 г. собрание известного предпринимателя и коллекционера П.И. Щукина. Оно отличалось богатством и разнообразием предметов и иллюстрировало период с XVI по XIX в. Перечень подаренного Щукиным музею собрания насчитывал 23 911 номеров. Одно из главных ее сокровищ — коллекция серебряных изделий — далеко превосходило и по объему, и по качеству серебряную коллекцию Исторического музея[84]. Ежегодные «Отчеты...» музея публиковались с 1883 г.

В 1889 г. в Историческом музее начала функционировать аудитория на 700 человек для чтения публичных лекций и заседаний ученых обществ, долгое время являвшаяся самой крупной в Москве публичной аудиторией[85]. Залы второго этажа постоянно использовались для различных выставок. В 1892 г. здесь открылись археологическая и географическая выставки, в 1894 г. проходил Первый съезд русских художников, с 1893 г. в музее устраивались выставки Московского товарищества художников. В 1899 г. в Историческом музее работала Пушкинская выставка. А вот количество экскурсий оставалось весьма скромным: до 1900 г. их проходило не более 19 в год[86]. Создание Исторического музея было инициировано научной общественностью, но в силу национальной значимости и масштабности предприятия он реализовался как государственное учреждение — Императорский Российский Исторический музей. С 1886 г. он находился в ведении Министерства народного просвещения. Государство ежегодно выделяло деньги на пополнение коллекций и содержание штата из шести человек.

Государство через посредство отдельных министерств регистрирует и утверждает уставы музеев, наблюдает за их деятельностью и частично ее финансирует. Так было в столицах. О музеях, возникавших в глубинке или в отдаленных районах страны, правительство зачастую могло просто не знать. Известен случай, когда в 1901 г. бельгийский посланник запросил в Министерстве иностранных дел России сведения о наличии музеев и художественных учреждений в провинции. Министерство дало список 10 музеев, уставы которых утверждало МВД, отметив также, что в ряде городов есть кабинеты, содержащие предметы исторического и археологического значения[87]. Между тем в то время в российской провинции действовало около 200 музеев местного края, большинство из которых возникло в пореформенное время.

Провинциальные музеи, как правило, появлялись в результате деятельности учреждений, изучающих край: статистических комитетов, губернских архивных комиссий, местных научных

обществ. Для придания возникавшим музеям характера официальных учреждений и оказания им материальной поддержки устроители обычно обращались к городским выборным властям, а также к земствам, в компетенцию которых входили вопросы местного народного образования.

Особую роль в организации музейного дела в провинции сыграли статистические комитеты, являвшиеся в дореформенной России чуть ли не единственными центрами изучения губерний. Они находились в ведении Министерства внутренних дел, а содержались на средства губернских типографий. Статистические комитеты вели очень широкую деятельность и наряду со сбором статистических сведений разбирали местные частные и государственные архивы, описывали и изучали памятники древности, проводили исторические и этнографические обследования губерний. Постепенно в ходе такой деятельности комитетов стали складываться коллекции памятников истории края, возникать археологические и этнографические музеи. Именно в статкомитеты поступали и различные «курьезные» вещи из полицейских управлений, не принятые академическими музеями. Научные исследования организовывались секретарями статистических комитетов, многие из которых, например А.К. Жизневский из Твери, А.А. Скальковский из Одессы, Е.Д. Фелицын с Кубани, имели серьезный авторитет в научной среде. В 1842 г. под руководством В.В. Пассека открылся первый музей при Московском губернском статистическом комитете.

В числе самых ранних, в 1835 г., возник статистический комитет в Вятке, как раз в то время, когда туда прибыл в ссылку А.И. Герцен. Ему и было поручено обобщать статистические данные, поступавшие от официальных лиц, так как в отдаленной губернии имелось не так много людей, способных выполнить широкую программу, предложенную для статистических комитетов. Более серьезные исследования, командировки и экспедиции ссыльному были запрещены. В 1837 г. Герцен основал первую в крае публичную библиотеку, а в следующем году подготовил к приезду наследника престола выставку «достижений края». Сохранившиеся материалы этой выставки послужили основой Вятского музея, организованного П.В. Алабиным в 1866 г. при городской библиотеке. Его учредители ссылались на опыт Запада, где к тому времени можно было получить образование не только в школе, но и в музеях, театрах, на выставках. Вятские деятели, создавая музей, также хотели сделать «новый шаг к цивилизованию населения края». Пожалуй, им это удалось. Вятский музей имел контакты с Петербургским сельскохозяйственным музеем, с Одесским

обществом истории и древностей. Император подарил Вятке минералогическую коллекцию. Позднее, с отъездом П.В. Алабина, переданный земству музей находился в нерабочем состоянии и вновь возобновил свою деятельность лишь в 1889 г., получив новое здание.

Недолговечность существования таких музеев была связана с тем, что инициатива передовых представителей местной интеллигенции, понимавших значение изучения края для его дальнейшего развития, не всегда встречала должную поддержку со стороны населения. Созданные музеи пополнялись от случая к случаю и легко распадались.

Неустойчивое положение провинциальных музеев сохранялось на протяжении всего века, что беспокоило научную общественность. Этой проблеме был посвящен доклад гр. П.С. Уваровой на VII Археологическом съезде, проводимом Московским археологическим обществом в 1887 г. Гр. П.С. Уварова, жена А.С. Уварова, после смерти мужа была избрана сначала почетным членом, а затем и председателем Московского археологического общества. Археолог, исследователь, коллекционер, она вела подвижническую деятельность, направленную на изучение, популяризацию и сохранение отечественного культурного наследия. В своем докладе об областных музеях П.С. Уварова обращала внимание на печальную судьбу Вятского и других ныне известных в стране музеев. Участников съезда волновал вопрос, каким образом закрепить за обществом и страною те сокровища, которые добровольно приносят в дар отечеству устроители музеев, но закрепить так, «чтобы, переводя эти коллекции из частного достояния в правительственное, придать им твердое основание и будущность правительственного учреждения, не отчуждая его от общества»[88].

Согласно разработанному П.С. Уваровой проекту Положения о губернских и областных музеях, они приобретали статус государственного учреждения, а их коллекции, являясь национальным достоянием, не могли отчуждаться, продаваться или передаваться из одного ведомства в другое. Прасковья Сергеевна видела в развитии музеев одну из важнейших составляющих просвещения в стране. «Нет сомнения, что только учреждению музеев Запад обязан распространением просвещения среди масс, воспитанием вкуса публики, развитием искусств и промышленности»[89]. Правительству предлагалось поддерживать деятельность тех музеев, которые просуществовали более трех лет и доказали свою дееспособность. Решить вопрос таким образом не удалось, но идея о распределении ролей между общественностью и государством по отношению к музею продолжала развиваться именно в этом на-



Прасковья Сергеевна Уварова

правлении: правительство должно лишь помогать и поддерживать музеи, созданные общественностью.

Весьма существенны и другие идеи, высказанные на съезде, — о признании музейных коллекций национальным достоянием и формулирование принципа неделимости музейных коллекций. Эти принципы и сегодня являются основополагающими в музейном деле России. Что касается финансовой поддержки со стороны правительства, то даже такой значительный музей, как Минусинский, до 1900 г. существовал исключительно на пожертвования меценатов[90].

Время показало, что музеи, создаваемые при статистических комитетах стихийно и из случайных поступлений, не всегда могли обеспечить тот научный уровень, который от них ожидали. В пореформенный период в целенаправленную работу по изучению того или иного края включились земства. С 1880-х гг. музеи при земствах стали организовываться по специально разработанной программе. Важную роль в ее создании сыграло Петербургское общество естествоиспытателей, и в частности его секретарь В.В. Докучаев. Ученый-почвовед и профессор Петербургского университета, В.В. Докучаев собирал коллекцию почв по заданию Вольного экономического общества. В 1882 г. в ходе геолого-почвенных исследований в Нижегородской губернии он предложил земству создать естественноисторический музей на основе геологических, почвенных и ботанических коллекций. Для земства такой музей мог бы стать своеобразной справочной конторой по землепользо-

ванию. Музей был создан и открылся в 1885 г. Его директором стал работавший с Докучаевым кандидат Санкт-Петербургского университета Н.М. Сибирцев. В 1885 г. Докучаев разработал «Примерный устав земского естественноисторического музея»[91], разосланный во все земские управы, статистические комитеты, губернаторства. По мысли ученого, земский естественноисторический музей должен был решать задачи двух родов: научные — изучение местной природы и распространение знаний среди населения и практические — содействие развитию сельского хозяйства, промышленности и гигиены края. На основе «Примерного устава...» и при содействии Докучаева были созданы земские естественнонаучные музеи в Нижнем Новгороде (1885), Кишиневе (1889), Полтаве (1890), а также при Таврическом, Самарском, Костромском, Черниговском, Бессарабском и других земствах.

Организация научных обществ в ряде провинциальных городов страны стала новым явлением в культурной жизни пореформенной России. К этому времени относится возникновение Рижского общества любителей природы, Ярославского общества исследователей природы, Уральского общества любителей естествознания. Начиная с 1884 г. и до конца века было создано 17 губернских ученых архивных комиссий, которые в некоторой степени также выполняли роль научных обществ на местах. Эти полуофициальные учреждения стали создаваться по инициативе директора Археологического института Н.В. Калачева. Наряду с решением главной задачи по разбору местных архивов они занимались научными исследованиями в области истории и этнографии своего края, проведением археологических разведок и раскопок и сыграли заметную роль в изучении и сохранении памятников истории и культуры на местах. Они же поддерживали интерес в обществе к провинции, связанный с открытием памятников местной истории и литературы[92]. В губернских ученых архивных комиссиях работали такие известные провинциальные деятели, как А.К. Жизневский в Твери, С. Д. Яхонтов в Рязани, И.И. Дубасов в Тамбове, Н.Н. Селифонтов в Костроме, А.С. Гациский в Нижнем Новгороде, А.А. Титов в Ярославле, В.Н. Поливанов в Симбирске, А.В. Смирнов во Владимире.

Созданные архивными комиссиями музеи древностей носили в большинстве случаев комплексный характер. Д.А. Равикович, изучавшая музеи местного края, отмечает, что наиболее законченный вид имели естественноисторические отделы местных музеев, строившиеся по научным системам. Наименее систематичными были собрания исторических отделов, включавшие коллекции древних рукописей, декоративных бытовых предметов, предметов мемориального значения и т.д. Только сибирские музеи, в работе ко-

торых принимали участие политические ссыльные, собирали материалы, касавшиеся истории революционного движения.

Роль научных центров в России продолжали выполнять Академия наук, университеты, крупнейшие научные общества, о деятельности которых уже не раз упоминалось. Эти общества инициировали проведение ряда всероссийских выставок, на основе материалов которых возникли известные российские музеи. Кроме того, во второй половине XIX в. практически все научные общества имели свои музеи[93]. Особое значение для российской культуры и музейного дела имело Русское географическое общество[94]. При его участии были созданы и в разное время находились в его ведении музеи в отдаленных районах России. Большинство из них появилось в результате научной деятельности общества и в свою очередь стало играть в системе отделов Русского географического общества важную роль своеобразных лабораторий для исследователей края. Случалось и наоборот, особенно в 1880–1890-е гг., когда научные общества создавались на основе уже существующих музеев (в Барнауле, Кяхте, Хабаровске) или с целью организации новых музеев, как было в Чите и Владивостоке. На рубеже веков встречался и третий вариант взаимодействия: на базе музеев в Семипалатинске, Барнауле, Красноярске, Якутске открывались отделы Русского географического общества, благодаря которым эти музеи, пришедшие к тому времени в упадок, были сохранены[95]. Такое тесное сотрудничество научного общества и музеев вполне соответствовало принятым в то время формам и методам научной работы.

Основным методом изучения отдаленных от центра территорий на протяжении всего XIX в. оставались научные экспедиции. Русское географическое общество также вело активную экспедиционную деятельность. Однако дальнейшее развитие научного знания требовало не периодических, а систематических исследований, которые как раз и могли проводиться на местах музеями. Профессор А.Н. Бекетов, приветствуя возникновение одного из местных музеев, отмечал, что «исследование ограниченных по пространству местностей необыкновенно важно не только для познания всей обширной страны нашей, но и в чисто ученом отношении. Многие явления высокой важности могут быть изучаемы именно лишь с помощью наблюдений, производимых в продолжение многих лет в одной и той же местности. Таковы все климатические и все периодические явления в жизни животных и растений»[96]. Кроме того, обстоятельное и энергичное изучение природных богатств способствовало развитию капитализма в России. Музеи местного края явились той культурной формой, которая

максимально отвечала требованиям времени. Напомним, что в особенно отдаленных районах часто они являлись единственными научными учреждениями, в котором хранились, обрабатывались и систематизировались коллекции, собранные в результате изучения края. В то же время музейные экспозиции способны были пропагандировать знания о крае и привлекать к работе все новых и новых исследователей, любителей и специалистов.

Классическим образцом музея местного края исследователи справедливо считают музей в г. Минусинске, основанный Н.М. Мартьяновым. Мартьянов много занимался самообразованием, в частности естественными науками. В 1874 г. он приехал в Минусинск, где получил место провизора. А уже в 1876 г. им был создан Общественный музей при Минусинском приходском училище, ставший позднее Общедоступным публичным городским музеем. С 1878 г. при музее работала библиотека. В 1887 г. для музея построили специальное здание, что свидетельствовало о завоевании им серьезного авторитета в городе. Вокруг музея сформировался актив из почти 700 добровольных помощников — и это в городке, где и к концу XIX в. не проживало более 6 тыс. жителей! Деятельность Мартьянова поддерживали и местные власти.

Стоя на позициях комплексного изучения края, Мартьянов за четверть века планомерно обследовал огромную территорию, изъездил и исходил десятки тысяч километров. Он издавал научные труды, сотрудничал с крупнейшими научными организациями Москвы и Петербурга, а в конце века совершил длительную поездку по России, знакомясь с деятельностью различных музеев и научных обществ. Со временем музей в Минусинске превратился в культурный и научный центр с превосходно подобранной библиотекой, образцовой метеорологической станцией, химической лабораторией для определения состава почв и горных пород, а также хранилищем сельскохозяйственных орудий. Комплексный характер музея обусловливался его положением «единственного в целом обширном районе складочного места самых разнородных предметов, интересных и достойных сохранения»[97]. Ученые всех академических и зарубежных научных экспедиций, работавших в тех краях, обязательно знакомились с его коллекциями. Благодаря научной основательности, полноте собрания и многочисленным публикациям музей стал известен не только в России, но и за рубежом.

Экспозиция музея давала научную классификацию коллекций, будучи одновременно доступной и практически полезной местному населению. Его программа стала образцом для организаторов подобных учреждений в Енисейске (1883), Нерчинске (1886), Ачинске (1887), Красноярске (1888).

Интересно отметить следующую деталь: в Минусинском крае не было ни одного политического ссыльного, который так или иначе не был бы связан с музеем, а многие из них (например, А.О. Лукашевич, Ф.Я. Кон, Д.А. Клеменц) в нем работали. Впрочем, нельзя назвать ни одного музея, расположенного на территории Сибири, в организации или деятельности которого не участвовали бы ссыльные разных поколений[98]. Десятки их, сотрудничая с сибирскими музеями, сделали ряд серьезных научных открытий в области географии, естествознания, этнографии. Исследовательская работа ссыльнопоселенцев в Якутии началась задолго до экспедиции в эти края Русского географического общества[99].

В 1870–1880-е гг. среди политических ссыльных в отдаленных районах России преобладали представители революционного народничества, для которых культурно-просветительская работа была едва ли ни единственно возможной формой самореализации в условиях ссылки и спасением от бездеятельности и одиночества. Кроме того, народническая интеллигенция в распространении просвещения видела одно из основных средств борьбы за благо народа. «Нечаевец» А.К. Кузнецов, основавший в Сибири несколько музеев, в письме к Н.М. Мартьянову писал: «Мне кажется, что местные музеи, может быть, в недалеком будущем будут главными проводниками в народную массу как теоретических, так и практических знаний... Мне кажется, что при помощи местных музеев будет пробита стена, отделяющая университетскую науку от улицы, от народной массы»[100]. Действительно, значительную группу посетителей музеев представляли трудящиеся. «Число посетителей музея, — писал Ф.Я. Кон о Минусинском музее, — достигает в 1885 г. крупной цифры 8000, причем наибольший процент приходится на долю крестьян и инородцев...»[101]

Музеи местного края около полувека сохраняли для общества и аккумулировали огромный научный потенциал участников общественного движения, выдворенных из центра и обреченных на бездеятельность. Возможность использования музейных собраний в целях научной пропаганды, а также возможность нести знания о крае в народные массы, воспитывать любовь к родине привлекала к организации музеев и местную интеллигенцию. В 80-е гг. большинство идейных земских служащих, работавших в провинции, разделяло теорию «малых дел». Представители сибирского областничества на страницах своих печатных органов уделяли большое внимание пропаганде музейного строительства в Сибири, придавая огромное значение им как учреждениям, воспитывающим чувство местного патриотизма[102].

Но такие музеи возникали не только в Сибири. П.В. Алабин, основавший музеи в Вятке и в Самаре, писал: «...правильно ус-

троенный и вполне доступный публике музей признается одним из лучших способов проведения полезных и необходимых сведений в народную массу. Музей, предоставляя своим посетителям первоначально только привлекательную сторону знания, легко удовлетворяя любознательность без напряжения и труда, невольно увлекает человека к более близкому и глубокому ознакомлению с предметом, пробуждает в своих посетителях интерес к знанию»[103].

Возникновение местных музеев тесно связано с географическим и экономическим освоением новых российских территорий. Тот факт, что в России в 1870–1890-е гг. возникло около 80 местных музеев[104] (почти во всех губернских и во многих уездных городах), позволяет говорить о расширении культурного пространства России и об их роли в наращивании культурного потенциала страны. К началу XX в. выработался особый тип местного музея с комплексом отделов, отражавших состояние природы, историю и экономику своего края, и сеть таких музеев распространилась практически на все регионы России[105]. В некоторых губерниях произошло их объединение с музеями статистических комитетов, в результате чего возникли губернские музеи — прообразы областных краеведческих музеев, составляющие сегодня большую часть музеев России. Благодаря им частично сохранены и дошли до наших дней коллекции, сформированные в прошлом веке, но не утерявшие своего значения и по сей день.

Музеи дворцового ведомства — Оружейная палата и Эрмитаж — в пореформенное время продолжали оставаться крупнейшими художественными собраниями страны. Охраняя художественные сокровища императорской фамилии, они все шире открывали свои двери для публики. В 1870-е гг. была введена система билетов и пропусков, а также заведены книги регистрации посетителей. Во второй половине века по царским дворцам проводились экскурсии для учащихся, кадетов и гвардейских офицеров. В начале XX в. посещение музеев станет обязательным для учащихся и среди посетителей появятся рабочие. Для одиночных посетителей издавались путеводители. Летом 1896 г. в Оружейную палату приходило до 2000 человек в день. Музейная аудитория расширялась за счет средних и низших слоев населения. Демократизация музейной деятельности была фактом огромного общественного и культурного значения, так как способствовала более активному использованию огромного культурного потенциала крупнейших российских музеев и сделала доступными для широких слоев населения высшие образцы культуры.

Рост коллекций Эрмитажа в рассматриваемый период не был столь заметным, как раньше. Закупки целых коллекций уступили

место приобретению отдельных произведений, разысканных и отобранных хранителями музея, обладавшими подготовкой и опытом «знатоков» западного искусства. Так, в Эрмитаж поступили полотна Леонардо да Винчи: в 1865 г. «Мадонна Литта», а в 1914 г. — «Мадонна Бенуа»[106].

Высокий художественный уровень коллекций обязывал повышать и уровень внутримузейной работы. В течение XIX в. в ходе процесса демократизации и профессионализации музейной деятельности управление императорскими коллекциями перешло от придворных сановников к ученым. Со второй половины XIX в. в Эрмитаже ведется научная разработка его сокровищ, совершенствуется развеска картин, издаются альбомы воспроизведений. В музейных учреждениях сформировались ученые, обогатившие своими трудами отечественную науку[107].

И в то же время известный историк искусства М.В. Алпатов отметил любопытную деталь: в произведениях отечественных писателей на протяжении всего XIX в., начиная с Н.М. Карамзина, встречаются восторженные описания европейских коллекций, например Дрезденской галереи, и лишь редкие обмолвки об Эрмитаже. «Создается впечатление, что русское общество XIX в. проходило мимо эрмитажных сокровищ, почтительно сняв шляпу, как мимо чего-то бесспорного и заслуживающего уважения, но что-то мешало ему глубоко загореться»[108]. Возможно, подчиненность дворцовому ведомству препятствовала дальнейшему развитию и наращиванию потенциала императорских музеев. Для их нормального функционирования как музейных учреждений требовалась определенная самостоятельность, планомерное изучение и пополнение коллекций, профессиональное руководство.

Потеря лидирующих позиций дворцовых музеев в художественной жизни страны проходила на фоне развивающегося частного коллекционирования, как столичного, так и провинциального. Частное коллекционирование представляло собой самостоятельную область культурной деятельности, теснейшим образом связанную с музейным миром. Личные собрания являются частью или резервом музейного фонда страны. Сфера коллекционирования становится для музейного дела не только пограничной областью, но и средой функционирования музеев. Причем средой творческой, в которой возникают новые направления собирательства, новые формы работы, новые музеи. Многие известные коллекции пополнили состав музейных собраний.

Огромный музей древнерусского искусства представляло собой собрание П.И. Щукина. В Москве, на Малой Грузинской улице, было выстроено специальное здание, на втором этаже которо-

го и размещались данные коллекции. (Здание сохранилось. В 1934 г. по ходатайству М. Горького комплекс зданий на М. Грузинской, 15, был передан Государственному биологическому музею им. К.А. Тимирязева.) «Большой зал музея был переполнен почти исключительно предметами русского искусства. Тесно расставленные витрины располагались посредине зала и вдоль стен, сплошь завешанных парчой, шитьем, портретами; у четырех колонн старинное оружие, с потолка спускаются старинные же паникадила. В витринах были миниатюры, эмали, резная кость, серебряные кубки, фарфор и хрусталь...»[109] Позднее для музея было выстроено еще одно здание, соединенное с первым подземным туннелем. В новом корпусе было представлено искусство XVIII в., иностранный и восточный отделы и др. Музей был открыт ежедневно с 10 до 12 часов, кроме некоторых праздничных дней и времени заграничных поездок П.И. Щукина. Редкие посетители осматривали музей самостоятельно или в сопровождении хозяина дома. В часы работы музея П.И. Щукин вместе со своим секретарем описывал музейное собрание. Им было подготовлено 43 тома таких описаний, которые издавались на средства автора тиражом в 300 экземпляров и дарились в музеи, библиотеки, исследователям и друзьям[110].

Чем большие культурные ценности накапливались в коллекциях частных владельцев, тем острее осознавалась необходимость решения проблемы сохранения этого богатства для общества. Многие ценные собрания, передаваясь из поколения в поколение, дробились, распродавались, попадали в случайные руки, а то и гибли. Гр. П.С. Уварова, вполне понимая органическую связь музеев и частных коллекций и так много сделавшая для осознания самой идеи необходимости сохранения культурного наследия, специально останавливалась на проблемах частного коллекционирования в уже упоминавшемся докладе об областных музеях: «По собранным за последнее время сведениям частных коллекций в России гораздо более, чем их можно было бы ожидать; коллекции эти собираются и уничтожаются, покупаются и продаются, добываются из недр земли русской и ее многочисленных храмов и монастырей и увозятся за границу беспрепятственнее и бесконтрольнее, чем где-либо в Европе. Ввиду трудности или, скорее, полнейшей невозможности организовать эту часть в обширной стране, как Россия, весьма желательно, чтобы местные археологические общества занялись серьезным ознакомлением с этими коллекциями и по возможности изданием их, дабы они при переходе из рук в руки или вывозе за границу не навсегда терялись для отечественной науки»[111]. Сама логика развития коллекционирования приводила к трансформации крупных частных коллекций в частные музеи, а затем и в музеи, доступные широкой

публике. Приведем два примера формирования и развития родовых художественных коллекций, сохранившихся благодаря включению их в музейные собрания.

К середине XIX в. относится создание замечательного художественного собрания гр. Н.А. Кушелева-Безбородко, основу которого составила фамильная коллекция живописи екатерининского вельможи, канцлера, кн. А.А. Безбородко. Последняя многократно делилась между наследниками, но в то же время и пополнялась картинами новейших мастеров стараниями молодого графа, объездившего страны Европы, Северной Африки и Ближнего Востока в поисках картин и предметов прикладного искусства. Картинная галерея, по завещанию рано умершего Кушелева-Безбородко, поступила в 1862 г. в Академию художеств. Она состояла из 466 картин старых западных мастеров XVI–XVIII вв., среди которых преобладала голландская и фламандская живопись времен ее расцвета (XVII в.), а также работ русских и западных художников первой половины XIX в. В стенах Академии художеств коллекция образовала особый отдел академического музея, известный как Кушелевская галерея. В предисловии к каталогу галереи отмечалось, что «тысячи посетителей получили от нее эстетическое наслаждение и поучение»[112].

В Москве в самом начале 1865 г. в особняке Голицыных на Волхонке торжественно открылась частная художественная галерея кн. С. М. Голицына. С. М. Голицын исполнил волю своего отца, известного собирателя и библиофила кн. М.А. Голицына, и сделал доступным для публики его богатейшее собрание, получившее в честь собирателя наименование Голицынского музея. Музей, состоявший из картинной галереи, включавшей ценнейшие полотна итальянских, французских, фламандских мастеров, собрания редкостей, в том числе несколько ценнейших мемориальных предметов, собрания прикладного искусства, библиотеки, был доступен для публики три раза в неделю и являлся достопримечательностью Москвы. Экспозиция была развернута в пяти залах второго этажа здания. Ежегодно музей посещало около 3 тыс. человек. В 1869 г. в его стенах проходил Первый археологический съезд, созванный Московским археологическим обществом. Стесненные материальные условия и постепенное охлаждение владельца к музею вынудили его в 1886 г. продать коллекции в казну, после чего они поступили в Эрмитаж. Москва лишилась замечательного музея. Но к этому времени в городе уже принимала посетителей Третьяковская галерея.

Начало Третьяковской галерее было положено в 1856 г. Спустя примерно двадцать лет галерея приняла первых посетителей, а

в 1881 г. в ее стены была допущена широкая публика, причем вход в музей был бесплатным. К этому времени в Москве сложились и другие богатейшие художественные собрания, некоторые из которых также были открыты для посещения. Но среди великого множества коллекционеров имя П.М. Третьякова занимает совершенно особое место. Он был единственным, кого вдохновляла идея создания общедоступного национального художественного музея. Еще в 1860 г., в самом начале своей коллекционерской деятельности, Павел Михайлович писал: «...для меня, истинно и пламенно любящего живопись, не может быть лучшего желания, как положить начало общественного, всем доступного хранилища изящных искусств, принесущего многим пользу, всем удовольствие...»[113] Именно этими идеями руководствовались братья Третьяковы и при формировании своей коллекции, и при строительстве здания, и при развеске картин, и при определении дальнейшей судьбы любимого музея.

В 1892 г. галерея была передана в дар Москве. Эта акция стала событием общенационального масштаба и послужила поводом для созыва Первого съезда художников, собравшегося в 1894 г. в стенах Исторического музея. «Настоящий съезд празднует открытие коллекции Третьяковской, которая сделалась достоянием города, — сказал выступавший на съезде художник Н.Н. Ге. — Она — дорогой памятник... Она дорога не только тем, что... собрала воедино русское искусство. Она дорога еще тем, что она учит, помогает молодым художникам двигаться вперед, указывая на то, что уже открыто.

Третьяков не есть только коллектор: это есть человек, любящий искусство, высоко просвещенный, любящий художника, любящий человека и умеющий отказаться от своих личных вкусов во имя общего блага»[114].

Основу Третьяковской галереи составили картины передвижников, целенаправленно приобретаемые П.М. Третьяковым, особенно в первые годы его собирательской деятельности. К моменту передачи галереи городу она насчитывала 1276 полотен русских художников, небольшое собрание рисунков (471 номер) и скульптур (10 номеров) русских мастеров[115]. Критик В.В. Стасов писал Третьякову: «Вы один работаете в музейном отношении более, чем вся остальная Россия, вместе сложенная»[116].

Галерея П.М. Третьякова имела огромное влияние на рост интереса к русскому искусству и к его усиленному собиранию. Пример коллекционерской деятельности Третьякова вызывал желание подражать ему в деле собирательства картин, будил интерес к художникам и их искусству. Влияние П.М. Третьякова испытал

банковский служащий и собиратель русской живописи и графики И.Е. Цветков, чья коллекционерская деятельность началась в 1880-е гг. Еще раньше, в молодые годы, сильное впечатление на него произвел частный музей кн. С. М. Голицына. Созданная Цветковым галерея была хорошо известна любителям живописи и открыта для широкого посещения. В 1909 г. коллекционер передал свое собрание в дар Москве вместе с домом, построенным в русском стиле при участии художника В.М. Васнецова. Крупнейшее (после П.М. Третьякова) собрание русской живописи предпринимателя, издателя и библиофила К.Т. Солдатенкова, известного также своей благотворительной деятельностью, было передано в 1901 г. по завещанию владельца в Румянцевский музей. В провинции художник-маринист И.К. Айвазовский выстроил на свои средства в родном городе Феодосии галерею и открыл ее для публики. Художник А.П. Боголюбов, внук А.Н. Радищева, стремясь увековечить имя деда, пожертвовал свою коллекцию картин г. Саратову, основав один из лучших провинциальных художественных музеев России. Для этого музея было выстроено специальное здание по проекту архитектора И.В. Шторма. Обладатель одной из самых значительных в пореформенную эпоху коллекций западноевропейской живописи П.П. Семенов-Тян-Шанский, еще только приступая к ее составлению, имел в виду в будущем передать собрание Эрмитажу и потому все внимание сосредоточил на приобретении недостающих в эрмитажной коллекции образцов нидерландского искусства[117]. Со временем, пополнив Эрмитаж, эти картины сделали музей обладателем лучшей в мире коллекции классической нидерландской живописи XVII в. Уникальное собрание известного юриста, историка искусств и коллекционера Д.А. Ровинского, плод собирательской и исследовательской деятельности многих десятилетий, включавшее ценнейшие гравюрные коллекции, было передано им в дар нескольким музеям и библиотекам Москвы и Петербурга. 600 листов гравюр Рембрандта поступили в Эрмитаж. Этот список можно продолжать и продолжать. Принесение коллекций в дар становится в пореформенную эпоху весьма распространенным явлением. А к концу века многие патриотически настроенные коллекционеры и продавать свои собрания предпочитали в музеи, иногда даже на маловыгодных условиях.

В России того времени не существовало никаких ограничений на вывоз музейных ценностей за границу, чем активно пользовались иностранные антиквары. Проданные же музеям культурные ценности оставались в пределах государства.

Ряд коллекций, сформировавшихся еще в XVIII в., сохранился именно благодаря включению их в музейные собрания. В даль-

нейшем многие крупнейшие музеи страны возникли на основе частных коллекций, сложившихся уже в XIX столетии (Румянцевский музей, Третьяковская галерея, Музей палеографии, созданный благодаря коллекциям Н.П. Лихачева). Эта тенденция поддерживалась и господствовавшими в обществе в пореформенный период идеями, общей тенденцией к демократизации общественной жизни. Так, один из крупнейших коллекционеров русской живописи, военный инженер М.П. Фабрициус считал, что каждый владелец художественного собрания должен ознакомить общественность с составом своей коллекции, опубликовав, например, каталог, что сделает ее, таким образом, доступной для изучения. Напомним, что большая часть произведений русской живописи находилась к концу века в частном владении и была недоступна для исследователей[118]. «Раскрепощение» коллекций происходило лишь в виде публикаций каталогов и обзоров, а также в ходе выставочной деятельности. Художественные музеи и галереи, открывшие постоянные экспозиции и проводившие многочисленные выставки, становятся новой формой музейного учреждения и новым явлением в культурной жизни страны.

В 1895 г. в Петербурге был учрежден второй крупнейший художественный музей — Императорский музей русского искусства императора Александра III. Тот факт, что первый подобный музей был организован частным лицом и открыт в Москве, сильно взволновав русское общество, видимо, послужил толчком к принятию императорского решения об открытии еще более крупного музея в Петербурге. Рост значения музеев в общественной жизни стал настолько очевиден и так ярко проявился в связи с открытием Третьяковской галереи, что вызвал стремление со стороны государства более активно использовать музеи в идеологических целях. В программе и деятельности Русского музея это впервые выразилось отчетливо: памятный отдел музея должен был создать благоприятное впечатление о деяниях Александра III на благо отечества. Открытие Третьяковской галереи в Москве и Русского музея в Петербурге как бы увенчало достижения русской живописи XIX в. Крупнейшие произведения отечественной живописной культуры сохранялись для будущих поколений уже в составе музейных коллекций.

Масштабы, которые приобрело музейное дело и коллекционирование в пореформенное время, потребовали аккумулировать организационные усилия и материальные средства и породили настоятельную потребность в меценатстве, сыгравшем большую роль в художественной жизни России. Всплеск меценатства, продемонстрировавший возросший культурный уровень и общественный



Иван Абрамович Морозов

вес молодой русской буржуазии, пришелся на период относительного благополучия Российского государства. Именно тогда молодое купечество, как писал К.С. Алексеев-Станиславский, впервые вышло на арену русской жизни и наряду со своими торгово-промышленными делами вплотную заинтересовалось искусством[119].

К концу века действовали представители третьего-четвертого поколений крупнейших купеческих фамилий. У них были основания задумываться о своей особой роли в истории государства. Современники включали в первую пятерку самых влиятельных в Москве купеческих фамилий Третьяковых, Морозовых, Бахрушиных, Найденовых и Щукиных[120]. Примечательно, что все они сыграли весьма значительную роль в истории музейного дела как крупнейшие коллекционеры и меценаты. Мотивы их благотворительной деятельности были различными, однако серьезные культурные акции имели, как правило, глубокую религиозно-нравственную подоплеку. Хорошо известно заявление П.М. Третьякова, который объяснял: «Моя идея была с самых юных лет наживать для того, чтобы нажитое от общества вернулось бы также обществу...»[121] А современники (П.А. Бурышкин) давали такую оценку его деятельности: «Сергей Михайлович собирал как люби-

тель, а Павел Михайлович видел в этом своего рода миссию, возложенную на него провидением»[122]. Роль меценатов в истории художественной культуры и музейного дела России не исчерпывается материальной поддержкой крупных культурных начинаний. Многие из коллекционеров-меценатов (например, С. И. Щукин, П.М. Третьяков) обладали исключительным даром распознавать подлинные художественные ценности, порой даже несколько опережая свое время. Коллекционеры 80 — 90-х гг. XIX в. оставили огромный след в русской культуре и подготовили наступление своеобразного коллекционерского бума начала XX в.

Меценатство получило распространение как в столицах, так и в провинции, где тоже появились люди нового склада и новых устремлений. К тому же благотворительность ценилась в обществе, меценаты получали почетные звания и награды. Известному своей благотворительной деятельностью предпринимателю, заведующему Собинской бумагопрядильной мануфактурой А.Л. Лосеву за пожертвование в 1898 г. 1000 руб. на строительство здания музея Архивной комиссии было присвоено звание пожизненного члена Владимирской архивной комиссии, а его имя решено было занести на мраморную доску в здании музея. Московский меценат И.Г. Простяков имел пять орденов за благотворительную деятельность. Создатель первого русского театрального музея А.А. Бахрушин, передавший свои коллекции Академии наук, получил генеральский чин[123]. П.М. Третьякову было присвоено звание почетного гражданина города Москвы. А.П. Боголюбов за содействие первому общедоступному художественному музею в провинции получил в 1887 г. орден Станислава I степени. Купец П.И. Щукин, передавший в дар Историческому музею все свое богатейшее собрание вместе с земельным участком, зданием и крупным капиталом, по ходатайству Министерства народного просвещения был награжден чином действительного статского советника (что соответствовало званию генерала в армии).

* *
*

Примерно в 90-е гг. в музейном деле России происходят определенные качественные изменения, позволяющие говорить о новом этапе его развития: обществом было осознано существование особой, самостоятельной, отличной от других культурной сферы — музейной, а музей приобрел статус культурной нормы. К этому времени в обеих столицах действовали уже десятки музеев. Из них коллекции Эрмитажа имели мировую известность, а Исторический, Политехнический и чуть позднее Русский музеи,



Александр Александрович Бахрушин

которые создавались как национальные, действительно приобрели такое значение.

Российские музеи (причем не только столичные, но и провинциальные, например уже упоминавшиеся Минусинский и Иркутский) являлись постоянными участниками всемирных выставок и знакомили мировую общественность с культурным наследием страны. Художественные или археологические разделы выставок, в которых демонстрировались коллекции музеев, всегда пользовались неизменным успехом у публики и получали дипломы устроителей.

К началу нового века в стране, по далеко не полным данным, музеи работали в 104 городах[124]. «...В наше время благоустроенный город без публичного музея как бы немыслим»[125], — писал основатель Самарского музея П.В. Алабин еще в 1887 г. Музеи стали важным элементом культурной жизни российских городов. Многие из них были открыты для публики (некоторые бесплатно) ежедневно или несколько раз в неделю. Кроме специалистов их начинают регулярно посещать учащиеся, а по воскресеньям — еще немногочисленная, но заинтересованная публика. Для удобства посетителей они имели печатные каталоги, публиковали свои

труды и отчеты, практиковали проведение «ученых прогулок» по залам. Для музеев строились специальные здания — Русского музея в Петербурге, Политехнического и Исторического в Москве, Минусинского в Сибири, Саратовского художественного музея в Поволжье и др. Эти здания, как правило, сохранились до наших дней и даже являются порой (как, например, в Иркутске) своеобразной «визитной карточкой» города.

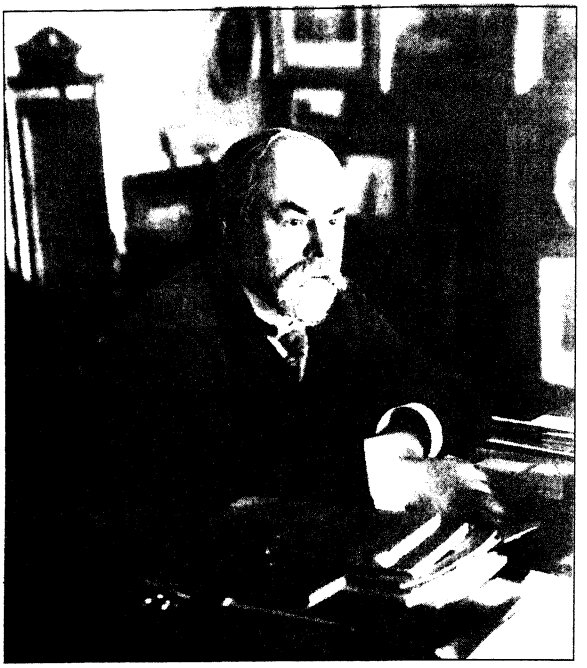
Среди широкой публики даже к концу века сохранялся взгляд на музей как на место, где собраны и хранятся разного рода диковины и раритеты. Но одна из важнейших особенностей нового этапа заключалась в том, что обозначились и были осознаны, по крайней мере специалистами, основные функции музеев в обществе. Уже во второй половине XVIII в. с музеями было прочно связано научное коллекционирование. Постепенно и медленно, «путем длинного жизненного опыта, создалось то своеобразное, необходимое учреждение нашей культурной эволюции, которое мы называем музеем в современном смысле этого слова, выросла в сознании музейных работников идея о его роли и назначении и сложилось определенное понятие о музее как научном учреждении»[126]. Музеи взяли на себя важную функцию хранителя и стража научных ценностей и оказались учреждениями, приспособленными «для наилучшего хранения предметов как научных документов». Им, действительно, удалось сберечь коллекции, формировавшиеся на протяжении трех столетий и не потерявшие до наших дней своего научного значения. И не только сберечь, но и пополнить, и ввести в научный оборот.

Музеи внесли свой вклад в подготовку серьезного прорыва, который сделала наука XIX в. в области естествознания, они способствовали оформлению в самостоятельные научные дисциплины археологии, антропологии, этнографии. Научные музеи XIX в. стали базой для создания уже в XX в. новой формы научного учреждения — научно-исследовательских институтов. Включение трудов по истории музеев в общенаучную историографию также указывает на приобретение ими значительного общественного и научного признания. В фундаментальном труде В.С. Иконникова, вышедшем в начале 1890-х гг., находим свидетельство осознания особой роли музеев для развития исторической науки: «Есть особый отдел памятников, не имеющих ничего общего с письменными материалами, но тем не менее весьма важный для истории, — это памятники вещественные, знакомящие нас с внешнею стороною жизни народа, степенью его цивилизации в известные периоды, связями и отношениями к другим народам и даже умственным миросозерцанием в его реальных проявлениях»[127].

Образовательное и воспитательное значение музейных учреждений осознавалось всегда. Стремление содействовать развитию науки и просвещения подталкивало музейных деятелей к поиску методов работы, позволявших в полной мере раскрыть культурный потенциал музейных собраний. Совершенствованию приемов экспозиционной работы, выработке методов экспонирования различных групп предметов в немалой степени способствовали многочисленные в пореформенный период всероссийские и международные выставки, наглядно демонстрировавшие то, что действительно было способно привлечь внимание публики. Так, если русская экспозиция на Всемирной выставке 1862 г. в Лондоне, по мнению критика В.В. Стасова, «печально составленная, печально разложенная и развешанная, была сатирой на необозримые богатства страны», то русский павильон на выставке 1900 г. был запоминающимся — он воспроизводил в миниатюре Московский Кремль. За оформление кустарного отдела художник К.А. Коровин получил орден Почетного легиона[128].

Серьезное влияние на перестройку музейных экспозиций оказали успехи педагогических наук, благодаря которым в 80–90-е гг. яснее формулировались цели и эффективнее становились методы музейного экспонирования. Наиболее заметными эти изменения оказались в деятельности тех групп музеев, которые с самого возникновения ориентировались на максимальный контакт с посетителем (промышленных, педагогических, музеев местного края). В результате публичный музей стал самым действенным после школы средством для народного образования, активным популяризатором знаний в широкой среде «неспециалистов науки». XX век получил в наследство весьма важное научно-просветительное учреждение.

Количественный рост музеев и их коллекций породил целый ряд профессиональных проблем, связанных с необходимостью сохранения, учета и изучения этих коллекций. И здесь помогал международный опыт. Известно, что практически в каждом случае создания крупного музея в России его устроители детально знакомились с имеющимися европейскими аналогами, обращая внимание на особенности музейной архитектуры, характер музейного оборудования, принципы учета и демонстрации коллекций. Подготовительный этап создания, например, этнографического отдела Русского музея занял несколько лет. Он включал длительную переписку устроителей между собой, в ходе которой формулировался замысел будущего учреждения, решался вопрос о приглашении специалистов (этнографов Д.А. Клеменца, Н.М. Могилянского и др.), совершались многочисленные зарубежные поездки для знакомства с опытом Европы и др.



Петр Иванович Щукин

Постепенно определились оптимальные условия хранения различных видов материалов — керамики, бумаги, тканей, мехов, металлов. К концу века были выработаны основные элементы музейной документации (шнуровые «книги поступлений», книги отзывов посетителей, различные картотеки, каталоги и пр.), и сегодня работающие и служащие важнейшим источником наших сведений о музеях прошлого века и об истории формирования их коллекций. Закладывались основы будущих музейных профессий. Навыки музейной работы в то время передавались в процессе деятельности «из рук в руки». Системы профессиональной подготовки музейных работников в XIX в. не существовало. Организаторами музеев и хранителями музейных коллекций становились энтузиасты, общественные деятели и государственные служащие, ученые (естествоиспытатели, этнографы, археологи, искусствоведы). Многие из широко известных деятелей культуры второй половины XIX в. вошли в историю именно как музейные деятели. Историки и коллекционеры А.С. Уваров и И.Е. Забелин известны сегодня широкой публике прежде всего как основатели Исторического музея; Д.А. Клеменца, имевшего яркую биографию революционера-народника, знают как музейного деятеля

Сибири и одного из создателей этнографического отдела Русского музея. Именно с музеями ассоциируются имена крупных и влиятельных предпринимателей Третьяковых, Бахрушиных, Щукиных. Есть все основания полагать, что для таких выдающихся ученых, как Д.Н. Анучин, А.П. Богданов или В.В. Докучаев, сотрудничество с музеями стало не эпизодом в их многогранной деятельности, а способом реализации масштабных научных программ. «Музеи, множась и разрастаясь, естественно привлекли к себе значительные культурные силы, и энергией деятельных работников на почве музейного дела выяснены были не только многие практические задачи, но и самая постановка музейного дела приобрела новый смысл и значение, получив новые идейные основания и почву»[129], — писал Н.М. Могилянский.

В сохранении культурного наследия по-прежнему участвовала и церковь. Но если до середины XIX в. старейшие памятники древнерусского искусства и исторические реликвии хранились в ризницах церквей и монастырей, то во второй половине столетия сформировалась представительная группа церковно-археологических музеев, имевших особые функции и особое представление о роли музеев и музейных предметов.

В последнее десятилетие XIX в. произошел еще один важный качественный скачок в развитии музеев: не ограничиваясь показом научных коллекций, реликвий и раритетов, они все чаще предпринимают шаги к осмыслению места человека в мире, утверждению гуманистических морально-нравственных ценностей. Эти проблемы были одинаково важными и для ученых-позитивистов, и для религиозных философов. Вспомним замечательное высказывание одного из основоположников «русского космизма» Н.Ф. Федорова. Веря в неограниченные возможности человека и в возможность воскрешения ушедших поколений, он отводил в этом процессе важную роль музею: «Музеи служат оправданием XIX веку; существование их в этот железный век доказывает, что совесть еще не совершенно исчезла... Но сохранится ли это уважение к памятникам прошедшего при дальнейшем прогрессе..?»[130] Эти идеи перекликались с высказываниями археолога И.Ф. Лихачева, который, обосновывая ценность археологических памятников, отмечал, что они составляют «драгоценное национальное состояние, которое нравственно должно быть для нас выше и дороже всего, ибо ставит нас в непосредственное соприкосновение с жизнью наших отцов и предков: это наше собственное прошедшее и единственное духовное наследство наше от исчезнувших поколений»[131]. Мысль о том, что музеи осуществляют связь времен и поколений, была близка музейным работникам XIX столетия.

Особая роль в осознании духовной преемственности поколений принадлежит историко-мемориальным музеям, которые появились в XIX в. и получили широкое распространение уже в XX в.. Кроме уже упоминавшихся комплексов, посвященных Петру I, в самом конце столетия возникли музеи, посвященные выдающимся деятелям культуры: в 1879 г. — библиотека-музей А.С. Пушкина при Царскосельском лицее, в 1883 — Лермонтовский музей при Николаевском кавалерийском училище, в 1894 — Дом-музей П.И. Чайковского в Клину.

Музеи представлялись невероятно многогранными, их культурный потенциал в XIX в. казался неисчерпаемым. Так, накануне нового века, принесшего человечеству разрушительные войны и жестокие социальные потрясения, деятели культуры стремились использовать возможности музеев в «собирании и охранении» памятников старины и искусства, а также «пробуждать в широкой среде общественное самосознание, сознательную любовь к окружающему, к своей малой, провинциальной родине, затем к своему отечеству и более широкое, наконец, мировое чувство человечности»[132]. Но реальное влияние музеев на духовную жизнь общества оказалось не безграничным. К тому же их значительный рост и яркие достижения лучших из них контрастировали с общей разобщенностью музейных учреждений в России. В 1889 г. впервые была высказана мысль о созыве профессионального съезда, который, правда, смог собраться лишь в 1912 г.[133] Осознание общности интересов и целей, желание сорганизоваться в профессиональное сообщество стали важным показателем завершения процесса, в результате которого музейное дело сложилось в особую форму культурной деятельности. Процесс выделения людей, учреждений, организаций, специализирующихся в этой области, шел на протяжении всего столетия.

Можно представить схему исторического развития отечественных музеев следующим образом: в России в XVIII в. появился музей, в XIX в. — сформировалось музейное дело, а в XX в. возникло музееведение. В целом эта схема соответствует общенаучным представлениям о процессах развития, которые идут от единичных явлений к многообразию форм, и на определенном этапе возникает желание и потребность в их осмыслении и познании.

Данный очерк не преследовал цели полного и последовательного изложения истории музейного дела XIX в. Нам представлялось важным показать, что без огромной предварительной работы, проделанной в XIX в., была бы невозможна яркая картина музейной жизни XX в., в свою очередь во многом определившая культурное лицо этого столетия. Каждая из названных тенденций

получила продолжение и способствовала новым научным достижениям, яркости русского авангарда, расцвету экскурсионной школы в России, размаху краеведческого движения, возникновению новых музеев по всей стране и пр. и пр.

---

[1] См.: *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1891–1892. Т. I. Кн. 1–2; 1898. Т. II. Кн. 1–2; *Шмит Ф.И.* Исторические, этнографические, художественные музеи: Очерк истории и теории музейного дела. Харьков, 1919; Очерки истории музейного дела в России и СССР. Вып. 1–7. М., 1957–1971; *Фатигарова Н.В., Фролов А.И.* История музейного дела в РСФСР. Публикации 1970–1986 гг. // Музееведение. Из истории охраны и использования культурного наследия в РСФСР. М., 1987; *Сундиева А.А.* История музейного дела как концепция и метод // Музееведение. Концептуальные проблемы музейной энциклопедии. М., 1990; *Бутаева З.С., Канычкина Е.С., Фатигарова Н.В.* История музейного дела: Библиографический указатель отечественной и зарубежной литературы. 2-е изд. М., 1991; Музей и власть: Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.). Ч. 1–2. М., 1991; и др.

[2] См.: *Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986, и его ссылки на работы известного французского этнолога К. Леви-Стросса.

[3] О понятии «культурная форма» см.: *Флиер А.Я.* Форма культурная // Культурология. XX век: Энциклопедия. Т. 2. СПб., 1998. С. 307; *Флиер А.Я.* Культурогенез // Культурология. XX век: Энциклопедия. Т. 1. СПб., 1998. С. 367.

[4] *Левинсон-Лессинг В.Ф.* История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). Л., 1985. С. 37.

[5] См.: *Станюкович Т.В.* Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.;Л., 1953. С. 158–159.

[6] Всего в дореформенный период в стране действовало 130 только исторических научных обществ. Они оказали серьезное влияние на пополнение фондов крупнейших музеев, прежде всего Эрмитажа (см.: *Разгон А.М.* Исторические музеи в России (с начала XVIII века до 1861 г.) // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. 5. М., 1963. С. 221).

[7] ПСЗ-I. Т. 28. № 21498. С. 579.

[8] См.: *Огарков В.В.* Демидовы, их жизнь и деятельность, СПб., 1891. С. 51.

[9] История Московского университета. Т. 1. М., 1955. С. 96.

[10] *Барановская М.Ю.* Декабрист Николай Бестужев. М., 1954. С. 41.

[11] *Станюкович Т.В.* Указ. соч. С. 212–225.

[12] Там же. С. 228.

[13] Устав и штат Императорской Санкт-Петербургской Академии наук [8 января 1836 г.] // Уставы Российской Академии наук. 1724–1999. М., 1999. С. 105–134.

[14] См.: *Левинсон-Лессинг В.Ф.* Указ. соч. С. 123.

[15] Там же. С. 121.

[16] *Георги И.Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного, с планом. СПб., 1996. С. 343.

[17] См.: *Левинсон-Лессинг В.Ф.* Указ. соч. С. 109. Количество картин в XVIII и XIX вв. в Эрмитаже и дворцах указывалось вместе.

[18] Там же. С. 128–129.

[19] См.: *Ненарокомова И.С.* Государственные музеи Московского Кремля. М., 1977. С. 86–88.

[20] ПСЗ-I. Т. 29. № 22054. С. 133–135.

[21] *Малиновский А.Ф.* Историческое описание древнего российского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты в Москве обретающегося. Ч. 1. М., 1807.

[22] В дальнейшем П.П. Свиньин в «Отечественных записках» (1821. № 13) опубликовал неизданные страницы продолжения «Исторического описания...» См. также статью «Оружейная палата» в «Отечественных записках» (1820. № 5).

[23] *Глинка С.Н.* Император Александр Первый, любитель отечественной древности // Русский вестн. 1808. № 6. С. 265.

[24] См.: *Левинсон-Лессинг В.Ф.* Указ. соч. С. 129.

[25] См.: *Георги И.Г.* Указ. соч. С. 396 и др.

[26] См.: *Левинсон-Лессинг В.Ф.* Указ. соч. С. 165–166.

[27] См.: *Павлович М.К.* Оружейная палата XVIII в. — учреждение, мастерская, музей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.

[28] Речи и письма живописца Луи Давида. М., 1933. С. 130.

[29] См.: *Гужаловский А.А.* Музеи мира. Введение в музееведение. М., 1989. С. 27.

[30] Там же. С. 24–25.

[31] Карамзин входил в свое время в Новиковский кружок, в котором еще в 1775 г. задумывалось издание серии книг «Сокровища российских древностей». Создание Н.М. Карамзиным «Истории государства Российского» стоит в ряду этих же процессов. Выход в свет уже первых томов этого труда в свою очередь усилил интерес к истории отечества. Хорошо известно свидетельство А.С. Пушкина о том, что все, «даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием... Несколько времени ни о чем ином не говорили» (*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. VIII. М., 1958.С. 66–67).

[32] *Аделунг Ф.* Предложение об учреждении Русского национального музея // Сын отечества. 1817. № 14. С. 54–72. Ф.П. Аделунг родился и учился в Германии. В Россию приехал в 1794. Входил в Румянцевский кружок и являлся почетным членом Петербургской Академии наук, а с 1803 г. — наставником вел. кн. Николая Павловича и Михаила Павловича.

[33] См.: *Разгон А.М.* Российский Исторический музей. История его основания и деятельности (1872–1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в России. М., 1960. С. 227.

[34] [*Вихман Г.*] Российский отечественный музей // Сын отечества. 1821. № 33. С. 289–310. Б.-Г. Вихман, как и Ф.П.Аделунг, учился в Германии, где начал собирать книги и рукописи, относящиеся к истории России. В 1814–1815 гг. был секретарем и библиотекарем гр. Н.П. Румянцева.

[35] См.: *Каспаринская С.А.* Музеи России и влияние государственной политики на их развитие (XVIII — нач. XX в.) // Музей и власть. Ч. 1. С. 25. П.П. Свиньин (1787–1839) в 1806–1813 гг. в качестве дипломатического чиновника МИДа путешествовал по Европе и Америке. В России занялся литературной деятельностью и журналистикой, издавал журнал «Отечественные записки» (1820–1830), в котором описывал русские музеи, памятники, частные коллекции.

[36] См.: *Разгон А.М.* Российский Исторический музей... // Очерки истории музейного дела в России. С. 226–227.

[37] *Вздорнов Г.И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М., 1986. С. 80.

[38] См.: *Разгон А.М.* Исторические музеи в России // Очерки истории музейного дела в СССР. С. 226.

[39] См.: *Гужаловский А.А.* Музеи Белоруссии в дооктябрьский период // Музей и власть. Ч. 2. С. 49.

[40] Там же. С. 50.

[41] См.: *Стасов В.В.* Румянцевский музей, история его перевода из Петербурга в Москву в 1860–1861 гг. // Русская старина. 1883. Т. XXXVII. С. 89–90.

[42] См.: *Разгон А.М.* Исторические музеи в России // Очерки истории музейного дела в СССР. С. 230.

[43] Сейчас его материалы хранятся в Таганрогском государственном литературном и историко-архитектурном музее-заповеднике.

[44] См.: *Формозов А.А.* Указ. соч. С. 21.

[45] Таковы шлем Ярослава Всеволодовича, найденный на месте Липецкой битвы (находка 1808 г., хранится в Оружейной палате); вещи IV в. н. э. из с. Концешты на Пруте (находка 1812 г., хранятся в Эрмитаже); клад русских ювелирных изделий домонгольской эпохи из Старой Рязани (находка 1822 г., хранится в Оружейной палате); клад орудий и культовых предметов бронзового века из Галича Костромского (находка 1836 г., хранится в Эрмитаже).

[46] *Формозов А.А.* Указ. соч. С. 40.

[47] См.: *Разгон А.М.* Исторические музеи в России // Очерки истории музейного дела в России. С. 238–251.

[48] См.: *Формозов А.А.* Указ соч. С. 40.

[49] См.: *Вздорнов Г.И.* Указ. соч. С. 51.

[50] Там же. С. 70.

[51] Там же. С. 47.

[52] См.: *Формозов А.А.* Указ. соч. С. 138.

[53] См.: *Вздорнов Г.И.* Указ. соч. С. 59.

[54] Там же. С. 23.

[55] Телескоп. 1831. № 11. С. 385–399.

[56] Письмо А.В. Веневитинова кн. В.Ф. Одоевскому от 17 июля 1830 г. // Русская старина. 1904. Т. 118. С. 203. Упоминается московский генерал-губернатор Д.В. Голицын.

[57] См.: *Каспаринская С.А.* Указ. соч. С. 26–27.

[58] *Полунина Н., Фролов А.* Коллекционеры старой Москвы: Биографический словарь. М., 1997. С. 343.

[59] *Кудрявцев П.* Художественные собрания в Москве: Собрание картин, принадлежащее господину Тюрину // Московские ведомости. 1852. № 1. С. 10.

[60] См.: *Каспаринская С.А.* Указ. соч. С. 32.

[61] Древности Российского государства: В 5 т. М., 1849–1854.

[62] См.: *Георги И.Г.* Указ. соч. С. 401.

[63] См.: *Филимонов Г.* Описание памятников древностей церковного и гражданского быта Русского музея П.Ф. Карабанова. М., 1849; Указатель картин и художественных произведений галереи В.А. Кокорева. М., 1863. В 1863 г. был опубликован каталог Кушелевской галереи; сохранился каталог Тюринского собрания.

[64] *Могилянский Н.М.* Областной или местный музей как тип культурного учреждения. Пг., 1917. С. 304.

[65] См.: *Варб Е.* Одно из наших центральных просветительных учреждений: (Очерки Румянцевского музея). М., 1898. С. 35–37.

[66] Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1897 г. М., 1898.

[67] См.: *Варб Е.* Указ. соч. С. 79.

[68] См.: *Пархоменко Т.А.* Музеи дореволюционной России во внешкольном образовании (вторая пол.XIX — нач. XX в.) // Музей и власть... Ч. 2. С. 33.

[69] См.: *Спиридонова Т.П.* О создании и деятельности полковых музеев Русской армии // ЦМВС. Информационно-методический сборник. Вып. 5. М., 2000. С. 60–63.

[70] *Жигульский З.* Цит. по: *Гужаловский А.А.* Музеи мира. Введение в музееведение. С. 35.

[71] Изв. ОЛЕАЭ. Т. XXXVII. Вып. 1. М., 1881. Протоколы. С. 87.

[72] См.: *Поздняков Н.Н.* Политехнический музей и его научно-просветительная деятельность в 1872–1917 гг. // История музейного дела в СССР. М., 1957. С. 133.

[73] Там же. С. 134.

[74] *Юхневич М.Ю.* Педагогические, школьные и детские музеи дореволюционной России. М., 1990. С. 10.

[75] Там же. С. 19.

[76] Четкого определения понятия «национальный музей» в музееведческой литературе сегодня не существует. Как правило, это музеи, располагающие особо ценными коллекциями памятников общенационального значения, крупнейшие музеи того или иного профиля в стране. Большинство национальных музеев ведет свое начало с XIX в.

[77] Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867. С. 277–278.

[78] *Разгон А.М.* Российский Исторический музей... // Очерки истории музейного дела в России. С. 235.

[79] Там же. С. 236.

[80] Голос. 1873. № 31. «Смысл и значение Музея имени Государя Наследника Цесаревича». С. 1.

[81] Голос. 1873. № 41.

[82] См.: *Кириченко Е.И.* Исторический музей. М., 1984. С. 42.

[83] *Забелин И.Е.* Цит. по: *Разгон А.М.* Российский Исторический музей... С. 271.

[84] См.: *Думова Н.Г.* Московские меценаты. М., 1992. С. 19.

[85] См.: *Кириченко Е.И.* Указ. соч. С. 49.

[86] Там же. С. 51.

[87] См.: *Равикович Д.А.* Музеи местного края во второй половине XIX — начале XX века (1861–1917) // Очерки истории музейного дела в России. С. 168.

[88] *Уварова П.С.* Труды VII Археологического съезда в Ярославле. Т. 2. М., 1891. С. 281.

[89] Там же. С. 281.

[90] *Равикович Д.А.* Указ соч. С. 186; *Она же.* Из истории организации сибирских музеев в XIX в. // История музейного дела в СССР. М., 1957.

[91] *Докучаев В.В.* Соч. Т. 7. М., 1953.

[92] См.: *Козляков В.Н., Севастьянова А.А.* Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века. Т. I. М., 1998. С. 183.

[93] См.: *Уварова П.С.* Указ. соч.

[94] РГО было основано в 1845 г. по инициативе географа Ф.П. Литке, ставшего его первым председателем. Местные отделения общества изучали природу, население, экономику и историю края, имея целью его всестороннее исследование.

[95] См.: *Равикович Д.А.* Музеи местного края... С. 157–158.

[96] Цит. по: *Равикович Д.А.* Музеи местного края... С. 147.

[97] Десятилетие Минусинского музея (1877–1887). Томск, 1887. С. 25.

[98] См.: *Равикович Ф.А.* Музеи местного края... С. 187.

[99] См.: *Равикович Д.А.* Из истории организации сибирских музеев... С. 169.

[100] Памяти А.К. Кузнецова. Сб. Чита, 1929. С. 30.

[101] См.: *Кон Ф.Я.* Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902 гг.). Казань, 1902. С. 79.

[102] См.: *Равикович Д.А.* Из истории организации сибирских музеев... С. 171–172.

[103] *Алабин П.В.* Трехвековая годовщина г. Самары. Самара, 1887. С. 76.

[104] См.: *Равикович Д.А.* Из истории организации сибирских музеев... С. 165.

[105] См.: *Равикович Д.А.* Музеи местного края... С. 216.

[106] Эрмитаж. История и коллекции. М., 1982. С. 11.

[107] См.: *Алпатов М.В.* Значение Эрмитажа в русской и мировой культуре // Алпатов М.В. Этюды по всеобщей истории искусств. М., 1979. С. 186.

[108] Там же. С. 186–187.

[109] *Бондаренко И.* Записки коллекционера // Памятники Отечества. 1993. № 1–2. С. 28.

[110] Там же. С. 28–29.

[111] *Уварова П.С.* Областные музеи. М., [б.г.]. С. 15.

[112] Каталог галереи графа Н.А. Кушелева-Безбородко. СПб., 1886. С. IV. Первый каталог галереи был издан в 1863 г.

[113] *Ненарокомова И.С.* Павел Третьяков и его галерея. М., 1994. С. 46.

[114] *Безрукова Д.Я.* Третьяков и история создания его галереи. М., 1970. С. 89.

[115] См.: *Овсянникова С.А.* Частное коллекционирование в России в пореформенную эпоху (1861–1917) // Очерки истории музейного дела в России. С. 104.

[116] *Боткин А.П.* П.М. Третьяков в жизни и искусстве. М., 1951. С. 108.

[117] См.: *Овсянникова С.А.* Указ. соч. С. 110.

[118] Там же. С. 104.

[119] Цит. по кн.: *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. М., 1990. С. 107.

[120] Там же. С. 111.

[121] *Ненарокомова И.С.* Указ. соч. С. 9.

[122] *Бурышкин П.А.* Указ. соч. С. 135.

[123] Там же. С. 128.

[124] Ежегодник внешкольного образования. Вып. 2. СПб., 1910. С. 415.

[125] *Алабин П.В.* Указ. соч. С. 162.

[126] *Могилянский Н.М.* Указ. соч. С. 305.

[127] *Иконников В.С.* Указ. соч. Т. 1. Кн. 2. С. 1351.

[128] *Мезенин Н.А.* Парад всемирных выставок. М., 1991. С. 98.

[129] *Могилянский Н.М.* Указ. соч. С. 305.

[130] *Федоров Н.Ф.* Музей, его смысл и назначение // Федоров Н.Ф. Из философского наследия. (Музеи и культура). М., 1995. С. 18.

[131] Труды Археологического съезда в Ярославле. Т. 2. С. 339.

[132] *Могилянский Н.М.* Указ. соч. С. 306–307.

[133] *Разгон А.М.* Предварительный музейный съезд — итог развития музейного дела в России // Музей и власть. Ч. 2. С. 6.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

С. 12. М.Н. Муравьев. Худ. Темир. 1821 г. (*ГЭ*).

С. 21. Дьячок объясняет крестьянам картину Страшного Суда. Худ. В.В. Пукирев. 1868 г. *(Музей истории религии и атеизма. Петербург).*

С. 27. А.С. Шишков. Гравюра сер. XIX в. *(Фототека Музея истории МГУ).*

С. 33. В.Ф. Одоевский. Фото сер. XIX в. *(Фототека Музея истории МГУ).*

С. 39. Л.Н. Толстой. Гравюра Мате по рис. И.Е. Репина. 1891 г. *(Фототека Музея истории МГУ).*

С. 51. Титульные листы книг: «Детский общеполезный письмовник» (М., 1823); Вахтеров В.П. На первой ступени обучения (М., 1906).

С. 59. Крестьянская семья собирает ребенка в школу. Литография изд-ва И.Д. Сытина.

С. 78. С.С. Уваров. Акварель П.Ф. Соколова. 1820-е гг. *(Гос. музей им. А.С. Пушкина).*

С. 87. Царскосельский лицей. Литография с рис. А.А. Тона. 1822 г.

С. 99. И.Ф. Тимковский. Литография. Сер. XIX в. *(Фототека Музея истории МГУ).*

С. 109. И.И. Лажечников. Рис. М.М. Сажина. 1840-е гг. *(Ин-тут русской литературы. Петербург).*

С. 113. Группа гимназистов. Фото. Конец XIX в. *(Архив газеты «Былое»).*

С. 127. В.Н. Каразин. Гравюра. Вторая пол. XIX в. *(Фототека Музея истории МГУ).*

С. 131. Московский университет. Акварель. 1830-е гг. Фрагмент *(Фототека Музея истории МГУ).*

С. 136. М.М. Сперанский. Худ. В.А. Тропинин. *(Из кн.: Русские портреты XVIII–XIX ст. Т. III. СПб., 1907. № 9).*

С. 151. Студенческая комната. Гравюра. 1880-е гг.

С. 155. Казанский университет. Рубеж XIX–XX вв. Фото *(Фототека Музея истории архитектуры им. А.В. Щусева).*

С. 163. С.П. Шевырев. Литография. 1860-е гг.

С. 175. В студенческой столовой. Гравюра. 1880-е гг.

С. 189. Санкт-Петербургский университет. Гравюра. 1869 г.

С. 193. В кабинете изящных искусств Московского университета. Фото конца XIX в. *(Фототека Музея истории МГУ).*

С. 205. Т.В. Прохоров. Литография.

С. 211. Т.В. Марыгин и его рисунки на ткани. Фото. *(Из кн.: Русский торгово-промышленный мир. М., 1993).*

С. 215. Ф.В. Чижов и основанное им механико-техническое училище в Костроме. Фото. Конец XIX в. *(Из кн.: Памятники Отечества. 1991. № 1. С. 83).*

С. 226. Диплом Русского технического общества. 1886 г. *(Фототека Музея истории МГУ).*

С. 233. Школа печатного дела. Фото конца XIX в. *(Архив газеты «Былое»).*

С. 241. В.Г. Шухов. Гравюра. Конец XIX в.

С. 243. В сапожной мастерской. Фото. Конец XIX в.

С. 255. Академия наук. Санкт-Петербург. Литография. 1880-е гг.

С. 263. Пулковская обсерватория. Литография. 1830-е гг.

С. 269. А.М. Бутлеров. Фото. Конец XIX в.

С. 275. Д.И. Менделеев. Гравюра. Конец XIX в.

С. 291. Н.Н. Зинин. Фото. Конец XIX в.

С. 303. Антропологическая выставка. Фото. 1879 г. Фрагмент экспозиции *(Из кн.: Антропологическая выставка. Т. IV. Ч. II. М., 1879).*

С. 313. Императрица Мария Федоровна. Гравюра Соколовского. Конец XIX в.

С. 321. Школа рисовальных художеств. Худ. Е.Н. Хилков. 1855 г. *(ГРМ).*

С. 327. Домашний секретарь. Гравюра с рис. В. Якоби.

С. 345. Зал в гимназии Софии Фишер в Москве. Фото. Конец XIX в. *(Из кн.: Харузина В. Прошлое. М., 1989. Вклейка).*

С. 353. Члены Общины Красного креста в г. Бухаресте. Фото. 1877 г. *(Архив газеты «Былое»).*

С. 368. М. Десницкий. Худ. В.П. Боровиковский *(ГТГ).*

С. 373. Женское епархиальное училище в Ярославле. Фото. Начало XX в. *(Из кн.: Памятники Отечества. 1989. № 2. С. 105).*

С. 379. Нижегородская семинария. Фото. Конец XIX в. *(Музей архитектуры им. А.В. Щусева).*

С. 385. К.П. Победоносцев. Рис. В.А. Серова. Конец XIX в. *(ГТГ).*

С. 393. Лавка книготорговца. Гравюра. 1880-е гг.

С. 399. А.Ф. Смирдин. Литография. 1840-е гг.

С. 403. Титульные листы популярных в народе книг, выдержавших множество переизданий: «Сказка о Петре королевиче», «Милорд. Рыцарская повесть» *(НБ МГУ).*

С. 409. И.Д. Сытин. Фото. Начало XX в. *(Из кн.: Сытин И.Д. Жизнь для книги. М., 1978).*

С. 415. Выставка-продажа учебных пособий. Гравюра. 1880-е гг.

С. 427. Букинисты. Гравюра. Сер. XIX в.

С. 431. Книжная лавка И. Дациаро в Москве. Фото. Конец XIX в. *(Фототека Музея архитектуры им. А.В. Щусева).*

С. 433. Продажа книг со склада в губернском городе. Фото. Конец XIX в. *(Архив газеты «Былое»).*

С. 449. Н.А. Полевой. Рис. В.А. Тропинина. 1840 г. *(Фототека Музея истории МГУ).*

С. 457. Н.И. Греч. Литография. 1830-е гг. *(Гос. музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина).*

С. 465. Титульные листы журналов «Русская старина», «Нива» *(НБ МГУ).*

С. 473. В.А. Гиляровский. Фото. Конец XIX в. *(Из кн.: Биография дома. Улица Кирова, д. 12. Вклейка).*

С. 501. Чтение в крестьянской семье. Литография издательства И.Д. Сытина. Конец XIX в.

С. 519. А.Н. Оленин. Гравюра. 1860 г.

С. 527. Титульный лист журнала «Новоселье» *(НБ МГУ).*

С. 531. Н.П. Румянцев. Литография с картины Ледера.

С. 533. Пашков дом, в котором размещалась Румянцевская библиотека. Москва. Фото. Начало XX в. *(Фототека Музея архитектуры им. А.В. Щусева).*

С. 537. А.Д. Чертков. Акварель П.Ф. Соколова. 1830 г. *(Гос. музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина).*

С. 547. В зале студенческой библиотеки. Гравюра. 1880-е гг.

С. 551. В монастырской библиотеке. Фото. Начало XX в. *(Архив газеты «Былое»).*

С. 555. Зал старинных книг в Библиотеке Академии наук. Гравюра Х. Вортмана. Конец XIX в.

С. 573. Военная галерея Зимнего дворца. Худ. Г. Чернецов. 1827 г. *(ГЭ).*

С. 575. П.П. Свиньин. Гравюра. Первая пол. XIX в.

С. 595. Здание Исторического музея. Москва. Фото. Конец XIX в. *(Фототека Музея архитектуры им. А.В. Щусева).*

С. 601. П.С. Уварова. Фото. Конец XIX в. *(Из кн.: Памятники Отечества. 1995. № 1–2. С. 152).*

С. 613. И.А. Морозов. Портрет работы В.А. Серова. 1902 г. *(ГТГ).*

С. 615. А.А. Бахрушин. Фото. 1880-е гг. *(Фототека Музея истории МГУ).*

С. 618. П.И. Щукин. Фото. Конец XIX в. *(Из кн.: Памятники Отечества. 1995. № 1–2. С. 159).*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аблов Н.Н. 440
Абрамов А.А. 402
Абрамов Я. 65, 67
Аввакум 552
Авдошенко Е. В. 510
Аврус А.И. 197–198
Авсеенко В.Г. 410, 476
Агассис Л. 297
Агафонов Н.Я. 472, 512
Агин А.А. 430
Адарюков В.Я. 439, 560
Аделунг Ф. П. 515, 520, 542, 574–575, 577, 622
Айвазовский И.К. 597, 611
Аксаков И.С. 174, 228, 471
Аксаков К.С. 151
Аксаков С.Т. 132, 142, 154–155, 196, 418
Аксакова-Сиверс Т.А. 363
Алабин П.В. 599–600, 605, 615, 625–626
Александр I 20–21, 69, 74–75, 76, 79, 84, 119, 126, 133, 135, 142–143, 156, 258, 286, 367, 374–375, 388, 390, 478, 516, 519, 522, 541, 544–545, 553, 571–572, 576, 578, 580, 622
Александр II 41, 52–53, 95, 172, 175, 184, 248, 378, 380, 459, 475, 498, 501, 554, 588, 591
Александр III 178, 184–185, 199, 375, 382, 553–554, 612
Александра Федоровна, императрица 313
Александрова Л. А. 9
Алексеев К. *см.* Станиславский К.С.
Алешинцев И. А. 72, 117–122
Алпатов М. В. 607, 625
Алчевская Х.Д. 561
Альфонский А.Т. 145
Алябьева О. 362
Амвросий (Подобедов) 367
Амфитеатров А.В. 504
Анастасевич В.Г. 526
Андерсен В. 436
Андреев Е.Н. 214, 226–228, 231, 247, 249
Андреев Л.Н. 483
Андреева О.В. 442
Андреева-Бальмонт Е. 327, 336, 345, 356, 359–360, 363–364
Андреянов М.А. 110
Андриевский И.Е. 169
Андрияшев А.Ф. 106, 117–119, 122–123
Аникин А.В. 436
Анисимов Ф.Ф. 122
Анна Федоровна, императрица 336
Анненков П.В. 398, 435
Анненская А.Н. 355
Анопов И.А. 217, 247–248, 250
Аносов П.П. 207
Антоновский М.И. 517
Антюхин Г.В. 509, 511
Анучин Д.Н. 179, 186, 190, 198, 285, 591, 594, 619
Аракчеев А.А. 544–545
Арапетов И.П. 150
Аргамаков А.М. 572
Арсений, митрополит 378
Арсеньев К.И. 37, 64, 157–158, 197, 270, 518
Арсеньев Я. Е. 522
Арсеньева С.А. 343
Артемьев А.И. 117
Астапов А.А. 426–427, 441
Афанасьев А.Н. 169, 556
Ахметьев 402, 437
Ашукин Н. 441

Бабст И.К. 182, 213–215, 228, 247
Бабухин А.И. 177, 179–180
Багалей Д.И. 61–62, 196
Багратион П.Р. 107
Базанова Ю.И. 181
Базуковы 394, 421
Бакмейстер И.Г. 567
Бакст Л.С. 434
Бакст О.И. 401
Баллод П.Д. 401
Балугьянский М.А. 157, 159, 196
Бантыш-Каменский Н.Н. 131, 395, 549
Баранова А.А. 344
Барановская М.Ю. 621
Баратынский Е.А. 132, 447
Барсов Е.В. 536, 549, 552, 562–563
Барсуков И. 386
Бартелье И.М. 154
Бартельс М.Ф. 82
Бартенев П.И. 470, 474
Бартольд В.В. 483
Бастракова М.С. 198–199, 307
Батюшков П.Н. 132, 536
Бахрушин А.А. 614
Бахрушин А.П. 557
Бахрушины 613, 619
Бегтров К.П. 429
Безбородко, кн. А.А. 100, 609
Безрукова Д.Я. 625
Безсонов Т. 441
Бекетов А.Н. 170, 179, 190, 281–282, 284–285, 292, 298, 300–301, 591, 603
Бекетов Н.Н. 190, 281, 283, 301, 307, 355
Бекетов П.П. 394, 418, 428, 436
Беккариа Ч. 390
Белелюбский Н.А. 290
Белен де Баллю Ж.Н. 152
Белинский В.Г. 147, 151, 164, 196–197, 397, 418, 430, 436, 450, 454, 456, 477, 489, 492, 507–508, 510–511
Беллингсгаузен Ф.Ф. 156
Беллюстин И.С. 492
Белов А. 563
Белоконский И. 67
Белопольский А.А. 191
Белый А. 505
Бельская А.Н. 361
Белявский М.Т. 61
Белявский Н.Ф. 366, 372, 385–386
Беляев И.Д. 180, 228
Бенедиктов В.Г. 392
Бенкендорф А.Х. 486
Бентам Дж. 390
Бенуа А.Н. 434, 505
Берви В.В. 504
Берг Л.С. 591
Бергштрессер 112
Бердова О.В. 512
Березин-Ширяев Я.Ф. 556
Березина В.Г. 508, 511
Березовский В.А. 412
Бернадский Е.Е. 430
Берпиков И.С. 385
Бернсдорф 546
Бестужев А.А. 392, 447, 456, 490
Бестужев Н.А. 569, 622
Бестужев-Лада И.В. 363
Бестужев-Марлинский А.А. 393
Бестужев-Рюмин К.Н. 178, 180, 190, 355, 596
Бецкой И.И. 311–312
Бибиковы 544
Бильбасов В.А. 177, 180
Битепаж Ф. А. 408, 417
Битнер В.В. 400
Благовещенский Н.М. 121, 170, 198
Благово Д. 61
Благосветов Г.Е. 471
Бларамберг И.П. 580
Блиох И.С. 61
Блок А.А. 505
Блудов Д.Н. 541
Блюммер А.И. 350
Богданов А.П. 191, 269, 284, 292–293, 301, 594, 619
Богданов В.И. 228
Богданова М.А. 350
Богданович И.Ф. 300, 395
Боголепов Н.П. 55
Боголюбов А.П. 611, 614

Богословский М.М. 161
Богучарский В.Д. 482
Бодуэн Куртене де И.А. 292
Бодянский О.М. 148, 151, 161, 523
Бокачев Н. 554, 563
Боклевский П.М. 169
Бокова М.А. 353
Болдырев А.В. 130, 144–145, 159
Болотов В.В. 385
Болховитинов Евгений, митрополит Киевский *см.* Евгений
Большаков В.Д. 245
Большаков С.Т. 419
Большаков Т.Ф. 419, 440, 531
Бонгард Г.П. 270
Бондаренко И. 625
Бонне Ш. 519
Борзенков Я.А. 292, 298, 301
Борисов И.И. 118
Бородин А.П. 281
Бородин А.П. 529
Боткин А.П. 625
Боткин В.П. 166
Боткин С.П. 268, 281
Боханов А.Н. 509
Боянус Л. 271
Брадке Е.Ф. фон 82, 88
Брайковский А.А. 412
Брандербург Н.Е. 596
Брашман Н.Д. 292
Бриллиантов Г.Т. 404
Бредихин Ф.А. 181, 267, 280, 288, 292
Брокгауз Ф.А. 413
Броневский С.М. 580
Броссе М.Ф. 517
Бруно Д. 531
Брюллов А.П. 429, 560
Брюллов К.П. 429
Брюс Я.В. 513, 566
Брюсов В.Я. 464, 505, 509
Бугаев Н.В. 278, 296
Булгарин Ф.В. 392, 397–398, 416, 430, 440, 448, 455, 486, 488, 489
Булгарис Е. 542
Буле И.Ф. 129, 511
Булич Н.Н. 61–62, 64
Бунаков Н.Ф. 4, 46–47, 65, 66
Бунаковский 543
Бунге Н.Х. 169, 174, 185
Бунге Ф.А. 541
Бунин И.А. 408, 483
Буняковский В.Я. 63, 270
Буренин В.П. 504
Бурышкин П.А. 613, 625
Буслаев Ф.И. 162, 179, 180, 191, 270, 596
Бутаева З.С. 621
Буташевич-Петрашевский М.В. 472, 556
Бутлеров А.М. 179, 190, 269, 280–281, 290, 301
Бутурлин Д.П. 559
Бурырский Н.И. 142
Бухгейм Л.Э. 443
Бычков А.Н. 169, 536
Бюхнер Л. 297

Вагнер Н.П. 281, 283, 298, 301
Ваксель Л. 546
Валуев П.А. 474–475, 493, 501–502, 510, 512
Валуев П.С. 571
Ванчаков А.М. 66–67
Варб Е. 561–562, 624
Васильев В.П. 170
Васильев К. 336
Васильчиков И.В. 169
Васильчикова Л.Л. 343, 363
Васнецов В.М. 386, 529, 597, 611
Вахрамеев И.А. 563
Вахтеров В.П. 411–412, 442, 562
Вацура В.Э. 511
Введенский Н.Е. 180
Вебер М. 298
Вельтман А.Ф. 532, 586
Венгеров С.А. 507
Веневитинов А.В. 584, 623
Венецианов А.Г. 437
Вергилий 518
Верещагин В.В. 231
Верещагин Н.В. 231, 443
Вернадский В.И. 57, 193, 278, 281, 285, 287, 307, 529
Вернадский И.В. 298
Верстовский А.Н. 132
Вертер Е.А. 347
Вертинский Н.С. 507
Веселов А.Н. 250, 251
Веселовский А.Н. 177, 179–180, 196, 301
Веселовский Б.Б. 44, 65–67, 111, 442
Веселовский Г.М. 117
Вессель Н.Х. 209, 231, 245–246
Вздорнов Г.И. 576, 583, 623
Вигель Ф.Ф. 523
Викторов А.Е. 532
Вильямс В.Р. 591
Винкельман И. 586
Виноградов П.Г. 179, 180, 192, 250
Виноградский В.А. 110
Виппер Б.Р. 589
Виппер Е.Н. 561
Вирхов Р. 297
Витте С.Ю. 236, 291, 307, 497
Вихман Б.-Г. 516, 545, 574, 576–578, 623
Вишленкова Е.А. 374, 385–386
Владимиров В.В. 117, 119, 123
Власенко Т.С. 437
Водовозова Е. 317, 361–362
Воинов И.П. 130
Воейков А.И. 190, 591
Волков Н.М. 442
Волконская З.А. 584, 585
Волконские 149
Волконский П.И. 545
Волконский С.Г. 516
Волошин М.А. 505
Волынский А.Л. 504
Вольтер М.Ф. 390, 516
Вольф М.О. 298, 299, 302, 400, 407–410, 417, 421–422, 432, 434, 441, 469, 554
Вольф Х.Г. 518
Воронина Т.А. 441
Воронихин А.Н. 515
Воронов А.С. 18, 61–63, 66, 121
Воронцов М.С. 480, 542, 580
Воронцовы 544
Воскресенский А.А. 164
Востоков А.Х. 395, 517, 577
Всеволожский Н.С. 388
Вырубов Г.Н. 306
Вышнеградский И.А. 231–233, 235, 337–339, 348, 363
Вяземские 544
Вяземский П.А. 132, 436, 508, 511, 546
Вязмитинов С.К. 516

Гаврилов М.Г. 145
Галаган П. 103
Галактионов С.Ф. 428–429, 560
Галахов А.Д. 324, 361, 511
Галич А.И. 142, 397
Гамель И.Х. 581
Гамсон П.Ф. 563
Гано А. 297
Гарелин Н.Ф. 443
Гарелин Я.П. 523
Гарин-Михайловский Н.Г. 244
Гартвиг Г. 297
Гартунг-Пушкина М.А. 536
Гарусов И.Д. 62
Гациский А.С. 472, 483, 509, 512, 602
Гаярин А.Ф. 121
Ге Н.Н. 407, 611
Геблер Ф.В. 581
Гегель Г. 163
Гейм И.А. 132, 319, 522
Гейман Р.Г. 167, 209, 212, 247
Гексли Т. 297, 400
Гельмерсон Г.П. 289
Геннади Г.Н. 524, 556, 558, 560, 562
Георги И. 571, 621, 623
Герд А.Я. 355
Герман К.Ф. 157–158, 270
Гермоген, патриарх 548

Герц К.К. 179, 589
Герцен А.И. 144, 150–151, 166, 169, 196–197, 258, 267, 306, 400–401, 453, 471, 496–498, 512, 529, 535, 556, 599
Герье В.И. 174, 177–180, 354, 355
Гесс Г.И. 272
Гессен С. 436
Гете И.-В. 408, 410
Гиббон Э. 298
Гиллельсон М.И. 511–512
Гиляров-Платонов Н.П. 329, 364, 466, 509
Гиляровский В.А. 188, 199, 472
Гинзбург Б.С. 437
Глаголева О.Е. 440
Глазунов И.И. 388, 429
Глазунов И.П. 526
Глазуновы 297, 394, 421, 435, 525
Глинка С.Н. 391, 487, 490, 572, 622
Гнедич И.И. 517
Гнедич П.П. 395, 410, 416, 438–439
Говоров А.А. 442
Гоголь Н.В. 132, 324, 397, 404, 410, 412, 418, 430, 489
Голицын А.Н. 21, 23, 146, 156, 158, 367, 371, 376, 451, 486
Голицын Д.В. 584, 623
Голицын Д.М. 566
Голицын М.А. 609
Голицын С.М. 609, 611
Головин 519
Головнин А.В. 40, 66, 96, 176, 185, 295, 382
Голубева О.Д. 558–559
Голышев И.А. 402, 405, 437, 441
Гольдбах Ф. 129
Гольдберг И.А. 399
Гольдштейн М.Я. 543
Гомер 518
Гончаров И.А. 196, 267, 306, 471, 526
Гораций 518
Гордеева Е.Д. 561
Горлов И.Я. 170
Горностаев И.И. 520
Горский А.В. 385
Горчаков Д.П. 435
Горшков Ю.А. 442
Горький А.М. 244, 251, 529, 608
Горюшкин 146
Готвальд И.Ф. 517
Готье Ю.В. 589
Гоцковский И.Э. 571
Градовский А.Д. 180
Грановский Т.Н. 147, 161, 164, 166–167, 179, 286, 299, 402, 535, 589
Графе Ф.Б. 157, 196, 270
Грачев Н.Д. 522
Греч Н.И. 69, 389, 396, 398, 452, 455–456, 486, 489, 491–492, 508, 511–512, 560
Грибоедов А.С. 129, 138, 149–150, 196, 447, 489, 492, 516
Григорович В.И. 161
Григорович Д.В. 407
Григорьев А.А. 169
Григорьев В.В. 341, 360, 363, 364
Григорьев П.Н. 67
Гришина З.В. 561
Гримм В. и Я., братья 163
Грищенко А.П. 561
Грот Я.К. 301, 483
Грузинов И.Е. 130, 195
Губанов Е.А. 404–405
Гужаловский А.А. 622–624
Гулак-Артемовский П.П. 153–154, 324
Гульд Н.А. 261
Гумбольдт А. и В., братья 163, 519
Гуренко Е.К. 511

Давид Л. 574, 623
Давидов А.Ю. 292–293
Давыдов Д.В. 456
Давыдов И.Д. 151
Давыдов И.И. 146, 162, 167
Давыдова Л. 341
Даль В.И. 110, 408, 442, 483, 520
Данте А. 408
Дарьер А.В. 562
Дарвин Ч. 282, 297, 400, 408
Дашкевич З.И. 561
Дашкевич Л.И. 561
Дашков Д.В. 13
Дашкова Е.Р. 522, 567
Двигубский И.А. 130, 133, 144–146, 167, 267
Девриен А.Ф. 298–299, 412
Дегай П.И. 541
Дегуров А.А. 196
Дейч Г.М. 511
Делла-Вос В.К. 222, 231, 249
Делольм Ш. 390
Дельвиг А.И. 132, 208, 392
Делянов И.Д. 98, 101–102, 182, 185, 191, 239, 352
Демидов П.А. 236
Демидов Н.Н. 568
Демидов П.Г. 118, 133, 522, 555, 563, 568
Демидовы 554, 569, 622
Державин Г.Р. 314, 360, 477, 510, 516, 518
Державин И. 367
Дидо А. 443
Динерштейн Е.А. 438–439
Дмитриев И.И. 518
Дмитриев М.А. 336, 363
Добровольский А.С. 584
Добролюбов Н.А. 272, 283, 386, 400, 470–471, 483, 521
Добужинский М.В. 434
Довнар-Запольский М.В. 193
Докучаев В.В. 181, 191, 281, 601–602, 619, 624
Долгомостьева М. 360
Долгорукий И.М. 578
Долгоруков Д.И. 520
Дондуков-Корсаков М.А. 511
Доре Г. 408
Дорошевич В.М. 504
Достоевский Ф.М. 279, 306, 406, 438, 470, 497, 534, 556
Драшусов А.Н. 150, 167
Дружинин А.Г. 510
Дружинин Н.М. 64
Дубасов И.И. 61–62, 602
Дубровин И.В. 418
Дубровский П.Л. 515
Дубяго Д.И. 292
Думова Н.Г. 624
Думнов В.В. 412
Дюкре-Дюмениль 392
Дягилев С.П. 505
Дядьковский И.Е. 146, 151, 268

Евгений (Болховитинов), митрополит 131, 395, 549, 550
Евреинова А.М. 345
Егоров Б.Ф. 563
Еготов И.В. 571
Екатерина II 22, 311–312, 315, 319, 365, 445, 459, 514, 516–517, 553, 559, 566–567, 570, 571
Екатерина Михайловна, вел. кн. 348
Екатерина Павловна, вел. кн. 337
Елизавета Федоровна, вел. кн. 344
Елпатьевский С.П. 190, 199
Енгельбах Ф.Ф. 517
Еремеев П.В. 290
Ермолов А.П. 544
Ершов А.С. 213–214, 223, 247
Есин Б.И. 507–509
Ефимович Л.Е. 56
Ефремов П.А. 556
Ефрон И.А. 413
Ешевский С.В. 531

Железнов Н.И. 270
Живов В. 331, 356, 362, 364
Животов Н.Н. 472
Жигульский З. 624
Жизневский А.К. 599, 602
Жирков Г.В. 435
Жиркова И.В. 407
Жихарев С.П. 439
Жомини А.А. 516
Жуковский В.А. 132, 134, 138 395–397, 447, 492, 518

Жуковский Н.Е. 181, 190, 290, 292, 591
Журавский Д.И. 208, 226

Забелин И.Е. 152, 597, 598, 618, 624
Заблотцкий-Десятовский А.П. 32, 169, 245
Завадовский П.В. 12
Заволжская Ю.И. 354
Загорский А.П. 260
Загорский П.А. 260, 273
Загоскин М.Н. 392, 404, 586
Заддер Н.К. 347
Зайончковский П.А. 186, 191, 195, 197, 199
Зайцева А.А. 389, 435, 440, 507
Закревский А.А. 524, 549
Закс Б. 561
Залуцкий А. 514
Залуцкий И. 514
Залуцкие 517
Западов А.В. 507
Зарудный С.И. 169
Засецкий А.А. 522
Засодимский П.В. 504
Затравкин С.Н. 196
Захарченко М.М. 362
Захарьин Г.А. 180
Звенигородский А.А. 433
Звягинцев Е.В. 66, 67
Зезина М.Р. 64
Зеленевский В.П. 112
Зеленецкий П.П. 123
Зеленый А.А. 596
Зельницкий Г.К. 477
Зеньковский В.В. 196
Зибер Н.И. 181
Зимняков В. 542
Зинин Н.Н. 164, 268, 284, 290, 292, 301
Зимин Н.П. 251
Зичи М.А. 432
Златовратский Н.Н. 382, 471
Знаменский П.В. 385
Зыряков А.Н. 524

Иаков, архиепископ 550
Иван IV, Грозный 513
Иванов А.А. 588
Иванов А.Е. 189, 195, 198–199, 251, 307, 310
Иванов Д.Л. 472
Иванов Е.П. 441
Иванова А.Д. 561
Иванова М.А. 561
Ивановский И.И. 170
Иваск У.Г. 563
Ивашковский С.М. 522
Иде И. 132
Измайлов А.Е. 391, 436
Иконников В.С. 180, 616, 621, 626
Иловайский Д.И. 596
Ильенков П.А. 290
Ильин А.А. 413
Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский 382
Иноземцев Ф.И. 164, 167
Иоанн Державин, священник 367
Иовский Л.А. 268
Иорданский Н.Н. 66–67
Иосаф I, патриарх 547
Исаков Н.В. 94, 587, 592
Исаков Я.А. 407, 416–417, 440
Италинский А.Я. 516

Каблуков Н.А. 225
Кавелин К.Д. 166–167, 169–170, 173, 182, 194, 198–199
Каган В.Ф. 197
Кайсаров А.С. 138
Калайдович К.Ф. 130, 395, 419, 440, 563
Калачов Н.В. 169, 536, 602
Калишевский А.И. 535, 562
Калмыкова А.М. 407, 561
Кандаурова Т.Н. 64
Канкрин Е.В. 42, 65, 202, 205, 211
Кант И. 152, 519
Канычкина Е.С. 621
Каптерев П.Ф. 54, 67
Карабанов П.Ф. 582, 623
Каразин В.Н. 126, 542
Каракозов Д. 46, 248
Карамзин А.Н. 450
Карамзин Н.М. 15, 61, 131, 133–134, 144, 147, 195–196, 319, 390–391, 395–396, 435, 448, 453, 455, 457, 492, 507, 512, 518, 575, 607, 622
Кареев Н.И. 250, 344, 351
Карелин В.А. 247
Карнович Е.П. 559
Карпачев М.Д. 511
Карпинский А.П. 289–290
Касаткин В.И. 556
Кассо Л.А. 182
Каспаринская С.А. 622–623
Катков М.Н. 185, 344, 466, 474, 475, 502
Каткова Н.М. 344
Каченовский М.Т. 130, 132–133, 144–148, 159, 167, 330, 487
Качони М. *см.* Каченовский М.Т.
Кеплер О. 532
Кеппен П. 117
Керн А. П. 327
Кесслер К.Ф. 181, 284
Кетчер Н.Х. 166
Кившенко А.Д. 407
Кизеветтер А.А. 193, 299–300
Киняпина Н.С. 245–246
Кириченко Е.И. 625
Кирсанова Р. 350, 364
Киселев П.Д. 204
Киттары М.Я. 212–213, 223, 228, 247
Кишкин Л.С. 436, 440
Кларин В.М. 315, 360
Клаус К.К. 268
Клевенский М.М. 560
Клейменова Р.Н. 436, 439–440, 508, 510, 559
Клеменц Д.А. 605, 617–618
Климов В.Я. 219
Клингер Ф. И. 12–13, 21
Клодт К.К. 430
Клочков В.И. 426, 442
Ключевский В.О. 161, 179–180, 187–188, 191, 193, 199, 292, 385, 525, 597
Клюшников В.П. 430, 504
Кнебель И.Н. 412
Княжевич Д.М. 76, 114
Князьков С.А. 62–63
Князькова Н.Г. 9
Ковалевская С.В. 345, 355, 357
Ковалевский А.О. 177, 180, 280–285, 288
Ковалевский В.И. 249
Ковалевский В.О. 280, 282, 297, 400
Ковалевский М.М. 180, 182, 194, 299
Ковалевский Н.О. 292, 296
Ковалевский П.М. 471
Коваленко С. 361
Ковалевский М.А. 292
Ковригина В.А. 9
Кожевников А.Я. 180
Козлов Н.И. 353
Козляков В.Н. 624
Кокорев В.А. 531, 533, 623
Кокшаров Н.И. 290
Колесов А.М. 212
Коломинов В.В. 508
Кольцов А.В. 404, 407, 492
Кольчугин И.Г. 418
Кольчугин Н.Н. 418
Кольчугины 394, 419
Комиссаров О. 248
Комков Г.Д. 508
Кон Ф.Я. 605–606, 625
Кондакова Т.И. 436
Кондырев П.С.
Кони Ф. А. 150, 491
Кононович С.С. 436
Константин Николаевич, вел. кн. 40, 544, 546
Константинов Н.С. 62–63

Коперник Н. 532
Корнилов И. 65
Коровин К.А. 617
Королев Ф.Н. 248
Короленко В.Г. 224, 240, 251, 407, 470, 483, 494, 505, 509, 529
Коростин А.Ф. 435
Корсаков В.Д. 196
Корсаков С.С. 180
Корсини К.И. 350
Корсунский И.Н. 362
Корф М.А. 175, 519–520, 559
Корф Н.А. 45–47, 65, 593
Корхов Л.М. 64
Корш Е.Ф. 508, 522, 532, 589
Корш В.Ф. 469, 475–476, 498
Корш Ф.Е. 180, 292, 298, 536, 589
Косачевская Е.М. 196
Костомаров Н.И. 173–174, 180, 182, 198, 453
Котляревский А.А. 181
Коханский В.И. 509
Кочетов А.Г. 406
Кошелев А.И. 533
Кошман Л.В. 64, 97, 247, 307, 362
Краевский А.А. 473, 492, 502
Крамской И.М. 529
Крафт Н.О. 207, 258
Кривенко С.Н. 509
Криницкий П.В. 372
Кронеберг И.Я. 159
Кропоткин П.А. 283, 331, 529
Крузенштерн И.Ф. 137, 516, 519, 542
Крупская Н.К. 341
Крылов И.А. 132, 416, 429, 517–518, 560
Крылов Н.И. 164, 167
Крюков Д.Л. 164, 166–167
Кубалов И. 511
Кугель А.Р. 442
Кудинов А.А. 122
Кудрявцев П.Н. 161, 164, 442, 623
Кузнецов А.К. 605, 625
Кузминская Т.А. 335, 360, 362
Кузьмин Н.Н. 245, 250–251
Кукольник Н.В. 392, 431
Куник А.А. 301
Куницын А.Г. 142, 157, 390
Куприянов В.В. 558
Купфер А.Я. 263–264, 268
Куракин А.Б. 543
Куркин С. 65
Курочкин В.С. 496, 504
Курочкин Н.С. 528
Куторга М.С. 161, 164, 217, 271
Куторга С.С. 164, 271, 517
Куфаев М.Н. 436–437, 443
Кушелев-Безбородко А.Г. 559, 609, 625
Кшесинская М.Ф. 349, 364
Кэссоу С.Д. 197
Кюхельбекер В.К. 392, 516

Лаверычев В.Я. 509
Лависс Э. 298
Лавров П.Л. 471, 528–529
Лавроский Н.А. 196
Лавуазье А.Л. 271
Лажечников И.И. 109–110, 436
Лазарев М.Т. 156
Лазаревский И.И. 441
Лаксман К.Г. 567
Ламберт К.А. 25
Ланговой Н. 246
Лансере Е.С. 434
Ланской С.Т. 531
Лапчинская В.П. 363
Лафонтен Ж. 392
Лебедев В.А. 336
Лебедев Д.П. 532
Лебедев П.Н. 191, 193
Левинсон-Лессинг В.Ф. 565, 571, 621–622
Леви-Стросс К. 621
Левкович Я. 508
Левшин В.А. 435
Ледерле М.М. 407
Лейбниц Г. 328
Лейкина-Свирская В.Р. 178, 190, 197–199, 246, 247, 250–251, 307
Ленин В.И. 557
Ленц Э.Х. 162, 164, 270, 272
Леопольдов А.Ф. 472
Лепехин И.И. 519
Лермонтов М.Ю. 138, 147, 151, 404, 407
Лермонтова Ю.В. 345
Лернер О.М. 497
Лесгафт Т.Ф. 180, 593
Лесков Н.С. 350, 407–408, 483
Летенков Э.В. 509
Леухин С.И. 404
Либерман А.А. 248
Либрович С.Ф. 437, 439, 441
Ливен К.А. 25, 27, 120
Лившиц С.Ю. 306
Линовский Я.А. 167
Липранди И.П. 545
Лисенков И.Т. 416, 440
Лисовский Н.М. 435, 437, 439, 457, 507–508, 510–511
Лисянский Ю.Ю. 519
Литвинова Е.Ф. 345
Литке Ф.П. 516, 625
Литов С.И. 418
Литтов И. 154
Лихачев Н.П. 612
Лихачев И.Ф. 619
Лихачева Е. 360
Лобанов-Ростовский Д.И. 516
Лобановы 149
Лобачевский Н.И. 82, 154–155, 159, 162, 165, 197, 268
Лобков А.И. 546, 582
Лодер Х.Ю. 146
Ломакин Н. 322, 361
Ломоносов М.В. 125, 128, 165, 180, 286, 336, 518, 557
Лонгинов М.Н. 556
Лопатинский Ф. 550
Лосев А.Л. 614
Лотман Ю.М. 196, 360, 511
Лохтин А.И. 262
Лугинин В.Ф. 281–282
Лукашевич А.О. 605
Лукашевич И.Я. 532
Лунин М.М. 161, 164
Любавин Н.Н. 247, 436
Любавский М.К. 193
Любимов Н.А. 183–184, 198
Люблинский С.Б. 436
Любощинский М.Н. 169
Ляйель Ч. 297
Ляпунов А.М. 270, 306

Магницкий Л.М. 22
Магницкий М.Л. 158
Мазурина Ф.Ф. 557
Маев Н.А. 483
Майков Л.Н. 180
Макарий (Булгаков), архиепископ 380
Маковский В.Е. 430
Максимов А.Г. 507
Максимов Е. 245
Максимов Е.Д. (М. Слобожанин) 221, 248
Максимович М.А. 32, 145, 549
Максин И.М. 250–251
Макушин П.И. 422–423, 441, 538
Макшеев З. 593
Малиновский А.Ф. 131, 572, 622
Малиновский Н.П. 363
Малицкий Г.Л. 576
Малинин Д. 118
Малыхин П.В. 111
Мальцев И.С. 218
Мальцев С.И. 218
Мамин-Сибиряк Д.Н. 386
Мамонтов С.И. 218
Мамонтовы 228
Манухин А.И. 404
Маракуев В.Н. 406
Мария Александровна, императрица 337–339, 344
Мария Федоровна, императрица 312–316, 320, 324–328, 331
Марковников В.В. 177, 181, 190, 247, 281
Маркс А.Ф. 298–299, 408–411, 432, 434, 438, 439
Мартынов И. Г. 426, 485

Мартынова-Понятовская Н.Г. 439
Мартыновы, братья 417
Марыгин Т.Е. 210
Мартьянов Н.М. 604–606
Маслов С.А. 333
Матвеев А.С. 513, 541
Маттеи Х.Ф. 129, 549
Матье А.К. 113
Межов В.И. 527, 560–561
Мезенин Н.А. 306, 625
Мезин Н.А. 246
Мекк К.Ф. фон 227–228
Меледин П. 524
Мельгунов С. 441
Мельников П.П. 207–208
Мельников-Печерский П.И. 404
Меморский К. 391
Менделеев Д.И. 163–164, 181–182, 190, 197, 234, 242, 250–251, 269, 272, 280–281, 283, 284, 289, 301, 400, 534, 591
Мерзляков А.Ф. 132, 144–147, 167, 196, 330
Мережковский Д.С. 408
Мертваго С.А. 323
Местр Жозеф, де 21
Мечников И.И. 177, 180, 193, 280–281, 283, 298
Миддендорф А.Ф. 301
Мижуев П.Г. 508
Миклашевский И. 224, 245, 249
Микулинский С.Р. 197, 306
Миллер В.Ф. 177, 180–181
Мильтон Дж. 409
Милюков П.Н. 187, 193–194, 250, 360
Милютин Д.А. 94, 353, 592
Милютины Д.А. и Н.А., братья 169, 216–217, 227
Минин К. 579
Миропольский С.И. 62
Михаил Павлович, вел. кн. 623
Михайлов М.Л. 436, 556
Михайловский Н.К. 406, 471, 528, 543, 563
Михайловский-Данилевский А.И. 518
Могильнер М. 364
Могилянский Н.М. 587, 617–619, 624, 625
Модзалевский Л.Н. 593
Можайский И.П. 65
Моженко Ю.А. 251
Мойер И.Ф. 134
Молешотт Я. 297, 400
Моммзен Т. 298
Монтескье Ш. 390
Мордвинов Н.С. 204, 523
Мордвинова О.А. 355
Морозов А.В. 402
Морозов И.А. 404
Морозов Т.С. 181
Морозова В.А. 229, 537
Морозовы 613
Мохначева П. 507, 511
Мочалов П.С. 166
Мудров М.Я. 112, 130, 144–146, 268, 522
Мудролюбов А.И. 113
Муравьев Н.М. 518
Муравьев М.Н. 12, 21, 128 – 130, 133, 148, 150, 523
Муравьева Е.Ф. 522
Муромцев С.А. 180, 182, 190
Муринов В.Я. 407
Муратов П.П. 589
Муратов М.В. 436, 438
Мусин-Пушкин А.И. 131, 418
Мусин-Пушкин М.Н. 114
Мусоргский М.П. 529
Муханов П.А. 532, 561
Мухин Е.О. 146, 268, 522
Мушкетов И.В. 289, 290
Мушкетов Н.В. 483
Мясников Г.И. 418, 440
Мясников А.Г. 418, 440, 450
Мятлев И.П. 430

Набоков В. 432, 441
Навои А. 516
Нагаева В.М.197
Надеждин Н.И. 130, 132, 145–146, 490
Надсон С.Я. 504
Найденовы 613
Накоряков Н.Н. 436
Наливкин В.П. 483
Нарежный В.Т. 391–392
Нарышкина Е.А. 335–336, 362
Насонкина Л.И. 196
Нащокин П.В. 452
Небольсин А.Г. 237, 246
Неволин К.А. 164
Невоструев К.И. 549
Некрасов Н.А. 348, 405–406, 470–471, 473, 492, 509
Некрасова Е.С. 535
Немирович-Данченко В.И. 228
Ненарокомова И.С. 622, 625
Неплюев И.И. 122
Неслуховский Ф.К. 110
Неустроев А.Н. 546
Нечаев-Мальцев Ю.С. 218, 229, 249
Нечаева В.С. 196
Нечкина М.В. 196
Никитенко А.В. 128, 162, 170, 270,293, 261, 307, 436
Никитенко Н.А. 543
Никитин С.Н. 289
Николадзе Н. 505
Николай I 29, 36, 84–85, 90, 93, 101, 128, 195, 197, 202, 204, 216, 245, 258, 313, 310, 331, 376–377, 459, 461, 478, 485, 519, 522, 543, 545, 553, 569, 576–578
Николай II 554
Николай Павлович, вел. кн. 623
Никон, патриарх 550
Нимейер 88
Новиков Н.И. 286, 387, 414, 418
Новосильцев Н.Н. 12, 126, 142, 156, 257
Ножин Д.Н. 528
Норов А.С. 40, 41, 531

Ободовский 88
Овсянников А. 121
Овсянников Н.Г. 440
Овсянников Ф.В. 180, 191, 281, 288
Овсянникова С.А. 625
Огарев Н.П. 151, 166, 400, 496, 535, 556
Огарков В.В. 621
Огрызко И.П. 401
Одоевский В.Ф. 29, 32, 63, 392, 429, 455, 530–532, 559, 584, 587–588, 623
Ожегов М.И. 499, 512
Озерецковский Н.Я. 12–13, 127, 137, 253
Озеров 518
Оленин А.Н. 517, 519, 559
Ольденбургский П.Г. 332, 338
Ольденбург С.Ф. 57
Ольденбург Ф.Ф. 57
Ольшанский П.А. 302
Орлов Б.П. 437, 439
Орлов-Давыдов В.П. 501, 557
Орловский А.О. 396
Осиповский Т.Ф. 152, 156, 268
Островский А.Н. 169, 471
Остроградский М.В. 278
Отто Н.К. 61–62
Очкин А.Н. 451

Павел I 317, 388, 445, 541–542, 553
Павленков Л.Н. 437
Павленков Ф.Ф. 297–298, 307, 400–401, 425, 437, 538
Павлов И.П. 191
Павлов М.Г. 133, 146, 151, 159, 204, 277
Павлов П.В. 198
Павлова Г.Е. 165, 197–199, 307
Павлович М.К. 622
Павловская Р.А. 354
Пазухин А. 66
Пайпс Р. 42, 65
Паллас П.-С. 519, 542, 567

Пальцев М.А. 196
Панаженко И. 117, 119, 121, 123
Панаев А.И. 155
Панаев И.И. 155
Панаева А.Я. 349, 364
Панины 544
Пантелеев Л.Ф. 498, 512
Пантелеевский Н.Н. 111, 123
Парамонова Н.Б. 440
Паррот Г.Ф. 134, 271
Пархоменко Т.А. 624
Пассек В.В. 151, 599
Пастухов Н.И. 470, 472
Паткуль М.А. 362
Паульсон И.И. 347
Пашков П.Е. 531
Пезаровиус П. 486
Пекарский П.П. 197
Пенго Н.П. 561
Первов П. 441
Перевощиков В. 110
Перевощиков Д.М. 146, 159, 272, 278, 301
Перов В.Г. 430
Перро Ш. 408
Перфильев В.И. 248
Песковский М. 363, 364
Петр I 125, 201, 403, 545, 548, 553, 565–566, 569, 572, 578, 596, 620
Петр III 553
Петров В.В. 66–67, 272–273
Петров И.П. 60
Петров Ф. А. 195, 197–198
Петровский 120
Петрушевский П.П. 284
Печаткин В.П. 452
Печаткин Е.П. 421
Пивоваров В.А. 543
Пигарев К.В. 196
Пиксанов Н.К. 149, 196
Пильгер В. 510
Пирогов Н.И. 38–39, 76, 81–82, 95, 114, 134, 162, 164, 170, 174, 197, 215, 264, 271–272, 294, 305, 306, 337, 400
Писарев Д.И. 283, 400, 471, 504, 521
Писемский А.Ф. 169
Плавильщиков В.А. 394, 416, 525, 560
Плаксин В.Т. 436
Платон (Левшин), митрополит Московский 536, 549, 551
Платонов С.Ф. 193
Плетнев П.А. 162, 270
Плещеев А.Н. 228, 556
Плисов М.Г. 142, 157
Плюшар А.И. 396
Плюшар А.А. 388, 396, 525, 560
Плюшары 394, 396, 436
Плюшкин Ф.М. 563
Победоносцев К.П. 53, 184–185, 199
Погодин М.П. 128, 130, 133, 135, 146, 148–149, 161, 164, 179, 292, 391, 455, 520, 557, 583–584, 586
Пожарский Д. 579
Поздняков Н.Н. 624
Ползунов И.И. 581
Полевой Д.И. 418
Полевой Н.А. 131, 391, 447, 453, 454, 456, 480, 508
Полевой П.И. 418
Поленов А.Д. 218
Поливанов В.Н. 602
Поливанов Л.И. 343
Политковский Ф.Г. 129, 132
Половцев А.А. 185
Половцов В. 63
Полонский Я.П. 169
Полторацкий С.Д. 533, 555
Полуденский М.Н. 556
Полунина Н. 623
Поляков М.Я. 196
Поляков Н.П. 401
Поляков С.С. 216
Помяловский Н.Г. 378, 386, 543
Пономарева В.В. 9, 360, 363
Попов А.Н. 169, 179
Попов А.П. 598
Попов А.С. 193
Попов В.С. 517
Попов Д.П. 517
Попов И.В. 457
Попов Н.А. 227
Попова О.Н. 400
Порошин В.С. 164
Поршнев Г.И. 436
Потанин Г.Н. 282
Потебня А.А. 177, 181, 483
Потемкин-Таврический Г.А. 542, 568
Потоцкие 543
Потоцкий И. 549
Потоцкий С.О. 12, 76, 80, 84, 114, 118, 152
Почебут М. 271
Пошка Д. 577
Прейс П.Н. 161
Преображенский И.В. 63–64, 375, 386
Преображенский П. 551
Прокопович Ф. 549
Прокопович-Антонский А.А. 132, 145–146, 167
Прокофьев В.И. 246, 249
Прокудин Ю.Н. 196
Простяков И.Г. 615
Прохоров Т.В. 205–206, 209, 328
Прохоров Я.В. 212
Прохоровы, братья 210, 233, 246–249, 328–329, 362
Прядкин С.Н. 111
Прянишников Д.Н. 224
Прянишников Ф.И. 588
Пудовкина Е. 440
Путятин Е.В. 174
Пушкин А.С. 132, 134, 155, 157, 392, 396, 397, 398, 404, 407, 410–412, 416, 429, 435–436, 438, 440, 447, 450, 452, 456, 488, 492, 508, 511, 532, 535, 536, 560, 620, 623
Пушкин В.Л. 395
Пушков В.П. 561
Пыляев М.И. 440
Пыпин А.Н. 173, 182, 269, 521
Пятковский А.П. 508

Равикович Д.А. 602, 624–625
Равич Л.М. 563
Радищев А.Н. 401, 411, 418, 488, 611
Радклиф 392
Раев А.П. 537
Раевский Н.Н. 138
Разгон А.М. 623–625
Разин А.Е. 302
Разумовский А.К. 21, 78, 542, 566
Ранке Л. 163
Рамбах А. 559
Рассудовская Н.М. 437
Рачинский С.А. 44, 301
Ревильон Ж. 389
Редкин П.Г. 164, 166, 167, 180
Рейтблат А. 441, 511–512
Рейнгард Ф.Х. 132
Рейнгардт Х.Н. 517
Рейсс Ф.Ф. 132
Реклю Э. 300
Рембо А. 298
Рене-Семен А.И. 389
Репин И.Е. 407, 529
Ржевский В.К. 142
Ржевусские 559
Рижский И.С. 152, 156
Рикардо Д. 298
Риккер К.Л. 298
Рикорд 519
Римский-Корсаков Н.А. 529
Риттер К. 307
Рихтер А. В. 522
Рихтер В. 146
Робер А.И. 121
Ровинский Д.А. 434, 533, 611
Родионов А.Л. 532
Рождественский С.В. 22, 60, 62–67, 120, 195

Рожкова Э.Е. 195
Розанов И.Н. 443, 560
Романов Б.Н. 194
Романов Н.И. 589
Романович А.П. 483
Романовский Е.О. 543
Рубакин Н.А. 299, 307, 401, 411, 497, 498, 499, 512, 528, 562
Рудаков В. 121–122
Руднева О.С. 561
Рулье К.Ф. 165–167, 197, 268, 286, 292, 301
Румовский С.Я. 12, 13, 137, 152, 154, 253
Румянцев Н.П. 394, 395, 428, 523, 530, 542, 574–575, 577–578, 623
Рунич Д.П. 22, 158
Руск Л. 515
Русова С. 507
Рыкачев М.А. 305
Рылеев К.Ф. 392, 396, 401, 418, 447, 456, 490

Саади 516
Сабанеева Е.А. 310, 360, 364
Сабашников М. 400, 413
Сабашников С. 400, 413
Савич А.Н. 170
Савич А.П. 272
Савостьянов П.И. 531
Саврасов А.К. 430
Сазонов Н.И. 151
Сакулин П.Н. 300
Салаевы 412, 525
Салтыков-Щедрин М.Е. 471, 556, 559
Салтыковы 543
Самарин Ю.Ф. 169, 228
Самоквасов Д.Я. 180
Сандерс И. 428
Сандуков Н.Н. 146, 522
Сапеж 559
Сапожников А.П. 122
Сахаров А.М. 148, 196
Сахаров И.П. 555
Свастиков С.Г. 198
Свешников Н.И. 441
Свиньин П.Н. 138
Свиньин П.П. 573, 576, 622, 623
Севастьянов А.Н. 512
Севастьянов А.А. 624
Севергин В.М. 586
Северцов Н.А. 292, 301, 483
Секки А. 297
Селезнев И.Я. 360, 362, 363
Селивановский С.И. 394, 396, 428, 436, 525
Селифонтов Н.Н. 602
Семевский М.И. 557
Семен А. 428, 431
Семенников В.П. 435
Семенов А.А. 597
Семенов Д.Д. 342, 363
Семенов П.П. (Тян-Шанский) 169, 275, 278, 282, 306–307, 612
Семирадский Г.И. 597
Сенковский О.И. (барон Брамбеус) 392, 396, 397, 398, 454–455, 457, 489
Серафим Глаголевский 375
Сербов Н.И. 62–63
Сергеевич В.И. 177, 180
Сергей Александрович, вел. кн. 344
Сергей Краснопевков 367, 371
Сергий Радонежский 550
Середонин С.М. 63
Серно-Соловьевич Н.А. 401, 421
Серополько О.Н. 562
Сеченов И.М. 180, 192, 268, 278, 280, 281, 283, 286, 290, 292, 307, 593
Сибирцев Н.М. 602
Сиверс Е.К 25
Сиверс Э.Э. 120
Сиверс Я.Е. 559
Сидоров А.А. 431, 439, 442–443
Сидорова О. 346
Симони П.К. 436, 441
Симонов И.М. 156, 164
Сирин Е. 552
Симсонди Ж. 298
Скальковский А.А. 599
Скачков К.А. 532
Скворцов И.В. 363
Склабовский А.В. 153
Склифосовский Н.В. 180, 190
Скуридин Н.С. 107
Славинский М.И. 110
Сленин И.В. 395, 396, 436
Слепцов В.А. 512
Слобожанин Н. 48, 66
Словцов 84
Слудковская И.А. 66
Смеренков А. 63
Смирдин А.Ф. 394, 397, 398, 416, 417, 426, 436, 440, 452, 456, 457, 525, 526, 560
Смирнов А.В. 602
Смирнов Н.П. 554, 560, 563–564
Смирнов-Сокольский Н.П. 397
Смирнова-Россет А.О. 361
Смит А. 157, 209, 298, 390
Смолич И.К. 386
Смышляев Д.Д. 472
Снегирев И.М. 130, 149, 195, 419, 437, 523
Снядецкий Я. 271
Собольщиков В.Н. 520, 521
Советкин Д.К. 223, 249
Сойкин П.П. 298, 300, 400
Сокальский Н.П. 506
Соколов А. 123
Соколов Е.Т. 515
Соколов Н.Н. 301
Соколовский В.И. 472
Сокуров Ф.И. 557
Солдатенков К.Т. 228, 297, 298, 299, 402, 437, 533, 557, 563, 611
Соллогуб В.А. 429
Солнцев Ф. 408, 432
Соловьев В.С. 181
Соловьев Д.Н. 121
Соловьев М.Ф. 142
Соловьев С.М. 147, 161, 167, 170, 174, 180, 184, 191, 199, 292, 299, 595, 597
Соловьев С.Ф. 520
Соловьев Я.А. 169
Сомов К.А. 434
Сопиков В.С. 517, 519, 559
Сорокин В.В. 196
Сохацкий П.А. 132
Спасович В.Д. 160, 197, 270, 298
Спасский М.Ф. 164, 167, 272
Сперанский М.М. 25, 36, 64, 75, 120, 136, 157, 167, 366–368, 372–373, 385, 520, 541
Спецура А.Ф. 110
Спешнев Н.А. 472
Спиридонова Т.П. 624
Срезневский И.И. 161, 181, 198, 292, 419
Сталева Т. 441
Сталь де 392
Станиславский К.С. 228, 613
Станкевич Н.В. 148, 151
Станько А.И. 508, 510
Станюкович Т.В. 621
Стасов В.В. 443, 520, 560, 610, 617, 623
Стасова Н.В. 351, 355
Стасюлевич М.М. 182, 270, 543
Стаферова Е.Л. 386
Стебут И.А. 224, 231
Стемпковский И.А. 580, 581
Стефанович В.П. 562
Стойкович А.И. 152
Столетов А.Г. 177, 191, 228, 281, 292, 591
Стороженко Н.И. 174, 180, 534
Сточик А.М. 196
Страхов П.И. 129, 132, 167, 330, 523
Стрельцов Е. 64
Стремоухов Н.С. 35

Строганов А.С. 517, 566
Строганов П.А. 12, 21, 126, 167
Строганов С.Г. 25, 120, 165, 210, 211, 582
Строев П.М. 131, 138, 148, 151, 395, 419
Струве В.Я. 134, 262, 301, 305
Струговщиков А.С. 517
Струминский В.Я. 62
Ступин А.Д. 412
Стурдза А.С. 22, 158
Суворин А.С. 410, 411, 432, 434, 439, 470, 498
Суворов А.В. 403, 514, 544
Сулина, епископ 543
Сумароков П.П. 477, 485
Сундиева А.А. 621
Суриков В.И. 407
Суслова Н.П. 350, 353
Сухово-Кобылин А.В. 169
Сухомлинов М.И. 81, 83, 117–120, 181, 558
Сухтелен П.К 516, 545
Сущий С.Я. 510
Сысоева Е.К. 9, 196
Сытин И.Д. 298, 299, 404, 405, 407, 411, 412, 438, 439

Таганцев Н.С. 177, 180
Таганцева Л.С. 343
Тараканова О.Л. 440, 441, 443
Тарасов Е.И. 196
Тарасов И.Т. 364
Тарновская П.Н. 354, 355
Тарутин А. 66
Твардовская В.А. 510
Тевяшов С.И. 535
Тенишев В.Н. 233
Теребенев И.И. 437
Терентьев П. 248
Тиблен Н.Л. 401, 469
Тилло А.А. 546
Тимирязев К.А. 179, 181, 190, 192, 224, 265, 277–278, 280–281, 286, 305–306, 529, 591–592, 608
Тимковский И.Ф. 20
Тимковский Р.Ф. 130, 144–146, 149
Тимм В.Ф. 429, 430
Титлинов Б.В. 375
Титов А.А. 563, 602
Титов И.И. 417
Титов С.И. 417
Титов Н.И. 417
Тиханов П.Н. 563
Тихо Браге 532
Тихомиров Д.И. 425
Тихомиров П.В. 63
Тихонравов К.Н. 442
Тихонравов Н.С. 174, 180–181, 192
Толстая Т.Л. 362
Толстой А.К. 404
Толстой Д.А. 46, 47, 49, 52, 98, 100–101, 117, 184
Толстой И.П. 51
Толстой М.В. 362
Толстой Л.Н. 6, 39, 43, 44, 45, 47, 51, 310, 406–408, 411–412, 472, 529, 532, 534
Толстой Ф.А. 418, 515, 554, 563
Толстопятов М.А. 179
Толстяков А.П. 437
Томашевич Н. 62
Третьяков С.М. 613–614
Третьяков П.М. 610–611, 613–614, 625
Третьяковы 228, 613, 619
Триниус К.А. 259
Тройницкий А.Г. 481
Трубецкие 149
Трубников К. 467
Трубникова М.В. 351
Тулупов Н.В. 411
Тургенев А.И. 131, 488, 516, 523
Тургенев И.С. 138, 151, 166, 471, 483, 526, 537
Тургенев Александр Ив. 138
Тургенев Андрей Ив. 138
Тургенев Николай Ив. 138, 149, 196
Тыркова А.В. 341, 343, 359, 363–364
Тышкевич Е.П. 577
Тюрин Е.Д. 584–585
Тютчев Ф.И. 138, 147, 149, 196, 492

Уваров А.С. 419, 555, 596, 597, 598, 600, 618
Уваров С.С. 27–30, 76–78, 80, 88, 120, 156, 157, 160, 164, 165, 195, 196, 258, 486, 489, 511, 517, 554, 559, 619
Уварова П.С. 600–601, 609, 624–626
Улитин Н.Н. 527
Улитины 525
Ульянов И.Н. 50
Ундольский В.М. 419, 532, 563
Унковский А.М. 169
Урусов А.А. 522
Усов С.А. 292, 298
Усов С.М. 245, 292, 300
Усов П. 466
Успенский Г.П. 152, 156
Успенский Д.И. 64
Успенский Н.В. 471
Устрялов Н.Г. 173
Уткин Н.И. 428
Ухалов Е.С. 509, 511
Ухтомский А.Г. 428
Ушинский К.Д. 39, 44, 47, 169, 216, 247, 324, 348, 400, 593

Фабрициус М.П. 612
Файнштейн М.Ш. 507–508
Фальборк Г.А. 57, 66–67
Фаминицин А.С. 179, 281, 285, 288–289
Фандер Флит И.В. 406
Фармаковский В. 63
Фатигарова Н.В. 621–622
Федоров В.А. 196
Федоров Е.С. 289
Федоров Иван, первопечатник 552
Федоров Н.Ф. 589, 620, 625
Федченко А.П. 483
Федотов П.А. 430
Фелицын Е.Д. 599
Фельдман Е. 441
Феофилакт (Русанов) 373
Ферапонтов И.Ф. 418
Ферлюдин П.И. 197
Фет А.А. 169
Фигнер В. 322–324, 336, 346, 361, 363, 364
Филарет (Дроздов) 18, 22, 374, 376, 531, 547
Филатов Н.Ф. 180–181
Филимонов Г. 623
Филомафитский А.М. 164, 167, 271
Философова А.П. 351, 355
Фиордуси 516
Фишер Г.И. 586
Фишер С.Н. 322, 343–344
Фишер Вальдгейм, фон Г.И. 131–132, 276
Флиер А.Я. 622
Формозов А.А. 621–623
Фортунатов Ф.Ф. 112, 117, 119–120, 123, 292
Фохт К. 400
Фрадкина З.Л. 560
Франк И.В. 523
Франк И.П. 270
Френ У.Д. 517
Френ Х.Д. 155, 260, 268
Фролов А.И. 621–622, 623
Фролов К.Д. 581
Фролов П.К. 516
Фукс К.Ф. 155, 196
Фус Н.И. 12–13, 71, 127, 137, 253

Хан М.А. 301–302
Ханукаева И.В. 561
Харузина В.Н. 322, 326–327, 332, 341, 349, 356–357, 361–362, 364

Хафиз 516
Хлудов А.И. 550, 557
Хлапонин 542
Ходнев А.И. 272, 507–509
Хорошилова Л.Б. 94, 245, 360, 363
Хотяков Я.И. 437
Христофорова Н.В. 363
Хрусталев О. 523
Худяков П.К. 250

Царский И.Н. 555, 557
Цветаев И.В. 191, 584, 589
Цветаев Л.А. 130, 144–146
Цветков И.Е. 611
Цветкова Е.И. 561
Ценковский Л.С. 179, 284
Цераский В.К. 267, 292

Чаадаев П.Я. 129, 138, 149, 511
Чайковский П.И. 620
Чалидзе В. 442
Чарнолусский В.И. 54, 57, 61–63, 66–67
Чарская (Чурилова) Л. 322, 360–361
Чарторыйские 559
Чарторыйский А.А. 12, 126
Чеботарев А.Х. 130
Чеботарев Х.А. 129, 212, 522
Чебышев П.Л. 169, 179, 269–270, 278, 292, 301, 306
Чепелевский Н.И. 596
Черейский Л.А. 440
Черепнин А. 527
Черепнин Н.П. 360–361
Черкасский В.А. 169, 532
Чернышев Ф.И. 289
Чернышевский Н.Г. 216, 247, 283, 386, 400, 459, 470–471, 483, 508, 521
Чернов Д.К. 241, 289
Черняев В.М. 153
Черняев Ю.Н. 196
Чертков А.Д. 535
Чертков В.Г. 411
Чертков Г.А. 535, 536
Черткова В. 341
Ческий И.В. 428
Чехов А.П. 327, 407, 408, 412, 439
Чехов Н.В. 43, 50, 64–66, 442
Чижов Д.С. 270
Чижов Ф.В. 142, 214–215, 218, 248
Чистович И.А. 374, 386
Чихалев А.И. 524
Чичагов П.В. 546, 569
Чичерин Б.Н. 169, 180, 182
Чудинов А.Н. 494
Чумиков А. 363
Чупров А.И. 192, 228, 231

Шаблиновский В.К. 120
Шад И.Г. 152
Шаден И.М. 522
Шаликов П.И. 391, 477
Шарапов П.Н. 402, 404
Шарапов С.Ф. 497
Шарский И.Н. 546
Шатобриан Ф.Р. 392
Шаузель-Гуффье М.Г. 517
Шахматов А.А. 292
Шахматов И.И. 285
Шаховской 343
Шаховской А.А. 560
Шаховской Д.И. 57, 509
Шевченко М.М. 195
Шевченко Т.Г. 430
Шевырев С.П. 133, 138, 151, 162, 167, 584
Шелгунов Н.В. 44, 400, 437, 471
Шелгунова А.П. 436
Шеллинг Л. 163
Шервуд В.О. 597
Шереметев С.Д. 510, 546
Шереметев П.Б. 566
Шереметевы 544
Шерер 330
Шестаков П. 65–66, 117
Шибанов П.В. 427
Шибанов П.П. 427, 441–443
Шибанова А.Н. 354
Шилов Ф.Г. 442–443
Шиндина А.Б. 443
Ширинский-Шихматов А.П. 122, 343
Ширяев А.С. 416
Шихова Е.М. 251
Шишков А.С. 24, 26, 84–85, 120, 375, 487
Шлецер Х.А. 77, 132, 522
Шкаратан О.И. 511
Шлоссер Ф. 400, 408
Шляпкин 543
Шмид Е. 117, 119
Шмит Ф.И. 621
Шмурло Е.Ф. 194, 250
Шнейдер В.В. 150
Шнор И. 428
Шопенгауэр 410
Шпак А.П. 441
Шредер Ф. 511
Шторм И.В. 612
Шторх 120
Шувалов И.И. 125, 522, 543, 566
Шульгин В.С. 64
Шульгин И.П. 324
Шумахер П.В. 504
Шумигорский Е.С. 360
Шухов В.П. 241–242

Щапов А.П. 385
Щеблыгина И.В. 9
Щеглов В.В. 563
Щеглов Н.П. 270
Щепкин Д.М. 169
Щепкин М.П. 66
Щепкин М.С. 166
Щербатов Г.А. 30
Щербацкий Т. 551
Щетинина Г.И. 185, 197–199, 286, 306–307
Щукин П.И. 557, 598, 607–608, 615
Щукин С.И. 614
Щукины 613, 619
Щуровский Г.Е. 179, 268–269, 278–279, 293, 591

Эверс И.Ф. 130–131, 134
Эймонтова Р.Г. 197–198
Энгельгардт А.Н. 421
Энгельгардт А.Н. 282, 290, 301
Эрисман Ф.Ф. 180–181

Юдин Г.В. 557
Юм Д. 298
Юргенсон П.И. 413
Юровский В.С. 510
Юрьев С.А. 169
Юсупов Н.Б. 566, 586
Юсупова Т.В. 314
Юхневич М.Ю. 624

Яблочков П.Н. 591
Ягич И.В. 292
Языков Д.И. 516
Языков Н.М. 132, 492
Якоб Л.Г. 152
Якоби Б.С. 542
Яковлев Е.Я. 402
Якушкин Е.И. 528, 561, 563
Якушкин И.Д. 129, 528
Янжул И.И. 181, 231, 238, 250–251
Янкович де Мириево Ф.И. 10, 119, 522
Яновский К.П. 81, 117–120, 123
Янсон 543
Ясинский В. 551
Яхонтов С.Д. 602

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Е.К. Сысоева. Народная школа 10

Т.Н. Кандаурова. Гимназии 68

Ф.А. Петров, Д.А. Гутнов. Российские университеты 124

Л.В. Кошман. Профессиональное образование 200

М.С. Бастракова, Г.Е. Павлова. Наука: «ученые средства» и «ученые силы» 252

Л.Б. Хорошилова. Женское образование и воспитание 308

В.А. Федоров. Духовная православная школа 365

О.В. Андреева. Книжное дело 387

Л.Д. Дергачева. Периодическая печать 444

З.В. Гришина, В.П. Пушков. Библиотеки. Накопление и использование книжных богатств 513

А.А. Сундиева. Музеи 564

Список иллюстраций 626

Указатель имен 629

21

Зав. редакцией
Г.М. Степаненко

Редактор
Т.М. Ильенко

Художественный редактор
Ю.М. Добрянская

Оформление художника
В.В. Гарбузова

Технический редактор
З.С. Кондрашова

Корректоры
А.В. Яковлев, Н.И. Коновалова, Т.И. Алейникова

Верстка и иллюстрации
В.В. Пономарева

Изд. лиц. 040414 от 18.04.97 г.

Научное издание

ОЧЕРКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XIX ВЕКА

Том 3
Культурный потенциал общества

Подписано в печать 19.06.2001.
Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
Бумага офс. № 1. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 40,0. Уч-изд. л. 41,65.
Тираж 2000 экз. (1-й завод 1-1000 экз.).
Изд. № 6992. Заказ 7367.

Ордена «Знак Почета»
Издательство Московского университета.
103009, Москва, Б. Никитская ул., 5/7.

Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНИТИ.
140010, г. Люберцы Московской обл.,
Октябрьский пр-т, 403. Тел. 554—21—86